STUDIA HISTORICA

В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 63.3(2)41Я73
П 31

Федеральная программа книгоиздания России

П 31 **В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский**

Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Знак, 2004. – 416 с. – (Studia historica).

ISSN 1727-9968
ISBN 5-94457-107-1

Учебное пособие представляет собой последовательное изложение древнейших этапов истории России – от эпохи заселения пространств Северной Евразии до времени сложения Древнерусского государства и становления его христианской культуры, крещения Руси. Содержание исторических процессов, особенно в догосударственную эпоху, во многом определяла история народов – этносов, этнические связи объединяли и разделяли те многочисленные народы, которые обитали на территории нынешней России и в прилежащих землях. Авторы сосредоточиваются на узловых событиях этнической истории Евразии – формировании и дифференциации крупных этноязыковых общностей: в центре их внимания оказывается проблема происхождения индоевропейцев и носителей других языковых семей, соотношение скифского этноса и скифской культуры, распространившейся во всем степном поясе Евразии, эпоха Великого переселения народов, приведшая к расселению тюрков и славян, наконец, сложение древнерусской народности в пределах Древней Руси. Готы и гунны, варяги и хазары, их роль в сложении этнических и государственных культур, наследие древних традиций рассматриваются на страницах книги. Особое внимание уделяется методам исторических реконструкций этнических процессов в дописьменную эпоху и проблемы комплексных междисциплинарных исследований в отношении эпох, освещенных письменными источниками: отец истории Геродот и Нестор-летописец являются героями этой книги.

ББК 63.3(2)41Я73

В оформлении переплета использованы следующие материалы:
Славянские игрища (Миниатюра Радзивиловской летописи. XV в.);
Мифологическое существо (Чукотка, моржовый клык, 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.).

ISBN 5-94457-107-1

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Человечество издревле проявляет активный интерес к своему прошлому, стремится познать его. По мере развития цивилизации этот интерес приобретал все более осмысленный, целенаправленный характер. «Уважение к прошлому, — писал в 1830 г. А. С. Пушкин, — вот черта, отличающая образованность от дикости». А в его стихах та же мысль о неразрывной связи людей с их корнями выражена с большей ориентацией не на коллективное, а на индивидуальное восприятие прошлого, определяющее, по выражению поэта, «самостоянье человека»:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Помимо всего прочего, эти строки примечательны тем, что в них обнаруживается прямая перекличка между отношением отдельного человека к своим истокам и научным изучением прошлого, ибо здесь, по существу, названы два основных типа материальных свидетельств прошедших эпох — поселения и погребения. Памятники именно этих двух видов выступают в качестве главных объектов археологии и при отсутствии письменных свидетельств о том или ином периоде истории человечества служат основными источниками для воссоздания минувшего. Не менее важно, что мы находим здесь указание на преимущественный интерес человека к *своему* прошлому, на его стремление постичь в первую очередь историю своей семьи, своего рода, своей страны. Это вполне естественно, так как каждый индивид на любой исторической стадии всегда воспринимал и воспринимает себя как элемент некоего социального организма и сущность именно этого организма в первую очередь определяет формирование его ценностных ориентаций. Само по себе такое мироощущение, конечно, не заслуживает порицания. Хуже, когда подобное стремление оборачивается нарочитым возвеличиванием «своего» за счет принижения «чужого» либо причислением к «своему наследию» того, что в действительности таковым вовсе не является.

При обращении отдельного человека к минувшему на глубину по крайней мере нескольких поколений проблема выделения из общей массы тех памятников, которые связаны с его прошлым, как правило, не возникает: обычно у людей имеются довольно четкие представления о своих сравнительно недальних предках, о том, где они жили и где похоронены. Да и вообще образ жизни недавних поколений и связанные с ними события (т. е. в более общем плане — их культура и история) предстают в сознании их прямых, более или менее близких потомков

достаточно отчетливо, хотя, конечно, в различных конкретных случаях точность и детальность подобной картины могут существенно разниться. Но если речь идет о более отдаленном прошлом — об истории в собственном смысле слова, — индивидуальной или даже семейной памяти оказывается недостаточно и в качестве «родного пепелища» и «отеческих гробов» начинают фигурировать уже не семейные древности, а памятники, приписываемые *своему народу*. И вот здесь возникают вопросы, насколько определенным является данное понятие и по каким критериям может прослеживаться историческая преемственность и должны вестись поиски собственных исторических корней.

С древнейших времен каждый человек непременно ощущает себя членом некоей совокупности людей, которые воспринимают друг друга как имеющих общее происхождение и одновременно отличают себя от тех, кто принадлежит к иным подобным совокупностям. Такие совокупности именуются этносами, этническими общностями. Любая этническая общность характеризуется рядом как объективных, так и субъективных признаков, а изучением таких общностей занимается наука этнология. По словам известного отечественного теоретика этнологии академика Ю. В. Бромлея, этнос — это «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме)» [*Бромлей* 1983, 57—58]. Каждый этнос занимает определенную позицию и на синхронной оси — по отношению к другим одновременным ему этносам того же или иных иерархических уровней, и на оси диахронной — по отношению к связанным с ним единой линией развития этносам предшествующих и последующих эпох. В этнологии существует достаточно разработанная, хотя во многом и остающаяся дискуссионной, терминология, служащая для обозначения и синхронной иерархии этнических совокупностей разного уровня, и последовательных исторических этапов развития каждой из них.

Слово *народ*, строго говоря, не относится к этой терминологической системе, а является неким обобщенным понятием, заимствованным из бытовой лексики и прилагаемым к различным в синхронном и диахронном плане этническим совокупностям. Собственно, таким же понятием было и слово *этнос* в древнегреческом языке, где оно могло обозначать и народ в широком смысле, и «племя» в составе древнего народа, а во множественном числе — иные народы, отличные от греков, и т. п. [ср. *Поплинский* 1973; противопоставление собственного народа — *ся* — «варварам четырех сторон света» в древнекитайской традиции и т. п.: *Крюков* 1984]. Близкое значение имело слово *племя* в древнерусском языке, где оно могло означать и народ, и более узкий

коллектив кровных родственников — просто родню, семью, род. Соответственно, слово *род* также относилось в естественном, разговорном, языке к разным родственным коллективам, от семьи до группы родственных народов. В древнерусском и более древнем праславянском языке *народ* — это совокупность предков и «народившихся» потомков [ср. ЭССЯ. Вып. 22, 253—255; *Колесов* 1986, 19 и сл.].

В специализированном научном языке принята иерархия терминов, призванных обозначать соподчиненные понятия: *род* — это коллектив кровных родственников, включающий несколько семей; несколько родов, объединенных брачными связями, образуют *племя* или более широкую и аморфную общность, которую предлагают называть *соплеменностью*; на основе соплеменности, «союза племен» и т. п. формируется *этнос*, «народ» [ср. *Арутюнов* 1989]. Слово *народ* продолжает обозначать в естественном языке широкую совокупность предков и потомков. Именно в таком качестве оно употребляется и в тех случаях, когда в поисках собственных исторических корней человек или группа людей обращаются к прошлому «своего народа».

Сложность, однако, состоит в том, что на практике ответ на вопрос, что человек вправе считать принадлежащим к *своему* прошлому или, пользуясь словами Пушкина, какое именно пепелище — «родным», а какие гробы — «отеческими», далеко не всегда оказывается простым и однозначным. Трудности эти порождены не только субъективными причинами — сознательным или непроизвольным искажением истины, — но и сугубо объективными обстоятельствами, характером имеющейся в нашем распоряжении исторической информации.

«Характерная особенность этнических общностей, — писал тот же Ю. В. Бромлей [1983, 49], — ...состоит в том, что их непременным свойством является взаимное различение. Этносы — категория сопоставительная». Иными словами, само определение *границ* этноса осуществимо лишь при том условии, что он рассматривается на фоне иных подобных коллективов, т. е. в процессе сопоставления. Поскольку этносы выделяются (в том числе на диахронической оси) не по какому-то одному, а по целому ряду перечисленных выше признаков, следует остановиться на том, по каким критериям выявляется этноисторическая преемственность и как разные виды такой преемственности соотносятся между собой. К ним относятся прежде всего преемственности биологическая, языковая, культурная, этнонимическая, территориальная, политическая. Рассмотрим каждую из этих характеристик несколько подробнее.

Биологическая преемственность играет особую роль в массовых представлениях об этнических процессах. В бытовом сознании распространено мнение о прямом генетическом родстве — «родстве по крови» — между всеми представителями одного народа. Мнение это уходит корнями в глубочайшую древность.

Стремление к знанию собственных истоков, истории происхождения своего народа (а на более ранних стадиях — рода, племени), составляющее основу самосознания любого человеческого коллектива, в первобытном обществе, скрепленном почти исключительно сознанием своего кровного родства, генеалогической общности, выливалось в создание мифов об общих тотемических — зооморфных — предках. В этих, пусть достаточно примитивных, формах человечеству первоначально было задано чувство *истории*.

Естественно, что в догосударственную первобытную эпоху это чувство было ограничено родоплеменными рамками, а иноплеменники, инородцы воспринимались если не прямо как злые духи и колдуны, то уж во всяком случае как a priori враждебные дикари, не имевшие настоящей культуры, о чем «доподлинно свидетельствовали» их непонятный чужой язык и обычаи. Представления о кровном родстве были самым непосредственным образом связаны с племенной территорией, которая и воспринималась только как освоенная настоящими людьми (единоплеменниками) земля. Так, еще в традиции, донесенной русским летописцем Нестором, земля киевских полян — освоенное пахотное поле, — в границах которой располагалось место создания летописи (сам Киев), противопоставлялась земле древлян, живущих «в лесех, звериньским образом». В более архаических же традициях прослеживается даже прямое отождествление понятий *люди* и *мой народ*, тогда как все другие народы как бы причисляются (более или менее явно) к существам иной природы и о них существуют самые фантастические представления.

Привязанность к родной земле, «почве», воплощалась в мифах об автохтонах — хтонических существах, вышедших прямо из земли, из недр племенной территории и ставших первопредками ее обитателей. Не менее важной в идеологии древнего человека была вера в происхождение первопредков своего народа непосредственно от богов. Эти черты отчетливо прослеживаются, к примеру, в сохраненном Геродотом мифе о происхождении скифов (см. ниже *главу III*).

Представления о родстве, подлинном или мнимом, о единстве происхождения всех представителей того или иного народа надолго пережили этот мифологический взгляд и в несколько трансформированной, «рационализированной» форме присутствуют в нынешнем массовом отношении к этнической истории и этническим процессам, что служит, кстати, основной базой для представления о «чистоте» крови, о специфических биологических особенностях каждой нации. Разумеется, биологические родственные связи внутри какой-либо этнической группы в самом деле теснее, чем подобные связи между разными группами. Но все же противопоставление это оказывается до некоторой степени относительным.

Имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства о биологической связи людей имеют разную природу для разных эпох. На опреде-

ленную историческую глубину биологическая преемственность прослеживается благодаря генеалогической памяти: поименное знание нескольких поколений своих предков обеспечивает достаточно твердые представления на сей счет. Общеизвестно, однако, что глубина этой памяти не одинакова у представителей разных социальных слоев. Наибольшее внимание к своей генеалогии проявляют повсеместно дворянские роды, в чьей идеологии концепция «голубой крови» играет особую роль. Однако неоспорима субъективность и неполная достоверность подобных сведений: вспомним хотя бы драматические сюжеты многих произведений мировой литературы, построенные на внезапном обнаружении героем тайны своего рождения, связанной с нарушением супружеской верности кем-то из его родителей или более отдаленных предков. В других же социальных слоях вследствие меньшего внимания к семейной генеалогии и глубина памяти, и объем сохраняющихся в ней сведений оказываются существенно меньшими, а мера их достоверности еще более проблематичной.

Существуют, однако, объективные данные, позволяющие прослеживать биологическую связь поколений, к тому же вплоть до весьма отдаленных эпох. В археологии уже давно широкое применение получили методы исторической антропологии, позволяющие прослеживать родство популяций, обитавших в разное время и на разных территориях, по особенностям строения скелета — в первую очередь черепа. Обширные серии антропологических данных, обработанные с помощью методов математической статистики, позволяют получать достаточно репрезентативные и достоверные сведения как о биологической преемственности, так и о смешении разных этнических групп. В самое последнее время все более широко стали применяться в науке методы палеогенетики: анализ органических (в первую очередь костных) останков людей прошлого, в том числе весьма отдаленных эпох, позволяет выявить не только близость общих биологических характеристик определенной группы людей прошлого, но и прямое родство между ними [см. *Лимборская и др.* 2002].

Именно подобный объективный антропологический и генетический анализ со всей наглядностью показал, что концепция чистоты крови того или иного народа на протяжении продолжительных исторических эпох, как правило, представляет по существу не что иное, как исторический миф. Практически все народы, вышедшие на арену мировой истории (за исключением тех, которые в силу определенных исторических условий в течение каких-то отрезков времени существовали в полной изоляции), в той или иной степени смешивались со своими соседями. Особенно активно такое смешение происходило в ходе переселений или в процессе завоеваний. Интенсивность смешения бывала различной, и мера ее вполне поддается количественному выражению. Но самое важное, что скорость изменения биологических характерис-

тик той или иной совокупности людей может не совпадать — и, как правило, не совпадает — со скоростью изменения иных этнообразующих признаков — языка, культуры и т. д. Вследствие этого в пределах одной крупной современной этнической общности (например, русских) на разных территориях ее обитания обнаруживается известная вариативность антропологических характеристик, как вследствие смешения с аборигенным населением различных областей, постепенно осваивавшихся русскими по мере их расселения, так и в результате смешения с различными более поздними пришельцами (ср., например, антропологию русскоязычного населения в разных частях той обширной территории, на которую оно распространилось в ходе своего расселения). И все же современная наука с полным правом зачастую относит этих различающихся антропологически людей к одному этносу. Из сказанного следует, что переоценка биологического критерия при установлении этноисторической преемственности неправомерна, а его абсолютизация попросту реакционна, как открывающая путь лишенному научной базы расизму.

Поскольку в современной науке классификация этносов осуществляется в первую очередь по степени родства присущих им языков, особое значение при воссоздании этнической истории имеет критерий *языковой преемственности*. Классификация языков по своей природе иерархична: все они делятся на ряд крупных семей, каждая из которых включает ряд ветвей, в свою очередь подразделяющихся на более мелкие группы. В последние десятилетия большое внимание уделяется вопросу о принадлежности нескольких языковых семей к одному и тому же более крупному единству — макросемье. Вся эта иерархия отражает родство между языками, меру близости между ними и, соответственно, их генеалогию, процессы последовательного выделения и обособления новых языков. Поэтому родство языков свидетельствует об общих корнях их носителей. Однако языковая преемственность в разных случаях в различной мере согласуется с преемственностью биологической. Разумеется, та или иная популяция может воспринять новый язык, не родственный языку, свойственному ей раньше, лишь в условиях тесных контактов с людьми, уже говорящими на этом языке, с его прежними носителями, и более того — как правило, при включении носителей этого языка в свой состав. Однако истории хорошо известны случаи, когда в многоязычной, этнически неоднородной среде для возобладания одного из языков вовсе не потребовалось численного преобладания именно его носителей (для этого, к примеру, могло оказаться достаточным, чтобы они занимали в складывающемся новом обществе важные социальные позиции). В принципе соприкосновение двух этнических совокупностей, изначально принадлежавших к разным в языковом отношении группам, может в разных случаях приводить к принципиально различным результатам. Население определенной территории, оставаясь в массе своей биологическими потомками ее более ранних обитателей, в опреде-

ленных условиях усваивает язык не слишком даже многочисленных пришельцев и превращается в народ иной языковой принадлежности. Возможно, напротив, достаточно радикальное изменение антропологического облика обитателей некоей области, обусловленное интенсивным смешением с представителями иного этноса, при сохранении прежнего языка. Такова была, например, ситуация при расселении ираноязычных племен по территории Иранского нагорья или индоариев — по северным областям Индийского субконтинента: современные иранцы и индоарийские племена антропологически близки к доарийскому населению этих регионов, но их языки восходят к языкам, в конце II — начале I тысячелетия до н. э. проникшим сюда с севера.

При оценке роли языкового критерия в контексте проблемы этнической преемственности и воссоздания этнической истории необходимо к тому же иметь в виду, что применительно к обитателям огромных территорий на протяжении длительных исторических эпох мы попросту не располагаем данными об их языковой принадлежности и можем в лучшем случае пользоваться определенными — более или менее надежными — реконструкциями.

Зато важнейшими для изучения этих эпох являются данные об их *культурной* принадлежности. По существу для всей так называемой доисторической эпохи — до появления письменных свидетельств — мы наряду с палеоантропологическими данными располагаем исключительно археологическими материалами, памятниками материальной культуры. Существуют детально разработанные на основе систематического изучения массового археологического материала процедуры установления связей между разновременными обитателями разных — порой достаточно удаленных друг от друга — территорий. На этой основе удается с большей или меньшей надежностью прослеживать археологически древние миграции, процессы взаимодействия и даже смешения разных групп населения. Но и здесь мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что мера культурной преемственности может не совпадать с мерой преемственности языковой и биологической. Вновь приходится повторять, что использование любого из названных критериев, взятого в отдельности, недостаточно для утверждения, что нам удалось обнаружить «пепелища» и «гробы», являющиеся «родными» и «отеческими» для какого-то определенного народа последующей эпохи.

Важнейшим для воссоздания этнической истории является изучение *этнонимов*, ибо, как установлено этнологами и как отмечено, в частности, в приведенных выше словах Ю. В. Бромлея, одним из основных признаков этноса является свойственное ему самосознание, т. е. осознание, с одной стороны, своего единства, а с другой — своего отличия от всех прочих этносов; и это самосознание находит отражение в первую очередь в существовании особого самоназвания данного этноса. Однако изучение этнонимии также порождает определенные проблемы. Прежде всего не-

обходимо иметь в виду, что система этнонимов так же иерархична, как сама этническая структура общества: наряду с рядами наименований этнических общностей одного уровня всегда существуют их обобщающие наименования, в свою очередь образующие ряды более высокого ранга, и т. д. При работе с источниками, в которых запечатлена историческая этнонимия, чрезвычайно важно, принадлежит ли этот источник той же культурной традиции, что и зафиксированные в ней этнонимы, или же он инокультурен по отношению к ней; в последнем случае системность этнонимической иерархии зачастую может оказаться нарушенной. К тому же следует иметь в виду, что наряду с самоназваниями (эндоэтнонимами), т. е. именами, которыми обозначали себя сами члены этнических общностей, всегда существуют и иноназвания (экзоэтнонимы) — наименования, которые придавались определенным этническим совокупностям внешними, инокультурными, наблюдателями, и в инокультурных источниках само- и иноназвания зачастую смешаны. Более того, внешний наблюдатель мог зафиксировать в качестве этнонима некий термин, изначально вообще имевший не этническую, а какую-то иную природу (например, соционим — термин, обозначавший некую социальную категорию, наименование конфессиональной группы, просто прозвище, данное какой-то группе, чьи границы не совпадают с этническими, и т. п.), — это так называемые псевдоэтнонимы. Прекрасный пример псевдоэтноима и его развития представляет русское слово *немцы*. Изначально у древних славян и их потомков оно имело значение *немой*: человек, не говорящий на моем языке, воспринимался как вовсе лишенный языка. Не случайно Н. В. Гоголь характеризовал употребление этого слова в Малороссии в первой трети XIX в. так: «Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец». Конкретное этническое содержание — как иноназвание жителей Германии — оно приобрело постепенно, заменив в русском языке в этом значении и самоназвание Deutsche, и общеевропейское German, германец.

Вследствие всего сказанного вполне справедливым представляется замечание академика В. П. Алексеева [1986, 28—29], что «древние этнонимы имеют сложное происхождение... и понять, какой характер имеет то или иное название, фигурирующее в источнике, из самого источника чаще всего невозможно». Нужно также иметь в виду, что один и тот же термин на разных этапах своего бытования может менять функцию, переходить с одного уровня этнической иерархии на другой, превращаться из псевдоэтнонима в ино- или даже самоназвание либо претерпевать другие смысловые трансформации. Поэтому при комплексном исследовании вопросов этнической истории проблема соотнесения данных этнонимии со сведениями иной природы — антропологическими, лингвистическими, историко-культурными — достаточно

сложна, а порой и вообще не имеет решения в силу ограниченности имеющихся в нашем распоряжении данных.

Если перечисленные выше критерии этнической преемственности и не носят, как мы убедились, абсолютного характера, они все же отражают реальные связи между этническими совокупностями, в то время как два последних — *территориальный* и *политический* — подобной информации вовсе не содержат, хотя в бытовом сознании им зачастую ее приписывают. В самом деле, представители самых разных народов сплошь и рядом воспринимают как древности собственных предков *все* те памятники, которые располагаются на землях нынешнего обитания данного народа, вне зависимости от того, как давно они на эту территорию проникли и как в действительности рассматриваемые памятники датируются. Это — один из наиболее характерных примеров либо непреднамеренного заблуждения, вызванного недостатком этноисторических знаний, либо целенаправленной фальсификации с целью «обогащения» прошлого собственного народа. То же касается стремления приписать своим предкам все политические образования, некогда существовавшие на территории, заселенной неким народом лишь в последующие эпохи.

Все сказанное имело целью продемонстрировать два связанных с этнической историей момента. Во-первых, мы убедились, что этноисторические процессы отражаются в явлениях и фактах различной природы, зачастую эволюционирующих с неодинаковой скоростью, и абсолютизация какого-то одного фактора может привести к существенным искажениям реальной картины. Во-вторых, история любого народа всегда протекает в более или менее тесном взаимодействии с соседними народами, причем в разных сферах — биологической, языковой, культурной — это взаимодействие опять-таки проявляется с различной интенсивностью. Поэтому оценка любого современного народа как «особенно древнего» по сравнению с иными, столь часто встречающаяся в научно-популярных или публицистических сочинениях, по существу абсолютно неправомерна: его современные этнические характеристики наверняка восходят к *различным* народам прошлого. По-настоящему древними являются человечество в целом и его совокупное культурное наследие. Истинное назначение этнической истории как самостоятельной научной дисциплины состоит в изучении процессов взаимодействия различных народов в различные эпохи, меры и форм их участия в формировании новых этносов.

Исследование истории России, чьей наиболее яркой особенностью является многонациональный состав ее населения, в указанном ракурсе чрезвычайно актуально именно в наши дни, когда с небывалой остротой встали вопросы национального самосознания. Зачастую они включаются в арсенал политической пропаганды, причем сплошь и рядом без должного внимания к мере исторической обоснованности того или

иного утверждения, касающегося сферы этнической истории. В этих условиях особенно важны методические аспекты данной дисциплины, рассмотрение процедуры толкования данных различной природы и их согласования между собой с целью получения целостной достоверной картины.

В этой книге речь пойдет об истории народов России именно в описанном выше ключе. Предметом нашего рассмотрения будет не событийная канва этой истории, а вопросы формирования различных народов, их взаимодействия между собой, исчезновения с исторической арены и превращения в новые этносы. Авторы, безусловно, хотели бы избежать неравномерности в освещении истории разных народов, но вынуждены констатировать, что достигнуть этого практически невозможно. Причиной тому является не наша тенденциозность или пристрастия (хотя естественно, что авторы — скифолог и русист — опираются в первую очередь на материал, проработанный ими в ходе собственных иследований), а характер имеющихся в нашем распоряжении источников и неравномерность, неоднородность сохранившейся исторической информации. Напомним, что речь будет идти преимущественно о тех регионах, которые в рассматриваемую эпоху не знали письменности и чья история, если и освещена в письменных памятниках (причем фрагментарно и выборочно), то исключительно инокультурных. Далеко не одинаково представлены для разных периодов и регионов лингвистические, антропологические, археологические данные. По этим причинам воссоздать полную и целостную картину этнической истории народов, обитавших в древности и Средневековье на территории нынешней России, по существу невозможно, и это обстоятельство в значительной мере определило содержание книги, ее целевые установки. Мы посчитали целесообразным сосредоточиться в первую очередь на освещении тех *методов,* с помощью которых современная наука реконструирует этноисторические процессы, и тех *источников* по этнической истории народов России в древности и Средневековье, которыми мы располагаем. Разумеется, все эти сведения будут подкреплены наиболее наглядными примерами именно из тех разделов истории, которым данная книга посвящена.

Дальнейшему изложению необходимо предпослать и несколько предварительных замечаний о содержании и структуре книги. Хронологические рамки рассматриваемого в ней периода обозначены в заглавии как древность и раннее Средневековье. В качестве нижнего рубежа этого периода закономерно выступает время появления человека на территории современной России. Поскольку граница между ранним и развитым Средневековьем в известной мере условна и неоднозначно трактуется в истории разных регионов, в качестве верхней временной границы выбрано такое важнейшее событие в истории многих народов Восточной Европы, как завершение образования Древнерусского государства —

Киевской Руси. Поскольку речь идет об исторических эпохах, когда России как этнополитического образования, естественно, не существовало, отнесение народов, этническая история которых является предметом нашего рассмотрения, к числу народов России, конечно, условно. Если же принять во внимание, что со времени его сложения до наших дней границы данного образования были довольно подвижны, претерпевали постоянные изменения как в сторону расширения, так и сужения, в известной мере условными оказываются и границы рассматриваемой территории. Мы сочли наиболее целесообразным сосредоточить свое внимание в основном на территориях, входящих в границы современной Российской Федерации, что, разумеется, не исключает постоянного обращения к материалам, выходящим за эти пределы, — в силу неразрывности многих этноисторических процессов, протекавших в рассматриваемые эпохи на указанной территории и в смежных областях.

Авторы признательны коллегам за полезные замечания и поправки, касающиеся разных разделов книги, — Т. М. Калининой, С. В. Кулланде, Я. А. Шеру.

Глава I

ИСТОЧНИКИ И МЕТОДЫ ВОССОЗДАНИЯ РАННИХ ЭТАПОВ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПИСЬМЕННОЙ И БЕСПИСЬМЕННОЙ ЭПОХ

Воссоздание этноисторических процессов, в той или иной мере освещенных письменными — нарративными и иными — источниками, с одной стороны, и аналогичных процессов, протекавших в дописьменную эпоху или на территории, по тем или иным причинам не попавшей в поле зрения ни одной из письменных цивилизаций, — с другой, представляют собой, естественно, принципиально различные исследовательские процедуры. Если мы располагаем вербальными свидетельствами, содержащими данные — пусть даже минимальные — о названиях древних народов, о занимаемой этими народами территории, об их соседях (или даже о взаимоотношениях с ними) и т. п., наша задача состоит главным образом в критическом анализе этих свидетельств, в проверке меры их достоверности (в том числе путем сопоставления с данными иной природы, о которых речь пойдет ниже). При этом порой может оказаться, что картина, засвидетельствованная — пусть даже достаточно подробно — вербальной традицией, весьма существенно отличается от той, которую удается реконструировать в результате аналитического использования всей совокупности имеющихся данных. И все же воссозданная в итоге этой источниковедческой работы этническая история изучаемого региона в интересующее нас время в очень большой степени будет опираться на вербальные данные.

Однако, как уже было отмечено во введении, значительная часть освещаемого в этой книге периода относится к дописьменной эпохе и необходимую нам этноисторическую информацию мы можем почерпнуть лишь из источников совершенно иного характера. При всем их разнообразии единственное общее требование, которое мы должны предъявлять к ним, состоит в том, чтобы в них находили отражение те этноразличительные признаки, о которых было сказано выше. Тогда сопоставление всех имеющихся указаний на этот счет все же позволит реконструировать более или менее развернутую этноисторическую картину, как статичную — для какого-либо конкретного момента истории, так и динамичную — освещающую течение этноисторических процессов.

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ. АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ

Основной интересующей нас в этой ситуации категорией источников являются материалы, получаемые при археологических раскопках. Сохраняющиеся в земле материальные следы человеческой деятельности прошлых эпох и костные останки самих людей позволяют получить данные о культурных и биологических характеристиках той или иной популяции и о ее соотношении с другими синхронными ей популяциями того же таксономического уровня. О значении выявления биологической преемственности по антропологическим данным, как и о недостаточности одних этих данных, уже говорилось во введении. Сейчас необходимо подробнее поговорить о методах работы с культурными остатками прошлого. Итоги длительной разработки методов систематизации таких остатков и их использования в исторических (в том числе этноисторических) исследованиях нашли выражение в формировании и осмыслении понятия «археологическая культура». Существует множество в чем-то сходных, а в чем-то различающихся между собой ее определений (последнюю сводку литературы по этой проблеме см.: [*Ковалевская* 1995]). Отсылая интересующихся вопросом о сущности и мере этих расхождений к специальной литературе, остановимся лишь на том, что имеет прямое отношение к тематике данной книги.

В обобщенном виде археологическую культуру можно определить как совокупность археологических памятников, расположенных на определенной, более или менее четко ограниченной, территории, относящихся к одному и тому же временному отрезку (большей или меньшей продолжительности) и объединенных между собой рядом характерных признаков (по которым они в то же время отличаются от иных синхронных им памятников смежных территорий). В конечном счете в этом наборе сходств и различий системно отражаются существовавшие некогда связи между группами людей, оставивших эти памятники. Поскольку природа и интенсивность подобных связей была различной, информационная значимость, или вес, различных признаков с точки зрения их пригодности для выделения некоей археологической культуры и для причисления к ней тех или иных памятников также оказывается разной. Так, распространение на более или менее обширной территории однотипных предметов утилитарного назначения может объясняться их функциональными достоинствами, обеспечивающими быстрое усвоение подобных орудий, предметов вооружения и т. п. представителями разных популяций; поэтому границы ареалов подобных предметов зачастую совершенно не совпадают с границами археологических культур. Иную природу имеет единообразие культурных признаков, не связанных напрямую с прагматикой, а относимых, условно

говоря, к традиционной культуре древнего населения: черты погребального обряда (устройство могильного сооружения, ориентация самого погребения, набор непременных компонентов погребального инвентаря и т. д.), форма сосудов, предметов личного убора и т. п., а также характер их орнаментации, конфигурация жилищ и другие признаки. По существу, именно в этих чертах, обладающих не только и не столько утилитарной, сколько знаковой природой, в высокой степени отражается самосознание определенной совокупности людей — мера осознания ими своей близости друг к другу и своего отличия от представителей иных совокупностей. Но следует иметь в виду, что даже при наличии определенного сходства между разными памятниками по многим перечисленным и подобным им признакам степень близости между ними может существенно колебаться, и потому в последнее время все более широкое распространение получает исчисление ее количественных показателей с применением методов математической статистики.

Выявленная таким образом совокупность памятников, достаточно тесно связанных между собой по значительному числу существенных признаков, и причисляется к одной археологической культуре, получающей в науке определенное условное наименование. Такое наименование может быть, к примеру, производным от названия одного из принадлежащих к данной культуре памятников (например, волосовская культура — по стоянке неолитической эпохи у с. Волосово в бассейне р. Оки), причем основания для выбора подобного эпонимного, т. е. давшего название культуре, памятника бывают разными: он может рассматриваться как наиболее типичный или особенно выразительный либо быть одним из первых найденных памятников подобного типа и т. д. Иногда культуру называют по зоне ее распространения (к примеру, среднедонская культура раннего железного века) или по какой-либо особенно характерной черте присущих ей памятников, чаще всего, хотя и не обязательно, погребальных (таковы катакомбная и срубная культуры эпохи бронзы в южной части Восточной Европы, названные так по особенностям конструкции характерных для них могильных сооружений). При всей условности таких наименований эта система номенклатуры оказывается единственной, служащей нам для обозначения групп населения далеких бесписьменных эпох, ибо их самоназвания или даже иноназвания, приданные им соседями, для нас не сохранились.

Как правило, при всей близости отнесенных к одной археологической культуре памятников удается проследить и их принадлежность к разным стадиям в истории этой культуры, т. е. сама она предстает перед нами в динамике, как живой, эволюционирующий организм. С другой стороны, зачастую выделяются и совокупности памятников более низкого таксономического уровня, именуемые локальными вариантами определенной археологической культуры и отражающие существование в прошлом каких-то более мелких подразделений общества.

Систематизация археологического материала позволяет выявить и совокупности более высокого уровня, включающие по несколько археологических культур, сходство которых между собой оказывается более высоким, чем с другими культурами той же эпохи и того же региона. Такие крупные совокупности именуют обычно культурно-историческими общностями (или областями).

Несмотря на то, что археологическая культура в известной мере искусственный конструкт, применяемый исследователем в процессе систематизации древних памятников, набор признаков, сближающих между собой одни комплексы и одновременно позволяющих отличать их от других, принадлежащих к иным культурам, объективно отражает существование в изучаемое время определенных групп населения, особенно тесно связанных между собой, а точнее — иерархичную систему таких групп. Вопрос, однако, состоит в том, какова их природа.

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ЭТНОС

На этот счет на протяжении многих десятилетий в археологии ведутся активные дискуссии. Одни исследователи последовательно придерживаются мнения, что археологическая культура в общем виде соответствует этносу, т. е. что система синхронных культур определенного региона достаточно адекватно отражает его этническую карту в исследуемый период, а ряд последовательно сменяющих друг друга культур — его этническую историю. По мнению других ученых, соотносить археологическую культуру и этнос неправомерно. Они исходят, среди прочего, из того, что в археологической культуре реальная культура оставивших соответствующие памятники людей отражается дефектно, в существенно неполном виде; в частности, практически полностью утраченными оказываются все элементы духовной культуры, в живой жизни играющие не меньшую этноинтегрирующую и этнодифференцирующую роль, чем элементы культуры материальной. С другой стороны, известны примеры, когда несколько совокупностей, воспринимаемых и самими их членами, и их соседями как разноэтничные, обладали идентичной по существу материальной культурой, а в рамках одного этноса прослеживается несколько существенно различающихся между собой культур. Вследствие этого, по мнению сторонников данной точки зрения, различия между археологическими культурами могут отражать различие не между этносами, а между такими выделяемыми этнографией категориями, как хозяйственно-культурный тип или историко-этнографическая область, а также между их более мелкими подразделениями [*Арутюнов* 1989, 41 сл.].

И все же, по справедливому замечанию российского исследователя И. С. Каменецкого [1970, 35], «большинство археологов думают, что куль-

тура соответствует этносу. *И уж во всяком случае все исходят из этого допущения в своей практической работе, даже те, кто выступал и выступает против такого отождествления»* (курсив наш. — *В. П., Д. Р.*). Объясняется эта ситуация, конечно, не тем, что археологи не осознают информативной неполноценности своего материала в этноисторическом плане. Причина, во-первых, состоит в том, что и этнос, и носители некоей археологической культуры представляют определенную группу древнего населения, выделяющуюся по совокупности признаков, в том числе аналогичных для обеих сравниваемых ситуаций. Во-вторых, применительно к огромным периодам прошлого и гигантским территориям мы попросту не располагаем иными способами выделения подобных групп, помимо организации археологических материалов в иерархически упорядоченную систему. Поэтому, осознавая неабсолютный характер получаемых при этом выводов, следует признать, что система археологических культур (а также их локальных вариантов и историко-культурных общностей) — единственное окно в этническую историю дописьменной древности в ее пространственно-временной конкретике.

Несомненную ценность при этноисторической, как и социально-исторической, интерпретации археологических материалов — особенно ранних, относящихся к первобытной эпохе, — имеет процедура сопоставления их с данными этнографии более поздних народов, позволяющая исследователям полнее постичь принципы соотношения материальных и духовных аспектов культуры на разных этапах развития общества, а также роль тех и других в качестве этноинтегрирующих и этнодифференцирующих факторов.

Этническая история находит отражение именно в динамике системы археологических культур. Так, расширение ареала какой-либо культуры, скорее всего, свидетельствует о расселении определенного населения (причем не обязательно очень многочисленного) с первоначальной территории своего обитания по более обширным пространствам. Подобным образом археологически прослеживаются и достаточно далекие миграции. Материальные остатки позволяют выявлять и смешение культур, в той или иной мере связанное со смешением разноэтничного населения. Быстрая кардинальная смена культуры в каком-то регионе чаще всего является результатом вытеснения прежних его обитателей и появления новых, тогда как постепенная эволюция культурного облика скорее указывает на в основном неизменный состав населения данного региона. Конечно, многие аспекты этнокультурной динамики проследить по этому материалу не удается вовсе, но приоткрыть завесу над этническим прошлым той или иной территории они все же позволяют.

К сожалению, в археологической практике наблюдается причисление к археологическим культурам — т. е. теоретически к таксономи-

ческим единицам одного уровня — совокупностей памятников, несоизмеримых между собой как по размерам занимаемой ими территории, так и по численности оставившего их населения. Поэтому, даже признавая существование значительной корреляции между выявленной на определенной территории системой (как синхронной, так и диахронной) археологических культур и этнической структурой населения этой территории в соответствующий период, мы должны учитывать вероятность того, что эта система демонстрирует не одноуровневый срез интересующей нас структуры, а этническую картину, разные участки которой видны нам с различной степенью детализации.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ И ИХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОРРЕЛЯТЫ [1]

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении данных археологии и лингвистики. Как уже было сказано, язык является одним из основных критериев этнической принадлежности, а родство языков свидетельствует об общности происхождения народов — их носителей. Но никакое, даже самое тщательное, исследование археологического материала само по себе, естественно, не в состоянии выявить этноязыковую принадлежность носителей данной культуры. Определенные указания на языки, некогда бытовавшие в зоне ее распространения, содержит топонимия — система географических названий на данной территории, зачастую очень надолго переживающая создавший ее народ; при этом известно, что наибольшим консерватизмом обладают гидронимы — наименования водных объектов. Однако топонимы плохо поддаются хронологической привязке, и потому соотнести их с определенным периодом в истории региона (а значит, и с носителями конкретной засвидетельствованной в его прошлом археологической культуры) без какой-то дополнительной, имеющей иную природу информации весьма затруднительно. Определенное значение с этой точки зрения имеют запечатленные в них особенности той или иной стадии развития языковой семьи, к которой данные названия принадлежат, но подобный языковой материал слишком фрагментарен, чтобы наблюдения такого рода обладали большой информативностью.

Если соотнести некую археологическую культуру с определенным языком (или языковой группой, семьей и т. п.), основываясь на ее внутренних характеристиках, практически невозможно, то обратная процедура — помещение носителей какого-либо языка (или группы родственных языков) в пространственно-временную систему координат, а следователь-

[1] Разделы, посвященные использованию в этноисторических исследованиях лингвистического материала, написаны при участии С. В. Кулланды.

но — и на археологическую карту, гораздо более продуктивна. Инструментом для ее реализации прежде всего является сравнительно-историческое языкознание, или лингвистическая компаративистика. Эта отрасль науки изучает происхождение, развитие и генетические либо обусловленные внешними контактами (так называемые ареальные) связи языков мира и основана, как явствует из ее названия, на их сравнении между собой. Сопоставляя их лексику, прежде всего слова, выражающие изначально необходимые понятия, издревле существующие в любом языке и потому редко обозначаемые заимствованиями (такие, как *я*, *ты*, *солнце*, *глаз* и т. п.), можно установить единство их происхождения в разных языках. Если подобных лексических соответствий достаточно много (существуют вполне строгие методы количественных оценок этого явления), можно утверждать, что сопоставляемые языки родственны друг другу в рамках одного объединения, которое принято называть языковой семьей, и попытаться восстановить словарный фонд их общего языка-предка. (Разумеется, в реальности процедура подобного лингвистического анализа намного сложнее, чем можно представить из сказанного, и предполагает проведение ряда промежуточных операций.)

При этом следует иметь в виду, что выявление в разных языках слов общего происхождения сопряжено с существенными трудностями, поскольку на протяжении длительной истории любого языка существенные изменения претерпевает как совокупность значений, присущих тому или иному блоку восходящих к общему корню слов, так и их фонетический облик. Они могут трансформироваться столь значительно, что непрофессионал вообще не в состоянии уловить ни сходство между имеющими общее происхождение словами разных языков или даже одного и того же языка, ни смысловую связь между ними. Однако в том, что касается изменения звучания слова, лингвисты выявили и сформулировали достаточно строгие законы присущих разным языковым традициям фонетических трансформаций, определяющихся характером того или иного звука и его позицией в слове, его фонетическим окружением (что, впрочем, не исключает существенных разногласий между представителями разных лингвистических школ относительно конкретных проявлений и результатов подобных фонетических процессов). Зная эти законы, специалист реконструирует облик того или иного слова на разных этапах его эволюции (в специальных лингвистических трудах, для того, чтобы отличать такие реконструкции от слов, реально зафиксированных в живой речи или в древних письменных текстах, их обозначают поставленной перед ними надстрочной звездочкой — *). Именно такие гипотетические праформы — так наз. этимоны (от греч. *этимос* ‘истинный’), реконструируемые на основе реально засвидетельствованных, семантически и фонетически сопоставимых слов родственных языков, и сравниваются между собой. Это позволяет выявить последовательность стадий, на которых какой-то живой или уже

мертвый, но сохранившийся в виде письменных текстов язык составлял единое целое с другими языками или находился с ними в тесном контакте.

Именно здесь языкознание непосредственно смыкается с историческими науками. Во-первых, существует специальная лингвистическая методика, позволяющая довольно точно датировать расхождение родственных языков и, соответственно, последовательные стадии распада праязыковой общности. Эту методику, именуемую глоттохронологией, разработал американский лингвист М. Сводеш [1960] и существенно усовершенствовал российский ученый С. А. Старостин [1989]. Она основана на свойственной любому языку тенденции к постепенному обновлению своего словарного состава путем замены старых слов новыми — не обязательно заимствованными; так, в русском языке исконное слово *око* уступило место слову *глаз*, слово *брюхо* — слову *живот* и т. д. Скорость такого обновления может быть вычислена по специальной формуле. Не менее важно, что реконструируемый словарный состав праязыка на последовательных стадиях его развития позволяет установить для каждой из них хозяйственно-культурный тип его носителей, характер ландшафта и животный мир прародины данной семьи или группы языков, социальные отношения, присущие той общности, язык которой реконструируется, ее связи с другими этносами и т. п. При этом наличие или отсутствие в нескольких родственных языках блока имеющих общее происхождение культурных терминов, связанных с хозяйственными и бытовыми особенностями определенного этапа в жизни носителей этих языков, указывает на то, когда — позже или ранее этого этапа — произошло разделение этих языков.

В итоге такого историко-лингвистического анализа языковед может высказать до известной степени обоснованную гипотезу относительно географических и временных координат существования того или иного языка на определенном этапе его истории и, исходя из содержащихся в самом языке данных о хозяйственных, социальных и иных характеристиках его носителей, подсказать археологу, с создателями какой археологической культуры (или, точнее, группы типологически близких культур) правомерно их отождествлять, — подобно тому, как математики У. Леверье и Дж. Адамс указали астрономам, где следует искать еще не открытую планету Нептун, благодаря чему она затем и была найдена И. Галле. Столь же существенно, что этот анализ позволяет определить, с носителями каких культур те или иные народы заведомо отождествляться не могут (прекрасный пример реализации такого подхода при археологической идентификации индоиранцев см. в: *Грантовский* 1981).

Не менее важно с исторической точки зрения и сравнение праязыков, относящихся к различным семьям, поскольку оно позволяет оп-

ределить, где и на какой стадии развития каждого из них имели место контакты их носителей друг с другом (а иногда — и глубинное родство между ними, восходящее к периодам до формирования этих семей).

В итоге удается реконструировать достаточно широкую и в синхронном, и в диахронном плане этноязыковую и этнокультурную картину. При этом, однако, следует иметь в виду, что по ходу создания этой реконструкции мы постоянно оперируем как бы уравнениями с несколькими неизвестными. Поэтому описанная методика эффективна лишь при широком характере исследований, когда на практике в нашем распоряжении имеется своего рода система подобных уравнений. Кроме того, как отмечают сами лингвисты, «если для реконструкции звуковой стороны морфемы существует строгий алгоритм, то для семантической стороны такого алгоритма нет, и лингвист ... вынужден опираться на свое довольно приблизительное представление о том культурно-историческом пространстве, в которое он относит свою реконструкцию, а это представление сложилось у него в конечном счете в результате чтения им исторической, этнографической и т. п. литературы. Поэтому всегда существует опасность, что историк, этнограф, археолог, обратившись к этимологической литературе, обнаружит в ней лишь определенным образом преобразованное и зачастую искаженное отражение своих собственных взглядов или взглядов своих коллег и предшественников на то культурно-историческое явление, о котором он хотел бы получить дополнительную информацию» [*Дыбо*, *Терентьев* 1984, 15]. Поэтому подлинно научное применение методов сравнительного языкознания с целью воссоздания истории предполагает не механическое сопоставление данных различных областей знания, но имеет целью извлечение из их комплексного рассмотрения новой информации, частично преодолевая ограниченность каждого отдельного вида источников. Нельзя использовать только конечные результаты, достигнутые в смежной области знания. Обращаясь к лингвистическим реконструкциям, историк должен понимать, каким образом реконструированы древние слова, и уметь в случае необходимости уточнить их содержание, а лингвист обязан разбираться в принципах выделения археологических культур и т. п. Разумеется, не обязательно самому прокладывать свой путь в смежной области, но нужно уметь шаг за шагом повторить путь коллеги, что поможет понять его логику и избежать ошибок, неизбежных у первопроходцев.

По мере развития исторического языкознания специалистам удавалось проникнуть все глубже в историю отдельных языков, их групп и семей и, соответственно, приоткрыть новые страницы древнейшей этнической истории человечества. Но, несмотря на строгость историко-лингвистических методик и применение комплексного подхода к реконструкции древнейших этапов этнической истории, сложность этой проблематики такова, что многие ее аспекты не имеют (во всяком случае, пока) решения,

а другие остаются дискуссионными. По одним и тем же проблемам в науке существуют различные — порой взаимоисключающие — концепции. В дальнейшем изложении мы будем стремиться освещать их по возможности объективно, что, конечно, не означает их одинаковой убедительности в наших собственных глазах.

Глава II

ПРЕДЫСТОРИЯ НАРОДОВ РОССИИ

ПАЛЕОАНТРОПЫ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

Процесс антропогенеза — как в его ранних формах, приведших к выделению вида Homo из животного мира, так и на заключительных стадиях, итогом которых явилось формирование современного человека, Homo sapiens, — протекал, как установлено наукой, в южных областях Старого Света, на пространстве от Южной Африки до Средиземноморья. Но уже на достаточно ранних этапах (по археологической периодизации — в эпоху нижнего, раннего, палеолита) происходило проникновение людей на север от тех территорий, которые являлись ареной антропогенеза как такового. Конечно, возможности такого проникновения были ограничены распространением оледенения на значительной части Евразии. Но все же местонахождения орудий этого времени известны не только в Закавказье, Средней Азии и в Крыму (в двух последних регионах открыты и захоронения неандертальцев мустьерской эпохи), но и на территории Российской Федерации: на Северном (точнее — Северо-Западном) Кавказе, на Русской равнине — от Северного Приазовья до бассейна Десны и в Южной Сибири. Биологически люди этой эпохи принадлежат к палеоантропам — так называемым неандертальцам, предшественникам Homo sapiens'а на эволюционном стволе. Следует, однако, оговориться, что процесс превращения палеоантропа в человека современного биологического типа протекал на достаточно ограниченной территории и многие ветви эволюции в процессе антропогенеза оказались тупиковыми.

Уже на этих ранних стадиях ученым удается выявить в археологических материалах следы определенных исторических процессов и разные поступательные тенденции. Так, существенно, что в материальной культуре упомянутых памятников прослеживаются по крайней мере две разные традиции в обработке камня [*Формозов* 1977, 130—131]. Ученые объясняют эти различия распространением соответствующих традиций из разных областей и по разным путям. Видимо, существовало два основных потока продвижения древнейших людей в Восточную Европу из регионов, заселенных ранее, — с юга, с Кавказа и из Малой Азии, и с запада, из Центральной Европы. А. А. Формозов отмечает, что «эти два направления в расселении людей нижнего палеолита... надолго определили своеобразие путей развития палеолитической культуры на Русской равнине, тяготевшей к Центральной Европе, и на Кавказе,

тяготевшем к Передней Азии», и даже полагает, что «проникновение новых групп населения в среду восточноевропейских первобытных общин» на стадии верхнего палеолита «нельзя считать столь же важным этапом в этнокультурной истории, как первоначальное освоение территории СССР человеком нижнего палеолита». Однако нельзя не принимать во внимание, что Восточная Европа не входила в зону, на пространстве которой происходила сапиентизация палеоантропа, протекавшая, как уже говорилось, в более южных регионах, и потому людей современного типа, засвидетельствованных на Русской равнине в более поздние эпохи, не приходится считать прямыми генетическими потомками некогда обитавших здесь палеоантропов. Поэтому при всей важности для нашей темы выделения на рассматриваемом этапе различных традиций в облике материальной культуры, было бы рискованно связывать этот факт с этнической картиной, фиксируемой на интересующей нас территории на более поздних стадиях.

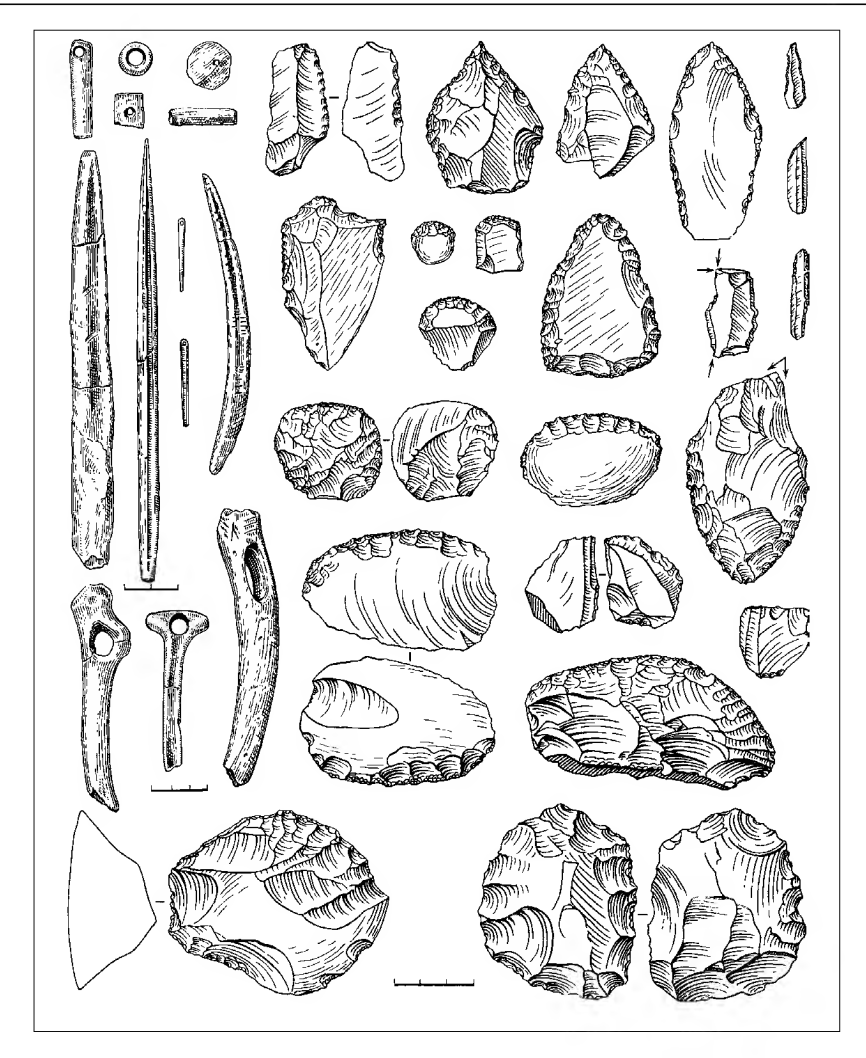
ПРОБЛЕМА ЭТНОИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

Начало эпохи существования современного человека в археологической периодизации соответствует периоду верхнего (позднего) палеолита. Он представлен на территории Российской Федерации уже значительно более многочисленными, причем порой довольно долговременными, памятниками, хотя говорить о стабильном заселении всего этого пространства с самых ранних этапов этого периода все-таки не приходится: неоднократные изменения границы ледника, то наступавшего к югу, то отступавшего, неизбежно должны были нарушать плавное поступательное развитие обитавших здесь человеческих коллективов. И все же в целом характер археологических материалов этого времени уже таков, что позволяет некоторым исследователям предпринимать попытки выделения на основе его анализа каких-то культурных областей и ставить вопрос о возможности реконструировать определенные этнокультурные процессы (см., например: [*Формозов* 1959; 1977; 2002; *Григорьев* 1970, и др.]). Однако вопросы интерпретации в подобном ключе различий, фиксируемых в материальном облике верхнепалеолитических памятников, чрезвычайно сложны и дискуссионны. Так, одни исследователи считают возможным говорить о существовании на этой стадии археологических культур, отражающих «разделение первобытного населения на племена» [*Григорьев* 1970, 59]. Другие, напротив, признавая существование различий в облике инвентаря между отдельными группами верхнепалеолитических памятников и одновременно сходства между составляющими эти группы памятниками, возражают против толкования подобных групп как разных археологических куль-

тур в том значении этого термина, который употребляется применительно к более поздним эпохам — неолиту и бронзовому веку. Сторонники такого взгляда отмечают, что для территориального распределения подобных групп сходных памятников не характерна концентрация в определенных, четко очерчиваемых ареалах, и полагают, что их размещение скорее может отмечать «путь какой-то общины охотников, продвинувшейся вслед за стадами мамонтов... а не одновременные поселения нескольких общин, объединявшихся в рамках племени или даже группы родственных племен» [*Формозов* 1977, 29].

Мергелевые изображения мамонтов из Костенок 11, слой II и реконструкция кроманьонца из погребения на Костенках 2, выполненная М. М. Герасимовым

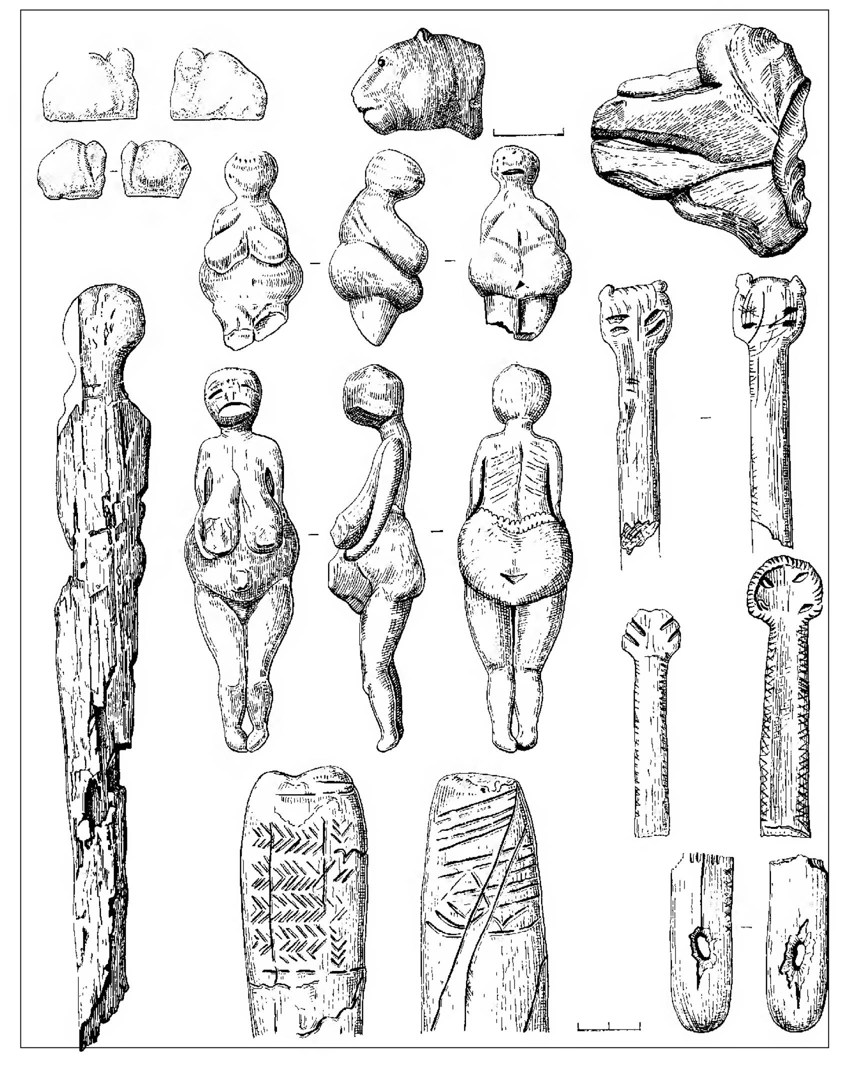

Орудия эпохи верхнего палеолита (Палеолит СССР. С. 342, табл. 130)

В самом деле, характер материальной культуры различных верхнепалеолитических памятиков свидетельствует, что многие приемы обработки камня на достаточно отдаленных территориях имеют общее происхождение, а прогрессивные технологические навыки достаточно быстро распространялись по обширным территориям — в том числе в процессе переселения носителей этих навыков; не менее важным с точки зрения отражения связей между весьма далекими регионами является открытие на Урале Каповой пещеры — по существу первого за пределами франко-кантабрийского (пиренейского) очага памятни-

ка палеолитической пещерной живописи. Результатом процессов, о которых свидетельствуют все эти факты, явилось формирование крупных культурных провинций. Значит, между отдельными общинами — в том числе весьма удаленными друг от друга — существовали определенные контакты. В то же время на стадии безраздельного господства охотничье-собирательского хозяйства, характерного для эпохи верхнего палеолита, производственные и социальные условия не требовали возникновения более тесных связей между сравнительно небольшими группами обитавших на смежной территории общин, что способствовало бы их консолидации между собой и одновременной сегрегации от прочих подобных групп. А именно это могло бы явиться базой для этнодифференцирующих и этноинтегрирующих процессов, в сфере же материальной культуры выразилось бы в формировании системы синхронных локальных археологических культур. Различия в материальной культуре между крупными ареалами определялись в основном условиями окружающей среды и характером сырья, используемого для изготовления орудий, хотя к таким обширным общностям иногда и прилагают термин «археологическая культура» [*Арутюнов* 1982, 67]. Поэтому об этнической в собственном смысле структуре верхнепалеолитического общества говорить вряд ли правомерно — предпосылки для ее формирования могли возникнуть лишь при переходе к производящему хозяйству, сопровождавшемся возрастанием межобщинных контактов. Вместе с тем внутренняя структура верхнепалеолитических поселков говорит о том, что в пределах одной общины в это время уже формируется достаточно устойчивая и сложная социальная организация (обзор существующих точек зрения на этот вопрос с позиций археологии см., например в: [*Григорьев* 1970, 58—60], а с позиций теории развития общества: [История первобытного общества, т. 2, 427 сл.]).

Поскольку социально-экономическое содержание эпохи, по археологической периодизации относящейся к мезолиту — среднекаменному веку, в целом не слишком отличается от последних стадий верхнепалеолитического периода (различие между ними состоит в основном не в изменении форм хозяйства, а в перемене природно-климатических условий и технологии изготовления орудий), к ней, в сущности, можно отнести сказанное выше: определенные предпосылки для сложения этнокультурной структуры общества к этому времени уже существовали, но для качественного скачка требовалось вмешательство ключевого фактора — появления производящего хозяйства. Им было ознаменовано начало новой археологической эпохи — неолита, нового каменного века.

Произведения палеолитического искусства из Восточной Европы (Палеолит СССР. С. 266. Рис. 102)

НОСТРАТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА — ОКНО В ПРЕДЫСТОРИЮ ЭТНОСОВ

Примечательно, что как раз на описанное время приходится, судя по всему, существование той языковой общности, которая получила название ***ностратической макросемьи*** (от лат. noster, nostra — ‘наш, наша’) и к которой восходит значительная часть более поздних языков

Старого Света — тех, что принадлежат к индоевропейской, уральской, алтайской, картвельской и дравидийской семьям; дискуссионным является вопрос о том, относятся ли к ностратическим языки афразийской (семито-хамитской) семьи или же они составляют отдельную макросемью, связанную с ностратической более глубоким родством [см. *Милитарев* 2003]. Ностратическая гипотеза основана на близости лексики, основных принципов морфологии и механизмов словообразования, отмечаемых во всех причисляемых к этой макросемье языках (естественно, в их архаических, реконструируемых праформах). Существование единого праязыка в значительной степени обеспечивалось большой подвижностью человеческих групп на той стадии хозяйственного развития. Глубинное родство между перечисленными языковыми семьями было отмечено еще в начале XX в., а в 1960-х гг. замечательный российский лингвист В. М. Иллич-Свитыч (1934—1966) разработал систему звуковых соответствий между ними, доказав тем самым их генетическую связь, и подготовил праностратический словарь, издание которого началось уже после его безвременной гибели в результате несчастного случая.

Насколько можно судить, ностратическая макросемья существовала приблизительно до XII—X тыс. до н. э., когда в процессе расселения носителей ностратических языков в Евразии начался ее распад (ср. [*Хелимский* 1997, 243]). Показателен состав единой праностратической лексики: он охватывает местоимения, термины, обозначающие основные части тела, природные объекты, ближайшие степени родства, простейшие действия, свойства и т. п. [см.: *Иллич-Свитыч* 1971, 6—37], но не включает понятия, связанные с земледелием и скотоводством, что отражает тот уровень развития человечества, которым характеризуется время существования названной языковой общности. Судя по языковым данным, носители ностратического праязыка занимались охотой, рыболовством и собирательством. Есть, впрочем, несколько названий молодняка копытных животных (к одному из них восходит русское ‘*теленок*’), слова с примерным значением ‘*вскармливать*, *взращивать*, *пасти*’ и ‘*время сбора плодов*, *урожая*’, что, по мнению некоторых лингвистов, может свидетельствовать о специализированной охоте и собирательстве как переходном этапе к производящему хозяйству. Жилища были, очевидно, плетенными из прутьев и обмазанными глиной, а поселения укреплены или огорожены.

Зоной формирования ностратической макросемьи, судя по ареалам выделившихся из нее затем языковых семей и по контактам праностратического с другими языковыми макросемьями, большинство специалистов считают какие-то области Передней Азии, расположенные достаточно высоко над уровнем моря, где зимой выпадал снег (русское слово *снег* также восходит к ностратическому). Но, конечно, любое определение конкретных границ этой зоны имеет сугубо гипотетический характер.

Хозяйственная и социальная характеристика создателей ностратического праязыка в целом совпадает с той, которая приложима к обитателям территории России конца верхнепалеолитической и мезолитической эпохи, но надежно определить, принадлежали ли они к носителям языков именно этой макросемьи, невозможно.

Несколько более поздним временем датируют лингвисты существование других языковых макросемей Старого Света — синокавказской и, возможно, афразийской, причем зона формирования ***синокавказской макросемьи*** явно локализуется поблизости от изначального ареала праностраатического языка (праафразийцы сложились, видимо, несколько южнее, но проблем локализации их прародины и культурной характеристики праафразийцев, так же как пракартвелов и прадравидийцев, мы не касаемся, поскольку зона их сложения и основные ареалы современных языков этих семей располагаются за пределами России). Синокавказская макросемья, по глоттохронологическим данным, существовала примерно до рубежа IX—VIII тыс. до н. э.; носители этого праязыка знали лук и стрелы, у них существовала довольно развитая терминология для обозначения социального положения и т. п. Показательно, что между ностратическим и синокавказским праязыками имеется значительное количество лексических параллелей, следовательно, их носители находились в ту эпоху в тесном контакте, если не были связаны глубинным родством [*Starostin* 1989], поскольку еще более глубокая реконструкция позволяет предполагать и для всех названных макросемей единый корень — существование в более раннюю эпоху так называемой евразийской языковой общности.

В целом изложенная реконструкция хозяйственного и культурного облика людей этой эпохи на историко-лингвистической основе хорошо согласуется с воссозданной выше археологической: существует несколько крупных культурных провинций, население каждой из которых имеет, видимо, единое происхождение и поддерживает определенные контакты в пределах этой провинции, но культурно-территориальной дифференциации внутри каждой из них еще не происходит. Разумеется, с увереностью причислять к носителям ностратического праязыка тех людей, которые проникали из Передней Азии на территорию нынешней России еще в эпоху верхнего палеолита, мы не можем. Но существование здесь в дальнейшем именно тех языков, которые принадлежат к числу ностратических, не позволяет считать это заведомо исключенным. Было высказано мнение, что к этой макросемье относится все древнейшее население Передней и Южной Азии, Европы и Северной Евразии и что прослеживаемое для того времени по каменному инвентарю отличие всего этого ареала от другой гигантской зоны — восточной — отражает существование двух «никак генетически не связанных языковых общностей», причем ко второй из них относятся, в частности, предки носителей синотибетских языков [*Арутюнов* 1982,

67—68]. Однако эта точка зрения не учитывает приведенных выше данных о формировании ностратической и синокавказской макросемей на смежных территориях.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА — ВРЕМЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР И ВЫДЕЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ

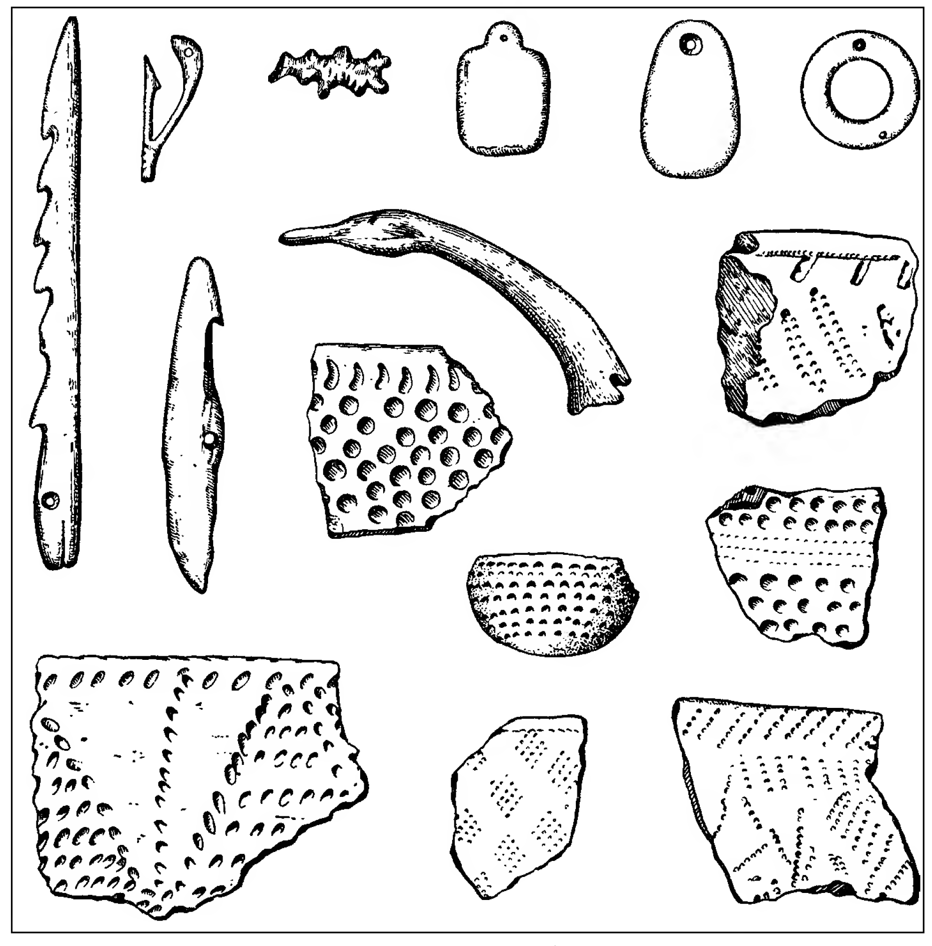
Возникновение производящего хозяйства, как в предшествующую эпоху начало самого человечества, связано преимущественно с регионом Ближнего Востока. Именно в этой части Старого Света берет начало процесс, получивший название ***неолитической революции.*** Термин этот был введен английским археологом Гордоном Чайлдом и обозначал переход к земледелию и скотоводству как ведущим видам хозяйственной деятельности, сопровождающийся значительными изменениями в материальной культуре, которые ознаменовали начало эпохи неолита (в частности, появлением керамики и шлифованных каменных орудий). Однако в силу различия природных условий скорость перехода от присваивающего хозяйства к производящему была в разных регионах различной, и, строго говоря, период неолита далеко не повсеместно характеризуется наличием производящего хозяйства. Например, хорошо известен так называемый пережиточный неолит лесной полосы Европейской части России, связанный почти целиком с такими формами хозяйственной деятельности, как охота и рыболовство, и просуществовавший до II тыс. до н. э., т. е. до времени, когда на юге уже не только полностью преобладала производящая экономика, но сложились и развитые формы государственности. Однако даже в этом присваивающем хозяйстве, а тем более в обществах, основанных на земледелии и скотоводстве, в эту эпоху отчетливо прослеживаются определенные формы хозяйственной специализации. Одновременно резко возрастает численность населения. Это, с одной стороны, способствовало консолидации обитателей смежных территорий и их известному обособлению от остального мира ввиду своей хозяйственной «самодостаточности», а с другой, естественно, обеспечивало необходимость обмена продуктами специализированной деятельности.

Археологическая карта Старого Света неолитической эпохи существенно отличается от подобных карт предшествующего времени, поскольку в материальной культуре отчетливо прослеживается территориальная дифференциация, связанная с формированием локальных археологических культур. Правда, именно здесь отчетливо проявляется определенная методическая субъективность процедуры выделения этих культур. Так, автор одного из первых в отечественной науке опытов

Реконструкции людей эпохи неолита, выполненные М. М. Герасимоым (1, 2) и Г. В. Лебединской (3,4). Север Восточной Европы (Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 231)

воссоздания этноисторических процессов в неолитическую эпоху по археологическим данным А. Я. Брюсов, изучая неолитические племена Центра и Севера Европейской России, выделил целый ряд локальных культур, но при этом четко продемонстрировал их тесную связь между собой, к примеру, передвижения групп носителей той или иной культуры и т. д. [*Брюсов* 1952]. Несколько позже А. А. Формозов, исследуя тот же материал, сосредоточил внимание не столько на этих небольших по ареалу культурах, «принадлежавших, вероятно, отдельным древним племенам», сколько на их определенном культурном едино-

Неолитические орудия и ямочно-гребенчатая керамика волосовской культуры (*Авдусин Д. А.* Археология СССР. М., 1967. С. 62—63)

образии, родстве, с одной стороны, и на отличиях всей занятой ими, довольно значительной по территории, культурной области от других подобных ей смежных областей [*Формозов* 1959, 98].

На страницах данной книги не имеет смысла описывать множество археологических культур эпохи неолита и ранней бронзы (начиная в основном с VI и до II тыс. до н. э.), выделенных на территории России [см. обобщающие работы: Неолит Северной Евразии; Эпоха бронзы], особенно ее Европейской части. Для нас существенно, что время этой культурной дифференциации в основном совпадает с эпохой распада древних языковых макросемей и формирования тех семей языков,

принадлежность к которым составляет основу языковой классификации и современных народов России. Нас не должно смущать то обстоятельство, что и современные ареалы народов — носителей языков, образовавшихся в процессе распада ностратической и синокавказской макросемей, и предполагаемые прародины этих языков географически достаточно удалены и друг от друга, и от тех территорий, где, как говорилось выше, сформировались эти макросемьи. Ведь реконструируемый словарный состав праязыка фиксирует реалии (как культурные, так и географические), существовавшие в праязыке на момент его распада, который могут отделять от предыдущей реконструируемой стадии языкового развития несколько тысячелетий. За это время носители языка могли мигрировать на очень далекие расстояния, хотя в процессе распространения языков преувеличивать роль именно миграций не стоит. По словам И. М. Дьяконова [1984, 17], «население сдвигается с места своего первоначального обитания гораздо меньше, чем языки, восходящие к праязыку первоначальной территории», что видно и по антропологическому облику носителей родственных языков: достаточно сравнить говорящих на языках одной индоевропейской семьи скандинавов и сингалов Шри-Ланки или тюркоязычных тувинцев Центральной Азии и балкарцев Кавказа. Так или иначе, носителей праязыков, восходящих к ностратической макросемье, мы застаем в самых разных географических зонах. К сожалению, данные историко-лингвистических реконструкций для этого периода далеко не всегда удается однозначно и аргументированно наложить на археологическую карту.

ИНДОЕВРОПЕЙЦЫ

Одной из важнейших для воссоздания этнической истории народов России и одновременно самых, пожалуй, дискуссионных является так называемая индоевропейская проблема. Когда в XIX в. было выявлено определенное сходство между языками, столь удаленными друг от друга на современной лингвистической карте и принадлежащими столь несходным друг с другом антропологически и культурно народам, как обитатели Северной Индии и большинство европейцев, то поначалу это вызвало по меньшей мере недоумение. Однако длительное развитие индоевропеистики как особой комплексной отрасли науки позволило собрать неопровержимые доказательства, что языки этих народов в самом деле родственны, имеют общее происхождение, следы чего наблюдаются как в их морфологии, так и в лексике (прежде всего — в ее реконструируемых праформах). Эту семью родственных языков сначала называли индогерманской, а в настоящее время за ней закрепилось наименование ***индоевропейской***. Из языков, представленных на терри-

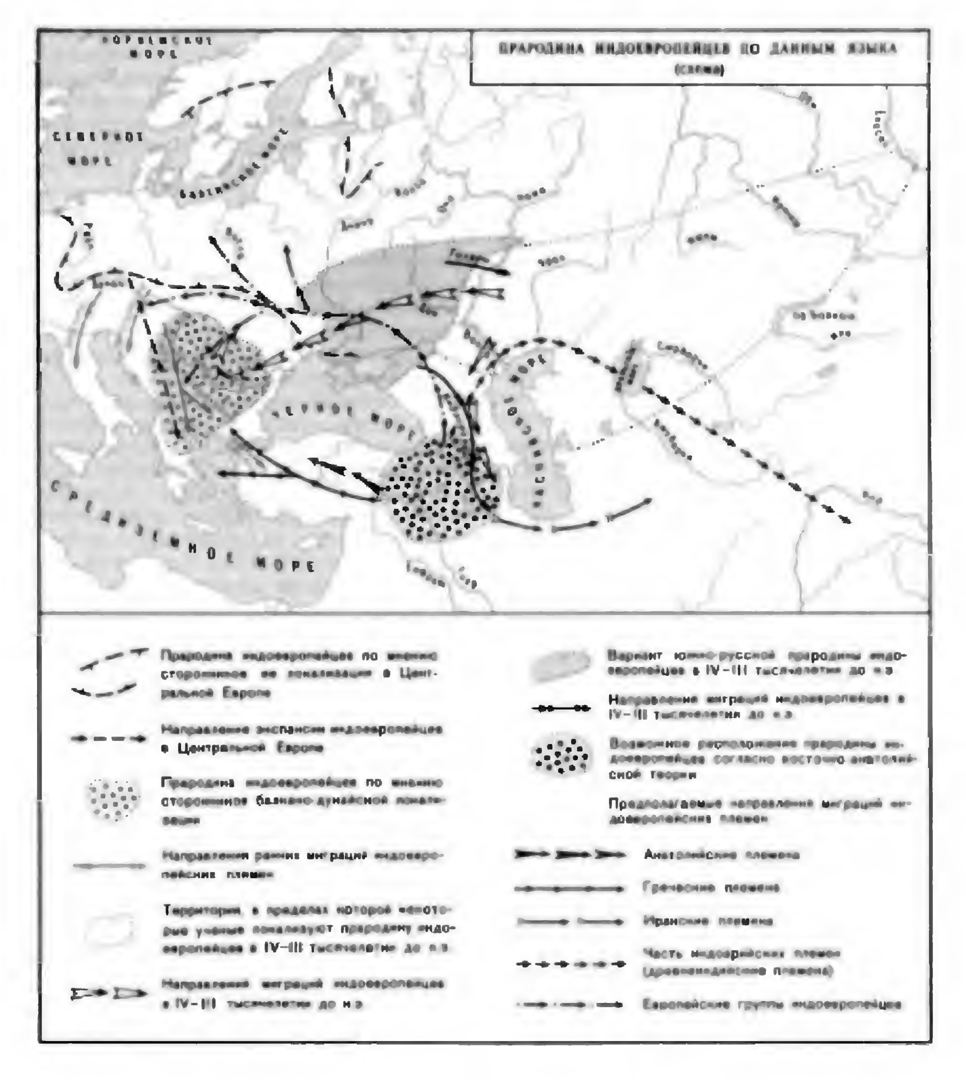
тории России ныне или вполне надежно засвидетельствованных здесь в прошлом, к индоевропейским относятся индоиранские, впоследствии разделившиеся на индоарийскую и иранскую ветви (в современной России первая представлена цыганским, а вторая — в первую очередь осетинским языком, но в прошлом носители иранских языков занимали значительно большую часть интересующей нас территории и сыграли весьма важную роль в ее этнической истории), славянские и балтские; проживают в современной России — иногда достаточно компактными группами — и носители тех языков этой семьи, основной ареал которых находится за пределами Российской Федерации, — немецкого, греческого, армянского, курдского и др.

Исходя из состава общеиндоевропейской лексики, ученые характеризуют общество эпохи существования праиндоевропейского единства как довольно развитое в хозяйственном и социальном отношении (см., в частности, *Грантовский* 1970, 347 сл.). Оно было преимущественно земледельческим, но заметную роль в его жизни играло и скотоводство. Еще до распада этого единства здесь был известен некий металл — очевидно, медь и так называемая мышьяковистая бронза — сплав меди с мышьяком, а не с оловом, как в настоящей бронзе более позднего периода. Общество праиндоевропейцев было уже значительно стратифицированным в социальном отношении. В частности, работами французского исследователя Ж. Дюмезиля и его последователей выявлены многочисленные отражения в мифологии и эпосе различных индоевропейских народов, восходящие, судя по всему, еще к общеиндоевропейскому этапу представлений о членении общества на три основные социальные категории: жрецов и иной «интеллектуальной элиты», воинов и общинников-производителей [*Дюмезиль* 1986 и др.]. Заметно возвышались над остальным обществом в социальном и имущественном отношении вожди-предводители.

Распад праиндоевропейского единства обычно относят ко времени не позже IV—III тыс. до н. э., причем протекал он не в виде выделения отдельных языков, соответствующих современному их делению, а несколько по-иному. Так, специалисты по индоевропеистике согласны в том, что носители праиндоиранского, прагреческого и праармянского языков уже после их обособления от остальных праиндоевропейских диалектов какое-то время продолжали существовать в тесном контакте, образуя некое промежуточное единство (впрочем, в освещении дальнейших судеб этого единства полного согласия между исследователями нет). Другую подобную группу составляли так называемые древние европейцы, из которых впоследствии выделились балты, славяне, германцы и др. [*Абаев* 1965, 127 сл.].

Для воссоздания картины распада индоевропейской общности и формирования отдельных входящих в эту семью языков, а также истории их носителей ключевым является вопрос о локализации общей

прародины индоевропейцев, т. е. определение территории, откуда все эти языки по мере своего выделения из праиндоевропейского единства распространялись в области своего последующего бытования. В настоящее время, несмотря на длительную историю изучения этой проблемы и на применение тщательно разработанной методики языковых реконструкций, единства в толковании этой проблемы нет. Если оставить в стороне более или менее второстепенные расхождения между отдельными специалистами, то можно указать на два основных подхода к ее решению.

Карта. Варианты локализации прародины индоевропейцев (Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984. С. 232)

Одной из наиболее традиционных является точка зрения о формировании общеиндоевропейского праязыка на Балканском полуострове (преимущественно в северной его части) и в смежном с ним Карпатском регионе Центральной Европы [*Дьяконов* 1982 а, б]. В эпоху неолита и энеолита здесь существовал мощный пласт земледельческих культур, по характеру во многом соответствующих тому культурному облику, который реконструируется для праиндоевропейцев по лингвистическим данным; важную роль в построениях сторонников этой концепции играет и ландшафтная аргументация — в частности, так называемый «аргумент березы», основанный на том, что наименование этого дерева по существу во всех индоевропейских языках имеет общее происхождение, а значит, их единая прародина должна была находиться там, где береза не только была представлена, но являлась «главным, наиболее распространенным видом местной флоры» [*Лелеков* 1982, 33]. Отсюда-то, согласно этой версии, в IV—III тыс. до н. э. и происходило расселение не слишком многочисленных групп носителей различных индоевропейских праязыков, которые постепенно ассимилировались в местной среде, усваивающей при этом языки пришельцев; таким образом, преимущественно «мигрировали языки, а не народы, хотя для каждого мигрирующего языка должна была быть хотя бы горстка носителей» [*Дьяконов* 1982 б, 18]. В ходе этого-то процесса в лесостепную и отчасти лесную зону Восточной Европы были принесены ***древнеевропейские диалекты***, а южнее распространились ***языки индоиранской группы***.

Именно к носителям этих последних, кстати, правомерно прилагать термин *арии*, *арийцы*, претерпевший в XIX—XX вв. серьезные смысловые искажения: поначалу им стали называть *всех* индоевропейцев, а затем он был скомпрометирован фашистской идеологией, которая, придав ему сугубо мифологизированное значение, закрепила его за представителями некоей «высшей германской расы». Между тем в действительности слово это никакого отношения к древним германцам не имеет вообще, а служило оно самоназванием в первую очередь определенной — индоиранской — группы индоевропейских племен, впоследствии разделившихся на две ветви — индоарийскую и иранскую, причем обе сохранили это название еще на весьма длительный срок (к нему, в частности, восходит современное название Иран).

В последние годы детальную разработку — прежде всего в исследованиях Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [1984 и др.] — получила концепция переднеазиатской прародины индоевропейцев, локализующая ее преимущественно в восточной части Малой Азии и в областях к югу от Кавказа. Важными для подобной локализации являются те моменты лингвистической реконструкции, которые указывают, что праиндоевропейцам были известны такие животные, как лев, обезьяна, барс, и что они не знали моря (производные от соответствующего пра-

индоевропейского слова в индоевропейских языках-потомках означают то море, то болото). Особое значение для сторонников этой концепции имеют свидетельства несомненных контактов индоевропейцев эпохи их единства с носителями семитских [*Иллич-Свитыч* 1964] и картвельских [*Климов* 1981] языков, а также данные о том, что индоевропейский праязык наложился на северокавказский субстрат [*Старостин* 1988], т. е. индоевропейцы, отделившись от прочих носителей ностратических языков, ассимилировали население, говорившее на одном из северокавказских диалектов, восприняв и от него ряд слов; при этом существуют лингвистические факты, свидетельствующие, что заимствование шло именно в этом, а не в обратном направлении. Это позволяет сторонникам данной гипотезы считать, что индоевропейская прародина находилась не слишком далеко от ностратической.

Между специалистами, придерживающимися той или иной точки зрения, в настоящее время ведутся активные дискуссии, в ходе которых аргументация обеих сторон претерпевает существенную корректировку и доработку. Однако вдаваться в сущность этой полемики на страницах данной книги неуместно, тем более что она не касается непосредственно интересующей нас в первую очередь проблемы. Дело в том, что защитники обеих изложенных точек зрения существенно расходятся в толковании вопроса о путях проникновения определенных групп индоевропейцев на территорию Восточной Европы — с запада или с востока, в обход Каспийского моря; при этом именно указанный аспект концепции, предлагаемой сторонниками переднеазиатской локализации индоевропейской прародины: последовательность выделения отдельных индоевропейских языков и пути их распространения — представляется наиболее уязвимым и с лингвистической, и с археологической точки зрения. Но в констатации присутствия индоевропейцев в Восточной Европе начиная с III тыс. до н. э. дискутирующие стороны в основном едины. Сторонники переднеазиатской гипотезы даже называют степное Причерноморье и Поволжье своего рода «вторичной индоевропейской прародиной», поскольку предполагается обитание здесь на определенном историческом этапе пришедших с востока носителей целого блока древнеевропейских языков — кельто-италийских, иллирийских, германских, балто-славянских.

В настоящее время наиболее детально разработана и получает все большее признание теория присутствия здесь по крайней мере с III тыс. до н. э. ***индоиранцев*** (ариев). Согласно концепции, обоснованной в последние годы главным образом в работах В. И. Абаева и Э. А. Грантовского, именно с южным регионом Восточной Европы (возможно, и с примыкающими областями азиатских степей — Южным Приуральем) связан ряд последовательных этапов истории индоиранских народов: здесь они существовали как определенное единство, выделившееся из индоевропейской (а затем — из арийско-греко-армянской) общности;

здесь же произошел и распад арийского единства на ***индоарийскую*** и ***иранскую ветви*** (причем обе они еще в течение какого-то времени продолжали обитать по соседству, в том же регионе), а затем — деление иранцев на восточных и западных. Отсюда же началось продвижение сперва индоарийских племен, чье появление на севере Индийского субконтинента во многом определило этнический облик этой территории, а несколько позже — переселение западных иранцев на территорию Иранского нагорья. Но восточноиранские по языку народы еще долго составляли основную массу населения этой территории [*Абаев* 1972; *Грантовский* 1970; 1981]. Такова этноисторическая схема, охватывающая длительный период III—I тыс. до н. э. и выстроенная в основном по лингвистическим данным. В частности, важное значение для определения исконного ареала индоиранцев до их разделения, а затем индоариев и иранцев имеет исследование отношений индоиранских языков на разных этапах их истории с языками финно-угорской группы, о которых речь пойдет ниже. Дело в том, что арийские заимствования в финно-угорских языках свидетельствуют, что эти последние «имели культурные контакты не только с иранскими языками (соседство финно-угров и иранцев имело место уже в историческое время. — *В. П., Д. Р.*), но еще с общеарийским и, возможно, протоиндийским», а это «делает в высшей степени вероятным, что разделение арийцев на две ветви, индоарийскую и иранскую, наметилось еще на их прародине в Юго-Восточной Европе» [*Абаев* 1972, 28—29]. Имеются и другие аргументы в поддержку такой локализации арийской прародины; в частности, ее подкрепляет анализ общего для разных индоиранских народов мифологического наследия, сложившегося, судя по ряду данных, именно на территории Восточной Европы [*Бонгард-Левин*, *Грантовский* 1983]. Археологические данные позволяют до некоторой степени наполнить эту схему конкретным содержанием.

Восточноевропейские степи в III тыс. до н. э., т. е. в эпоху, когда уже можно говорить о выделении из праиндоевропейского единства определенных языковых групп, восточноевропейский и западноазиатский участки обширного евразийского степного пояса занимали племена, входившие в так называемую *ямную культурно-историческую область*. Название это, произведенное от преобладающего здесь определенного типа подкурганных погребальных сооружений, было введено в начале XX в. известным российским археологом В. А. Городцовым в процессе построения трехступенчатой периодизации культур бронзового века на территории Украины, включающей в качестве последовательных этапов время существования здесь ямной, катакомбной и срубной культур. В результате активных археологических изысканий последующих десятилетий было установлено, что памятники ямного типа распространены на весьма обширной территории — по крайней мере между реками Прут на западе и Урал на востоке — и представлены несколь-

кими локальными вариантами, чем продиктовано толкование ее не как культуры, а как образования более высокого уровня — культурно-исторической области [*Мерперт* 1974; *Рындина*, *Дегтярева* 2002, 103—107]. В хозяйстве этих племен значительную роль играло подвижное скотоводство. Высказывалось даже мнение, что ямные племена по своему укладу уже были кочевниками [*Шилов* 1975, 81], хотя другие исследователи отмечают, что настоящее кочевое хозяйство стало возможным лишь с освоением верховой езды, а это, судя как по археологическим, так и по иным данным, произошло скорее всего не ранее рубежа II—I тыс. до н. э. Определенную — различную для разных локальных вариантов ямной общности — роль в хозяйстве ее создателей играло и земледелие.

По историко-лингвистической схеме время существования этой общности в основном соответствует тому этапу в истории индоевропейцев, когда их единство уже распадается, и примерно на той территории, где известны ямные памятники, можно предполагать обитание одной из их групп — еще не разделившихся на отдельные ветви индоиранцев. Конечно, с уверенностью говорить обо всех ямных племенах как об ариях нельзя, тем более что археологические данные свидетельствуют о разном происхождении различных локальных вариантов данной общности. В то же время последнее обстоятельство само по себе не может и исключать индоиранство всего этого племенного массива: выше уже шла речь о том, что распространение индоевропейских языков не предполагает непременной тотальной смены прежнего населения и в ряде случаев могло происходить усвоение новых диалектов прежним в основной массе населением той или иной области после вкрапления в нее определенного контингента пришельцев. Явное же сходство культуры носителей этих имеющих разные корни локальных вариантов ямной общности свидетельствует о каких-то унифицирующих процессах, возможно, коренящихся как раз в общности языка. Так или иначе, если искать в археологических памятниках III тыс. до н. э. следы индоиранцев, то скорее всего именно в ареале ямной культурной общности.

Некоторые исследователи, особенно зарубежные, исходя из распространения на широком пространстве евразийского степного пояса в III—II тыс. до н. э. курганного погребального обряда, постулируют существование здесь в это время некоей единой «курганной культуры», связывая именно ее с процессом распространения индоевропейцев. В самом деле, практически одновременно с существованием ямной культурно-археологической общности на востоке, в Южной Сибири распространяется так называемая *афанасьевская культура*, памятники которой имеют определенное сходство с ямными. Однако при более внимательном отношении к критериям археологической классификации обнаруживается полная самостоятельность таких культурных явлений, как ямные и афанасьевские древности. Их однотипность опре-

деляется в первую очередь сходными экологическими и хозяйственными условиями, а также облегченными в степном ландшафте контактами между отдельными группами населения. В то же время необходимо отметить определенную антропологическую близость ямных и афанасьевских племен, особенно заметную на фоне преобладания в Восточной Сибири монголоидного населения.

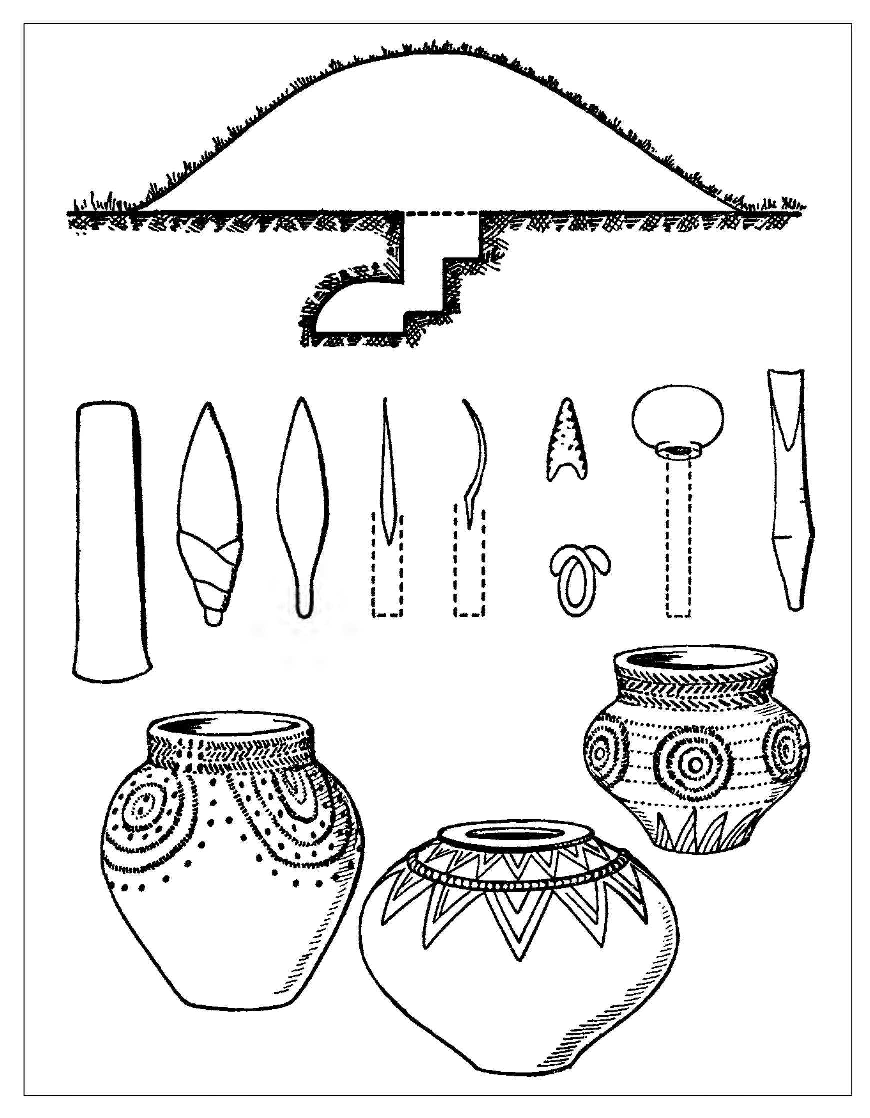
Феномен афанасьевской культуры было бы очень заманчиво объяснять ранним проникновением на восток Евразии народов индоевропейской семьи. Определенные доказательства их пребывания там в достаточно древнюю эпоху в самом деле существуют. Так, уже давно на территории Китая, в Восточном Туркестане, были найдены раннесредневековые рукописи, составленные на двух неизвестных до того языках, по своим лексико-морфологическим характеристикам, без сомнения, принадлежащих к индоевропейским. Поскольку истинное этническое наименование носителей этих языков неизвестно, они получили в науке чисто условные названия *тохарского А* и *тохарского Б* — по имени народа тохаров, обитавшего в Средней Азии в позднеантичную эпоху, хотя прямых оснований связывать указанные языки именно с этим народом нет. В рамках индоевропейской языковой семьи тохарские языки относятся к особой группе и не имеют прямых потомков среди современных языков, но многие их характеристики свидетельствуют о ближайшем их родстве с уже упоминавшейся выше так называемой древнеевропейской ветвью индоевропейских языков — той, о которой речь еще неоднократно будет идти в дальнейшем и которая включает балто-славянские, германские, кельтские и другие языки. При этом можно с уверенностью утверждать, что пратохарские языки ранее других древнеевропейских — не позже первых веков I тыс. до н. э. — выделились из этой общности. Тогда-то, задолго до создания найденных в Восточном Туркестане раннесредневековых текстов, их носители, видимо, и проникли далеко на восток [*Абаев* 1965, 136 сл.].

Данные о тохарских языках — древнейшее из дошедших до нас свидетельств проникновения индоевропейцев столь далеко на восток Евразии; они двигались, очевидно, через тот же пояс степей, по которому происходили в обоих направлениях более или менее массовые миграции различных народов на протяжении последующих тысячелетий. Следовательно, правомерно полагать, что среди создателей каких-то древних археологических культур Азии были и представители этой языковой семьи. Однако никаких критериев, позволяющих уточнить это положение и соотносить с носителями пратохарских языков ту или иную конкретную азиатскую археологическую культуру, на сегодняшний день нет. По причинам хронологическим совершенно очевидно, что ими не могли быть создатели гораздо более древней афанасьевской культуры. Но приведенные факты заставляют признать, что скорее всего существовали и иные группы индоевропейцев, в свое время — в том числе на весьма

ранних этапах — продвинувшиеся далеко от основного ареала праязыков этой семьи, но не идентифицируемые по той причине, что их языки, в отличие от по счастливому случаю сохранившихся тохарских, исчезли совершенно бесследно. Поэтому детальное наложение карты древних языков на археологическую в этом регионе неосуществимо в принципе. Можно намечать лишь какие-то более или менее надежные реперы. Не исключено, что как раз с одной из таких ранних миграций связана, в частности, история племен афанасьевской культуры юга Сибири.

Вернемся к рассмотрению вопроса об индоиранцах и о создателях памятников ямного типа. На ранних этапах изучения древностей эпохи бронзы юга Европейской части России была выстроена достаточно стройная схема, отражающая дальнейшую судьбу носителей ямной культуры. Согласно этой схеме, во II тыс. до н. э. ямные памятники в черноморско-приазовских степях сменились памятниками *катакомбными*. Первоначально создателей этих двух культурных общностей считали генетически связанными друг с другом, но позже возобладало мнение о пришлом характере катакомбных племен, причем так же, как ямную, катакомбную культуру теперь принято рассматривать как культурно-историческую область, включающую ряд различающихся между собой культур [*Клейн* 1970; *Рындина, Дегтярева* 2002, 145]. Носители последней, судя по всему, были в этом регионе пришельцами (или, по крайней мере, пришлый компонент принял участие в ее формировании), хотя вопрос об их прародине остается дискуссионным, так же как их этноязыковая принадлежность. Не исключено, что некоторая их часть восприняла бытовавшие здесь ранее индоиранские диалекты. Что касается судьбы ямных племен, то по крайней мере часть из них была, согласно этой схеме, вытеснена из Причерноморья, а в Нижнем Поволжье на ее основе сформировалась полтавкинская культура, явившаяся основой сложения *срубной культуры* позднебронзовой эпохи. Эта последняя во второй половине II тысячелетия вновь распространилась на запад, в причерноморские степи, где ее прямые потомки дожили до начала железного века — до скифской эпохи [*Кривцова-Гракова* 1954]. Поскольку ираноязычие как скифов, так и их предшественников в Причерноморье — срубных племен — установлено достаточно надежно (об этом речь пойдет ниже), эту схему можно было бы воспринимать как обобщенную археологическую картину ранних этапов истории индоиранцев и иранцев. Однако в настоящее время в результате широких археологических работ она подвергнута определенному пересмотру.

Так, более сложным представляется теперь генезис срубной культуры, которую вряд ли следует целиком выводить из культуры полтавкинской. В срубном ареале выявлен ряд локальных культурных вариантов, создание которых происходило с активным участием носителей различных культур предшествующего времени. В Поднепровье это племена так называемой культуры многоваликовой керамики, в Поволжье —

Схематический разрез кургана и инвентарь катакомбной культуры (*Авдусин Д. А.* Археология СССР. М., 1967. С. 107)

абашевской культуры [*Березанская и др.* 1986, 44—47]. Не вполне прямолинейно-генетической представляется ныне и связь между срубной культурой, с одной стороны, и причерноморскими культурами, прежде трактовавшимися как позднейшие этапы ее развития, — сабатиновской и белозерской, а также черногоровско-новочеркасскими памятниками рубежа бронзового и железного веков — с другой. Говорить определенно об этноязыковой принадлежности носителей всех этих культур на се-

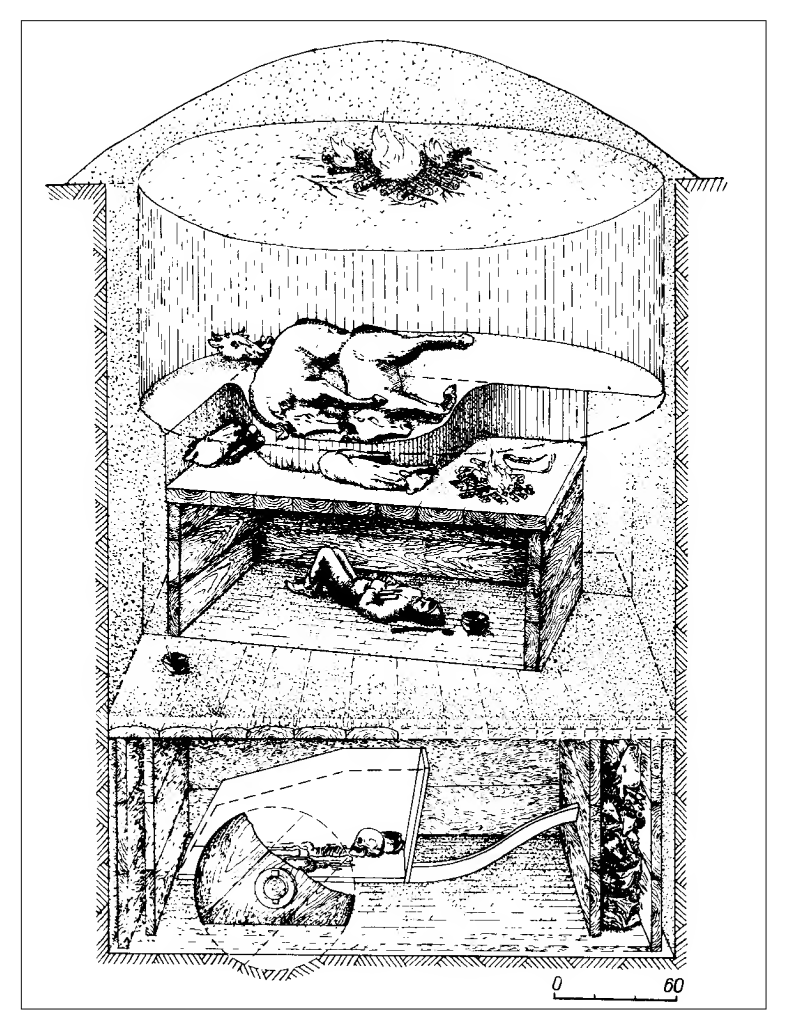
годняшний день затруднительно, за исключением того, что все они, видимо, принадлежали к индоевропейцам и что среди них так или иначе представлены народы индоиранской, а позже иранской ветви.

Итак, обобщенный вывод из анализа кратко изложенных выше историко-лингвистических и археологических данных состоит в том, что конец III и все II тысячелетие до н. э. (по археологической периодизации — эпоха средней и поздней бронзы) на юге Восточной Европы может рассматриваться как время обитания здесь индоиранцев, а позже — иранцев. С высокой степенью вероятности их история в значительной мере может быть соотнесена с племенами — носителями срубной культуры [*Рындина, Дегтярева* 2002, 193 и сл.]. Если ранее прародиной иранцев считали Среднюю Азию [*Оранский* 1979, 63], то сейчас, после работ В. И. Абаева и Э. А. Грантовского, как и более раннюю общеарийскую прародину, ее все увереннее помещают на юге Восточной Европы.

Здесь необходимо остановиться еще на одной гипотезе о происхождении народов индоиранской ветви и об их археологических следах. В последние годы российская исследовательница Е. Е. Кузьмина предложила разносторонне аргументированную теорию об арийской принадлежности создателей так называемой *андроновской культурной общности* [*Кузьмина* 1994]. Эта общность, типологически во многом близкая к срубной и в основном синхронная ей, являлась ее непосредственным восточным соседом и была распространена в степной и лесостепной зоне между Южным Уралом и Верхним Енисеем. Е. Е. Кузьмина провела разносторонний анализ андроновских памятников и сопоставила их различные характеристики (устройство жилищ и поселений, технологию изготовления посуды и ее формы, степень освоения металлургического производства и его особенности, набор разводимых домашних животных и т. п.) с теми данными о материальной культуре ариев, которые могут быть воссозданы на основе историко-лингвистического анализа. При этом обнаружились весьма выразительные совпадения. Пожалуй, в отечественной исторической литературе работа Е. Е. Кузьминой представляет наиболее детальный опыт сопоставления археологического материала с картиной, воссозданной на основе историко-лингвистических реконструкций. Вывод Е. Е. Кузьминой состоит в том, что культурный облик андроновцев вполне соответствует «культуре индоиранцев, особенно индоариев» [1994, 266], и это дало ей основания для соответствующей их этнической атрибуции.

Гипотеза эта весьма интересна. Следует принять во внимание, что археологами установлен факт проникновения именно андроновцев или близкородственных им племен в различные районы Средней Азии, где с начала исторического времени засвидетельствовано ираноязычное население (территория древней Бактрии, древнего Хорезма и т. д.), и что именно этим проникновением большинство исследователей склонны

объяснять иранизацию этих регионов. При этом существует гипотеза, что еще до иранцев в те же области проникало индоарийское население и что наличие этого раннеарийского субстрата облегчило укоренение

Реконструкция погребального сооружения с колесницей из могильника Синташта (*Генинг и* др. 1992. С. 154. Рис. 72).

здесь иранских языков. Имеются и другие данные, подтверждающие ключевые положения этой теории.

В связи с рассмотрением этой гипотезы имеет смысл привести один наглядный пример взаимодействия историко-лингвистических методов и археологии при воссоздании ранних этапов этнической истории. Еще в 1970 г. Э. А. Грантовский — один из основных создателей теории о локализации арийской прародины в евразийских степях, характеризуя

облик материальной культуры и социальную организацию индо-иранских племен по историко-лингвистическим данным, специально отметил важную роль в их жизни боевых колесниц и воинов-колесничих как особой социальной прослойки. Тогда это мнение вызвало возражения ряда ученых, полагавших, что арии восприняли колесницу из переднеазиатских культур лишь после того, как покинули свою степную прародину. Убедительных археологических свидетельств существования колесниц в евразийских степях во II тыс. до н. э. на тот момент еще не было, и Э. А. Грантовскому приходилось обосновывать свою точку зрения во многом умозрительными выкладками либо ссылками на малочисленные и не слишком выразительные находки [*Грантовский* 1970, 359]. Конечно, это ослабляло его аргументацию. Но практически сразу после выхода книги Э. А. Грантовского — в начале 1970-х гг. — на Южном Урале были раскопаны погребения начального этапа андроновской эпохи, содержащие двухколесные колесницы, предназначенные для пароконной упряжки [*Генинг* и др. 1992, 203 и др.]. Основанная на реконструкции гипотеза получила, таким образом, блестящее материальное подтверждение.

Все это свидетельствует, что теория о индоиранстве андроновских племен содержит серьезное рациональное зерно. Вместе с тем она порождает и ряд проблем. Прежде всего следует принять во внимание огромный ареал андроновской культурной общности, тогда как лингвистические данные предполагают формирование арийского единства на достаточно компактной территории (об этом говорят, в частности, упомянутые выше языковые следы контактов ариев с финно-уграми [*Хелимский* 2000, 505—510]). Важны также приведенные выше данные о высокой вероятности арийской атрибуции создателей срубной культуры. Правда, археологически засвидетельствованы не только тесные контакты западных андроновцев и восточных срубников, но и взаимопроникновение определенных групп тех и других, что делает весьма вероятным распространение среди племен обеих этих культурных общностей родственных арийских диалектов. Но рассматривать в качестве зоны раннего обитания ариев весь огромный срубно-андроновский ареал лингвистические данные вряд ли позволяют. Впрочем, детальная разработка археологического аспекта индоиранской проблемы делает еще по существу лишь первые шаги, и по мере ее углубления многие затруднения, естественно, будут устранены, хотя параллельно неизбежно будут возникать и новые вопросы.

Итак, мы убедились, что согласно преобладающему в современной науке мнению юг Восточной Европы и, возможно, смежные с ним области Азии сыграли важную роль в формировании большого массива индоевропейских народов — индоиранцев (ариев), в дальнейшем расселившихся по обширным пространствам Старого Света. Канва этого расселения на сегодняшний день в общих чертах выглядит так. Первыми ушли со своей прародины протоиндоарии. Произошло это около середины

II тыс. до н. э. Некоторые исследователи считают даже возможным допускать, что сам «распад индоиранского единства осуществился прежде всего за счет расселения праиндийского культурно-языкового комплекса», хотя все же «часть его могла остаться в Юго-Восточной Европе (и в этом случае позже была поглощена иранцами или их отдельными группами)» [*Грантовский* 1970, 353].

Заслуживает внимания, что об этой миграции протоиндоариев мы узнаем не только из историко-лингвистических реконструкций, но можем опираться и на данные письменных источников, являющихся вообще древнейшими письменными свидетельствами об индоиранцах. Известны два древневосточных документа середины II тыс. до н. э., где в текст вкраплены слова арийского происхождения: в договоре хеттского царя с правителем государства Митанни упомянуты имена богов, позже известных в древнеиндийском пантеоне, а в коневодческом трактате приведена терминология, связанная с практикой конского тренинга и восходящая к системе индоиранских числительных. Языковые особенности этих слов свидетельствуют, что они, скорее всего, принадлежат какому-то диалекту индоарийской группы после разделения арийских языков на две ветви [*Абаев* 1972, 33]. По существу это первое прямое свидетельство о начале расселения ариев с их восточноевропейской прародины, в дальнейшем приведшего их в Индию и Иран. Можно ли связывать появление этих ариев в Передней Азии непосредственно с продвижением народов той же группы в Индию и считать, что оно являлось как бы первым их шагом на пути туда, или в данном случае речь идет о какой-то самостоятельной их группе, позже бесследно растворившейся в местной этнической среде, окончательно решить вряд ли возможно; в науке были высказаны обе точки зрения [ср.: *Абаев* 1972, 33; *Дьяконов* 1970, 42] . Очевидно, путь их лежал через Кавказ, как и маршрут многих арийских миграций более позднего времени. Предпринимавшиеся попытки найти археологические следы этих так называемых переднеазиатских ариев выглядят неубедительно. Да и слишком рассчитывать на обнаружение их здесь не приходится: скорее всего, в Передней Азии задержались только немногочисленные воинские отряды ариев, быстро воспринявшие местную материальную культуру, в том числе более развитое военное снаряжение. Сказанное не исключает, конечно, что какие-то группы протоиндоариев продвинулись в Индию иными путями — через Среднюю Азию.

Не находит яркого археологического выражения и появление индоариев в самой Индии. Вообще попытки реконструкции арийских миграций (как в Индию, так и в Иран), по археологическим данным, оказались в значительной степени безуспешными. Было, к примеру, высказано мнение об их связи с распространением из определенных областей Среднего Востока так называемой серой керамики [*Ghirshman*, 1977], но всесторонний анализ показал, что связанная с этой керамикой археоло-

гическая культура никак не соответствует культурному облику древнейших индоиранцев, каким он предстает по историко-лингвистическим материалам, а ее первоначальный ареал и время появления в разных регионах не согласуются с данными о локализации прародины ариев и об истории их расселения [*Грантовский* 1981]. Те археологические комплексы в Индии, которые более или менее правомерно связывать с пришедшими сюда индоариями, как и более поздние памятники Ирана, относящиеся ко времени появления здесь носителей иранских языков, свидетельствуют, что арийские миграции не сопровождались распространением характерной для них на прародине археологической культуры в ее целостном виде. Это один из примеров той описанной во введении ситуации, когда распространение людей, присущих им языков и черт материальной культуры происходило с неодинаковой интенсивностью.

Через несколько столетий после ухода индоариев с их восточноевропейской прародины происходит распад оставшихся там ираноязычных племен на западных и восточных иранцев (в смысле языковой их принадлежности, а не взаиморасположения зон обитания), и на рубеже II—I тыс. до н. э. начинается продвижение первых в сторону Иранского нагорья. Именно эти миграции заложили основу формирования таких народов древнего Ирана, как персы, мидяне и др. Долгое время преобладало мнение, что их путь туда пролегал через Среднюю Азию, а по территории самого Ирана ираноязычное население распространялось в направлении с востока на запад. Однако, анализируя последовательность появления в ономастическом материале, зафиксированном ассирийскими текстами на территории будущего Ирана, личных имен и топонимов, для которых можно предполагать происхождение из иранских языков, Э. А. Грантовский показал, что направление их распространения было обратным и что скорее всего западноиранские племена проникли на территорию своего обитания в историческую эпоху через Кавказ [*Грантовский* 1970]. Путь их продвижения отчасти удается проследить и по находкам цепочки всаднических погребений степного типа в Закавказье и Западном Иране [*Погребова* 1977], но говорить о том, что пришельцы несли с собой целостный комплекс материальной культуры, не приходится и проследить их миграцию как процесс распространения некоей археологической культуры не удается: правомерно говорить о внедрении в местную в основе своей культуру лишь некоторых собственно иранских черт — в первую очередь тех, что связаны с традиционной для ариев идеологией и со свойственными им специфическими особенностями хозяйственно-бытового уклада (коневодство, верховая езда и т. п.).

Не позже начала I тыс. до н. э. происходит распад и того восточноиранского единства, зоной существования которого до тех пор оставалась все та же восточноевропейская степь, где происходили все преды-

дущие членения арийской общности. Именно восточноиранскими по своим лингвистическим характеристикам являются языки тех народов, которых начало исторической эпохи застает в Средней Азии, — бактрийцев, согдийцев, хорезмийцев. Но часть восточных иранцев в то время по-прежнему обитала в степях Восточной Европы; о них речь пойдет в следующей главе. Сейчас же следует еще раз подчеркнуть колоссальную роль, которую названный регион, будучи прародиной всех народов индоиранской языковой семьи, сыграл в этнической истории огромных пространств Старого Света.

«ДРЕВНИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ» В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (ПРЕДЫСТОРИЯ)

Возвратимся в конец IV—III тыс. до н. э. — ко времени распада индоевропейской общности. Этот процесс обусловил обитание на территории будущей России, помимо индоиранцев, носителей и другой ветви индоевропейских языков — представителей уже упоминавшегося ***древнеевропейского единства***. В историческое время эти языки составляли несколько обособившихся друг от друга групп — славянскую, балтскую, германскую и др., но лингвистические данные свидетельствуют, что такое разделение произошло позднее — по мере отделения от общего массива отдельных групп. Так, после выделения германцев в Восточной Европе от Вислы до Оки существовала балтийская (балто-славянская) общность племен (еще не обособившиеся друг от друга балты и славяне). В интересующее же нас в данный момент время можно говорить о носителях всех древнеевропейских языков лишь как о некоей этнокультурной целостности, и только в таком ключе следует пытаться найти их археологические следы.

В это время на обширных пространствах Центральной и Северной Европы — от Южной Скандинавии и бассейна Рейна до Волго-Камья — распространяется большая группа так называемых *культур боевых топоров и шнуровой керамики* (название происходит от наиболее типичного предмета вооружения этих племен и от характерного для них способа орнаментации глиняной посуды). Считается, что зоной формирования всех этих культур явилась область между Вислой и Днепром, откуда началось их продвижение в разных направлениях. Уже давно было высказано мнение, что именно оно обусловило распространение по территории Центральной и Восточной Европы носителей древнеевропейской ветви индоевропейских языков [*Брюсов* 1961].

В этом плане наше внимание должны привлечь памятники так называемой *фатьяновской культуры*, принадлежащей к кругу культур боевых топоров и распространенной в первой половине II тыс. до н. э. на

достаточно обширной территории лесной зоны Восточной Европы — от Новгородской области на западе до бассейна Камы и Ветлуги на востоке (иногда в рамках этой культуры одну из групп памятников такого типа рассматривают как самостоятельную балановскую культуру) [Эпоха бронзы 1987, 58 сл.; *Рындина, Дегтярева* 2002, 145 и сл.]. Археологические материалы рисуют фатьяновцев как носителей комплексного хозяйства, включающего скотоводство в его специфически лесных формах, земледелие (преимущественно, очевидно, подсечно-огневое), охоту и рыболовство. На территории своего распространения эти племена были, безусловно, пришлыми, причем отношения мигрантов с прежним населением порой складывались весьма конфликтно: известны случаи захоронения убитых в ходе военного столкновения фатьяновцев непосредственно на территории стоянок, принадлежащих носителям распространенных здесь до их прихода культур; подобные памятники археологическими средствами рисуют выразительную картину древних межэтнических столкновений (см., например: *Раушенбах* 1960). О воинственном нраве пришельцев свидетельствует и характерный для фатьяновской культуры инвентарь. Среди наиболее типичных для него

Фатьяновские боевые топоры и шнуровая керамика (*Авдусин Д. А.* Археология СССР. М., 1967. С. 119)

предметов — разнообразные сверленые боевые топоры, известные в огромном количестве, причем не только в погребениях, но и как отдельные случайные находки; очевидно, это следы боевых стычек, в ходе которых топоры, чьи рукояти легко ломались, часто бросали на поле сражения.

Время существования и ареал фатьяновской культуры позволяют, видимо, рассматривать ее создателей как одну из групп носителей древнеевропейских языков — тем более, что именно на этой территории фиксируется широкое распространение балтских по происхождению гидронимов и прослеживается влияние балтских языков на языки местных финно-угорских народов [*Топоров* 1997; *Напольских* 1997, 119 и сл.]. Однако этот ареал может обозначать лишь крайний — и традиционный с бронзового века — предел расселения индоевропейцев, вклинившихся в финно-угорский, как считает большинство исследователей, массив носителей культур ямочно-гребенчатой керамики в лесной зоне, но не связан с носителями собственно балтских языков, выделившихся значительно позднее — в железном веке [ср. *Дики* 2002, 66 и сл., 169 и сл.; *Седов* 1990; 1997].

В бронзовом веке — в середине II тыс. до н. э. — в Средней Европе формируется новая общность археологических культур, непосредственно связанная с последующими кельтскими, германскими, балтскими, славянскими и др. этническими культурами: это т. н. *культуры полей погребений* (культуры полей погребальных урн). Обряд трупосожжения с захоронением кальцинированных костей в урну или ямку без археологически различимого надгробного памятника (на «поле») остается характерным для этих культур вплоть до эпохи Великого переселения народов в III—VII вв.

О дальнейшей судьбе древнеевропейского населения, в частности о разделении балтов и славян, речь пойдет в следующих главах. Сейчас же ограничимся констатацией того факта, что именно этнокультурные процессы II тыс. до н. э. во многом определили этнический облик лесной полосы Восточной Европы на последующих этапах ее истории.

Судя по ряду данных, к этому времени относятся и вторичные, не восходящие к общеиндоевропейскому времени, контакты между разными группами индоевропейцев — к примеру, фиксируемые по языковым данным контакты иранцев с носителями разных древнеевропейских диалектов [*Абаев* 1965]. Такие контакты представляются вполне возможными и в свете данных археологии. Так, известны факты проникновения далеко на север — вплоть до бассейна Оки — определенных групп носителей срубной культуры, где они наряду с племенами, обитавшими здесь с эпохи неолита, приняли участие в формировании так называемой *поздняковской культуры* средне- и позднебронзового века [*Попова* 1960].

НАРОДЫ ИНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СЕМЕЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ В ДОИСТОРИЧЕСКУЮ ЭПОХУ

Мы охарактеризовали в общих чертах два этноязыковых массива населения этой территории, относящихся к индоевропейской семье, — индоиранский и древнеевропейский. Видимо, в это же время индоевропейское население Восточной Европы вступало в контакты и с представителями других языковых семей. Для краткого освещения судеб этих последних нам сейчас необходимо вернуться в глубь времен, к эпохе распада ностратической общности, поскольку именно этот процесс предопределил их возникновение. В первую очередь здесь следует сказать о народах ***уральской языковой семьи***.

К ней относятся носители ***финно-угорских*** и ***самодийских языков***. Судя по данным лингвистической реконструкции, *общеуральская прародина* приблизительно в VI—IV тыс. до н. э. находилась в таежной зоне — области распространения ели, сосны, пихты, сибирского кедра или кедровой сосны, лиственницы, а из животных — северного оленя, соболя, куницы. Носители уральского праязыка были рыболовами и охотниками. Рыбу ловили сетями и с помощью запруд, охотились с луком и стрелами. Разведения домашних животных они еще не знали, но держали собак. Из средств передвижения им были известны лодки и лыжи, а также сани для перевозки охотничьей добычи. Эти и другие данные позволили лингвистам локализовать прародину уральских языков близ Северного Урала, между нижним течением Оби и истоками Печоры, большей частью в Западной Сибири [*Хайду* 1985; *Напольских* 1997, 105 и сл.; *Хелимский* 2000], куда носители этого праязыка проникли, видимо, не позднее рубежа мезолитической и неолитической эпох с юга, смешавшись здесь с каким-то субстратным населением. В дальнейшем происходит распад уральского единства на самодийскую и финно-угорскую ветви, а затем этой последней — на финно-пермскую и угорскую, причем предприняты попытки соотнести эти языковые процессы с теми, которые прослеживаются по археологическим данным. Так, последнее из отмеченных разделений соотносят с членением существовавшей в Приуралье и Западной Сибири в неолитическую эпоху зоны распространения так называемой *гребенчатой неолитической керамики* на два ареала — приуральский и зауральский; предпринимались также опыты достаточно детального соотнесения археологических материалов с процессами, характеризующими раннюю стадию формирования языков самодийской группы [см.: *Косарев* 1987, 314 сл.].

Что касается предыстории засвидетельствованных в историческое время в северных и центральных областях Восточной Европы многочисленных финноязычных народов, то ее связывают либо с племенами ряда *культур* так называемого *ямочно-гребенчатого неолита — лья-*

ловской, *рязанской*, *карельской* и др., либо с племенами *волосовской культуры*. Вообще, если исключить тюркоязычные народы, появившиеся на обширных пространствах севера Евразии позже, то можно сказать, что основы этнической карты этого обширного региона, известной нам в начале исторического времени, были заложены именно в эпоху позднего неолита и бронзы: тогда определились основные границы распространения здесь не только индоевропейской и уральской языковых семей, но и ареалы их более дробных ветвей — индоиранской, балто-славянской, финно-угорской, самодийской и т. д. В настоящее время ведется тщательная и кропотливая работа по изучению как историко-лингвистических, так и археологических данных на этот счет, а также по их согласованию между собой (см. из последних работ [БСИ 1988—1996; *Хелимский* 2000]).

Из языковых семей, образовавшихся в процессе распада ностратического единства, на территории России представлена еще и ***алтайская***. До недавнего времени ее считали одним из ответвлений урало-алтайской семьи, но сейчас их принято разделять. Судя по лингвистическим данным, носители алтайского праязыка до его распада на рубеже VI—V тыс. до н. э. обитали там, где росли хвойные и дикие плодовые деревья, растения с гибкими ветвями, удобными для плетения, черемуха, орешник, бобовые. Зимой выпадал снег. Ландшафт включал чащобы, где водились пушные звери, болота и заболоченные луга, равнины со стадами диких копытных, в том числе оленей и лошадей (для алтайского праязыка реконструируется слово [*лошадиная*] *грива*), на которых велась охота. Праалтайцы разводили на полях несколько видов злаков, скорее всего, ячмень и просо. Исходя из всего этого, можно предполагать, что прародина народов этой семьи находилась на стыке степей и смешанных лесов, вернее всего в Южной Сибири, в районе Алтая и Саян.

На Дальнем Востоке — в Приамурье и Приморье — имеются данные антропологии, позволяющие относить неолитических охотников и рыболовов к североазиатским монголоидам байкальского типа, близкого **тунгусо-маньжчурским народам**; орнаментация неолитической керамики напоминает традиционный «этнографический» орнамент народов Приамурья [Неолит Северной Евразии, 314 и сл.], однако прямые этногенетические реконструкции были бы преждевременны.

Наконец, следует остановиться на тех языках, которые не восходят к ностратической общности. На территории России к их числу относится прежде всего большинство языков, распространенных у народов Кавказа. Как уже говорилось, недавно была выдвинута фундаментально обоснованная гипотеза, что ныне столь территориально удаленные друг от друга языки, как китайский и адыгский, изначально принадлежали к одной макросемье, сложившейся в зоне, располагавшейся неподалеку от области формирования ностратической общности. Эта макросемья

Петроглифы Нижнего Амура и изображения на сосудах

получила название ***синокавказской***. В восточных областях России одну из восходящих к ней особую семью ныне представляет язык ***кетов***, обитающих в бассейне Енисея. Что же касается языков ***северокавказской семьи***, распространенных много западнее и генетически связанных с той же древней макросемьей, то, вопреки ее названию, данному по области нынешнего распространения входящих в нее языков, их прародина находилась в переднеазиатском регионе. Об этом говорят контакты прасеверокавказских языков с языками других семей, а также то, что древнеписьменные северокавказские (по лингвистической классификации, а не по ареалу) языки — восточнокавказские хурритский и урартский и западнокавказский хаттский — были распространены к

югу от Кавказского хребта. Само разделение этой семьи на западную и восточную ветви произошло, очевидно, там же на рубеже VI—V тыс. до н. э., и на Северный Кавказ они проникали уже по отдельности. Из современных языков к первой ветви относятся ***языки нахско-дагестанской группы***, а ко второй — ***абхазо-адыгские***. Прасеверокавказцы, судя по реконструируемой лексике, занимались земледелием — выращивали злаковые культуры, а также разводили крупный и мелкий рогатый скот, свиней, знали лошадей и ослов. Им были известны некоторые металлы и колесная повозка.

Уверенно соотносить разные этапы истории этой языковой семьи с определенными археологическими культурами пока преждевременно [*Мунчаев* 1975, 412; *Рындина, Дегтярева* 2002, 91—97]. Достоверно можно сказать, что в эпоху бронзы восточная и западная области Северного Кавказа четко различались по облику материальной культуры. Археологически прослеживаются и достаточно длительные связи этого региона с Закавказьем и Передней Азией. Так, прослежен процесс проникновения на Северо-Восточный Кавказ не позднее середины III тыс. до н. э. сложившейся к югу от Кавказского хребта *куро-аракской культуры* эпохи энеолита [*Мунчаев* 1975, 195; *Рындина, Дегтярева* 2002, 91—97], которую некоторые исследователи связывают с народами — носителями языков хурритской группы. К «кругу переднеазиатских поздне-энеолитических культур» археологи относят известную *майкопскую культуру*, распространенную в III тыс. до н. э. в западных областях Северного Кавказа — в основном на левобережье Кубани [*Андреева* 1977; *Мунчаев* 1994; *Рындина, Дегтярева* 2002, 97—101], но вопрос об этноязыковой принадлежности ее носителей является предметом острых дискуссий, в ходе которых высказывались и довольно фантастические суждения; пока что он далек от разрешения. Майкопская культура в истории древних народов Восточной Европы представляет особый интерес по иной причине: знаменитый Большой Майкопский курган, давший название самой культуре, представляет одно из древнейших на территории России погребений, в котором чрезвычайно богатый инвентарь был призван подчеркнуть высокий социальный статус захороненного здесь человека. Майкопский курган сравнивают (по обряду и инвентарю) с царскими усыпальницами Ура в Месопотамии. Детальная же археологическая идентификация народов, принесших сюда языки северокавказской семьи, — очевидно, дело будущего [*Марковин* 1990].

Таковы некоторые приемы и результаты реконструкции ранних этапов этнической истории территории России на протяжении огромного периода — от заселения ее человеком до конца бронзового века. Для следующих эпох и имеющиеся в нашем распоряжении материалы, и методика работы с ними, и степень детализации получаемой картины приобретают качественно иной характер.

Глава III

КИММЕРИЙЦЫ, СКИФЫ И ГРЕКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ ПО ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ

С первых веков I тысячелетия до н. э. в истории тех регионов, которые составляют предмет нашего внимания, наступает новая фаза. Хотя сами коренные обитатели этих территорий все еще по-прежнему остаются на бесписьменной стадии, они оказываются в поле зрения более развитых цивилизаций — прежде всего древнегреческой, и в произведениях античных авторов мы обнаруживаем многочисленные и разнообразные сведения о народах Восточной Европы и даже об их более восточных соседях. Отрывочные сведения о народах, населявших в то время интересующие нас земли, встречаются и в древневосточных письменных памятниках. Во всех этих источниках мы впервые находим связанные с территорией России этнические наименования, некоторые сведения — отчасти исторические, отчасти легендарные — о происхождении обозначаемых этими этнонимами народов и другую информацию, в той или иной мере связанную с этнической историей. Поэтому начиная с указанного времени воссоздание древней этнической истории территории России базируется уже не только на данных археологии и лингвистики, но и на вербальных свидетельствах. Правда, необходимо иметь в виду инокультурную по отношению к описываемым народам принадлежность этих свидетельств, что, как уже отмечалось во введении, требует при их использовании не безоговорочного доверия к содержащимся в них сообщениям, а сугубо аналитического подхода.

ГРЕЧЕСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Появлением таких источников мы обязаны в первую очередь процессу греческой колонизации побережья Черного моря. Прекрасные мореплаватели, ***греки*** рано начали осваивать обширные пространства Средиземноморья и ряд областей за его пределами. Судя по косвенным данным, в Черноморский бассейн они проникли довольно рано. Отголоски этих первых путешествий сохранились в эллинских мифах — к примеру, в знаменитом рассказе о путешествии возглавляемых Ясоном аргонавтов за золотым руном в Колхиду — область в Юго-Восточ-

ном Причерноморье; согласно одному из толкований, с Черным морем связаны и некоторые из легендарных странствований Одиссея, хотя эта точка зрения встречает и серьезные возражения со стороны тех, кто связывает маршруты плаваний Одиссея с западными областями известной грекам ойкумены. Как бы то ни было, определенными сведениями о далеких северных землях греки к началу I тысячелетия до н. э. уже располагали, и когда в VIII—VII вв. до н. э. начался процесс Великой колонизации — вызванного экономическими и демографическими причинами расселения эллинов по новым землям, — он не мог обойти и Причерноморье [*Иессен* 1947; *Лапин* 1966; АГСП, 1955, 23—30, и др.].

В собственно греческой исторической традиции освоение эллинами этого региона нашло краткое, неполное и отчасти легендарное по своему характеру отражение. Более полно освещают этот процесс многочисленные и разнообразные археологические данные. С конца XVIII в., после присоединения Черноморского побережья к России, здешние древнегреческие поселения активно подвергались раскопкам, сначала любительским и случайным, а по крайней мере со второй половины XIX столетия систематическим и вполне для того времени профессиональным. Продолжаются они и в наши дни.

Наиболее ранняя из известных нам по археологическим данным греческая колония в этом регионе возникла в середине VII в. в устье Днепро-Бугского лимана, на современном острове Березань (судя по геоморфологическим данным, тогда это был полуостров, отделившийся от материка лишь при последующем изменении конфигурации черноморских берегов). Вслед за ним на протяжении примерно столетия в разных районах Северного и Восточного Причерноморья, на территории современных Украины, России и Грузии, возник целый ряд крупных городов, позже обросших более мелкими поселениями преимущественно сельскохозяйственного характера. Одним из важнейших греческих центров в Причерноморье являлся город Ольвия на правом берегу Бугского лимана, основанный выходцами из ионийского Милета. Множество больших и малых поселений, основанных независимо друг от друга на обоих берегах Керченского пролива — на Керченском и Таманском полуостровах, со временем объединились в единое Боспорское царство со столицей в городе Пантикапее, располагавшемся на месте современной Керчи. Колонизации подвергся и западный берег Крымского полуострова. Наконец, в III в. до н. э. была основана самая северная из греческих колоний в Восточной Европе — располагавшийся близ устья Дона г. Танаис.

Память о древнегреческих колониях сохраняется в современной причерноморской топонимике, поскольку в ходе последовавшей за присоединением этих земель к России кампании по основанию новых городов многим из них были даны известные из античных сочинений древние названия: таковы Севастополь, Херсон, Одесса, Евпатория и т. п.

Правда, недостаток исторических знаний привел к тому, что почти все подобные названия были помещены не на своих исконных местах. Так, древний Себастополис находился не в Юго-Западном Крыму, где располагается его современный тезка, а на кавказском побережье, близ нынешнего Сухуми. Зато как раз на месте современного Севастополя, а не на Нижнем Днепре, как теперь, в древности находился Херсонес (средневековый Херсон). Одним из немногих современных городов, носящих подлинное имя своего античного предшественника, оказалась Феодосия.

Греческие общины, составившие население основанных на черноморском побережье городов, в соответствии с эллинскими обычаями старались сохранять — про крайней мере на первых порах — этническую чистоту своего состава. Но с самого начала своей истории они неизбежно вступали в разнообразные контакты с местным населением этого региона. Это требовалось уже для самого основания колоний. О том, как протекал процесс колонизации и как складывались при этом отношения переселенцев с аборигенами, нам известно немного. Одно время археологи настойчиво искали на месте большинства причерноморских эллинских городов следы местных поселений непосредственно предшествующего их основанию времени, стремясь показать, что колонии возникали на тех самых местах, которые уже были освоены прежними обитателями этих земель. Однако убедительных примеров такого рода по существу не обнаружено. Большинство колоний возводилось, очевидно, на не заселенных до того участках. У средневекового автора Стефана Византийского содержится сообщение, что место для основания Пантикапея было предоставлено его основателям скифским царем Агаэтом; правда, сам акт основания этого города в упомянутом сообщении приписан здесь сыну мифического царя Колхиды Эета, фигурирующего, в частности, в сказании об аргонавтах; поэтому определить, чисто легендарный или в какой-то мере исторический характер имеет это свидетельство, без дополнительной информации невозможно.

По-разному — то мирно, то достаточно конфликтно — складывались отношения греков с местным населением и в дальнейшем. Но так или иначе южные области Восточное Европы на протяжении примерно тысячелетия являлись ареной довольно тесных экономических, политических и культурных контактов носителей античной цивилизации с обитавшими здесь народами. В этих условиях античный мир не мог не проявлять к своей северо-восточной периферии пристального интереса, продиктованного как чисто прагматическими соображениями, так и духовными запросами греческой, а позже римской интеллектуальной элиты. Конечно, в глазах эллинского мира все эти народы были «варварами» — так традиционно определял античный мир носителей любой иной культуры, в том числе таких высокоразвитых, как египетская или иранская (как и противопоставление собственного народа «варварам

четырех сторон света» в картине мира китайской цивилизации: [ср. *Крюков* 1984]). Но интерес к варварскому миру обусловил проникновение в античную литературу многочисленных сведений о нравах, обычаях и истории как тех народов, которые являлись непосредственными соседями греческих причерноморских колоний, так и тех, что обитали в более отдаленных областях северной части известной греко-римскому миру ойкумены (см. ниже о сходных явлениях в китайской традиции; сравнительный анализ «этнической классификации» у древних авторов см. в кн.: [*Крюков и др.* 1979, 268 и сл.]).

ЭТНОИСТОРИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сведения эти разнообразны по содержанию, характеру подачи и мере достоверности. Чаще всего это краткие, брошенные мимоходом замечания, порой к тому же достаточно фантастические, восходящие к популярным во все времена и у всех народов рассказам о странностях далеких баснословных земель. Но иногда подобные сообщения, при всей своей краткости, содержат вполне реальные и весьма ценные сведения, поддающиеся согласованию с другими данными; однако для того, чтобы выделить такие по-настоящему информативные свидетельства из массы недостоверных утверждений, как правило, требуется большая сопоставительная и источниковедческая работа. Наиболее же ценными являются, конечно, античные сочинения иного рода — те, в которых содержится пространное и разностороннее описание тех или иных областей Восточной Европы и смежных с ней территорий Азии и их обитателей, описание, основанное либо на личных впечатлениях автора, либо на систематизации данных, почерпнутых из сочинений его предшественников на ниве античной науки и словесности (см. *Приложение*).

Последнее обстоятельство особенно важно, потому что многие весьма ценные по содержанию древние сочинения до нас не дошли, и мы знаем о них лишь по более или менее многочисленным ссылкам в произведениях более позднего времени. К числу таких почти утерянных для нас авторов относится, к примеру, Гекатей Милетский (конец VI — начало V в. до н. э.), составивший обширное «Землеописание», постоянные ссылки на которое мы находим в античной и раннесредневековой литературе. Судя по этим ссылкам, Гекатею были известны — по крайней мере по названиям — многие народы Причерноморья, Северного Кавказа, более восточных областей Евразии, в иных контекстах в античной литературе вообще не упомянутые. Можно лишь предполагать, насколько ценным оказался бы этот труд в контексте рассматриваемой темы, сохранись он до наших дней, поскольку он позволил бы составить весьма подробную этногеографическую карту интересующих нас регионов. Дошедшие же до нас отрывки из него содержат по пре-

имуществу лишь не локализуемые с достаточной достоверностью этнонимы и непригодны для реализации такой задачи.

Из сохранившихся античных сочинений важнейшим и наиболее ценным для исследователя истории народов, обитавших в древности на территории нынешней России, является, без сомнения, так называемый Скифский рассказ Геродота (V в. до н. э.), занимающий значительную часть четвертой книги его знаменитой «Истории» в девяти книгах. Практически общепризнано, что, готовясь к созданию своего фундаментального труда по истории греко-персидских войн и путешествуя по тем странам, где развертывались события, так или иначе, по его мнению, с этими войнами связанные, Геродот посетил и Северное Причерноморье. Существуют разные мнения насчет того, достиг ли он глубинных земель этого региона или ограничился пребыванием в Ольвии, но собранные во время этого путешествия сведения в совокупности с данными, почерпнутыми им у более ранних авторов, позволили ему детально описать многие стороны жизни народов Восточной Европы, в первую очередь скифов.

Интересные сведения о скифах и соседних с ними народах находим мы в трактате «О воздухе, водах и местностях», составление которого приписывается младшему современнику Геродота, известному древнегреческому врачу Гиппократу. Поскольку его авторство точно не установлено, данный источник иногда обозначается как сочинение Псевдо-Гиппократа (Ps.-Hipp.). В силу своих естественно-научных интересов, составитель трактата не только сообщает кое-какие сведения об обычаях народов Восточной Европы, но дает и описание их внешнего облика — своего рода антропологическую характеристику.

Другим крайне ценным источником являются посвященные северным областям известной античному миру ойкумены разделы «Географии» Страбона. Этот автор, живший на рубеже нашей эры, был прекрасно знаком с античной литературой о разных странах и народах, в том числе с огромным количеством ныне утраченных сочинений по этой тематике. Поэтому его труд полнее других известных нам древних источников освещает этнокультурную ситуацию, существовавшую на значительной части интересующей нас территории не только собственно в его время, но и на более ранних этапах истории. Более или менее подробные данные об этих землях мы находим в фундаментальном сочинении историка Диодора Сицилийского (I в. до н. э.), у писателей римской эпохи Плиния Старшего (I в. н. э.), Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.) и у некоторых других авторов. В конце XIX — начале XX в. замечательный российский ученый-классик В. В. Латышев составил и опубликовал почти исчерпывающую антологию античных свидетельств о народах Восточной Европы — «Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе». В этом издании тексты соответствующих пассажей даны параллельно на языке оригинала (греческом или латинском) и в русском переводе [*Латышев* 1890—1906]. В

1947—1949 гг. русскоязычная часть антологии В. В. Латышева была переиздана на страницах журнала «Вестник древней истории» с добавлением некоторых — правда, немногочисленных — древневосточных источников и с комментариями, не всегда, впрочем, удачными. С 1992 г. санкт-петербургское издательство «Фарн» начало переиздание труда В. В. Латышева в виде отдельных выпусков, воспроизводящих журнальную публикацию. Существование этой антологии весьма способствовало привлечению античных источников к воссозданию древней истории — в том числе этнической — Восточной Европы.

Интерес тех античных авторов, в чьих сочинениях содержатся данные об областях, ныне входящих в территорию России и соседних с нею государств, не только к реалиям своего времени, но и к достаточно отдаленному прошлому, чрезвычайно важен для историка этих областей. Если сами античные сочинения об интересующих нас землях в массе своей никак не старше VI в. до н. э., то встречающиеся в них сообщения о более ранних эпохах — пусть даже краткие и разрозненные — позволяют углубить начало истории этих регионов, отраженной в вербальных источниках, еще примерно на два столетия. Правда, при работе с такими сведениями необходимы предельно критический подход, умение отделить сколько-нибудь достоверное историческое сообщение от сведений, существенно трансформированных мифоэпической традицией, из которой оно почерпнуто. Следует также отметить, что в силу хорошей археологической изученности территорий, попадавших в поле зрения античного мира, именно здесь мы встречаемся с ситуацией, обеспечивающей возможность весьма продуктивного сопоставления вербальных (причем разнохарактерных) и археологических данных по этнической истории. Одним из примеров подобного комплексного подхода к этноисторической проблематике является интерпретация всего, что связано с древнейшим из известных нам по имени народов, зоной обитания которых была (или, по крайней мере, считалась в древности) Восточная Европа, а точнее Северное Причерноморье и, быть может, Предкавказье. Таким народом принято считать ***киммерийцев***.

КИММЕРИЙЦЫ

Сложность этнокультурной идентификации этого народа и проблематичность самой исторической достоверности сохранившихся сообщений о нем определяются помимо всего прочего тем, что любой античный автор, упоминающий киммерийцев как обитателей Восточной Европы (за исключением, может быть, Гомера, увязка данных которого именно с интересующими нас регионами к тому же весьма проблематична), сам не застал их на исторической арене; в античной литературной традиции все, связанное с киммерийцами, — если не считать фрагментарных

свидетельств об их пребывании в Малой Азии — описывается как события более или менее отдаленного прошлого, т. е. в лучшем случае — с чужих слов, если вообще не является плодом фантазии автора. Киммерийцы предстают здесь как прежние обитатели тех земель, которые известны античному миру под именем Скифии, т. е. области расселения скифов — народа, современного существованию греческих колоний в Причерноморье и хорошо античному миру известного. Именно в таком контексте киммерийцы фигурируют, в частности, в повествовании Геродота, содержащем самые подробные и составляющие некое смысловое целое сведения об этом народе. Согласно Геродоту (I, 103—106; IV, 11—13), скифы, вытесненные с исконной территории своего обитания, лежащей за пределами Северного Причерноморья, неким враждебным им народом (об этих событиях речь пойдет ниже, в связи с рассмотрением истории самих скифов), переместились в Причерноморье — туда, где застает их античная эпоха, и изгнали живших там до этого киммерийцев, после чего, преследуя их, перевалили через Кавказский хребет и оказались в Передней Азии. Там на протяжении довольно длительного срока они учиняли бесчинства и грабежи и даже на какое-то время установили свое господство. Военным набегам и грабежам подверглись некоторые азиатские земли и со стороны убежавших от скифов киммерийцев (см., например: *Herod*.,I,6,15—16). Эти события,согласно Геродоту,относятся ко времени не позднее VII — начала VI в. до н. э., т. е. отделены от его собственной эпохи по крайней мере полутора столетиями. Можно ли в таком случае считать его рассказ о них исторически достоверным? Мнение современных исследователей на этот счет далеко не единодушно (историю исследования данных античной традиции о киммерийцах см. в новейшей работе: *Алексеев*, *Качалова*, *Тохтасьев* 1993). А между тем рассказ о взаимоотношениях скифов и киммерийцев — это, по существу, первая страница этнической территории России, сохраненная в исторической традиции, а не реконструированная исключительно по историко-лингвистическим и археологическим материалам. Поэтому рассказ этот заслуживает внимательного анализа как с точки зрения проверки его достоверности, так и в плане демонстрации методики сопоставления повествовательных данных со свидетельствами иной природы.

Сам Геродот видел подтверждение его точности прежде всего в том, что на северном побережье Черного моря в его время существовали топонимы, как будто сохраняющие память о прежних жителях этой страны. Так, современный Керченский пролив греки именовали Боспором Киммерийским; какие-то древние развалины в том же районе получили у них название Киммерийских стен; кроме того здесь же, по его сведениям, находилась «область, именуемая Киммерией», и некие Киммерийские переправы [*Тохтасьев* 1984]. Все это как будто свидетельствует, что киммерийцы в самом деле некогда здесь жили. Насколько, однако, весомы подобные доказательства?

В этой связи справедливо отмечалось, что ни один народ, как правило, не называет объекты на территории своего обитания собственным этническим именем — скорее подобные наименования присваивались иноэтничным населением [*Дьяконов* 1981, 94] — и что в данном случае перечисленные имена (к ним следует добавить существовавший на восточном берегу Керченского пролива греческий город Киммерий, упоминаемый целым рядом древних авторов) могли быть даны самими греками вследствие бытовавшего у них убеждения, что когда-то эту землю населяли киммерийцы. В действительности исконное местное название Керченского пролива, было, судя по всему, иным, и память о нем сохранилась в имени основанной на его западном берегу греческой колонии Пантикапей: в языках восточноиранской группы, на которых, как мы увидим ниже, говорило большинство туземных племен Причерноморья в то время, это имя означало «Рыбный путь» (то же имя — Пантикап — носила и одна из рек этого региона) [*Абаев* 1949, 175]. Название же Боспор — чисто греческого происхождения и прилагалось эллинами к разным проливам; наряду с Киммерийским существовал Боспор Фракийский, сохранивший это слово в своем названии до наших дней — это пролив Босфор, соединяющий Черное море с Мраморным. В обоих названиях прилагаемое к этому слову определение указывает, в земле какого народа данный пролив находится. Но поскольку, как явствует из всей античной традиции, самих киммерийцев осваивавшие берега Керченского пролива греки здесь уже не застали, его название, бытовавшее в античном мире, указывает лишь на существование в нем представления о прежних обитателях этих земель — представления важного, но не обладающего абсолютной этноисторической доказательностью. То же можно сказать о других «киммерийских топонимах» Северного Причерноморья. Но такое заключение при всей его логичности не проясняет, как же сформировалось и насколько достоверно само это представление.

Между тем в нашем распоряжении имеются другие, совершенно независимые от античной традиции, данные, свидетельствующие, что киммерийцы — не позднейший вымысел греков, а реально существовавший народ и что по крайней мере некоторые связанные с ними события, описанные в античной литературе, на самом деле имели место.

КИММЕРИЙЦЫ В ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Как уже говорилось, Геродот сообщает, что киммерийцы и преследовавшие их скифы при своем передвижении пересекли Кавказ и оказались в Передней Азии. Многочисленные подтверждения пребывания обоих этих народов на территории древних ближневосточных государств обнаружены в древневосточных клинописных текстах [*Иванчик* 1996],

в которых они называются соответственно *гимирри* и *ишкуза* (встречаются в восточных источниках и другие формы этих этнонимов, но все они, без сомнения, передают те же названия, которые известны нам из античной традиции). Конечно, здесь мы не найдем такого связного повествования о событиях киммерийской истории, какое имеется у Геродота. Но при всей разрозненности и фрагментарности содержащихся в этих текстах сведений они по сравнению с античными данными обладают тем достоинством, что относятся к тому самому времени, о котором повествуют. Идентичность наименования обоих этих народов в восточных и античных источниках неоспоримо свидетельствует о том, что эти этнонимы не выдуманы составителями соответствующих текстов, а восходят к самоназваниям соответствующих народов.

Древнейшие из ассирийских свидетельств о киммерийцах датируются предпоследним десятилетием VIII в. до н. э. и содержатся в письмах к ассирийскому царю Саргону II от наследного принца Синаххериба. В них сообщается о походе урартского царя в страну Гамир (т. е. в землю киммерийцев) и о жестоком разгроме, который он там претерпел.

Судить о местонахождении этой страны на основе упомянутых сообщений можно лишь по косвенным данным. Высказывалось мнение, что страна Гамир, с которой воевали урарты, — это те же северопричерноморские земли, которые приписывает киммерийцам более поздняя античная традиция [*Махортых* 1994, 17]. Однако никаких исторических или археологических доказательств того, что урартское войско когда-либо пересекало Кавказский хребет и достигало столь отдаленных для него северных земель, не существует. Более вероятно, что в данном контексте речь идет о какой-то области к югу от Кавказа. Некоторые исследователи помещают «страну Гамир» в Центральном Закавказье; другие обращают внимание на то, что практически в то же время ассирийские надписи фиксируют присутствие киммерийцев по соседству с государством Манна в окрестностях озера Урмия (совр. Резайе), и не исключают, что в обоих случаях имеется в виду одна и та же территория их пребывания. На сегодняшний день вопрос о локализации этой страны остается дискуссионным. Однако упомянутые свидетельства не теряют от этого своей исключительной важности, поскольку, во-первых, доказывают историчность самого народа киммерийцев, а во-вторых, подтверждают сообщение Геродота и других античных авторов о пребывании их в Передней Азии.

Содержатся в этих текстах и некоторые киммерийские личные имена, принадлежащие вождям действовавших в Передней Азии киммерийских отрядов. Так, здесь упомянут Дугдамми, отождествляемый обычно с вождем киммерийцев Лигдамисом, фигурирующим в рассказе Страбона (I, III, 21) о взятии киммерийцами Сард — столицы Лидийского государства в Малой Азии, а также Теушпа и Сандакшатру. Предпринимались неоднократные попытки выяснить языковую природу этих

имен и таким путем установить этническую принадлежность самих киммерийцев. При этом преобладающей в течение долгого времени была их трактовка на основе иранских корней. Особенно большое значение для формирования этой точки зрения имело имя Сандакшатру, в составе которого усматривали наличие иранского слова *хшатра* — 'власть', широко распространенного в именах представителей социальной верхушки ираноязычных народов. Но сейчас признано, что клинописный текст допускает и иное чтение этого имени — Сандакурру, исключающее такое толкование. Зато в его составе угадывается имя малоазийского бога Санды, что может указывать на соответствующее происхождение имени в целом [*Иванчик* 1996, 127 сл.]; высказано предположение о малоазийских корнях имени и отца Сандакурру — Дугдамми [*Там же*, 122—124]. Поскольку указанные киммерийские вожди действовали как раз на территории Малой Азии, наличие у них таких имен вполне вероятно вне зависимости от этнической принадлежности самих киммерийцев, и решать эту проблему следует с опорой на весь комплекс разноприродных данных. Пока что она остается дискуссионной.

О чем древневосточные источники не говорят ни слова — это о том, откуда киммерийцы пришли в этот регион. Иными словами, ответа на главный для нашей темы вопрос: в самом ли деле названный народ является древнейшим известным нам по имени обитателем нынешней территории России или это позднейшая выдумка греческих авторов, — мы здесь не находим.

В древневосточных клинописных документах упоминания действующих в пределах Передней (в том числе Малой) Азии киммерийцев (гимирри), а также исторически связанных с ними в повествовании Геродота скифов (ишкуза) неоднократно встречаются и позже, в VII в. до н. э. Эти народы были известны и составителям первых книг Ветхого Завета. Память о штурме киммерийцами столицы Лидийского царства в Малой Азии — города Сарды — сохранилась также в античной литературе (например, в приведенной Страбоном, XIV, I, 40 строке поэта VII в. до н. э. Каллина), что неудивительно, потому что именно на этом этапе малоазийской эпопеи киммерийцев жители греческих городов Ионии — западного побережья Малой Азии и прилегающих островов — вступили с ними в непосредственное соприкосновение. Однако за исключением не поддающейся однозначному толкованию фразы о разбитом царем Асархаддоном киммерийском вожде Теушпе, содержащейся в одном из ассирийских документов и гласящей, что «место [обитания] его далеко», никаких согласующихся с античной традицией или опровергающих ее указаний на то, где же находилась исконная территория этого народа до его появления в странах древнего Ближнего Востока, мы в источниках, синхронных собственно киммерийскому времени, не обнаруживаем. Более того, между древневосточными свидетельствами о киммерийцах и скифах в

Передней Азии и рассказами античных писателей об этих событиях имеются и некоторые расхождения.

Так, по данным Геродота, киммерийцы и преследующие их скифы появляются в Передней Азии практически одновременно — тогда, когда в древневосточном государстве Мидии правит царь Киаксар. Хронология мидийской истории сама по себе дискуссионна, но, какой бы из существующих ее вариантов мы ни приняли, речь должна идти об отрезке между второй половиной VII и началом VI в. до н. э. Продолжительность господства скифов в Передней Азии, согласно тому же рассказу, составила 28 лет (*Herod.*, I, 106; IV, 1), после чего скифы якобы возвратились в Причерноморье. Таким образом, в описании Геродота вся история появления скифов в Восточной Европе, изгнания ими оттуда киммерийцев и киммерийско-скифской переднеазиатской эпопеи составляет достаточно компактный блок событий, связанных друг с другом причинно-следственной связью. Между тем ассирийскими клинописными текстами надежно засвидетельствовано присутствие скифов на территории древневосточных государств не позже 70-х годов VII в. до н. э. [*Иванчик* 1996, 185], а киммерийцы, как уже говорилось, были известны там еще в конце VIII века. В свете этого было высказано предположение, что Геродот в своем рассказе несколько спрессовал события, которые в действительности заняли в истории больший промежуток времени. Но коль скоро это так, то под сомнение должен быть поставлен тезис о столь тесной причинно-следственной связи между всеми перечисленными событиями, а значит, созданная на основе античной традиции историческая (в том числе этноисторическая) реконструкция требует по меньшей мере определенной коррекции.

Более того, ряд подобных несоответствий вообще породил у многих современных исследователей скептическое отношение к заимствованному из сравнительно поздней античной литературной традиции представлению о киммерийцах как о народе, некогда обитавшем в Восточной Европе, а точнее — в Северном Причерноморье. По мнению этих ученых, исторически достоверны лишь свидетельства об их пребывании в Передней Азии [*Алексеев*, *Качалова*, *Тохтасьев* 1993]. Этот скепсис усугубляется еще и тем, что многие сообщения греческих авторов об этом народе приобрели в известной мере мифологическую окраску: в киммерийцах стали видеть символ далеких северных земель, обитателей едва ли не загробного, потустороннего мира. Соответственно, локализация киммерийцев в ряде случаев вообще оторвалась от какой бы то ни было реальной почвы, и их стали поселять повсюду, где мыслился вход в подземный мир (ср., например, свидетельство Страбона V, IV, 5, сообщающего, что местность у залива Аверн в Италии «считали Плутоновой, полагая, что там живут киммерийцы»). Но вопрос состоит в том, связались ли в представлениях греков киммерийцы с подземным миром вследствие их действительного обитания на дальнем, по греческим

масштабам, севере или же, напротив, их приурочили к далекому Северному Причерноморью по той причине, что этот народ мыслился связанным с загробным миром. В таких условиях исследователи, естественно, обращаются к привлечению археологических материалов, ища в них ответа на ключевой вопрос о реальности или чисто легендарной природе данных о восточноевропейских киммерийцах. Однако археологический аспект киммерийской проблемы неразрывно связан с проблемой скифской, поскольку определяющим для понимания этнокультурной ситуации здесь оказывается все тот же рассказ Геродота о вытеснении киммерийцев скифами из Причерноморья. Поэтому прежде, чем обратиться к поискам археологических следов киммерийцев, необходимо проанализировать, как понимаются в данном контексте скифы, тем более, что в отличие от полулегендарных, как мы убедились, причерноморских киммерийцев, этот народ в самом деле является первым достоверно засвидетельствованным на территории России.

СКИФЫ

Из всех народов, обитавших в древности на интересующем нас пространстве, ***скифы*** являются одним из самых известных. Но несмотря на это, обращаясь к их истории, мы сталкиваемся с целым клубком дискуссионных, а порой и взаимоисключающих точек зрения. По справедливому замечанию одного из нынешних исследователей, «почти все проблемы современной скифологии остаются спорными, и ни одна из них не получила еще однозначного решения» [*Куклина* 1985, 16]. Однако именно поэтому скифская проблема должна привлечь особенно пристальное наше внимание: на ее примере лучше всего можно продемонстрировать бытующие в современной науке подходы к решению вопросов древней этнической истории, методы интерпретации разноприродных данных и их согласования между собой. Особое внимание, уделяемое скифам на страницах этой книги, правомерно еще и потому, что историю почти всех других древних обитателей интересующих нас территорий античные авторы рассматривают именно через призму соотношения этих народов со скифами.

Необычайный интерес античного мира к скифам объясняется прежде всего тем, что именно с ними наиболее тесно контактировали поселившиеся в Северном Причерноморье греки. Практически одновременно с основанием первых эллинских колоний греки столкнулись со скифами и у себя на родине, поскольку в том же VII в. до н. э. скифские отряды, вторгшиеся, как уже говорилось, в Переднюю Азию, достигли Восточного Средиземноморья и оказались в поле зрения жителей городов Ионии. На протяжении ряда последующих столетий скифы и греки жили в Северном Причерноморье бок о бок. Следствием их

многообразных контактов явилось пристальное внимание эллинского мира к этому народу и достаточно полное освещение его истории и обычаев в греческой литературной традиции. Возросшая на этой традиции средневековая ученость прочно закрепила за Восточной Европой имя Скифии, употреблявшееся почти до нового времени, хотя реально после III в. н. э. скифы с исторической арены исчезли совершенно. По существу, именно к средневековью восходят характерные для ранних этапов исторической науки попытки искать в скифах корни русского народа. Так, М. В. Ломоносов в своих поисках «древних родоначальников нынешнего российского народа» полагал, что «среди них скифы не последнюю часть составляли». Один из поздних отголосков такого представления мы находим, к примеру, в стихах Валерия Брюсова («Мои отдаленные предки!» — обращался к скифам поэт); периодически оно возрождается в околонаучной литературе даже в наше время.

Между тем давно и надежно установлено, что по крайней мере в языковом отношении преемственность между скифами и восточнославянскими племенами отсутствует: скифы принадлежали к тому крупному массиву ираноязычных народов, который, как уже говорилось в предыдущей главе, на протяжении многих столетий составлял основную массу населения евразийского степного пояса или по крайней мере западной его части. Известный российский лингвист В. И. Абаев проанализировал весь доступный нам лингвистический материал, связанный со скифами и родственными им в этнолингвистическом отношении сарматами, о которых речь будет далее: сохранившиеся в сочинениях античных авторов и в греческих и латинских надписях из городов Причерноморья их личные имена, этнонимы, топонимы. На этой базе он смог составить «Словарь скифских основ» и охарактеризовать ряд особенностей фонетики, морфологии и словообразования в скифо-сарматских наречиях [*Абаев* 1949, 147 сл.; повторная публикация: *Абаев* 1979, 272 сл.]. Это позволило ему еще в 1949 г. сформулировать вывод, что в этом материале «все, что не объяснено из иранского, в большинстве вообще не поддается объяснению» и что, анализируя языковую ситуацию на юге Восточной Европы в скифо-сарматскую эпоху, «с научной достоверностью мы можем говорить только об иранском [языковом элементе. — *В. П., Д. Р.*]».

Правда, в последнее время академик О. Н. Трубачев в ряде работ предпринял попытку обнаружить в том же материале следы индоарийских языков [см.: *Трубачев* 1999]. В свете сказанного в предыдущей главе о локализации прародины индоарийских народов подобная гипотеза в принципе вполне правомерна. Однако при ее оценке следует иметь в виду крайне высокую степень близости древних иранских и индоарийских языков, которая в большинстве случаев не позволяет расчленить их следы — особенно в предельно фрагментированном материале; если же в скифо-сарматских языковых остатках все же обнару-

живаются диагностические с этой точки зрения признаки, они практически все без исключения указывают на специфически иранский характер дошедших до нас слов [подробнее см.: *Грантовский*, *Раевский* 1984].

СКИФЫ И «СКИФЫ» В АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

Кто же такие скифы в понимании античного мира, каковы пределы территории их обитания? Всмотревшись в принципы употребления этого названия в античной литературе, мы легко убедимся, что у разных авторов или даже у одного и того же автора в разных контекстах оно имеет различное содержание. Так, для Геродота, как правило, скифы — вполне конкретный народ, населяющий причерноморские и приазовские степи между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном). Уже земля соседнего с ними и родственного им народа савроматов, обитающих к востоку от Танаиса, для него определенно не скифская земля (IV, 21), и он достаточно внимателен к разграничению скифских племен (которых он знает несколько, о чем ниже) и всех прочих, нескифских, народов. Лишь однажды (VII, 64) он называет скифами один из среднеазиатских народов, вместе с тем причисляя его к сакам и отмечая, что персы всех скифов называют саками, что, судя по древнеперсидским надписям, соответствует действительности.

Зато другие авторы используют тот же этнический термин «скифы» в совершенно ином значении. К примеру, Диодор в рассказе о начале скифской истории сообщает, что после обретения могущества этот народ разделился на множество ветвей, из которых «одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие» (II, 43, 5). Все эти народы знает и Геродот, но если в его описании они предстают как особые, нескифские, то для Диодора они же выступают как различные этнические подразделения единого массива скифов. О существовании наряду со скифами, живущими в Северном Причерноморье, также и других скифов — тех, которые обитают к востоку от Гирканского (Каспийского) моря, говорит Страбон (XI, VIII, 2). Представление о двух Скифиях — Европейской и Азиатской — с большей или меньшей отчетливостью проявляется в сочинениях и многих других античных авторов.

Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, уже отмечавшейся во введении: один и тот же этноним в разных контекстах служит для обозначения этнических (а порой и псевдоэтнических) совокупностей различного таксономического уровня, и это обстоятельство свидетельствует, что этноисторическую картину, заимствуемую из древних текстов, нельзя воспринимать как вполне адекватное описание реальности — она требует аналитического подхода. Отражают ли оба охарактеризованных варианта понимания этнонима *скифы* применение этого термина сами-

ми обитателями Евразии в качестве самоназвания? Называли ли сами себя скифами и конкретный народ, обитавший в то время на юге Восточной Европы, и множество народов, живших достаточно далеко друг от друга, и если да, то свидетельствует ли это о родстве всех этих народов между собой? Здесь следует принять во внимание два обстоятельства: во-первых, существование общего самоназвания предполагает высокую степень осознания своего этнического единства, а для бесписьменного общества столь ранней эпохи существование единого этнического самосознания у обитателей обширных пространств Евразии — приблизительно от Дуная до Памира — представляется весьма проблематичным; во-вторых, наши сведения об этнонимии этого региона почерпнуты исключительно из инокультурных источников, и нельзя исключать, что расширительное значение этнонима отражает его использование греками в качестве обобщающего термина. Собственно, именно об этом еще в древности писал Страбон (I, II, 27), согласно которому «известные народы северных стран назывались одним именем скифов или номадов... ибо вследствие неведения отдельные народы в каждой стране подводились под одно общее имя».

Существовали объективные причины для такого превращения конкретного этнонима в обобщающий термин. Большинство народов, именуемых античными авторами скифами, обладали сходным бытовым и хозяйственным укладом — это были кочевники, номады. Эта близость нашла выразительное отражение и в археологических материалах, описываемых ниже и демонстрирующих значительное сходство материальной культуры того времени на широком пространстве Евразийского степного пояса и смежных с ним областей. Что касается выбора в качестве такого обобщающего термина именно самоназвания скифов, то ведь именно этот народ греки узнали раньше и лучше, чем всех других жителей этого региона. Однако это лишь умозаключение, основанное на общих соображениях. Проверить его в какой-то мере позволяют археологические материалы, к которым мы обратимся ниже. В самой же античной традиции мы находим свидетельство, на первый взгляд как будто подтверждающее представление о непосредственном родстве скифов, по крайней мере, с некоторыми народами более восточных регионов. Оно содержится в сообщениях о происхождении скифов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СКИФОВ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

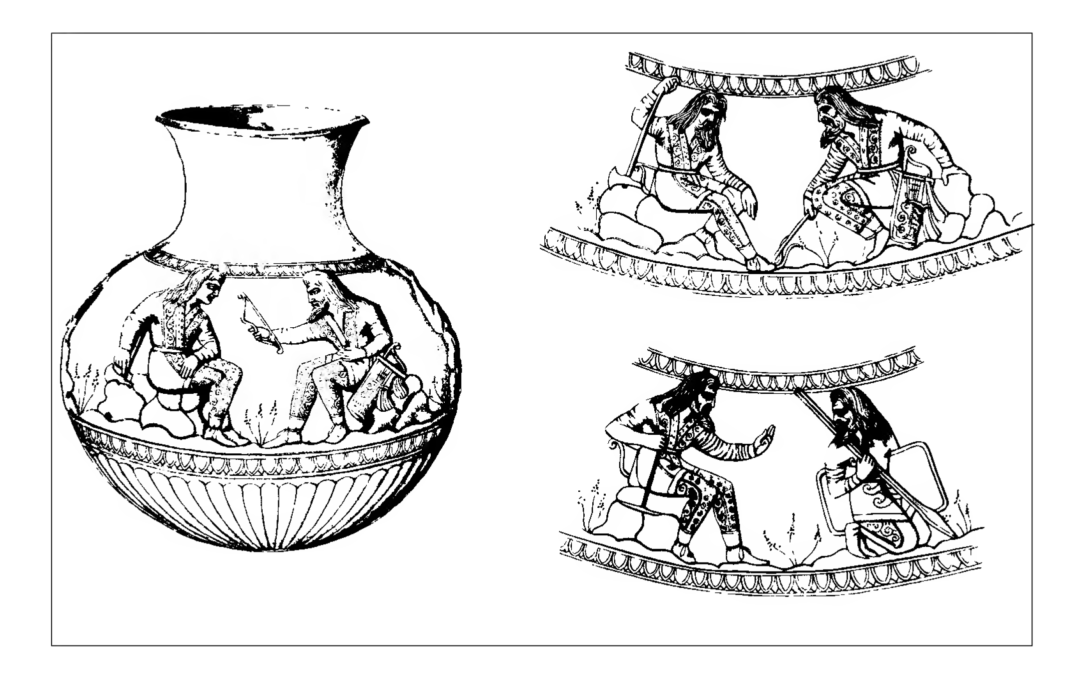
Между сообщениями разных античных авторов о начале скифской истории имеются определенные расхождения, но основная канва в них совпадает (см. *Приложение*).

Пожалуй, наиболее связным и детализированным является так называемый третий рассказ Геродота на этот счет. Приведя две чисто мифологические версии толкования этой темы, где повествуется о происхождении скифов непосредственно от богов и мифических героев (*Herod*., IV, 5—10), историк приступает к изложению третьей версии, которой он сам, по его собственным словам, наиболее доверяет. Согласно этой версии, скифы, изначально жившие «в Азии», вследствие давления на них со стороны народа массагетов перешли реку Аракс и вступили в землю, до этого заселенную киммерийцами; далее следует уже приведенное нами повествование о вторжении киммерийцев и скифов в Переднюю Азию. В подтверждение своего рассказа Геродот приводит свидетельство из не сохранившегося до наших дней сочинения автора VII в. до н. э. Аристея Проконнесского, согласно которому причиной появления скифов в земле киммерийцев была цепная реакция миграций, вызванных рядом межэтнических конфликтов: живущие на самом краю обитаемой земли одноглазые люди аримаспы вытеснили народ исседонов с его территории, исседоны потеснили скифов, а те в свою очередь изгнали киммерийцев, живших «у южного моря». Примечательно, что если у Геродота скифов вытесняют с прежнего места обитания массагеты, то Аристей виновниками этого переселения называет исседонов. Об этом расхождении нам еще придется говорить далее.

Во многом близка к приведенным рассказам версия Диодора Сицилийского (II, 43). Он, правда, не упоминает ни давления на скифов со стороны какого-либо народа, объясняя интересующее нас переселение (точнее — расселение) ростом их могущества, ни вытесненных ими киммерийцев, но также отмечает, что скифы, поначалу обитавшие в очень незначительном количестве у реки Аракс, затем распространились до Кавказа и Танаиса (реки Дон), а потом и до Фракии (страны на Балканском полуострове), после чего совершили поход по землям древневосточных царств вплоть до Египта. Как видим, последовательность событий здесь та же самая. Отголоском этих же представлений является сообщение Страбона (XI, II, 5) об изгнании киммерийцев скифами из области, где основан город Пантикапей, т. е. опять-таки из Северного Причерноморья. Правда, о самих скифах здесь же говорится, что они были изгнаны основавшими Пантикапей эллинами, т. е. имеется в виду не причина появления скифов в земле киммерийцев, а события более поздние, но композиционный прием — описание цепи миграций, вызванных давлением народов друг на друга, — сохранен.

Итак, античная традиция рисует восточноевропейских скифов как пришельцев из Азии. На этом в значительной мере и основано широко распространенное в современной науке представление об их родстве с более восточными народами, перекликающееся с отмеченным расширительным значением их этнического имени. Отсюда же — образ азиатов с раскосыми очами в известном стихотворении «Скифы» Александра

Блока. Между тем уже со времен первых раскопок скифских погребальных курганов Причерноморья в первой половине XIX в. принадлежность скифов по антропологическим, расовым характеристикам к европеоидам является надежно установленным фактом — как по костным останкам, так и по изобразительным данным. Представление о них как о раскосых монголоидах — не более, чем дань традиции, сформировавшейся под влиянием оценки более поздних миграционных волн, периодически накатывавшихся в восточноевропейские степи с востока, — гуннов, тюрков, монголов.

Скифские воины — изображение на сосуде из могильника «Частые курганы» близ Воронежа (*Раевский* 1985. С. 21. Рис. 2)

Да и сам вопрос, как понимать ту «азиатскую» прародину скифов, о которой повествует античная традиция, не имеет однозначного решения. Дело в том, что эллинский мир в качестве границы между Европой и Азией рассматривал Дон-Танаис и Керченский пролив, а потому на роль такой прародины теоретически вполне может претендовать даже столь близкая восточная периферия Причерноморья, как степи волжско-донского междуречья. Сами античные авторы называют лишь два ориентира, по которым можно конкретизировать ее локализацию: реку Аракс, близ которой скифы якобы обитали первоначально, и название народа, под нажимом которого началось скифское продвижение на запад.

Упоминаемый здесь Аракс — это, конечно, не современная одноименная река в Закавказье. Впрочем, в свое время было высказано суждение, что именно закавказский Аракс здесь и подразумевается, поскольку Геродот якобы смешал сведения о первичном появлении скифов в Европе и об их возвращении сюда через Закавказье после переднеазиатских походов, при котором они в самом деле должны были пересечь одну из крупнейших закавказских рек [*Клейн* 1975]. Однако эта гипотеза не слишком убедительна: ведь Диодор, также, как мы видели, называющей бассейн Аракса в качестве места первоначальной локализации скифов, четко различает разные этапы передвижений этого народа — их уход от Аракса и вторжение в Переднюю Азию. При этом его рассказ в целом настолько самостоятелен, что усматривать в нем просто повторение ошибки Геродота нет оснований. К тому же у самого Геродота в других контекстах упоминается, без сомнения, и иной, не закавказский, Аракс — например, как река, которая впадает в Каспийское море и за которой живут массагеты, занимающие закаспийскую равнину (I, 201—202, 205, 209 и др.); последний момент очень важен для нас в связи с упоминанием натиска именно этого народа как причины начала переселения скифов. В массагетском Араксе часто видят Амударью или результат смешения представлений о двух крупнейших реках Закаспия — Амударье и Сырдарье. Но возможно и иное объяснение, о котором мы скажем чуть ниже (обзор точек зрения на проблему идентификации упоминаемой у древних авторов реки Аракс см. в: *Куклина* 1985, 114 сл.).

Что касается народа, вытеснившего скифов с их прародины, то Геродот, приписывая эту роль как раз ***массагетам***, сам же приводит рядом и отличное мнение Аристея, объяснявшего миграцию скифов натиском ***исседонов***. Тот же Геродот считает два эти народа соседними — по его словам (I, 201), они живут друг напротив друга, так что это расхождение не дает большого территориального разброса в локализации прародины скифов. Но смысловое различие здесь налицо, и недавно было высказано мнение [*Алексеев* 1992, 13], согласно которому, хотя Геродот использует свидетельство Аристея в подтверждение собственных данных, от его внимания попросту ускользнуло, что в действительности он и Аристей говорят о *разных* миграциях скифов: под натиском исседонов они якобы впервые появились в Европе около VII в. до н. э., а массагеты вытеснили сюда в последней трети VI в. какую-то новую волну азиатских кочевников. Следует, впрочем, отметить, что сам тезис об этой повторной миграции в Причерноморье в скифскую эпоху в письменных данных никаких подтверждений, помимо указанного расхождения между свидетельствами Аристея и Геродота, не находит, и сторонники этой гипотезы опираются в основном на толкование археологического материала; но подобная его интерпретация встречает серьезные возражения у многих специалистов, так что вопрос пока остается

дискуссионным. Как бы то ни было, можно утверждать, что, по представлениям Геродота, прародина скифов находилась непосредственно рядом с землей исседонов или вблизи от нее. Самих исседонов Геродота, судя по тому, в одном ряду с какими народами он их упоминает в другой части своего повествования (IV, 21—26 и др.), следует, очевидно, локализовать не далее Южного Урала или южных областей Западной Сибири, хотя у более поздних авторов — например, Птолемея — тот же этноним иногда прилагается и к гораздо более восточным народам, соседящим едва ли не с Китаем. О локализации всех этих народов речь еще пойдет в дальнейшем.

В свете сказанного нельзя пройти мимо давно существующей точки зрения, что Аракс, близ которого помещают исконные земли скифов Геродот и Диодор, — это Волга, тем более, что Птолемей упоминает сходное древнее ее название — Ра. Однако этот фонетический аргумент сам по себе не выглядит слишком убедительным. Приходится признать, что, опираясь исключительно на данные о реке Аракс, содержащиеся у древних писателей, ответить на вопрос, насколько достоверны данные античной традиции о начале истории скифов и, если в целом они достоверны, то откуда же именно скифы пришли в Северное Причерноморье, очевидно, невозможно — необходимо учитывать весь комплекс разнородных и разноприродных данных, в той или иной мере связанных с этой проблемой. Естественно, что особенно важное значение здесь приобретают археологические материалы.

ПОЯВЛЕНИЕ СКИФОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В ЗЕРКАЛЕ АРХЕОЛОГИИ

Первый курган в Северном Причерноморье, который можно связывать со скифской эпохой, был раскопан еще в 1763 г. близ города Елисаветграда; в науку он вошел под именем Литого кургана, или Мельгуновского клада [*Придик* 1911]. Во второй половине XIX и начале XX в. в причерноморских степях был исследован целый ряд наиболее крупных — так называемых царских — курганов, возведенных в древности над могилами представителей высшей скифской знати, а во второй половине нашего столетия систематическим раскопкам подверглись многочисленные курганные могильники рядовых скифов. В итоге археологический облик восточноевропейских скифов известен нам достаточно хорошо. Однако следует отметить одно любопытное обстоятельство: хотя скифский период в истории Северного Причерноморья занимает несколько столетий, подавляющее большинство обнаруженных археологами скифских погребений относятся к сравнительно краткому отрезку скифской истории — к IV в. до н. э. Погребения VII—V вв., несмотря на интенсивные поиски, насчитываются в лучшем случае

десятками. Тем не менее сопоставление сделанных в них находок с древностями IV в. до н. э. позволило специалистам составить представление о материальной культуре скифов в ее динамике. Это представление и было положено в основу поиска истоков этой культуры и, соответственно, подхода археологов к проблеме происхождения скифов.

При взгляде на ту картину начала скифской истории, которую можно почерпнуть из античной традиции и которую мы обрисовали выше, создается полное впечатление, что именно здесь можно найти наиболее выразительный пример такой этноисторической ситуации, которая вполне четко отражается в археологических данных. В самом деле, к чему сводится эта картина? Северное Причерноморье на определенном этапе населено племенами киммерийцев. Затем сюда приходит вытесненный из какой-то области, лежащей во всяком случае восточнее Дона, новый народ — скифы. Следствием столкновения между этими народами становится тотальный уход киммерийцев в Переднюю Азию; там же на какое-то время оказываются и скифы (или определенная их часть). Спустя некоторое время скифы возвращаются в Восточную Европу и на несколько столетий становятся основными обитателями большей части причерноморских степей.

Если исходить из охарактеризованных в первой главе принципов соотношения археологической культуры и этноса, та же картина, выраженная языком археологии, выглядит так: в доскифское время на интересующей нас территории должна прослеживаться некая культура, которую следует соотносить с киммерийцами; затем происходит радикальная смена культурного облика региона, причем непременным признаком новой появившейся здесь культуры должно быть ее существование в предшествующее время где-то «в Азии» (в том понимании, какое свойственно античному миру, т. е. за Доном); тогда мы вправе связывать ее со скифами. Подтверждением правильности такой этнической атрибуции обеих этих культур могло бы служить наличие археологических следов пребывания их носителей в землях к югу от Кавказского хребта — как отражение киммерийско-скифских вторжений в Переднюю Азию. В таком виде задача поисков археологических следов киммерийцев и скифов выглядит достаточно простой, поскольку нам как будто известны время и место интересующих нас этнокультурных процессов и их характер.

По существу именно такое толкование целиком преобладало в науке на первых порах накопления археологических данных, а во многом сохраняется и в наши дни. Дело в том, что примерно с VII в. до н. э., т. е. как раз с той эпохи, когда, согласно античной традиции, скифы продвинулись из Азии в Северное Причерноморье, на всем пространстве евразийского степного пояса получили распространение во многом однотипные памятники. Это преимущественно погребальные курганы, содержащие захоронения воинов-всадников. Погребальный инвентарь

в них также обнаруживает значительное сходство. Более всего оно проявляется в предметах, получивших название скифской триады: в вооружении, элементах конского убора и в произведениях искусства, выполненных в так называемом скифском зверином стиле. Ряд исследователей склонен причислять к общим для всего степного пояса элементам культуры и еще некоторые категории инвентаря — бронзовые котлы, каменные плоские блюда и некоторые другие. Комплексы, содержащие перечисленные элементы, известны на огромном пространстве степей от Северо-Западного Причерноморья до Минусинской котловины на Верхнем Енисее и даже до провинции Ордос в Китае. Получили они распространение и в смежных со степями лесостепных и горных регионах — например, на Алтае и Памире. Поскольку в общих чертах зона их распространения совпадает с той территорией, с которой античная традиция связывает расселения скифов в упомянутом выше широком значении этого названия, памятники подобного типа часто именуют скифскими, а все оставившие памятники такого типа люди воспринимались как единый народ — скифы. В соответствующем ключе трактовалась и проблема поисков археологических следов того переселения скифов из Азии, о котором сообщают Аристей, Геродот, Диодор. При таком подходе задача состояла лишь в том, чтобы определить, где именно подобная культура сложилась ранее всего.

К примеру, в 1960-х гг., после исследования на Нижней Сырдарье курганных могильников Тагискен и Уйгарак, была высказана мысль, что прародину скифов следует искать в Средней Азии [*Толстов*, *Итина* 1966, 174]. С открытием в 1970-х гг. в Туве замечательного кургана Аржан, содержащего погребение вождя крупного племенного объединения [*Грязнов* 1980], возникла концепция формирования скифов и их культуры именно в этом глубинном районе Центральной Азии [*Тереножкин* 1976, 210—211]. Правда, вопрос о времени сооружения кургана Аржан является предметом полемики, причем предлагаемая его датировка колеблется между IX и VII веками до н. э. Острота этой дискуссии вполне объяснима: ведь от принятой даты зависит, можно ли видеть в центральноазиатских памятниках аржанского круга указание на локализацию здесь прародины скифов.

Так или иначе появление скифов в Причерноморье, описанное в античной традиции, сторонники этой концепции соотносят с распространением здесь той самой представленной курганными воинскими погребениями якобы единой культуры, для которой характерны предметы «скифской триады» и которая обнаружена во многих областях Евразии. На юге Восточной Европы подобные памятники появляются примерно во второй половине VII в. до н. э. (такова принятая теперь их нижняя, ранняя дата, хотя раньше была распространена их датировка рубежом VII—VI или началом VI в. до н. э.), что в общем совпадает с

картиной появления скифов здесь незадолго до их вторжения в Переднюю Азию, нарисованной Геродотом.

Что касается восточноевропейских памятников, которые можно было бы связать с киммерийцами, то сторонники изложенной точки зрения считают таковыми так называемые памятники черногоровско-новочеркасского типа — предшественники скифской культуры на юге Восточной Европы, датируемые в целом IX—VII вв. до н. э. Их атрибуция как археологических следов киммерийцев получила в отечественной археологии очень широкое распространение [см., например: *Тереножкин* 1976; *Махортых* 1994]. Одно время все их рассматривали как в целом единый культурный массив, позже черногоровские и новочеркасские комплексы стали трактовать как два хронологически последовательных этапа одной культуры, теперь преобладает их четкое типологическое, пространственное и этнокультурное разграничение, о чем речь пойдет чуть ниже.

Можно заметить, что изложенная концепция отличается завершенностью, логичностью и стройностью и, на первый взгляд, целиком согласуется с античной нарративной традицией о смене киммерийцев скифами в Северном Причерноморье. Но при внимательном подходе в ней, однако, обнаруживаются уязвимые места, что приводит к созданию принципиально различных археологических реконструкций картины происхождения скифов и киммерийско-скифских взаимоотношений.

Начать с того, что далеко не все исследователи согласны трактовать VII в. до н. э. как время коренного изменения культурного облика Северного Причерноморья, который можно было бы объяснять радикальной сменой обитателей этого региона. Так, известный российский археолог М. И. Артамонов [1974, 13] утверждал: «Археология не знает ни о каком вторжении нового населения в Северное Причерноморье, которое могло бы соответствовать появлению скифов и вытеснению киммерийцев, после... распространения срубной культуры к западу от Волги и вытеснения ею предшествующей катакомбной культуры, но оно относится не к VIII—VII вв. до н. э., а к значительно более раннему времени — к последней трети II тысячелетия до н. э.» Связывая именно этот археологически засвидетельствованный процесс смены культур на юге Восточной Европы с описанными у Аристея и Геродота событиями киммерийско-скифской истории и приписывая, соответственно, катакомбную культуру киммерийцам, а срубную — скифам, исследователь, таким образом, существенно корректировал ту хронологию этих событий, которая отражена в античной и древневосточной традициях. При таком понимании археологические следы скифов следует искать в Европе задолго до появления здесь памятников того типа, который связывается со скифами применительно к более поздним эпохам, а процесс формирования древностей, обычно причисляемых к характерным

признакам скифской культуры, приходится локализовать не где-то далеко на востоке, а непосредственно на юге Восточной Европы.

Трактовка катакомбных племен как киммерийцев в целом не получила признания в науке. Но мысль о появлении скифов в Восточной Европе задолго до киммерийско-скифского вторжения в Переднюю Азию и о формировании знакомой нам культуры скифов не где-то на востоке, а там, где мы застаем ее позже, созвучна мнениям и других ученых. Углубленное изучение культуры евразийских степей нанесло ощутимый удар по археологической базе представления о культурном единстве этой зоны. Если на первых порах исследователи обращали преимущественное внимание на те черты, которые свидетельствуют о сходстве памятников на всем этом огромном пространстве, — на предметы «скифской триады» и т. п., — то со временем стало ясно, что при всей значительности этого сходства по чисто археологическим критериям на интересующей нас территории выделяется целый ряд самостоятельных культур. Они различаются между собой по таким признакам, как типы погребальных сооружений и погребальный обряд, формы и способ орнаментации керамики и т. д. Как правило, эти черты уходят корнями в культуру населения соответствующей области предшествующей эпохи. Сходство же — причем не полное, с заметными локальными особенностями — проявляется преимущественно в легко воспринимаемых от соседей (особенно в условиях преобладания здесь кочевого быта) элементах культуры, что, однако, не исключает и того, что в отдельных случаях такое восприятие облегчалось миграциями определенных групп. Как писал один из исследователей культур этого круга, замечательный археолог М. П. Грязнов [1978, 18], «каждая из них вполне самобытна и оригинальна в связи со своим особым историческим прошлым».

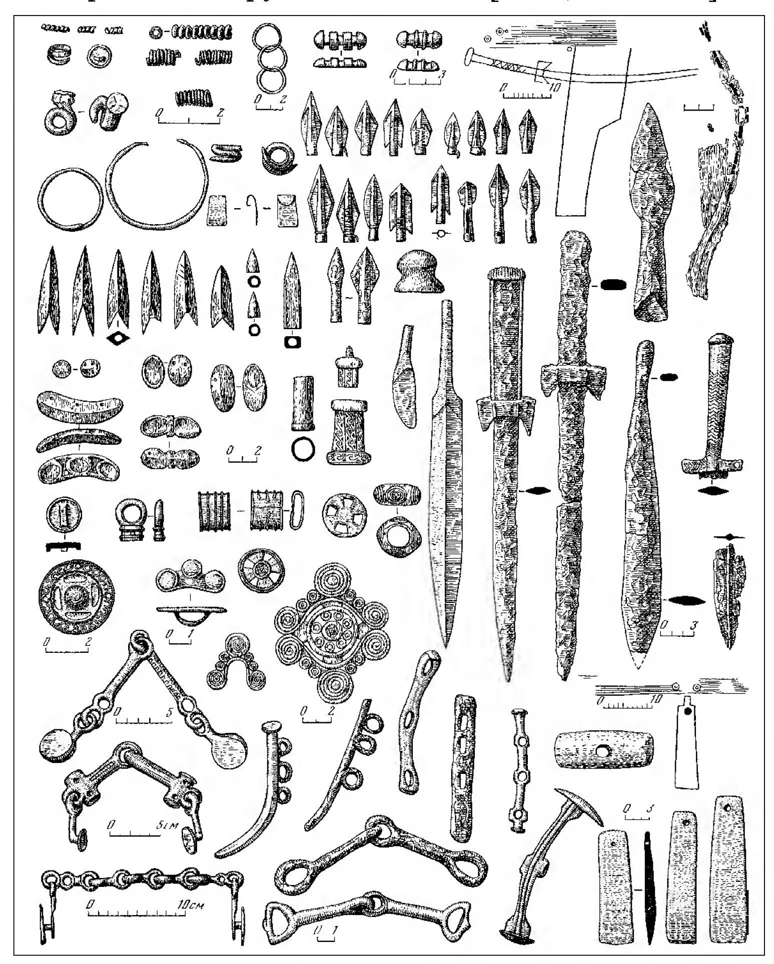
При таком подходе археологический материал позволяет понять, чем могло быть обусловлено появление расширенного толкования этого этнического термина, подтвердив единообразие хозяйственно-культурного уклада обитателей разных областей этого региона и одновременно — этнокультурную их самостоятельность. По существу, представление археологов о единстве культурного облика евразийских степей в скифскую эпоху сродни тем представлениям античного мира об этой территории, которые породили расширительное употребление термина «скифы». Поэтому на смену определению всех культур этого круга как скифских в археологическую литературу пришла традиция именовать всю эту совокупность памятников «скифо-сибирским культурно-историческим единством» или «культурами скифского типа».

Но если все эти культуры не распространились по евразийским степям из одного центра, то значительно ослабленной оказывается и археологическая основа гипотезы о принесении откуда-то с востока в сложившемся виде и культуры восточноевропейских скифов. Каково бы ни было хронологическое соотношение между разными культурами

«скифского типа» как в западной, так и в восточной частях занятого ими обширного ареала, определить на этом основании ту «прародину», с которой скифы, в соответствии с данными античной традиции, пришли в Северное Причерноморье, не удается. А значит, предположительная легкость поисков археологических следов нарисованной этой традицией картины киммерийско-скифских взаимоотношений оказывается обманчивой.

Отмеченные трудности привели к формированию иной гипотезы, содержащей попытку согласовать нарративные и археологические данные о ранней этнической истории скифов и о киммерийско-скифских взаимоотношениях.

Еще автор первого детального исследования о древностях черногоровско-новочеркасского круга А. А. Иессен [1953, 109—110] считал, что

Предметы инвентаря из погребений киммерийского времени (Степи Европейской части, табл. 2. С. 307)

в них следует видеть памятники не только культуры киммерийцев, но и «культуры собственно скифских племен на ранних ее этапах». Этот подход нашел определенное развитие в предпринятом в последние годы этнокультурном разграничении черногоровских и новочеркасских памятников. При этом некоторые исследователи считают «черногоровцев» киммерийцами, а создателей комплексов новочеркасского типа скифами, тогда как другие — наоборот. Такой разброс мнений сам по себе показывает: если признать киммерийцев и скифов близкими по культуре народами, то сохранившихся в античной литературе сведений об их столкновении оказывается недостаточно, чтобы надежно дифференцировать памятники каждого из них.

Но в гипотезе А. А. Иессена для нас важно, что она, как и версия М. И. Артамонова, предполагает присутствие скифов как этноса в Восточной Европе ранее, чем здесь получила распространение культура, присущая им в последующие столетия, и формирование самой этой культуры на местной основе, а не принесение ее извне. При этом не обязательно вслед за М. И. Артамоновым видеть засвидетельствованное античной традицией появление скифов в Северном Причерноморье в первичном переселении сюда носителей срубной культуры из Поволжья. Не исключено, что приход скифов «из Азии» в Европу, на территорию, занятую до этого киммерийцами, в действительности представлял какое-то перемещение племен на пространстве ареала, занятого весьма близкими друг к другу степными культурами рубежа бронзового и железного века, проследить которое археологически почти невозможно. Так полагал, к примеру, один из виднейших российских специалистов по скифской археологии Б. Н. Граков [1971, 26].

Итак, согласно этой концепции, никакой радикальной смены культуры скифо-киммерийское столкновение в Причерноморье не вызвало и к распространению здесь той культуры, которая ассоциируется в нашем сознании со скифами исходя из более поздних данных, привести не могло: такой культуры на том этапе скифской истории еще просто не существовало. Если же киммерийцы и скифы представляли два этнических образования внутри однокультурного ареала, то наиболее правомерным представляется вывод А. А. Иессена [1953, 109], который, опираясь на археологические данные, полагал, что, результатом этого скифского вторжения явилась не тотальная смена населения, а обретение скифами господствующего положения в некоем племенном объединении, ранее возглавлявшемся киммерийцами. Более того, мы даже точно не можем сказать, где именно произошло это киммерийско-скифское столкновение. В самом деле, если Геродот исходит из того, что кимммерийцы занимали территорию всей современной ему Скифии, то, согласно Диодору, как мы видели, первый этап пребывания скифов в Европе связан лишь с областями к северу от Кавказа. Скорее всего, именно в этом регионе и произошел интересующий нас межплемен-

ной конфликт, имевший в действительности до некоторой степени локальный характер. Но в жизни скифов он, видимо, сыграл достаточно важную роль. Потому-то память о нем как об определяющем событии истории скифов и сохранилась в их эпосе, откуда сведения о нем только и могла воспринять античная традиция (следы фольклорного происхождения этого сюжета весьма ощутимы, к примеру, в изложении его Геродотом). Но Геродот, писавший много позже, знал скифов уже не как обитателей Предкавказья, а как население обширного пространства между Дунаем и Доном (куда, по данным Диодора, скифы проникли позже, чем в Предкавказье) — Причерноморской Скифии, и соответственно интерпретировал именно ее как область, прежде заселенную киммерийцами, и как арену тотального киммерийско-скифского столкновения (подробнее изложение этой концепции раннескифской этнической истории см. в: *Погребова*, *Раевский* 1992).

Именно на этом этапе начинается довольно длительная (судя по древневосточным данным, продолжавшаяся по крайней мере с последних десятилетий VIII до начала VI в. до н. э., а не 28 лет, как, и в этом следуя скифскому эпосу, утверждает Геродот) переднеазиатская эпопея киммерийцев и скифов. Она выразилась не в однократном бегстве киммерийцев от преследовавших их скифов, а в повторяющихся рейдах обитателей южнорусских степей через Кавказ (глухие указания на это имеются и в античной традиции). Свидетельством этих рейдов, возможно, являются находки древневосточных предметов — скорее всего, трофеев — в ряде северокавказских погребений, где они сочетаются с вещами новочеркасского облика, предшествующими времени распространения здесь собственно скифской культуры. Труднообъяснимым остается, правда, отсутствие черногоровских и новочеркасских вещей в областях к югу от Кавказа; возможно, дело в том, что поначалу, в отличие от несколько более позднего периода, эти рейды имели характер кратких стремительных набегов, не оставивших ощутимых археологических следов.

В Переднюю Азию, конечно, уходили не все киммерийцы и скифы, как повествует античная традиция, а более или менее крупные военные их отряды. Именно в период этих вторжений на местной, черногоровско-новочеркасской, основе сформировалась известная нам по памятникам последующих веков скифская культура, причем процесс этот протекал под ощутимым влиянием древневосточных цивилизаций. В частности, большую роль древневосточное искусство сыграло в сложении звериного стиля, характерного для искусства европейских скифов и существенно отличающегося от аналогичных памятников других частей «скифо-сибирского мира» [*Артамонов* 1968; *Погребова*, *Раевский* 1992, 74 сл.]. Показательно, что древнейшие в Восточной Европе памятники уже в основном сформировавшейся собственно скифской культуры обнаружены как раз в Предкавказье [*Петренко* 1983, 1989] — в

регионе, с которым, как сказано, скорее всего, связаны киммерийско-скифский конфликт и другие события раннескифской истории.

Судя по всему, и на этом этапе скифы и киммерийцы продолжали оставаться носителями однотипной материальной культуры. Не случайно, что если на первых порах мы находим в древневосточных надписях оба эти этнических названия, то позже — в ахеменидскую эпоху — все те племена «скифского» круга, которые в древнеперсидских текстах, в согласии с приведенным выше замечанием Геродота, именовались *сака*, в вавилонских версиях тех же надписей обозначались термином *гимирри* [*Дандамаев* 1977]; имя киммерийцев здесь приобрело то же обобщающее значение, которое в античной традиции досталось названию скифов, в чем скорее всего следует видеть отражение памяти об их культурном единстве (не исключено, что и в более ранних ассирийских текстах не всегда четко различались гимирри и ишкуза). Поэтому, с одной стороны, известные в Передней Азии комплексы скифского облика правомерно соотносить как с самими скифами, так и с киммерийцами [*Алексеев*, *Качалова*, *Тохтасьев* 1993; *Иванчик* 1995], с другой же — попытки разделить их на основе сопоставления с данными древневосточных текстов о конкретных зонах активности каждого из этих народов [*Иванчик* 1994; 1995] не слишком убедительны, во-первых, ввиду отрывочности и неполноты дошедших до нас сведений о связанных с этой активностью событиях, а во-вторых — вследствие вероятности неполного их различения в самих ассирийских текстах.

Среди переднеазиатских памятников этого круга особого внимания заслуживает так называемый Саккызский клад, или клад Зивие. Под этим названием в специальной литературе фигурирует собрание вещей, случайно найденных у местечка Зивие близ города Саккыза в Иранском Курдистане. В древности эта область входила в состав государства Манна, на территорию которого, согласно данным восточных текстов, проникали и киммерийцы, и скифы. Судя по всему, Саккызский комплекс представляет собой не клад в собственном смысле слова, а остатки древнего погребения, причем чрезвычайно богатого [*Ghirshman* 1979]. Его отличительной особенностью является наличие в его инвентаре предметов, относящихся к самым разным культурам древнего Востока [*Луконин* 1987, 69 сл.]. Похоже, что перед нами — остатки инвентаря погребения, принадлежавшего вождю, чье войско совершало набеги на различные области Передней Азии (отметим попутно, что со временем в число предметов, якобы происходящих из этого «клада», стали иногда включать и вещи иного происхождения, а порой и подделки). Но здесь же представлены и предметы, в декоре которых элементы древневосточного искусства сочетаются с чертами, в дальнейшем присущими скифскому звериному стилю. Не случайно известный специалист по археологии Ирана Р. Гиршман приписывал саккызское погре-

бение Мадию — скифскому царю, который, согласно версии Геродота, и привел скифов в Мидию. Хронологически, однако, комплекс из Зивие, видимо, старше. Но для нас важна не столько идентификация погребенного здесь человека, сколько тот факт, что в вещах этого комплекса отразился процесс становления скифского искусства звериного стиля на древневосточной основе. (Необходимо, впрочем, оговориться, что некоторые исследователи не согласны с такой трактовкой и видят здесь смешение культурных черт, принесенных скифами из Европы, с элементами древневосточной культуры; вопрос этот составляет предмет неутихающих дискуссий.)

Отдельные воинские погребения с инвентарем скифского облика обнаружены в восточной части Малой Азии; предметы в зверином стиле найдены и при раскопках города Сарды — лидийской столицы, разграбленной, как уже упоминалось, киммерийцами [*Иванчик* 1995]. Известны скифские древности и в Закавказье — например, находки из урартской крепости Тейшебаини на окраине современного Еревана или из могильника у с. Тли в Южной Осетии. Все это — археологические следы походов киммерийско-скифских военных отрядов в области к югу от Кавказа.

Возвращение скифов в Восточную Европу, как и их вторжение в Переднюю Азию, вопреки рассказу Геродота, не было единовременным актом, а растянулось на ряд десятилетий. Скорее всего, уходившие в эти далекие походы скифы никогда не порывали со своей предкавказской «метрополией», а сам характер их вторжений носил челночный характер. Мы уже упоминали о древневосточных элементах в комплексах, по своему археологическому облику имевших «предскифский» характер. Еще более яркие трофеи и иные следы пребывания скифов на древнем Востоке обнаруживаются в памятниках конца VII — начала VI в. до н. э., т. е. времени, к которому относит возвращение скифов в Причерноморье и Геродот. При этом подобные комплексы известны как в Предкавказье (например, знаменитые Келермесские курганы в Прикубанье [*Галанина* 1997]), так и в более северных районах (таков упомянутый выше Литой курган в окрестностях Елисаветграда). Очевидно, возвращавшиеся из походов скифы расселялись по обширным пространствам Северного Причерноморья, следствием чего и явилось распространение характерных элементов сформировавшихся к этому времени черт специфической скифской культуры по всему этому региону. Тогда же отдельные отряды скифов проникли и далее на запад — в Центральную Европу [*Мелюкова* 1987], где вступили во взаимодействие с местными племенами, но подобные процессы должны анализироваться при рассмотрении соседних со скифами народов. Сейчас же остановимся на области обитания самих скифов. Поскольку античная традиция сохранила довольно подробные сведения о ее этногеографии, мы вновь имеем возможность сопоставить письменные и археологические данные.

ЭТНОГЕОГРАФИЯ СКИФИИ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ И АРХЕОЛОГИИ

Скифы являются, пожалуй, единственным из древних народов, обитавших в Восточной Европе, о внутренней этнической структуре которого античная традиция сохранила достаточно подробные сведения. Но и для их понимания требуется аналитический подход — прежде всего с целью отделения этноисторических данных от иных, внешне с ними сходных, но, скорее всего, повествующих о других аспектах строения скифского общества. К числу таких спорных для толкования сведений относится в первую очередь так называемая первая геродотова версия легенды о происхождении скифов.

Выше уже говорилось, что в Скифском рассказе Геродота рассмотренному нами историческому преданию о приходе скифов в Восточную Европу из Азии предшествуют две мифологические по своему характеру версии легенды о происхождении этого народа. Но в древних обществах миф всегда служил для оправдания каких-то реальных явлений, и игнорировать данный рассказ мы не можем, тем более, что его содержание прямо связано с рассматриваемым кругом вопросов.

Геродот утверждает,что первая из рассказанных им версий (*Herod*. IV, 5—7) принадлежит самим скифам, тогда как вторую (IV, 8—10) рассказывают живущие в Причерноморье эллины. Ко второй версии легенды, так же как к вопросу о ее этнокультурной принадлежности, мы обратимся позже. Сейчас же остановимся на сюжете и глубинном смысле первой версии. Согласно Геродоту, скифы ведут свое происхождение от первочеловека, родившегося в необитаемых до того землях будущей Скифии от союза верховного мужского божества с нимфой — покровительницей реки Борисфен (Днепр). Судя по некоторым мифологическим характеристикам этих двух персонажей, речь идет о космологическом по своей природе брачном союзе неба с земной (водной) стихией нижнего, хтонического мира. Потомками этого первочеловека по имени Таргитай Геродот называет трех братьев, имена которых — Арпоксай, Липоксай и Колаксай — специалисты интерпретируют из древнеиранской лексики как обозначающие владык трех уровней мироздания: Солнца, Горы (Земли) и Подводно-Подземного мира. Пока перед нами — традиционный космологический миф. Но для нас важны сведения о следующем поколении этой мифической генеалогии. Три названных брата оказываются прародителями трех «родов» скифского общества: от Арпоксая происходит род ***катиаров*** и ***траспиев***, от Липоксая — род ***авхатов***, а от младшего Колаксая — ***паралатов***, к которым, ввиду его победы над братьями в сакральном испытании, принадлежат правящие с тех пор Скифией цари.

На первый взгляд, речь здесь идет об этноплеменной структуре скифского общества, и именно так трактуют эту легенду многие ис-

следователи. Правда, вызывало некоторое удивление то обстоятельство, что, говоря далее о племенном составе скифов, Геродот этих названий более не упоминает. Скифологи предлагали разные объяснения этой странности: либо утверждали, что в мифе сохранилась память о древнем, некогда существовавшем, но потом забытом этническом членении скифов, либо отождествляли с этими подразделениями реальные скифские племена, в остальном повествовании обозначенные у Геродота другими названиями. Однако уже в 1930 г. Ж. Дюмезиль предложил принципиально иное объяснение. По его мнению, три мифических «рода» скифов представляют не этнические, а социальные подразделения скифского общества, соответствующие древнеиндийским варнам и, согласно его концепции (см. выше), засвидетельствованные в более или менее явном виде у многих других древних индоевропейских народов [*Дюмезиль* 1990, 132 сл.]. В дальнейшем эта трактовка была развита и уточнена рядом исследователей — прежде всего российским иранистом Э. А. Грантовским [1960]. Но между сторонниками данной точки зрения также существуют расхождения относительно конкретного толкования этих «родов»: согласно Ж. Дюмезилю, паралаты — это жрецы и цари, авхаты — воины, а катиары и траспии — рядовые общинники, тогда как Э. А. Грантовский видит в паралатах воинов, в том числе царей, а авхатов трактует как жрецов (в толковании третьего социального слоя мнение обоих исследователей совпадает). Несмотря на наличие этих разногласий, социальная трактовка скифских «родов» в целом выглядит достаточно убедительно, поскольку опирается на комплексную аргументацию: учтена этимология имен прародителей каждого из «родов» и наименования их самих, символика фигурирующих в легенде священных атрибутов, данные других авторов, где сохранились отрывочные фрагменты того же мифа (подробнее об истории разработки этой концепции см.: *Раевский* 1977).

Существует, однако, одно обстоятельство, не позволяющее совершенно исключить присутствие в рассмотренном членении скифского общества определенного этнического элемента. Плиний Старший (IV, 88), много позже Геродота описавший этническую карту Восточной Европы, но явно опиравшийся на источники предшествующего времени, упоминает ***авхетов*** (т. е. тех же авхатов Геродота) как народ, обитающий на определенной территории — у истоков Гипаниса (Южного Буга); он же называет неких ***котиеров и эвхатов*** (без сомнения, идентичных катиарам и авхатам Геродота) среди народов, живущих за Яксартом (Сырдарьей) в Средней Азии (VI, 50). Привязка представителей какого-то социального слоя к определенной территории обитания возможна лишь в тех случаях, когда социальное и этническое членение общества в какой-то мере совпадает, т. е. когда, к примеру, некое завоеванное племя обретает в структуре общества статус низшей социальной категории; примеры подобной ситуации в древности

известны, а ниже мы увидим, что имеются определенные основания предполагать наличие ее и в Скифии.

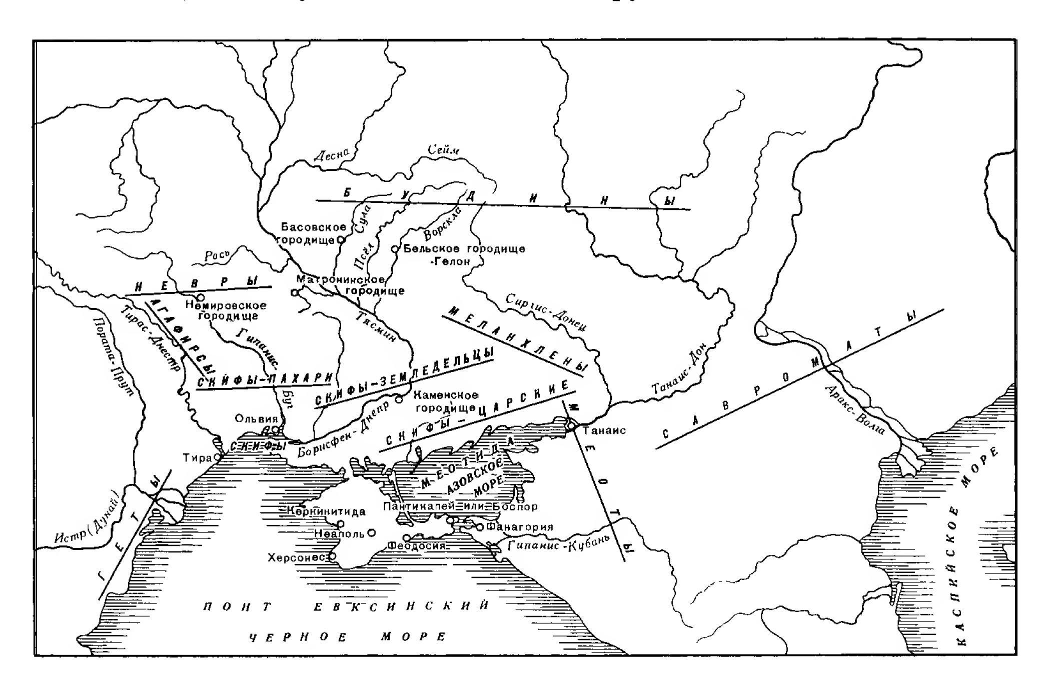
Предпринимались, впрочем, и попытки иным путем соотнести этническое и социальное членение скифского общества, но они не могут быть признаны удачными, поскольку единственным основанием для такого соотнесения здесь является внешнее созвучие социальных терминов и этнонимов; при этом и те и другие берутся в русской транскрипции, без учета фонетических особенностей и восточноиранских языков, и способов их воспроизведения в языке греческом, через который эти названия до нас дошли (см., например, гипотезу о тождестве катиаров и агафирсов, без всяких на то оснований превращенных в акатирсов: [*Тереножкин*, *Мозолевский* 1988, 209—210]). Вообще необходимо отметить, что в литературе широко представлены совершенно произвольные построения на темы этнической истории Восточной Европы в скифское время, основанные исключительно на созвучии — как реальном, так чаще и мнимом — различных этнических или псевдоэтнических названий и имен их родоначальников. В таких случаях выстраиваются ряды якобы идентичных или родственных названий типа *Колаксай — колхи — кораксы*, связывающие имя одного из мифических скифских родоначальников с кавказскими этнонимами, на основе которых делаются радикальные этноисторические выводы [*Ельницкий* 1970, 65—66].

Возвращаясь к сообщению Плиния о котиерах и эвхатах, свидетельствующему о наличии членения общества, подобного скифскому, и у среднеазиатских племен, можно предположить, что оно, видимо, отражает факт сложения у восточноиранских народов интересующей нас социальной (сословно-кастовой) структуры еще до распада восточноиранского единства (см. главу 2).

О членении скифского общества, восходящем к мифическим временам, говорится и в том варианте легенды о происхождении скифов, который излагает Диодор (II, 43). Во многом перекликаясь с рассказом Геродота, эта версия, судя по всему, восходит к независимым от него источникам. Здесь говорится о членении скифов на два «народа» — ***палов*** и ***напов***. В этом сообщении чаще всего видят чисто этноисторический смысл. В самом деле, никаких элементов, прямо указывающих на социальную семантику этого членения, рассказ Диодора, в отличие от версии Геродота, не содержит, и лишь этимология приведенных «этнонимов» позволяет предполагать, что речь и здесь идет о происхождении сословно-кастовых групп — воинов и общинников. Заслуживает внимания в этой связи и свидетельство Плиния (VI, 50) о столкновении между палеями и напеями (идентичными палам и напам Диодора), имевшем место где-то в Средней Азии и закончившемся уничтожением последних. Учитывая, что в эпосе подобным образом зачастую объясняется происхождение отношений господства-подчинения между отдельными компонентами общества, а рассказ Плиния в конечном счете, без

сомнения, восходит именно к эпическим преданиям евразийских народов, в нем можно видеть свидетельство, в какой-то мере подтверждающее приведенное толкование (подробнее см.: [*Раевский* 1977, 76—77]).

Приведенные данные свидетельствуют, что далеко не все сообщения античной традиции об этнической ситуации на интересующей нас территории в древности отражают в действительности именно этноисторическую картину: часто при ближайшем рассмотрении мы сталкиваемся с псевдоэтнонимами, искаженное понимание природы которых сложилось еще в эпоху составления анализируемых описаний.

Скифы и соседние народы (по Б. Н. Гракову) (Степи Европейской части. С. 42)

Иной смысл обнаруживается в других пассажах того же Скифского рассказа Геродота — там, где он описывает расселение различных племен на территории Причерноморской Скифии (IV, 17—20). В их числе названы живущие снизу вверх по течению Гипаниса (Южного Буга) ***каллипиды***, именуемые им также эллино-скифами, ***алазоны*** (в некоторых рукописях этот этноним читается как ализоны) и ***скифы-пахари***, выше которых помещаются невры, в других местах повествования (IV, 102 сл.) уверенно причисляемые уже к нескифским народам. По течению Борисфена (Днепра) Геродот помещает ***скифов-земледельцев***, над которыми, отделенная от них небольшой «пустыней», т. е. незаселенной землей, располагается область обитания нескифского народа андрофа-

гов («людоедов»). Восточнее скифов-земледельцев живут ***скифы-кочевники***, а еще далее на восток — ***скифы царские***; их владения простираются до реки Танаиса, за которой «уже не скифская земля» — там обитают савроматы. О тех народах, которые Геродот причисляет к нескифским, речь пойдет далее. Сейчас же остановимся на некоторых особенностях представленного в его рассказе описания собственно Скифии.

Хотя в дальнейшем мы будем для удобства называть перечисленные подразделения скифского народа племенами, они, строго говоря, представляли, судя хотя бы по размерам занимаемой каждым из них территории, не племена в собственном смысле слова, а более крупные этнические единицы. Знали скифы, видимо, и племенную структуру, но из этнонимов этого уровня нам известен лишь один, содержащийся в том месте рассказа Геродота (IV, 71), где говорится, что своих царей скифы хоронят в области ***герров***, занимающих среди подвластных им племен самую отдаленную северную окраину. (Существует мнение, что информация Геродота на этот счет неточна и что он, основываясь на «простом фонетическом совпадении», принял за скифское племя героизированных умерших предков, якобы обитающих здесь — в стране мертвых [*Белозер* 1987; *Алексеев А. Ю.* 1992, 99], но оно основано на недоразумении: слова *герр* и *герой* фонетически близки лишь в русской передаче, а Геродот спутать их никак не мог.)

Обращает на себя внимание то, как обозначены у Геродота пределы страны, занятой перечисленными скифскими племенами, в первую очередь восточный ее рубеж. В этом качестве совершенно однозначно названа река Танаис (Дон). Между тем, мы уже убедились, что ранние события скифской истории связаны с гораздо более восточными территориями Предкавказья: об этом недвусмысленно сообщает Диодор, и его данные хорошо согласуются с археологическими материалами раннескифской эпохи. Но эти же материалы свидетельствуют, что если на стадии распространения скифской культуры по разным областям Восточной Европы (в период переднеазиатских походов и сразу после их завершения) она предстает как достаточно единообразная, то после окончания этого процесса, приблизительно во второй половине VI в. до н. э., происходит некоторое культурное обособление отдельных частей этого региона. Связано это, скорее всего, с формированием той этнической карты, которую наблюдал в V в. Геродот и которая нашла отражение в его описании. Этнополитические границы Скифии своего времени историк, судя по всему, очертил довольно верно, и в это образование уже не входили области Донского левобережья и Предкавказья [*Погребова, Раевский* 1992, 62]. Поэтому о населении названных областей, так же как и земель, лежащих к северу от области расселения скифов, речь пойдет в дальнейшем, при рассмотрении этнической истории соседей Скифии. Строго говоря, этническая история Скифии эпохи Геродота уже не относится к истории народов России, поскольку ее территория

целиком входит в границы современной Украины. Однако это один из тех отмеченных во введении случаев, когда характер материала не позволяет замыкаться в пределах современной России.

Остановимся также на том, какие названия даны в описании Геродота разным скифским племенам. Это по преимуществу — названия-определения, указывающие на хозяйственный уклад данного племени (скифы-земледельцы, скифы-пахари, скифы-кочевники) или на его социальные позиции в структуре скифского общества (скифы царские). По существу это вообще не этнонимы, а определения-характеристики, так же как термин *эллино-скифы*, свидетельствующий то ли о смешанном характере этого племени, то ли, скорее, — о высокой степени его эллинизации. В геродотовом списке скифских племен как самоназвания могут в лучшем случае рассматриваться лишь термины *каллипиды* и *алазоны*. Да и то морфология первого из них (наличие в нем греческого патронимического суффикса *-ид-*) позволяет предполагать вполне вероятной его греческую обработку.

Но и с названиями-определениями все не столь ясно, как может показаться на первый взгляд. Так, у исследователей долгое время вызывало недоумение наличие в рассматриваемом списке двух племен с по существу почти идентичными характеристиками — скифов-земледельцев и скифов-пахарей. Предлагались более или менее остроумные, но ничем не подкрепленные объяснения этого факта, вроде того, что скифами-пахарями именуется здесь племя, занимавшееся плужным земледелием, тогда как скифам-земледельцам якобы была свойственна лишь мотыжная его форма. Недавно, однако, В. И. Абаев [1990, 97 сл.] выдвинул неожиданную, но крайне интересную гипотезу: по его мнению, перед нами не определение реальной сущности хозяйственного уклада данного племени, а переосмысленное по-гречески (*георгой* — ‘земледельцы’) сходно звучащее собственно скифское название *гауварга*, означающее ‘почитающие скот’, что вполне соответствует как особенностям духовной жизни скифов, так и значению и строению некоторых других этнонимов, представленных у восточноиранских народов (ср. название одного из сакских племен: *хаомаварга* — ‘почитающие [священный напиток] хаому’). Мы вновь сталкиваемся здесь, таким образом, со сложностью толкования этноисторических данных.

Специально следует остановиться на вопросе о скифах царских. Как их название, так и данная Геродотом дополнительная их характеристика (они «самые лучшие и многочисленные скифы, считающие прочих скифов своими рабами») указывают на господствующее их положение в социальной структуре скифского общества. Это свидетельство следует сопоставить с двумя другими моментами. Во-первых, в рассмотренном выше историческом предании о происхождении скифов говорится, что в Восточную Европу из Азии пришли *кочевые* скифы, тогда как среди причерноморских скифов он отмечает наличие как кочевых, так и оседло-земле-

дельческих племен; во-вторых, мы уже приводили основанное на археологических данных мнение исследователей, что эта миграция происходила в пределах однокультурного ареала, и скифский этнос сложился, таким образом, из двух близкородственных компонентов, в разное время проникших на впоследствии занимаемую им территорию. Видимо, эти процессы и обеспечили кочевым скифам царским статус высшей социальной категории — возможно, в рамках той трехчленной сословно-кастовой структуры, о формировании которой повествует проанализированный выше скифский миф. Таким образом, высказанное ранее соображение, что в скифском обществе социальная и этноплеменная структура хотя бы отчасти совмещались, получает определенное подтверждение; не случайно скифский социальный термин «паралаты» из указанного мифа, означающий «поставленные впереди» и применявшийся для обозначения военной знати, в том числе царей, соответствует по смыслу и племенному названию «скифы царские», обозначавшему господствовавшее в Скифии племя. Впрочем, такое толкование справедливо лишь при условии, что мы признаем за перечисленными Геродотом скифскими «племенами» именно этническую природу, а это в свете отмеченной характеристики приданных им названий само по себе отнюдь не бесспорно. Не исключено, что сами эти подразделения скифского общества выделены по принципу их принадлежности к разным хозяйственно-культурным типам в одних случаях и социальным категориям — в других.

Бронзовый котел из скифского кургана Раскопана Могила — типичный атрибут кочевнической культуры (*Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Л.; Прага. 1966. С. 17. Рис. 21)

Соотнести рассмотренные скифские племена с географической и археологической картами удается в весьма малой степени, хотя отдельные попытки такого рода предпринимались неоднократно (один из последних опытов см. в: *Тереножкин*, *Мозолевский* 1988, 194 сл.). В облике памятников степной зоны Северного Причерноморья улавливаются определенные локальные различия, но они не могут быть четко скоррелированы с засвидетельствованным Геродотом членением скифского этноса. Самой же острой в этой связи является проблема северной границы Скифии, поскольку и нарративные, и письменные данные на этот счет могут быть истолкованы по-разному.

Геродот при описании Скифии приводит достаточно четкие географические ориентиры ее западного, восточного и южного пределов: в качестве южного рубежа, естественно, фигурирует Черное море — побережье Понта Эвксинского, на западе границу Скифии обозначает устье Истра (Дуная), а на востоке — Боспор Киммерийский (Керченский пролив), Меотида (Азовское море) и устье Танаиса (Дона). Что же касается ее северной границы, то она характеризуется лишь как зона соприкосновения земли скифов с областями обитания различных соседящих с ними народов, без каких бы то ни было географических привязок. Единственным уточнением, которое, на первый взгляд, позволяет локализовать эту границу на реальной местности, служит указание, что у Скифии «равны по величине все стороны — и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря» (*Herod*. IV, 100—101). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что попытки отложить от Черноморского побережья в северном направлении расстояние, равное тому, которое отделяет устье Дуная от Азовского моря с целью установления северной границы Скифии [см., например: *Блаватский* 1969], приводят нас в области, расположенные, если исходить, в частности, из археологических данных, гораздо севернее любого мыслимого рубежа расселения скифов. Анализ контекста данного сообщения Геродота приводит к выводу, что представление о квадратной, имеющей форму равностороннего четырехугольника, Скифии — не отражение реальности, а искусственно сконструированный, мифологический по своей природе образ упорядоченного пространства, своего рода космологическая модель [*Раевский* 1992], и опору для локализации северной границы этой страны следует искать в чем-то ином.

К сожалению, абсолютно надежно эту роль не могут сыграть и археологические материалы, поскольку существуют различные варианты их трактовки в интересующем нас ключе. Археологическая ситуация в Северном Причерноморье скифского времени выглядит следующим образом: наиболее яркие элементы скифской материальной культуры — упомянутая выше триада и иные вещи того же плана — широко распространены как в степной, так и в лесостепной зоне этого региона (разумеется, речь здесь идет лишь о собственно восточноевро-

пейской, причерноморской локальной разновидности этих предметов, а не о тех многообразных их вариантах, которые, как указывалось выше, были известны на всем пространстве евразийского степного пояса). Поэтому в течение долгого времени весь этот ареал рассматривался как зона распространения единой скифской культуры и, соответственно, как область расселения скифов. Однако в действительности в пределах лесостепной части этого ареала существует ряд локальных зон, принципиально различающихся по уходящим корнями в местные традиции предскифской эпохи особенностям погребальных конструкций и обряда, формам керамики и т. п., причем все эти культурные области, отличные друг от друга, еще более четко могут быть противопоставлены степной скифской культуре. Поэтому в современной скифологии (особенно после посвященной этому вопросу конференции по проблемам скифо-сарматской археологии 1952 г.) почти общепризнанным является мнение, что собственно ираноязычным скифам принадлежит лишь степная культура, а различные лесостепные памятники являются по отношению к ней иноэтничными [*Граков*, *Мелюкова* 1954]. При этом существует вероятность, что в формировании лесостепных культур приняли определенное участие и сами скифы — те, что, как говорилось выше, расселялись по разным областям Восточной Европы в эпоху переднеазиатских походов и сразу после их завершения; именно они, скорее всего, и принесли сюда те элементы культуры, которые придали здешним памятникам «скифоидный» облик. Но граница между скифами и их иноэтничными северными соседями в основном совпадает с границей между причерноморской степью и лесостепью.

К сожалению, этого вывода все же оказывается недостаточно, чтобы однозначно признать эту границу искомым северным рубежом Геродотовой Скифии. Вопрос упирается в то, с кем из перечисленных Геродотом восточноевропейских племен и народов следует отождествлять носителей упомянутых лесостепных культур — с теми, кого Геродот помещает севернее границы Скифии, или с некоторыми из тех племен, которые сам древний историк включал в состав скифов. Дело в том, что некоторые историки отказывают Геродотовой Скифии в этническом единстве, считая ее чисто политическим полиэтничным образованием. Скифами лишь по названию (и то данному инокультурным — греческим — автором) и по принадлежности к одному с настоящими ираноязычными кочевыми скифами политическому образованию, а не по этноязыковой принадлежности считают иногда скифов-земледельцев и особенно скифов-пахарей и именно им приписывают в таком случае «скифоидные» культуры лесостепи [см., например: *Ильинская*, *Тереножкин* 1983, 229 сл.; *Рыбаков* 1979]. Северных соседей Скифии в таком случае помещают в лесной зоне, идентифицируя с ними создателей так называемых городищенских культур, о которых речь пойдет ниже.

Отдельные исследователи — например, Б. А. Рыбаков, — развивая эту концепцию, трактуют земледельческие племена Скифии, а также их соседей невров как праславян в духе широко принятой в свое время и до сих пор имеющей сторонников концепции о локализации праславянской территории в Среднем Поднепровье [*Рыбаков* 1979, 194 сл.]. Об этой концепции речь пойдет ниже, при детальном рассмотрении славянского этногенеза. Сейчас же остановимся на аргументе Б. А. Рыбакова, почерпнутом непосредственно из Скифского рассказа Геродота. На том основании, что в рассмотренном выше скифском генеалогическом мифе среди священных атрибутов фигурирует плуг, элемент явно не кочевого быта, исследователь полагает, что эта версия мифа принадлежит именно псевдоскифскому, праславянскому населению и даже считает, что Геродот приводит этноним этого народа. Дело в том, что изложение этого мифа Геродот (IV, 6) завершает следующим пассажем: «Все вместе (т. е. представители трех родов, происходящих от первопредков. — *В. П.*, *Д. Р.*) они называются сколоты... скифами же назвали их эллины». Б. А. Рыбаков [1979, 216—218] делает из этого вывод, что ***сколоты*** — самоназвание земледельческих народов лесостепного Поднепровья и не имеет к скифам никакого отношения. Различение скифов и сколотов как ираноязычных и славянских обитателей Восточной Европы встречается и у других исследователей. Между тем лингвистами установлено, что «скифы» и «сколоты» — две диалектные (возможно, различающиеся по времени употребления) формы одного и того же этнического термина, причем именно во второй заметны морфологические черты иранских языков; многочисленные признаки принадлежности иранскому миру ощущаются и в самом мифе. Поэтому связывать его с праславянской средой нет оснований [подробнее см.: *Раевский* 1985, 215—216].

Другая концепция помещает в лесостепи соседние со скифами народы, а все перечисленные Геродотом племена Скифии считает жившими в степях, этнически едиными и ираноязычными [*Граков* 1971]. В этих границах Скифия, судя по письменным и археологических данным, просуществовала по крайней мере до начала III в. до н. э.

Но какие бы народы — отдельные племена скифов или их иноэтничных соседей — мы ни локализовали в лесостепной зоне распространения «скифоидных» культур, совершенно очевидно, то это было оседло-земледельческое население, находившееся с кочевниками степей в постоянных экономических отношениях. Именно в эту эпоху — вскоре после формирования кочевого хозяйственно-культурного типа — сложилась характерная для целого ряда последующих эпох, о которых речь пойдет далее, практика тесного взаимодействия кочевых и оседлых обществ, вне которого кочевые народы были бы обречены на прозябание. Из областей оседлого хозяйства они получали значительную долю необходимых им пищевых продуктов, изделия ремесла, достигающего высо-

кого уровня лишь в оседлых обществах, и т. д. Симбиоз кочевника и оседлых земледельца и ремесленника — отличительная черта граничащих со степью народов, даже если они не были объединены в едином политическом образовании.

В нашу задачу не входит рассмотрение политической истории Скифии, известной нам, к тому же, весьма отрывочно. Что касается этнокультурной истории скифов этого периода, то выше было уже упомянуто выдвинутое недавно предположение о появлении в Причерноморье в конце VI в. до н. э. нового значительного массива пришедших с востока кочевых племен, существенно изменивших состав населения Скифии и облик ее культуры [*Алексеев А. Ю.* 1992, 103—112]. Но считать эту гипотезу достаточно аргументированной пока что представляется преждевременным. Зато бесспорной является четко прослеживаемая тенденция к постоянному нарастанию эллинского влияния на скифов. Хотя Геродот неоднократно подчеркивает, что скифы нетерпимо относятся к восприятию своими соплеменниками чужеземных обычаев (см., например, *Herod.* IV, 76 сл.), отдельные известные нам факты их истории и особенно археологический материал свидетельствуют, что это неприятие не было столь категоричным — конечно, преимущественно в среде скифской социальной верхушки. Письменными источниками засвидетельствованы межнациональные династические браки скифских правителей (начиная с отмеченного в ассирийских текстах намерения царя действовавших в Передней Азии скифов Бартатуа-Прототия взять в жены дочь Асархаддона [*Иванчик* 1996, 97—98]). Синтез скифской и греческой художественных традиций явно ощущается в IV в. до н. э. в стиле декора найденных в скифских аристократических курганах ритуальных объектов и предметов роскоши. Здесь можно даже говорить о формировании специфического греко-скифского искусства, произведения которого изготовлялись античными мастерами специально по заказу представителей скифской знати с учетом их эстетических и идеологических запросов.

Детального изучения требует еще вопрос о проникновении представителей местного — в первую очередь скифского — населения в среду жителей греческих городов Причерноморья. Но постепенное возрастание этой тенденции на протяжении V—IV вв. не вызывает сомнений. Способствовали этому процессу и политические отношения между греками и скифами, в частности, установление скифского протектората над некоторыми эллинскими колониями (применительно к Ольвии см. об этом: *Виноградов* 1989, 90 сл.). До сих пор не получил исчерпывающего исторического объяснения такой интереснейший факт причерноморской археологии античного периода, как расположение одного из самых богатых скифских «царских» курганов — Куль-обы — на территории некрополя столицы Боспорского царства Пантикапея. Под его насыпью был обнаружен каменный склеп, возведенный в традициях

античной погребальной архитектуры, а в составе инвентаря — много прекрасных образцов греческого ювелирного искусства, но погребальный обряд и остальные находки неоспоримо свидетельствуют о принадлежности захороненных здесь людей к скифам. Было высказано предположение, что главное погребенное в Куль-обе лицо являлось правителем примыкающего к Боспорскому царству подразделения (округа) державы скифов [*Гайдукевич* 1949, 274—276]. Археологически прослеживается и обратная тенденция — определенная варваризация греческих погребений в некрополях причерноморских колоний под влиянием скифских традиций; однако максимальное развитие процесс варваризации припонтийских греков получил позже, в сарматскую эпоху.

До настоящего времени не вполне ясны причины радикального изменения ситуации в Причерноморской Скифии в IV в. до н. э., когда здесь внезапно происходит резкий демографический всплеск, хорошо фиксируемый археологическими данными: согласно опубликованной в 1986 г. сводке, из 2300 известных на тот момент скифских погребений Северного Причерноморья 2042 относятся к IV—III вв., причем абсолютное большинство — именно к IV в. [Скифские погребальные памятники, 1986, 345]. Тем же столетием датируются и почти все так называемые скифские «царские курганы» — наиболее богатые погребения скифской аристократии. Очевидно, это время характеризовалось в истории скифов сочетанием оптимальных климатических, экономических и политических условий для столь выразительного взлета. Согласно данным античных авторов, именно на IV в. до н. э. приходится правление в Скифии царя Атея, якобы господствовавшего над большинством причерноморских варваров (*Strab.* VII, 3, 18). С его временем связан апогей развития Скифской державы, но закончилось оно драматически: скифское войско было разбито царем Македонии Филиппом, отцом Александра Великого.

Буквально следом за расцветом Скифии при Атее — не позднее первой половины III в. до н. э. — начинается стремительный ее закат и в истории юга Восточной Европы открывается новая, сарматская, эпоха. Но прежде чем перейти к разговору о ней, необходимо рассмотреть этническую ситуацию на окружающих Скифию землях.

Глава IV

СОСЕДИ СКИФОВ И ДРУГИЕ НАРОДЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Мы уже говорили, что скифы, как непосредственные соседи греческих городов Причерноморья, были известны античному миру лучше других народов Восточной Европы и их история и культура получила в античной литературной традиции наиболее полное отражение. Но даже в таких условиях свидетельства античных авторов об их этнокультурной истории почти никогда не поддаются однозначной интерпретации: почти по всем затронутым выше вопросам существует несколько альтернативных толкований. Тем более неоднозначной оказывается реконструкция древней этнической ситуации в других регионах современной России. Однако рассмотреть имеющиеся на этот счет данные необходимо.

Для I тыс. до н. э. почти на всем его протяжении мы располагаем лишь одним более или менее развернутым описанием этнической карты интересующей нас территории — той, которую представил в своем Скифском рассказе Геродот. Правда, авторы, жившие около рубежа н. э. и обращавшиеся к тем же областям ойкумены, — Страбон, Плиний, Птолемей и др., — судя по всему, широко пользовались сочинениями своих предшественников, и многие из их сведений отражают не столько реальность их собственной эпохи, сколько более раннюю ситуацию. Но, поскольку в таких описаниях зачастую смешана информация, относящаяся к разновременным пластам, реконструировать по ним определенные синхронные срезы и тем более датировать их с удовлетворительной точностью, как правило, затруднительно. Поэтому основным нашим путеводителем по этногеографической карте рассматриваемой территории будет все тот же Геродот.

СЕВЕРНЫЕ СОСЕДИ СКИФИИ

При описании различных народов Восточной Европы и при определении территории их обитания точкой отсчета Геродоту практически всегда служат земли, заселенные скифами. Более того, у него по существу обозначены лишь две группы известных ему народов этого региона — северные и северо-восточные (или, по другому толкованию, восточные) соседи Скифии. Обитателей земель, расположенных дальше от Скифии, он, за одним исключением, о котором ниже, почти не знает.

Отдельные из тех народов, которые непосредственно граничили со Скифией на севере, Геродот упоминает неоднократно, но более или менее целостно этногеографическая ситуация в этих областях обрисована у него в трех контекстах. Во-первых, уже рассмотренное выше описание системы расселения различных групп самих скифов (IV, 17 сл.) включает и указание на то, какой народ живет «выше» (т. е. севернее, дальше от черноморского побережья) соответствующего скифского племени. Это описание ведется последовательно с запада на восток, и соответственно в той же последовательности названы северные соседи скифов: по течению Гипаниса (Южного Буга) выше каллипидов, алазонов и скифов-пахарей обитают ***невры***, в левобережье Борисфена (Днепра), над скифами-земледельцами, живут ***андрофаги***, еще восточнее, над областью обитания скифов царских, расположена территория народа ***меланхленов***, а за Танаисом (Доном) лежит «уже не скифская земля», здесь живут ***савроматы***, а выше их — ***будины***.

Вторично северных соседей скифов Геродот перечисляет в том разделе своего труда, где дается описание пределов уже упомянутой «четырехугольной Скифии»: здесь прямо указано, что с той стороны, которая обращена «внутрь материка» (т. е. на север), начиная от Истра (Дуная), «Скифия ограничена вначале ***агафирсами***, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами» (IV, 100). Мы видим здесь тот же ряд народов, перечисляемых последовательно с запада на восток и лишь дополненных западными соседями невров — агафирсами, живущими, судя по всему, западнее бассейна Гипаниса.

Наконец, в третий раз северные соседи скифов названы при описании маршрута движения вторгшегося в Скифию персидского войска под командованием царя Дария. Указанная у Геродота протяженность этого маршрута, по мнению большинства исследователей, явно преувеличена [*Черненко* 1984]. Но для нас в данный момент важна не мера достоверности этого рассказа, а то, что маршрут персов, в соответствии с фольклорными клише, представлен здесь как пролегающий по периметру всей Скифии [*Раевский* 1985, 68—70]: переправившись через Истр, Дарий прошел насквозь всю эту страну с запада на восток — очевидно, вдоль морского побережья, а затем, перейдя Танаис и продвинувшись к северу по восточной ее границе — по земле соседних савроматов — и потерпев неудачу при попытке вновь вернуться в землю скифов, был вынужден идти на запад через земли всех северных их соседей. В этом случае перечислены они уже в обратном порядке — с востока на запад: Дарий с войском проходят последовательно через области обитания будинов, меланхленов, андрофагов и невров, после чего у рубежа земли агафирсов поворачивают на юг и возвращаются в Скифию (IV, 122—125).

Такое троекратное повторение практически идентичных данных о северных соседях скифов позволяет отнестись к ним со значительной долей доверия. Труднее наложить области обитания перечисленных на-

родов на реальную карту Восточной Европы, в том числе — археологическую. Выше, при анализе вопроса о локализации различных групп скифов, уже говорилось, что в науке предложены два основных ее варианта. Согласно одному, те племена, которые Геродот причисляет к скифам, занимали как степную, так и лесостепную области Северного Причерноморья, а северных соседей Скифии следует локализовать выше — в лесной зоне. Так, Б. А. Рыбаков [1979] приписывает неврам милоградскую археологическую культуру, занимавшую в I тыс. до н. э. области в бассейне Верхнего Днепра и Припяти, андрофагам — распространенную к северо-востоку от милоградской днепро-двинскую культуру, а будинам — юхновскую культуру в бассейне Десны и Сейма. Все эти культуры принадлежат к кругу так называемых городищенских культур лесной зоны Восточной Европы (это обобщенное название происходит от наличия у этих племен городищ, снабженных земляными и деревянными укреплениями), и образ жизни и материальная культура их носителей радикально отличаются от скифских.

Между тем, Геродот не только перечисляет народы, граничащие со Скифией на севере, но и приводит о них кое-какие данные. Однозначно причисляя все эти народы к «особым», «нескифским», он в то же время отмечает определенную культурную близость многих из них к скифам. Так, о неврах сказано, что у них скифские обычаи (IV, 105), об андрофагах — что у них собственный, нескифский язык, но кочевой образ жизни и одежда, похожая на скифскую (IV, 106), о меланхленах — что у них скифские обычаи, хотя это «иное, нескифское племя» (IV, 107 и 20). Все это делает достаточно обоснованной другую концепцию, помещающую северных соседей скифов в области украинской лесостепи, занятые так называемыми скифоидными культурами. Наиболее детально эта точка зрения обоснована в работах Б. Н. Гракова [см., в частности: *Граков* 1971]. Согласно этой концепции, неврам, к примеру, принадлежат памятники правобережья лесостепного Среднего Поднепровья, а указание Геродота (IV, 105), что какая-то часть этого народа некогда переселилась в землю будинов, т. е. на левый берег Среднего Днепра, согласуется с наличием в бассейне Ворсклы группы памятников, культура которых своим происхождением связана с Днепровским Правобережьем. Будинам, которых Геродот называет великим и многочисленным народом (IV, 108) и область расселения которых на западе соседствует с землей невров, а на востоке занимает области к северу от скифов до живущих за Доном савроматов, эта концепция приписывает примерно однородную культуру, ареал которой охватывает области от Днепра до Дона в их среднем течении. Дополнительным аргументом в пользу такой археологической идентификации будинов является такой факт: согласно Геродоту (IV, 108), в земле этого народа имеется крупный город под названием Гелон с деревянными стенами протяженностью в 30 стадиев с каждой стороны, т. е. в 120 стадиев (около 25 км) по периметру, и с

возведенными также из дерева домами и храмами; этому описанию, по мнению большинства исследователей, более всего соответствует расположенный в левобережье Днепра, в бассейне р. Ворсклы уникальный памятник — огромное Бельское городище, как общие размеры, так и характер сооружений которого соответствуют данным Геродота [*Шрамко* 1987]. С большей или меньшей надежностью различные народы, обитавшие на северной периферии Скифии, удается соотнести с определенными группами археологических памятников лесостепной полосы Восточной Европы.

Труднее поддается решению вопрос об этноязыковой принадлежности этих упомянутых Геродотом народов. Любые предположения на этот счет должны учитывать разные данные. Конечно, было бы очень заманчиво определить язык указанных народов по характеру обозначающих их этнонимов, но выясняется, что по крайней мере некоторые из них не являются самоназваниями. Так, имена *андрофаги* и *меланхлены* — греческие по происхождению слова, их значение, соответственно, — ‘людоеды’ и ‘черноризцы’, и происхождение их связано с обычаями соответствующих народов или с представлениями о них греков. Правда, в одной греческой надписи, найденной в Ольвии, упомянут народ ***савдараты***, а это иранское слово по смыслу идентично греческому *меланхлены*; можно поэтому предполагать, что Геродот просто перевел на свой язык оригинальный местный этноним. Однако, нет никакой уверенности, что ираноязычная его форма представляет исконное самоназвание соответствующего народа — ведь и она могла возникнуть как перевод оригинального названия, скажем, на скифский язык.

Что касается сведений Геродота о языках этих народов, то они в большинстве случаев сводятся к констатации того, что это особые, нескифские языки. Только относительно народа ***гелонов***, не имеющего, согласно Геродоту, собственной территории и обитающего в земле будинов, сообщается, что они говорят «на языке отчасти скифском, отчасти эллинском». Помимо этого о гелонах сообщается, что они — по происхождению эллины, переселившиеся из приморских городов в страну будинов, но что, живя среди последних, они при этом отличаются не только по языку, но и внешним видом, типом хозяйства и образом жизни. В этих сведениях много неясного и даже фантастического, однозначной интерпретации они пока не поддаются. Но замечание о родстве языка гелонов со скифским можно сопоставить с археологическими данными о проникновении определенных групп скифов в лесостепную зону в эпоху скифских походов в Переднюю Азию и сразу после их завершения, в результате чего, собственно, культура лесостепи обрела значительное сходство с собственно скифской культурой степей.

Многие исследователи придают важное значение свидетельству одной из сохраненных Геродотом версий мифа о происхождении скифов, согласно которому скифы, агафирсы и гелоны — потомки трех одно-

именных с этими народами братьев и, соответственно, мыслились имеющими общее происхождение (*Herod*. IV,8—10; см. *Приложение*). Однако источниковедческий анализ этого сообщения заставляет усомниться в аутентичности этого утверждения. Не случайно Геродот приписывает эту версию мифа не самим скифам, а жителям греческих городов Северного Причерноморья. В ней в самом деле весьма ощутим греческий элемент: главный ее герой — отец трех братьев, выполняющий в этом мифе роль первочеловека, — носит имя персонажа эллинской мифологии Геракла, и события как бы вмонтированы в его традиционную для греческого мира мифическую биографию. Однако основной сюжет данного мифа для греческой традиции нетипичен, зато находит прямые аналогии в фольклоре ираноязычного мира (например, мотив пропавших коней главного героя, в поисках которых он попадает в область обитания своей будущей супруги, присутствует и в Шахнаме), и это обстоятельство давно привело исследователей к убеждению, что перед нами — вариант подлинного скифского мифа, подвергшийся, однако, существенной эллинской обработке. Смысл же сакрального испытания, которое в этой версии призваны выполнить три брата, — натягиваниия отцовского лука и опоясывания его боевым поясом — оказывается таким же, как и в рассмотренном выше другом варианте скифского генеалогического мифа: оно призвано выявить, кто из них принадлежит к воинскому сословию и, соответственно, достоин стать царем Скифии. Это свидетельствует, что, как и рассмотренный нами ранее рассказ о сыновьях Таргитая, этот миф изначально повествовал не об этническом, а о социальном членении скифского общества, поэтому появление в нем таких персонажей, как братья Скифа, родоначальники соседних народов Агафирс и Гелон, скорее всего, следует расценить как одно из проявлений греческой переработки изначального скифского сюжета, и привлекать этот мотив как доказательство родства названных народов неправомерно.

К тому же как местоположение территории, занятой, по данным Геродота, агафирсами (на крайнем западе северопричерноморского региона, между средним течением Южного Буга и Дунаем), так и его же утверждение (IV, 104), что обычаи этого народа похожи на фракийские, склоняет к выводу, что агафирсы в самом деле принадлежали к числу народов фракийского круга, т. е. родственны обитателям Северных Балкан. Что же касается других северных соседей Скифии, то, если придерживаться версии об их локализации в лесостепной зоне распространения «скифоидных» культур, мы должны принять во внимание участие в формировании этих культур определенных групп скифов, возвращавшихся из переднеазиатских походов. Поэтому их ираноязычие нельзя считать исключенным (нужно принять во внимание и сохранение в этом ареале большого числа иранских гидронимов), хотя бесспорными доказательствами такой их атрибуции мы не располагаем. Впрочем, не исключено, что ряд северных соседей Скифии, обитавших в лесостеп-

ных и даже в еще более северных лесных землях, принадлежал к упоминавшимся балто-славянским народам. В этой связи интересна, в частности, предложенная рядом лингвистов балтская этимология этнонимов *невры* и *будины* [*Дини* 2002, 51 сл.].

САВРОМАТЫ — ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ СКИФОВ

Иная ситуация обнаруживается за восточным пределом Скифии — в области обитания народа ***савроматов***. Их язык Геродот характеризует как скифский, но издавна испорченный (IV, 117), поскольку сами савроматы, согласно сохраненному им преданию (IV, 110—116), происходят от союза скифских юношей с амазонками, которые неправильно усвоили скифский язык. Согласно этому рассказу, в котором явно переплетены мотивы греческой мифологии и местного этногонического предания, эллины, победившие амазонок в сражении, погрузили своих пленниц на три корабля, а те в пути перебили своих победителей. Море прибило корабли к земле царских скифов, и местные юноши вступили с амазонками в брачную связь. Амазонки не пожелали жить вместе с народом, традиции которого отводят женщинам подчиненную роль, и предложили своим мужьям переселиться в земли за Танаисом. Так возник новый народ — савроматы. Переводя эти легендарные сведения на язык этнической истории (а большинство исследователей признает наличие в этой легенде исторического зерна), можно сказать, что савроматский язык, видимо, следует рассматривать как один из близких к скифскому иранских диалектов, а сам этот народ — как родственный скифам, выделившийся из их среды и в процессе своего этногенеза впитавший какой-то дополнительный компонент. О том, когда именно произошло это обособление савроматов, в какой-то мере позволяют судить утверждение Плиния (VI, 19), что этот народ — потомки мидян, и сходное мнение Диодора (II, 43) о них как о выходцах из Мидии. Скорее всего, здесь следует видеть намек на то, что савроматы как особый народ сформировались после возвращения скифов из переднеазиатских походов, во время которых, как мы знаем от того же Геродота, основные их действия протекали как раз на территории Мидии. Такое толкование подтверждает и археологический материал, указывающий, что в конце VII — VI вв. до н. э. специфичность савроматского комплекса на общескифском фоне еще не слишком ощутима и четко проявляется она лишь с конца VI в.

Для археологической идентификации савроматов необходимо обратиться к данным о границах зоны обитания этого народа. У Геродота (IV, 21) сообщается, что она начинается, если следовать из Скифии, сразу за Танаисом (Доном), у самого дальнего угла Меотиды (Азовского моря) и простирается на расстояние «пятнадцати дней пути по направлению

к северному ветру». Правда, в другом месте (IV, 116) — при изложении предания о происхождении савроматов — историк сообщает, что скифские юноши и их жены-амазонки, уйдя из Скифии, «прошли к востоку на расстояние трех дней пути от Танаиса и на расстояние трех дней [пути] от озера Меотиды в направлении северного ветра», где и поселились. Таким образом, согласно этому пассажу, страна савроматов начинается не у самого устья Танаиса, а несколько северо-восточнее, что, впрочем, не имеет принципиального значения. Важнее, что письменная традиция ничего не сообщает о восточном рубеже этой страны и определять его можно только на основе археологических данных. В 1930-х — 1950-х гг. раскопками было выявлено большое количество курганных погребений скифской эпохи в степях Волго-Донского междуречья и далее на восток — в Южном Приуралье. В отличие от собственно скифских комплексов Северного Причерноморья все они были атрибутированы как савроматские [*Граков* 1947; *Смирнов* 1964]. Однако уже на том этапе было отмечено наличие в этом культурном массиве достаточно четко различающихся локальных вариантов — прежде всего волго-донского (точнее — поволжского, поскольку в левобережье Дона были открыты лишь единичные памятники) и южноуральского, или самаро-уральского. Дальнейшие исследования заставили специалистов переставить акценты в вопросе о соотношении этих групп памятников: было признано, что правомерно, скорее, говорить о существовании двух самостоятельных культур, сходство которых между собой, однако, более ощутимо, чем каждой из них с иными синхронными и смежными культурами. В итоге древностями собственно геродотовых савроматов были признаны лишь комплексы из Волго-Донья [Савроматская эпоха, 1994]. Носителей южноуральской культуры савроматского времени теперь считают каким-то иным этносом или даже разными этносами, поскольку памятники этого ареала сами по себе неоднородны. По одной из версий, по крайней мере часть из них была оставлена упомянутыми выше ***исседонами*** [*Мачинский* 1971, 30 сл.; *Смирнов* 1984, 14]; некоторые исследователи приписывают их ***массагетам*** или упоминаемым в античных и восточных источниках ***даям (дахам)***. Однако во многих специальных работах за племенами, оставившими эти памятники, закрепилось наименование «условных» или «археологических» савроматов. Это — один из случаев нестрогого использования заимствованной из письменных источников этнонимии в качестве элемента археологической номенклатуры, влекущего за собой значительную путаницу и взаимное непонимание между представителями различных научных школ. Наиболее правомерным представляется ограничить применение наименования *савроматы* лишь к жителям той территории, где обитание этого народа засвидетельствовано письменной традицией.

ОБИТАТЕЛИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПО ДАННЫМ ГЕРОДОТА И АРХЕОЛОГИИ

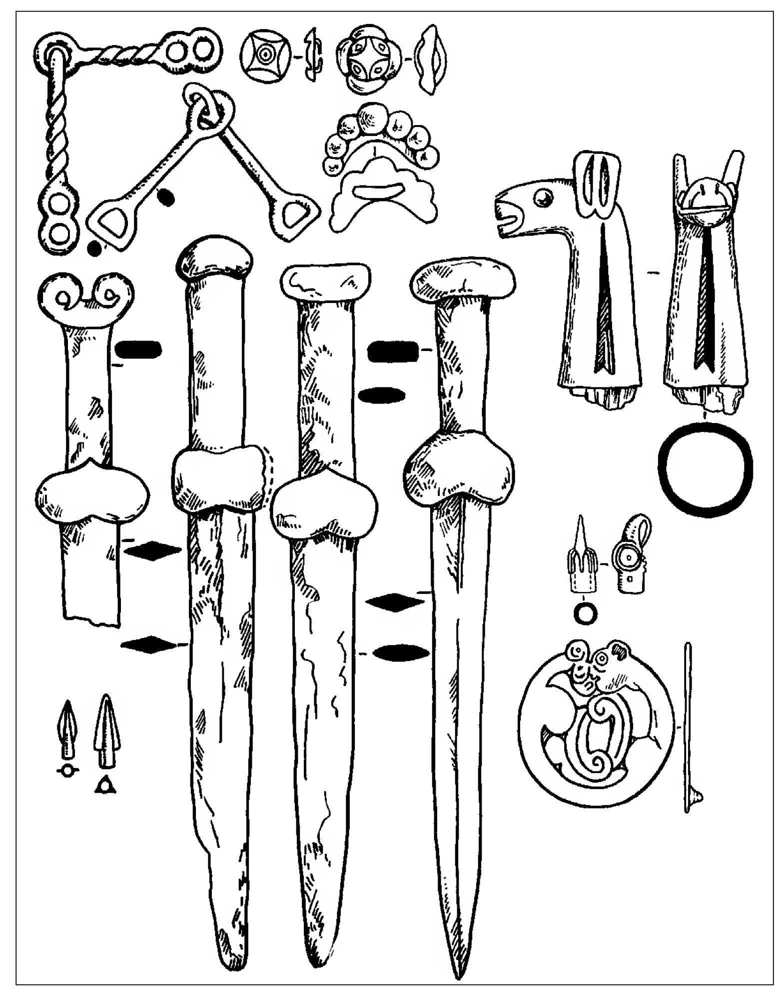
Мы рассмотрели ближайшее этническое окружение геродотовой Причерноморской Скифии. А что знаем мы о ее более отдаленных соседях? Весьма показательно, что, описывая области обитания народов, живущих к северу от скифов, Геродот последовательно каждый соответствующий пассаж завершает единообразно: над неврами располагается земля, которая «на всем известном нам протяжении безлюдна» (IV, 17); страна, находящаяся выше андрофагов, — «настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном нам протяжении» (IV, 17); выше меланхленов находятся «болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении» (IV, 20). Совершенно очевидно, что сведениями об обитателях более северных земель Геродот не располагал вовсе и почти вся северная половина Восточной Европы представлялась ему безлюдной пустыней. Однако несомненно несоответствие такой картины исторической реальности. Какой бы из двух приведенных выше вариантов локализации перечисленных народов мы ни приняли, к северу от них располагаются области, насыщенные археологическими памятниками разных эпох, в том числе I тыс. до н. э. К ним принадлежат, в частности, многочисленные упомянутые выше городищенские культуры лесной зоны, протянувшиеся от Прибалтики до Урала. Однако вследствие незнания большинства этих земель античным миром их этнонимия той эпохи остается нам неведомой. Лишь ретроспективный подход, анализ гидронимии и иные косвенные данные позволяют предполагать пребывание здесь тогда народов ***балто-славянской*** и ***финно-угорской*** языковых групп [ср. *Седов* 1997]. Все более детальные реконструкции остаются сугубо гипотетичными.

Однако не вся северо-восточная Европа представала для Геродота как terra incognita. В непроницаемой стене неведения, которой непосредственные северные соседи Скифии отделены в его глазах от более отдаленных народов, неожиданно обнаруживается брешь. Она находится на северном рубеже земли будинов. Непосредственно за ней, по представлениям Геродота (IV, 22 сл.), как и над другими народами этого региона, также находится пустыня, простирающаяся на семь дней пути, но далее, если отклониться несколько к востоку, можно попасть в землю ***тиссагетов*** и живущего на тех же землях народа ***иирков***; а еще северо-восточнее обитают некие «***другие скифы***», когда-то отделившиеся от скифов царских и пришедшие в эту землю. Еще дальше в глубь материка Геродот помещает зону обитания народа ***аргиппеев*** — живущих у подножия высоких гор плешивых от рождения курносых людей с широкими подбородками. Говорят они на особом языке, но

одежду носят скифскую и отличаются особой справедливостью, за что почитаются всеми окрестными народами.

Данный пассаж представляет значительный интерес, и в науке неоднократно предлагались различные его толкования. Прежде всего возникает вопрос, почему из всей далекой континентальной периферии Причерноморской Скифии только земли, лежащие по этому маршруту, попали в поле зрения Геродота? Объяснение этому мы находим в самом его рассказе, где указывается, что путь через эти земли известен как скифам, так и эллинам из приморских городов и что путешествующие по нему пользуются услугами переводчиков с семи различных языков. Очевидно, перед нами — описание некоего торгового пути, связывавшего в древности Причерноморье с глубинными континентальными областями. Исследователи, кстати, обратили внимание на то обстоятельство, что в рассказе о войне скифов с персидским войском царя Дария именно народы, живущие вдоль этого пути, — савроматы, будины и обитающие в их земле гелоны, — выступают в роли союзников скифов, тогда как другие их соседи — агафирсы, невры, андрофаги и меланхлены — отказывают им в поддержке [*Граков* 1971, 28]. Очевидно, в скифском эпосе, к которому восходят сведения Геродота об этой войне, нашли отражение традиционно дружеские связи скифов с теми народами, с которыми их связывала устойчивая система межплеменной торговли; отношения с иными соседями не были столь тесными.

Конечно, в рассказе Геродота о пути в землю аргиппеев перемешались реальные и полумифические сведения. К последним относится сообщение об исключительной справедливости этого народа и в еще большей степени — сведения о землях, лежащих севернее страны аргиппеев, которые весьма критически оценивает и сам Геродот: здесь, в непроходимых горах, якобы живут некие козлоногие люди, а еще выше — народ одноглазых ***аримаспов***, постоянно сражающихся с грифами, стерегущими золото, которым богата эта страна. Относиться к этим сказочным деталям как к источнику по этногеографии интересующих нас земель было бы нелепо, но они тем не менее сыграли вполне позитивную роль, позволив уточнить местоположение этих земель и одновременно — общую ориентацию описанного Геродотом торгового пути. Г. М. Бонгард-Левин и Э. А. Грантовский [1983] сопоставили эти рассказы с общими для мифологии большинства индоиранских народов представлениями о протянувшейся вдоль северного рубежа обитаемой земли цепи непроходимых гор и о находящейся около них стране блаженных, с которыми сопоставимы аргиппеи рассматриваемого рассказа. Иными словами, содержащиеся в этом рассказе легендарные подробности восходят, судя по всему, к собственно скифской мифологии, и даже к более древней — общеиндоиранской, что дает в руки ученых дополнительные аргументы в поддержку гипотезы о локализации зоны совместного обитания ариев именно в Восточной Европе. Одновременно

Предметы «скифской триады» из могильников ананьинской культуры — древности «отделившихся скифов»? (*Погребова, Раевский* 1992. С. 204. Рис. 32)

эти данные позволяют утверждать, что описанный Геродотом торговый путь в целом ориентирован на север.

Этот вывод находит определенные археологические подтверждения и позволяет предположительно идентифицировать перечисленные народы, обитающие вдоль этого пути. За землями уже описанных савроматов и будинов и за лежащей выше них «пустыней», в которой скорее всего следует видеть малонаселенную область, находится, согласно Геродоту, страна тиссагетов и живущих вместе с ними иирков. Ее, вероятно, следует отождествлять с ареалом так называемой *городецкой культуры* — одной из городищенских культур средней полосы Восточной

Европы, занимавшей бассейн Оки и Средней Волги преимущественно по правому ее берегу. Судя по всему, носители этой культуры принадлежали к числу финно-угорских народов; в них видят, в частности, предков современной **мордвы**. Севернее городецкого ареала лежит область распространения другой культуры раннего железного века — *ананьинской*, также принадлежавшей, скорее всего, какому-то финноязычному народу. Для нас важно также, что в ряде ананьинских могильников, расположенных по течению Волги между местами впадения в нее Камы и Ветлуги, часто попадаются скифские предметы VII—VI вв. до н. э. в сочетании со специфическими вещами центрально-кавказского происхождения. Точно такое же сочетание скифских и кавказских вещей мы находим в синхронных названным ананьинским памятникам могильниках на Центральном Кавказе, что позволяет реконструировать переселение какой-то группы воинов с Кавказа на Среднюю Волгу примерно тогда же, когда происходило расселение по разным регионам Восточной Европы возвращающихся через Кавказ из Передней Азии скифов. Тогда скифские и кавказские вещи, найденные в ананьинских могильниках, можно рассматривать как археологические следы тех самых «других скифов», которые, по свидетельству Геродота, отделились от основного массива своих соплеменников и продвинулись далеко на северо-восток Европы, за земли тиссагетов и иирков [*Погребова*, *Раевский* 1992, 195 сл.].

АЗИАТСКИЕ СТЕПИ В СКИФСКУЮ ЭПОХУ

Однако такая трактовка описанного Геродотом торгового пути и археологическая идентификация народов, через земли которых он пролегал, в том числе — отделившихся скифов, не являются общепризнанными в специальной литературе. Многие исследователи полагают, что названный путь был ориентирован не на север, а на восток и вел от устья Танаиса-Дона и Меотиды в восточные степи Нижнего Поволжья и Приуралья, а затем в сторону Южной Сибири. Одним из активных сторонников этой теории был известный российский археолог С. И. Руденко, осуществивший в 1940-х гг. раскопки знаменитых Пазырыкских курганов в Горном Алтае. Всемирную славу этим курганам принесло то обстоятельство, что климатические особенности зоны их возведения и особенности конструкции подкурганных погребальных сооружений обусловили образование под каждым таким курганом линзы вечной мерзлоты; это способствовало сохранению в земле предметов погребального инвентаря, изготовленных из органических материалов — тканей, кожи, дерева и т. п., — в обычных условиях бесследно истлевающих. Поэтому материальная культура носителей пазырыкской культуры известна нам гораздо полнее других синхронных ей культур Евразии.

Раскопками обнаружено огромное количество художественных изделий, созданных носителями этой культуры и выполненных в традициях звериного стиля скифской эпохи. Среди мотивов этого искусства более обильно, чем в других культурах «скифского типа», представлены изображения грифонов. Видимо, это обстоятельство явилось для С. И. Руденко одним из оснований для отождествления обитателей Горного Алтая скифской эпохи с теми племенами, что были известны древним авторам не под своим подлинным именем, а под легендарным наименованием стерегущих золото грифов. Их ближайших, по Геродоту, соседей — аргиппеев и аримаспов — исследователь, исходя из такой локализации «грифов», помещал в верховьях Иртыша и, возможно, несколько восточнее [*Руденко* 1952, 17—20]. Другие народы, перечисленные Геродотом вдоль описанного торгового пути, соответственно были локализованы им на пространстве между Волгой и Алтаем; отделившихся скифов, к примеру, он помещал в Северном Казахстане, но на проблеме археологической их идентификации специально не останавливался.

Концепцию С. И. Руденко с более или менее значительными уточнениями и вариациями разделяют многие исследователи и в наши дни. Так, автор новейших раскопок курганов пазырыкской культуры на Алтае Н. В. Полосьмак свою недавнюю (1994 года) монографию о материалах этих раскопок так и назвала — «Стерегущие золото грифы». Что касается отделившихся скифов, то их локализацию в азиатских степях в 1920-х гг. предлагал Б. Н. Граков, считавший, что у Геродота под этим именем подразумеваются те скифы, которые остались на своей прародине после перемещения основной массы их соплеменников в Европу. Этим оставшимся в Азии скифам он тогда приписывал курганы скифской эпохи в поволжско-уральском регионе, но позже отказался от такой трактовки, приняв мнение о принадлежности этих древностей геродотовым савроматам [*Граков* 1947, 102—103]. Однако восточная, азиатская, локализация отделившихся скифов и в наши дни имеет сторонников, выдвигающих дополнительные аргументы в ее поддержку. Так, было высказано предположение, что их представителю принадлежит известное достаточно богатое погребение в кургане у с. Гумарово Оренбургской области [*Членова* 1988]. Мнение об этом погребении как об одном из древнейших комплексов скифской культуры разделяют и другие исследователи, но решению вопроса о локализации отделившихся скифов вряд ли может помочь этот пока единичный в данном регионе памятник.

Если же не согласиться с восточной ориентацией описанного Геродотом торгового пути (а его направление на север лучше согласуется с указаниями источника), то окажется, что для воссоздания этнической истории азиатской части России в I тыс. до н. э. мы располагаем почти исключительно археологическими данными. Этнонимия этих областей — и то, разумеется, исключительно в иноязычной передаче — фиксирует-

ся письменными источниками только с последних веков до н. э. Степную зону этого региона и некоторые примыкающие к ней горные и лесостепные области в это время, как уже говорилось, занимали племена — носители различных культур «скифского» типа. Некоторые исследователи полагают, что все эти народы были близки к скифам не только в культурном, но и в языковом отношении, и пишут о «древнеиранской степной ойкумене» [см., например: *Грач* 1980, 95]. Однако, не исключая вероятности ираноязычия если не всех, то по крайней мере многих народов степного пояса в скифскую эпоху, мы на сегодняшний день с уверенностью можем говорить об иранстве только собственно скифов, родственных им савроматов и более поздних обитателей евразийских степей — сарматов, о которых речь пойдет в следующей главе (если оставить в стороне народы казахстанско-среднеазиатского региона — согдийцев, бактрийцев, различные племенные группировки саков, ираноязычие которых надежно установлено по разноприродным данным). О языковой принадлежности других обитателей «скифского мира» евразийских степей пока можно говорить лишь сугубо предположительно, да и в будущем мы вряд ли получим однозначный ответ на этот вопрос. Определенные предположения позволят высказать тотальное изучение топонимов и некоторые другие методы исследования, но для окончательного ответа на этот вопрос мы не располагаем данными. Важным показателем является несомненное преобладание здесь европеоидного по своим антропологическим характеристикам населения, хотя и с определенной монголоидной примесью; собственно монголоидным является лишь население Забайкалья — носители так называемой *культуры плиточных могил*. Что же касается Северной Азии, то завесу над древней этнической историей этого региона, не попавшего в поле зрения носителей какой-либо из письменных цивилизаций древности, способна приподнять почти исключительно археология, чьи возможности в этом плане, как уже говорилось, достаточно ограниченны.

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ

Чтобы покончить с этнокультурной историей Евразии в скифскую эпоху, нам осталось коснуться юго-восточных соседей Причерноморской Скифии — обитателей Предкавказья и Кавказа. Этот регион, не слишком удаленный от эллинских припонтийских колоний, был знаком античному миру значительно лучше, чем далекие восточные области нынешней России. Но создать однозначную этноисторическую его картину античная традиция, даже в сочетании с археологическими данными, все же не позволяет. Достаточно сказать, что для нас остаются неизвестными самоназвание и этноязыковая принадлежность носителей одной из самых ярких археологических культур Старого Света

эпохи поздней бронзы и раннего железа — *кобанской культуры* Северного Кавказа, получившей свое название от чрезвычайно богатого могильника близ аула Верхний Кобан (или Верхняя Кобань) в Северной Осетии. Культура эта приобрела широкую известность еще в прошлом столетии благодаря ярким изделиям из бронзы — изящным топорам с гравировкой, предметам конской сбруи, разнообразным украшениям и т. п., — значительная часть которых принадлежала к числу случайных находок или была получена в результате хищнических раскопок. Но в настоящее время накоплено большое количество и хорошо документированных кобанских древностей. Основным ареалом кобанской культуры является центральная — как предгорная, так и горная — часть Северного Кавказа и, частично, южный склон Главного Кавказского хребта. В пределах ее ареала выделены определенные локальные варианты [*Козенкова* 1989]. Носители этой культуры, без сомнения, принадлежали к числу северокавказских по языку народов, но их потомки, очевидно, вошли в качестве субстратного компонента в состав и тех народов Кавказа, которые принадлежат к другим языковым семьям — ираноязычных осетин или тюркоязычных карачаевцев и балкарцев. Процесс смешения кавказоязычного и иранского населения прошел несколько этапов, но начало его, судя по всему, относится именно к той эпохе, которая является предметом нашего внимания в данной главе [*Кузнецов* 1997]. Кобанские племена, судя по всему, приняли достаточно активное участие как в киммерийско-скифских походах в Переднюю Азию (именно в кобанских могильниках найдены древнейшие предметы ближневосточных типов — шлемы и т. п., — очевидно, являвшиеся трофеями первых рейдов евразийских воинов через Кавказ), так и в процессе формирования материальной культуры скифов. Не случайно применительно к VII—VI вв. до н. э. — ко времени, когда собственно скифская культура еще находилась в стадии становления, — не всегда удается однозначно разделить собственно скифские комплексы с территории Северного Кавказа и погребения представителей местного населения, содержащие отдельные скифские черты [см.: *Махортых* 1991]. В. Б. Ковалевская [1985] выдвинула интересную гипотезу, объясняющую кобанско-скифское этническое смешение тем, что в традициях древнеиранских обществ ремесленная деятельность считалась недостойной свободных ариев — воинов по преимуществу, тогда как кобанцы были как раз замечательными ремесленниками, прежде всего металлургами. Вследствие этого сложился определенный межэтнический симбиоз с соответствующим разделением труда между представителями исконно разных этнических групп. Это смешение происходило преимущественно на территории предгорий Центрального Кавказа, тогда как в других частях региона наблюдается, скорее, внедрение определенных скифских контингентов в местную среду с сохранением их этнокультурной самобытности.

Если часть кобанского населения в ходе контактов с киммерийско-скифскими племенами, видимо, подверглась иранизации, то другая осталась кавказоязычной, но на сегодняшний день вряд ли можно с уверенностью говорить, принадлежали ли эти племена к носителям западно-кавказских (абхазо-адыгских) или восточно-кавказских (вайнахских) языков; учитывая деление кобанской культуры на локальные варианты, нельзя исключать их принадлежность племенам различных языковых групп.

Гораздо полнее известна нам этнонимия обитателей Северо-Западного Кавказа ввиду близости этого региона к античным колониям Причерноморья. Многие из народов этой области, обитающие по среднему и нижнему течению Кубани, а также в Восточном Приазовье, известны нам под обобщающим названием ***меотов***. Неоспорима связь этого термина с древним наименованием Азовского моря — Меотида или Меотийское болото, и неизвестно, в самом ли деле все обозначаемые этим термином народы принадлежали к единой этноязыковой группе или исконно он прилагался только к некоторым из них (от кого и получила свое имя Меотида), а затем обобщенно им стали обозначать все племена, живущие близ Азовского моря вне зависимости от наличия или отсутствия этнического родства между ними.

Интересные данные о племенном составе меотов можно почерпнуть из титулатуры правителей Боспорского царства, возникшего поначалу как объединение нескольких греческих колоний Керченского и Таманского полуостровов, но затем распространившего свою власть на значительную территорию Прикубанья и Приазовья. В связи с этим к титулу архонта (правителя) исконных греческих владений добавился титул царя ряда местных племен. Иногда они перечисляются достаточно подробно, например, «царь синдов, торетов, дандариев, псессов» [КБН, 1965, № 6], но зачастую этническая номенклатура приводится в обобщенном виде, и титул обретает такой вид: «царь синдов и всех маитов (т. е. меотов)» [КБН, 1965, № 8 и др.], и это позволяет полагать, что ***тореты***, ***дандарии*** и ***псессы*** суть отдельные меотские племена, так же, как и другие упоминаемые античными авторами народы этого региона — ***керкеты***, ***кораксы*** и т. п. Любопытно что народ ***синдов***, обитавших на Таманском полуострове, ближе к греческому ядру Боспорского царства, чем другие народы, никогда этим обобщением не покрывается и всегда упоминается отдельно. Вряд ли можно однозначно ответить на вопрос, объясняется ли это тем, что синды не входили в число меотов, или тем, что они были подчинены Боспору ранее других местных племен и потому титул их царя имел особый статус в титулатуре боспорских правителей. Судя по тому, что иногда так же отдельно от «всех маитов» обозначается в этой титулатуре и другой народ Прикубанья — ***фатеи***, более вероятным представляется первое объяснение, но надежными критериями для выделения в массе этнонимов таманско-прикубанской террито-

рии наименований собственно меотских и каких-то иных народов мы не располагаем.

Помимо надписей, содержащих титулатуру боспорских правителей, упомянутые народы фигурируют и в сочинениях античных авторов, где иногда содержатся кое-какие — прямые или косвенные — данные об их локализации. В результате осуществленного в последние десятилетия интенсивного археологического изучения Приазовья и Прикубанья удалось сопоставить эти сведения с данными археологии, и это создало предпосылки для археологической идентификации если не всех, то некоторых народов названного региона. Так, среди всей совокупности так называемых меотских памятников, оставленных здесь оседло-земледельческим населением I тыс. до н. э., выделен ряд локальных групп, некоторые из которых соотнесены, к примеру, с синдами и дандариями [*Каменецкий* 1989, 226 сл.]. Такой сопоставительный анализ свидетельствует, что синды Таманского полуострова в самом деле подверглись наибольшей из всех народов этой территории эллинизации. Меотские племена среднего течения Кубани, особенно ее левобережья, по крайней мере с VII в. до н. э. существовали в тесном контакте со скифами. На протяжении длительного времени ведется дискуссия относительно того, меотам или скифам принадлежат такие богатые закубанские комплексы, как Келермесские или Ульские курганы. Последние раскопки в этой зоне позволили выдвинуть гипотезу, что здешние крупные богатые воинские погребения под курганами оставлены скифской знатью, а обнаруженные там же грунтовые могилы — зависимому от скифов меотскому населению [*Галанина* 1997]. Это предположение хорошо согласуется с утверждением Ксенофонта, что «в Европе скифы господствуют, а меоты им подвластны». Однако приложимо оно, скорее, не ко времени жизни самого Ксенофонта (V—IV вв. до н. э.), когда Скифия, в соответствии с данными Геродота, простиралась на восток лишь до Танаиса-Дона, а к более раннему периоду. Реальностью того же раннего этапа порождено, видимо, наименование автором V в. до н. э. Геллаником народа, обитающего по соседству с синдами, «меотами скифами». Позже не вошедшие в политическую структуру Скифии народы Северного Кавказа (в том числе Прикубанья) развивались уже самостоятельно, но определенные черты, заимствованные в раннее время у скифов, в их культуре продолжали сохраняться.

Относительно этноязыковой принадлежности меотов и других местных народов Северо-Западного Кавказа в науке преобладает мнение, причисляющее их к абхазо-адыгской группе. В целом такая гипотеза представляется наиболее вероятной, но нельзя пройти мимо того факта, что некоторые из них имеют отчетливо иранские по происхождению этнонимы. Таков, например, термин ***дандарии***, объясняемый из иранского как ‘держащие реку’, ‘владеющие рекой’ [*Абаев* 1949, 162]. Означает ли это, что сами дандарии были ираноязычны, или что нам известно не их

самоназвание, а лишь то имя, которым этот народ обозначали соседи иранцы, сказать с уверенностью нельзя.

Особо следует остановиться на вопросе о языке синдов, поскольку именно с определения его как индоарийского О. Н. Трубачев начал разработку своей упомянутой выше гипотезы об индоариях в Северном Причерноморье античной эпохи [*Трубачев* 1999, 15 и сл.]. Однако весомых аргументов в поддержку такого толкования этнической ситуации в указанном регионе мы, как уже говорилось, не видим.

Археологическое исследование меотской территории позволило воссоздать непрерывную шкалу развития ее материальной культуры на протяжении всего I тыс. до н. э. и первых веков н. э., т. е. как в скифское время, так и в пришедшую ему на смену сарматскую эпоху, к которой мы теперь и обратимся.

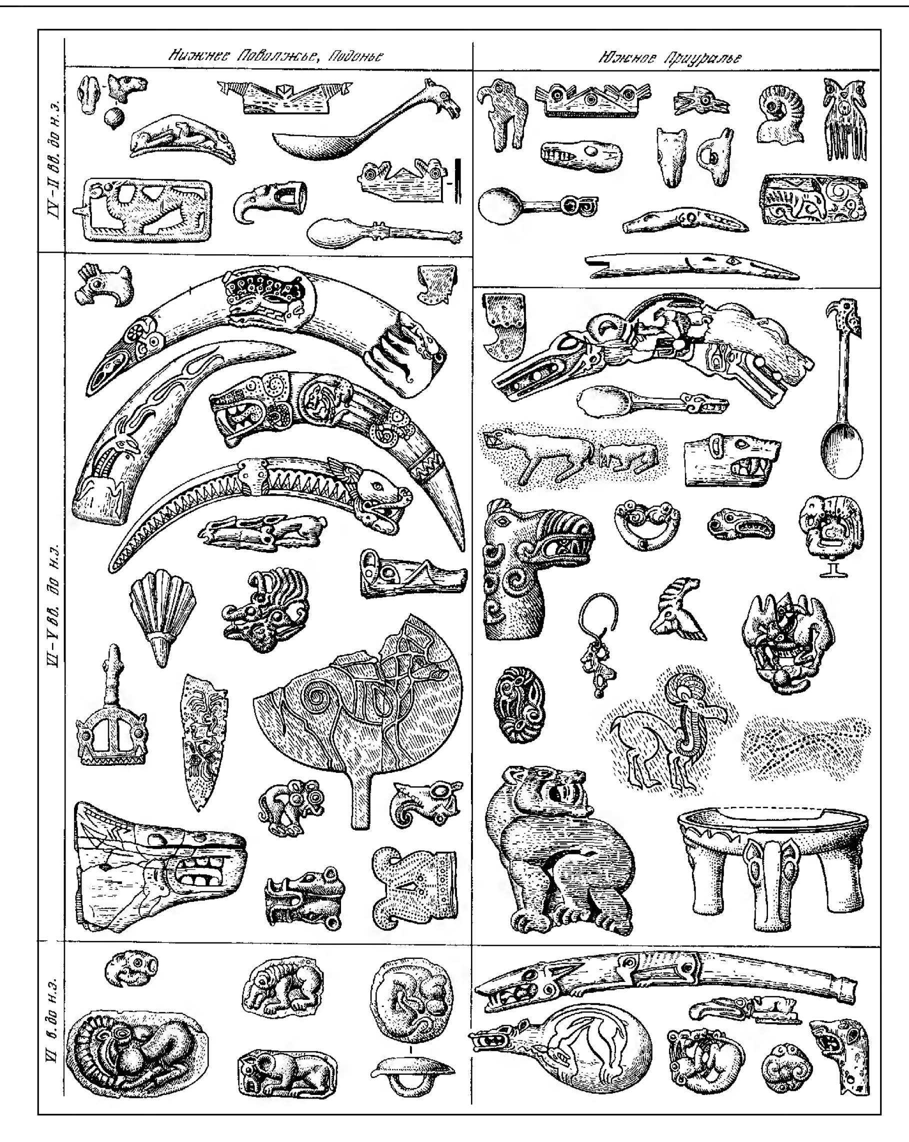
Глава V

ЕВРАЗИЯ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

САВРОМАТЫ И САРМАТЫ

Диодор Сицилийский (II, 43), завершая рассмотренный выше пассаж о соседних со скифами савроматах как о переселенцах из Мидии, сообщает, что представители этого народа «много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню». Античные источники в самом деле констатируют наличие в последних веках до н. э. и первых столетиях н. э. в Северном Причерноморье — на территории прежней Скифии — новых обитателей, но в большинстве случаев именуют их по-другому — ***сарматами***. Сходство двух этих этнонимов привело к тому, что многие древние авторы путали их, принимая за один и тот же народ и считая имя *сарматы* более поздней формой наименования *савроматы*, которым еще Геродот обозначал восточных соседей скифов. Такой же подход долгое время был преобладающим и в археологии. Так, Б. Н. Граков, предложивший в 1947 г. первый опыт периодизации памятников сарматской археологии, выделил в ней четыре последовательных этапа — савроматский, савромато-сарматский, собственно сарматский и аланский, трактуя их как стадии поступательного развития единой в основе культуры [*Граков* 1947]. Той же точки зрения придерживался один из ведущих российских сарматологов К. Ф. Смирнов, придавший своей фундаментальной монографии «Савроматы» (М., 1964) — первому обобщающему труду о древностях этого народа — подзаголовок «Ранняя история и культура сарматов».

Вместе с тем параллельно в науке существовало и иное мнение, последовательно различавшее савроматов — непосредственных восточных соседей Скифии — и более поздний народ сарматов, в определенный исторический момент заселивший все причерноморские степи, некогда занятые скифами. Такой взгляд во многих своих работах высказывал, например, замечательный российский ученый первой половины нашего столетия М. И. Ростовцев [1918, 127]. Взгляд этот находит определенную поддержку и в этнонимических материалах, ибо, при всем сходстве названий савроматов и сарматов, они, скорее всего, имеют разное происхождение, по-разному этимологизируются на основе иранской лексики и превращение первого во второе лингвистически маловероятно [*Грантовский*, *Раевский* 1984, 59].

Звериный стиль савроматской и раннесарматской эпохи (Степи Европейской части. Табл. 66. С. 371)

С IV в. до н. э. археологически прослеживается проникновение каких-то савроматских групп из-за Танаиса на запад, в Скифию [*Смирнов* 1984, 18 сл.]. Но эти спорадические перемещения по своему размаху никак не соответствуют упомянутому Диодором разгрому скифов. Вместе с тем по мере накопления археологического материала взгляд на геродотовых савроматов и более поздних сарматов как на разные

народы получал все большее признание. Становилось все яснее, что так называемая *прохоровская культура*, носителями которой считаются ранние сарматы и которая с III в. до н. э. начала постепенно распространяться на правый берег Дона, в действительности формируется не на основе памятников Волжско-Донского междуречья, оставленных савроматами Геродота, а ведет свое происхождение от так называемых «археологических савроматов» Приуралья, о которых говорилось в предыдущей главе, т. е. от некоего народа (исседонов? даев?), обитавшего восточнее собственно савроматов и обладавшего в известной мере сходной с ними культурой [*Мошкова* 1974]; определенное участие в этнокультурном становлении сарматов принимали, видимо, и племена приаральских степей [*Смирнов* 1984, 17]. Уже к концу IV в. до н. э. в Приуралье представлены памятники сложившегося прохоровского облика. Несколько позже, на рубеже IV—III вв., аналогичные памятники появляются в Поволжье, что знаменует начало распространения сарматских племен на запад, и на протяжении IV—III вв., как полагают исследователи, происходит поглощение прежнего, савроматского, населения этих областей новыми пришельцами [Раннесарматская культура, 1997]. На территории Скифии, т. е. западнее Дона, первые, хотя и единичные, сарматские памятники датируются III в. до н. э., и археологически прослеживается постепенное проникновение их все далее к западу — сперва до Днепра, а затем и в днепровское правобережье [*Смирнов* 1984]. Это скорее всего и было то нашествие сарматов на бывшие скифские земли, которое привело к коренному изменению этнического облика причерноморских степей. Но можно ли, в согласии с приведенным выше мнением Диодора, считать именно это продвижение сарматов в западном направлении причиной гибели богатой и густонаселенной Скифии? На эту тему в науке существуют два противоположных мнения.

САРМАТЫ И ГИБЕЛЬ СКИФИИ

Известные на сегодняшний день наиболее поздние памятники традиционного для причерноморских скифов облика датируются не позже рубежа IV—III вв. или первыми десятилетиями III в. до н. э. Совпадение этой даты со временем появления в Причерноморье погребений прохоровского облика и вообще с активным расширением ареала прохоровской культуры в западном и северо-западном направлении достаточно показательно. Именно эту миграцию сарматов большинство современных исследователей связывает с упомянутыми у Диодора нашествием на Скифию [см., например: *Смирнов* 1984, 118; об иных существующих точках зрения см.: *Мошкова* 1989 (а), 162].

Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то, что сарматские погребения III в. до н. э. в Северном Причерноморье по существу ис-

числяются единицами, и теми силами, о которых свидетельствуют археологические материалы, сарматы, конечно, не могли сокрушить процветающую Скифию. К тому же у некоторых исследователей заметна тенденция к завышению даты ранних сарматских памятников на этой территории и, соответственно, к увеличению временного разрыва между концом Скифии и распространением на ее территории сарматского населения. Вывод, к которому приходят эти авторы, состоит в том, что сарматское нашествие не явилось причиной заката Скифии, который значительно предшествует ему и был вызван в первую очередь специфическими климатическими явлениями, подорвавшими хозяйственную основу существования скифов [*Полин* 1992].

Следует, однако, иметь в виду, что при проникновении какого-либо кочевого народа — а сарматы были по преимуществу кочевниками — на новую территорию и столкновении с прежними ее обитателями он, как правило, далеко не сразу полностью осваивает и плотно заселяет эти земли. Поначалу он ограничивается спорадическими набегами с целью захвата добычи, а погибших во время таких рейдов воинов старается не хоронить в чужой земле, а увозит с собой. Позже, по мере военно-политического ослабления прежних хозяев этой территории, ее начинают осваивать для своих кочевок отдельные группы завоевателей, и лишь затем переселение их сюда становится массовым. Поскольку как скифы, так и сарматы вследствие кочевого характера их культуры археологически представлены в основном погребальными курганами, первый из трех перечисленных этапов скифо-сарматского взаимодействия археологически вообще не может быть прослежен, ибо при отсутствии поселений (и соответственно их разрушенных остатков) он никак не проявляется в археологических материалах. Зато там, где обитало оседлое население, можно выявить, так сказать, «негативные» последствия этого процесса.

Это относится, например, к северной, лесостепной, периферии Скифии, куда, как показали исследования последних лет [*Медведев* 1990], сарматы также проникали и где именно этим временем датируются следы военного разгрома ряда поселений и городищ. Не менее важны результаты изучения так называемого Елизаветовского городища на Нижнем Дону. Возникшее поначалу как открытое, лишенное укреплений поселение, оно, по мнению исследователей, не позднее середины IV в. до н. э. превратилось в хозяйственный, а может быть, и административный центр обширного региона, лежащего на стыке области обитания скифов, савроматов и меотских племен; важную роль в его жизни играла и роль центра греко-варварских торговых связей. Первоначально мирный характер межэтнических отношений уже в середине IV в. был нарушен, о чем свидетельствует строительство на указанном поселении оборонительных сооружений, очень быстрое их преднамеренное разрушение, а затем возведение новых, еще более мощных укреплений; наконец, на рубеже IV—III вв. до н. э. население просто покидает

некогда безопасное и процветающее место. Специалисты видят в этой цепи событий отражение постепенно возраставшего натиска восточных (судя по совокупности письменных и археологических данных, сарматских) племен, приведшего в итоге к коренному изменению этнополитической ситуации в степном регионе [*Виноградов Ю. А. и др.* 1997]. Наконец, в самое последнее время было высказано предположение, что упоминание сарматов, пребывавших в непосредственной близости от Крыма, содержится в одной надписи из Херсонеса, относящейся к первым десятилетиям III в. до н. э. [*Виноградов* 1997]. Все эти данные вносят существенные коррективы в концепцию, основанную исключительно на хронологии скифских и сарматских погребений в припонтийских степях и постулирующую значительный временной разрыв между гибелью причерноморской «Великой Скифии» и утверждением на ее территории сарматских племенных объединений.

Немногочисленные же известные в Причерноморье сарматские погребения III—II вв. до н. э. соответствуют уже второму из обозначенных выше этапов взаимодействия этих этнополитических массивов, а массовые курганные захоронения сарматов и даже целые сарматские могильники связаны с третьим его этапом.

Таким образом, если рассматривать археологический материал в широком историческом контексте и с учетом культурной специфики скифов и сарматов, то не приходится отрицать наличия в нем указаний на причинно-следственную связь между закатом Скифии и началом расселения сарматов на запад. Поэтому вполне взвешенным представляется взгляд А. Ю. Алексеева [1992, 142], признающего вероятность каких-то климатических сдвигов, но не отрицающего и внешней агрессии как одной из главных причин гибели Скифии. При этом некоторые дополнительные факторы, обусловившие ослабление скифов к концу IV в. до н. э., — в частности, натиск македонцев и фракийцев с запада, — облегчили продвижение сарматов на скифские земли [*Смирнов* 1984, 66].

«МАЛАЯ СКИФИЯ» — ПОЗДНЕСКИФСКОЕ ЦАРСТВО

Помимо замещения савроматов сарматами необходимо внести еще одну поправку в сообщение Диодора о разгроме Скифии: в действительности не приходится говорить о поголовном истреблении прежнего, скифского, населения этого региона в процессе сарматского проникновения сюда. Отчасти, как свидетельствует археологический материал, оно было ассимилировано новыми пришельцами, воспринявшими некоторые черты скифской культуры [*Смирнов* 1984, 118]. Кроме того, на протяжении нескольких столетий у скифов сохранялось и самостоятельное политическое образование, сузившееся, правда, до небольшой территории по нижнему течению Днепра и в степях и предгорьях Крым-

ского полуострова. Столица его находилась в Крыму, на территории современного Симферополя. Это образование несоизмеримо, конечно, с огромными пространствами Скифской державы предшествующих столетий, и потому, по свидетельству Страбона (VII, 4, 5), именовалось Малой Скифией. Аналогичное название, согласно указанию того же автора, носила в то время и область за реками Тирас (Днестр) и Истр (Дунай), т. е. современная Добруджа, вследствие достаточно массового переселения туда жителей из Северного Причерноморья, но политически эта территория не входила в крымско-днепровское царство. С двумя этими этнополитическими образованиями связаны позднейшие страницы истории некогда могущественного и многочисленного народа скифов.

Поздние скифы уже не были кочевниками и вели оседлое земледельческо-скотоводческое хозяйство. Их укрепленные городища, возникшие, в частности, перед лицом сарматской угрозы, известны на обоих берегах Нижнего Днепра, а также в Крыму. Население Позднескифского царства, судя, в частности, по данным эпиграфики, сохраняло за собой прежнее этническое наименование, а в его материальной культуре заметны следы преемственности от скифской культуры эпохи расцвета [*Шульц* 1971], хотя ощутимое влияние на нее оказала и культура сарматов. По археологическим данным, определенные сарматские контингенты в несколько приемов вливались в среду населения Позднескифского царства, в частности его крымской столицы и городищ Юго-Западного Крыма. Более заметны в культуре поздних скифов, чем в скифской культуре предшествующей эпохи, и следы эллинизации — особенно в среде столичной знати.

Позднескифское царство в Крыму и на Нижнем Днепре просуществовало до III в. н. э., когда было сокрушено готами, видимо, действовавшими в союзе с аланами. Часть его смешанного, скифо-сарматского, населения была оттеснена в Крымские горы, где составила один из компонентов сложного этноса, образовавшего ряд небольших средневековых государств. Там-то и завершилась многовековая история скифов. Никакой современный народ не может считаться прямым их потомком, поскольку они целиком растворились в иноэтничной среде.

САРМАТСКИЕ ПЛЕМЕННЫЕ ГРУППИРОВКИ ПО ДАННЫМ АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ И АРХЕОЛОГИИ

Однако уже в последние века до н. э. не эти поздние скифы определяли этническую картину на юге Восточной Европы, которая в античной традиции теперь именовалась Европейской Сарматией; наряду с ней на востоке, за Танаисом, античные авторы помещают Азиатскую Сарматию. Нужно сказать, что представления авторов рубежа н. э. об

этнической ситуации в евразийских степях не отличаются особой четкостью: тот же Страбон, достоверно обозначающий пределы Малой Скифии, при общем перечислении обитающих здесь народов зачастую смешивает данные о скифской и разных этапах сарматской эпох (см. *Приложение,* в частности *Strab.* XI, 6, 2), и синхронные срезы приходится вычленять из этих перепутанных разновременных сведений, вместе с тем поверяя их данными археологии.

Анализируя античную традицию о сарматах, мы убеждаемся, что этот термин применялся как обобщенное наименование ряда более или менее крупных племенных объединений, среди которых следует назвать ***языгов***, ***роксоланов***, ***сираков***, ***аорсов***, относительно территории обитания каждого из которых имеются сведения разной меры точности. К сожалению, не вполне ясно, кто дал им всем упомянутое единое название. Было ли оно их общим самоназванием или так именовали их в античной среде, и если да, то каким критерием общности при этом руководствовались? Абсолютно достоверного ответа на это вопрос мы получить не можем. Не случайно относительно некоторых народов существуют разногласия между отдельными древними авторами, причисляющими их, к примеру, то к сарматам (называемым по старой памяти савроматами), то к меотам [*Мошкова* 1989, 156]. Вместе с тем определенная степень родства перечисленных народов не подлежит сомнению, причем следует отметить два момента: во всех случаях, когда мы располагаем какими-то языковыми следами сарматов (ономастическим материалом), они неоспоримо свидетельствуют об их ираноязычии, а археология позволяет утверждать, что материальная культура всех причисляемых к сарматам народов была во многом сходной. В то же время в лингвистических данных можно обнаружить намеки на существование нескольких диалектов, а единая в целом культура распадается на ряд хронологических и локальных вариантов. Попытки соотнести их с отдельными сарматскими объединениями приводили к неодинаковым результатам. Так, еще в 1948 г. К. Ф. Смирнов обратил внимание на одну специфическую серию погребений сарматской эпохи: для них характерно помещение умершего по диагонали просторной квадратной могильной ямы. Исходя из отличия этих погребений от остальной массы памятников сарматского времени, из их хронологии и ареала исследователь предположил, что они принадлежат представителям народа роксоланов, как той группировки сарматов, которая ранее других продвинулась из Поволжья в Поднепровье [*Смирнов* 1948]. Это мнение было принято рядом ученых, но со временем, с накоплением нового материала, сам К. Ф. Смирнов уже не считал его вполне обоснованным. Взамен была предложена альтернативная интерпретация, предположительно приписавшая диагональные погребения аорсам [*Засецкая* 1974], но вопрос об их этнической атрибуции — и даже вообще об этнической, а не, к примеру, социальной природе их

отличия от других сарматских памятников — все же нельзя считать решенным.

Не менее дискуссионна, чем проблема роксоланов, локализация и археологическая идентификация двух других крупных сарматских группировок — сираков и аорсов. Согласно Страбону (XI, 5, 8), и те и другие — беглецы из среды народов, «живущих выше», т. е. пришельцы из более отдаленных от античных колоний мест, причем аорсы живут по Танаису, а сираки — по Ахардею. Если идентификация реки Танаис с Доном достаточно надежно установлена, то относительно Ахардея ведутся споры: его отождествляют то с Манычем, то с Егорлыком, то с Кубанью и поэтому по-разному локализуют соответствующий сарматский народ и принадлежащие ему археологические памятники. Показательна одна из страниц истории этих двух сарматских племенных объединений: во время династийного конфликта, имевшего место в Боспорском царстве в 49 г. н. э., сираки поддержали одного претендента, а аорсы — другого, что свидетельствует о значительной самостоятельности каждого из известных нам народов сарматского круга; ни о каком политическом единстве сарматского мира даже в пределах юга Восточной Европы, аналогичного Скифской державе V—IV вв. до н. э., говорить не приходится.

Интересный феномен представляет так называемое Золотое кладбище в Прикубанье — цепочка богатых подкурганных захоронений варварской воинской аристократии I—II вв. н. э., в инвентаре которых наряду с местными изделиями представлено большое количество предметов италийского импорта. Высказывались различные предположения относительно этнической принадлежности этих комплексов; недавно была предложена гипотеза, что в данном случае мы имеем дело со следами созданного Римом объединения различных варварских племен для защиты одного из дальних рубежей Римской империи, каким в это время являлось Боспорское царство [*Гущина*, *Засецкая* 1994, 38—40].

Одну из наиболее подробных попыток расчленить информацию античных источников о народах сарматского круга на разновременные пласты и на этой основе восстановить в динамике картину их расселения в степной полосе Восточной Европы во II в. до н. э. — I в. н. э. предпринял Д. А. Мачинский [1974]. Среди прочего, он пытается проследить постепенное продвижение аорсов из Нижнего Поволжья к Дону-Танаису, а затем и далее в Поднепровье и к Дунаю, где они, согласно Плинию (IV, 80), были известны уже под другим именем — ***амаксобии***. Опыты такого тщательного исследования содержащихся в древних источниках этнонимов необходимы, но к утверждениям античных авторов о разных названиях одного народа, так же как о каком-либо общем имени различных народов всегда приходится подходить предельно критически, поскольку мы здесь имеем дело исключительно с инокультурной информацией, прошедшей к тому же через целую цепочку посредствующих звеньев. Не случайно, чем более подробной оказы-

вается этническая карта того или иного района, представленная в античной традиции, тем проблематичнее ее наложение на карту археологическую: в таких подробных картах зачастую соседствуют имена этнических подразделений разного уровня, и порой в подобные «каталоги» оказываются включенными наряду с названиями народов, в полной мере обладающих этнокультурной спецификой, названия весьма мелких этнических образований, в материальной культуре (и соответственно в археологическом облике) которых уловить какие-либо различия не удается.

В этом плане представляет интерес перечень народов, согласно Страбону (XI, 2, 11), живших на Северо-Западном Кавказе вдоль Черноморского побережья. В предыдущей главе мы приводили имена ряда тамошних народов, скорее всего входивших в число меотов и относящихся к абхазо-адыгской языковой общности. Более поздний каталог Страбона выглядит гораздо подробнее и лишь частично совпадает с данными других источников: «К [числу] меотов принадлежат сами синды, [затем] дандарии, ***тореаты, агры*** и ***аррехи***, а также ***тарпеты, обдиакены, ситтакены, доски*** и многие другие». При этом отсутствуют какие-либо конкретизирующие данные о местоположении всех этих племен, но зато иногда встречаются полуфантастические или вовсе легендарные сведения об их происхождении и этническом родстве, основанные, к примеру, на созвучии этнонимов: «Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из язонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию — лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название» (*Strab*. XI, 2, 12).

Сравнивая данные об этногеографии юга Восточной Европы у Геродота и Страбона, мы обнаруживаем, что подробность сведений последнего оказывается ее слабостью: у Геродота было мало данных, но зато они явились результатом тщательного отбора и зачастую хорошо согласуются с археологической картиной; Страбон, как и многие другие поздние авторы, стремился передать всю имеющуюся у него информацию, заимствованную, однако, из вторых и третьих рук, и это обернулось в известной мере хаотическим перечислением. Все сказанное не отрицает тем не менее ценности подобных данных по древней этногеографии территории нынешней России и не препятствует все новым попыткам их интерпретации.

ВАРВАРИЗАЦИЯ АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Одной из важных страниц этнической истории Причерноморья в сарматскую эпоху явилась гораздо более интенсивная, чем в скифское время, варваризация античных городов Черноморского побережья. Имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят о значительной пестроте этнического состава их жителей. Судя по археологическим и неко-

торым другим данным, сарматы активно внедрились в среду его населения — прежде всего с территории Северного Кавказа, в частности Прикубанья, где в это время на основе слияния разноэтничных групп сформировалась синкретическая меото-сарматская культура. Непосредственно на Боспор сарматы проникали несколькими последовательными волнами [*Десятчиков* 1973]. Видимо, не позднее I в. н. э. даже правящая на Боспоре династия имела уже варварское (скорее всего сарматское) происхождение.

В начале н. э. в городах Боспорского царства — Пантикапее, Фанагории, Горгиппии — появляются и ***еврейские*** общины. Об этом свидетельствуют памятники эпиграфики, в том числе т. н. манумиссии — надписи на стелах, повествующие об отпущении рабов на волю «под опеку общины иудеев». Древнейшая из них (51 г. н. э.), происходящая из Фанагории, гласит, что «Кар[иец] Сандан и Кар[иец] Аг и Метроним отпущены при молельне» и объявляются «гарантированными от захвата, беспрепятственными [в проживании], при условии усердного посещения и почитания молельни, и стали свободными под опекой общины иудеев» [ср. *Даньшин* 1993 и обзор: *Соломоник* 1997]. Толкование этой надписи неоднозначно: названные вольноотпущенники были либо карийцами — представителями одного из этносов Малой Азии, либо (по другому предположению) рабами, носившими местные иранские (скифо-сарматские) имена Карсандан и Караг. Условия отпущения на волю соответствовали как иудейским обычаям, так и законам античного полиса, в котором правами мог обладать лишь член определенной общины. Здание иудейской молельни — синагоги III—IV вв. — было открыто, судя по еврейским (наряду с греческими) граффити на штукатурке стен, в Херсонесе [*Оверман и др*. 1997].

Сами евреи в античном мире были в значительной мере эллинизированы и перешли на греческий разговорный язык, о чем свидетельствуют надписи на надгробиях II—IV вв. н. э. из Пантикапея, сделанные по-гречески, в том числе одна греческо-еврейская билингва. Надгробия имеют характерные еврейские символы — семисвечники (меноры). Памятники с собственно еврейскими надписями IV—V вв. обнаружены в Фанагории; среди них особый интерес вызывает одна, содержащая имя умершего, которое, по интерпретации Д. А. Хвольсона, воспроизводит греческую форму иранского (сарматского) антропонима — *Балакос*: возможно, умерший был евреем, воспринявшим местное сарматское имя, но скорее речь может идти о прозелите — эллинизированном сармате, принявшем иудаизм. На еврейских надгробиях из Фанагории часто обнаруживают характерные тамги — так называемые сарматские знаки.

В полиэтничной среде городов Боспорского царства, прежде всего в Танаисе, в первые века н. э. под влиянием иудейского монотеизма распространился культ «Бога Высочайшего» и популярным стало имя *Самбатион* — ‘Чтущий субботу’, в соответствии с Ветхим Заветом

(*Левинская* 1992). Распространение этого культа предшествовало проникновению мировых религий в Восточную Европу и иудаизма в Хазарию (см. главу IX).

ВОСТОК ЕВРАЗИИ В САРМАТСКУЮ ЭПОХУ

Обратимся к восточным областям Евразии. Они были практически неизвестны античному миру в скифскую эпоху — в I тыс. до н. э., — и потому их этническую историю того времени мы можем реконструировать, по существу, исключительно по археологическим данным. В последние века до н. э. и первые столетия н. э. ситуация несколько меняется. Античная наука проявляет определенный интерес к далекой северо-восточной периферии ойкумены. Но этнонимия этих областей в античной традиции носит или весьма обобщенный, или полуфантастический характер. Так, в шестой книге «Географии» Птолемея к северу и северо-востоку от среднеазиатских государств и к востоку от Азиатской Сарматии, т. е. за упомянутой в главе III рекой Ра (Волгой), помещены две обширные области — Скифия по эту сторону Имауса и Скифия по ту сторону Имауса, разделенные неким полумифическим горным хребтом. При этом в первой из них, примыкающей к Гирканскому (Каспийскому) морю, Птолемей размещает многочисленные народы, чьи названия, по первому впечатлению, достоверны, но локализация зачастую весьма сомнительна. Так, здесь оказываются известные нам в Причерноморье кораксы. Здесь же, впрочем, мы встречаем народы, известные нам по другим источникам, к примеру, тех же аорсов. Вероятно, в этом отразилось представление о первоначальном местоположении народа, позже проникшего на запад, в Европу. Что же касается обитателей более восточной Скифии за Имаусом, то здесь помещены легендарные антропофаги (людоеды), гиппофаги (конееды), абии, фигурирующие еще у Гомера, т. е. локализуемые никак не в Центральной Азии, и т. п. Таким образом, этногеографические знания античного мира о далеких северо-восточных землях по-прежнему не отличаются достоверностью.

Однако применительно к рассматриваемому времени при воссоздании этнический ситуации на востоке Северной Евразии нам на помощь приходит новая группа источников — сведения китайских авторов. Здесь, начиная с описания событий, связанных с историей пришедшего в Южную Сибирь из Ордоса народа ***хунну* (*сюнну*)**, фигурируют этнонимы ряда местных народов [*Савинов* 1986]. Из этих источников мы узнаем о ряде побед хунну в конце III — начале II в. до н. э. над народом ***юэчжи*** и о покорении расположенных на севере «владений ***хуньюев*, *цюйше*, *гэгуней*, *динлинов и синьли***». Исследователи полагают, что все эти названия — экзоэтнонимы, не отражающие подлинные самоназвания южно-сибирских народов, что не мешает пред-

принимать попытки их археологической идентификации (так, динлинов иногда соотносят с носителями тагарской культуры).

Кочевники хунну создали в конце III в. до н. э. государственное объединение, условно именуемое (как и последующие, ему подобные объединения тюрков и монголов) «кочевой империей» [*Крадин* 2002]. Им удалось подчинить многие народы Центральной Азии, заставить Китай, относившийся к северным соседям как к варварам и построивший против них Великую стену, выплачивать огромную дань шелковыми тканями, драгоценными уборами, деньгами и зерном. Хунну восприняли многие китайские традиции, их правители получали китайские титулы (см. в главе IV). Один из китайских полководцев Ли Лин, командовавший отрядом в армии, отправленной в I в. до н. э. в страну хунну, попал в плен, но получил в жены дочь хуннского правителя шаньюя и «землю Хягас» (Хакасию) во владение: остатки его дворца были раскопаны недалеко от Абакана. Противостояние Китая и хунну продолжалось (см. об отношении китайцев к «северным варварам» в Приложении, 4): к середине I в. н. э. держава хунну распалась. Во II в. племенное объединение северных хунну под натиском соседей-кочевников (именуемых в китайских источниках сяньби) начало миграцию в Западную Сибирь и Приуралье.

Богатую историю имеет вопрос о народе юэчжи, поскольку его история (точнее, история одного из его подразделений — да-юэчжи, «больших юэчжи») связана не только с Южной Сибирью, но и со Средней Азией, где он участвовал в разгроме эллинистического Греко-Бактрийского царства (изложение существующих трактовок среднеазиатского периода истории юэчжей см.: *Гафуров* 1972, 129 сл.; История татар, 128 и сл.). Предпринимались попытки отождествить это известное в китайской передаче этническое наименование с каким-либо из этнонимов, сохраненных применительно к истории Средней Азии и в соответствии с античной традицией (например, предлагалось уравнение юэчжи — массагеты), однако все они предельно гипотетичны. Что касается археологической идентификации этого народа, то многочисленных сторонников имеет мнение о его тождестве с носителями упоминавшейся выше *пазырыкской культуры*, первоначально сложившейся в Горном Алтае, а затем распространившейся на смежные территории, в частности в Семиречье. В юэчжах обычно видят европеоидное население, по языку, возможно, ираноязычное, но последнее утверждение пока остается лишь гипотезой.

В истории же Южной Сибири рассматриваемая эпоха важна, между прочим, тем, что в отличие от скифского времени, когда Евразийский степной пояс, как уже говорилось, был заселен в основном европеоидными по антропологическим характеристикам народами, на этом этапе все большую роль здесь начинает играть монголоидное население. В этом плане интерес представляет так называемая *таштыкская культура* на территории Минусинской котловины (I в. до н. э. — V в. н. э.). Ее

носители сформировались на базе слияния населения этого региона эпохи существования тагарской культуры скифо-сибирского круга и монголоидных племен, пришедших из Центральной Азии в связи с началом экспансии хунну и находившихся в орбите их культурного влияния; возможно, это население было тюркоязычным [*Вадецкая* 1992]. Сами же хунну очень скоро переместились из этих областей к западу — сперва на территорию Северного Казахстана, а затем в Европу, где с ними связана одна из ярчайших страниц Великого переселения народов (см. ниже, в главе VI).

Что касается остальных поименованных в китайских источниках обитателей этого региона, то их археологическая идентификация также на сегодняшний день остается весьма проблематичной, но в целом исследователи склонны локализовать их на пространстве от Иртыша до Тувы и Байкала [см. подробнее: *Савинов* 1986].

РАННИЕ АЛАНЫ

В завершение этой главы необходимо коснуться еще одного народа, в первые века н. э. обитавшего на территории современной России. Речь идет об ***аланах***. Народ этот успешно пережил этнические трансформации, ознаменовавшие переход от древности к Средним векам, чтобы позже сыграть значительную роль в жизни многих регионов Старого Света. Поэтому разговор о нем может послужить логическим мостиком между этнической историей народов России в древности и в раннем Средневековье.

Имя «аланы», как полагает большинство лингвистов, является одной из поздних форм издавна присущего ираноязычным племенам и уже упоминавшегося выше самоназвания *арии* (*арийцы*). В античных источниках интересующий нас народ впервые упоминается в середине I н. э. как обитающий в степях Восточной Европы: среди первых сообщивших о нем авторов следует назвать Сенеку, в трагедии «Фиест» поместившего их в низовьях Дуная, и римского поэта Лукана, назвавшего их среди соседей Кавказа. Правда, существует сомнение, не спутаны ли в тексте последнего аланы с обитателями Восточного Закавказья ***албанами***. Но уже чуть позже данные об аланах как о восточноевропейском народе встречаются в источниках повсеместно и не вызывают удивления.

Вопрос о формировании аланов как самостоятельного этноса не имеет однозначного решения. Иногда появление этого нового названия на этнической карте Восточной Европы связывают с появлением в этом регионе действительно какого-то нового населения, а иногда — лишь с возникновением нового обобщенного наименования, обозначающего известные и до того племена [*Кузнецов* 1997, 158]. Некоторые исследова-

тели видят прямую связь между именем аланов и более ранним этнонимом «роксоланы» (упомянутым еще Страбоном — см. Приложение, 3), тогда как другие подчеркивают, что античная традиция достаточно четко эти народы различает. Иногда, опираясь на представленное у Птолемея [VI, 14, 9 и VI, 14, 13] комбинированное этническое имя ***аланорсы***, аланов выводят из среды сарматов, одним из основных составных компонентов которой около рубежа н. э., как уже упоминалось, были племена аорсов, обитавшие между Кавказом и Нижней Волгой. Другие историки выводят аланов из более восточных областей степного пояса. Так, существует мнение, что аланы — народ не сарматского корня, а происходящий из среды массагетов; эту точку зрения подкрепляют свидетельства некоторых позднеантичных авторов — к примеру, Диона Кассия и Аммиана Марцеллина. Кое-кто основные данные, позволяющие наметить ранний этап этногенеза аланов, черпает из китайских источников. При этом исходят из распространенного представления, что фигурирующее там название владения Яньцай представляет китайскую передачу имени аорсов. Китайские хроники сообщают также, что после того, как страна Яньцай попала в зависимость от расположенного по течению Сырдарьи государства Кангюй, она стало именоваться Алань-ляо, или, по несколько искаженному переводу, Аланья [*Бичурин* 1950, т. II, 229; *Малявкин* 1989, 202—203]. В этих китайских свидетельствах часто видят первые упоминания аланов.

Китайские и античные источники об аланах поддаются сопоставлению между собой — особенно если допустить, что во всех приведенных текстах под разными именами могли фигурировать одни и те же племена. Поэтому гипотеза о среднеазиатском происхождении аланов получает все большее признание [*Габуев* 1999]. В дальнейшем данные античных авторов позволяют проследить их продвижение в Восточную Европу [*Яценко* 1993, 83—85]. Иосиф Флавий [Иудейская война, VII, 7, 4] сообщает об имевшем место в 72 г. н. э. вторжении через Кавказ («Железные ворота», по античному преданию поставленные на пути варваров Александром Македонским) в Армению и Мидию аланов, которые суть «скифы», обитающие у Танаиса и Меотиды. Аммиан Марцеллин [XXXI, 2, 16—17] пишет о множестве аланских племен, разделенных по двум частям света. Это свидетельствует, что имя «аланы» стало обобщенным названием целого ряда кочевых народов уже в начале н. э.

Археологи при выделении памятников, приписываемых аланам, изначально исходили, прежде всего, из их причисления к народам сарматского круга. Так, в уже упомянутой четырехчленной периодизации савромато-сарматской культуры Б. Н. Граков [1947, 105—106, 120—121] определял последнюю, позднесарматскую, стадию как аланскую, датируя ее II—IV вв. н. э. Однако это — чисто археологическая датировка, ибо, как уже сказано, имя алан известно по крайней мере с сере-

дины I в. н. э. Но относительно археологических следов ранних аланов в Предкавказье и на Северном Кавказе единства взглядов среди специалистов нет. Так, активная дискуссия ведется относительно происхождения распространенного здесь в позднеантичную и раннесредневековую эпоху катакомбного обряда погребения. Одни исследователи считают его привнесенным в этот регион извне в ходе продвижения народов сарматского круга; для раннего Средневековья выделяют два локальных варианта — западный и восточный, что, по их мнению, свидетельствует о «неоднородности аланской этнической среды и наличии в ней двух родственных племен», восходящих соответственно к сиракам и аорсам [*Кузнецов* 1973, 73]. Другие исследователи ведут обычай устраивать катакомбы с более восточной «аланской прародиной». Существует, однако, мнение, что катакомбный обряд был присущ северокавказским племенам еще до появления здесь сарматов; при этом не отрицается присутствие здесь в первые века н. э. ираноязычного населения, но по происхождению, обычаям и культуре оно кардинально отличалось от степных аланов, поскольку основу их составили местные иранизированные племена, получившие имя аланов от античных авторов как обобщающее наименование [*Абрамова* 1978, 81]. Пример этот показывает, что даже при относительном богатстве как письменных свидетельств, так и археологических данных их согласование для создания этноисторической интерпретации встречает значительные сложности [подробно об этой дискуссии см.: *Ковалевская* 1984]. Но сам факт пребывания аланов на Северном Кавказе сомнений не вызывает. Их потомкам было суждено сыграть заметную роль в этнической истории этого региона.

Глава VI

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ. ГОТЫ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. ГУННЫ: ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО ГАЛЛИИ*

ВЕЛИКОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ НАРОДОВ

Передвижения сарматов на Востоке Европы, кельтов, а затем германцев на Западе уже на рубеже н. э. привели к началу интенсивных процессов этнокультурного взаимодействия в пределах «варварской» периферии античного мира. Проникновение древностей скифо-сарматского круга в Среднюю Европу, а продукции кельтских ремесленников — в Восточную (вплоть до бассейна Оки) свидетельствует о широте этих контактов.

Походы Цезаря, установление римской границы (лимеса) на Дунае при Августе (I в. н. э.), подчинение Римом Боспорского царства и античных городов в Северном Причерноморье привели к тому противостоянию Римской империи и «варваров», которое завершилось т. н. Великим переселением народов, охватившим всю Евразию, варварскими завоеваниями и разгромом империи — концом античной эпохи. Конец этот не сводился к разрушению античной цивилизации — он был чреват новым началом, сложением раннесредневековой культуры и «варварских» государств, а также тех новых этнических общностей, которые дали начало многим современным народам — романским, германским, славянским, тюркским.

Империя вела непрерывные войны с «варварами» — кельтами, германцами, фракийцами, сарматами и др., но началом Великого переселения считается столкновение Рима с германским народом — готами в III в. н. э. (см. из обобщающих работ по эпохе Великого переселения, в том числе о роли готов: [*Корсунский*, *Гюнтер* 1984: *Буданова* 2000]). Готы действительно нанесли страшные поражения Риму, первое варварское королевство на территории империи было основано объединением готских племен — вестготами, другое объединение — остготы —

* Доработка глав VI—XI осуществлялась при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте. Древняя Русь в культурном пространстве Средневековья. IX—XIII вв.» и гранта РФФИ 03 06 8006 «Этнокультурные стереотипы в картине мира славянских народов».

создало свое королевство в самой Италии. Но для отечественной истории наиболее важным из деяний готов стало основание ими государства в Восточной Европе — т. н. державы Германариха (Херманарика, Эрманариха) в IV в. Начало расселения и истории готов связано с Восточной Европой и народами, там обитавшими, — остатками скифо-сарматского населения, аланами. На своем пути из Повисленья к Дунаю и в Северное Причерноморье готы прошли через территории, занятые балтославянскими племенами, серьезно повлияв на этнокультурные процессы, проходившие в лесной зоне Восточной Европы.

Главным источником по истории готов стало сочинение Иордана — автора VI в., гота по происхождению, писавшего на латыни. В своей работе Иордан опирался на труды предшественников — не дошедшие до нас сочинения Аблабия и Кассиодора, а также на предания самих готов (см. издание, подготовленное и комментированное Е. Ч. Скржинской [*Иордан* 1960], а также фрагменты сочинения Иордана, связанные с отношениями готов и славян, в кн.: [Свод, т. 1]). Это во многом определило характер информации, содержащейся в труде Иордана. Показательно, что сам труд называется «Getica», посвящен «происхождению и деяниям гетов»: геты — народ фракийского происхождения, хорошо известный античным авторам, и, конечно, не имевший никакого отношения к «происхождению» германцев-готов. Тем не менее Иордан постоянно отождествляет готов с гетами, и дело здесь отнюдь не в путанице и не только в созвучии *готы — геты* и совпадении ареалов обитания: архаизация этнонимии — характерная черта древних и средневековых авторов. Новый и неизвестный народ нужно было ввести в традиционную картину мира, сопоставить с известным и таким образом понять его место в этой картине: так, скифами именовались все обитатели Северного Причерноморья и даже Восточной Европы в целом, от собственно древних скифов до монголо-татар и русских эпохи Ивана Грозного (ср. позднейшее отождествление с гетами кочевых народов Подунавья у византийских авторов XI—XII вв.: [*Бибиков* 1997, 65, 87]; см. также сводку по античной этнонимии Восточной Европы в эпоху Великого переселения: [*Буданова* 2000]). Но задача Иордана как готского «патриота» заключалась не только в этом: отождествив свой народ, появившийся на арене всемирной истории (и упомянутый в исторических источниках) в III в. н. э., с древними гетами, Иордан смог удревнить историю собственного народа и приписать им славу иных народов древности. Так, готы-геты доходят у него в своих победоносных походах до Египта и отражают натиск Персидской державы Ахеменидов, для чего Иордану приходится приписать им подвиги скифов. Эти «реконструкции» раннесредневекового автора не лишены были исторических «оснований», потому что готы в своей экспансии действительно заняли скифские и фракийские земли в Северном Причерноморье и Подунавье: недаром в иных источниках и готы часто именуются скифа-

ми (ср. из последних обзорных работ [*Буданова* 1990, 68 и сл.; *Вольфрам* 2002]). Стремление же приписать славу древних деяний собственному народу свойственно архаическому историческому самосознанию — ср. сходные конструкции в позднесредневековых книжных легендах о подвигах словен-новгородцев, чья удаль потрясла самого Александра Македонского, своей «грамотой» уступившего удальцам полмира.

Эти книжные конструкции дополняются у Иордана материалом готских этногенетических преданий. Готы вышли с «острова» Скандза, с окраины мирового океана — островом считался в древности скандинавский полуостров. Скандзу Иордан именует «мастерской» или «утробой» народов [*Иордан* 25], в чем можно видеть след автохтонного мифа. Действительно, историческая ономастика, в том числе топонимика Скандинавии, прежде всего Швеции, подтверждает вероятность того, что Швеция была «утробой» будущего народа готов. Иордан приводит переселенческое сказание о готах, которые во главе с королем Беригом на трех кораблях покинули Скандзу: число *три* напоминает здесь о прочих этногенетических преданиях, в том числе о трех первопредках скифов и трех призванных из-за моря варяжских князьях. Иордан совмещает реальные и легендарные известия, описывая дальнейший путь готов к Понту — Черному морю. Они высаживаются в бассейне Вислы и следуют в скифскую область, где половина их войска проникает в мифическую страну изобилия Ойум, после чего единственный мост, ведущий через топи к этой стране, разрушается. Прочие готы остаются в Скифии, где и совершают те подвиги, которые делают их равными народам древности. Эта часть «Гетики» представляет собой космографическое и историческое введение к реальной истории: «после долгого промежутка времени», говорит Иордан, готы вступили в конфликт с Римом на дунайской границе империи — далее следует описание войн с Римом и конфликтов с иными народами и т. д.

«История» и «традиция» явно совмещаются у Иордана и в описании «племенного» членения готов: деление на везеготов, владеющих «западной стороной» Готской земли (вестготов), и остроготов — «восточных» (остготов), подчиняющихся, соответственно, аристократическим родам Балтов и Амалов, напоминает о традиционной дуальной организации — архаичном племенном делении на «половины», фратрии и т. п., долго сохраняющемся в традициях и тех народов, которые давно пережили родоплеменной строй [ср. *Золотарев* 1964]. Естественно, что это традиционное деление на «западных и «восточных» осложняет понимание реального исторического размещения готских племенных объединений, хотя в источниках везеготы связаны в основном с Балканским регионом, остроготы — с Северным Причерноморьем, и вероятной границей между ними был Днестр [*Буданова* 1990, 72 и сл.]. О начальном расселении готов сам Иордан пишет: «Первое расселение (готов) было в Скифской земле около Меотийского болота; второе — в Мизии,

Фракии и Дакии, третье — на Понтийском море с другой стороны Скифии» [*Иордан* 38]. Меотийское болото (или озеро) в античной традиции — это Азовское море, Мизия, Фракия и Дакия — римские провинции на Балканах, «другая сторона Скифии», видимо, связана уже с готскими морскими походами второй половины III в. из Меотиды через Боспор Киммерийский в Малую Азию. Базой этих походов были низовья Танаиса — Дона: в середине III в. готы в союзе с племенами боранов, гелуров (герулов) разрушают город Танаис и окрестные поселения, принадлежавшие местному меото-сарматскому населению. Этническая принадлежность союзников готов неясна — в совместных походах всех их именуют «скифами»: ясно лишь, что готы не могли совершать свои предприятия в одиночку и нуждались в союзе с местными племенами. Утвердившись в Меотиде, готы вступают в контакт с аланами: взаимодействие с этим крупным племенным объединением стало характерным для всей последующей истории готов. Вместе с аланами они вторгаются в Крым и разрушают позднескифское царство; римские гарнизоны вынуждены были оставить под их натиском крепости горного Крыма [*Айбабин* 1999, 13 сл.].

Сформировавшееся в Восточной Европе второй половины III в. межплеменное объединение во главе с готами стало этнической основой «варварского» королевства, получившего в историографии наименование «держава Германариха». Представления о границах и, стало быть, могуществе Германариха, которого Иордан сравнивал с самим Александром Великим, непосредственно связаны с пониманием текста «Гетики» (116) — точнее, списка народов, подвластных готскому королю. В переводе Е. Ч. Скржинской этот текст звучит так: «Покорил же он (Германарих. — *В. П., Д. Р.*) племена: гольтескифов, тиудов, инаунксов, васинабронков, меренс, морденс, имнискаров, рогов, тадзанс, атаул, навего, бубегенов, колдов». Большая часть этих этниконов не поддается ясной интерпретации, но «выборочные» и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Германариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Действительно, если сближать этникон *тиуды* с древнерусским этнонимом *чудь*, которым славяне обозначали «чужие» финно-угорские народы начиная с предков эстонцев (см. ниже, главу VII), под *меренс* понимать мерю — финно-угорское племя в Верхнем Поволжье, известное по русской летописи начала XII в., под *морденс* — мордву, то естественным окажется усматривать в васинобронках *весь* — финское племя русского Севера (вас > весь) и т. п. При такой интерпретации, широко распространенной в отечественной науке, «держава Германариха» претендует на роль предшественницы Киевской Руси и даже «перекрывает» ее границы, так как по словам Иордана (120), Германарих «властвовал над всеми племенами Скифии и Германии».

Однако недавние исследования структуры текста — списка народов, входящих в державу Германариха, показали, что к этому, как и другим подобным спискам в древних и средневековых источниках, необходим подход, учитывающий характерную для подобных источников традицию — принципы составления (структуру) текста. Обычно, в соответствии с библейской Таблицей народов, такие перечни начинались с вводного, обобщающего, этникона (ср. [*Мельникова*, *Петрухин* 1997; Свод, т. 1, 111 и сл.], а также ниже, главу VII): тогда получается, что первый этникон в списке — *гольтескифы* — означает все прочие народы, подвластные Германариху. Но следующее наименование — *тиуды* — вообще не является этниконом: по-готски *тиуд* значит 'народ'. Таким образом, список народов у Иордана открывает обобщающий этникон: в державу Германариха входят некие «гольтескифские народы». Что это за народы? В одном из списков «Гетики» речь идет не о «гольтескифах», а о готах и скифах; если это чтение признать правильным, то начало списка будет звучать так: «готы покорили скифские народы...» и т. д. Это соответствует представлениям самого Иордана о власти Германариха над «всеми племенами Скифии».

Так или иначе чудь и весь не имеют отношения к списку народов у Иордана; остаются, однако, меря и мордва, что позволяет включать в державу Германариха все Поволжье. Для более осторожной интерпретации этниконов *меренс* и *морденс* необходимо учитывать, что ни этноним *меря*, ни этноним *мордва* не являются финскими по происхождению: это также иранские («скифские») иноназвания — экзоэтнонимы финно-угорских народов (ср. [*Агеева* 1990, 64 и сл.]). Когда эти иноназвания закрепились именно за мордвой и мерей, неясно, но этноним *мордва* явно сформировался уже при славянском — древнерусском — посредстве. Было бы рискованно, таким образом, включать финские народы Среднего и Верхнего Поволжья в государство Германариха: *меренс* и *морденс* — иранские обозначения каких-то «скифских» народов. При всей неопределенности «этнического состава» Готской державы — неясности значения тех этниконов, которые перечислены в списке народов, — очевидно, что список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы.

Столь же проблематичными остаются поиски археологических следов собственно готов в Восточной Европе и даже их истоков в Скандинавии. Эта проблема — общая для этногенетических исследований в Европе железного века. Дело в том, что для центрально- и (отчасти) восточноевропейских археологических памятников позднего бронзового и раннего железного века характерна определенная общность культурных черт — недаром эти памятники объединяются общим названием «культуры полей погребений» или «культуры полей погребальных урн»: господствующим обрядом погребения здесь было тру-

посожжение с последующим помещением праха в урну (или в ямку) на «поле», без видимых ныне следов погребального памятника. Эту общность принято именовать древнеевропейской — считается, что она объединяла предков родственных индоевропейских народов: кельтов, италиков, иллирийцев, древних венетов, германцев, наконец, балтов и славян (ср. [*Седов* 2002, 39 и сл.]). И если локальные варианты культуры полей погребений, выделяющиеся на ее периферии в раннем железном веке, можно увязывать с теми или иными этнолингвистическими общностями, то ситуация, связанная с началом активного передвижения племен в эпоху переселения народов, выглядит гораздо сложнее. Так, большая часть археологов согласна с тем, что выделяющаяся в VII—IV вв. до н. э. в междуречье Рейна и Одера, Ютландии и южной Швеции культура ясторф принадлежит германцам и к ней восходят последующие «племенные» культуры разных германских народов, но проследить историю этих локальных культур бывает затруднительно. Одна из таких культур — пшеворская (II до н. э. — IV в. н. э.), расположенная не на периферии, а в сердцевине культурной общности полей погребений, — наследует германские (ясторфские), кельтские, и по некоторым предположениям, имеет и славянские черты. Эта ситуация, в принципе, соответствует ситуации интенсивного межэтнического и культурного взаимодействия в эпоху переселения народов; сам Иордан писал, к примеру, об антропонимии: «в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские, у греков — римские, у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» [*Иордан* 59].

Тем не менее исследователи прослеживают проникновение носителей пшеворской и родственной ей вельбарской (вельбаркской) культур из Повисленья в Северное Причерноморье и связывают это продвижение с готами. Это продвижение заметно в первую очередь благодаря тому, что для скифо-сарматских культур Северного Причерноморья нехарактерно было трупосожжение: традиция полей погребений выделяется на фоне трупоположений, свойственных населению причерноморских степей. Взаимодействие двух этнокультурных традиций привело к формированию в Юго-Восточной Европе яркого культурного феномена — т. н. черняховской культуры, чей расцвет в междуречье Днестра и Днепра в III—IV вв. совпадает с господством готов в Северном Причерноморье.

Черняховская культура сочетает в погребальном обряде традиции полей погребений с трупоположениями, которые относят к скифо-сарматскому компоненту этой культурной общности. Сама же общность выделяется своими едиными культурными традициями из окружающего «варварского» мира: для черняховской культуры характерно пашенное земледелие и ремесло, развивавшееся под влиянием римской провинциальной культуры, в том числе керамическое производство с использованием гончарного круга, неизвестного соседним варварам, стеклоделие, тор-

говля с использованием римской монеты. Поселения — в основном неукрепленные селища — свидетельствуют о стабильности, отсутствии реальной военной угрозы и внутренних конфликтов. Погребения (трупосожжения) с оружием, иногда согнутым и поломанным в ритуальных целях, считаются типично германскими — принадлежащими дружинникам готских королей. Мирное сосуществование разных этносов в пределах одной культуры может свидетельствовать о формировании «надплеменных» — государственных (политических) связей в Готской державе.

В составе черняховской культуры помимо германского (готского), скифо-сарматского, фракийского настойчиво ищут славянский (праславянский) компонент (ср. из последних обзорных работ: [Славяне и их соседи 1993, 162 и сл.; *Седов* 2002, 150 сл.]). Поиски эти затруднены тем объективным обстоятельством, что между черняховской культурой и достоверно славянскими культурами VI в. существует разрыв — черняховская культура погибла в конце IV в. [1] Ее гибель совпадает с гибелью Готской державы под натиском гуннов.

В предании, донесенном Иорданом, гунны — страшные враги готов — произошли от ведьм, обнаруженных готским королем среди своего племени и изгнанных им в пустыню; там ведьмы вступили в связь с нечистыми духами и породили «свирепейшее племя». Это — пример типичного архаического мифа о враждебных инородцах. Показательно, что западноевропейские писатели часто отождествляли гетов и готов с народами Гога и Магога, призванных в конце времен разрушить христианскую цивилизацию; восточные авторы отождествляли эти дикие народы с гуннами [Культура Византии, 439—440]. Реальное происхождение гуннов никак не связано с германцами — племена, составившие ядро этого народа, вышли из глубин Центральной Азии.

ГУННЫ: ОТ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ДО ГАЛЛИИ

Варварский мир Евразии в начале н. э. оказался «меж двух стен» — римским лимесом на Западе и Великой китайской стеной на Востоке. И хотя и Рим, и Китай проводили политику контроля над соседними народами, позволяя им селиться на своих землях в качестве федератов, эти народы оставались для них «варварами» (см. выше, а также [*Крюков* и др. 1979, 69 и сл.]; ср. китайские этниконы *и*, общее название чужеземных племен, «варваров четырех сторон», и *ху*, означавший специально северных и западных «варваров»: [*Малявкин* 1989, 110—111]). В грандиозных оборонительных сооружениях великие империи древности воп-

[1] Последние исследования позволяют отчасти заполнить этот разрыв: на памятниках IV—V вв. в Левобережье Днепра сочетаются черты черняховской и киевской (предположительно праславянской) культур [см. *Обломский* 2002].

лощали то стремление, которое средиземноморская цивилизация выразила в легендах об Александре Македонском: античный герой заключил варваров края ойкумены (дикие народы Гога и Магога) за стеной с Железными воротами — они вырвутся оттуда лишь перед концом света, чтобы разрушить цивилизованный мир (ср. [*Кардини* 1987, 37 и сл.]).

Нашествие гуннов в конце IV в. было воспринято европейской — уже христианской — цивилизацией как исполнение библейских пророчеств о полчищах Гога и Магога. С тех пор все волны кочевников, достигающие средневековой Европы, вплоть до монголо-татар, ассоциировались с народами Гога и Магога, и само имя гуннов (наряду с именами скифов, сарматов) стало в средневековой историографии нарицательным — обозначающим дикие орды враждебных цивилизации кочевников.

Объединение кочевых племен *хунну* (*сюнну*), имя которых в Европе стало звучать как *гунны*, сформировалось в IV в. до н. э. в степях Восточной Азии — в Забайкалье и Монголии у северных границ Китая. Против них и была выстроена в III в. до н. э. Великая китайская стена. Как и позднейший римский лимес, стена не смогла сдержать натиска «варваров». Напротив, хунну консолидировались в процессе своего противостояния Китаю: они покорили соседние племена (кит. *сяньби*), создали, используя опыт Китая, иерархизированный административный аппарат, восприняли китайскую письменность и т. п.; раннегосударственное объединение хунну возглавлял правитель — шаньюй, заключавший договоры с Китаем о равноправных отношениях «народов Хань и сюнну» [*Кычанов* 1997, 30—31; *Крадин* 2002]. Погребальные памятники хуннской знати — четырехугольные в плане курганы с погребениями в срубах — содержали полученные в результате походов и сбора дани богатства: золотые и серебряные вещи, ковры, одежды из дорогих тканей. Основой экономики было не только скотоводство, но и земледелие — посевы проса. Развито было железоделательное производство и кузнечное ремесло: гунны сами изготовляли свое оружие — стрелы, мечи, кинжалы, пластинчатый доспех. Крупное укрепленное поселение хунну с глинобитными или сырцовыми жилищами-полуземлянками было исследовано в устье р. Иволги в Забайкалье, на юге Бурятии. Но ведущей отраслью оставалось кочевое скотоводство (крупный рогатый скот, лошади, верблюды): на лошадях ездили все — конская узда обнаружена и в мужских, и в женских, и в детских погребениях. К своему оружию — стрелам — для вящего устрашения хунну прикрепляли костяные «свистунки» — просверленные шарики, издающие при полете свист [История Сибири, 242 и сл.].

Объединение хунну, как и другие раннегосударственные формирования, созданные кочевниками евразийской степи, не вполне точно именуют «империей» на том основании, что под властью кочевых правителей оказывались разные по этническому происхождению племена

и народы (ср. [*Кляшторный*, *Савинов* 1994]). Этнический и, соответственно, языковой состав «империи» хунну остается неясным: этническую основу составляли племена «алтайской» языковой общности, из которой, как считается, уже начали выделяться пратюркско-монгольская и пратунгусо-маньчжурская группы; лингвистическая принадлежность собственно хунну, возглавлявших степное объединение, остается невыясненной — возможно, сами они были носителями третьей группы языков, т. н. енисейской, к которой ныне относится малый народ Сибири — *кеты* (см. о языковой принадлежности хунну-гуннов: [Зарубежная тюркология, 11 и сл.; Кляшорный 2003, 414 и сл.]). Столкновение хунну и подвластных им племен с Китаем с одной стороны и ираноязычными кочевниками — юэчжами и усунями — с другой способствовало интенсификации этногенетических процессов в среде «алтайских» племен. Ираноязычные племена были вытеснены в Среднюю Азию, что открыло эпоху господства тюркско-монгольских племен в Евразийской степи.

В середине I в. н. э. объединение хунну распалось на южное, оказавшееся в зависимости от Китая, и северное, в свою очередь ставшее объектом агрессии со стороны нового (возможно, протомонгольского) кочевого союза, возникшего на восточных окраинах «империи» хунну (в Юго-Западной Маньчжурии) и именовавшегося в китайских источниках *сяньби*. Под их натиском часть хунну была ассимилирована, часть во II в. двинулась на запад, вовлекая в это передвижение массу тюркоязычных племен Центральной Азии, ираноязычных кочевников Средней Азии, угроязычных и самодийских племен юга Западной Сибири и Приуралья. С их миграцией связывают, в частности, гибель т. н. саргатской культуры в лесостепи Западной Сибири (которую разные исследователи приписывают самодийцам или уграм) и расселение отступающих от гуннов ***самодийцев*** и ***угров*** в таежной зоне. На Саяно-Алтае в гуннскую эпоху (III—V вв.), по предположениям С. Г. Кляшторного и др. исследователей [История татар, 224 и сл.] [2], формируются разные тюркоязычные объединения: наследниками упомянутой таштыкской культуры считают енисейских кыргызов, на Горном Алтае зарождаются общности огузов и кипчаков.

Тем временем гунны продвигаются на запад, и к III в. относятся первые упоминания о гуннских воинах на Кавказе. Обосновавшись в Восточном Предкавказье, которое стало именоваться «страной гуннов»,

[2] Изданная в Казани в 2002 г. фундаментальная коллективная работа — 1 том «Истории татар» — посвящен народам Евразии в древности и раннем Средневековье. Столь широкая сводка материалов призвана продемонстрировать множественность этнических корней и компонентов любого этноса, в том числе татар, при том, что само имя татар – тюркоязычного народа в Центральной Азии — впервые упоминается в орхонских надписях в VI в. [История татар, 348].

они вместе с аланами и **маскутами** (группой аланов или массагетов) принимают участие в войнах между Арменией, Ираном и Византией [*Ковалевская* 1984, 95 и сл.; История татар, 156 и сл.] [3]. В 70-е гг. IV в. эти многочисленные и разноязыкие племена, называемые гуннами, из Предкавказья и Поволжья обрушились на сармато-аланские кочевья в волго-донских степях. Часть алан отошла к своим соплеменникам на Северный Кавказ, прочие были втянуты в общее движение кочевых орд. Гунны, обосновавшиеся на Северном Кавказе, стали угрожать Закавказью (традиционный маршрут походов кочевников, начиная со скифско-киммерийской эпохи), за власть над которым соперничали Иран и Византия.

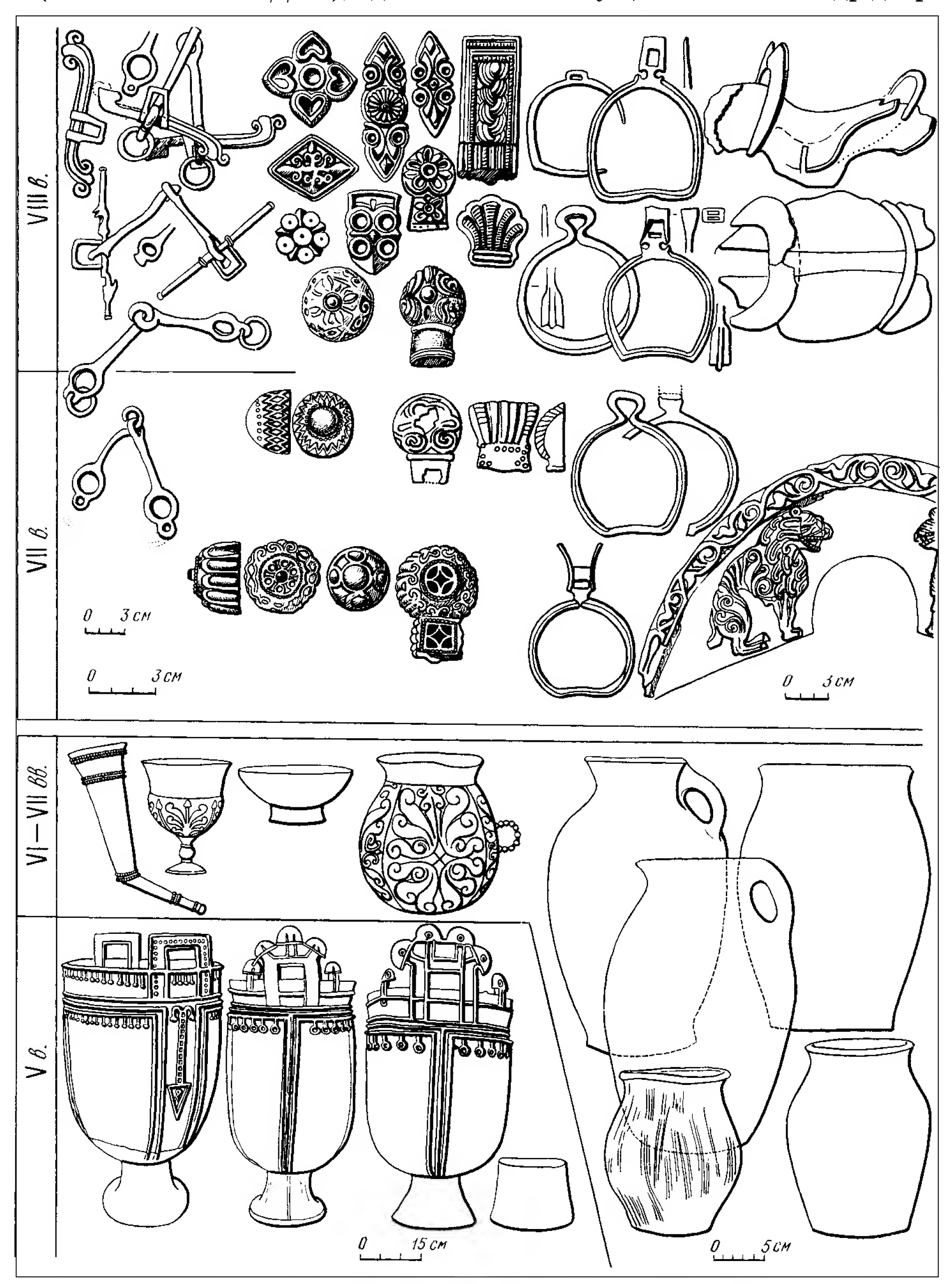
Прокопий Кесарийский [Война с готами. IV. 4.8 и сл.] рассказывает, как «гуннские» народы *утигуры* и *кутригуры* расселились в землях древних киммерийцев за «Меотийским болотом», по другую сторону которого обитали готы, именуемые скифами. Охотясь за ланью, «киммерийцы»-гунны случайно обнаружили мелководье, по которому можно было вторгнуться в пределы соседних народов. Эта книжная легенда, равно как и традиционное размещение враждебных варваров у крайних пределов Европы, границей которой считались Танаис и Меотида, — пролог к устрашившим современников историческим событиям. В 375 г. была разгромлена Готская держава (объединение готов уцелело в Крыму — т. н. Крымская Готия), прекратила существование черняховская культура, разграблены древние города Северного Причерноморья. После победы над везеготами (вестготами) кочевники, уже получившие в европейских источниках наименование *гунны*, прорвались в Подунавье, разоряя набегами и данями Восточную, а затем и Западную Римскую империю.

Распад Римской империи на Восточную и Западную в 395 г. способствовал успехам варваров: один из временщиков, боровшихся за власть в Константинополе, призвал на помощь гуннов, которые через Кавказ — Дербентский проход — вторглись в Армению и Сирию. Походы на запад и восток регулярно повторялись. Когда (в 448 г.?), как свидетельствует Приск Панийский, в Скифии — причерноморских степях — разразился голод, подвластные Аттиле, правителю огромного гуннского объединения, гунны (которых Приск именовал по традиции «царскими скифами») через Кавказский хребет вторглись в Переднюю Азию. Поход гуннов действительно повторял маршрут скифов. Знаменитый латинский автор — переводчик Библии — Иероним пишет об этом: «от

---

[3] Греческий географ II в. н. э. Клавдий Птолемей помещает народ, именуемый «хуны», между некими бастарнами и роксоланами (племенным объединением аланов), то есть между Днепром и Меотидой; И. П. Засецкая отмечает, что если этот этникон и отражает появление группы гуннов в Восточной Европе, то это появление еще не повлияло на ход восточноевропейской истории (История татар, 142).

далекого Меотиса, земли ледяного Танаиса и страшного народа массагетов (аланов. — *В. П., Д. Р.*), где в Кавказских ущельях Александр дверью

Конское снаряжение, украшения и посуда кочевников V—VIII вв. (Степи Евразии. С. 107)

запер дикие народы, вырвалась орда гуннов» [*Пигулевская* 2000, 228]. Популярные позднеантичные легенды об Александре Македонском, запершем за железными воротами (стеной) дикие народы, которые отождествлялись в христианизированном мире с библейскими народами Гога и Магога, обрели историческое воплощение; правители Закавказья действительно стремились предельно укрепить проходы через Кавказский хребет, прежде всего — т. н. Каспийские ворота, где возле города Дербент персами были возведены стены, преграждавшие путь завоевателям наподобие Великой китайской стены или римского лимеса, и Дарьял, или Аланские ворота (которые могли также именоваться Каспийскими в византийской традиции).

Европейцы дивились непривычному и устрашающему облику гуннов, среди которых, очевидно, немало было монголоидов. Римский автор конца IV в. Аммиан Марцеллин писал в своей «Истории»: «все они отличаются плотными и крепкими членами, толстыми затылками и вообще столь страшным и чудовищным видом, что можно принять их за двуногих зверей... кочуя по горам и лесам, они с колыбели приучаются переносить холод, голод и жажду». На своих выносливых, но «безобразных на вид» лошадях «каждый из этого племени ночует и днюет, покупает и продает, ест и пьет». Легкая кавалерия, вооруженная луками, была главной боевой силой гуннов — они расстреливали врага на расстоянии, не вступая в рукопашную.

Нашествие гуннов стало пиком Великого переселения народов. Разгромленные и частью подчиненные гуннам, частью отступавшие перед ними германцы и аланы создавали собственные объединения и королевства на руинах Западной Римской империи — вплоть до Испании (где объединение готов и аланов дало название нынешней провинции Каталония) и Африки (королевство вандалов и аланов).

Объединение, созданное самими гуннами и включавшее огромные просторы от Поволжья до Дуная (Паннонии, будущей Венгрии), было непрочным. Гуннские вожди враждовали друг с другом, Гуннская держава («кочевая империя»), упрочившаяся под властью «бича народов» Аттилы в Паннонии, распалась после смерти правителя; натиск гуннов Аттилы был остановлен после «битвы народов» на Каталаунских полях в Галлии, где римлянам и их федератам германцам и аланам удалось в 451 г. разбить гуннов и их союзников. Гунны откочевали в причерноморские степи (см. ниже), где были вскоре ассимилированы теми кочевниками тюрками, которые пришли туда, ведомые гуннскими вождями.

Археологические памятники — погребения воинов, которые можно приписать собственно гуннам, в степной полосе Европы единичны: в процессе миграции культура гуннов изменялась под воздействием новых этнокультурных импульсов (что характерно для эпохи Великого переселения народов — ср. выше о готах и т. д.). Богатства, которые награбили и получили в виде даней с Ирана и Римской империи гун-

ны и их союзники, были использованы для производства украшений т. н. полихромного стиля, поражающего своим варварским великолепием: оружие и костюм и даже сбруя коней были украшены золотом, обильно инкрустированным драгоценными и полудрагоценными камнями [*Амброз* 1981, 21 и сл.]. Богатств, накопленных цивилизацией, жаждали все «варвары». Византийский историк первой половины VI в. Прокопий Кесарийский передает завистливые слова вождя одного из позднегуннских объединений в Северном Причерноморье — *утигуров*; узнав, что император Юстиниан дал земли и принял на службу другое гунннское племя — *кутригуров*, гуннский вождь сетовал: «Мы живем в хижинах в стране пустынной и во всех отношениях бесплодной, а этим кутригурам дается возможность наедаться хлебом, они имеют возможность напиваться допьяна вином и выбирать всякие приправы. Конечно, они могут и в банях мыться, золотом сияют эти бродяги, есть у них тонкие одеяния, разноцветные и разукрашенные золотом»; далее гуннский вождь напоминает императору, что именно кутригуры угрожали римлянам (грекам-ромеям), а утригуры были их союзниками [Война с готами. VIII, 18]. Гуннов, по словам Аммиана Марцеллина, отличала «безмерная страсть к золоту». Однако в целом «роскошный» декоративный стиль (и, соответственно, «стиль жизни») был широко распространен у варваров эпохи Великого переселения народов и впитывал элементы древнего звериного стиля наряду с позднеримскими, византийскими и иранскими традициями. Это смешение стилей и традиций касалось всех сторон варварского быта: характерно, к примеру, что при дворе Аттилы пользовались, наряду с гуннским, языком разгромленных готов — он необходим был для общения с римлянами, давно знавшими готские обычаи и язык (ср. использование китайского языка при дворе шаньюя в Центральной Азии и т. п.). Этнокультурный синтез, восприятие различных культурных импульсов был свойствен эпохе Великого переселения народов, прежде всего — культуре движущей социальной силы этой эпохи, боевым дружинам и их вождям.

Гунны устраивали пышные похороны своим вождям; им, как и скифам в «Истории» Геродота, свойственна была «любовь к отеческим гробам»: в 440 г. они обвинили даже греческого епископа г. Марга, что он переправился на их сторону Дуная и разграбил могилы их правителей (в действительности, это был повод для начала боевых действий против Восточной Римской империи, похода на Константинополь, получения контрибуции — 2100 фунтов золота в год). Но могучие воины, сосредоточившие в своих руках несметные богатства, не смогли создать прочного государства. Для такого государства необходима устойчивая экономика: гунны, в отличие от центральноазиатских хунну, не смогли создать настоящих условий для синтеза земледельческого и скотоводческого хозяйства. Продукты земледелия изымались в виде дани с подвластных германских, фракийских и, возможно, славянских племен, но

сам Аттила запрещал использовать под пашню пригодные для сельского хозяйства земли в Паннонии. Резиденция Аттилы напоминала огромный кочевой аул, постоянные деревянные жилища в нем сохраняли форму переносной юрты.

Гунны оказались прежде всего разрушителями: во время их походов и завоеваний прочих варваров окончательно распалась на Западную и Восточную (Византийскую) некогда единая Римская империя, разрушена рабовладельческая система хозяйства, наступила эпоха раннего Средневековья, которую называют также «темными веками» из-за разрушительных последствий варварских вторжений. Но Гуннская держава не стала частью формирующегося раннефеодального мира — мира новых государств и народов.

Тем не менее гунны сыграли важную роль в развитии этнической истории Евразии. Освоенные гуннами плодородные пастбища Подунавья — Паннонии — оставались вожделенными для следующих волн кочевого населения Евразии — аваров, венгров, которые обрели там свою «родину» уже в X в. Наконец, освободившееся после распада Готской и Гуннской держав и возвращения гуннов в Причерноморье пространство было отчасти занято новым населением, двинувшимся к византийской границе на Дунае. Среди прочих племен там были и славяне.

Глава VII

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН И НАЧАЛО СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ

Первым русским историком, повествовавшим о происхождении и расселении славян, был Нестор — летописец конца XI—XII в., монах Киево-Печерской лавры. В его сознании — сознании носителя библейской традиции всемирной истории — автохтонный миф о «своем» народе как центре мироздания был преодолен: именно библейская картина мира, представление о трех сыновьях Ноя, Симе, Хаме и Иафете, как о единых предках всех народов («языков») позволяла Нестору включить славян в число тех 72 языков, которые разделились после вавилонского столпотворения. Пафосом этой картины мира была не привязанность к племенной территории, а процесс расселения, активного освоения пространства, включенность во всемирную историю. Безусловно, и в этой картине мира должен был присутствовать свой «центр»: таковым для всемирной библейской истории стал Вавилон, для эпохи же расселения славян — Дунай, где «по мнозех временех» сели славяне и откуда стали расселяться дальше по Европе, — а затем Киев, столица Древнерусского государства. Это уже не примитивный первобытный взгляд из глубин племенной территории, а определение места своего народа в ойкумене и во всемирной истории. Одновременно взгляд летописца, конечно, был взглядом «изнутри», взглядом русского славянина, смотревшего на мир с позиций славянского самосознания.

Естественно, что взгляд на древних славян со стороны, «извне», с позиций ученого наблюдателя, был существенно иным: раннесредневековые историки и писатели, свидетельствующие о первом появлении славян в VI в. н. э. — а именно тогда славяне появляются на Дунае, на границах Византии, — описывают их передвижения не как направленные от центра к периферии, а, наоборот, как направленные от края ойкумены к границам цивилизации.

ВЕНЕТЫ, СКЛАВЕНЫ, АНТЫ. «СВОИ» И «ЧУЖИЕ»

Наиболее ясно представления о происхождении славян изложил готский историк VI в. Иордан. Земли, где живут славяне и другие народы, он в соответствии с античной традицией именует Скифией. «От истока реки Вистулы (Вислы. — *В. П., Д. Р.*) на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преиму-

щественно они все же называются склавенами и антами». Склавены живут к западу от Днестра вплоть до Вислы на севере, «анты же, самые могущественные из них, — от Днестра до Днепра, там, где Понтийское море делает дугу» [Свод, т. 1, 106—109; см. также хрестоматию в Приложении].

Казалось бы, Иордан дает готовую схему славянского этногенеза: склавенами, или склавинами, средневековые авторы — и греческие и латинские — называли славян, анты в источниках VI — начала VII в. также считались объединением славянских племен, и оба этих племенных союза составляют объединение венетов, известное где-то на Висле с античных времен — времен Плиния и Тацита, т. е. с начала н. э. Плиний и Тацит помещают венетов (или венедов) среди прочих народов края ойкумены, между которыми им были хорошо знакомы сарматы — наследники скифов в степях Европы — и германцы. Тацит свидетельствует о том, что по образу жизни венеты «скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят большие щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты — это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне» [Свод, т. 1, 39]. Из этого можно заключить, что венеты представляли собой особую этническую общность — предков славян: к такому очевидному, на первый взгляд, заключению и пришла отечественная историография уже в эпоху становления исторической науки, начиная с М. В. Ломоносова, который писал о «дальной древности славенского народа», хотя и замечал, что само «имя славенское поздно достигло внешних писателей, и едва прежде Юстиниана великого», правившего в VI в. [*Ломоносов* 2003, 34]. Но тот же Ломоносов заметил, что этноним *венеты* в античной традиции относился не только к жителям бассейна Вислы: ранее он прилагался к жителям совершенно иного — Италийского — региона.

Действительно, имя *венеты, венеды, энеты* и т. п. восходит ко временам Гомера и оказывается в античной традиции в целом столь же условным, сколь условными стали имена скифов и сарматов, обозначавших в позднеантичной и средневековой традиции разных жителей Восточной Европы. Можно лишь заключить, что этот традиционный для античной историографии этникон относился к народам, обитавшим к северу, за пределами собственно «античного» греко-римского мира. В период великой греческой колонизации так называлось италийское племя на Адриатике, от которого сохранилось название города Венеция [1]; к тому же этникону восходит и название Вены — римской Виндобоны, известное уже 1 в. н. э., когда римские легионы продвинулись

---

[1] Это средневековое построение дало жизнь и преднаучным «историческим» реконструкциям XVI—XVII вв., углубляющим историю славянства (венетов/энетов) вплоть до времен Троянской войны и усматривающим в славянах основателей Венеции (см. [*Мыльников* 1996, 88]).

на кельтские земли: там была создана провинция Норик, в VI в. заселенная славянами (о чем еще пойдет речь ниже). Венетами при Цезаре называли и кельтское население Бретани, а в III в. т. н. Певтингерова карта размещает венедов и венедов-сарматов к северу от Дуная (ср. [*Подосинов* 2002, 321—330] и обзор источников в кн.: [*Милюков* 1993, 229—239], где автор все же настаивает на славянстве античных венетов) — этникон *венеты* стал «отодвигаться» к северу вместе с границами Римской империи. Крайние ареалы, где сосредоточиваются топонимы с основой *вен-*, *вент-*, отмечаются на Адриатике и в Прибалтике: таковы река Вента и г. Вентспилс на полуострове Курземе; еще Клавдий Птолемей называл Венетским залив «Сарматского океана» (Балтийского моря), а венды — жители Курземе — упоминаются в Ливонской хронике Генриха Латвийского (XIII в.). Эти ареалы располагались на крайних точках Янтарного пути, соединявшего в I в. н. э. Прибалтику и Рим: исследователи предполагают, что этникон *венеты* мог быть занесен в Прибалтику торговцами янтарем [ср. *Щукин* 1994, 224—227].

Дело здесь не просто в «механическом» перенесении знакомых названий на незнакомые народы — таков был научный метод древних и средневековых авторов: благодаря этому методу новые явления включались в традиционную картину мира, систематизировались и усваивались древней и средневековой цивилизацией. Можно считать образцом научной добросовестности античного историка ремарку Тацита о том, что он затрудняется отнести венетов к германцам или сарматам. Но образцом научного подхода следует признать и заключение Иордана: когда в VI в. на Дунае, на границах цивилизованного мира, появились собственно славяне (склавины и анты), также не относящиеся ни к германцам, ни к сарматам, историк, знакомый с античной традицией, мог с полным основанием соотнести их с венетами.

Этой добросовестной, но архаичной традиции следуют и многие современные авторы, готовые усматривать не только славян в венетах, но исходя из этого отыскивать более древние связи, в частности, между предками славян — праславянами — и италийцами и т. д. вплоть до индоевропейской эпохи. Стало быть, в исследовании славянского этногенеза не обойтись без поисков методических ограничений в использовании источников, прежде всего источников исторических, ибо лингвистические и археологические материалы дают меньше возможностей для таких ограничений. Данные языка не поддаются абсолютной датировке, особенно когда речь идет о реконструкции праязыка; тем более мы не можем сказать определенно, когда возник тот или иной этноним. Данные археологии, дающие возможность для абсолютных датировок, как правило, «немы» — трудно сказать, на каком языке говорили носители той или иной археологической культуры, если у нас нет синхронных данных исторических источников (ср. из новейших гипотез об этногенезе славян: [*Трубачев* 2002], с опорой на данные лингвис-

тики, [*Седов* 2002], с опорой на данные археологии). Венеты Тацита или даже скифы (в более архаичных концепциях славянского этногенеза, свойственных уже позднесредневековым европейским и древнерусским книжникам — ср. Степенную книгу XVI в., «украинскую» Густынскую летопись XVII в., «Повесть о Словене и Русе» — потомках Скифа и т. д., ср. [*Мыльников* 1996]) могут оказаться только «стартом» для реконструкции праславянской общности на Висле, Дунае или на Днепре.

Современные историки и этнологи считают, что говорить о сложении той или иной этнической общности можно тогда, когда у этой общности появляется самоназвание. Именно самоназвание является эксплицитно выраженным свидетельством возникновения этнического самосознания — сознания принадлежности к одному народу. Славяне не называли себя венетами (о единственном возможном исключении — *вятичах* — см. ниже) — это название, начиная с Иордана, было дано им извне: так, возможно, под влиянием античной традиции, их называли германцы, а уже под влиянием германцев — прибалтийские финны. Более того, в собственно славянской — русской фольклорной традиции слова, производные от слова *венеды*, обозначали чужую далекую землю, вроде Веденецкой земли в русских былинах (ср. *веньдици* русской летописи и т. п. — [*Иванов*, *Топоров* 2000, 420—422]). Самоназванием славян, известным всем славянским группам, был этноним *словене* — его и передали авторы VI в. в грецизированной форме *склавины/склавены*, когда славяне вышли на Дунай, к границам Византии. К первой половине VI в. относятся сведения о славянах греческого историка Прокопия Кесарийского, писавшего о войнах, которые вели «гунны, склавины и анты», обретающиеся за рекой Истр — Дунай ([Свод. Т. 1, 177]: о событиях 537 г.).

Появление самоназвания как показатель сложившегося самосознания этноса всегда предполагает и осознание иноэтничного и инокультурного — «чужого» — окружения; самоназвание не только выделяет собственный «свой» народ, но и противопоставляет его другим народам. Характерен в этом отношении сам этноним *словене*, означающий людей, владеющих словом, членораздельной речью [*Иванов*, *Топоров* 2000][2]. Речь «чужих» народов считалась непонятной, нечленораздельной и у греков, эллинов, противопоставлявших себя «варварам», чей говор был для них невнятным бормотанием. У славян обозначением чужих народов (прежде всего жителей Европы) служил этноним *немцы* — их чужая речь была равнозначна немоте. Можно предположить, опираясь на противопоставление *словене* — *немцы*, что самоназвание

[2] Поиски начала славянской истории до VI в. приводят к гипотезе об их «анонимности» — отсутствии самоназвания (ибо венеты — это «экзоэтноним») или использовании (вплоть до XX в.) архаичных самоназваний типа *свой*, ‘местный — тутейший’ (ср. [*Милюков* 1993, 235, 324; *Трубачев* 2002, 179 и сл.]).

славян сформировалось до их появления на Дунае в период тесных контактов с готами и другими германцами, продвигавшимися из Повисленья к Северному Причерноморью и на Балканы, на Днепр и тот же Дунай в III в. н. э.: конечно, язык германцев не был в буквальном смысле «немым» для славян, недаром в их древнем общем языке — праславянском — есть много готских заимствований, в том числе относящихся к важнейшим достижениям культуры: *хлеб*, *плуг*, *меч*, *шлем* и др. И хотя первое столкновение с германцами в эпоху Великого переселения народов, готского продвижения на юг могло способствовать возникновению этнонима *немцы*, остается неясным, применялся ли он первоначально только к германцам, или ко всем «чужим».

Другой этникон, которым именовали славяне «чужих», — *чудь*, что и означало собственно 'чужой'. Так могли называть мифических великанов, допотопных обитателей земли, с которыми часто ассоциировались враждебные племена (у славян — авары, о чем см. ниже), в Начальной же русской летописи этим общим названием именовались неславянские народы, платившие дань Русскому государству, прежде всего — финно-угорские народы. Это наименование прочно удержалось в русской фольклорной традиции: в былине «Как Добрыня чудь покорил», вошедшей в «Сборник Кирши Данилова», самое раннее собрание фольклорных текстов (XVIII в.), говорится о том, как богатырь «вырубил чудь белоглазую, прекротил сорочину долгополую, а и тех черкас петигорскиех, и тех калмыков с татарами» — вплоть до чукчей и алюторцев, жителей Чукотки. Эта фольклорная традиция обнаруживает тот же механизм, что и раннеисторическая книжная (в нашем изложении — латинская, свидетельствующая о венетах), — условное племенное название, этникон, переносится на новые народы по мере расселения или государственного освоения новых территорий. Интересно, что в преданиях Русского Севера покоренная чудь ушла под землю — исчезновение автохтонного народа воспроизводит таким образом инвертированный этногенетический миф (см. об имени *чудь* и т. п. — [*Агеева* 1990, 86 и сл.]). Но продуктивность самого этникона не означает еще его праславянской древности, «исходного» противопоставления словен чуди.

Конечно, «иным» народом были для древних славян греки, носители той цивилизации, к богатствам которой так стремились сами славяне и иные «варвары» в эпоху Великого переселения народов. Это противопоставление как бы диктовалось самими греками — архаичное противопоставление эллинов и ромеев варварам давало себя знать на протяжении всей средневековой эпохи, а «национальное» самосознание южного славянства и в XIV—XV вв. обостренно воспринимало «национальное высокомерие» греков (ср. [*Милюков* 1993, 42—43]). Но у древних славян (праславян), видимо, не было общего наименования для греков, тем более что сами жители Византийской империи именовали себя «ромеями» — римлянами. Может быть, этому этникону — обозначению жите-

лей Ромейской империи — и соответствовал в праславянский период этноним *волохи/влахи*, как обозначались в общеславянской средневековой традиции все романские народы, от итальянцев до румын (валахов) (ср. [*Королюк* 1985, 161 и сл.]), но в исторический период (с IX в.) славяне называли волохами наследников Западной Римской империи — франков (см. ниже).

Существенно при этом, что во всех славянских языках и в фольклоре сохранилось название естественного рубежа и государственной границы Римской империи и Византии — имя реки Дунай. Показательно, что само это слово было заимствовано славянами у готов, и заимствование это не было случайным, ибо и для готов Дунай являл собой не только границу цивилизации, но, возможно, обозначал и вожделенную полумифическую страну изобилия, Ойум, описанный уже упомянутым готским историком Иорданом. В эту страну, как рассказывали готы, вел мост, переброшенный через реку, лишь половина готов смогла пройти по этому мосту, когда он обрушился, и Ойум стал недоступен для людей. Предания о чудесной реке, отделяющей волшебную страну от прочего мира, характерны для Средних веков; само название Ойум сближается с наименованием райской земли в славянской традиции — Вырей [*Топоров* 1984].

Представление о Дунае как границе par excellence не только между «Славией» и Византией, но и между своим и чужим миром было существеннейшей константой общеславянской культуры [*Нидерле* 1956, 46 и сл.]. Эта граница была зафиксирована первыми известиями о славянах: «гунны, склавины и анты... обретаются за рекой Истром, недалеко от тамошнего берега», — писал Прокопий Кесарийский [История, V, 27, 2]. Прокопию вторит автор стихотворной «Франкской космографии» VII в.: «Данубий... дает пастбища склавам, протекает среди хунов и объединяет винидов» [Свод. Т. II, 399].

Здесь также употребляются архаичные этниконы: гунны в это время сошли с исторической сцены, но их именем еще долго называли европейские авторы прочих кочевников, появлявшихся на Дунае, в том числе и аваров. *Виниды* франкского автора — явная трансформация древнего этникона *венеты*; интересно, что у Прокопия упомянуты не венеты, а *анты* — название, относимое к юго-восточной группировке славян, но имеющее неславянское (иранское или тюркское) происхождение, как и этникон *венеты*. Очевидно, в винидах и антах франкского и византийского источников следует видеть обозначение каких-то маргинальных, пограничных групп славян: предполагаемая этимология имени *анты* связывает этот этникон с древнеиндийскими и другими словами, обозначающими ‘край, конец’ [*Трубачев* 1999, 54—55]. Как уже говорилось, немцы называли вендами славян, прежде всего — лужицких сербов и балтийских славян в Средние века: судя по всему, степняки называли соседящих с ними славян антами,

германцы — венедами, а византийцы использовали самоназвание *склавины* [ср. *Грушевский* 1994, 173—175], т. е. имена *венеды* и *анты* были экзоэтнонимами.

«ДУНАЙСКАЯ ПРАРОДИНА» И РАССЕЛЕНИЕ СЛАВЯН. БАЛТЫ И ФИННО-УГРЫ В ЭПОХУ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ

Существенно, что и с точки зрения греков, и с точки зрения франков, собственно славяне — склавины, склавы — обретаются на Дунае. Этому внешнему взгляду соответствовал и взгляд «изнутри», из исторической и географической «глубины» славянского мира. Фраза летописца, построившего концепцию единства «славянского языка» (этнолингвистической общности), «по мнозех же временех сели суть словени по Дунаеви» воспринимается иногда как свидетельство о «дунайской прародине»: в действительности Дунай остается для Начальной летописи границей, пределом, к которому стремятся русские князья, начиная с Кия — легендарного основателя Киева. Конечно, у Нестора, как и у другого автора — родоначальника славянской раннесредневековой истории — Козьмы Пражского, были элементарные возможности для конструирования начала этой истории: традиционные «книжные» построения, объявляющие народ или страну (город) в автохтонистском (мифологическом) духе происходящими от предка-эпонима — чехи и Чехия произошли от первопредка по имени Чех, Киев и поляне от Кия и т. п. Но примитивный автохтонистский миф не давал исторической перспективы (и ретроспективы), и в «Повести временных лет» этот миф, использованный (или даже сконструированный) Нестором, подчинен идее всемирно-исторического движения: Кий приходит на Днепр с Дуная, изгнанный тамошними жителями, и основывает Киев.

Дунай был для славянства и Руси не только **границей** (периферией), но и **центром**, местом начала и завершения самых существенных событий. Сравните для примера тексты, относящиеся к разным жанрам и разным периодам русской истории. Князь Святослав, согласно «Повести временных лет», говорил: «не любо ми есть в Киеве быти, хочу жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от грек злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угор сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь» [ПВЛ, 32]. Дунай, оставленный Кием, и Киев, который оставил Святослав, (а также и последующие русские столицы) остаются связанными особыми связями — в «Слове о полку Игореве» девицы на Дунае воспевают освобождение князя из половецкого плена, и их голоса «вьются» через море до Киева. Другой герой русской истории, Стенька Разин, согласно русским историческим песням, завершает свой путь «добра молодца» на Дунае: он просит перевезти его через Дунай и

похоронить у «белого камешка» между трех дорог — первой Питерской, другой — Владимирской, третьей — Киевской [Исторические песни, т. II, № 311]. Дунай оказывается не только рубежом, отделяющим тот свет от этого (переправа через реку равнозначна в фольклоре переправе на тот свет), но и центром мира, перекрестком всех дорог: белый камень исторической песни — это «бел горюч камень» русского фольклора, Алатырь, пуп земли. Подобные представления о Дунае свойственны исторической традиции и фольклору славян в целом и могут быть отнесены к константам славянского самосознания.

Прорвав византийскую границу на Дунае, славяне перешли рубеж первобытности — стали участниками всемирной истории и попали на страницы средневековых хроник. Там они обрели свое имя, о котором узнали представители чужой и одновременно вожделенной культуры, византийской цивилизации.

* * *

Здесь не обойтись без вопроса о том, где славяне «были раньше» и откуда они пришли на Дунай. Две основные концепции этнолингвистической доистории славянства решают эти вопросы по-разному. Согласно одной концепции, праславянская общность зародилась прямо на Дунае, в эпицентре формирования индоевропейских языков в бронзовом веке (если не ранее); в процессе миграций носителей индоевропейских языков праславяне переселились к северу от Дуная, а в эпоху Великого переселения народов возвратились на «дунайскую прародину», о которой славяне сохраняли память на протяжении всей своей истории [*Трубачев* 2002].

Согласно другой концепции, праславянский язык (и праславяне) выделились из ***балто-славянского континуума*** — этнолингвистической общности славян и балтов (предков латышей, литовцев и пруссов) относительно поздно, в железном веке, и заключительным этапом разделения балтов и праславян был «выход» последних на Дунай: эту концепцию сформулировал еще знаменитый языковед XIX в. Август Шлейхер, поддержал исследователь русского языка и древнерусских летописных сводов А. А. Шахматов, разрабатывали В. В. Иванов, В. Н. Топоров и др. (см. нарастающую по интенсивности дискуссию об отношениях балтийского и славянских языков: [*Топоров* 1988; *Трубачев* 2002, 171 и сл.]).

Сторонники той и другой концепций стремятся, при отсутствии собственно исторических данных о славянах до VI в. н. э., опереться на данные археологии. Поскольку археологи также склонны интерпретировать свои находки при помощи данных языкознания, то возникает поле продуктивного и вместе с тем рискованного взаимодействия разных дисциплин. Риск заключается по преимуществу в том, что лингвисты и археологи ищут «совпадений», ареальных или «генетических»,

которые при желании нетрудно отыскать. Как уже говорилось в связи с проблемами этногенеза германцев — готов (глава VI), европейские народы имели истоки в культурной общности — культур «полей погребений». При том, что с рубежа н. э. на традицию этих культур нивелирующее воздействие помимо кельтов оказывала и римская цивилизация, появляются широкие возможности для построений этногенетических цепочек, ведущих «праславян» в эпоху бронзы.

Трудности начинаются, когда создаются взаимоисключающие друг друга гипотезы, имеющие, по всей видимости, равное право на существование, например, две «автохтонистские» гипотезы, одна из которых помещает праславян на Вислу, другая на Днепр.

Ведущий отечественный исследователь славянских древностей В. В. Седов [2002, 39] обнаруживает истоки праславянской культуры в культуре т. н. подклёшевых погребений, относящейся к кругу «полей погребальных урн». Урны в этой культуре принято было накрывать колоколовидным сосудом — клёшем; такой обычай распространился в бассейне средней и верхней Вислы в IV—II вв. до н. э. Однако отчетливых границ между этой культурой и близкой ей поморской культурой в нижнем Повисленье и других культур, приписываемых западным балтам — предкам пруссов, ятвягов, куршей, галиндов, не существует. Культура подклёшевых погребений трансформируется под воздействием кельтов: в бассейне Вислы и Одера, вплоть до Среднего Подунавья, распространяется уже упоминавшаяся пшеворская культура, датируемая II в. до н. э. — первой половиной V в. н. э. И хотя в пшеворской культуре отчетливо прослеживаются кельтские и германские элементы, она иногда в целом считается славянской и даже именуется «венедской». Пшеворская культура, в свою очередь, воздействовала на формирование черняховской культуры (см. выше), в составе полиэтничного населения которой также ищут славян.

Эти направления поисков ныне — наиболее распространенные, но не единственные, ибо представления об «автохтонном» происхождении славян (и руси) в Среднем Поднепровье имеют глубокие традиции в отечественной историографии. В построениях Б. А. Рыбакова [1982, 16 и сл.] лужицкая культурная область полей погребальных урн относится к западным праславянам, восточные же праславяне оказываются носителями чернолесской культуры в лесостепной полосе междуречья Днестра и Днепра. Эта культура рубежа бронзового и железного веков с VII в. входит в ареал скифских культур, но население ее занималось земледелием и отождествляется обычно со скифами-пахарями Геродота (см. главу IV). Это и дает основание сближать носителей чернолесской культуры со славянами, традиционным занятием которых было земледелие, хотя общий «хозяйственно-культурный тип» никоим образом не может свидетельствовать об этническом единстве. «Славянская» земледельческая культура расцветает в скифскую эпоху и претерпева-

ет упадок во время нашествия сарматов, но сохраняется носителями зарубинецкой культуры в Приднепровье и пшеворской — на западе. Обе эти культуры, расположенные между германцами и сарматами, признаются «венетскими» и занимают регион от Эльбы до Десны. Из зарубинецкой и позднескифской культуры и рождается черняховская. Здесь обе этногенетические цепочки смыкаются. В носителях черняховской культуры и В. В. Седов, и Б. А. Рыбаков ищут славян (антов), но как уже говорилось, гуннское нашествие уничтожило черняховскую культуру и сделало затруднительным присоединение последнего и главного звена, — связь черняховской культуры с собственно славянской неясна.

Поставленная еще Тацитом перед историками и археологами проблема «венетов» — народов между германцами и сарматами, все чаще приводит к альтернативным гипотезам, которые относят одну и ту же археологическую культуру к носителям соседних этнолингвистических общностей лесной зоны Восточной Европы — к славянам или балтам. Такова, к примеру, приднепровская зарубинецкая культура. Эта культура, распространенная от Припяти до Приднепровья и Подесенья во II в. до н. э. — II в. н. э. относится, наряду с пшеворской, к т. н. латенизированным культурам полей погребений: латен (латенская культура) — это археологическая культура кельтов, и считается, что носители зарубинецкой культуры стали продвигаться на восток в результате экспансии кельтов (ср. [*Седов* 2002, 128 и сл.]). В бассейне Припяти очевидна связь памятников зарубинецкой культуры с традициями культуры подклёшевых погребений, в Среднем Поднепровье — с культурами скифской эпохи, восходящими к чернолесской, в Верхнем Поднепровье — с милоградской, приписываемой балтам. Соответственно, в разных концепциях славянского этногенеза зарубинецкая культура оказывается то праславянской — с припятским и среднеднепровским вариантами локализации славянской прародины (ср. Славяне и их соседи, 38), — то балтской.

Наличие кельтских и других среднеевропейских элементов в инвентаре зарубинецкой культуры вообще позволяет «выводить» ее за пределы балто-славянской гипотезы и приписывать конгломерату племен, обитавших «между кельтами и германцами» — ***бастарнам*** [*Щукин* 1994, 104—119]. В. В. Седов [2002, 135—136] предложил недавно компромиссную атрибуцию зарубинецкой культуры: ее население в языковом отношении составляло «отдельную диалектную группу, занимавшую промежуточное отношение между праславянским языком и окраинными западнобалтскими говорами». Настолько же затруднительна и конкретная этническая атрибуция других культур раннего железного века лесной зоны, относящихся к восточнобалтскому и (шире) балто-славянскому ареалу — милоградской, юхновской, киевской и т. д. — вплоть до мощинской культуры в бассейне Оки и даже именьковской на Средней Волге, развивавшихся под воздействием зарубинецкой (позднезарубинецкой) культуры, носители которой мигрировали к северу и

востоку от Среднего Поднепровья, отступая под натиском сарматов (ср. из последних работ: [Славяне и их соседи 1993; *Седов* 2002, 136 и сл.; *Щукин* 1994, 280 и сл.]).

Эпоха Великого переселения, таким образом, затронула и лесную полосу Восточной Европы: передвижения сарматов и готов, а затем и гуннов, влияние провинциальной римской культуры (находки римских «импортов») сказывались и в лесной зоне. В балтском ареале выделяется прежде всего окраинная область западнобалтского народа ***пруссов*** (и родственных западнобалтских племенных объединений — *скальвов*, *ламатов*, *судинов-ятвягов*: см. [*Кулаков* 1994]), в культуре которой синтезируются позднеримские и германские черты. Культура штрихованной керамики, занимавшая в раннем железном веке (VII в. до н. э. — V в. н. э.) центральную часть балтского ареала — территорию Литвы, верховья Днепра и часть бассейна Западной Двины и считающаяся многими исследователями основой балтского (прабалтского) этноязыкового объединения, прекращает свое существование. Ей на смену приходит т. н. культура восточнолитовских курганов — погребальных насыпей с каменными венцами в основании: погребальный инвентарь свидетельствует о связях этой культуры с причерноморским регионом — готами (ср. о связях балтов, германцев и славян в эпоху Великого переселения народов: [*Казанский* 1999; *Седов* 2002, 348 и сл.].

Далекая лесная периферия Причерноморья также пришла в движение, причем не только на север, куда отступали носители зарубинецкой культуры и, отчасти, черняховской (после гуннского разгрома), но и на восток. Верховья Ловати и Днепра на севере и бассейн Оки на востоке были традиционными границами и зонами контактов тех культур раннего железного века, которые обычно приписываются балтам (днепро-двинская, юхновская, верхнеокская) и финнам (дьяковская, городецкая — ср. выше, глава IV). Уже на рубеже н. э. прослеживается взаимодействие носителей днепро-двинской культуры и дьяковской культуры в бассейне Москвы (где в раннесредневековую эпоху обитало восточнобалтское племя *голядь*, чье имя родственно галиндам) и верховьях Волги, само название которой, как считается [*Топоров* 1991], имеет балтское происхождение. Продолжением этой «балтской» миграции на восток стало формирование культуры рязанско-окских могильников, которая сочетала черты, приписываемые балтам и поволжским финнам (ср. [*Седов* 1990] и ниже, главу XI). Пределом этого движения на восток стала т. н. именьковская культура, сформировавшаяся в середине I тыс. н. э. в Среднем Поволжье: могильники с трупосожжениями, жилища-полуземлянки и керамика (плоскодонные горшки) позволяют обнаруживать в этой культуре пшеворские, зарубинецкие и черняховские элементы — элементы позднего варианта культуры «полей погребений». Естественно, что именьковская культура впитывала и местные финно-угорские, сарматские и тюркские культурные импульсы, поэтому

попытки ее этнической атрибуции весьма разнообразны: ее приписывают тюркам, поволжским финнам, балтам, наконец славянам (ср. [Культуры евразийских степей, 40 и сл.; *Седов* 2002, 245 и сл.]). Так или иначе, в конгломерате культур, предшествующих появлению славян на Дунае, не удается определенно выявить ни «праславянской», ни «прабалтской» культурной общности.

Исследователи славянских древностей все чаще обращаются к гипотезе балто-славянской общности для объяснения этнокультурной ситуации в лесостепной и лесной полосе Восточной Европы во второй половине I-го тыс. до н. э. — первой половине I-го тыс. н. э. (ср. [*Седов* 1994, 144—145; *Щукин* 1994, 280 и сл.]). М. Б. Щукин полагает, что процесс «брожения», в результате которого славяне выделились из балто-славянской общности, начался благодаря этнокультурным «толчкам» — сарматскому на юге и германскому (вельбаркскому) на северо-западе балто-славянского мира. Образовался «венетский котел» [*Щукин* 1994, 286] — напомним, что к венетам Тацита и других античных авторов возводил славян Иордан, а за ним и большинство современных исследователей. Мы уже предполагали, что это наименование было дано античными авторами тому конгломерату «северных варваров», которые отличались по культуре от хорошо известных римлянам сарматов и германцев. Вероятно, что продвижение германцев способствовало началу дифференциации балтов и славян. А. А. Шахматов предполагал, что славяне двинулись к Дунаю вслед за готами [*Шахматов* 1919, 12—13; ср. *Милюков* 1993, 382, 394].Об этой дифференциации могут свидетельствовать и данные этнонимии: литовцы называли соседних славян (белорусов) этнонимом gùdai — «готы», причем в литовском языке это слово приобрело характерное значение: ‘не владеющий понятной речью’ — «немец» [*Иванов*, *Топоров* 2000, 419].

Может быть, данные Клавдия Птолемея (II в.) дают некоторые основания усматривать начало разделения славян и балтов. В «Сарматии» он помещает венедов (вслед за предшественниками — Плинием и Тацитом) на Венедском заливе, ниже на Висле упоминает неких гитонов, затем — финнов и другие народы вплоть до «горы Карпата». К востоку, опять-таки «ниже венедов, суть галинды и судины и ставаны вплоть до аланов... И снова побережье Океана вдоль Венедского залива последовательно занимают вельты, выше них осии, затем еще севернее карбоны, восточнее которых кареоты и салы, за ними и гелоны, и гиппоподы, и меланхлены; за ними агафирсы, затем аорсы и пагириты; за ними савары и боруски вплоть до Рипейских гор» [Свод. Т. 1, 51]. В перечне народов есть давно знакомые скифские имена, есть и новые названия, напоминающие имена народов «нашей эры». Если под «гитонами» видеть готов, а под галиндами и судинами — балтов (а эти имена сохранились в балтской средневековой этнонимии), то можно предположить, что уже в начале своего пути, во II в. готы отделили славян-

венедов от балтов [ср. *Седов* 2002, 12]. Но все не так просто в античной географии: бросается в глаза, что «финнов» Птолемей помещает южнее «гитонов» по Висле, зато северное («финское») побережье Сарматского океана до Рипейских — Уральских гор населяет неведомыми народами [см. о них — *Буданова* 2000] вперемежку с гелонами, меланхленами и агафирсами, к которым добавлены «конноногие» гиппоподы. Как уже говорилось, опираться на созвучия и даже совпадения этнических наименований, относящихся к разным эпохам, рискованно, хотя продолжаются попытки сопоставить борусков, помещенных Птолемеем на Урале, с пруссами, а ставанов, соседей аланов, — со славянами и т. п. Без специального исследования источников и географических воззрений Птолемея такие реконструкции оказываются безосновательными [ср. Свод. Т. 1, 54 и сл.; *Дини* 2002, 55 и сл.].

Итак, под своим именем славяне стали известны греческим авторам в VI в. на Дунае, и игнорировать этот факт невозможно.

В условиях интенсивных миграционных процессов — Великого переселения народов — и процессов этнического взаимодействия, распространения одних и тех же форм материальной культуры и быта у разных этносов (аккультурация), смешения (ассимиляция), примеры которых являют и зарубинецкая и черняховская культуры, определенные этнические границы могли сформироваться лишь при столкновении «переселяющихся» народов с относительно стабильным инокультурным и иноэтничным миром. Для «варваров» Евразии это был мир цивилизации — китайской на Дальнем Востоке, иранской на Среднем, римской (византийской) в Восточной Европе.

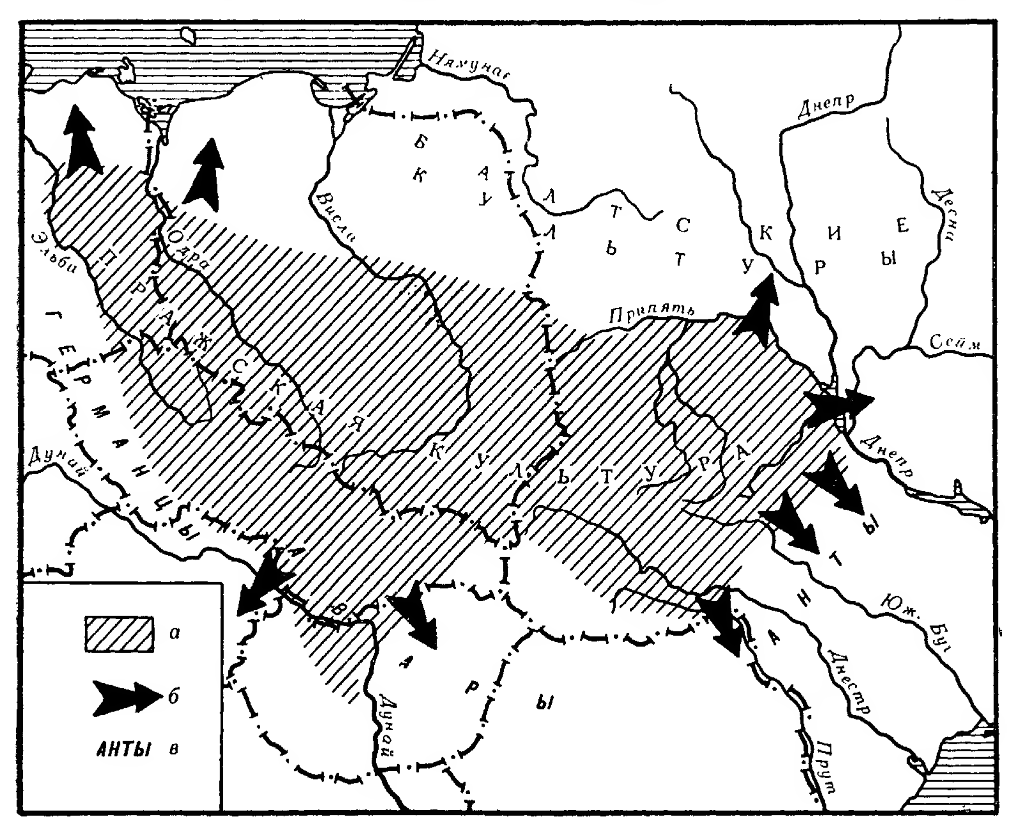
В последних междисциплинарных исследованиях по этногенезу славян все большее значение для формирования праславянской культуры придается эпохе противостояния славян и Византии на Дунае. Такая культура сформировалась в юго-западном пограничье балто-славянского мира: славяне выделились из балто-славянской общности, столкнувшись с Византией, выйдя «из лесов и болот» на «исторические рубежи». Существенно при этом, что «балты», оказавшиеся на периферии этнических процессов, происходивших на границе древней цивилизации, не получили единого наименования: этникон *балты* имеет ученое, «кабинетное» происхождение.

Праславянская культура именуется пражской, или «Прага — Корчак», по памятникам, обнаруженным в столице Чехии и под Житомиром; она считается самой ранней достоверно славянской не только потому, что ее дата — VI—VII вв. — совпадает с первыми письменными известиями о славянах, но и потому, что археологически прослеживается ее связь с последующими достоверно славянскими «историческими» культурами Средней и Восточной Европы, чего нельзя сказать о предшествующих ей культурах (зарубинецкой, черняховской и др.). Распространение этой культуры на широких пространствах Центральной

и Восточной Европы, от Эльбы и Дуная до Среднего Поднепровья, соответствует данным письменных источников о расселении славян [*Русанова* 1976], которое действительно можно назвать демографическим взрывом [*Топоров* 1988, 276—278].

Недавние исследования позволяют проследить процесс формирования пражской культуры в Полесье и начало миграционных процессов уже в гуннскую эпоху — в V в., когда носители этой культуры продвигаются в Среднее Поднестровье, ассимилируя остатки черняховского населения, к началу VI в. появляются в восточном Мекленбурге и на северо-востоке Карпатской котловины, в бассейнах Прута и Буга, наконец — на Дунае [*Гавритухин* 2000].

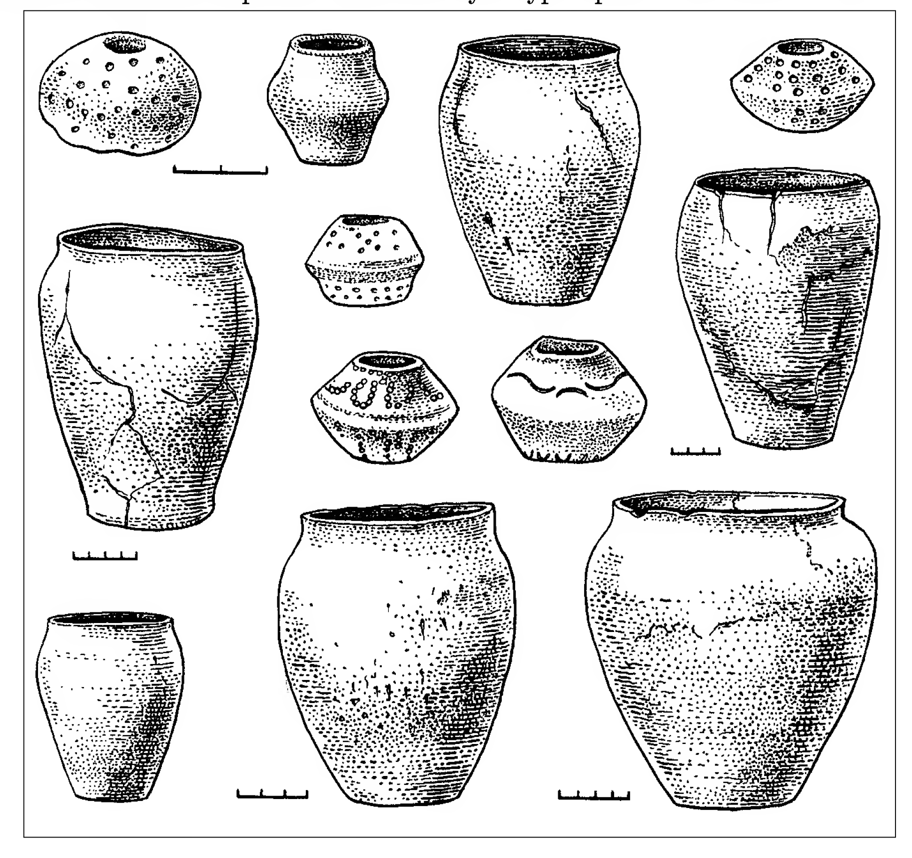
Когда археологические исследования демонстрируют культурно-историческую общность группы памятников, связанных не только общими «хозяйственными» признаками (жилище, утварь и т. п.), но и собственно «культурными» — прежде всего погребальным обрядом, то связи этих памятников, особенно в догосударственную эпоху, можно

Распространение культуры Прага—Корчак в третьей четверти 1 тыс. н. э. (по И. П. Русановой 1976. С. 198)

признать этническими. Это относится, в частности, к культуре пражского типа, для которой характерны устойчивые традиции домостроительства, производства керамики и т. п. — небольшие, как правило, неукрепленные поселения состояли из полуземлянок с печью, расположенной в углу, керамика — горшки характерных пропорций «пражского типа» — лепилась от руки. Уже планировка примитивных жилищ показательна с точки зрения истории культуры: для германского (и кочевнического) традициононого жилища центром — и геометрическим и сакральным — был открытый очаг, у славян (в традиционном русском жилище) — красный угол, располагавшийся напротив печи: недаром само праславянское обозначение дома — *kotja — связано со словом *кут*, 'внутренний угол с печью' [*Журавлев* 1996, 130]. Даже там, где на западе ареала пражской культуры известны были очаги, они располагались в углу жилища [*Седов* 2002, 297—298].

Керамика также оказывается важным культурным показателем. В археологическом жаргоне носители культур первой половины 1 тыс. н. э.

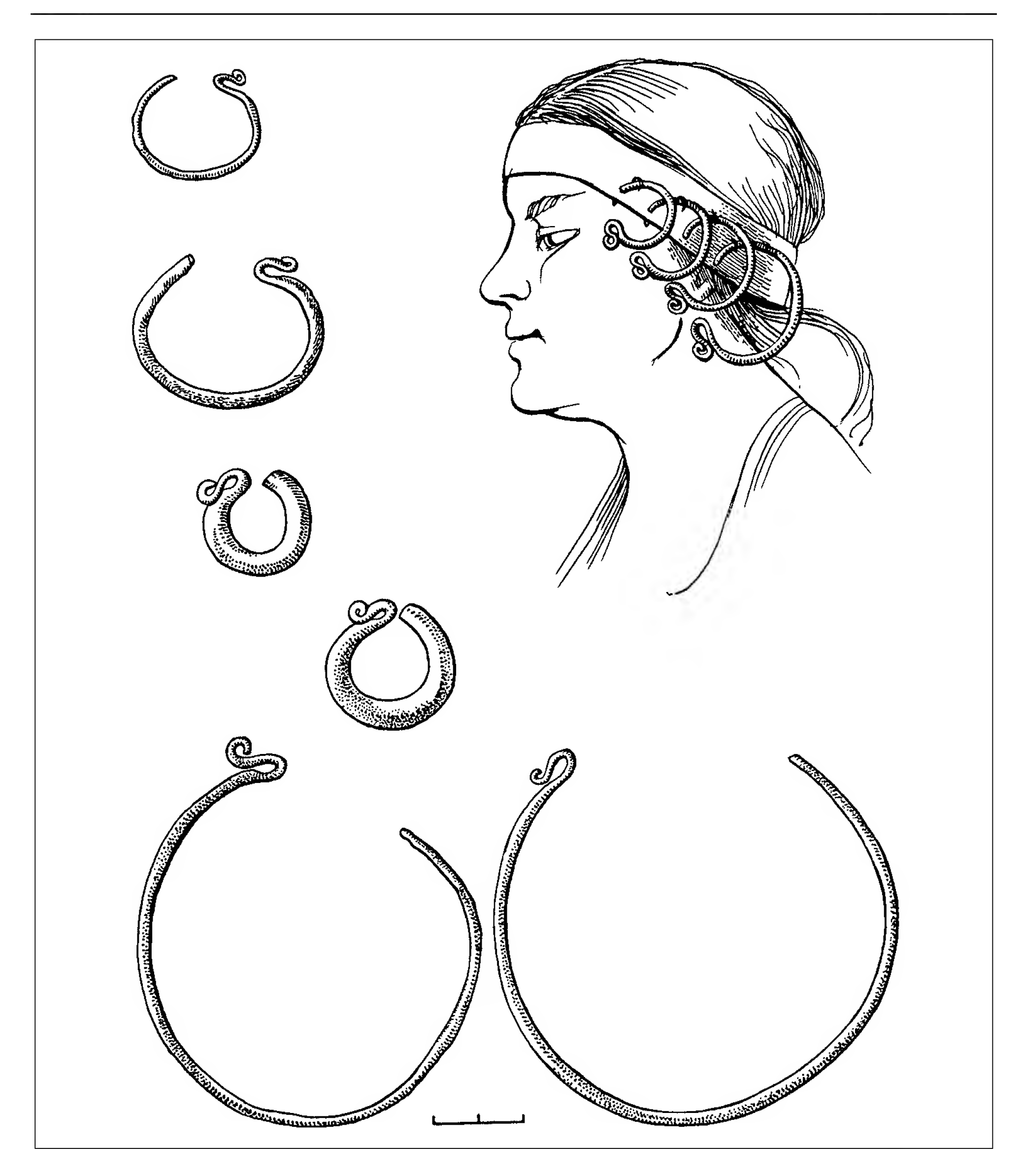

Керамика культуры Прага—Корчак (*Седов* 1995. С. 8)

делятся на «горшечников» и «мисочников», в зависимости от того, какая посуда характерна для той или иной культуры. Показательно, что слово *миса* относится к германским заимствованиям в праславянском языке, в отличие от исконно славянских слов, обозначающих горшок (ср. [ЭССЯ, вып. 7, 210—212]). Для пражской культуры характерны именно горшки — их ставили в печь, и эта черта сохраняется в традиционной общеславянской культуре, где горшок оказывается одним из наиболее ритуализованных предметов, связанным, как и печь, с культом предков (см. [ЭССД, т. 1, 526 и сл.]). Эту связь также можно считать исконной праславянской, так как в погребальном обряде пражской культуры господствовала кремация, кости иногда просто закапывались в ямку, иногда собирались в горшок-урну, новое и вечное тело погребенного предка; недаром сам горшок с его горлом, плечиками, туловом в русском языке представляется антропоморфным (ср. [*Петрухин* 1995, 195 и сл.]). Появляется обычай насыпать над погребением курган, который отличает пражскую культуру от предшествующих культур полей погребений.

Такие связи, которые демонстрируют не только единство материальной культуры, но и черты духовной общности, отражают представления о единстве носителей пражской культуры — то есть самосознание, каковому справедливо приписывается конституирующее значение в сложении этноса, в данном случае славян, точнее — общего предка всех славянских народов — праславян.

Очевидные внутренние (этнические) связи пражской культуры не отменяют естественного внешнего — позднеримского и византийского — влияния. Как показал еще Любор Нидерле, характернейшие для славянской материальной культуры предметы — горшки с волнистым орнаментом и т. н. височные кольца (S-видной формы) — восходят к провинциально-римским образцам. Использование римских мер жидких и сыпучих тел сохранялось при производстве керамики пражского типа [*Трубачев* 2002, 86]; такое влияние прослеживается повсюду, где были контакты с Римской империей, включая и Восточную Европу, но то обстоятельство, что это общеевропейское влияние «вылилось» в специфическую форму — форму характерных горшков пражского типа, свойственных вполне определенному ареалу, — указывает на самостоятельность внутренних связей пражской культуры. Это еще раз заставляет задуматься о внешнем конституирующем влиянии позднеримского — византийского мира на формирование славянской общности: восприятие в праславянский период не только римских мер веса, различных реалий материальной культуры (в том числе обозначений предметов вооружения — *секира*, *щит* — см. [*Иванов* 1989, 26—27]), но и наименований календарных циклов (таково происхождение слов *коляда*, *Русалии*) и других форм духовной культуры обнаруживает воздействие этого мира на самые существенные стороны славянской народной жизни.

Височные S-видные кольца (*Седов* 2002, 322)

Конечно, «континуитет» славянской и античной традиций был отнюдь не полным, особенно в области социального и экономического уклада. Византийский лимес (граница), дунайские города были разрушены уже во время аваро-славянских нашествий на рубеже VI и VII вв. По заключению Исидора Севильского в VII в., прорвавшись на Балканы, «славяне захватили у ромеев Грецию» [Свод, т. II, 355].

Существенно, однако, что славяне — носители пражской культуры — не только проникли на Балканы через Дунай, но стали расселяться и на север, в том числе на Вислу; на Средний Дунай, в Чехию и далее на Эльбу славяне также продвигались, судя по последним данным, не из Польши, а с юго-востока, из Моравии и юго-западной Словении. Импульсом для такого расселения послужила опять-таки укрепленная дунайская граница Византии — лимес, который славяне не смогли прорвать при Юстиниане, в первой половине VI в. Дунай действительно, в соответствии с повествованием Нестора, оказывается центром расселения славян и к югу и к северу уже с VI в. Не менее показательны категории находок «дунайского» происхождения, охватывающих весь балто-славянский ареал и, шире, Восточную Европу. Характерная деталь женского славянского костюма VI—VII вв. — пальчатые застежки-фибулы — была, видимо, заимствована у готов, обитавших в провинциях Византии на Дунае и в Крыму; однако их находки известны не только в Подунавье, в ареале пражской культуры, и на востоке вплоть до Среднего Поднепровья, но и на далекой периферии балто-славянского мира — в Южной Прибалтике и на Оке. Показательно при этом, что и это заимствование было усвоено славянами на свой лад: германские женщины носили застежки парами — они скрепляли бретели юбки; славянский женский костюм представлял собой рубаху, и славянки носили только одну застежку.

Еще один характерный атрибут традиционного женского костюма славян на протяжении всей средневековой эпохи — височные кольца, привески, вплетающиеся в волосы или крепившиеся к венцу у виска (иногда даже носившиеся как серьги). Славяне пражской культуры носили упомянутые височные кольца S-видной формы, распространенные от Среднего Дуная до Балтики и Среднего Поднепровья, отдельные же находки известны в Волго-Окском междуречье [*Седов* 2002, 323 и сл.]. В. Н. Топоров отмечает исключительную проницаемость всего пространства между Дунаем и Балтикой, о чем свидетельствует, в частности, проникновение дунайской гидронимии в Литву [*Топоров* 1988, 297].

Значение культуры Прага—Корчак как первой достоверно славянской — праславянской — заключается еще и в том, что она объединяет те регионы славянского мира, которые с распадом праславянской общности стали ареалами самостоятельных славянских этнолингвистических групп — южных славян, западных славян и славян восточных. Памятники пражской культуры достигают Балкан и Среднего Поднепровья — будущей Русской земли.

Вместе с тем предполагаемый механизм дифференциации балто-славянского континуума — отделение пражской культуры и формирование общеславянского самосознания в столкновении с Византией на Дунайской границе — может прояснить и ситуацию в Восточной Европе. В частности, очевидны связи с Византией маргинальной — распро-

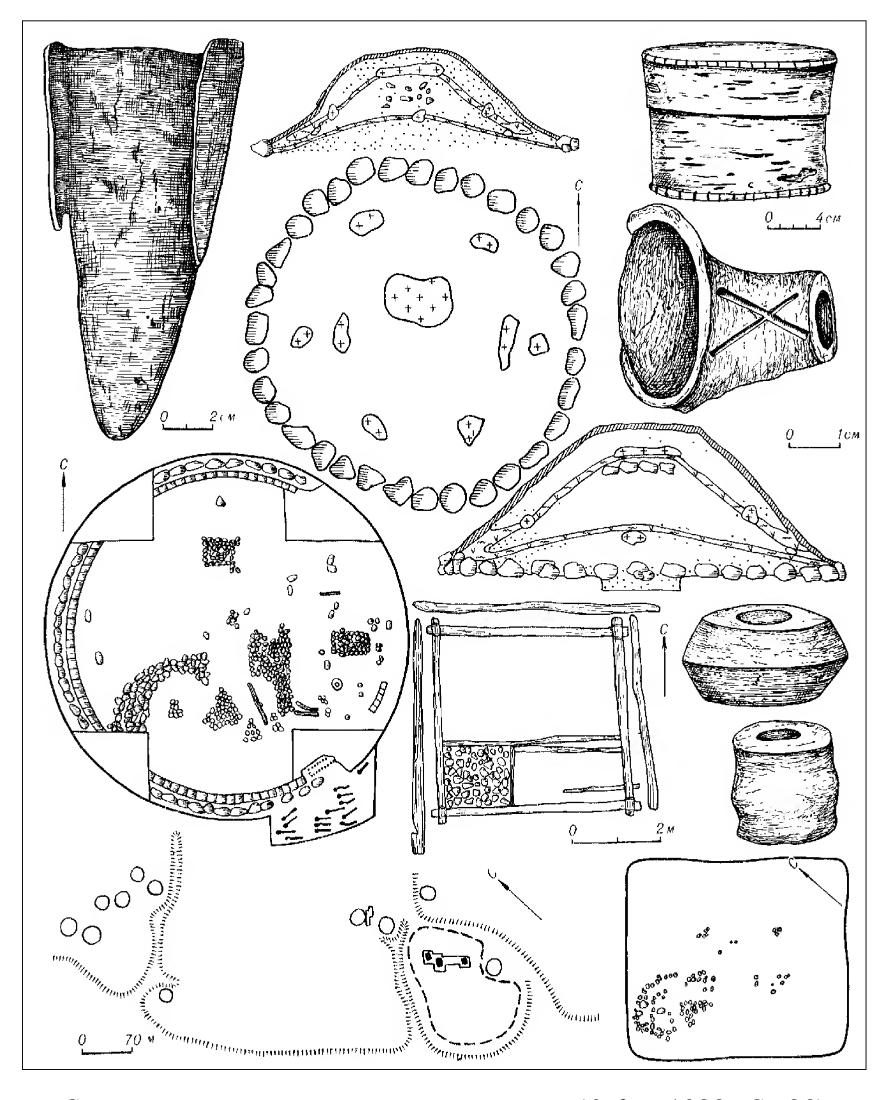
страненной в лесостепной зоне от Днестра до Среднего Поднепровья — пеньковской культуры VI—VII вв., приписываемой обычно антам и прекращающей свое существование с нашествием хазар к VIII в. (о ней еще будет говориться специально). Тем временем на Севере складываются более устойчивые культурные общности: это так называемые культуры длинных курганов и новгородских сопок. По самым смелым датировкам, эти памятники появляются на севере лесной зоны Восточной Европы в VI в. (основная масса сопок датируется VIII—IX вв.), одновременно с распространением памятников пражской и пеньковской культуры на юге [3], и доживают до X в., времени сложения Древнерусского государства. В соответствии с ареалами длинные курганы традиционно приписываются племенам псковских, смоленских и полоцких ***кривичей***, сопки — ***словенам новгородским***. Археологические культуры кривичей и словен получили название по характерным погребальным памятникам: длинные курганы имели удлиненную насыпь потому, что к первоначальному полусферическому кургану, под которым располагались останки кремированного покойника (в горшке — урне или в ямке), подсыпали землю, чтобы захоронить останки следующего умершего и т. д. (длина насыпи иногда достигала 100 м). Сопки, напротив, росли вверх — насыпь кургана увеличивалась по мере захоронения кремированных останков на вершине и могла достигать 10 и более метров.

Неясно, насколько *кривичи* и *словене* участвовали в первоначальном расселении и дунайских походах славян: этникон *кривичи* известен на Балканах; *словене* — ‘свое имя’, которым прозвались, согласно Нестору, славянские племена, пришедшие с Дуная, — в крайних пределах славянского мира, что характерно для этнонимии пограничных зон — ср. словенцев и словаков на Дунае. Ясно лишь, что в культурном (археологическом) отношении ни длинные курганы, ни сопки не связаны с пражской культурой. Напротив, для длинных курганов, особенно в Верхнем Поднепровье, очевидны связи с местными балтскими традициями (комплекс женских украшений), что может свидетельствовать об отделении кривичей от балтославянского континуума под влиянием собственно славянской колонизации: ср. одну из этимологий этнонима *кривичи* — балто-славянское *kreiuo-, от *kreio — ‘отделяю, отрезаю’: это значение края вообще оказалось весьма продуктивным в славянской ономастике — такова упомянутая иранская этимология этникона *анты* (ср. значение слова *Украина* и т. п.). Вместе с тем с ареалом длинных курганов связаны и находки рифленых ременных пряжек VI—VII вв., имеющих среднеевропейское происхождение. В. В. Седов [2002, 387] обнаружил дунайские прототипы лунничных височных колец из смоленско-полоцких длинных курганов. Не только

---

[3] В последние годы на Северо-Западе России открыты и единичные памятники, близкие культуре Прага — Корчак.

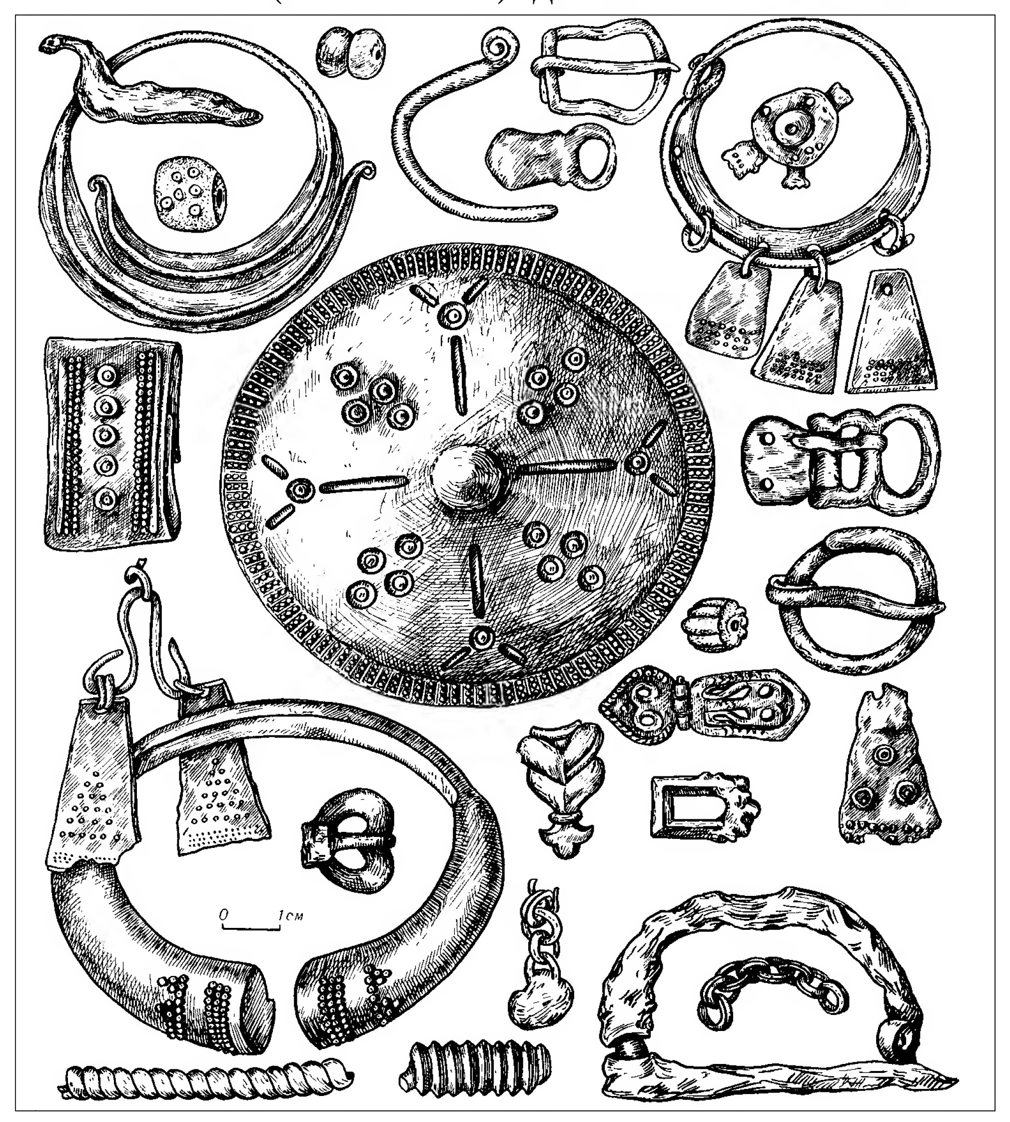
среднеевропейские и германские предметы костюма и вооружения, но и западнобалтские вещи распространяются в лесной зоне в V—VI вв. [*Казанский* 1999]. С расселением славян через территорию восточных балтов (балто-славян?) увязывается и сложение культуры сопок, определенные памятники которой обнаруживают близость культуре длинных курганов (ср. [*Петренко* 1994; *Седов* 2002, 355 и сл.]. При этом данные антропологии подтверждают древнее единство балто-славянского субстрата, объединяющего латгалов, восточных славян западных областей

Сопки и древности ильменских словен (*Седов* 1982. С. 86)

Белоруссии, Украины, Новгородчины и даже эстонцев [*Санкина* 2000; ср. *Лимборская и др.* 2002, 46—48]. Так или иначе, наиболее активными оказываются маргинальные зоны балто-славянского континуума, где выделяются «диалектные» археологические культуры.

Лингвистические исследования так же обнаруживают трансконтинентальные связи славянских диалектов, в том числе кривичских и западнославянских (С. Л. Николаев), ильменско-словенского и «дунайско»-словенского (А. А. Зализняк). Данные этнической ономастики

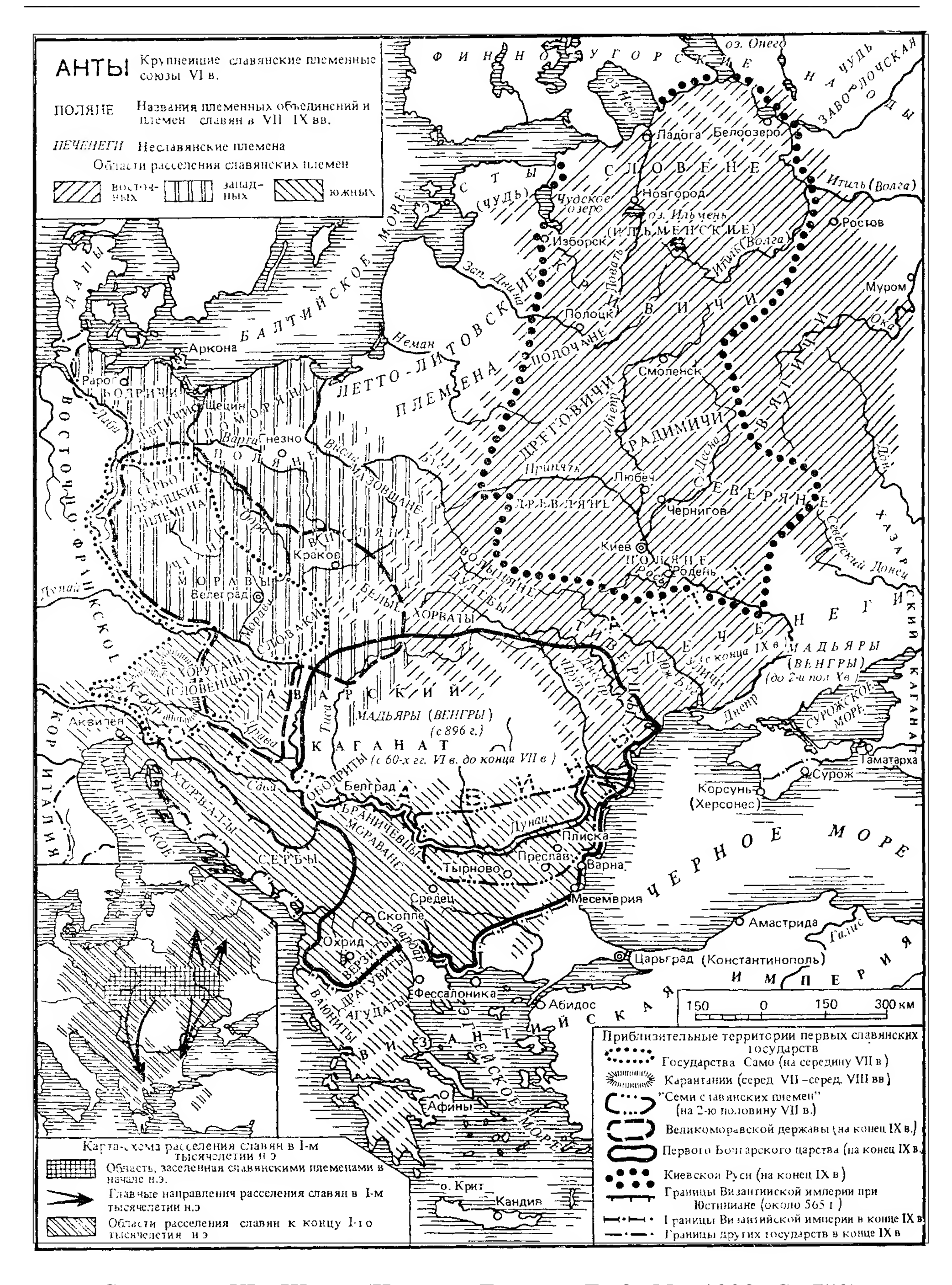

Находки из длинных курганов смоленских кривичей (*Седов* 1982. С. 84)

очевидно свидетельствуют об участии восточно- и западнославянских племенных образований в передвижениях славян: *другувиты*, *кривитеины* византийских источников на Балканах и *дреговичи, кривичи* в Восточной Европе, *ободриты* на Дунае и в Полабье, *сербы* балканские и *сербы* лужицкие, *поляне* Малой Польши и *поляне* киевские, *северы* на Балканах и *северяне* на Десне и т. д. — разделились в процессе расселения [*Трубачев* 1976]. Наконец, этникон *венеды,* которым именовали праславян латинские авторы, а затем немцы в западном ареале расселения славян и финны (чудь) на северо-западе, также, по некоторым предположениям, вошел в собственно славянскую этнонимию, если возводить к нему племенное название *вятичи* на крайнем востоке славянского ареала [*Иванов, Топоров* 2000]. В арабских источниках X в. упоминается город В.нтит (Ва.т, Ва.ит), расположенный в крайних пределах расселения славян, в письме хазарского царя Иосифа упоминается племя *в-н-н-тит*: это название очевидно соответствует имени *вентичи/вятичи* (ср. [*Минорский* 1963, 147; *Новосельцев* 1965, 387 и сл.]). По летописному преданию радимичи и вятичи пришли с запада «от ляхов» и могли принести с собой предания о венедском происхождении, отличающем вятичей от прочих славян (недаром сама форма этнонима — патронимическая, указывающая на происхождение от предка-эпонима, в летописи — Вятко). Этническая ономастика и процессы этнокультурной дифференциации славянских «племен» (как они именуются в летописи) показывают, что эти этнические образования не были собственно *племенами* — объединениями экзогамных родов: это были более широкие объединения, способные в процессе расселения и «распада» сохранять свое исходное имя в разных ареалах; такие объединения принято именовать *племенными союзами* или *соплеменностями* [*Арутюнов* 1989, 51 и сл.].

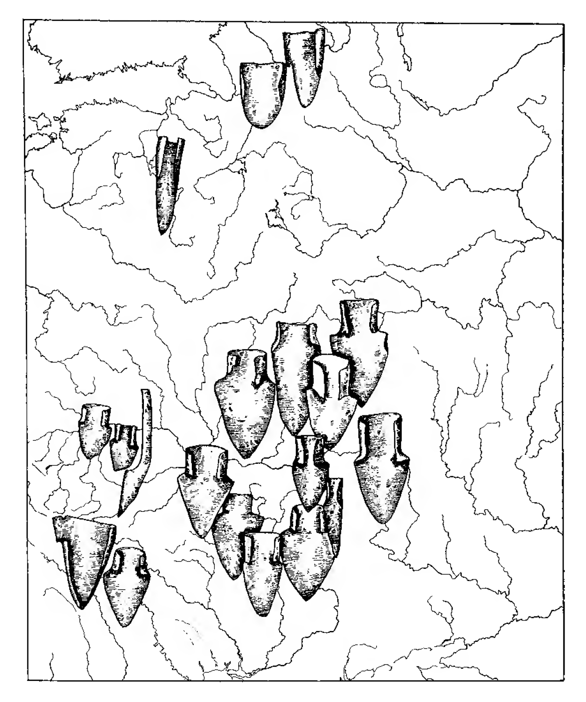
Существенно, что славяне шли в Восточную Европу разными путями и в разное время на протяжении VI—X вв., имели различающиеся диалекты и были носителями разных археологических культур. Два основных их маршрута могут быть реконструированы на основании данных археологии и языкознания, а также традиции, донесенной летописью: ***поляне***, ***северяне*** и ***древляне***, наследники пражской культуры, пришли на Среднее Поднепровье из Подунавья и Центральной Европы; маршрут ***вятичей***, ***радимичей*** и ***дреговичей***, видимо, вел через земли «ляхов» и территорию нынешней Белоруссии (там сохранились и гидронимы типа *Вяча*, *Вятка*), и еще севернее через те же земли и Литву (из южной Прибалтики?) лежал маршрут кривичей (их южная группировка прозвалась *полочане*) и словен новгородских. Расселение происходило в пространстве балто-славянского диалектного континуума, что облегчало пришельцам общение с аборигенами [*Топоров* 1999].

Исследования по этнической ономастике восточнославянских племен (см. [*Хабургаев* 1979]) позволяет выделить те же группы этнони-

Славяне в VI—IX вв. (История Европы. Т. 2. М., 1992. С. 750)

мов, сама форма которых может свидетельствовать о путях их расселения и этнической истории. Этнонимы с суффиксом *-ан-е* и ему подобные (включая общее самоназвание *словене*) относятся к «старым» славянским названиям, восходящим к обозначениям «ландшафтных» зон: этноним *поляне* связан с «полем», расчищенным под пашню, «Польской землей», *древляне* — *дерева* — с «деревьями», «лесом», «Деревской землей», *северяне* — *север* — с обозначением области, Северской земли в Левобережье Днепра, *полочане* — с рекой Полотой. Этнонимы с суффиксом *-ич-и*, обозначающим принадлежность к роду, племени (как в современных русских отчествах), в соответствии с реконструкцией, предлагаемой Г. А. Хабургаевым, имеют более сложное происхождение. Так, этноним *дреговичи* должен обозначать обитателей болотистой местности (*дрегва*) в бассейне Припяти, но его реконструируемая основа — **дрегъв-а* — сходна с неславянскими этнонимами типа *литва* (и даже упомянутым этниконом иранского происхождения *мордва*) и т. п. Сходную основу имеет и этноним *кривичи*, означающий потомков **крив-ы* (‘живущие на окраине’), или Крива, предполагаемого мифического прародителя кривичей, имя которого совпадает с именем мифического первожреца Криве в балтской (прусской и литовской) традициях; существенно, что «племенное» имя кривичей было перенесено латышами на русских,

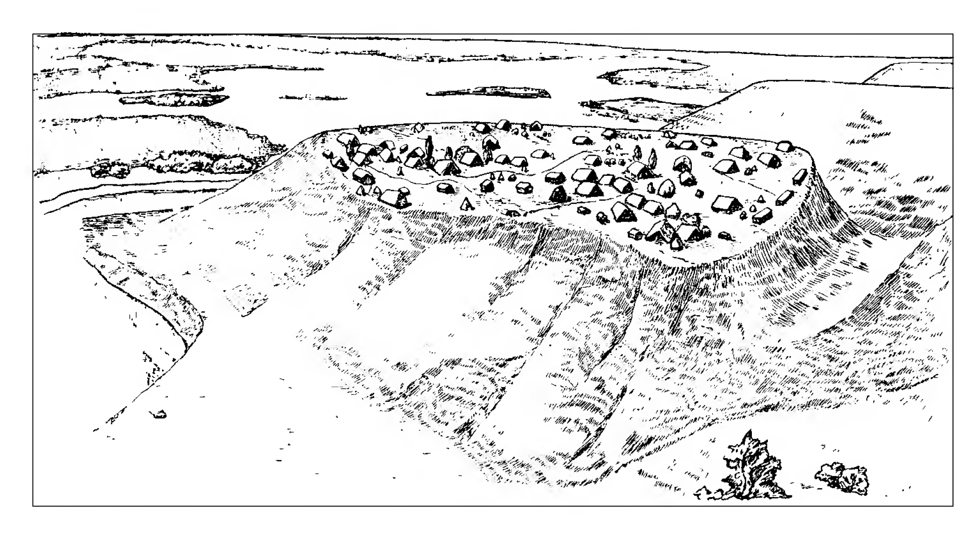

Распространение пахотных орудий в Восточной Европе (*Седов* 1982. С. 274)

которых называют krievs. Все это позволяет предполагать, что дреговичи, как и кривичи, в процессе расселения в Восточной Европе поглотили балтский субстрат, отразившийся в их балто-славянской этнонимии; показательно, что племена радимичей (в бассейне Сожа) и вятичей (в бассейне Оки) также расселялись в пределах балтского ареала.

Этот процесс расселения славян — процесс земледельческой колонизации в пределах, прежде всего, былого балто-славянского континуума — был во все времена, от «дунайской прародины» до «освоения целины», характерен для славянской и особенно восточнославянской культуры: В. О. Ключевский не без оснований считал процесс колонизации основой становления русских городов и русской государственности. Процесс расселения, однако, был связан не столько с прогрессом земледельческого хозяйства, сколько с быстрым истощением почв при подсечно-огневом земледелии: «гнезда» славянских поселений, открытые археологами, свидетельствуют не о «гнездовом» сосредоточении деревень, а о вынужденном перемещении поселков на новое место. «Подвижность» славян отмечали и древние историки, но в самосознании самой славянской (праславянской) культуры «оседлость», стремление к оседлому быту были, естественно, доминирующими: «по мнозех же времянех с е л и суть словени по Дунаеви», в процессе расселения славянские племена «седоша» по Днепру, а другие — по Припяти и т. д. (ср. соответствующую праславянскую лексику: [*Журавлев* 1996, 118—119]).

В изложении летописца насилие неких волохов привело к расселению славян на Вислу и Днепр и далее вплоть до Ильменя, где словене прозвались «своим именем», в отличие от ляхов, днепровских полян,

Укрепленное поселение северян — Новотроицкое городище (*Седов* 1982. С. 208)

древлян и прочих. Это движение, затронувшее, согласно «Повести временных лет», ляхов, мазовшан и поморян, очевидно, повлияло на начавшееся «не позднее IX века» [*Янин*, *Зализняк* 1993, 192] сложение древненовгородского диалекта, сочетавшего черты западных и восточных славянских говоров.

Высокая степень проницаемости балто-славянского ареала для «дунайских импортов» отражает относительное единство связей у выделяющихся на окраинах этого ареала славянских группировок. Эти связи способствовали распространению и сохранению общеславянского самосознания, воплощенного, в частности, Нестором в предании о «дунайской прародине».

Следует отметить еще одно обстоятельство, существенное для понимания диалектики «центра» и «периферии» в процессе славянского расселения. Уже говорилось, что Киев не принадлежал географически к центру Древнерусского государства, равно как и к центру этнической территории восточных славян: скорее, он располагался на пограничье степной зоны. В этнокультурном плане территория Киевского Поднепровья — племени полян — лежала на пересечении трех культурных зон: в степи обитали кочевники, культуры Левобережья и Правобережья Днепра также традиционно различались. В VI—VII вв. влияние пражской культуры распространялось преимущественно на северо-западе Правобережья; вообще в Среднем Поднепровье и в южной части Левобережья господствовала пеньковская культура, сочетающая наследие «киевской» культуры середины I тыс. н. э. с элементами черняховской и культур кочевников (юртообразные постройки и т. п.); в северной части Левобережья была распространена колочинская культура, также восходящая к «киевской». Позднее в лесостепном Правобережье в VIII—X вв. существовала т. н. культура Луки Райковецкой — наследница пражской культуры, приписываемая летописным древлянам, в Левобережье —роменская культура северян. Культура собственно киевского региона в VIII—IX вв. — т. н. волынцевская — синтезировала черты славянских и степных — объединенных в это время Хазарией — культур (ср. [*Гавритухин*, *Обломский* 1996, 140 и сл.]). Это «центральное» (на пересечении разных зон) и одновременно маргинальное положение Киева аналогично такому же положению северного центра будущей Руси — Новгорода, расположенного, как и Киев, на важнейшей речной магистрали — Волхове, где, по летописи, сосредоточивались интересы не только словен новгородских, но и кривичей и даже финно-угорских — чудских племен, собственно чуди и мери, а по данным языкознания, складывался особый смешанный тип говоров. Можно заметить, что это свойство всякой столицы, в силу своего «административного» положения становящейся новым «Вавилоном», центром смешения «языков», но появление древнерусских столиц на Днепре и Волхове было как бы запрограммировано самим процессом славянско-

го расселения. Сам Дунай был одновременно и границей и центром этого расселения.

Итак, к VI в. в Центральной и Восточной Европе складывается славянская этнолингвистическая общность, которую можно считать *метаэтнической* или *суперэтнической общностью.* Термин *суперэтнос*, широко используемый Л. Н. Гумилевым для обозначения самых разных этнических (например, франки), конфессиональных («христианский суперэтнос», «мусульманский суперэтнос») общностей и т. д. (ср. *Гумилев* 1989, 55 и сл.), применим прежде всего к тем объединениям, которые включают несколько этносов (таковы племенные группировки славян), но сохраняют общее самоназвание. Внутриэтнические связи таких общностей, как правило, слабы, и особое значение для сохранения их общего самосознания имеет противостояние иноэтничным и инокультурным объединениям. К таким суперэтническим общностям можно в большей или меньшей мере относить уже объединения скифов и сарматов (аланов), распавшиеся еще в древности, но славяне сохранили свое суперэтническое (и лингвистическое) единство до наших дней.

ПЕРВЫЕ СОБЫТИЯ СЛАВЯНСКОЙ ИСТОРИИ. АВАРЫ И ВОЛОХИ В ЛЕТОПИСНОМ ПРЕДАНИИ

Нестор не был первым историком, писавшим о славянах, — имя славян появилось на страницах византийских и западноевропейских хроник в VI—VII вв., когда из балто-славянской периферии позднеантичного мира они прорвались на границы раннесредневековой цивилизации. Но перед русским летописцем стояла задача «повышенной сложности», ибо в его источниках — византийских хрониках Иоанна Малалы, и прежде всего Георгия Амартола, славяне и Русь не считались принадлежащими всемирной истории. Конечно, они упоминались в хронике того же Амартола и Продолжателя Феофана как угрожающие Византии варвары, но не были включены в круг цивилизованных народов, признаваемых библейской традицией (в ее антично-византийской редакции); они были скорее «возмутителями» всемирно-исторического процесса, чем его участниками.

Поэтому Нестор в космографическом введении к «Повести временных лет» использует библейскую традицию и помещает славян и русь среди народов — потомков Иафета (чего не было в его византийских источниках), повествует о расселении потомков Сима, Хама и Иафета после вавилонского столпотворения. «По мнозех же временех сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска» (ПВЛ, ч. 1, 11). После этого следует описание того, как расселяются славяне: снача-

ла упоминаются славяне, заселившие собственно дунайский бассейн, — морава, чехи, хорваты белые, сербы, хорутане (словенцы Карантании).

Этот список этнонимов обнаруживает все разнообразие формирования славянской этнонимии: моравы названы по реке, впадающей в Дунай; *чехи* — славянский этноним, восходящий к праславянским словам (*чета, челядь, чадь* и т. п.), которые обозначают людей, народ; этникон *хорваты* имеет иранское происхождение, что позволяет связывать это племя с объединением антов, наименование которых также считается тюркским, иранским или даже индо-иранским (см. выше), — это славянское племенное название сближается с этнонимом *сарматы*. Иранским иногда считают и имя сербов, хотя известны и славянские этимологии; хорутане в летописи поименованы по названию княжества, но сами называли себя словенцами (немцы же именовали их вендами: ср. о славянской этнонимии — [*Иванов, Топоров* 2000; *Трубачев* 2002; *Попов* 1973, 38 и сл.; *Агеева* 1990, 32 и сл.]).

За списком дунайских славян у Нестора следует рассказ о первом историческом событии в славянской истории: нашествии волхов (волохов) на «словен дунайских». Из-за чинимых волхами насилий славяне стали расселяться к северу и северо-востоку — севшие на Висле прозвались ляхами, «и от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне». Так же, пишет Нестор, появились славяне и на Днепре — поляне и древляне, между Припятью и Двиной — дреговичи, на Двине — полочане; славяне же, которые сели у Ильменя, прозвались «своим именем» — словене, севшие на Десне — северяне.

В космографической части летописи нет погодных дат, поэтому интерпретация начального события славянской истории зависит от того, кого следует понимать под волхами-волохами. В самом широком смысле в славянской традиции это романоязычные народы, от румын-влахов до итальянцев. Собственно, этот этноним имел ту же историческую судьбу, что и упомянутый этноним *венеты* и синонимичный ему во многих отношениях этноним *галлы* (кельты): восходящий к древнему обозначению романизированного кельтского (галльского) племени вольки (volcae), обитавшего на Среднем Дунае, он стал отмечать в целом те же границы расселения галлов-кельтов в пределах Римской империи от Балкан (Валахия) до Франции (Валланд скандинавских средневековых источников) и Британии (Уэльс; ср. сходное германское обозначение романизированных кельтов — *Walhoz, восходящее к тому же этнониму [*Иванов, Топоров* 2000]). Напомним, что и этноним *словене*, самоназвание славян, так же закрепился на крайних рубежах их расселения — на Дунае и на Новгородском севере, равно как и данное извне название *венды — венеды*.

Исследователи, прямо соотносившие летописное повествование с древнейшими известиями о натиске славян на Византию в VI в., считали, что под волохами следует понимать романоязычное население Ви-

зантии или греков-ромеев в целом (ср. [*Королюк* 1985, 161—162])[4]. Однако греков-ромеев невозможно представить в качестве «находников» или «насильников» над славянами: все было как раз наоборот, и попытку империи перейти в контрнаступление против славян и аваров в конце VI в. едва ли можно считать успешной — во всяком случае она не привела к массовому отступлению славян из дунайского бассейна.

Для понимания того, кем были *волохи* русской летописи, необходимо прежде всего обратиться к контексту летописной истории славян на Дунае. Уже в датированной части летописи, а не в космографическом введении, под 898 г. Нестор рассказывает о походе угров-венгров с востока мимо Киева и через Карпатские — Угорские — горы на Дунай: «и почаша воевати живущая ту волохи и словени. Седяху бо ту преже, и волохове прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» [ПВЛ, 15]. Венгры-угры действительно обрели свою новую родину на Дунае в бывшей римской провинции Паннония на рубеже IX и X вв. в войнах с Византией и германскими королями — наследниками Франкской империи Карла Великого. Кочевники-венгры подчинили живущих в Паннонии славян, заимствовав у них многие навыки земледельческой культуры и многие слова, среди которых было и слово *олас* — ‘влас, влах, волох’, означавшее ***франков*** (равно как и титул «король», восходящий к имени Карла Великого). Власами, влахами издревле называли франков оказавшиеся под их властью хорваты и словенцы (ср. [*Шушарин* 1997, 185]). Значит, речь в летописи идет о волхах-франках, уничтоживших в конце VIII в. Аварский Каганат и подчинивших славянские племена, ранее попавшие под власть авар (ср. [*Шахматов* 1919, 25—26]). Фрагмент латинских анналов повествует о походе Карла Великого в славянские земли к востоку от Эльбы: «В 789 году был король Карл в Склавании, и пришли к нему короли славян Драгит и сын его, и другие короли [...] с остальными королями винидов; и он пошел до реки Пене и подчинил эти племена свой власти, и возвратился во Франкию» [Свод, т. 2, 447].

Мы видим, что составитель франкских анналов использует традиционные обозначения славян — греческое *склаваны*, восходящее к самоназванию

[4] Попытки археологов усмотреть в раннесредневековых древностях Карпато-Дунайского региона присутствие древнероманского населения — предков румын-влахов (ср. [*Седов* 2002, 428—429]) противоречат данным источников, — этникон «влахи» до конца XII в. обозначает пастушеские этнические группы романоязычного населения на Балканах [*Литаврин* 1999, 130—166], эти влахи никак не могут соотноситься с летописными «насильниками» над славянами. С еще большими несообразностями связано представление о летописных волохах как собственно о кельтах-вольках [*Трубачев* 2002, 350]: это привело бы к предположению, что венгры (летописные угры) только в конце IX в. изгнали кельтов из Паннонии...

словене, и латинское *виниды* — венеды. И хотя Карлу оказались подчинены не все славянские племена, а лишь западная их часть, примыкавшая к границам Франкского королевства, этот период действительно оказался существенной вехой в истории славян. Существенность «франкского влияния» на развитие славянских земель все в большей мере подтверждается данными археологии: распространением франкских погребений с мечами и шпорами, характерных для франкских дружинников не только каролингского, но и меровингского времени. Нашествие «волохов» на славян можно относить, таким образом, к VIII в.

Но тогда выясняется, что из последовательного летописного повествования о расселении славян выпадает начальный — аварский — период. С конца VI в. авары вместе со славянами атакуют Византию и создают каганат в Подунавье, в Паннонии: собственно авары и были главными врагами франков-волохов в Центральной Европе. Это парадоксальное игнорирование аваров находит, однако, объяснение в летописном контексте. После описания расселения славян в Восточной Европе и упоминания других «языков», «иже дань дают Руси», Нестор возвращается к дунайской истории, а именно к кочевникам — болгарам, пришедшим из Причерноморских степей — «от скифов, то есть от хазар», — и уграм, которые унаследовали славянскую землю на Дунае. Известия о болгарах и уграх основаны на данных хроники Амартола — тюркоязычные кочевники хазары, вытеснившие болгар из Восточной Европы, отождествлены там со скифами, «северными варварами», со времен Геродота известными греческой историографии. К этим данным примыкает и известие об ***аварах-обрах***, но оно сводится к эпическому сюжету. Обры воевали со славянами и примучали племя дулебов, запрягали в свои телеги дулебских жен; из концовки повествования, где говорится о том, что обры были велики телом и умом горды и «Бог потреби и (истребил их)», ясно, что для летописца авары — уже эпическое племя великанов, практически не имеющее отношения к тем историческим реалиям, которые сохраняются в Подунавье — к Болгарской и Угорской землям (см. ниже). История же, судя по ремарке Нестора, продолжается дальше, когда приходят печенеги и угры, уже при русском князе — Вещем Олеге.

Показательно, что известие о хазарах также помещено в космографической части летописи, увязано с расселением славян и сводится к эпическому сюжету. После расселения полян на киевских горах и смерти легендарных братьев — Кия, Щека и Хорива — поляне «быша обидимы» древлянами и другими соседями. Тогда к ним явились хазары и стали требовать дани. «Съдумавше же поляне и даша от дыма меч». Хазарские старцы предрекли недоброе от такой дани, ибо сами хазары «доискались» ее саблями, обоюдоострые же мечи свидетельствуют о будущем господстве данников над угнетателями. «Яко же и бысть, — говорит Нестор, — володеють бо козары русьскии князи и до

днешнего дни» [ПВЛ, 12]. Это предание о хазарской дани завершает космографическое введение. Далее следует собственно историческая часть — погодные записи о начале Русской земли в царствование императора Михаила (852 г.), о его победе над болгарами (858 г.), наконец, о дани, которую брали варяги на севере Восточной Европы с чуди, словен, мери и кривичей, и хазары — на юге — с полян, северян и вятичей (589 г.). Но это была уже не эпическая дань «мечами», а историческая «мехами» — хазары брали «по белеи веверице (белке) от дыма» (хозяйства).

Таким образом, эпохи аварского и хазарского господства над славянами отнесены Нестором к доистории — история начинается тогда, когда появляются исторические (византийские) свидетельства о Руси. Характерно, что не только в древнерусской, но и в старопольской традиции авары-обры наделялись обликом допотопных — доисторических — исполинов: такова была эпическая традиция не у одних славян, которые на Балканах могли именовать великанов элинами (эллинами — древними греками) или даже латинами (крестоносцами-латынянами — [ЭССД, т. 1, 301—302]), но и у других народов.

Конечно, историческая роль этих народов не сводилась к функциям эпических противников славян: те же авары (как позднее болгары и хазары) были не только врагами и угнетателями, но и союзниками славян в общем натиске на Византию — вместе они прорвали дунайский лимес в начале VII в., вместе осаждали Фессалоники и ходили походом на Царьград — Константинополь. Об этом союзе и противостоянии славян и кочевников пойдет речь ниже (главы IX—X). Сейчас уместно заметить, что вторжение авар на славянские земли также послужило очередным импульсом для расселения славян не только на Балканах, но и к северу, в Польшу до Мазурии, как о том свидетельствуют находки славянских пальчатых фибул и собственно аварских вещей — характерных для кочевников металлических украшений поясов и конской сбруи. Обычай воинов-степняков носить украшенные красивыми бляшками и наконечниками пояса широко распространился у славянских народов в раннем Средневековье и сохранился в Великой Моравии после гибели Аварского каганата. Кочевнические пояса, франкские мечи и шпоры стали характерным атрибутом дружинников первых славянских государств. Равным образом и социальная лексика славян впитывала иноязычные влияния — титулы *жупан* и *бан*, обозначавшие правителей областей у южных славян и в Моравии, очевидно, имели аварское происхождение, но высшим титулом стал не титул аварского кагана, а титул, восходящий к имени победителя авар Карла, — *король*.

Столкновение славян с Аварским каганатом и империей Каролингов способствовало не только дальнейшему расселению в Восточной Европе вплоть до Новгородчины и этнической дифференциации сла-

вянских племен, но и сохранению общеславянского самосознания, донесенного Нестором.

* * *

Обры-авары и Дунай вошли в славянскую эпическую традицию как племя великанов и легендарная река, относящиеся к предыстории, эпохе перехода от мифоэпического периода к историческому. В связи с этим нельзя не вспомнить еще один архаичный эпический сюжет, характерный для этнического самосознания славян (в том числе русских). В европейском фольклоре поколение великанов исчезает тогда, когда на земле появляется поколение настоящих людей (в отличие от библейского сюжета эти поколения не разделены потопом). Как правило, это пахари: их появление знаменует конец доисторической эпохи — эпохи господства грубой сверхчеловеческой силы, не связанной с достижениями человеческой культуры, в том числе правильной и искусной обработкой земли. Этот сюжет хорошо известен русскому эпосу: в былине о великане Святогоре и Микуле Селяниновиче богатырь не может поднять «сумы переметной», которую несет крестьянин Микула. В суме заключена тяга «матери сырой земли», неподвластной первобытному великану, ей владеет простой человек — пахарь.

В этом отношении характерно сохранившееся в памяти русских людей и донесенное летописью предание о дулебских женах, которых мучили обры — запрягали их в свои арбы: праславянское слово *иго*, которым в древней Руси обозначали и гнет, насилие, первоначально значило 'ярмо, воловья упряжь' [*Журавлев* 1996, 143]. Видимо, в летописи мы имеем дело с фрагментами «земледельческого» эпоса, где эпические враги используют женщин в качестве тягловых животных, налагая на них ярмо — «иго». Обычай брать дань с плуга — с «рала» — подкреплял это значение.

Но, как мы видели, земледельческая традиция в эпосе славян была связана отнюдь не с мотивом гнета. Напротив, в тех же русских былинах о Микуле пахарь оказывался сильнее князя-чародея Вольги Всеславьевича — тот со всей своей конной дружиной не может угнаться за оратаем, пашущим в поле, княжеские богатыри не могут вытащить его сошника из земли. Конечно, этот сюжет можно рассматривать как отражающий мировоззрение крестьян Русского Севера. Но независимый средневековый источник — младший чешский современник Нестора хронист Козьма Пражский — рассказывает предание о том, как чехи выбирали себе князя, и выбор пал на пахаря Пшемысла — у него в руках расцвела ветвь, которой он погонял волов во время пахоты [*Козьма* I, 6]. Крестьянское происхождение — от гостеприимного оратая Пяста — имела и польская княжеская династия; согласно хронике Галла

Анонима [I, 2—3], князь Попель не пригласил к пиршественному столу двух чужестранцев (тяжкий грех по традиционным представлениям славян о гостеприимстве), и их приютил бедный пахарь, внуку которого и был уготован княжеский престол. В средние века герцог — правитель словенской области Каринтия (земля летописных хорутан) — наряжался в крестьянскую одежду, прежде чем воссесть на престол. Марко Кралевич, герой-воин сербских юнацких песен, слушает попреки матери, которая устала стирать его окровавленные после боев рубашки, и отправляется на пахоту. Правда, он распахивает дорогу, по которой едут янычары, и побивает их плугом [*Вук Караджич* 227—228], но и здесь очевидно противопоставление пахаря воинам-завоевателям. Представления об изначальности крестьянского труда и о том, что пахарь выше князя-воина, оказывается присущим, таким образом, всем ветвям славянства —восточной, западной и южной. Конечно, и для праславянского общества было характерно презрительное отношение аристократии и воинов к земледельцам — смердам («смердящим» — ср. библейский мотив расплаты за грехопадение: «В поте лица твоего будешь есть хлеб»; Быт. 3.19), но и в Средние века князья должны были проявлять заботу о кормильцах-смердах. Недаром в русской средневековой традиции (во всяком случае с XV в.) земледельческое сословие стало называться крестьянами, то есть собственно христианами, истинно православным народом.

Можно считать рискованным возведение средневековых книжных легенд и тем более былинных сюжетов к праславянской древности, но славянская этнонимия — названия древних славянских племен — свидетельствует о существенности для самосознания славян земледельческой основы их хозяйства. Это относится к упомянутым этнонимам *поляне* (племена, обитавшие в Малопольше и Киевском Приднепровье), означавшим «поле, пахотные земли» (к нему восходит и название Польша), *ляхи* — польские племена, собственно поляки, *лендзяне* — данники Руси в пограничье Руси и Польши, чьи имена означают «лядь, расчищенную от леса под пашню землю». Ландшафт вообще был существен для древней славянской этнонимии: Нестор противопоставлял «смысленых» полян древлянам (*Деревам*), живущих «в лесех звериньским образом»; характерен и балто-славянский этноним *дреговичи (другувиты*), восходящий к обозначению *дрягва*, болота. Сходным образом, по предположению Р. Якобсона, этноним *чехи*, означавший «настоящий народ, чадь», противопоставлен имени *ляхи*, нового народа, заселившего пустошь — необработанную землю. Племенные обычаи затрагивали и традиции земледелия: сопки и длинные курганы — погребальные памятники новгородских словен и кривичей — располагались соответственно на возвышенностях и в низинах, отмечая предпочтение, которое отдавали эти племена разным почвенным условиям.

Со славянскими племенами распространились в Восточной Европе пахотные орудия (сошники, которые находят при археологических раскопках — см. [*Седов* 1982, 274]) и, стало быть, пашенное земледелие. Как уже говорилось, традициями хозяйства славян определялись не только возможности, но и необходимость освоения новых и новых земель — земледельческая колонизация. Дело не только в тех исторических импульсах к расселению, которые получили славяне на Дунае: само земледельческое хозяйство — подсека с выжиганием леса под поле и созданием плодородного, но быстро истощающегося пахотного слоя — обусловливало подвижность славянского быта, переход на новые земельные участки. Недаром Ключевский считал колонизацию «основным фактом русской истории» вообще.

Без этой земледельческой основы невозможно было существование и «кочевых государств» Евразии, и государственное развитие самой Руси.

Глава VIII

ТЮРКИ И НАРОДЫ СИБИРИ: ПРЕДЫСТОРИЯ И ВЫХОД НА ИСТОРИЧЕСКУЮ АРЕНУ. АВАРЫ, РАННИЕ БОЛГАРЫ И УГРЫ В ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

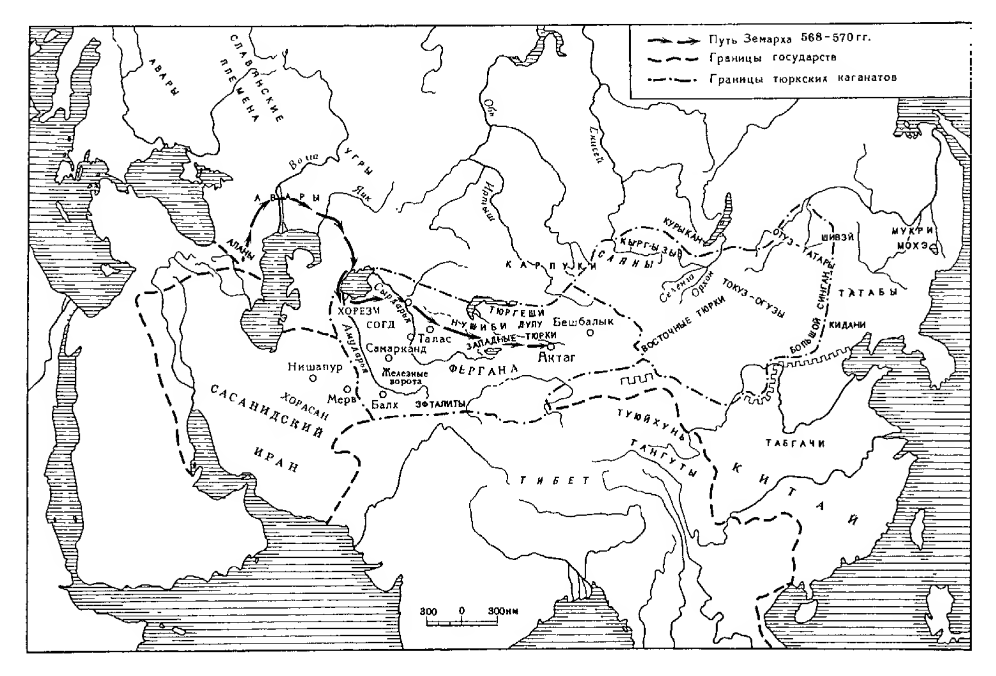
ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И МИГРАЦИИ ТЮРКОВ НА ЗАПАД

Тюркские народы попали на страницы всемирных хроник практически одновременно со славянами — во второй половине V — VI в. н. э. Переселение гуннов из Центральной Азии в Центральную Европу привело в движение все народы Евразии. Кочевые племена — иранские и тюркоязычные — продолжали свой натиск на Китай, Иран и Византию и могли именоваться по традиции *гуннами* (так *белыми гуннами* именовались ираноязычные племена *эфталитов*, занявшие в V в. бассейн Аму-Дарьи и столкнувшиеся с сасанидским Ираном); объединение таких «гуннов»-*савиров* существовало в V—VII вв. в Северном Дагестане, «стране гуннов». Волнообразное движение кочевников на запад, напоминающее «цепную реакцию», описано византийским дипломатом Приском, возглавлявшим в 448 г. посольство к Аттиле. В 463 г. в Причерноморье вторглись племена *огуров* (*урогов*), *сарагуров* и *оногуров*, которых вытеснили *савиры/сабиры*, тех же, в свою очередь, заставили двигаться на запад *авары*, которых теснили народы, живущие у океана — то есть на краю ойкумены. В Северном Причерноморье племена огуров и др., видимо, и создали объединение *болгар* — тюркоязычных «протоболгар» (см. ниже).

Главными источниками по ранней истории народов Евразии на Востоке стали китайские хроники: подобно античным авторам, описывавшим скифов и сарматов, китайские историки оставили описания быта и нравов «северных варваров» (см. подборку этих сведений: [*Бичурин* 1950—53; *Малявкин* 1989]).

По известиям китайских хроник восстанавливается процесс формирования тюркской суперэтнической или метаэтнической общности. В передвижения на востоке Евразии были вовлечены позднегуннские тюркоязычные племена, переселившиеся на территорию северо-западного Китая, но вытесненные оттуда в Турфанскую котловину на отроги Тянь-Шаня. Там они смешались с ираноязычными тохарами и, видимо, восприняли от них родовое имя *ашина*. Но здесь их подчинили себе племена жужан (жуань-жуаней), на западе известные как **авары**: ис-

следователи спорят о том, насколько верно это отождествление, равно как и о том, на каком языке говорили жужане (авары), тюркском или монгольском (ср. [*Кычанов* 1997, 74 и сл.]). Жужане вели войны с Китаем и уйгурами, создали обширное государство в Центральной Азии, их правитель как глава разноплеменного объединения впервые принял титул *каган* (к нему восходит и позднейшая форма — *хан*), приравнивавшийся в раннесредневековом мире к императорскому, претендовал на равноправные отношения с Китаем, основанные на договорах «о мире и родстве». Подчиненных своей власти *ашина* жужане переселили в 460 г. на Алтай. Там *ашина* прославились как кузнецы и возглавили объединение местных племен *тюрк*, получившее в китайских источниках VI в. наименование *туцзюе* (*тугю, тукю*), в арабских и европейских — тюрки [*Кляшторный*, *Савинов* 1994, 12 и сл.; *Кычанов* 1997, 94 и сл.]; эти племена, делившиеся в китайских источниках на восточных и западных тугю (западные включали 10 племен, в том числе тюргешей и др.), издревле контактировали с ираноязычными и — на севере — самодийскими соседями.

Первый Тюркский каганат и народы Евразии (по С. Г. Кляшторному). (История Востока. Т. 2. М., 1995. С. 62)

Согласно этногенетической легенде, донесенной китайскими источниками, племя Ашина — прародители тюрков — было истреблено врагами, уцелел лишь мальчик, которому отрубили руки и ноги (харак-

терный автохтонный миф — лишенный конечностей был прикован к «своей» земле). Мальчика выкормила волчица, ставшая его женой и бежавшая после его гибели в горы Восточного Туркестана, где родила десять сыновей — предков тюрков-ашина [*Бичурин* 1950, т. 1, 220 и сл.]. Волк был символом-тотемом многих тюркских народов, вплоть до половцев-кипчаков, хан которых выл по-волчьи перед битвой — ему откликалась волчья стая (по описанию русской летописи).

Сам этноним *тюрк*, по одной из версий, может свидетельствовать о традиционных связях тюркских и монгольских народов: его возводят к монгольскому слову *тюркюн* — «родня замужней женщины»; вероятно, по правилам экзогамии монголы брали жен из тюркских племен. Это обстоятельство может объяснять и те сложности, с которыми исследователи различают тюркские и монгольские племенные объединения гуннской и аварской (жужанской) эпохи. Слово *ашина* может означать синий (голубой) цвет: цветовая символическая классификация характерна для монгольских, тюркских и др. народов Востока — разными цветами обозначали разные стороны света, племена (в том числе *кёк тюрк* — ‘синие тюрки’) и государственные образования (вплоть до Синей и Белой — «Золотой» Орды в государстве Чингизидов [*Кононов* 1978]).

Тюрки-ашина смогли в VI в. подчинить себе часть другого объединения тюркоязычных племен — *теле* (огузов) — и восстали (552 г.) против жужан-аваров. Согласно китайским источникам, правитель тугю потребовал у кагана жужан руки его дочери, но тот заносчиво назвал его «простым кузнецом» («плавильщиком железа»), после чего и началась война [*Бичурин* 1950, т. 1, 228]. Презрительное отношение к покоренным и враждебным народам как к своим слугам и рабам характерно было для господствующих этносов раннесредневековых государств: первопредок самих жужан в китайских источниках именовался рабом [*Кычанов* 1997, 74], а татаро-монголы перед битвой на Калке (1223) отговаривали русских князей от союза с половцами-кипчаками, называя их своими «конюхами». Навыки в кузнечном ремесле (на Алтае, как и в Туве, обнаружено развитое железоделательное производство — плавильные печи, кузнечные мастерские) сыграли, видимо, не последнюю роль в исходе войны. Тугю сочетали гуннскую тактику конной войны с использованием железного доспеха — кольчуг и шлемов. Жужане были разбиты, большая их часть бежала в Северный Китай и Корею, прочие двинулись на запад, по пути гуннов, подчиняя и вовлекая в свое движение племена Евразийской степи. В 558 г. авары достигли дунайской границы Византии.

Правители *ашина* тем временем восприняли жужанский титул *каган*, подчинили себе монголоязычных киданей и тюркоязычных енисейских кыргызов (в Туве и Хакасско-Минусинской котловине), заставили выплачивать дань Китай и породнились с императорским домом. В китайских источниках тюрков сравнивали с гуннами, их правитель

именовался гуннским титулом *шаньюй*, а тюркские аристократы Ашина получали при императорском дворе высокие должности. Тюркский каганат разгромил государство ираноязычных эфталитов («белых гуннов») в Средней Азии, стал угрожать сасанидскому Ирану, завязал дипломатические отношения с его врагом — Византией и стремился к контролю над международной торговой магистралью, связующей Китай и Восточное Средиземноморье, — Шелковым путем. Менадр Протектор, византийский автор второй половины VI в., описал обмен посольствами между императором Юстином и каганом Дизибулом (Истеми): сам император расспрашивал посла кагана — согдийца Маниаха о власти тюрков над эфталитами и аварами, а в 586 г. отправил стратига Зимарха в ставку кагана на «Золотую гору» (Алтай). Зимарх сопровождал кагана во время его похода на персов, а затем направился в обратный путь через степи к Атилю (Волге), где подвластный тюркам предводитель местных угорских (?) племен предупредил посольство о засаде, устроенной персами. С большими опасениями посольство двинулось к Алании на Северном Кавказе, где их встретил дружественный правитель; после этого Зимарх достиг берегов Понта. Власть тюрков простиралась, таким образом, до Северного Кавказа и Причерноморья (отношения тюрков с кавказскими аланами неясны). Глава Тюркского каганата именовался «каганом десяти племен» — деление, соответствующее этногенетическому мифу о десяти потомках волчицы, но в исторической реальности это была уже военно-административная система, где племенное объединение подчинялось традиционной для кочевых «империй» (начиная с гуннской эпохи) десятичной организации войска (десятки, сотни, тысячи, тумены-тьмы).

Огромное объединение — «кочевая евразийская империя» (см. Кляшторный 2003), простиравшаяся от Маньчжурии до Боспора Киммерийского, — было, естественно, непрочным и к концу VI в. распалось на Восточный каганат (в Центральной Азии) и Западный (в Средней Азии). Попытки государственных реформ в Восточном каганате с привлечением китайских и согдийских чиновников и увеличением налогового гнета привели к внутреннему кризису и вторжению китайских войск. В Западном каганате правитель пытался упрочить систему «десяти племен», или «десяти стрел», назначив в каждое племенное объединение члена своего рода — правителя с титулом *шад*, не связанного с местной племенной знатью: эта политика была характерна для раннесредневековых государств, стремящихся преодолеть племенной сепаратизм (в том числе для Руси). Западный каганат опирался также на земледельческое население и согдийские города в Семиречье, которых считал своими данниками — «татами».

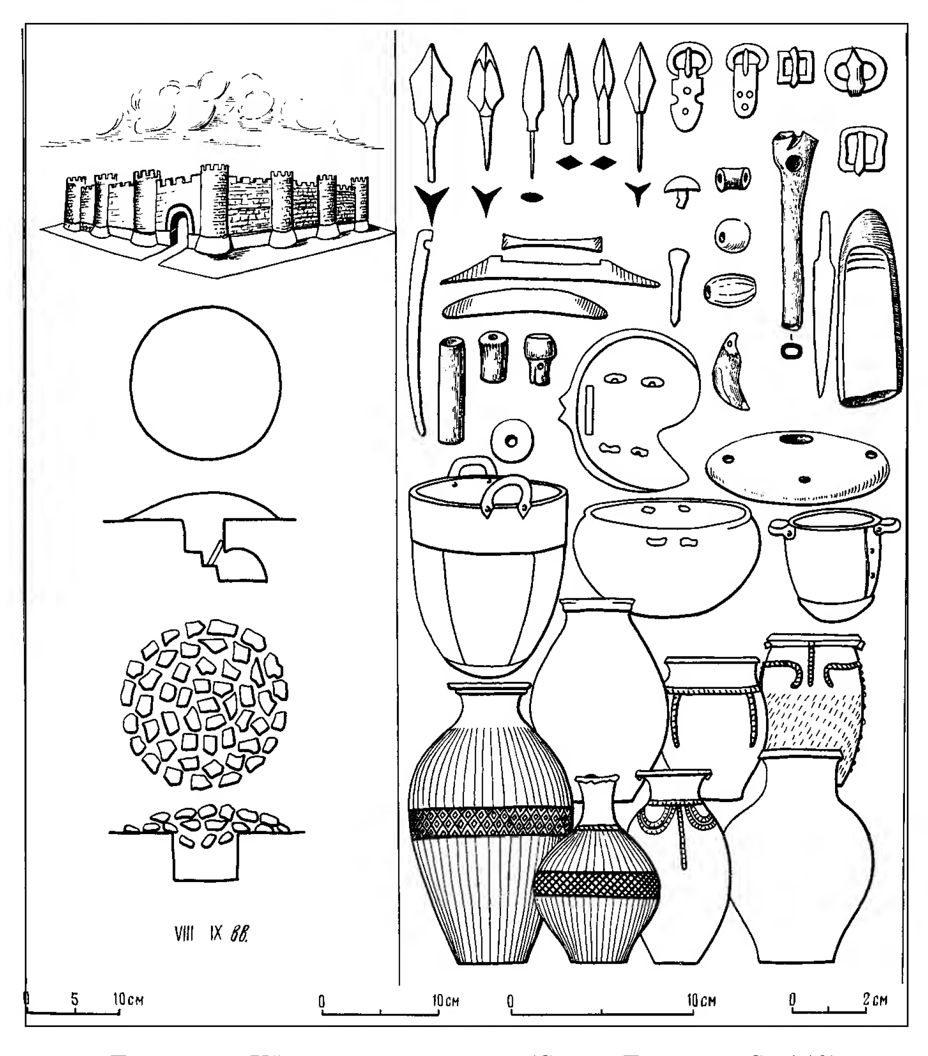
В тюркских каганатах — прежде всего среди правящих верхов — формируется специфическое осознание «сверхплеменного» (суперэтнического) единства тюрков, которое поддерживалось контактами с иран-

цами и византийцами, именовавшими все народы каганата тюрками. Это осознание выразилось в тюркских орхонских рунических надписях — поминальных похвальных словах тюркским каганам, высеченных на каменных стелах. Тексты, высеченные в 732—35 гг. в честь правителей Восточнотюркского каганата, повествуют о первых каганах VI в.: «Когда вверху возникло Голубое Небо, а внизу — Бурая Земля, между ними обоими возник род людской. И воссели над людьми мои пращуры (предки составителя надписи Йоллыг-тегина. — *В. П., Д. Р.*) — Бумын-каган, Истеми-каган. Воссев на царство, они учредили Эль (Государство) и установили Тёрю (Закон) народа тюрков...» (перевод С. Г. Кляшторного в книге: [История татар, 219; ср. там же, 410]). В енисейских рунах государство кыргызов именуется «божественным элем». Возникновение государства совпадает здесь с космогоническим актом, а тюркские каганы оказываются правителями всего человеческого рода, опираясь на тюркский племенной союз и суперэтническую общность — «тюркский народ». Соответственно, целью тюркского государства было установление порядка во вселенной — продолжение космогонического акта: Каганы «привели в порядок и устроили народы четырех стран света ... имеющих головы заставили склониться, а имеющих колени заставили согнуться». Помещение «своего» народа и государства в центр Вселенной — этнический (и государственный) эгоцентризм — было свойственно архаическим системам мировосприятия, в том числе и древним цивилизациям: ср. наименование Китая «Срединным царством» и т. п. Эти представления в немалой степени вдохновляли завоевателей, стремящихся покорить Вселенную и распространить свой «порядок». Существенно, однако, что «свой народ» в новой этногосударственной системе ценностей должен был подчиняться государственному порядку, но не племенным традициям; в тех же орхонских надписях о мятеже тюркского племенного объединения — токуз-огузов — говорится: «Народ токуз-огузов был мой собственный народ; так как Небо и Земля пришли в смятение, он стал нам врагом» (ср. [*Базен* 1986; *Кляшторный*, *Савинов* 1994, 79 и сл.; *Кычанов* 1997, 96 и сл.]). Отсюда характерное для тюркской этнонимии уничижительное наименование мятежных, «отколовшихся» племен (ср. ниже о болгарах, кипчаках и т. п.).

Немаловажным для становления тюркского самосознания, как и для самосознания славян и других народов, было столкновение с миром древней цивилизации. Когда в ставку кагана Бумына на Алтай прибыл китайский посол (545 г.), тюрки, по свидетельству китайского автора, поздравляли друг друга и говорили: «Теперь наше государство будет процветать. Ведь к нам приехал посол великого царства!» Вскоре, однако, тюркские каганы заставили Китай платить им дань и стали уничижительно именовать китайских правителей «сыночками» — вассалами [История татар, 222].

Внутренние распри, восстания подвластных тюркоязычных племен, прежде всего тех, что входили в объединение *теле* — огузов, уйгуров (токуз-огузов), карлуков, а также енисейских кыргызов и курыканов, — постоянные войны с Китаем, наконец, начавшееся в VIII в. арабское завоевание Средней Азии привели к распаду Тюркских «империй».

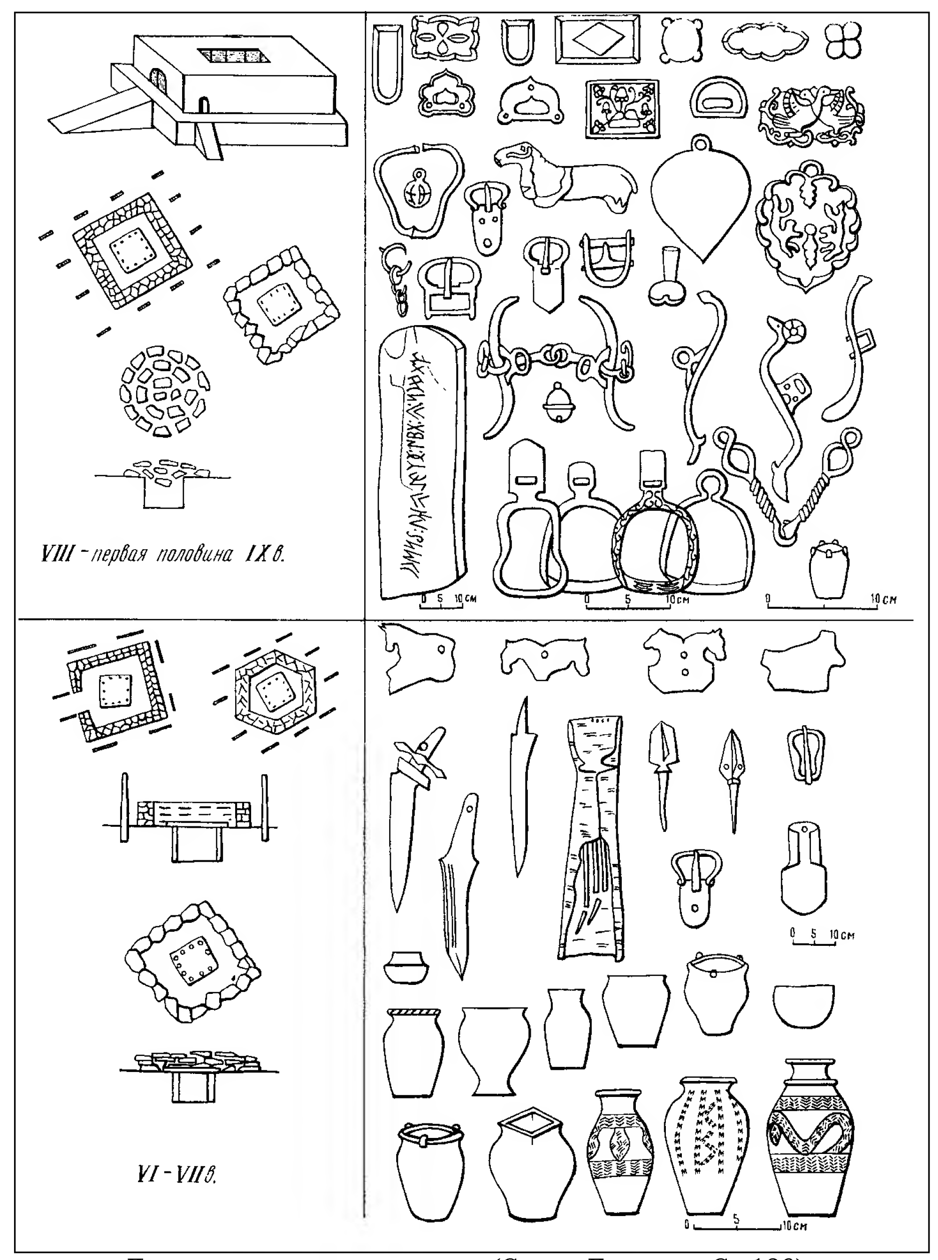
Усилившееся в Центральной Азии к середине VIII в. объединение **уйгуров** подчинило себе тюркоязычное население Тувы (*чики*), разбило союзных ему енисейских кыргызов и карлуков, на востоке в Монголии — монголоязычных татар. На смену Тюркскому пришел Уйгурский каганат, в 787 г. заключивший договор о вассалитете с Китаем (за

Древности Уйгурского каганата (Степи Евразии. С. 140)

кагана была выдана принцесса из правящего дома Тан [*Кычанов* 1997, 123]) и простиравший свою власть от Монголии (столица располагалась на р. Орхон) до Тувы. В Туве были построены согдийскими архитекторами крепости и замки из сырцового кирпича и глинобитные, туда был назначен наместник и правители отдельных районов (*ышбары, тарханы*). В систему укреплений входила также стена, призванная защитить каганат от натиска северных племен. И здесь укрепления не смогли спасти древнее государство от военной опасности: Уйгурский каганат пал под натиском енисейских кыргызов в 840 г. (*Кызласов* 1979).

Енисейские кыргызы (киргизы) населяли Хакасско-Минусинскую котловину с гуннской эпохи и были упомянуты в китайских источниках под именем Хагас, Хягас (к нему возводится современное наименование Хакасия, хакасы). Считается, что тюркоязычные кыргызы смешались на Енисее с иноязычными соседями — предками кетов (известными по китайским источникам как *динлин*), сформировался и смешанный антропологический тип, сочетающий признаки европеоидной и монголоидной расы. Это объединение, возможно, существовало еще в гуннскую эпоху и оставило таштыкскую культуру. Сам широко распространенный этноним *кыргыз, киргиз* (от тюркского *кыр* — ‘поле’ и *гизмек* — ‘кочевать’) означает степных кочевников. Но кыргызы сумели создать на периферии степных «империй» достаточно прочное государственное образование как раз потому, что основой его экономики было не только традиционное скотоводство, но и ирригационное земледелие (сохранились следы оросительных систем); жили кыргызы не только в переносных юртах, но и на постоянных поселениях, в срубных домах, крытых берестой. Известны и остатки пограничных крепостей, а также деревянного городка, посреди которого на каменном стилобате было построено из сырца дворцовое здание; Л. Р. Кызласов интрепретировал его как манихейский храм-дворец: дуалистическая манихейская религия была распространена у тюркских народов (особенно у уйгуров) благодаря согдийскому культурному влиянию. Другое дворцовое сооружение из сырцового кирпича — прямоугольный замок с четырьмя башнями с восточной стороны — приписывается самому Кагану. Государственный аппарат включал чиновников шести разрядов (по китайскому образцу [*Кычанов* 1997, 124—125]). Власть государства кыргызов простиралась в период расцвета от Байкала до Иртыша, Алтая и Саянских гор, правитель претендовал на титул кагана, знать накопила богатства, которые обнаруживают во время раскопок характерных каменных курганов, окруженных несколькими менгирами (стоячими камнями) — чаатасов, что значит по-хакасски ‘камень войны’ (драгоценная посуда, украшения поясов и конской сбруи и т. п.). Вокруг чаатасов под курганами хоронили рядовых кыргызов. Караванные пути связывали землю кыргызов со Средней Азией, странами Арабского Халифата (изображения верблюдов сохранили петроглифы); изделия минусин-

Древности культуры чаатас (Степи Евразии. С. 136)

ских ювелиров обнаруживают и на Руси (Гнездово, Новгород). Подвиги кыргызских героев восхваляли рунические надписи (т. н. енисейские руны) на поминальных камнях — стелах. Несмотря на то, что уйгурам

и киданям удалось вновь вытеснить кыргызов за Енисей, их государство просуществовало еще несколько столетий, до монголо-татарского завоевания.

Среди объединений тюркских (телеских) племен Восточной Сибири древними источниками упомянуты ***курыканы*** (*гулигань* китайских хроник), живущие на Ангаре. Им приписывается курумчинская культура VI—X вв. в Прибайкалье (А. П. Окладников). Вопреки описанию Гардизи, арабского автора второй половины XI в., где в соответствии с распространенной архаичной традицией курыканы противопоставлены кыргызам как живущие в лесах и болотах дикари, не понимающие чужих языков, это объединение вело оседлый или полуоседлый образ жизни, основанный на комплексном хозяйстве — пашенном земледелии (главная культура — просо) и скотоводстве (мелкий и крупный рогатый скот, лошадь, верблюд). Кроме постоянных поселений с землянками и полуземлянками для них характерны городища-убежища, где можно было укрыть от врагов людей и скот. Могилы курыканы устраивали в виде конических юрт, сложенных из каменных плит. Известно было им и енисейское руническое письмо. Курыканам приписываются знаменитые памятники древнего наскального искусства — Ленские писаницы. Миграции тюркоязычных объединений на север Восточной Сибири предшествовали сложению этноса **якутов**.

Миграции тюркоязычных племен степи затронули лесостепь и повлияли на этническую историю племен тайги I тыс. н. э. В процессе этнокультурного взаимодействия происходит частичная тюркизация ***угорского*** населения в Зауралье и междуречье Оби и Иртыша кетоязычного и особенно ***самодийского*** населения в Среднем и Верхнем Приобье. Видимо, под давлением тюрков самодийцы (самоеды) расселяются в VII—IX вв. на Севере, в тайге и тундре, и на Саяно-Алтайском нагорье [*Могильников* 1974]: так, в этногенезе тувинцев-тоджинцев и тофаларов — оленеводов Саян, наряду с самодийскими и кетоязычными группами, принимают участие тюрки *туба*. Вероятно, ранее — в начале н. э. — началось продвижение кетов на Енисей, вклинившихся в этнический ареал уралоязычных народов (ср. [Первобытная периферия, 147 и сл.]). Шире распространяются навыки производящего (скотоводческого) хозяйства у охотников и рыболовов южной части тайги. В Приобье складываются археологические культуры (потчевашская, кулайская и др.), которые увязываются археологами с самостоятельными обско-угорскими (ханты, манси) и самодийскими (селькупы, ненцы) этносами.

На Дальнем Востоке тюркское влияние было ощутимо в культуре ***тунгусо-маньчжурских*** племен. Китайские хроники VII в. сообщают о живущих в Забайкалье племенах оленеводов *увань* — его сближают с самоназванием тунгусов *эвенки*. Увань, видимо, входили наряду с родственными племенами *мохэ* и чжурчженей — предков маньчжуров — в объединение племен *хи*, сформировавшееся еще в хуннскую (гунн-

скую) эпоху [*Туголуков* 1980]. На основании данных исторической ономастики Г. М. Василевич предположила, что тюрки разделили пратунгусов во время своей миграции в Забайкалье. При этом передвижения самих тунгусских племен, видимо, способствовали дальнейшему расселению ***палеоазиатов*** на Крайнем Севере. Наиболее изученной остается эскимосская древнеберингоморская культура I тыс. н. э. [*Арутюнов*, *Сергеев* 1969]: э***скимосы***, как и другие палеоазиаты, относились к представителям хозяйственно-культурного типа морских зверобоев: они создали гарпуны с костяными поворотными наконечниками, специфические типы кожаных лодок-каяков и меховой одежды. Раскопками на Чукотке (поселение Эквен) открыты многочисленные предметы декоративно-прикладного искусства 1 тыс. до н. э. — 1 тыс. н. э.: резьба по кости — традиционное искусство эскимосов и палеоазитов. Миграции тунгусов привели к усвоению палеоазиатами новых культурных навыков; характерные черты материальной культуры, известные по данным этнографии, — свайные летние жилища, лодки-долбленки — роднят ***коряков, ительменов*** и тунгусоязычные народы Приамурья; оленеводство было заимствовано ***чукчами*** и коряками у северных тунгусских народов (эвенов) [*Гурвич* 1980, 218 и сл.]. Считается, что племена ***мохэ*** участвовали в этногенезе тунгусоязычных охотников и рыболовов Нижнего Приамурья — предков нанайцев, ульчей, орочей, возможно, удэгейцев (ср. *Деревянко* 1981), сохранивших мохэские родо-племенные названия. Сами мохэ были пашенными земледельцами и скотоводами, разводившими преимущественно свиней и лошадей; десятки их поселений и городища IV—VIII вв. исследованы в Приамурье. Мохэ создали государство Бохай в северо-восточном Китае и южном Приморье (698—926 гг.): в долине р. Раздольной сохранились руины городов, крепостей, буддистских храмов; население жило в полуземлянках, отапливаемых канами. Культура Бохай испытывала влияние Китая, тюрков и других соседей. В X в. Бохай было разгромлено монголоязычными *киданями.* С этого времени начинается проникновение монгольских племен в Прибайкалье.

На юге, в Средней Азии, тюрки сами подверглись влиянию новой раннесредневековой цивилизации. В государстве Караханидов, основанном карлуками, и под давлением державы Саманидов тюрки приняли ислам (IX—X вв.), оставив традиционный культ Неба, воплощением которого был бог Тенгри (почитавшийся еще в гуннскую эпоху), и распространившееся у тюрков Центральной Азии несторианство (учение одной из раннехристианскх сект). Обращенные в ислам тюрки направляют оружие против соплеменников — язычников, кочующих на границах державы Караханидов. В это время (VIII—X вв.) в восточных степных регионах — на Алтае, в Прииртышье и Восточном Казахстане формируются объединения родственных племен кимаков и кипчаков, в Приаралье и Прикаспии — объединение гузов (западных огузов, узов,

торков), на Енисее упрочивается государство кыргызов, далее на западе — в Поволжье, Северном Кавказе и в степях Причерноморья — объединения болгар (протоболгар) и Хазарский каганат.

Предки ***кимаков*** (в арабских источниках — *йемеки*) входили в состав населения Западно-Тюркского каганата и кочевали в Прииртышье. Легенда, приводимая арабским автором Гардизи, связывает их родословную с предводителем «татар»: его младший сын бежал с любовницей-рабыней на некую реку, куда к нему явились «родственники татар» — 7 человек, имена которых стали эпонимами разных тюркских племен; среди них были и имена собственно *татар* и *кипчак*; рабыня вышла к ним и сказала: «иртыш» — «остановись» — отсюда название реки, где сформировалось объединение кимаков и кипчаков (характерный мотив реки как этнической границы, ср. Дунай в славянской традиции). Тюркский этникон *татары* означал в восточной (арабской) историографической традиции XI в. уже широкое объединение тюркско-монгольских племен Центральной Азии. Согласно той же традиции (Худуд-ал-Алам), кипчаки — народ более «дикий», чем кимаки: кимаки назначали к ним царя. Формирование кимако-кипчакского союза связывают с продвижением на Иртыш тюркоязычных (теле-уйгурских) племен, входивших в состав Уйгурского каганата: они оставили т. н. сросткинскую культуру IX—XI вв. (ср. [*Могильников* 1981, 44 и сл.; *Кляшторный*, *Савинов* 1994, 133 и сл.]). На востоке они соседствовали с енисейскими кыргызами. В X в. тюркоязычные племена, в первую очередь кипчаки, кочевавшие в степях Прииртышья и Северного Казахстана, продолжили движение на запад, где на границах Хазарского каганата уже враждовали гузы и печенеги, и в начале XI в. вышли в Поволжье.

Движение тюркских племен на Запад, в Закавказье и на Средний Восток на рубеже I и II тыс. н. э. во многом определяло политическую и этническую историю этих регионов. ***Гузы*** (западные огузы) были расселены Саманидами на Сырдарье как федераты, — чтобы защищать державу Саманидов от других тюрков [*Бартольд* 1963, 234 и сл.]. В союзе с кимаками и карлуками они вытеснили печенегов в Причерноморские степи и заняли их кочевья между Уралом и Волгой. Гузы продолжили миграцию в XI в. и сыграли значительную роль в этногенезе туркмен, азербайджанцев, турков и др. тюркоязычных народов. На западе евразийской степи племена гузов — узы (как называли их византийцы), торки русских летописей — вытеснили из Приаралья в Причерноморье печенегов, а затем сами были оттеснены кипчаками к границам Руси и стали федератами — союзниками Русского государства (летопись называет этих язычников-тюрков «своими погаными»). Господствующее положение в степях — вплоть до монголо-татарского нашествия XIII в. — заняли кипчаки (шары или сары восточных источников, куманы или команы западноевропейских, половцы русских

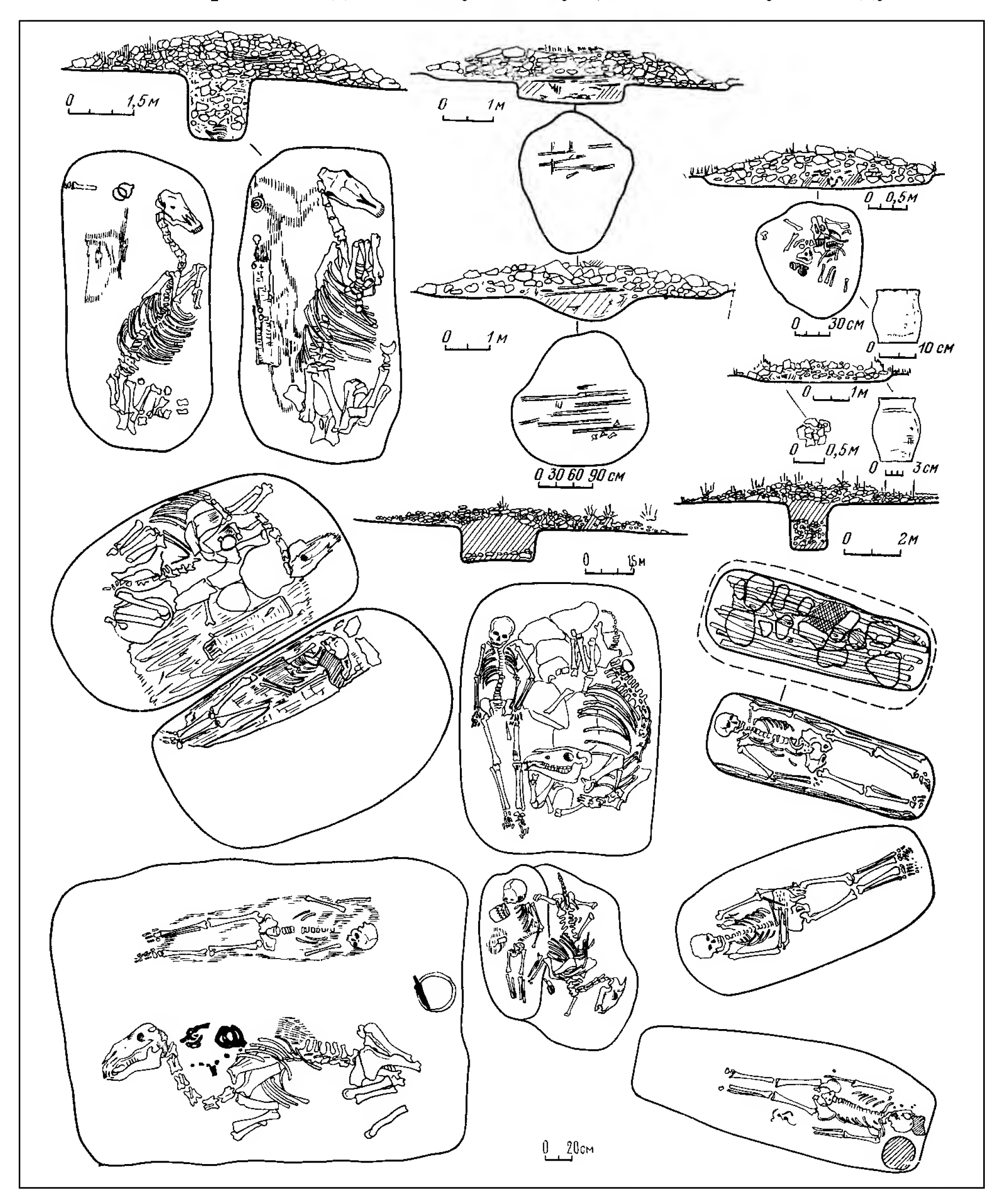
летописей), кочевья которых к середине X в. простирались до Поволжья, в XI — до Дуная: сама евразийская степь стала именоваться Дешт-и-Кипчак, Половецкое поле; лишь на востоке, в степной зоне между Северным Китаем и Восточным Туркестаном появляется наименование «Татарская степь» — там в IX—XII вв. формируется новое объединение тюркско-монгольских племен, называемых традиционным тюркским этниконом **татары**.

Само имя *кипчак* означает, видимо, ‘неудачливый, злосчастный, пустой человек’: по гипотезе С. Г. Кляшторного таким презрительным именем победители-уйгуры стали именовать одно из тюркских объединений — *сиров*, — некогда занимавших наряду с тюрками-ашина главенствующее положение в разгромленном уйгурами Тюркском каганате. Это парадоксальное для народа наименование вместе с тем характерно для исторической ономастики раннего Средневековья: ср. приводившиеся примеры противопоставления полян и древлян и даже чехов и ляхов в славянской этнонимии. Несмотря на презрительное наименование, потомки сиров кипчаки смогли возродиться после разгрома: их этноним в героическом эпосе тюркских (огузских) народов возводится уже к одному из соратников Огуз-кагана, эпического правителя и культурного героя тюрков, беку по имени Кывчак (прочие беки также получили имена, ставшие эпонимами огузских племен). Имя *кипчак* сохранилось в этнонимии многих современных тюркских народов (алтайцев, киргизов, казахов, узбеков) как родовое или племеное название — кипчаки приняли участие в их этногенезе, равно как и в этногенезе народов Северного Кавказа — ногайцев, кумыков, карачаевцев и др. Русское наименование кипчаков *половцы* связано с характерными для тюрков цветовыми этническии и географическими классификациями: цветовое обозначение «половый, светло-желтый», видимо, является переводом тюркского этнонима *сары*, *шары* — ‘желтый’).

Вообще этнонимическая номенклатура тюркоязычных народов оказалась чрезвычайно устойчивой, как и родоплеменное деление, и сохраняла не только собственно тюркскую, но и общеалтайскую этнонимию: так, этноним *китаи* (монголоязычные *кидань*) сохранился у тюркоязычных народов Средней Азии (узбеков, каракалпаков, туркмен, казахов); древний этникон *теле*, означающий колесный транспорт, повозку и народ, передвигающийся на телегах в тюркских и монгольских языках (ср. летописное предание о *телегах*, в которые обры запрягали дулебских жен), сохранился в этнонимии алтайцев (телеут, теленгит); у народов Южной Сибири сохранились и древние этниконы *тюргеш, туба, уйгур* и т. п., и, конечно, собственно *тюрк*.

Характерна также связь родоплеменного деления тюркских (и монгольских) племен с иерархизированной военно-административной организацией. В тюркском героическом эпосе об Огуз-кагане, вариант сюжета которого донесен средневековым историком монголов Рашид-

ад-дином, шесть сыновей Огуза нашли на охоте золотой лук и стрелы (ср. Скифский рассказ Геродота): лук получили старшие, составившие главное, правое, крыло войска, стрелы — младшие (левое крыло); такое деление известно было и монголам, сохранилось у туркмен и киргизов. Этногония тюрков свидетельствует о существовании у них дуальной

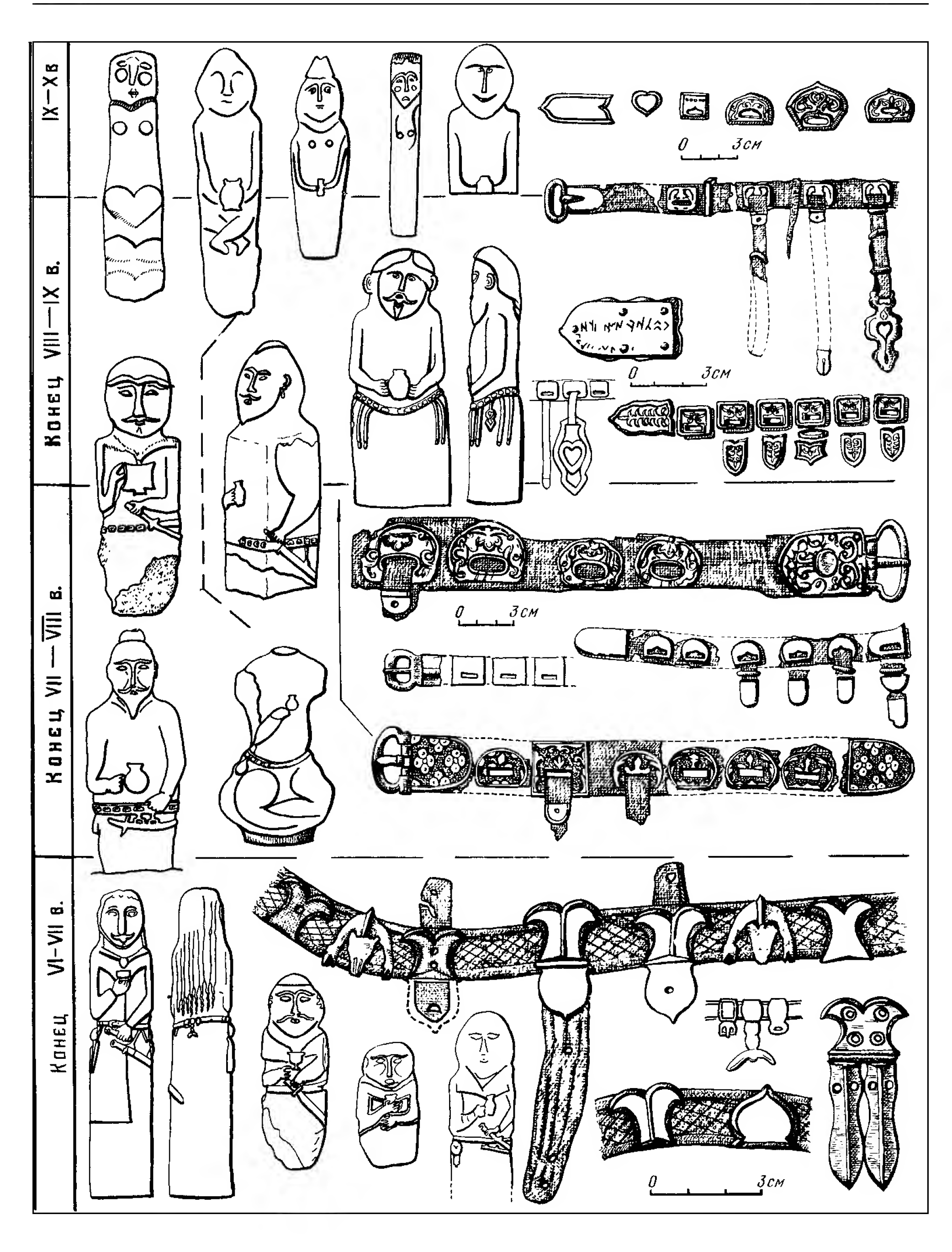

Погребальный обряд тюрков VI—X вв. (Степи Евразии. С. 121)

организации и непосредственно связана с космогонией: три старших сына Огуза родились от его брака с небесной девушкой и носили имена Солнце, Луна, Звезда; младшие дети родились от земной женщины и звались Небо, Гора, Море.

Уже говорилось, что древнейшие памятники тюркской письменности — орхонские рунические надписи также начинают повествование о власти каганов с мотива космогонии. Космогонический миф завершается переходом к «государственной» истории: такова характерная структура раннеисторических описаний (см. выше, в главе IV, о четырехугольной Скифии и т. п.); специфика исторического взгляда правителей «кочевой империи» — взгляда из безграничной евразийской степи — заключается в том, что государственный и космический порядок возможны тогда, когда весь обозримый мир оказывается подвластен кагану. Настоящий степной правитель должен править, «не сходя с коня». Социальная структура тюркского эля, судя по руническим надписям, напоминала трехчастные иерархии, свойственные многим, в том числе индоевропейским обществам: «каган — беги (аристократия) — народ». При этом эль включал многочисленные племена и роды, также различавшиеся по старшинству: государственная и родоплеменная структуры дополняли друг друга [История татар, 250 и сл.].

Помимо собственной рунической письменности, общетюркскую культуру характеризуют определенные достижения в области кочевого быта: с тюрками распространяется характерное переносное жилище кочевников — юрта, жесткое седло с подпругой и металлические стремена, а также новое оружие конного боя — палаш или сабля [*Вайнштейн* 1991]. Традиционным древним тюркским обрядом было трупосожжение: в могилу захоранивался пепел, рядом с погребением воина устанавливались камни-балбалы, по числу убитых им врагов (аллеи таких балбалов у тюркских правителей достигали 2—3 км, включали более 500 камней). Когда в первой четверти VII в. обряд изменился и тюрки перешли к трупоположению, их враги китайцы обратили на это особое внимание: «То, что они своих покойников, которых по обычаям следует сжигать, теперь хоронят и сооружают могилы, показывает, что они поступают вопреки предписаниям своих предков и оскорбляют духов» [История Сибири, 284]. Для китайцев, приверженцев культа предков, это было свидетельством упадка и даже причиной гибели Тюркского каганата. Для современных исследователей, в первую очередь для археологов, часто усматривающих за сменой обряда смену религиозных представлений или даже смену населения, важно, что в случае с тюрками ни того ни другого, видимо, не произошло. Полагают, впрочем, что обряд трупоположения распространился у алтайских тюрков-тугю под воздействием обычаев родственного центрально-азиатского объединения тюрков-теле (ср. [Степи Евразии, 31]). Со второй половины VI—VII вв. тюрки хоронили свою знать (мужчин и женщин) под курганами

Каменные изваяния и поясные наборы тюрков VI—X вв. (Степи Евразии. С. 128)

(само слово *курган* имеет тюркское происхождение) в сопровождении коня (иногда его чучела, когда мясо убитого животного приносилось в жертву богам, а голова и конечности покрывались шкурой). Тюрки сооружали также поминальные комплексы, не связанные прямо с погребением; поминальные комплексы каганов включали целые храмы (в Туве раскопан такой храм в виде восьмиугольной юрты), у рядовых воинов — каменные оградки; характерной чертой тюркской поминальной обрядности была установка балбалов и статуй — «каменных баб», — включавших и женские, и мужские изображения предков (ср. [*Шер* 1966]) с восточной стороны от культовых оградок. Памятники тюркской раннесредневековой культуры известны во всей евразийской степи, от Тувы до Подунавья; конечно, они различаются по стилю, вариантам обряда и т. п., как различались по культуре и разные объединения тюркских племен.

Непрочности «кочевых империй» соответствовала непрочность этнических связей внутри создаваемых ими этнополитических объединений. Сам этникон *тюрки*, ставший продуктивной основой для наименований многих тюркоязычных племен и народов, не был общим самоназванием населения Тюркского каганата: обобщающим этниконом он стал в византийской и средневековой арабской литературе, когда политоним (название государства) был распространен и на зависимые от каганата и родственные тюркам племена степей Евразии.

Более прочными становились те государства, где возможным оказывался синтез кочевой и оседло-земледельческой экономики, опирающейся на сеть городов — административных и торгово-ремесленных центров. Для начальной истории России и славянства характерны различные формы такого экономического и этнокультурного синтеза в послегуннскую эпоху.

РАННИЕ БОЛГАРЫ, АВАРЫ И УГРЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Распад Гуннской державы сопровождался отходом части кочевых племен из Подунавья на восток, в степи Причерноморья, и приходом новых номадов с востока; византийские источники долго продолжали именовать все кочевое население Центральной и Восточной Европы *гуннами* (равно как и скифами), хотя им известны были наименования отдельных племен, вступавших в контакт с империей. «Страной гуннов» с V в. называли и область савиров на Северном Кавказе, к северу от Каспийских (Железных) ворот (Дербента); во время походов в Закавказье и в результате постоянных контактов с христианскими странами — Грузией, Кавказской Албанией — в «стране гуннов» распространилось христианство [*Гмыря* 1995].

Прокопий Кесарийский [Война с готами, IV, 5.15 и сл.] рассказывает, как гунны-*утигуры* вернулись из Подунавья на свои земли к Меотийскому болоту, к западу от которого еще жили *кутригуры*, кочевавшие между Доном и Дунаем и совершавшие набеги на империю, а на Днепре — гунны-*акациры*. Дорогу к Меотиде утригурам преградили уцелевшие там готы (тетракситы), но противникам удалось договориться о союзе, и готы перешли вместе с гуннским народом на восточное побережье Меотиды, расселившись на берегу Понта, а утигуры заняли степи к северу. Императору Юстиниану удалось направить утигуров против родственных им гуннских племен кутригуров, те были разгромлены и подчинились империи, став ее федератами (впрочем, это не помешало им, воспользовавшись смутой в Византии, угрожать самому Константинополю в 559 г.). С помощью утригуров в первой четверти VI в. Византии удалось утвердиться в городах Боспора Киммерийского — ее союзниками здесь были остатки готов-христиан.

Проявляли активность в Северном Причерноморье и новые племена. Еще в 463 г. в Восточно-Римскую империю прибыли послы от племенного объединения, возглавляемого *сарагурами*, в которое входили также *огуры* (*уроги, огоры*) и *оногуры*: они покорили акациров, но просили империю о союзе, видимо, теснимые с востока очередной волной кочевников — ***савиров***, которых Прокопий, Иордан и другие авторы также относят к гуннам; савиры, в свою очередь, подверглись нападению аваров. Этникон *савиры*, вероятно, был известен еще Страбону (*савары*) — земли савиров лежали между Каспием и Доном, а ранее, возможно, в Сибири: иногда само название *Сибирь* возводят к имени савиров. Византийский историк конца VII — начала VIII в. Феофан именует их гуннами и рассказывает о набеге, совершенном ими в 516/517 г. через Каспийские ворота на Армению [*Чичуров* 1980, 49]. Савиры прочно обосновались на северо-восточных предгорьях Кавказа, вожди разных племенных группировок савиров ориентировались на союз с Ираном или Византией, получая деньги то от тех, то от других (см. Приложение, 6). Характерны их требования, описанные сирийским автором VI в. Захарией Ритором: послам шаха савиры, прошедшие Кавказские ворота и вторгшиеся в Иран, заявили, что им «недостаточно того, что дает ... персидское государство, как дань людям-варварам, изгнанным подобно диким зверям богом в северо-западную сторону. Мы живем оружием, луком и мечом и подкрепляемся всякой мясной пищей». Эти требования увеличить дань имели вполне определенные основания, ибо византийское посольство обещало «гуннам» большие выплаты, если те разорвут союз с персами [*Пигулевская* 2000, 546]. Но не менее важна и «этнокультурная» установка савиров (даже в редакции сирийца-христианина): они не желали мириться с тем, что их держат за «диких» варваров. Под влиянием местного населения часть «гуннов» перешла «от жизни в шатрах» к оседлому быту [История татар, 166—173, 194].

Неслучайна, вероятно, и христианизация части гуннов (по сведениям того же Захарии) — «варвары» приобщались к цивилизации.

В сложившейся ситуации конфликта с Ираном империя была заинтересована в союзе с объединением сарагуров (как позднее в союзе с Тюркским каганатом), и те, соединившись с соседним «гуннским» народом акацирами, пошли через земли аланов и Каспийские ворота (которыми мог именоваться и Дарьялский проход через Кавказский хребет — «Ворота аланов») в поход на традиционного врага империи. Объединение сарагуров, по-видимому, составило основу объединения ***болгар*** (булгар): уже в 480 г. император Восточно-Римской империи Зенон искал союза с ними против непокорных остготов, а в 501/502 г. они совершили набег уже на римские провинции Иллирик и Фракию. Против них и прочих варваров император Анастасий вынужден был построить в 512 г. «Длинные стены» от Мраморного моря до Черного, ограждающие центр империи. Болгары, которых Иордан помещал на восток от акациров, возглавили многочисленные племена, частью входившие в гуннский союз, частью подвластные некогда Тюркскому каганату: тех же огуров, оногуров (оногундуров), а также *утургуров* (*утигуров*), *кутургуров* (*кутригуров*) и др. Происхождение самих **болгар** вызывает споры в современной историографии. М. И. Артамонов [1962, 83 и сл.] и А. П. Новосельцев [1990, 72 и сл.] усматривали в этнонимии болгарского союза и в имени самих болгар этникон *угры* и считали этот союз объединением уральцев-угров, тюркизированных еще в эпоху переселения гуннов. С. Г. Кляшторный [История татар, 181] видит в этнониме *огур* архаичную форму тюркского этникона *огуз*: они были западной частью объединения тюркоязычных *теле*, обитавших первоначально в Казахстане и Джунгарии. Экспансия жуань-жуаней — аваров — заставила их двинуться на запад, сохраняя традиционные тюркские племенные наименования: *сар огур* — ‘белые огуры’, *он огур* — ‘десять (племен) огуров’; само название *болгары*, видимо, означает ‘отколовшиеся, мятежники’. Очевидно, что в состав объединения болгар входили не только тюрки и «гуннские» племена, в том числе ослабленные взаимными распрями утигуры (утургуры) и кутригуры (кутургуры), но и угорские и иранские племена: некоторые исследователи приписывают последним пеньковскую культуру VI—VII вв., считая *антов* потомками ираноязычного населения, подвергшегося славянизации (ср. [*Русанова* 1976, 111—112]). При этом пеньковская культура пережила нашествие аваров и продолжала существовать в VII в., в то время как имя антов исчезает со страниц источников с начала VII в.

Авары под натиском Тюркского каганата, как уже говорилось, двинулись на запад и во второй половине VI в. установили свое господство в степях Северного Причерноморья. Здесь они стали союзниками Ирана, и Византия использовала в борьбе с ними болгар: Кубрат (Куврат), представитель правящего болгарского рода Дуло, воспитывался в Кон-

стантинополе и даже принял там крещение в 619 г. Кубрат возглавил раннегосударственное образование болгар в Северном Причерноморье, центром которого считается древний город Фанагория, где с античной эпохи рядом проживали греки, евреи и степняки. Видимо, его власть простиралась до Среднего Поднепровья, где были обнаружены богатейшие комплексы — «клады», представляющие собой остатки поминальных или погребальных памятников кочевых вождей, в том числе т. н. Перещепинский клад, включающий конское снаряжение, оружие и драгоценную посуду сасанидского и византийского производства: находку у Перещепина считают могилой самого Кубрата. Болгарским центром в Среднем Поднепровье было торгово-ремесленное поселение — Пастырское городище. Великая Болгария распалась после смерти Кубрата в 660 г.: власть хана поделили пять его сыновей, а с востока началась экспансия хазар. Часть болгар, в том числе те, что перешли к оседлому и полуоседлому быту, остались под властью Хазарского каганата, составив наряду с аланами большую часть его населения. Кочевая орда болгар во главе с Аспарухом двинулась в Подунавье, где, объединившись с местными славянскими племенами, создала Болгарское государство на Балканах, признанное Византией в 681 г. Там болгары перешли к оседлому быту и усвоили славянский язык, дав свое тюркское наименование новому государству Болгария и славяноязычному народу, поэтому в современной науке тюркоязычных болгар Кубрата и Аспаруха принято именовать праболгарами или протоболгарами.

Другое объединение болгар отступило на север, в Среднее Поволжье и Прикамье. В IX—X вв. там образовалось государство Болгария Волжско-Камская, которое иногда именуют Булгарией, а ее население — болгарами или булгарами (см. ниже).

Тем временем ***авары*** продолжали продвигаться из Восточной Европы на запад и обосновались в Подунавье. В 558 г. их посольство явилось в Византию (Константинополь) к Юстининану, требуя денег и плодородных земель. «Весь город сбежался смотреть на них, — пишет византийский историк второй половины VII — начала VIII в. Феофан, — так как никогда не видели такого племени. Сзади волосы у них были очень длинными, связанными пучками и переплетенными (характерный для тюрков обычай заплетать волосы в косы. — *В. П., Д. Р.*), остальная же их одежда была подобна одежде остальных гуннов» [*Чичуров* 1980, 52]. В византийской историографии распространилось представление о том, что угрожавшие империи кочевники не были теми аварами (жуань-жуани), которые некогда господствовали в Центральной Азии: византийский историк первой половины VII в. Феофилакт Симокатта [книга седьмая, VII—VIII] писал о том, что обитавшие у реки Тил (Итиль — Волга) гуннские племена *огор*, разбитые тюрками и бежавшие в Европу, присвоили себе это имя, а своему правителю — титул *каган*. Хотя аварские племена на пути в Европу действительно вклю-

чили в свой состав разные тюркские и угорские этнические группы евразийской степи, информация о «псевдо-аварах», полученная византийским историком, восходит к письму тюркского кагана Даньгу, адресованному императору Маврикию — каган хотел принизить статус своих врагов.

Каково бы ни было происхождение аваров, Юстиниан вынужден был частично принять требования их кагана Баяна, пообещать земли на Дунае и вручить послам драгоценные подарки — золотые украшения и парчовые одежды; взамен с ними был заключен союз против утигуров, «гуннского» племени залов и савиров — тогдашних врагов империи. Их союзниками в Восточной Европе были традиционно дружественные Византии северокавказские аланы. В свою очередь тюрки, узнав о союзе Византии с аварами, совершили рейд на Боспор Киммерийский и дошли в 580 г. до самого Херсонеса, но не смогли удержаться в Северном Причерноморье. Авары же, не дождавшись обещанных Византией земель, продолжили политику экспансии в Центральной Европе и на Балканах. Их орды дошли до Эльбы и заняли Паннонию (568 г.), вытеснив лангобардов в Италию (Ломбардию), затем, в начале VII в. — Далмацию, воевали с греками, баварами и франками. Под властью Аварского каганата в Подунавье оказалась значительная часть славян — склавинов. Жестоким ударам со стороны аваров подверглось и объединение антов (уже около 560 г.), разгромленное в 602 г.: анты в правление Маврикия (582—602) были уже «союзниками ромеев», авары же находились во враждебных отношениях с империей [Свод, т. 2, 43]. Напротив, склавины стали союзниками аваров в экспансии против Византии — опустошительные походы совершались на Балканы, варвары стремились захватить Фессалонику и сам Константинополь. В 626 г. состоялась осада столицы объединенными аваро-славянскими войсками, при этом союзником аваров были персы, союзником же Византии — Западнотюркский каганат, который вел боевые действия против Ирана в Средней Азии и Закавказье. Там главной силой каганата уже были хазары [*Новосельцев* 1990, 75 и сл.]. Авары не смогли взять штурмом стены Констанинополя, после чего славяне покинули лагерь осаждавших, а за ними отступили и авары [Свод, т. 2, 79].

Симбиоз со славянами способствовал становлению комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Но главным источником богатств (прибавочного продукта) оставались военные походы: авары получали от Византии гигантские контрибуции (в начале VII в. — 120 тысяч золотых солидов в год); авары принесли в Европу новое оружие и тактику конного боя — в аварских могилах находят сабли и железные стремена.

Разгром аваров под Константинополем в 626 г. способствовал успешному сопротивлению народов Европы аварской экспансии. На западе против каганата выступили франки и славянское «государство

Само», на востоке былые союзники кутригуры вошли в состав враждебного аварам болгарского объединения племен. Как уже говорилось, правитель Великой Болгарии Кубрат восстал против власти аварского кагана; византийцы позволили болгарской орде Аспаруха обосноваться на землях Фракии, чтобы использовать их против Аварского каганата. Натиск франков и внутренние распри привели к гибели Аварской державы в конце VIII в.: русское летописное предание свидетельствует об исчезновении аваров как допотопных великанов, не оставивших потомков [2]: на смену им в Подунавье пришли франки-волохи, а тех вытеснили угры-венгры. В Восточной же Европе все большую военную активность проявлял новый кочевой народ — хазары.

[2] По некоторым предположениям, название дагестанских аварцев (самоназвание — маарулал, аварцами их называют соседние кумыки и даргинцы) восходит к имени одного из правителей (или его титулу *авар*) средневекового княжества Серир на Северном Кавказе и может относиться к эпохе аварских походов на Кавказ [*Аликберов* 2003, 172 и сл.].

Глава IX

ХАЗАРЫ И ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ. КАВКАЗСКАЯ АЛАНИЯ И ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ

ПОЯВЛЕНИЕ ХАЗАР НА КАВКАЗЕ И В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Византийские историки Феофан и Никифор сообщают, что «великий народ хазар» вышел из страны Берзилия — земли сарматов («первой Сарматии» Птолемея) после распада Великой Болгарии и стал господствовать по всей земле вплоть до Понтийского моря (ср. [*Чичуров* 1980, 61, 162]). Название страны *Берзилия* связывают с именем гуннского племени *барсилы*, родственного хазарам, но точной локализации эта область не поддается [*Новосельцев* 1990, 79].

Хазары действительно впервые упоминаются как народ, обитающий в «гуннских пределах» к северу от Каспийских ворот. Само имя *хазары* большинством исследователей соотносится с традиционными тюркскими этнонимами типа *казах*, обозначающими кочевника ([см. *Артамонов* 1962, 114—115]). Арабский автор середины X в. ал-Масуди передает об именах хазар сведения, которые, возможно, проливают свет на их этногенез: по-тюркски их именуют *сабир* (савиры), по-персидски — *хазаран*, по-арабски — *ал-хазар* [*Новосельцев* 1990, 79]. В определенный этнический контекст их помещает сирийский автор середины VI в. Захария Ритор (о его сочинении см. ниже): сначала автор-христианин перечисляет пять христианских народов Кавказа, к которым, как уже говорилось, относит и гуннов, затем следует описание варваров-кочевников. «Авгар, себир, бургар, алан, куртагар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти 13 народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием» [*Пигулевская* 2000, 568; см. также Приложение, 8]. «Гуннские пределы» у Захарии даны чрезвычайно широко, если он включает в них и среднеазиатских эфталитов («белых гуннов»), но хазары, очевидно, замыкают список кочевых народов северопричерноморских степей: себир — савиры, бургар — болгары, алан — аланы, куртагар — кутригуры, авар — авары, хасар — хазары.

Это положение хазар в целом соответствует началу их истории на западной окраине Западнотюркского каганата: тюрки подчинили эфталитов, и стали угрожать Ирану, в том числе в Закавказье — недаром Сасаниды стали укреплять Дербент, чтобы тюрки не прорвались в подвластную Ирану Армению через Каспийские ворота. В 626 г., когда

славяне и авары осадили Константинополь, хазары уже были включены в геополитическую систему — борьбу двух великих держав — и выступили в Закавказье на стороне Византии. В армянских источниках правитель хазар уже именуется «джебу-хакан» и признается вторым лицом в иерархии правящего слоя Тюркского каганата. В эпоху распада Западнотюркского каганата болгарское объединение племен во главе со знатным родом Дуло поддерживало одну из тюркских группировок, боровшихся за власть в каганате, хазары — другую; считается, что после распада Западнотюркского каганата в середине VII в. к ним бежал «царевич» из рода Ашина, что дало правителям хазар право именоваться «каганами» (ср. [*Артамонов* 1962, 170 и сл.; *Плетнева* 1986]). Тогда хазары подчинили и, возможно, частично ассимилировали савиров и разгромили Великую Болгарию. По данным еврейско-хазарской переписки X в. (письмо хазарского царя Иосифа), хазары преследовали врагов до самого Дуная — за Дунай откочевала болгарская орда Аспаруха. Оставшиеся под властью хазар болгары именовались «черными» (что, возможно, указывало на их подчиненное положение). Очевидно, что эту победу хазары могли одержать, опираясь на союз с аланами, занимавшими центральную часть Предкавказья [*Новосельцев* 1990, 89 и сл.]. К 70-м гг. VII в. под властью хазар оказались многочисленные народы Северного Кавказа, Северного Причерноморья, Крыма, в том числе древние города, пережившие гуннское нашествие, — Фанагория, Кепы и др.; хазары временно владели Дербентом и византийским Херсонесом, у них появились собственные города на Северном Кавказе; основу населения формирующегося Хазарского государства составляли тюрки-болгары и другие тюркоязычные племена, ираноязычные аланы и угорские племена, в том числе предки венгров.

Тем временем геополитическую ситуацию в Средиземноморье и Закавказье изменила новая сила — начались арабские завоевания. Под ударами арабов-мусульман пал сасанидский Иран, завоеватели появились в Закавказье, затем овладели Дербентом и другим важнейшим перевалом — Дарьяльским ущельем в стране алан, подчинили область Табарсаран (***табасараны*** — один из народов Дагестана) и страну ***лезгин*** (*ал-лакз* в арабских источниках). В 652/653 г. арабский правитель Дербента попытался овладеть хазарским городом Баланджар (Беленджер, предположительно отождествляется с городищем Чир-Юрт на р. Сулак), но был убит, — началась эпоха арабо-хазарских войн, проходивших с переменным успехом, но завершившихся поражением хазар. В 721 г. наместник Армении Джеррах вытеснил хазар из захваченной ими части Кавказской Албании и затем взял Баланджар. Об арабском завоевании свидетельствуют, возможно, раскопки некрополя у городища Чир-Юрт. Там обнаружены три типа погребальных сооружений, приписываемых разным этническим группам, населявшим хазарскую столицу в Дагестане: простые ямные погребения принадлежали болгарам, могилы с

катакомбами — аланам, катакомбные гробницы под курганами (с могилами, оформленными в виде кибиток) — самим хазарам; все могилы были разграблены завоевателями, об их богатстве могут свидетельствовать лишь случайно уцелевшие золотые бляшки от поясных наборов, костяные накладки на луку седла с искусным изображением воина-всадника с волосами, заплетенными в косы, и т. п. [*Плетнева* 1986, 25 и сл.].

Разгром хазар завершился рейдом полководца Мервана Ибн-Мухаммеда через земли аланов (Дарьял) в волго-донские степи (737 г.). Объединение племен, возглавляемое хазарами на Северном Кавказе, оказалось на грани распада. Еще в 80-е гг. VII в. правитель савиров отложился от хазар и принял христианство из Кавказской Албании. Арабы смогли укрепить свою власть на Кавказе, распространить ислам среди ряда народов Северного Кавказа, в том числе в горном княжестве Серир (у предков аварцев), вынудили даже самого хазарского кагана согласиться принять ислам, но не смогли контролировать ни горный Дагестан, ни Аланию, ни тем более степи Причерноморья.

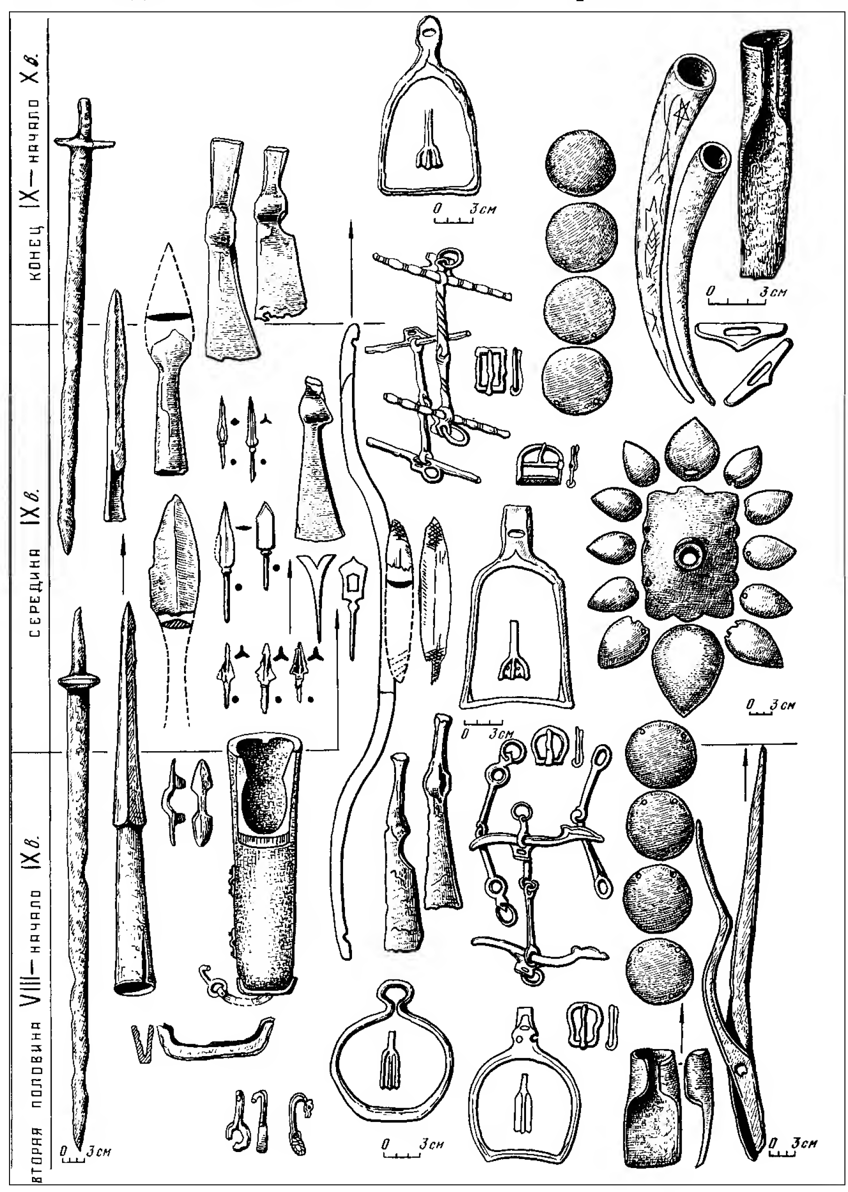
Соперничество с Византией в Северном Причерноморье позволило хазарам вмешиваться в дела империи: Феофан рассказывает о том, как свергнутый император Юстиниан II был сослан в Херсонес и бежал в 698 г. к хазарам в Крымскую Готию; каган принял его, выдал за Юстиниана свою сестру и разрешил изгнанному поселиться в Фанагории. Но когда Юстиниан уже при помощи дунайских болгар вернул себе престол, он начал войну с хазарами из-за Крыма, и те поддержали его противника — херсонесского армянина Вардана, который в 711 г. захватил уже при поддержке хазарского войска Константинополь и был провозглашен императором под именем Филипп. В результате Византия сохранила за собой Херсонес, Восточный же (степной) Крым и Боспор отошел к Хазарии; ромеи и хазары стали союзниками в борьбе с арабами.

НАСЕЛЕНИЕ ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Войны с арабами привели к дальнейшему расселению племен, подвластных Хазарии, в причерноморских степях. Они достигли лесостепи и мигрировали по Волге к северу до Волжско-Камского междуречья, земель будущей Волжской Болгарии: помимо болгар там оказались, как считает А. В. Гадло, часть савиров (**сувар**) и барсилов. Аланы стали оседать в бассейне Дона и Верхнего Донца, болгары — в низовьях Дона, сами хазары, барсилы и другие племена — в Нижнем Поволжье и калмыцких степях. В Нижнем Поволжье возник новый городской центр Хазарии — ал-Байда или Итиль.

Сформировавшийся в противостоянии Византии и Арабскому халифату Хазарский каганат простирался от предгорий Кавказа и Нижнего Поволжья до Среднего Поднепровья, где хазарам должны были

платить дань славяне (см. ниже). Его экономику характеризовало комплексное земледельческо-скотоводческое хозяйство: наряду с отгонным скотоводством, когда стада отгонялись летом из степей на горные пастбища, все шире распространялось земледелие и садоводство. Процесс массового оседания кочевников на землю отражают многочисленные

Древности салтово-маяцкой культуры (Степи Евразии. С. 148)

поселения и могильники т. н. салтово-маяцкой культуры, включающие следы кочевий, постояннных неукрепленных поселений, городищ с земляными валами, замков с остатками каменных стен, городов-крепостей и, наконец, причерноморских городов, возродившихся под властью Хазарии, в том числе Фанагории и Таматархи-Тмутаракани [*Плетнева* 2000].

Локальные варианты салтово-маяцкой культуры, выделяемые благодаря исследованиям М. И. Артамонова, И. И. Ляпушкина, С. А. Плетневой, М. Г. Магомедова и др. исследователей, отражают этническую специфику тех групп населения Хазарии, которые занимали те или иные регионы причерноморской степи и лесостепи. В верховьях Дона и Северного Донца поселения с полуземлянками и юртообразными жилищами расположены гнездами вокруг городищ с белокаменными стенами (в том числе белокаменного Маяцкого городища на Дону, давшего наряду с Салтовским могильником название самой культуре). Городища расположены на высоких гористых берегах рек, на противоположных берегах простираются равнинные пастбища, что напоминает географические условия Северного Кавказа. Могильники состоят в основном из катакомбных погребений, что вкупе с данными антропологии позволяет относить население, оставившее эти памятники, к ***аланам***. В бассейне Северного Донца и западнее аланы ассимилировали местное население — носителей упоминавшейся пеньковской культуры, которая приписывается обычно славянам-антам, но была распространена значительно шире, чем территория, отводимая антам в древних источниках. Кроме того, во второй половине IX в. в Подонье появилась группа кочевого населения, практиковавшая обряд трупосожжения с захоронением серебряных накладок на пояса и конскую сбрую и других частей погребального инвентаря в специальных тайниках; обряд и женские украшения, найденные в этих погребениях, указывают на связь их носителей с угорским населением Зауралья.

В донских степях земледельческое население жило на больших селищах и городищах, укрепленных земляными валами, с полуземлянками и юртобразными жилищами, кочевники оставили стойбища. Большое число амфор и пифосов — специальной тары для вина — свидетельствует о занятии виноградарством, ставшим традиционными для этого региона России. Хоронили умерших в простых могилах, рядом с могилами воинов совершали захоронение коней. Этот вариант салтово-маяцкой культуры, как и близкий ему приазовский, приписывается болгарам: для Приазовья характерна специфическая строительная техника — жилища и стены городищ строились из кирпича-сырца на каменном цоколе, жилища были двухкамерными — с сенями, которые зимой можно было использовать в качестве хлева для содержания молодняка. В Крыму такие жилища строили из камня, в соответствии с древней традицией каменного строительства.

Наряду с этими локальными вариантами в причерноморской степи известны одиночные курганные погребения с богатым воинским инвентарем и конями, которые приписываются собственно хазарам — господствующей в каганате племенной группировке. Наконец, знаменитый Вознесенский поминальный комплекс VIII в. на Днепре — прямоугольный вал из земли и камня, окружавший площадку с остатками сожжения многочисленных вещей (вооружения, конской сбруи, золотых украшений) и лошадиных костей, по интерпретации А. К. Амброза, близок поминальным памятникам Кюль-Тегина и других правителей Тюркского каганата в Центральной Азии; сходные памятники обнаружены не только в Среднем Поднепровье (возможно, к ним относится и упомянутый «клад» у Перещепина, приписываемый обычно Кубрату), но и в Поволжье и на Северном Кавказе. Эти памятники могли принадлежать представителям правящего рода Ашина, к которому относился и сам каган [ср. *Айбабин* 1999, 180—185].

Наиболее плодородные земли в центральной — донской — части каганата контролировались системой белокаменных городов-крепостей от Маяцкого городища в верховьях Дона до Правобережного Цимлянского в его низовьях и Семикаракорского на р. Сал, контролировавшего путь с Северного Кавказа на Дон. За стенами, достигавшими в ширину 4 м с башнями, располагались юрты. Техника кладки стен Цимлянского городища — из тщательно отесанных каменных блоков с внутренней забутовкой — напоминает технику строительства в Дунайской Болгарии, городище в Семикаракорах напоминает дагестанские крепости. Наконец, уже в 30-х гг. IX в. византийские инженеры построили для хазар на Дону кирпичную крепость Саркел.

Локальное разнообразие не заслоняет определенного единства салтово-маяцкой культуры, которое обнаруживают строительная техника, массовый бытовой инвентарь, в том числе характерная керамика, амулеты и т. п. Повсюду получила распространение тюркская руническая письменность. С. А. Плетнева [2000] показала, что эта культура является надэтнической — она характеризует государственную культуру Хазарского каганата. Существенно, что ареал салтово-маяцкой культуры совпадает с той территорией Хазарского государства, которую описал хазарский царь Иосиф в письме сановнику кордовского халифа Хасдаю Ибн-Шапруту.

Эта переписка между кордовским евреем и хазарским царем — т. н. еврейско-хазарская переписка — относится к эпохе заката Хазарского каганата в 60-е гг. X в. [*Коковцов* 1932], но царь Иосиф в своем письме описывает Хазарию эпохи расцвета. В т. н. пространной редакции своего послания Иосиф пишет о том, что сам он живет на реке Итиль у моря Гурган — там была столица каганата и зимовище кагана, из которого каган, соблюдая традиции кочевой знати, отправлялся на лето по землям своего домена в междуречье Волги и Дона: крепости

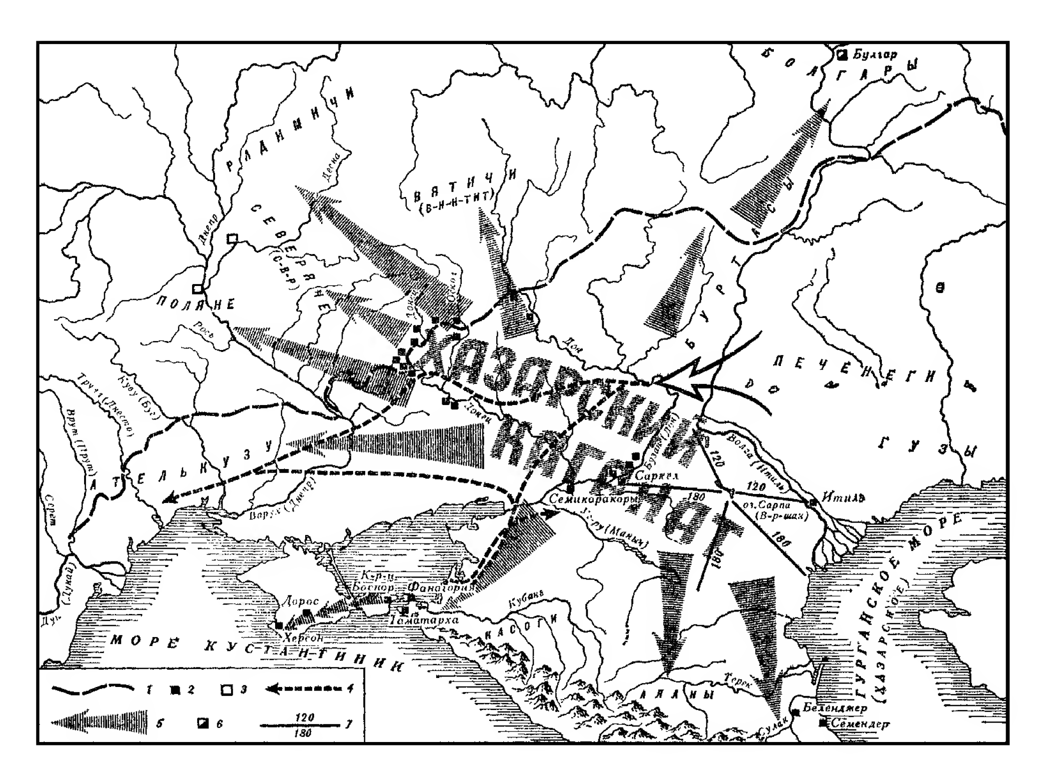
Саркел и Семикаракорское располагались на западных границах этого домена. Царь перечисляет подвластные ему «многочисленные народы» у реки Итиль, называя их имена по-древнееврейски: в русской транскрипции это Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Далее в описании Иосифа граница его государства поворачивает к «Хуваризму» — Хорезму, государству в Приаралье, а на юге включает С-м-н-д-р и поворачивает к «Воротам» (Дербенту — Баб-ал-Абвабу) и горам, где живут подвластные хазарам народы, имена которых идентифицируется с трудом (см. *Коковцов* 1932, 98 и сл., а также Приложение 7 в конце пособия), за исключением алан и соседних с ними стран Аф-кана и Каса. Далее граница Хазарии идет к «морю Кустандины» — «Константинопольскому», т. е. Черному, где Хазария включает местности Ш-р-кил, С-м-к-р-ц, К-р-ц и др. Оттуда граница поворачивает на север к кочевому племени Б-ц-ра и доходит до области Х-г-риим.

Многие имена народов, которые, по Иосифу, платят дань хазарам, достаточно надежно восстанавливаются и имеют соответствия в других источниках. Первое из них — ***буртасы*** (Бур-т-с), имя которых напоминает уже упомянутый в связи с описанием этнического состава «державы Германариха» этникон *морденс — мордва*. Однако в древнерусском «Слове о погибели Русской земли» (XIII в.) приводится поразительно близкий список народов, подвластных уже Руси, где буртасы упомянуты наряду с мордвой: границы Руси простираются «от моря до болгар, от болгар до буртас, от буртас до чермис, от чермис до моръдви» [ПЛДР. XIII в., 130]. Считается, что этникон *буртасы* имеет иранское — аланское — происхождение и отражает аланский этноним *фурдас* — от *фурд/форд* ‘большая река’ и *ас*, распространенный аланский этникон. Как и многие древние этниконы, имя *буртасы* могло переноситься в источниках на разные этнические общности: в частности, так в Средние века могли именовать тюркоязычных соседей мордвы чувашей — потомков волжских болгар, топонимы *Буртас, Буртасы* известны на территории Мордовии и Чувашии [*Фасмер*, т. 1, 247—248]. В контексте письма Иосифа этот этникон очевидно привязан к Поволжью, где за буртасами следуют болгары (в списке Иосифа — Бул-г-р, что соответствует и данным арабского географа X в. ал-Масуди), а далее — С-вар, название, которое увязывается с городом Сувар в Волжской Болгарии и с уже упоминавшимся именем *савиров*, одного из гуннско-хазарских племен. Следующий этникон *арису* сопоставляется с самоназванием этнографической группы ***мордвы*** *эрзя* (соответственно в буртасах иногда видят другую группу мордвы — *мокшу*). Имя Ц-р-м-с перекликается с *чермис* древнерусского источника: это — черемисы, средневековое название ***марийцев***, финского народа в Среднем Поволжье. Об отношениях Хазарии с Волжской Болгарией мы еще будем говорить специально, сейчас отметим, что в 60-е гг. X в., когда составлялось письмо царя Иосифа, едва ли была

возможна какая бы то ни было зависимость народов Среднего Поволжья от гибнущего каганата.

То же можно сказать и о следующей группе народов, в которой усматривают славянских данников Хазарии. В этниконе В-н-н-тит обычно видят имя *вятичей/вентичей*, которые, по русской летописи, платили дань хазарам до их освобождения князем Святославом во время похода на Хазарию в 965 г. Уже упоминавшийся город Вантит «у пределов страны славян», видимо, отражает сходный этноним: предполагают, что этот «город» располагался на пути из Болгара — столицы Волжской Болгарии — к Киеву, описанном в позднем (XII в.) сочинении ал-Идриси, и даже отождествляют «Вантит» с «гнездом» боршевских — вятичских — поселений на Дону у Воронежа (ср. [*Пряхин и др.* 1997] и критику этих построений — [*Калинина* 2000]). Но следующий этникон — С-в-р — определенно означает *северян*, которые были освобождены от Хазарской дани еще князем Олегом, когда русские князья обосновались в Среднем Поднепровье (882 г. по летописной датировке — см. об этих событиях ниже). Термин С-л-виюн относится к общему названию славян: видимо, здесь можно подразумевать *радимичей* и *полян*, плативших дань хазарам до появления *руси* в Среднем Поднепровье в 860-х гг., а также славян — носителей т. н. боршевской культуры, достигших Подонья. Существенно, что по арабским источникам X в., еще в 737 г. во время похода в хазарские степи полководец Мерван пленил не только хазар, но и *ас-сакалиба* — так арабы называли славян; Танаис (Дон) в арабской географической традиции назывался «Рекой Славян», но контролировалась эта река хазарскими крепостями. В целом список данников, таким образом, относится ко времени не позднее второй половины IX в., скорее — ко второй половине VIII — первой половине IX в., времени расцвета Хазарского каганата. Этот список у Иосифа подчинен определенной системе: он начинается с народов Поволжья, включает вятичей на Оке, северян на Десне, видимо, приднепровских славян, и завершается на Дону. Отметим заранее, что тот же маршрут повторил в 965 г. Святослав, разгромивший Хазарию.

На юге Иосиф включает в границы своего государства область Семендера (Самандара) — одного из главных городов Хазарии на Северном Кавказе (наряду со старой столицей Баланджаром) и Дербент — Каспийские «Ворота», по-арабски Баб-ал-Абваб. Дербент (Дербенд) в Дагестане — крепость, охранявшая важнейший проход в Закавказье, после арабо-хазарских войн в VII—IX вв. входила в состав халифата — там стоял арабский гарнизон. Город остался главным центром ислама на Северном Кавказе и после того, как в X в. там обосновалась самостоятельная княжеская династия; вместе с тем население Дербента включало представителей местного «языческого» населения и даже русов, которых нанимали на службу правители города [*Минорский* 1963; *Аликберов* 2003, 187 и сл.]. Земли между Семендером и Дербентом входили в состав

Хазарский каганат. Карта (по С. А. Плетневой 1986. С. 47)

упомянутого княжества Серир, Сарир — страны ***аварцев***, независимого от Хазарии и даже враждовавшего с ней. Неясны имена горских народов Дагестана, Чечни и Ингушетии, живущих между Дербентом и страной аланов, и тем более отношения с ними Хазарии: сами аланы могли выступать то как союзники (и данники), то как соперники хазар и союзники Серира. Зато упомянутые вслед за аланами страны Аф-кана и Каса, в отличие от прочих племен, перечисленных между этой страной и «морем Кустандины», надежно интерпретируются как земли ***абхазов*** и *касогов* русской летописи, *кашак*, *касак* арабских источников — ***адыгов*** Западного Кавказа (ср. [*Гадло* 1979, 170 и сл.]).

Список западных областей в письме Иосифа начинает Ш-р-кил — Саркел, хазарская «Белая крепость», построенная византийцами по заказу кагана ок. 840 г. на Дону. Далее упоминается С-м-к-р-ц, в котором видят город на Таманском полуострове — Таматарху в византийских и Тмутаракань в русских источниках, и группы крымских городов, список которых возглавляет К-р-ц — Керчь, античный Пантикапей.

Страна Б-ц-р-а, расположенная к северу от Причерноморья — это земли **печенегов**, *пачинакитов* византийских, *баджнак* в арабских источниках; по-тюркски они звались *бачанак*, *беченег* («муж старшей

сестры» — характерное для тюрков архаичное племенное наименование по отношениям родства). Эта кочевая тюркская орда появилась в степях Причерноморья в IX в. из-за Волги и к концу этого столетия стала там господствовать. Константин Багрянородный пишет [Об управлении империей, гл. 37], что хазары пытались остановить их продвижение и заключили союз с узами (огузами, гузами), но те лишь изгнали печенегов на запад. Новая орда, завоевывая пастбища, разорила многие хазарские земли и поселения, в том числе Маяцкое городище (видимо, печенежское нашествие стало началом упадка салтово-маяцкой культуры), древний город Фанагорию (уже не упомянутый в письме Иосифа) и Керчь — Боспор, и к началу X в. обрушилась на Русь. Тот же Константин в самых первых главах своего труда «Об управлении империей» специально пишет «о пачинакитах: насколько полезны они», когда находятся в мире с «василевсом ромеев»; если посылать к ним чиновника с богатыми дарами и брать у них заложников, ответственных за сохранение мира, они не позволят ни руси, ни туркам-венграм, ни болгарам нападать на Византию. Позднее (глава 37), тот же автор дает этногеографическое описание Восточной Европы: земля печенегов — Пачинакия — «отстоит от Узии (земли узов-гузов. — *В. П., Д. Р.*) и Хазарии на пять дней пути, от Алании — на шесть дней, от Мордии (земель мордвы) — на десять дней, от Росии — на один день, от Туркии (Венгрии) — на четыре дня, от Булгарии — на полдня, к Херсону она очень близка, а к Боспору еще ближе». Печенеги вытеснили из степей Причерноморья венгров, которых Иосиф и поминает вслед за ними под именем Х-г-риим.

Венгры — угроязычный народ, кочевавший вместе с тюрками в восточноевропейской степи в VIII—IX вв., вероятно, происходил из праугорских областей Зауралья. Венгерские средневековые предания сохранили воспоминания о прародине — Великой Венгрии, локализуемой где-то в башкирских степях, между Волгой и Южным Уралом. В арабских источниках венгры именуются как *маджар* — ***мадьярами*** (самоназвание венгров), так и *баджкурт* — этот этникон родствен этнониму *башкиры* (хотя сам башкирский народ сложился позднее). В русских летописях венгров именуют *уграми* — этниконом, восходящим (как и западноевропейское наименование *венгры*) к гуннско-болгарскому названию племенного союза *оногур* (*он* — «десять», и *огур* — «стрела»). Возможно, это наименование было известно еще славянскому объединению антов и славяне стали обозначать им кочевников восточноевропейских степей: в русской летописи *черные угры* — это собственно венгры, *белые угры* — одно из наименований хазар, что могло отражать их господствующее положение в каганате. Угорское самоназвание венгров — *мадьяры* — родственно самоназваниям их зауральских родичей *манси*, некоторым племенным названиям башкир, а также имени исчезнувшего в Средние века волжско-финского народа *мещера* на Оке; предположительно оно означает ‘человек, сородич’ [*Агеева* 1990,

65—66]. Константин Багрянородный [38], называющий венгров турками, но упоминающий их самоназвание *мадьяры*, рассказывает, что венгры жили вблизи Хазарии, и их вождь «воевода» Леведия получил в жены от кагана благородную хазарку. Их страна также именовалась Леведией, но венгры вынуждены были покинуть ее под натиском печенегов, и часть их переселилась в землю, называемую Ателкузу (Этелькузу), часть откочевала на восток к Персии. Местность Ателкузу помещается большинством исследователей между Днепром и Днестром; под Киевом сохранилось урочище Угорское, где, по летописи, стояли в своих «вежах» угры-венгры; уже из Ателкузу каган призвал к себе Леведию и назначил по его совету правителя по имени Арпад, который стал основателем династии венгерских королей. Арабский анонимный автор, на записку которого опирался, в частности, географ начала X в. Ибн Русте, сообщает, что страна мадьяр располагается между странами печенегов и племени *искиль* (эскел, эсегел) — части волжских болгар, венгры берут дань с соседних славян (сакалиба), захватывают их в плен и продают ромеям (грекам — ар-Рум) в их пристани К.р.кх (Керчь). Мадьяры кочуют между двумя реками в стране *сакалиба* — Итилем (текущей к хазарам) и Дуба (или Рута): за одной из этих рек живет народ *нандар*, относящийся к ар-Рум, над их областью — высокая гора, за которой обитает христианский народ *м.рват*. Не одно поколение исследователей стремится разобраться в этом тексте (точнее — своде текстов, восходящих к анонимной записке: ср. из последних работ [*Заходер* 1967, 47 и сл.; *Калинина* 2000; *Мишин* 2002, 54—60]). Главный вопрос — о реках, между которыми были расположены венгерские кочевья: одна из них — Дуба — давно отождествлена с Дунаем; за ней действительно обитал народ *нандор* — так венгры называли болгар (это название восходило к древнему тюркскому этнониму *оногундур*); дунайские болгары расселились в пределах Ромейской империи, поэтому и были отнесены к ар-Рум. Горой, за которой обитают *м.рват*, оказываются, таким образом, Карпаты, за ними действительно жили славяне — моравы. Сложнее обстоит дело с рекой Итиль, потому что по-тюркски *итиль* и означает «река». Большая часть исследователей видит в этом Итиле не Волгу, а Днепр, за который ушли венгры в страну Ателкузу (Этелькузу), которая по-венгерски и означает «Междуречье».

Не менее сложен вопрос о том, когда происходили описываемые события. Существенно, что в области славян анонимный автор и Ибн Русте не упоминают руси: народ ар-рус, в описании арабского географа, еще живет на загадочном острове, откуда на кораблях ездит к славянам за данью и берет их в рабство подобно венграм, продавая рабов в Хазарии и Болгаре (см. о руси ниже). Из Начальной летописи известно, когда русь впервые оказалась в земле днепровских славян: дружина Аскольда и Дира обосновались в Киеве после призвания в

Новгород варяжских князей — это произошло в 860-е гг. К этому времени венгры кочевали в Ателкузу.

Но и в Ателкузу венгры подверглись нашествию печенегов и вынуждены были переселиться в конце IX в. в Великую Моравию (Паннонию), где обрели новую родину (см. [*Шушарин* 1997]). Многочисленные аналогии древностям венгров известны на широких просторах Восточной Европы — от Среднего Поволжья до Среднего Поднепровья, в том числе на славянских поселениях (см. сводку: [*Седов* 1987]); данные языкознания свидетельствуют о тесных славяно-тюркско-венгерских контактах в этот период, в том числе о заимствовании венграми при тюркском (хазарском) посредстве таких важных для праславянской этнокультурной истории слов, как *король* и *влах* — «франк, итальянец» [*Хелимский* 2000, 433—435].

В целом царь Иосиф в своем письме описывает «предельные» границы Хазарии периода ее могущества: прочие источники подтверждают ту или иную степень зависимости перечисленных им народов от хазар, но зависимость эта не была постоянной, данническо-союзнические отношения могли превращаться во враждебные и «колебались» в соответствии с геополитической ситуацией, в том числе политикой Халифата и особенно Византии, использовавшей печенегов и русь против хазар, или, напротив, поддерживавшей слабнущую Хазарию строительством крепости (Саркел) и т. д.

Что касается самих ***хазар***, то письмо Иосифа содержит характерную легенду об их происхождении, основанную на библейской традиции. Иосиф относит хазар к сынам Иафета, потомству его сына Гомера, а именно к Тогарме (Фогарме): это отождествление имеет глубокие и даже «историчные» истоки не только потому, что народы Европы и кочевники Евразии традиционно относились к потомкам Иафета, но и потому, что библейское имя Гомер очевидно восходит к наименованию киммерийцев, под Тогармой же традиционно понималась в еврейской традиции Армения. Боспор Киммерийский и Закавказье действительно были регионами первоначальной активности хазар. К сыновьям Тогармы Иосиф причисляет эпонимы: Авийор (Уюр, Агийор в краткой редакции письма), который отождествляют с иверами-грузинами или угурами-огурами; Тудис (Тирас в краткой редакции, традиционный библейский этникон); Аваз — Авар в краткой редакции, эпоним аваров; Угуз — эпоним гузов (узов), Биз-л — предположительно *барсилы*, племя, родственное хазарам; Т-р-н-а сравнивают с названием венгерского рода Тариана у Константина Багрянородного (если это не отражение титула *тархан*); далее следует собственно Хазар и некий Янар — З-нур в краткой редакции, которого отождествляют с горским народом *цанар*, обитавшим к западу от Дарьяльского ущелья; список завершают болгары и савиры. Интересно, что сходный список 10 сыновей Тогармы имеется в другом еврейском источнике X в. —

«Книге Иосиппон», составленной в Италии: там к ним причислены «роды» Козар (хазар), Пецинак (печенеги), Алан, Булгар, Канбина (?), Турк, под которыми, очевидно, имеются в виду венгры или *кавары*, отколовшаяся от хазар и примкнувшая к венграм тюркская группировка; далее упоминаются Буз, или — Куз, под которыми следует видеть гузов-узов, Захук (?), Угр — собственно венгры, имя которых Иосиппон дает в славянской передаче, наконец, Толмац — одно из печенежских племен.

Списки народов, относящихся к потомству Тогармы, в двух источниках не вполне совпадают; показательно при этом, что в Иосиппоне хазары возглавляют список, что, видимо, отражает представления об их господствующем положении, у Иосифа же, напротив, подчеркивается, что его предки были малочисленны и Хазар был лишь седьмым сыном Тогармы. Могущество их возросло после того, как им удалось победить многочисленных врагов, названных В-н-н-т-р, которых хазары преследовали до реки «Дуна» — Дуная. Предполагают, что это имя относится к племенному объединению оногуров, которое включало болгар Аспаруха, бежавших от хазар за Дунай. Тогда хазары овладели страной В-н-н-т-р, которой обладали до времени правления Иосифа.

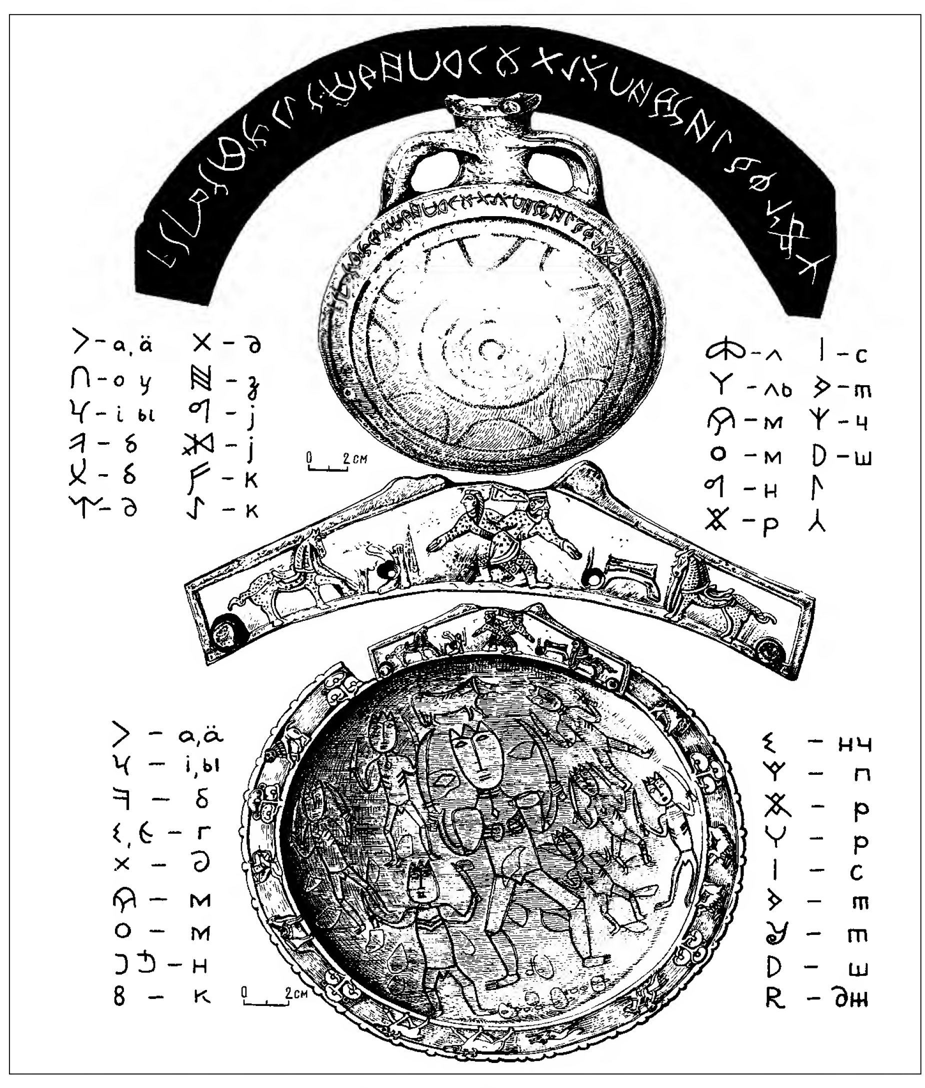
Происхождение хазар царь Иосиф связывает, таким образом, с группой тюркских народов. Арабские географы сообщают, однако, что хазары отличались от тюрков: согласно автору X в. ал-Истахри, они делились на две группы — «кара-хазары», или черные хазары, смуглые как индийцы, и белые хазары, отличающиеся красивой внешностью. Современные исследователи склонны усматривать в этих группах правящий слой — собственно хазар (белых хазар) — и зависимых «черных» людей; ал-Истахри под черными хазарами имеет в виду прежде всего рабов из страны хазар, оказывающихся на восточных рабских рынках: рабы принадлежат к язычникам, так как только язычники, но не находящиеся среди хазар иудеи и христиане, разрешают продажу детей и сородичей в рабство. Возможно, такое значение термина *белые хазары* сохраняется в упомянутой византийской (и древнерусской) историографии, где хазары именуются *белыми уграми*, а подвластные им венгры — *черными уграми*. Не следует при этом забывать, что цветовые классификации, характерные для этнических и географических представлений тюрков и других народов, не могут быть прямо перенесены на социальные и тем более антропологические реалии: ср. упоминавшихся белых гуннов — эфталитов, черных и белых болгар, белых хорватов и т. д. вплоть до Черной и Белой Руси. Однако представление о «черных» людях, как о зависимых, обложенных податями, надолго сохранилось в средневековой традиции (включая древнерусскую).

ВЫБОР ВЕРЫ. ПРОБЛЕМА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИУДАИЗМА В ХАЗАРИИ

Существенно, что ал-Истахри очевидно относит к белым хазарам (господствующему слою) тех, кто исповедовал иудаизм и христианство, к черным — язычников, прежде всего болгар и аланов, носителей салтово-маяцкой культуры, практиковавших языческие погребальные обряды и т. п. Действительно, спецификой этноконфессиональной ситуации в Хазарском каганате было то, что правящий слой — хазары во главе с каганом — исповедовали иудаизм. Царь Иосиф в своем письме передает легенду об обращении хазар: через несколько поколений после победы над В-н-н-т-р (болгарами) хазарский царь Булан, еще носивший тюркское родовое имя (означавшее «Олень» и имевшее, видимо, тотемическое происхождение), услышал во сне слова ангела Божьего, обещавшего умножить его род и власть, если царь будет соблюдать заповеди и законы и построит храм. Чтобы получить богатства для сооружения святилища, Булан должен идти на Д-ралан — Дарьял, в землю аланов, и Ар-в-вил, Ардебиль, город на территории Азербайджана. С Божьей помощью Булан одержал победу и соорудил скинию (шатер) с ковчегом, светильником, жертвенниками и т. п. — как некогда пророк Моисей во время исхода евреев из Египта. Слух об обращении Булана распространился «по всей земле», и «царь Эдома» — византийский император, равно как и «царь измаильтян» — арабский халиф прислали к Булану посольства, чтобы склонить его к переходу в их веру. Тогда Булан призвал мудреца из «израильтян» и устроил диспут о вере. Мудрецы долго спорили, опровергая друг друга, и хитроумный Булан спросил наконец у христианского священника, какую веру он считает лучшей — веру израильтян (иудаизм) или исмаильтян (ислам). Естественно, что христианин, почитавший Ветхий Завет наряду с Новым, предпочел иудаизм; тогда сходный вопрос Булан задал мусульманину, тот также ответил, что вера израильтян «более почтенна», чем христианская. Тогда Булан принял веру Израиля и «совершил над самим собой, своими рабами и служителями и всем своим народом обрезание».

При всей очевидной «легендарности» этот сюжет «выбора веры» имеет не менее очевидные исторические параллели в истории собственно тюркских народов, точнее — правящих династий, которые действительно склонялись еще в Центральной Азии к религиям, имевшим «писанный закон», — манихейству, буддизму, но отличавшимся от официальных культов враждебного тюркам Китая. Отказ от традиционной племенной религии (культа Тенгри, шаманизма) и обращение к писанному закону было необходимо по крайней мере правящему слою уже для того, чтобы преодолеть племенной сепаратизм и строить государственную идеологию. Очевидны и исторические основы самого сюжета выбора веры хазарским царем: маневрируя между Халифатом и Византией, когда каган мог выдать замуж за императора свою сестру, принявшую

крещение, а после поражения в войне с арабами согласиться принять ислам, хазары выбрали действительно «престижную» веру, основанную на почитаемом и христианами и мусульманами Священном Писании.

Памятники письменности и торевтики Хазарского каганата (Степи Евразии. С. 163)

Разительно сходный сюжет известен и из начальной русской истории, когда перед выбором веры в конце X в. встал князь Владимир (см. ниже в главе XI). Кроме того, в отличие от христианства и ислама иудаизм не был миссионерской религией: каган не обязан был обра-

щать своих подданных — язычников в новую веру, что было практически невозможно у кочевников: не случайно даже для хазар он избрал архаичную форму культа с переносным святилищем — скинией.

Царь Иосиф, описывающий выбор веры Буланом, относится к обращению хазар как к чуду — у него нет речи о евреях, распространявших свой закон среди хазар; лишь сын сыновей Булана Обадья построил синагоги и призвал в страну мудрецов, которые объяснили ему Писание, а также Мишну и Талмуд — священное предание. Более «историчен» другой документ, повествующий об обращении хазар и также относящийся к еврейско-хазарской переписке — т. н. Кембриджское письмо, видимо, адресованное тому же Хасдаю ибн Шапруту неизвестным хазарским евреем (ср. [*Коковцов* 1932, 113 и сл.]; новое исследование — [*Голб*, *Прицак* 2003]).

Начало письма оборвано, но из контекста ясно, что предки хазарских евреев бежали из Армении в Хазарию от идолопоклонников и породнились с хазарами, став с ними «одним народом». Из закона предков они соблюдали лишь обрезание, и только часть праздновала субботу. Удачливый полководец еврейского происхождения вернулся к иудаизму, что обеспокоило «царя Македона» (Византии) и «царя Аравии»: их послы пришли к «начальникам» Хазарии и спросили, почему они возвращаются «в веру евреев, которые находятся в рабстве под властью всех (других) народов». Тогда состоялся диспут о вере, и израильские мудрецы оказались самыми сведущими в толковании книг Писания. Хазары приняли иудаизм, и в Хазарию стали стекаться евреи из Багдада, Хорасана (Ирана) и Греции. Полководец еврей получил имя Сабриэль и был избран царем (евр. *мелек*); кроме того, согласно кембриджскому письму, хазары избрали себе судью, которого на своем языке называли каганом.

В двух документах, описывающих обращение хазар, при общем сходстве немало противоречий. Исследователи склонны отождествлять Булана и Сабриэля — первых «царей» хазар; но Булан, согласно его потомку царю Иосифу, был не еврейского, а тюркского происхождения. Иосиф не поминает кагана, который у тюрков был верховным правителем, тогда как Кембриджский документ называет кагана судьей, наряду с царем. Для хазар действительно было характерно «двоевластие» — каган считался номинальным правителем, делами в государстве заправлял полководец — шад или бек; иногда предполагают даже, что это двоевластие сложилось как раз в результате «выбора веры», когда полководец еврей захватил реальную власть, оставив тюрку-кагану представительские функции. Из письма самого Иосифа неясно, впрочем, был ли этот правитель тюркско-хазарского происхождения (потомок Тогармы) реальным «царем» или номинальным (каганом). В действительности, «двоевластие» свойственно тюркской раннегосударственной традиции (равно как и традициям других ранних государств, включая Русь, где наря-

ду с князем особые полномочия имел воевода), и то, что мы знаем о двоевластии у хазар, свидетельствует о древности этой традиции.

Подробно о «двоевластии» пишет арабский автор X в. ал-Масуди: по его сведениям «хакан» пребывает в безраздельной власти у «царя», и даже не может покидать свой замок в Итиле. Если же страну постигает голод или другое бедствие, народ объявляет ответственным за это кагана и требует его смерти, царь же решает его судьбу. Ал-Масуди признается, что не знает, древен ли этот порядок или нов (см. [*Минорский* 1963, 192 и сл.]): с уверенностью можно сказать, что приводимый арабским автором сюжет относится к широко распространенному мифоритуальному сюжету «золотой ветви» — «сакрального царя», который не обладает реальной властью, но магически ответствен за благополучие страны; в современной историографии идут споры о том, насколько можно относить подобный сюжет к историческим реалиям, а насколько — к мифологическому эпосу. В отношении хазар безусловно, что этот сюжет не может относиться к эпохе после принятия иудаизма, — любые, даже самые «пережиточные» формы человеческих жертвоприношений несовместимы с этой религией. Ал-Масуди явно слышал от своих информаторов пересказ древнего тюркского эпоса о сакральном царе.

Проблема времени, когда хазары приняли иудаизм, относится к числу трудноразрешимых. В пространной редакции письма Иосифа указано время, отстоящее от правления этого царя на 340 лет — т. е. 620-е гг.; более реалистична дата, сохранившаяся в еврейском источнике XII в., — 740-е гг.: в начале VIII в. хазарские каганы еще могли породниться с византийским императором и крестить свою родственницу (что было бы невозможным для иудейки), а в 730/731 г. во время войн с арабами хазары действительно напали на Ардебиль, поход на который, по Иосифу, предшествовал обращению. Впрочем, после поражения 737 г., согласно арабским авторам, принял ислам. По арабским известиям, хазары приняли иудаизм во время правления Харуна-ар-Рашида, то есть на рубеже VIII—IX вв.: эти известия соотносят с сообщением Иосифа об упрочении иудейской религии при царе Обадии, когда в Хазарию прибыли ученые раввины, знатоки Талмуда. Религиозные споры в Хазарии на этом не прекратились: в 861 г. в каганат — «к Меотскому озеру и к Каспийским воротам Кавказских гор» — прибыла византийская миссия во главе с Константином (Кириллом) Философом, будущим просветителем славян, и каган не препятствовал диспуту между христианами и иудеями. Хотя, согласно «Житию» Константина, тот победил в споре с иудеями и крестил какое-то количество язычников (см. [*Флоря* 1981, 78 и сл.; *Иванов* 2003, 146—152]), в целом миссия не имела успеха — каган и его окружение остались иудеями.

Неясно, где хазары вступили в контакт с еврейскими общинами: эти общины известны в древних центрах Закавказья, в том числе в Мцхете, столице раннесредневековой Грузии; однако традиционными

центрами, где иудейские общины были тесно связаны с кочевым ираноязычным, а затем тюркоязычным населением, были и города Северного Причерноморья, в том числе Фанагория, центр Великой Болгарии, Гермонасса-Таматарха, именуемая Самкерц в письме Иосифа (в арабских документах именовалась городом иудеев), наконец, византийский Херсонес. Существенно, что иудейские общины были в состоянии распространять у хазар не только писанный закон, но и навыки городского быта.

Столица каганата — город Итиль (Атил) в дельте Волги (р. Итиль или Атил у арабских географов) — до сих пор не обнаружена археологами [1]. Ее подробное описание сохранилось у ал-Масуди, который свидетельствует, что город состоял их трех частей: его кварталы располагались на обоих берегах реки, а на самой реке был остров с замком царя и кагана из редкого в Хазарии обожженного кирпича; стены Итиля были возведены из кирпича-сырца. Население столицы состояло из общин иудеев, мусульман, христиан и язычников, среди которых были славяне и русы. Иудеями были сам каган, его окружение и «хазары его рода»; много евреев бежало из Византии в Итиль от преследований императора Романа в 943 г. Большую же часть населения в городе, согласно арабскому автору, составляли мусульмане, в том числе войско *ал-ларисийа* — наемники из Хорезма: они служили кагану на условиях свободы их вероисповедания; воевать хорезмийцы должны были только против «неверных», но не против мусульман; из их числа назначался *везир* — один из главных сановников при дворе восточных владык. В. Ф. Минорский [1963, 193] связывал наименование *ал-ларисийа* с древним сарматским (аланским) этниконом *аорсы*. Реальная власть в Хазарии находилась в руках у царя, которому подчинялись не только ал-ларисийа, но и русы и славяне, также служившие в его войске. Кроме воинов, в Итиле было много мусульманских купцов и ремесленников, чувствовавших себя в безопасности под властью хазар: у них были не только мечети, но и школы (медресе), где дети могли изучать Коран. Каждая община — иудейская, мусульманская, христианская и языческая — имела собственных судей. Эта сложная этническая структура была характерна уже для раннесредневековых столиц (в том числе для Киева — см. ниже), особенно в тех государственных образованиях, которые включали разноплеменные объединения. Очевидно, что традиционно разноэтничными были Семендер, считавшийся «гуннским» городом (ср. имя гуннского племени *забендер*; от Семендера шел прямой путь с Северного Кавказа на Итиль) и причерноморские города каганата Таматарха, Фанагория, Керчь. В крепости Саркел саму цитадель занимали хазары (и, возможно, гузы), во внешнем городе, окруженном

[1] С 2001 г. ведутся раскопки на городище Самосделка в дельте Волги — единственном известном там раннесредневековом поселении.

Хазарский тяжеловооруженный всадник. Рис. О. Федорова

валами, жили болгары и (с середины X в.) группа славян; стратегическое значение Саркела заключалось не только в том, что он защищал западные рубежи домена правителя хазар, но и в том, что эта крепость контролировала ответвление знаменитого Шелкового пути и охраняла купеческие караван-сараи [*Плетнева* 1996].

Торговые пошлины (десятина) наряду с данью с подвластных народов были важнейшей статьей доходов Хазарского государства: каганат прочно удерживал речные магистрали — Дон и Волгу, ведущие с севера — из глубин Восточной Европы и формирующегося Русского государства — к Черному и Каспийскому морям, в Византию и на Ближний Восток, а также контролировал (до X в.) ответвление т. н. Шелкового пути, ведущего с Востока (из Китая) через Северный Кавказ (и Саркел? — см. [*Плетнева* 1996]) к городам Северного Причерноморья. При этом, вопреки ставшим расхожими представлениям о главенстве «финансового капитала» в Хазарии, у нумизматов практически нет данных о денежном обращении в каганате; хазары чеканили собственные подражания арабским дирхемам, но клады серебряных монет на территории каганата единичны (ср. [*Флеров* 1993]), особенно по сравнению с многими десятками кладов, содержащих десятки тысяч монет на территории Руси (и связанной с ней Скандинавии). Русь должна была испрашивать разрешения хазар, чтобы те пропустили их дружины в Закавказье, и платить десятину при провозе товаров для торговли. Царь Иосиф утверждал, что если бы он не сдерживал русов, те захватили бы весь цивилизованный мир. Русь стала главным соперником каганата в Восточной Европе.

ПРОБЛЕМЫ УПАДКА ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА И ХАЗАРСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

При всей непрочности внутренней этнополитической структуры Хазарского каганата, когда подвластные ему народы сохраняли «автономию», имея собственных правителей, и противоречивости геополитической ситуации в Евразии, в современной историографии принято считать, что именно принятие иудаизма, чуждого подавляющему большинству языческого населения Хазарии, привело каганат к кризису, от которого он не смог оправиться. В кембриджском документе говорится, что «мудрые люди» опасались «возмущения народов» вокруг Хазарии. Константин Багрянородный [глава 39] рассказывает о восстании ***каваров*** из рода хазар (имя *кавар*, возможно, и означает «восставший»), которые были разбиты хазарскими верхами и присоединились к венграм (которых научили языку хазар) в землях пачинакитов-печенегов; считается, что их восстание было реакцией на введение ортодоксального раввинистического иудаизма при Обадии.

Усобицы в «кочевых империях» были неизбежны и в силу эфемерности самих раннегосударственных объединений, когда центральная власть не в состоянии была контролировать сепаратистские устремления племенной знати, и в силу внутренней слабости самой этой власти, распрей внутри правящего рода, и по причине вмешательства «мировых держав», стремившихся ослабить «варварские» государства. Правда, Византия помогла укрепить положение хазар в 840-е гг., построив Саркел, но Кембриджский документ свидетельствует, что уже в правление царя Вениамина, деда Иосифа, «царь Македона» обложил Хазарию с помощью правителей Асии, турок, а также неких *БМ* и *Пиниил*. Верными хазарам остались традиционные союзники аланы, так как часть из них, как утверждается в документе, исповедовала закон евреев. Состав антихазарской коалиции определить достаточно трудно: под Асией можно понимать *асов* — объединение донских алан, так как кавказские аланы были союзниками хазар, но может быть, это были и узы-огузы. Турками, как уже говорилось, могли именовать и венгров, и тюркоязычных кочевников, под *БМ* усматривают черных — кубанских — болгар, наконец, в *Пиниил* видят печенегов. Тогда царь алан разгромил антихазарскую коалицию. Однако ситуация изменилась уже при царе Аароне в первой половине X в., и аланский царь, подстрекаемый той же Византией, в 930-е гг. напал на Хазарию, Аарон же нанял царя турок. Аланский правитель был разбит и взят в плен, но Аарон предпочел сохранить с ним союз, женил сына Иосифа на его дочери, а самого отпустил в его землю. Эти конфликты Хазарии с подвластными народами, прежде всего с донскими и северокавказскими аланами, по гипотезе М. И. Артамонова [1962, 356 и сл.], привели к гибели салтово-маяцкой культуры уже в начале X в. По уточненным датировкам, эта культура, в том числе культура донских аланов, продолжала существовать до середины X в. Очевидно, что многие поселения салтово-маяцкой культуры — и славянской роменской культуры — прекратили существование в начале X в. из-за нашествия печенегов. Но конец салтово-маяцкой культуры, видимо, связан не только с приходом новой волны кочевников. Ее центральный регион — междуречье Волги и Дона с Итилем и Саркелом — был подвергнут разгрому русью Святослава в 960-е гг.

Русь была главным соперником каганата в Восточной Европе, и Византия использовала это соперничество. Когда уже в царствование Иосифа вспыхнул очередной конфликт с Византией, император Роман Лакапин стал преследовать иудеев, а хазарский царь — христиан, Византия спровоцировала поход некоего «царя» Руси Хельгу (Олега) против хазарских владений в Причерноморье. И хотя русские были разбиты хазарским полководцем Песахом и вынуждены были направить оружие против самой Византии (поход 941 г. — см. ниже в главе XI), соперничество Хазарии с Русью и Византией, натиск печенегов с запа-

да и узов-огузов с востока, наряду с внутренними распрями, обрекли каганат на гибель; есть краткие известия восточных авторов о том, что в поисках союзников против огузов хазары обратились к Хорезму и вынуждены были принять ислам (ср. [*Новосельцев* 1990, 194 и сл.]).

Царь Иосиф, преувеличивавший могущество своей державы в письме к Хасдаю Ибн Шапруту в начале 960-х гг., писал о своем домене в устье Волги: «Я охраняю устье реки и не пускаю русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на исмаильтян, и (точно также) всех врагов (их) на суше приходить к "Воротам" (Дербенту. — *В. П.*, *Д. П.*). Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада и до страны...» [*Коковцов* 1932, 102]. В тексте неясно, до какой страны дошли бы враги исмаильтян, но история продемонстрировала справедливость слов Иосифа: русь Святослава, расправившись с соперником на востоке, повернула на Запад, к Дунаю, угрожая Византии, огузы двинулись в Переднюю Азию и Закавказье.

После разгрома Хазарии Святославом хазары еще упоминаются в русских источниках в конце XI в. в принадлежащей Руси Тмутаракани, хороним *Хазария* еще встречается в византийских документах, обозначающих область Тамани, но сам этнос, господствовавший на протяжении трех столетий на юге Восточной Европы, растворился среди многочисленных народов и этнических групп, некогда входивших в состав каганата. К хазарам иногда стремятся возвести свое происхождение некоторые представители тех народов, которые исповедовали иудаизм: горские евреи (таты) Дагестана и караимы (последователи того течения в иудаизме, которое почитает лишь Библию, но не признает Талмуда), но прямых оснований для этого в источниках нет.

В 1970-е гг. англоязычный писатель Артур Кестлер в полулярной книге «Тринадцатое колено» попытался отыскать тюркско-хазарские истоки европейского (ашкеназского) еврейства: [*Петрухин* 2002]. Кестлер не скрывал, что его целью было доказать безосновательность антисемитизма, так как европейские евреи не были семитами — они были тюрками по происхождению, относились к тринадцатому колену, а не к одному из двенадцати колен Израилевых. Эта концепция практически возрождает мифологизированную генеалогию, принятую в письме царя Иосифа, который возводил свой род в колену Тогармы. Судьбы еврейских общин Хазарии неясны (ниже еще будет говориться о киевской еврейско-хазарской общине), едва ли они были многочисленны вне традиционных причерноморских центров еврейской диаспоры, и никаких оснований связывать с ними европейских ашкеназов, составлявших самостоятельные общины в городах Западной Европы в раннем Средневековье, нет.

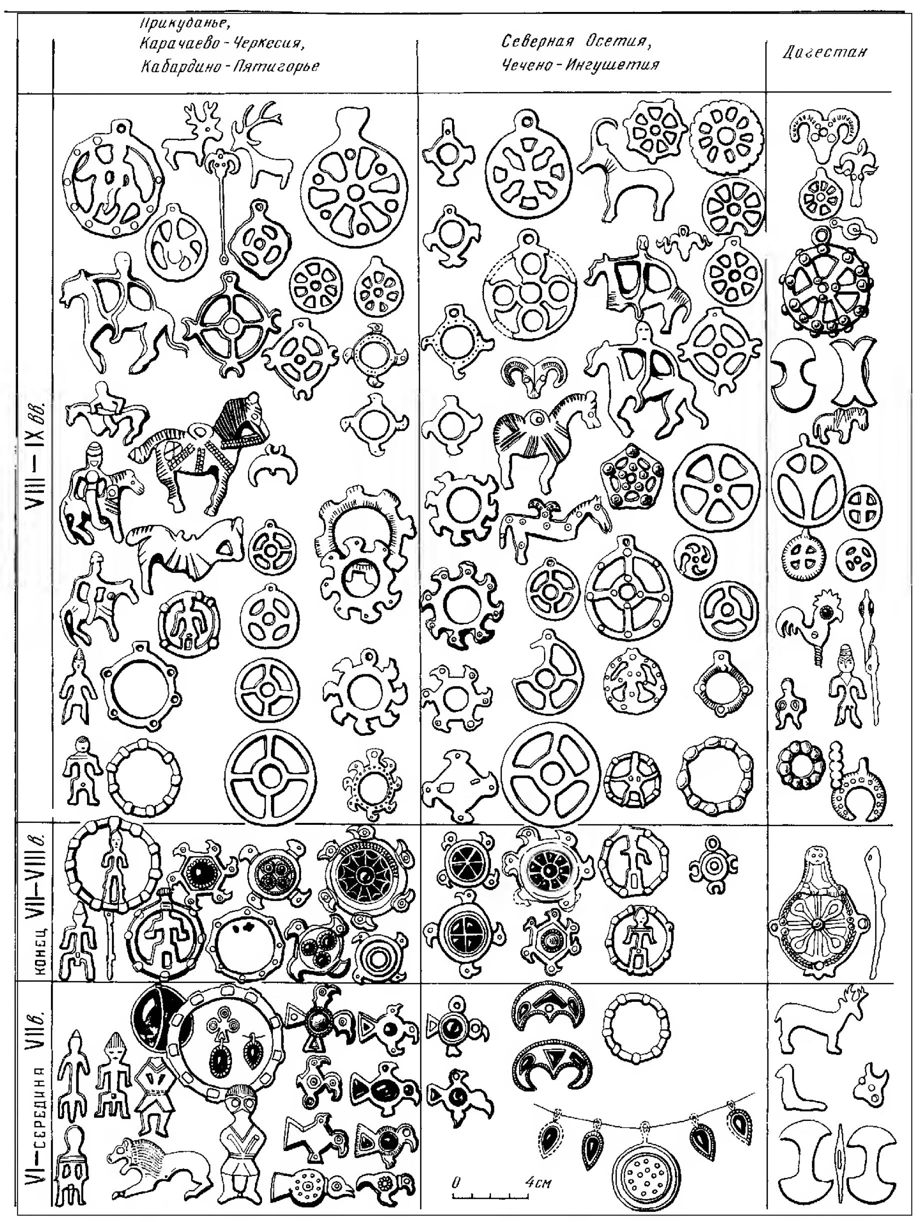
Вместе с тем хазарская эпоха не прошла для Восточной Европы бесследно (равно как не прошли бесследно гуннская и аварская эпохи

для Европы Центральной — для славян и венгров): наследницей Хазарии в раннесредневековую эпоху стала (отчасти — см. ниже) Русь, а затем — Золотая Орда, власть которой распространилась в тех же пределах, что и власть Хазарии в период могущества. В сложных отношениях соперничества и партнерства с Хазарией выступала не только Русь, но и другие народы и государства Восточной Европы и Евразии, в первую очередь Алания и Волжско-Камская Болгария.

КАВКАЗСКАЯ АЛАНИЯ И НАРОДЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В VI—X ВВ.

Арабские географы X в. помещают на Кавказе 72 народа: это, конечно, не точное число этносов, обитающих в регионе, а общее представление о множестве «языков», населявших Кавказ, — цифры 72 соответствуют числу «языков» — строителей вавилонской башни. Этническое разнообразие соответствовало самой природе Кавказа, разделенного естественными границами на множество регионов, где обитали разные племена. Но отнюдь не все они были известны древним и средневековым автором. Одним из самых могущественных и известных народов Кавказа ал-Масуди считает ***аланов.*** Согласно передаваемым им легендам, иранский шах Анушadd Ануширван в VI в. воздвиг стену у Дербента (Баб-ал-Абваб), чтобы удерживать хазар, аланов, различных тюрков, жителей Сарира и другие народы, а в еще более древние времена мифический правитель Ирана Исфандияр основал Аланскую крепость — «Аланские ворота», Дарьял, чтобы не пускать аланов в Закавказье.

Потомки скифо-сарматского населения евразийских степей аланы, походы которых в союзе с германцами, гуннами и другими народами потрясли в эпоху Великого переселения средиземноморский мир, в первых веках н. э. прочно освоили степи и предгорья Северного Кавказа, подчинив и частично ассимилировав местное население. Прокопий Кесарийский [Война с готами VIII, 3] свидетельствует, что аланы занимают «всю страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот» (Каспийскими воротами этот автор считал Дарьял). Там аланы перешли к отгонному скотоводству и земледелию (в том числе восприняли у местного населения навыки террасного земледелия на склонах гор), основали многочисленные малые и крупные укрепленные поселения. На равнинных землях Ставропольской возвышенности, в долинах Кумы, Терека, Сунжи преобладали т. н. земляные городища с валами и рвами из земли, глины и кирпича-сырца, в Центральном Предкавказье — т. н. каменные городища со сложенными из камня стенами и башнями, хозяйственными и жилыми постройками. Сеть укрепленных поселений контролировала горные выпасы и позволяла в случае вражеского нашествия увести население и скот в горы.

Амулеты аланов Северного Кавказа (Степи Евразии. С. 181)

На рубеже VII—VIII вв. на некоторых поселениях появляются редкие юртообразные жилища и керамика, свидетельствующая о присутствии тюркских (болгарских) групп; наряду с характерными для алан катакомбными погребениями распространяются скальные гробницы и грунтовые ямы, также связанные с перемещениями тюркского населения в

эпоху хазарского господства. Однако собственные культурные навыки не только позволили аланам пережить нашествия гуннов и других народов евразийских степей, но и сыграли важную роль в становлении культуры Хазарского каганата и даже Волжской Болгарии. Многочисленные памятники аланской культуры на Северном Кавказе существуют нередко с III по IX век и дольше.

Аланы, как и прочие «варварские» народы Евразии, должны были маневрировать между великими державами раннего Средневековья — Византией и Сасанидским Ираном, затем — Арабским халифатом; предполагают, что внутри аланского племенного объединения существовало две группировки — проиранской и проромейской ориентации, — образовавшиеся на территории Северного Кавказа к VI в н. э. Восточные аланы контролировали Дарьяльский проход, ведущий в зависимое от персов грузинское царство Картли. Западное объединение алан сформировалось в верховьях Кубани, вблизи западногрузинского государства Лазики и Абхазии, бывших под контролем Византии. Поэтому Западная Алания также входила в сферу византийского влияния и часто выступала в качестве союзника Византии: не случайно в 558 г. авары обратились к царю западных алан Сарозию с просьбой установить дружественные контакты с Византией ([*Ковалевская* 1984, 133 и сл.]; ср. [*Кузнецов* 1992, 85 и сл.]). Напротив, восточные аланы в составе иранских войск вторглись в 550—551 гг. в Колхиду, подвластную Византии, и позднее (576 г.) заключили (вмести с савирами) выгодный договор, получив от Византии откуп больший, чем те деньги, что платили им персы. Юстиниан II стремился в начале VIII в. использовать аланов против *абасгов* и *лазов* — абхазов и населения Западной Грузии, отложившихся от Византии [*Чичуров* 1980, 65—67]. Интерес к Алании был силен не только в силу ее стратегического положения на Кавказе, но и потому, что в результате войн, которые вел Иран, изменился маршрут Шелкового пути, который проходил теперь к византийским портам Северного Причерноморья через Аланию (не случайно в могилах аланской знати обнаружены шелковые одеяния среднеазиатского происхождения).

К середине VIII в. аланы оказались под властью Хазарского каганата — они почти не упоминаются в византийских источниках VIII—IX вв. Археологами отмечено появление памятников салтово-маяцкой культуры с очевидными тюркскими чертами в междуречье Кубани и Терека — хазары стремились к летним пастбищам Приэльбрусья и контролю над Шелковым путем [*Кузнецов* 1997, 164 и сл.]. Но Византия использует свои традиционные связи с аланами в период обострения отношений с Хазарским каганатом и Дунайской Болгарией: когда в 917 г. болгары стали угрожать Константинополю, патриарх Николай Мистик в своем послании царю Симеону пригрозил нашествием турок (венгров), печенегов, руси, аланов и «других скифских племен». К ре-

альным политическим успехам того же патриарха можно отнести крещение Западной Алании (при содействии правителя Абхазии) в начале X в. В результате Византии удалось спровоцировать конфликт алан с иудейской Хазарией в 932 г., упомянутый Кембриджским документом: аланы потерпели поражение и, по ал-Масуди, вынуждены были изгнать византийских священников (по данным еврейского документа они даже приняли иудаизм). Отказ от христианства был недолгим, ибо в середине X в. император Константин Багрянородный в сочинении «О церемониях византийского двора» именует правителя Алании «духовным сыном» и удостаивает грамот с золотыми печатями, что приравнивает Аланию к таким христианским государствам, как Болгария и Армения. О существовании аланской митрополии известно с конца X в. В том же X в. в Западной Алании начинается церковное строительство, центром епархии становится, вероятно, городище Нижний Архыз в верховьях Кубани, которое отождествляется со столицей Алании, упомянутой ал-Масуди — городом Магас (Маас); Алания входит в круг христианских государств Причерноморья [*Кузнецов* 1992, 102—122; *Иванов* 2003, 178—190].

В описании ал-Масуди царь аланов (*ал-Лан*), помимо столицы Магас (иранск. 'Великая'), владеет многими замками и резиденциями, в которые время от времени наезжает: этот быт характерен для правителей раннесредневековых государств — от империи Каролингов до Руси и Хазарии. В X в. в Алании действительно формируется сеть каменных крепостей, при строительстве которых византийские традиции повлияли на местную технику. Царь Алании поддерживает матримониальные связи с царем Сарира, с ним в дружбе пребывает горная область Гумик, которую связывают с современными землями ***лакцев***, народа, говорящего на языке нахско-дагестанской группы и в прошлом именовавшегося *кази-кумух*, по имени главного поселения Кумух (название древней области сохранилось в этнониме тюркоязычного народа *кумыки*). Соседний же с аланами народ *кашак* (адыги) не имеет царя и исповедует языческую религию, а от могущественных аланов его спасают только укрепленные поселения. Константин Багрянородный (гл. 43) свидетельствует о том, что аланы совершают набеги и на более отдаленную от них адыгскую область между Кубанью и Никопсисом, именуемую в греческих источниках Зихией; *зихи* вынуждены скрываться от аланов на островах в Черном море. Царь алан, по ал-Масуди, главенствует также над абхазами. Очевидно, что правители алан стремились обрести выход к морю.

Аланское государство существовало до монголо-татарского нашествия XIII в. После татарского разгрома аланы составили этноязыковую основу нового ираноязычного народа Кавказа — ***осетин***. Но влияние аланов на этническую и языковую историю народов Северного Кавказа было значительно более широким и указывает, в частности, на

взаимодействие ираноязычных и тюркоязычных этносов, в том числе предков тюркоязычных ***карачаевцев*** и ***балкарцев***: само имя балкарцев, вероятно, родственно этнониму *болгары*, названию раннесредневековых соседей аланов.

В целом на Северном Кавказе рубежа I и II тыс. н. э., при всей традиционной пестроте этнической ситуации, прослеживаются те же тенденции развития этнических культур, которые наблюдались и в более ранние эпохи: на юго-западе преобладают адыгские племена (зихи и касоги средневековых источников), центральную часть занимают аланы, а горные области — горские народы вайнахов (предки чеченцев и ингушей), на востоке в Дагестане — в областях Серир, Гумик и др. — предки аварцев, лакцев, лезгин, даргинцев и др. народов жили вместе с тюркоязычными племенами, проникавшими на север Дагестана с гуннской эпохи, в том числе с хазарами (в частности, городище Тарки возле Махачкалы предположительно отождествляется с Семендером). В степях Прикубанья обитали потомки оногуро-болгарского и хазарского племенного объединения (ср. [*Гадло* 1979, 199—209; *Кузнецов* 1997).

ВОЛЖСКО-КАМСКАЯ БОЛГАРИЯ И НАРОДЫ ПОВОЛЖЬЯ

Проникновение тюркоязычных кочевых племен в лесостепные районы Среднего Поволжья и междуречье Волги и Камы было непосредственно связано с миграционными процессами в евразийской степи, в первую очередь — в Хазарии. Предполагают, что племена болгар (булгар) стали проникать в Среднее Поволжье еще в эпоху начальной экспансии хазар, когда болгарское объединение в причерноморских степях (Великая Болгария) распалось и часть болгар (в последней четверти VII в.) откочевала за Дунай, часть — в Поволжье. Ранние болгарские памятники появляются в районе Самарской Луки в середине VII в.: вторжения болгар и других кочевников, видимо, положили конец существованию здесь упомянутой балто-славянской именьковской культуры [Багаутдинов и др. 1998, 167 и сл.] [2], носители которой, по предположению В. В. Седова, мигрировали в левобережье Днепра, и способствовали передвижению венгров в степи. Арабский автор 30-х гг. X в. ал-Истахри именует Волжскую Болгарию «Булгаром Великим» и отличает волжских болгар от «внутренних» (т. е. ближайших к Средиземноморью) — дунайских, которые приняли христианство. Миграции болгарских племен продолжались в периоды кризисов — арабо-хазарских войн, меж-

---

[2] Авторы сравнивают раннесредневековую миграцию болгар из Приазовья на Среднюю Волгу с древней миграцией «отделившихся скифов» (см. выше, глава IV).

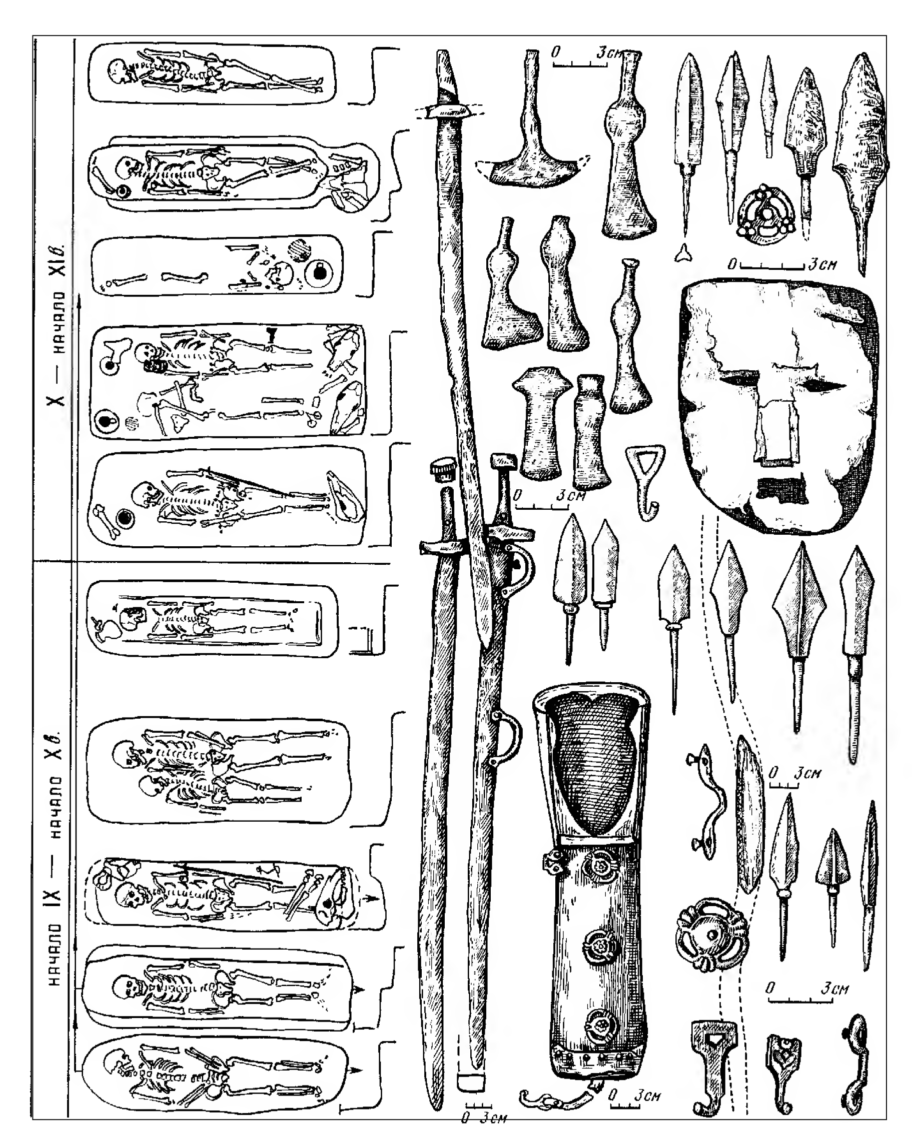
племенных конфликтов внутри Хазарии в IX в.: по данным археологии — болгарских могильников в Среднем Поволжье, — последняя миграционная волна была наиболее интенсивной.

О непосредственной связи тюркоязычных кочевников Волго-Камского междуречья с племенами Хазарии свидетельствует этнонимия: арабский автор начала X в. Ибн Русте (Ибн Руста) пишет, что болгары (в Волжско-Камской Болгарии) разделяются на три группы — *берсула, эсегел* и собственно болгар: племена *берсула* явно связаны с барсилами, древнейшими соседями хазар. *Эсегел* (*икиль, эскел*) упомянуты также (наряду с племенем *баранджар*, напоминающем о хазарском городе Баланджар на Кавказе) главным автором, описывающим Волжскую Болгарию, — арабским дипломатом Ахмедом Ибн Фадланом, который совершил путешествие в эту страну в 921/922 г.: Ибн Фадлан прибыл в ставку (кочевье) «царя» болгар, куда царь призвал народ, именуемый *суваз*, но часть этого народа с самозванным вождем не подчинилась болгарам, другая же часть, во главе с правителем племени *эскел*, повиновалась [*Ковалевский* 1956, 139]. Имя народа *суваз* (*сван, суан*) может читаться как *сувар* — народ, упоминаемый рядом с болгарами хазарским царем Иосифом: по происхождению этот народ явно связан с савирами на Северном Кавказе.

Согласно восточным источникам языки хазар, болгар и савиров-сувар были близкородственными. Реликты этих языков усматривают в тюркском языке ***чувашей*** — народа в Среднем Поволжье: сам этноним *чуваш* возводится к названию *суваз*.

Сувар — название одного из крупных городов Волжской Болгарии, наряду со столицей Болгар (Булгар) на берегу Волги. Несмотря на то, что болгарская аристократия во главе с самим царем (как и хазарский каган) сохраняла традиции кочевого быта, болгары в лесостепи интенсивно переходили к комплексному земледельческо-скотоводческому хозяйству, так что Ибн Русте писал уже о том, что болгары — земледельческий народ, возделывают пшеницу, ячмень, просо и другие культуры. Этому переходу способствовали контакты с местными земледельческими поволжско-финскими племенами — ***мордвой*** и ***марийцами*** — черемисами, которых царь Иосиф упомянул в числе своих данников. Археологические материалы обнаруживают синтез культур болгарской и финно-угорских на одних и тех же памятниках Волжско-Камской Болгарии (см. [История татар, 185—218]). К X в. на перекрестке международных путей — речного Волжского (см. [Великий Волжский путь 2001]) и караванного, связующего Среднюю Азию (державу Саманидов) и Восточную Европу, в том числе Болгар и Киев, — возникли города.

Доходы государства Болгар (Булгар, Болгария), возникшего к X в. в Среднем Поволжье, как и Хазарии и других раннесредневековых государств, складывались из торговых пошлин (десятины) и даней, которые правитель брал лошадьми и мехами. Меха привозила в Болгар русь, но

Древности волжских болгар (Степи Евразии. С. 166)

болгары сами стремились контролировать регионы, богатые пушниной, о чем свидетельствуют описания путешествий болгарских купцов в страну *вису* за мехами соболей и черных лисиц: под народом вису усматривают летописную *весь*, предка финского народа ***вепсы***. О связях Болгарии с областями *муромы*, Верхнего Повожья и Белоозера — земель *веси* — свидетельствуют находки болгарской керамики (с X в.: ср. [*Голубева* 1969]). Другой регион, которого достигали болгарские

купцы, — земли народа *йура* — летописная Югра, Зауралье: там обитали обские угры — ханты и манси, с которыми велась торговля: одежда, соль и другие вещи обменивались на меха при посредстве знаков и тайно, так как «дикий народ йура» боялся зла от чужаков (позднее сходные торговые отношения новгородцев с югрой упоминает русская летопись). В Нижнем Приобье действительно находят много болгарских вещей X—XIV вв. Подобно Хазарии, в Болгарии с X в. началась чеканка серебряной монеты — подражаний арабским дирхемам.

Государство Болгария находилось в сложных отношениях с Хазарским каганатом, властитель которого считал правителя болгар своим вассалом. «Царь» Алмуш, к которому прибыло из Багдада посольство с секретарем Ибн Фадланом, платил дань мехами царю хазар, его сын был заложником в Итиле, а дочь насильно была взята в гарем хазарского правителя — таковыми были обычные отношения вассалов и сюзеренов в раннесредневековых государствах. Правитель болгар сохранял тюркский титул *эльтебер*, который был ниже титула *каган* («царем» — арабск. *малик* — именуют его, как и прочих правителей Восточной Европы, восточные источники). Вместе с тем Алмуш уже принял ислам (видимо, не без посредства хазарских — итильских — мусульман) и отправил посольство в Халифат с просьбой не только прислать наставников в новой религии, но и построить крепость, что было явно направлено против власти Хазарии (ср. [*Фахрутдинов* 1984; *Новосельцев* 1990, 197 и сл.]).

Интересно, что Ибн Фадлан именует болгарского правителя «царь ас-сакалиба» — царем славян. Арабы (в том числе ал-Масуди) могли использовать заимствованный ими у греков книжный термин *ас-сакалиба* как обозначающий не только славян, но и все население Восточной и особенно Центральной Европы (включая немцев и венгров), однако у Ибн Фадлана такого расширительного толкования нет. Возможно, в соответствии с традициями «кочевых государств», болгары считали своими подданными славян с тех времен, когда они господствовали в причерноморских степях, — со времен Великой Болгарии и пеньковской культуры. Эта историческая традиция была тем более актуальна в момент приема посольства самого халифа, когда нужно было продемонстрировать могущество болгарского хана [*Мишин* 2002, 29—33].

Русь, видимо, использовала противоречия между Волжской Болгарией и Хазарским каганатом, так как именно через Болгар — в обход Хазарии — стала поступать на Русь восточная монета, когда Каганат попытался установить экономическую блокаду Руси в конце IX — начале X в. (см. ниже). В 965 г. князь Святослав вторгся в каганат через Оку и Среднее Поволжье, разгромив Болгарию, буртасов, а затем Хазарию (по данным Ибн Хаукаля). Древняя Русь, однако, не смогла закрепиться на Средней и Нижней Волге. Попытка князя Владимира в 985 г. подчинить болгар и обложить их данью закончилась неудачей, несмот-

ря на то, что он использовал федератов Руси — конницу торков — для похода. Показательны слова «Повести временных лет», передающие отношение русских к богатому восточному соседу: Владимир замечает, что болгары обуты в сапоги, и говорит, что те не будут платить дани — надо искать «лапотников». С болгарами был заключен мирный договор, сохранивший в древнерусской передаче болгарскую «фольклорную» формулу: «Толи не будеть межю нами мира, оли камень начнеть плавати, а хмель почнеть тонути» [ПВЛ, 39]. Мирные отношения с болгарами, по летописи, имели важные для Руси последствия — в следующем 986 г. болгары прислали своих послов, призывая Владимира принять ислам. Настал черед Руси выбирать веру (см. ниже). С X в. установились прочные экономические и торговые связи Руси и Волжской Болгарии (см. сборник: [Волжская Болгария и Русь]).

Государство Волжско-Камская Болгария, как и Кавказская Алания (у которой были свои разнообразные связи с Русью уже в средневековый период), не пережило монголо-татарского нашествия XIII в. Однако тюркоязычные болгары составили основу новых этносов, формировавшихся уже в пределах Золотой Орды — ***чувашей*** и ***татар***.

Глава X

СЛАВЯНЕ И КОЧЕВНИКИ В РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ: ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО СИНТЕЗА

Славяне и степные номады, по-преимуществу тюрки, были «обречены» на соседство и взаимодействие самим ходом истории. Их появление во всемирной истории, точнее — вторжение в нее, было практически одновременным, произошло в эпоху Великого переселения народов, в V—VI вв. н. э. Общим для кочевников и славян воплощением мировой цивилизации и объектом вожделения была Римская империя и ее наследница Византия: прорвав границы империи, те и другие попали на страницы средневековых хроник. Не только богатства, накопленные в империи (в «евразийской» перспективе — также в Китае, Иране и Халифате), но и блага цивилизации — римской (христианской), иранской, арабо-мусульманской, — были даны славянам и тюркам как бы в готовом виде. Это обусловило сложение общих черт в системе культурных ценностей и даже, как писал в 1925 году Н. С. Трубецкой [1995, 141—162], в «подсознательной философской системе» (что ныне принято называть словом «ментальность»).

Действительно, первые исторические акты тюркских и славянских правителей, по описанию средневековых хроник, обнаруживают иногда удивительное сходство, не диктуемое традициями собственно византийскими (дипломатическими, литературно-этикетными и т. п.). Согласно византийской Хронике Симеона Логофета (X век), болгарский (протоболгарский) хан Крум, опиравшийся на совместные силы болгар (протоболгар) и славян, в 811 году разбил византийскую армию, подошел к стенам Константинополя — Царьграда в славянской традиции — и, заключив мир, вонзил в Золотые ворота копье. Почти через столетие, в 907 году (согласно Начальной русской летописи — «Повести временных лет») русский князь Олег с дружинами руси и славян осадил Царьград, заключил выгодный для Руси мир и повесил щит на воротах Константинополя, «показуя победу» (культурологический анализ этих сюжетов см.: [*Бадаланова-Покровская* 1991]). Болгарский хан и русский князь, помимо традиционного для «варваров» договора о мире и дани с греков, добиваются «легитимизации» своих государств в центре империи при посредстве символического акта: они «отмечают» свою победу знаком на вратах Царьграда.

Славяне участвовали не только в походах тюркоязычных болгар и варяжской руси: согласно византийским источникам, с момента появ-

ления славян на дунайской границе империи в VI в. они действовали совместно с кочевниками. Составители «Свода древнейших письменных известий о славянах» [т. 1, 209—210, 227] отмечают, что у Прокопия Кесарийского упоминание «гуннов, склавинов и антов», обретающихся на Истре — Дунае, представляет собой «стереотипную формулу»: под гуннами у Прокопия понимаются разные народы распавшегося гуннского племенного союза; склавины и анты — две группировки праславян VI — начала VII вв. Историографическая и историческая устойчивость этого объединения засвидетельствована и невизантийским — франкским — источником VII века: во «Франкской космографии» говорится о склавах, хуннах и винидах (венедах), обитающих на Дунае [Свод, т. 2, 398—400] .

Уже отмечалось (глава VII), что византийская и латинская (франкская) традиции по-разному именуют маргинальные группировки славянства: у греков это анты — этникон, имеющий иранское (или тюркское) происхождение, в латиноязычных источниках — венеды (виниды и т. п.), традиционный античный этникон, употребляемый по отношению к славянам со времен Иордана. Этниконом, отражающим самоназвание славян — *словене,* — было имя склавины (склавы и т. п.): сами славяне не называли себя ни венедами, ни антами. Этникон *гунны* (*хунны*) во франкском источнике VII века относился уже, возможно, к аварам (как в «Хронике Фредегара», см. ниже), но, может быть, отражал и раннюю, доаварскую историческую ситуацию. Так или иначе греческие и латинские источники описывают ситуацию «извне», и «единство» славян и «гуннов» может быть связано с общим отношением к варварам, как к единой массе народов, обретающихся на границе империи.

При обращении хронистов к конкретным историческим событиям, естественно, описываются конфликты и войны не только между славянами и кочевниками, но и между группировками самих славян и внутри кочевых объединений. Так, анты, по данным Прокопия, в 545 году стали союзниками империи и не должны были позволять «гуннам» переходить Дунай [Свод, т. 1, 184], а авары, появившись на границах Византии, отправили в 558 году посольство в Константинополь, заключив союз с Юстинианом I против кутригуров-протоболгар; авары совершали набеги и на антов. Союз же с Византией не помешал аварам вместе со славянами («гунны и склавы» в Хронике Иоанна Малалы — [Свод, т. 1, 268 и сл.]) — в следующем 559 году совершить поход во Фракию, провинцию Византии, и т. п.

Естественно, собственно славянские источники, прежде всего «Повесть временных лет», предлагают совершенно иной взгляд на отношения славян и кочевников. Не следует забывать, что это в первую очередь взгляд христианского книжника, живущего в эпоху борьбы с половецкими набегами (конец XI — начало XII в.): кочевники для него —

враги и «поганые» (язычники). Но Начальная летопись синтезирует и ранние славянские предания, и византийскую традицию (как образец). Вслед за описанием расселения славян от Дуная («где ныне Угорьска земля и Болгарьска») летописец повествует о приходе на Дунай болгар «от скуф, рекше от козар»: они стали «населници» славянам. Далее речь идет о завоевательных походах «при Ираклии царе» *белых угров*, которые «наследиша» землю славянскую на Дунае и, наконец, о насильниках обрах-аварах. *Белые угры* — хазары — здесь смешаны с *черными уграми* — венграми, действительно занявшими славянские земли на Дунае («где ныне Угорьска земля») в конце IX—X веке. Нет и правильной последовательности в изложении исторических событий — болгары пришли на Дунай около 680 года; хазары — белые угры — заключили союз с Византией в 626 г. при императоре Ираклии, когда иранский шах Хосров попытался создать антивизантийскую коалицию «западных гуннов» — аваров, болгар и славян. В результате очередной поход на Византию совершили авары со славянами, потерпевшие поражение под стенами Константинополя, о чем сообщают византийские источники, в том числе и известный составителю «Повести временных лет» «Бревиарий» («Летописец вскоре») патриарха Никифора ([*Чичуров* 1980, 58—59]; см. также ниже), но русского летописца интересует иной сюжет, связанный с аварами (см. об источниках рассказа: [ПВЛ, 392]).

Выше (глава VII) уже приводился летописный рассказ о том, как обры «воеваху на словенех и примучаша дулебы, сущая словены, и насилие творяху женам дулебьским»: далее следует знаменитое предание об аварах, которые запрягали в свои телеги дулебских жен вместо волов и коней. Это — едва ли не древнейший славянский эпический сюжет. Характерно и его завершение: «Быша бо обре телом велици и умом горди, и Бог потреби я, и помроша вси, и не остася ни един обрин. И есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре». Встреча с аварами действительно оказалась для славян эпическим «первособытием»: имя авар — обров стало именем первобытных великанов в славянском фольклоре; ср. имя *алангасаров* — великанов в фольклоре народов Поволжья, восходящее к этнонимам *аланы* и *хазары*, огузов в Армении и т. п.

Но в исторической перспективе для русского книжника традиционный мотив великанов, истребленных Богом, приобретает значение лейтмотива в отношениях Руси и кочевников. Летописный сюжет о хазарах, которые потребовали дани с днепровских полян, завершается историческим итогом — русские князья владеют хазарами «до сего дня». О ***печенегах,*** окончательно разбитых Ярославом Мудрым у Киева в 1036 году, говорится, что остатки их скитаются неведомо где до сего дня. О ***торках,*** на которых пошли с бесчисленным войском князья Ярославичи в 1060 году, говорится, что они бежали и «помроша бегаючи, Божьим гневом гоними». И уже в заключительной части Начальной летописи

Нестор повествует о победе коалиции русских князей во главе с Владимиром Мономахом над половцами в 1111 году: ангелы Божии во главе русского воинства избивали «поганых» [Чекин 2000].

Мотив степи как Дикого поля и извечной борьбы со степняками стал доминирующим и в русской историографии, и в эпическом народном сознании: татарское нашествие XIII в. сохранилось в былинной памяти, и татары стали эпическими врагами par excellence, заслонив половцев и других степняков (впрочем, в эпическом контексте сами татары могли заменяться «литвой» и другими иноземцами). Возникшая в качестве альтернативы этой традиции концепция евразийства в итоге, в своих исторических устремлениях, как это ни парадоксально, мало чем от нее отличалась. Конечно, евразийцами признавалась конструктивная роль кочевых государств в истории Российского государства, и евразийская перспектива совместного развития этой государственности славянскими и тюркскими народами считалась единственно возможной, но для строительства этой новой всемирной империи не доставало «самой малости» — единой идейной основы, каковой, по концепции евразийства, могло быть только православие. На утопичность этой концепции, требующей от тюркских народов, по сути, отказа от своей самобытности, указывали уже первые критики «евразийского соблазна» — Г. В. Флоровский [1993, 256 и сл.], П. М. Бицилли [1993, 283 и сл.].

Безусловно, результаты реального исторического взаимодействия славянских, иранских, тюркских и других этносов Евразии были несравненно разнообразнее и богаче, чем общие историографические схемы (см. из последних работ: [Евразийское пространство]). Это взаимодействие предопределялось и «объективными» требованиями экономики степняков-скотоводов: развитие скотоводства требовало расширения кормовой базы, в том числе запасов зерна на зимних стойбищах, формирования полукочевых и оседлых форм быта (см. применительно к раннесредневековой эпохе: [*Плетнева* 1982]). Естественно, эти требования возрастали в процессе формирования государств: дань со славян и чинимые им «насилия», упоминаемые летописью, диктовались, по-преимуществу, этими требованиями. Видимо, не случайно, по свидетельству Менандра, во второй половине VI века авары убивали захваченных в плен кочевников-савиров, но славян оставляли в живых и требовали с них выкуп [*Авенариус* 1991, 27]. Земледельческая экономика славян, скотоводство и военизированная племенная организация кочевников «дополняли» друг друга в этом процессе.

При этом нельзя забывать и о наличии единых целей, которые объединяли славян и кочевников (и прочих варваров), во всяком случае в глазах византийцев: эти цели — перераспределение богатств, накопленных цивилизацией, в первую очередь Византией. Сложные и противоречивые отношения с Византией, использующей союз с одними варварами против других, заключающей с ними договоры и выплачивающей

вожделенную дань, «позволяющей» селиться в бывших римских провинциях и т. п., сопутствовали и сложению первых «варварских» государств, и завершающей стадии тюркского и славянского этногенеза. Очевидно, что общетюркское, равно как и общеславянское самосознание складывалось в процессе этнокультурного противостояния и «диалога» варварских объединений с Византией и другими цивилизациями; не меньшее значение для сложения этнического самосознания различных групп славян и тюрков имели и отношения симбиоза и конфликта между этими общностями, относящимися к столь различным языковым семьям и хозяйственно-культурным типам.

Действительно, первые вероятные свидетельства присутствия славян на дунайской границе Византии относятся к периоду, почти на столетие предшествующему первым упоминаниям имени *славяне* (склавины) у Прокопия Кесарийского. Речь идет о детальном анализе известий Приска о византийском посольстве 448 года к гуннам в Паннонию, в том числе об анализе некоторых реалий быта и общественной жизни населения Гуннской державы в правление Аттилы (см. *Гиндин* 1987; Свод, т. 1, 81 и сл., 161—169; *Кланица*, *Тржештик* 1991]). Приск не упоминает славян, но население, которое по языку отличается от гуннов (и от готов), он называет *скифами*: скифы поставляют для посольства челны-однодеревки, которые они сами изготовляют, и переправляют посольство через Истр; далее послы также переправляются на однодеревках или на плотах, которые «скифы» возят за собой на телегах через заболоченные пространства. Вместо пшеницы у них — просо, а «вместо вина — медос, называемый так по-туземному».

Слависты давно (во всяком случае, со времен Л. Нидерле) обратили внимание на то, что просо и мед — традиционные компоненты славянской кухни; медос у Приска, видимо, действительно можно «рассматривать, как греческую фиксацию праслав. *medъ» (Свод, т. 1, 93). Не менее интересно то обстоятельство, что поставка однодеревок и переправа через реки были традиционным занятием славян: они и переправляли конницу кочевников, и сами участвовали в морской осаде византийских городов — ср. описание переправы авар через Истр и Саос у Феофилакта Симокатты (VI; III, 9 и VI; IV, 1—5 — о событиях 584—585 гг.) и описание осады Константинополя аварами и славянами в 626 году в «Бревиарии» патриарха Никифора. Мы можем заключить, что эта славянская традиция складывалась независимо от потребностей кочевников, ибо те же услуги славяне оказывали в середине X века и руси, срубая в своих лесах однодеревки и сплавляя их по рекам для подготовки похода на Византию [*Константин Багрянородный*, глава 9].

К тексту того же Приска восходит и описание похорон Аттилы (453 г.) у Иордана: после оплакивания гунны устраивают наверху кургана «великое пиршество, которое они сами называют страва». Наиболее приемлемой этимологией этого обозначения обрядовой трапезы при-

знается славянская. Конечно, при отсутствии упоминания о собственно славянах, равно как и при отсутствии ощутимых следов раннего пребывания славян в Паннонии, трудно оценить реальное участие праславян в строительстве Гуннской державы. Но характерен сам «интернациональный» контекст предприятий и ритуалов этого государственного образования: так строились и позднейшие раннефеодальные государства, их памятники — поселения и особенно могилы вождей — синтезировали различные этнокультурные импульсы. В результате трудно различить гуннские, готские (при том, что само имя *Аттила*, вероятно, имеет готское происхождение) и «славянские» элементы в описании похорон Аттилы.

Точное типологическое соответствие участию трех этнокультурных компонентов в возведении погребального памятника вождю представляет собой обрядность «княжеского» кургана, расположенного на противоположном — северо-восточном — пределе того ареала, где осуществлялось взаимодействие славян и кочевников. Это курган Черная могила в Чернигове, насыпанный в 60-е годы X в. над кремацией представителя русского княжеского рода «варяжского» происхождения: в его обрядности, помимо скандинавских и славянских черт, прослеживается кочевнический (салтовский) обычай укладывать конское снаряжение, оружие и доспех в груду («трофей») на кострище, а драгоценные серебряные оковки ритонов украшены в постсасанидском стиле: одна из оковок несет хазарский изобразительный сюжет (см. ниже главу XI).

В этих хронологических (VI—X вв.) и территориальных (Центральная Европа — Среднее Поднепровье) пределах археология дает многочисленные примеры этнокультурного синтеза славянских и кочевнических традиций. Ранний и, может быть, даже исходный пример такого синтеза — пеньковская археологическая культура VI—VII вв., распространенная в юго-восточном ареале праславянских культур от Подунавья до Среднего Поднепровья (в том числе и на левобережье вплоть до Северского Донца) и большинством иследователей приписываемая антам. Керамический комплекс этой культуры включает, помимо специфической пеньковской посуды, «классическую» славянскую керамику типа «Прага—Корчак», а также сделанную на гончарном круге керамику пастырского типа, позднее — с конца VII в. — салтовскую посуду, характерную для болгаро-аланского населения Хазарского каганата. Соответственно, в домостроительстве пеньковской культуры на одних и тех же поселениях также прослеживаются две традиции — «славянская» с полуземлянками и печами и кочевническая с юртообразными жилищами.

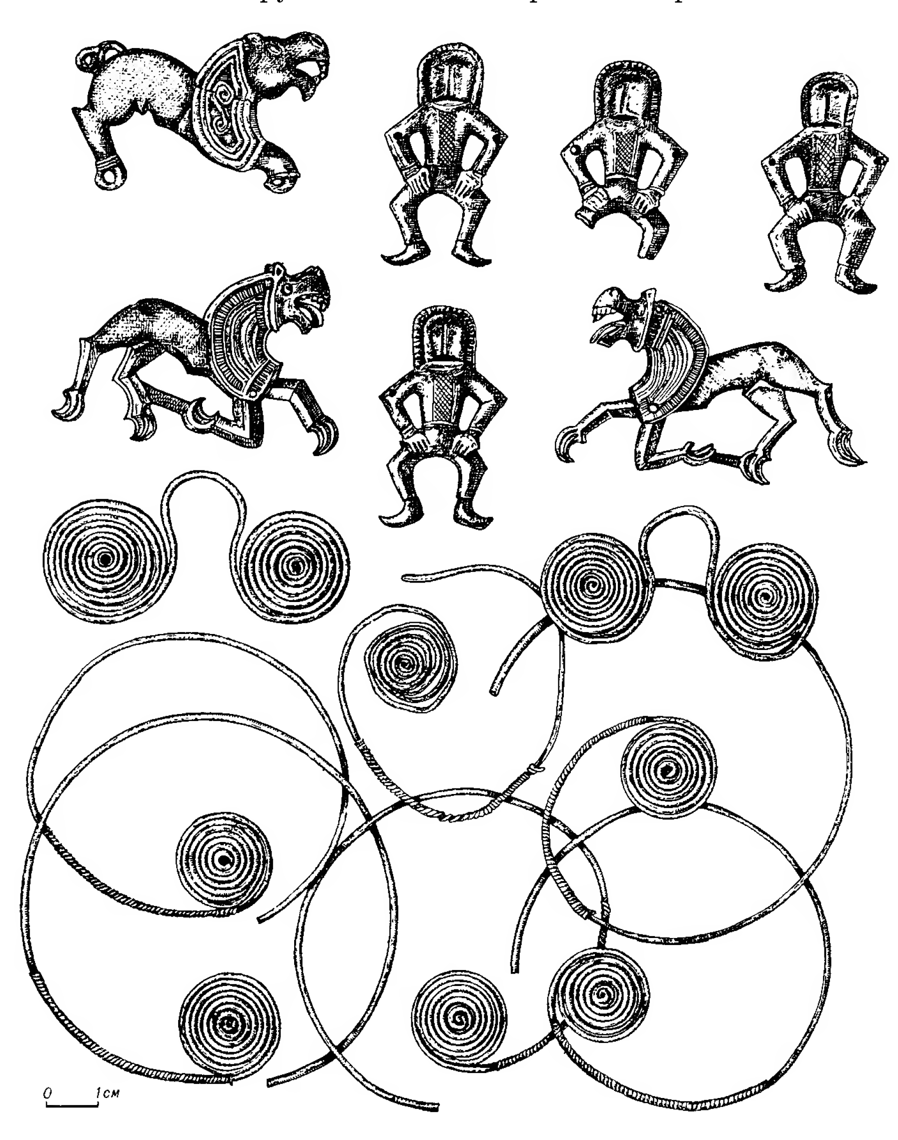
Для комплекса украшений пеньковской культуры, называемых со времен А. А. Спицына «древностями антов», также характерен синтез традиций прикладного искусства — от пальчатых фибул, свойственных славянским (и германским) древностям, до фигурок из Мартыновского

клада, аналогии которым известны в широких пределах, от Северного Кавказа до Подунавья. Крупнейшим центром в ареале пеньковской культуры было Пастырское городище на р. Сухой Ташлык в бассейне Тясмина: там производилась гончарная керамика, орудия земледелия, найдены клады ювелирных изделий. Наличие на городище славянских и кочевнических древностей позволяло исследователям усматривать в Пастырском центр болгар-кутригур (М. И. Артамонов), центр Великой Болгарии и даже ставку хазарского кагана (Д. Т. Березовец — ср. обзор: [*Приходнюк* 1990; *Гавритухин*, *Обломский* 1996, 144 и сл.]).

В целом пеньковская культура обнаруживала близость типично славянским памятникам культуры Прага—Корчак, что соответствует характеристике древних авторов, писавших о единстве культуры антов и склавинов, и включала элементы кочевнической — алано-болгарской — культуры, что было свойственно маргинальным группировкам славян во все эпохи. Само название *анты*, если следовать Ф. П. Филину, имеет иранское происхождение и означает ‘живущие на окраине’ (характерная для славян этнонимия — ср. выше о кривичах, украинцах и т. п.); Г. В. Вернадский [1996, 198 и сл.] настаивал на иранском — асском — происхождении предводителей славян-антов, носивших, по его мнению, иранские имена. А. И. Попов [1973, 34—37] предлагал тюркскую — аварскую — этимологию, согласно которой *анты* означало ‘союзники’.

Тяготение кочевников к центрам оседлости («от кочевий к городам» — [*Плетнева* 1967]) было свойственно эпохе формирования ранних государств и порождало различные формы синтеза кочевнической и земледельческой культур. Конечно, в первую очередь эксплуатировались богатства соседних цивилизаций: знаменитый аварский «клад» золотых сосудов и других предметов из Надьсентмиклош отражает (как и аналогичный ему Перещепинский) не только византийские и иранские связи авар, но и способность мастеров Аварского каганата создавать собственные мотивы и образы, синтезируя традиции древних цивилизаций. При этом, помимо греческих надписей, на одном сосуде имеется надпись, сделанная греческими буквами, но не на греческом языке: по мнению Е. А. Хелимского [2000, 268], язык этот относится к тунгусо-маньчжурским. Аварская культура на Дунае питается византийскими и германскими импульсами (возникает собственный вариант звериного стиля — см. [*Дайм* 2002]), но воспринимает и традиции славянского населения. В частности, авары в VII в. заимствовали традиции домостроительства — полуземлянки — у славян; при этом на одном из аварских селищ полуземлянки располагались полукругом — планировка, несвойственная славянским поселениям, но напоминающая планировку кочевого лагеря, состоящего из юрт [*Эрдели* 1986, 328—330]. На аварских поселениях обнаружены орудия земледелия и зерно. О славяно-аварском симбиозе свидетельствуют и материалы могильников, в частности Девинской Новой Веси (в черте Братисла-

вы), где наряду с аварскими трупоположенями с середины VII в. появляются славянские трупосожжения с керамикой пражского типа.

Украшения из Мартыновского клада

В результате в пределах Аварской державы на территории Венгрии, Словакии, Словении, Воеводины, Далмации формируется своеобразная аваро-славянская культура [*Седов* 2002, 228—244]. Франкская «Хроника Фредегара» (VII в.) дает уникальное описание взаимодействия славянского и аварского этносов в Аварской державе. Славяне, называе-

мые *винидами*, были в подчинении у авар, называемых *гуннами*: во время войны авары стояли перед лагерем, славяне же сражались с врагами; авары вступали в бой, чтобы решить исход сражения. Приходя ежегодно на зимовку к славянам, авары брали в наложницы славянских дочерей и жен (о «гостеприимном гетеризме» у «скифов» сообщает и Приск при описании посольства к Аттиле); кроме того, славяне платили аварам дань (*Фредегар* IV, 48). В принципе описание аварского ига совпадает с данными ПВЛ о насилиях, чинимых славянам и дулебским женам (ср. [Свод, т. 2, 367—380—382]). Данные археологии, однако, делают очевидными «законные» брачные узы, связующие авар и «славянских жен»: на могильнике Покасенетк с аварскими мужчинами, погребенными по обряду ингумации, хоронили женщин-славянок (?), которых кремировали, а кости складывали в урны пеньковского облика [*Вакуленко*, *Приходнюк* 1990, 94]. Вероятно, авары привели с собой в Паннонию союзников — антов из Восточной Европы (ср. [*Литаврин* 1999, 557—567]). Результатом этого симбиоза аваров и славян, по некоторым предположениям (О. Прицак, Г. Лант), были распространение славянского языка как lingua franca и даже консолидация праславянской этнолингвистической общности.

Подобные отношения со славянами, по-видимому, сформировались и у болгар: во всяком случае, при Аспарухе они покорили за Дунаем на Балканах славянские племена, называемые «семь родов», и племя северов, расселив их на западе и юге на границах Аварии («Хронография» Феофана, 679/680 гг.). Этнокультурный синтез славян и болгар (протоболгар) проходил в общем в тех же формах, что и в Аварском каганате, но воздействие славянской и, естественно, византийской культуры на кочевников уже с VIII в. здесь было более интенсивным: аулы болгарских ханов, в том числе столица Плиска, строились уже с использованием византийских и, шире, ближневосточных традиций, хотя и в Плиске сооружались юртообразные жилища [*Рашев* 1987, 31]. Различными были погребальные традиции: кочевники хоронили умерших, славяне — сжигали; но керамика в некрополях была одна и та же. Протоболгары стали интенсивно переходить к оседлости уже в VIII в. Мощный славянский субстрат предопределил судьбы протоболгарского компонента: после христианизации Болгарии (860 г.) от ассимилированных славянами протоболгар-кочевников сохранился сам политоним — название государства, от которого происходит и современное название славянского народа — *болгары*; правители этого государства претендовали на византийский царский титул, отказавшись от тюркского титула *хан*, но в болгарской социальной лексике сохранилось тюркское наименование высшего правящего слоя — *боляре* [*Литаврин* 1999, 192 и сл.].

Предполагают, что сходный вклад в социальную терминологию славян был сделан и аварами: у сербов, хорватов, видимо, в Великой Моравии (а также у болгар) правители отдельных областей именовались тюр-

кскими титулами *жупан* и *бан* [*Наумов* 1985, 194; ср. Свод, т. 2, 430—433]. Не менее существенной для понимания механизмов этнического и социального взаимодействия славян и тюрков представляется история титула *каган*, *хакан*, который унаследовали от правителей Тюркского каганата ханы авар и хазар. Этот титул главы разноплеменного объединения приравнивался к императорскому: недаром правомерность употребления этого титула правителями авар, хазар, норманнов и болгар специально обсуждалась в переписке Людовика Немецкого и византийского императора Василия (871 г.). Под норманнами в послании Людовика следует понимать *русь*: русские князья с середины IX в. претендовали на титул *каган*, а после разгрома Хазарского каганата в 60-е гг. X века присвоили этот титул: согласно «Слову о Законе и Благодати» Илариона (сер. XI в.), каганами именовались Владимир Святославич и Ярослав Мудрый.

Первые русские князья претендовали не просто на титул, но и на хазарское наследие в Восточной Европе: первый государственный акт Олега, утвердившегося со своей «варяжской» русью в Киеве в конце IX в., — присвоение дани, которую брали хазары со славянских племен Среднего Поднепровья. Ареал этой дани, которую, согласно «Повести временных лет», хазары брали с полян, северян и радимичей, очерчивается достаточно определенно по данным археологии: это ареал волынцевской культуры VIII — первой половины IX в. в Деснинском Левобережье Днепра и киевском Правобережье. Волынцевская культура обнаруживает те же формы синтеза славянских и кочевнических древностей, что и предшествующая ей пеньковская: на поселениях соседствуют полуземлянки и юртообразные жилища, славянская и салтовская керамика и т. п. В недавних работах волынцевская культура приписывается полянам [*Петрашенко* 1994], хотя летопись помещает их лишь в районе Киева, и даже «русам» [*Седов* 2002, 255 и сл.], хотя русь в Приднепровье неизвестна источникам ни первой половины IX, ни, тем более, VIII в., наконец, савирам [*Приходнюк* 2000], что актуализирует тюркские компоненты волынцевской культуры. Уже из приведенных работ очевидно, что «пограничные» культуры, к каковым принадлежат, в частности, пеньковская, волынцевская и именьковская, синтезируют разные традиции, их генезис и судьбы остаются дискуссионными: ср. прямо противоположные суждения об импульсах формирования волынцевской культуры, идущих с востока — в результате переселения носителей именьковской культуры (В. В. Седов) — и идущих с запада, от правобережной культуры Луки Райковецкой (И. О. Гавритухин, А. М. Обломский). Ситуация этнокультурного синтеза, характерного для волынцевской культуры, в целом отражает ту историческую ситуацию, которая описана в «Повести временных лет»: хазары собирали дань с разных племен (волынцевская культура в целом близка последующей северянской роменской культуре), сам славяно-кочевнический симбиоз свиде-

тельствует о разрушении традиционных племенных структур. Дружина русских князей в X в. обосновывается в этом же среднеднепровском регионе, и он становится раннесредневековым доменом киевского князя — Русской землей в узком смысле с главными центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле (см. ниже главу XI).

В самом Киеве в X веке существовал городской район, называвшийся *Козаре* (Хазары), где жили также христиане и обитала еврейско-хазарская община, отправившая из Киева знаменитое письмо X века, которое очутилось, в конце концов, в Каире [*Голб*, *Прицак* 2003]. Рассматривать присутствие этой общины и даже целого квартала в Киеве как свидетельство хазарского господства (вслед за О. Прицаком) совершенно неправомерно. Дело не только в том, что это противоречит прямым данным русской летописи и восточных источников о Киеве как русском городе, где правит русский князь. Дело в том, что ситуация в Киеве близка ситуации в столице самой Хазарии Итиле, где также сосуществуют еврейско-хазарская, мусульманская (хорезмийская), христианская и языческая славяно-русская общины (ср. упомянутое описание ал-Масуди). Этнокультурный синтез, характерный для кочевнических и земледельческих обществ, способствовал становлению у них городской цивилизации. Данные Константина Багрянородного, в частности о венграх (гл. 38), демонстрируют те характерные для отношений славян и кочевников обстоятельства, при которых эти отношения не сводились к господству и данничеству: венгры, если опираться на эти данные, заимствовали у славян важные термины, означающие военного предводителя и закон (см. также о славянских и тюркско-славянских заимствованиях, относящихся, по преимуществу, к эпохе после обретения новой родины: [*Хелимский* 2000, 404 и сл.]). Венгерский вождь Леведия назван первым из «воевод» (*βοεβόδα*), но архонтом был избран Арпад, которого по обычаю — «закану» (*ζάκανα*) хазар венгры подняли на щите. Характерно, что и печенеги приносили грекам клятвы по своим «законам»: славянский «закон» стал термином международного права («закон русский» признавался в Константинополе в X в., судя по договорам руси с греками: [ср. Константин Багрянородный. С. 290, комментарий 5]).

Древнерусская социальная терминология также обнаруживает черты синтеза славянской, тюркской и скандинавской традиций: титулом правителя наряду со славянским *князь* остается *каган*; старшая дружина князя именуется славянским термином *мужи* или тюркским *бояре* (см. подробнее ниже в главе XI). В этом отношении Русь оказывается наследницей того социального и этнокультурного механизма, который был «запущен» в период хазарского господства. Общие тенденции, прослеживаемые в механизмах этнокультурного синтеза, симбиоза славян и кочевников, приводили, однако, к разным историческим результатам. Гибель Аварского каганата под ударами франков Карла Ве-

Глава XI

РУСЬ И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В IX—X ВВ.

Включение славян, тюрков и древнейшей Руси во всемирную историю происходило на глазах сложившихся цивилизаций — Византии, империи Каролингов и Халифата. При этом происходило не только «политическое» столкновение народов, но и столкновение мировоззрений, что, естественно, нашло отражение в исторических памятниках.

На взгляд цивилизации, пришельцы — варвары, которым место на периферии — за границами культурного мира, «за Дунаем»: в границах цивилизации они могут оказаться, лишь будучи на службе у средневековых государей. На этих условиях Византия допускала на свои земли «варваров»: так, византийский император Ираклий разрешил поселиться на своих землях хорватам и сербам, чтобы те сражались с аварами [*Константин Багрянородный*, гл. 31]. Но и служба империи или западноевропейским государям не уравнивала славян — «варваров» — с наследниками Рима. Во франкской «Хронике Фредегара» рассказывается о посольстве короля франков Дагоберта к правителю первого славянского государства Само, который сам был франком по происхождению и в первой половине VII в. возглавил сопротивление славян натиску аваров. Франкский посол потребовал, чтобы Само и его народ служили Дагоберту. Само обязался стать со своим народом «людьми» Дагоберта, если тот «решит сохранять с нами дружбу». Посол заносчиво ответил: «Невозможно, чтобы христиане и рабы Божьи могли установить дружбу с псами» [Свод, т. 2, 369].

Сами же «варвары» стремились внедриться по возможности глубже сначала в государственное пространство, затем в культурную модель цивилизации или, по крайней мере, воспроизвести у себя ее культурные стереотипы. Так, в «Повести временных лет» о легендарном родоначальнике полян Кие говорится [ПВЛ, 9], что он «велику честь принял от царя», то есть был принят с почестями императором в Царьграде, как были приняты другие правители (см. ниже о приеме, которого удостоилась княгиня Ольга при Константине Багрянородном), а Киев, согласно русским книжникам [НПЛ, 103], назван в честь Кия, как Рим в честь «кесаря Рима» (Ромула), Александрия — в честь Александра и т. п. Со времен А. А. Шахматова было очевидно, что Кий — личность легендарная; может быть, это имя и восходит к имени славянского культурного героя, носителя жезла или палицы (таково значение имени *Кий* — вспомним процветший «жезл» пахаря Пшемысла), но,

скорее, летописец «вывел» это имя из названия города Киева, как он вывел имена братьев Кия из названий киевских горок *Хоревица* и *Щекавица*, а имя сестры — из гидронима *Лыбедь*. Видимо, Нестору были известны и сходные топонимические предания о Кие как перевозчике через Днепр, но ему нужна была фигура культурного героя, основателя города, и он отверг легенду о перевозчике. Культурный герой — характерный персонаж, воплощающий переход от доистории (мифоэпического периода) к истории: в этом отношении Кий действительно сродни Ромулу — мифическому близнецу (брату Рема), вскормленному волчицей, и основателю исторического Рима, вскормленному волчицей первопредку тюрков (легендарным братьям — предкам скифских племен в упомянутом рассказе Геродота и т. п.). Исторический Киев в дни летописца был связан с Царьградом (и Римом) путем из варяг в греки и — в исторической ретроспективе — всем ходом славяно-русской истории. Доисторический период давно завершился — на месте «дунайской прародины» славян, где пытался обосноваться легендарный Кий, возникли Угорская и Болгарская земли, — но само имя Киева (как и имя новгородских словен, напоминающее о дунайской прародине) служило в летописи залогом непрерывности истории. Да и название самой летописи — «Повесть временных лет» — указывало на эту историческую непрерывность.

РУСЬ И НАРОДЫ МИРА. В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ ЛЕТОПИСЦА

Разыскания Нестора по начальной истории славян не имели чисто книжного «академического» значения. Ведь главным вопросом летописи, сформулированным в ее заглавии, был вопрос: «Откуда есть пошла Русская земля?» Летописец знал из дошедших до него преданий, что само имя *русь* имеет варяжское (скандинавское) происхождение, и «изначальная» русь была призвана вместе с варяжскими князьями в Новгород. Но язык, на котором составлялась летопись и на котором говорили современные летописцу русские люди, был славянским, тем самым, на который перевели Священные книги славянские первоучители Кирилл и Мефодий. Летописец констатировал: «А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене» [ПВЛ, 16].

Причислив современную ему русь к словенскому языку, летописец включил ее в славянскую общность народов, населяющих Европу от Дуная до Варяжского (Балтийского) моря и Новгородчины. Но историческим центром славянской общности для летописца оставался Дунай, так как там, в Моравии, учили Кирилл и Мефодий и там, в Иллирике, провинции Римской империи («от Иерусалима до Иллирика»), согласно хри-

стианской традиции [Римл. XV, 19], учил еще апостол Павел. «Тем же и словеньску языку учитель есть Павел, от него же языка и мы есмо Русь, тем же и нам Руси учитель есть Павел» [ПВЛ, 16]. Эта тема равноправия Руси как христианской державы с другими странами оставалась актуальной на протяжении всего средневекового периода: еще Иван Грозный ссылался на легенду об Андрее Первозванном как на свидетельство одновременного распространения христианства на Руси и в Риме.

Летописное изыскание о начале христианства и книжной культуры у славян главный исследователь русских летописных сводов А. А. Шахматов [*Шахматов* 1940, 80—92] возводил к предполагаемому западно-славянскому (моравскому) «Сказанию о преложении книг на словенский язык», посвященному миссии Кирилла и Мефодия и сохранившемуся в составе «Повести временных лет». Каковы бы ни были источники летописи, это изыскание повлияло на дальнейшую работу летописца и на направление поисков места начальной *руси* среди «исторических» народов.

Главным образцом и источником для построения картины мира средневековых книжников оставалась Библия с ее преданием о расселении потомков сыновей Ноя и «Таблицей народов» (Быт. X). Начальная летопись использовала основанные на той же традиции греческие хронографы — «Хронику» Малалы (в древнерусском переводе — в составе т. н. Хронографа по Великому изложению, согласно А. А. Шахматову) и «Хронику» Георгия Амартола: но ни в Библии, ни в «Таблице народов» греческого хронографа не было упоминаний ни славян, ни руси. Здесь-то и понадобились приведенные ранее построения: используя «Хронику» Амартола, где перечисляются полунощные и западные страны в «Афетовом колене», летописец помещает словен вслед за упоминанием Иллирика [ПВЛ, 7] — ведь в этой римской провинции учил Павел, эту область, по приведенным свидетельствам латинских авторов, «захватили у ромеев» славяне еще в VII в. В соседней провинции, Паннонии, напоминает далее Нестор, епископом был уже другой апостол — Андроник, а его «наместником» на паннонской кафедре стал первоучитель славян Мефодий. При описании славянского расселения после вавилонского столпотворения летописец отождествляет славян с жителями соседней с Иллириком и Паннонией римской провинции — Норика: «*нарци*, еже суть словени». Норик расположен к северо-западу от Паннонии в предальпийской области, там, где на крайнем пределе славянского расселения в Каринтии жили словенцы — летописные хорутане. Неясно, каким источником пользовался в этом случае летописец, но уроженец Паннонии Мартин Бракарский еще в VI в. при перечислении народов, испытавших влияние христианства, помещает славян (*склавов*) перед жителями Норика (Nara: [Свод, т. I, 358—360]). Видимо, легенды о происхождении христианства у славян стали известны Нестору благодаря кирилло-мефодиевской традиции, определявшей место славян во всемирной истории и всемирной империи — Риме.

Ситуация с *русью* была гораздо сложнее. Во-первых, русь обитала в той части «полунощных стран», которая не была описана у Амартола — Восточная Европа к северу от «Сарматии» и «Скифии» описана самим русским летописцем. Во-вторых, начальная *русь* не принадлежала «словенскому языку». Поэтому летописец помещает ее среди прочих неславянских народов Восточной Европы: «В Афетове же части седять русь, чюдь и вси языци: меря, мурома, весь, мордъва» и т. д. [ПВЛ, 8]. Русь не случайно оказывается рядом с ***чудью***: в широком смысле так назывались в древнерусской традиции все неславянские — «чужие» народы севера Восточной Европы, в узком — прибалтийско-финские племена Эстонии; эта чудь, согласно летописи, «приседит» к «морю Варяжскому» вместе с ляхами-поляками и ***пруссами***, западнобалтским народом, а сама русь имеет варяжское происхождение. Тут же среди варягов помещает ее уже второй раз летописец: «Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь». В сочинении, далеком от традиций русского летописания, содержится текст, напоминающий летописный рассказ о руси и ее соседях, «приседящих» к Балтийскому морю. Испанский еврей (писавший по-арабски) Ибрагим Ибн Йакуб посетил германские земли, Прагу и Мекленбург в 60-е гг. X в. Он собрал известия о народах Европы, в том числе о крупнейшей из известных ему славянских (*сакалиба*) стран — стране Мешко: речь шла о Польше, которой правил Мешко I. «И граничат с Мешкой на востоке *рус*, и на севере *брус*, — писал Ибн Йакуб. — Жилища брус у окружающего моря. И они имеют особый язык, не знают языков соседних им народов: и славятся они храбростью: когда приходит к ним войско, то никто из них не ждет, чтобы к нему присоединился его товарищ, а выступает, не заботясь ни о ком, и рубит своим мечем, пока не умрет. И производят на них набеги рус на кораблях *с запада* (курсив наш. — *В. П.*, *Д. Р.*). И на запад от рус — город женщин» [*Вестберг* 1903, 146]. Далее следует знакомый нам из других источников рассказ о мифическом народе — амазонках, о котором еще пойдет речь ниже.

Ибн Йакуб убежден в достоверности этих известий — даже о городе амазонок рассказал ему сам Оттон Великий, «царь Рума» (как называл германского короля, претендующего на императорский титул, наш путешественник). В самом деле, рассказ о пруссах — северных соседях поляков (летописных ляхов) и их языке соответствует действительности: их доблесть была известна и позднейшим хронистам, а западнобалтийский язык далеко отошел от языка восточнобалтийских соседей — латышей и литовцев [*Дини* 2002. 256 и сл.]. Интереснее другое: народ *русь* оказывается у Ибн Йакуба живущим одновременно и к востоку от государства Мешко — в Восточной Европе, и к западу от пруссов, на которых они нападают с кораблей. Эта двойная локализация руси сходна с летописной традицией. Для того, чтобы разобраться в ней, надо продолжить исследование летописного списка народов.

Итак, вслед за упоминанием руси, помещенной рядом с чудью на варяжском море в Восточной Европе, летописец делает странную ремарку. «По сему же морю седять варязи семо ко въстоку до предела Симова (!), по тому же морю седять к западу до земле Агнянски и до Волошски». Если можно себе представить, что варяги действительно обитают вплоть до Англии, то расселение варягов до «жребия Симова» порождало у исследователей недоумение: лучшее, что можно было придумать, исходя из исторических реалий — это расселить варягов по всему Волжскому пути, от Ладоги до Каспия, ведь именно там, по летописи, начинался «жербий Симов». В действительности, норманская колонизация здесь не нужна: летописное описание основывается на общих для средневековья географических представлениях о земле, как круге, омываемом мировым океаном, его заливами были моря, в том числе Варяжское. Земной круг был разделен по «жребиям» между тремя сыновьями Ноя: окраинный «полунощный» народ (или группа народов) в «жребии» Иафета — варяги — и занял весь северо-восточный сегмент до «жребия Симова».

Чтобы понять, что такое Агнянская земля и Волошская земля, нужно продолжить чтение летописного списка: за варягами следуют «агняне, галичане, волхъва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочии» [см. также Приложение, 5].

Этот список на первый взгляд представляет собой простое перечисление северо- и западноевропейских этниконов, известных летописцу: от варягов до итальянцев — венецианцев (сохраняющих в летописной традиции древнее «венедское» имя) и фрягов-генуэзцев. Более того, явной несообразностью в цитируемом фрагменте кажется повторение имени *русь* — сначала среди восточноевропейских, затем среди северноевропейских народов. Это давало повод для бесконечных «уличений» Нестора в тенденциозном сочинительстве и вставках в более раннюю и «достоверную» летопись: якобы русь он вставил в перечень варяжских народов потому, что ему стала известна легенда о призвании варягов-руси, в то время как «исконная» русь обитала в Восточной Европе, и т. д. и т. п.

При внимательном чтении мы уже сейчас можем убедиться, что не только русь упомянута в космографическом введении к «Повести временных лет» дважды. Дважды упомятута и *волъхва*, достаточно точно помещенная между некими галичанами и римлянами, жителями Рима: это те самые франки — волохи, которые, как говорится далее, «нашедши на словени на дунайския» и сели среди них, творя насилие. Такими же «находниками» впоследствии изображает летописец и варяжскую русь в Восточной Европе, среди славянских и финно-угорских племен. Здесь же, кстати, становится ясно, почему для обозначения франков летописец использовал архаичный этникон *волохи*: франками — фрягами в его времена называли уже генуэзцев.

Сама структура списка этнонимов позволяет усмотреть некую иерархию в перечислении народов: варяги — это не отдельный народ, а общее наименование всех скандинавских племен, которые и перечислены следом — свеи-шведы, урмане-норвежцы (норманны), готе-готландцы; завершает список русь. Далее следуют агняне-англы, которые, казалось бы, уже не относятся к скандинавским народам. Однако далее, в легенде о призвании варяжских князей, летописец включает и англов в число варягов. Возможно, это отражало знания о политической ситуации в Западной Европе, когда Англия сначала входила в состав государства датского конунга Кнута Великого, а затем была завоевана норманнами Вильгельма, герцога Нормандии в 1066 г. Что касается источников летописи, то, возможно, летописец использовал здесь еще один хронографический источник, в основу которого положена упомянутая еврейская хроника середины X в. — «Книга Иосиппон» (на саму книгу повлияла древняя славянская кирилло-мефодиевская традиция, потому что имена многих народов даны в ней в славянской передаче). Иосиппон, как и летопись, помещал русь рядом с англами и саксами, живущими «на великом море». Это совпадение с Иосиппоном тем более разительно, что еврейский хронограф также упоминал русь дважды в своей таблице народов: один раз на море рядом с англами, другой — на реке «Кива», в которой исследователи справедливо видят наименование Киева, перенесенное на реку Днепр (ср. [*Петрухин* 1995, 25—35]).

Это совпадение данных еврейского хронографа и русской летописи интересно не только тем, что обнаруживает реальные основы предания о варяжском происхождении руси, но и тем, что позволяет отчетливо представить себе структуру летописного повествования. Образцом для обеих хроник была библейская «Таблица народов». Ср. синодальный перевод [Быт. X]:

1 «Вот родословие сынов Ноевых: Сима, Хама и Иафета. После потопа родились у них дети.
2 Сыны Иафета: Гомер, Магог, Мадай, Иаван, Фувал, Мешех и Фирас.
3 Сыны Гомера: Аскеназ, Рифат и Фогарма.
4 Сыны Иавана: Елиса, Фарсис, Киттим и Доданим.
5 От сих заселились острова народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих».

Иосиппон прямо следовал библейской Таблице, отождествив Мешех с саксами, а соседних Фирас (Тирас) с русью; славяне отнесены к «сынам» другого потомка Иафета — Доданим и размещены на Дунае от Болгарии до Венеции и на север до саксов. Нестор упоминал лишь трех сыновей Ноя, распределив между ними, вслед за Амартолом, все известные ему земли и языки. Но и Нестор, и Иосиппон, и вся средневековая историография (ср. из последних работ [*Мыльников* 1996]: об

отождествлении Мосоха/Мешеха с Москвой и т. д.) следовали структуре библейской таблицы: имя народа (языка) называлось сначала в числе первых потомков трех сыновей Ноя, затем повторялось в начале перечня следующего поколения; дальнейшее изложение было уже не «генеалогическим», а историко-географическим, о том, где «заселились» потомки Ноя в «народах своих». Так находят объяснение повторы имен *руси*, *чуди* и *волхвы* в генеалогическом и конкретном историко-географическом значении.

Понятной становится и структура самих списков народов: возглавляет этот список этникон, обозначающий группу родственных народов. Таковы *варяги* в начале списка варяжских народов, а также «чудь и вси языци» — слова, предваряющие список неславянских народов Восточной Европы: вспомним, что этникон *чудь* и был обобщающим, относящимся ко всем «чужим» народам.

Однако в списке западноевропейских народов нас поджидает следующая проблема: где кончается перечисление варягов и начинается перечень народов собственно Западной Европы?

Следующий за англами, причисленными к варягам, этникон — *галичане*, в которых обычно видят галлов, уэльсцев (гэлов) или испанских галисийцев [см. ПВЛ, 384, 587]. Так или иначе, этникон, передающий имя древнего галльского этноса, оказывается пограничным между двумя группами современных летописцу народов, потеснивших и ассимилировавших (романизировавших или германизировавших) «галлов». Как уже говорилось, эта ситуация характерна для истории этнической ономастики: название древней общности закрепляется преимущественно на границах ее расселения. Однако в летописном повествовании варяги сидят по морю к западу до «земле Агнянски и до Волошьски». Тогда Агнянская земля включает не только собственно англичан, но и галичан, каковыми оказываются гэлы — уэльсцы (их названия напоминают одновременно и о галлах, и о волохах-вольках, древних кельтских этносах). Значит, список народов Западной Европы открывает *волъхва*. Мы уже выяснили, что волохи «Повести временных лет» — это франки. Тогда становится понятным и последующий список народов, даже загадочные *корлязи*. Этот этникон восходит к династическому имени *Каролинги*, правителям из династиии Карла Великого — на сохранение этого имени претендовали и Капетинги, короли современной летописцу Франции (ср. [*Тихомиров* 1975, 34—35]). Волохи — это римляне, немцы и прочие народы, входившие в состав населения «Римской империи» Каролингов, а затем, при летописце — Германской «Римской империи», к восстановлению которой стремились уже германские короли.

Итак, выясняется, что перечни народов в летописи имеют структуру, аналогичную собственно библейской «Таблице народов». Список родственных народов в «Афетове колене» вводится обобщающим этниконом: варяги — свеи, урмане и т. д., волхва — римляне, немцы и т. д.,

наконец, чудь и «вси языци» — меря, мурома и т. д. Этот принцип перечисления — принцип «этногенетический», а не «географический», как у Амартола, и он введен летописцем не случайно.

Следующая задача летописца, подчиненная все той же цели, — выяснить, «откуда есть пошла Русская земля» и указать место *руси* уже среди славянских народов. Для этого ему нужно было перейти от статичного «географического» описания, где славяне помещены рядом с Иллириком, далеко от Русской земли, к «историческому» расселению славян от Дуная. Поэтому вслед за «этногенетической» частью, содержащей проанализированные списки народов Европы, где славяне не упомянуты, вводится мотив вавилонского столпотворения (основанный на «Хронографе») и рассеяния народов, среди них — словен, которые сели на Дунае, «где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска». «И от тех словен разидошася по земле и прозвашася имены своими, где седше на котором месте», — завершает Нестор цитатой из «Таблицы народов» этот пассаж.

Расселение славян связывается летописцем с франкским — «волошским» завоеванием. Далее «географическое» описание расселения совмещается с «этногенетическим»: ср. о западных славянах — «и от тех ляхов прозвашася поляне (польские поляне. — *В. П., Д. Р.*), ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне (далее «от ляхов» производятся и восточнославянские племена радимичей и вятичей. — *В. П., Д. Р.*) ... Тако же и ти словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася поляне, а друзии древляне» [там же] и т. д. о дреговичах, полочанах, словенах новгородских, северянах. Далее снова говорится о киевских полянах (характерный повтор) и о пути «из варяг в греки», который начинается от Киевских гор, апостоле Андрее, основании Киева, «племенных» княжениях восточных славян и расселении иных «языков». Эту информацию и подытоживает летописец, вводя упоминание Руси, но не в этногенетическом смысле (так как в этом смысле русь у него — варяжская), а в географическом, государственном: «Се бо токмо словенеск язык в Руси: поляне, деревляне [...] дреговичи, север, бужане [...] А се суть инии языци, иже дань дают Руси: чюдь, меря, мурома» и т. д. [ПВЛ, 10]. Все эти изыскания помещены во вводной космографической части «Повести временных лет», не разбитой на погодные записи: так традиционно начинались средневековые хронографы и «раннеисторические описания» вообще (включая саму Библию) [ср. *Топоров* 1973]. Собственно историческая часть начинается с даты (начало царствования императора Михаила — 852 г.), которую летописец вычислил (правда, неточно вместо 842), опираясь на первое упоминание руси в «Хронике» Амартола (см. ниже).

Но «дунайская» история славян не прерывается в космографической части летописи, а имеет непосредственное и часто обескураживающее исследователей продолжение в части датированной. Рассказав о призвании руси — варяжских князей (862 г.) и захвате Олегом Киева

(882 г.), летописец возвращается под 898 г. к судьбам «словен» на Дунае. Этим годом он датирует поход венгров-угров на Дунай, где они изгнали волохов-франков (заимствовав у славян их название — *влахи/волохи*) и подчинили живших там славян: «оттоле прозвася земля Угорьска», — заключает летописец. Современные историки отмечают [ср. *Константин Багрянородный*. Комментарий, 335—339], что венгры прошли через Приднепровье раньше, чем в 898 г.: в этом нет ничего удивительного, так как все ранние летописные даты, начиная с первой, неточны и условны. Другое дело, что далее — под тем же годом! — летописец рассказывает и о миссии Кирилла и Мефодия в «Словеньскую землю», в Моравию, на Дунай: в этом рассказе Шахматов видел основной фрагмент «Сказания о преложении книг на славянский язык», использованного летописцем и в космографическом введении. Главная проблема здесь в том, что летописец не мог не знать, что и Кирилл (ум. в 869 г.) и Мефодий (ум. в 885 г.) умерли до 898 г.; кроме того, он сам же нарушил приводимую им последовательность правления византийских императоров: вернулся в связи с моравской миссией к царствованию Михаила, тогда как ранее упомянул о воцарении Василия (868 г.) и Льва (887 г.). Что заставило летописца нарушить собственную систему?

Разные исследователи видели в этом «сбое» или неумелость составителя, или опять-таки тенденциозность позднейших редакторов летописи, введших легенду о призвании руси-варягов вместо некоего исконного текста о приднепровской руси и все перепутавших, и т. п. (см. ниже). В действительности летописец не скрывает своих целей — он продолжает исследование того, «откуда есть пошла Русская земля». Но в датированной части «Повести временных лет» речь идет уже не о географическом размещении руси среди полян и прочих «языков», а об исторической связи руси и славянства. Чтобы обозначить эту связь, летописец в качестве «привязки» руси к Дунайской истории славян использует поход венгров-угров мимо Киева, где сидят поляне и где уже обосновался в 882 г. со своей варяжско-словенской (новгородской) дружиной, прозвавшейся русью, князь Олег. Поход венгров служит поводом для новой демонстрации единства славянского «языка»: «Бе един язык словенеск: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и морава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь».

Сторонники славянского происхождения имени *русь* используют летописные слова о том, что поляне ныне, то есть во времена летописца, в начале XII в., зовутся русью, в качестве «рефрена» для построения гипотез о древних полянах-руси и т. п. Более внимательные читатели летописи обратили внимание на то, что в тексте явное «недоразумение»: речь идет о *западных славянах*, летописец перечисляет их так же, как в космографическом введении, где за ляхами следуют поляне и другие племена Польши и лишь затем одноименные поляне киевские; предполагали, что летописец просто перепутал польских и киевских

полян. В действительности никакой путаницы здесь нет: летописец в соответствии с методами средневековой науки нашел самое подходящее место для естественного включения руси в круг славянских народов, принявших славянскую письменность: «сим бо первые преложены книги, мораве, яже прозвася грамота словеньская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских». Главное для летописца здесь — языковое единство, а не конкретная племенная принадлежность. Этим рассуждением он и заключает разыскания о славянах и славянской письменности: «А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беше словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаа речь бе». Та же библейская (основанная на Таблице народов) структура летописного повествования проясняет и начальную фразу Повести временных лет: «Откуду есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуду Руская земля стала есть». На первый взгляд это повторное упоминание Русской земли кажется тавтологией и стилистической небрежностью, тем более, что повтор встречается прямо в заглавии. В действительности летописец разделяет проблемы **происхождения** *руси* (из Скандинавии) и исторического **становления** Руси — государства в Восточной Европе с центром в Киеве.

НАЧАЛЬНАЯ РУСЬ И НАЧАЛЬНОЕ ЛЕТОПИСАНИЕ. ВЗГЛЯД ИЗ КИЕВА И НОВГОРОДА

Историческое самосознание народа, формирующееся в Средние века, прежде всего в его социальной и интеллектуальной элите — в княжеском окружении (дружине) и у «книжников», естественно, было направлено на выявление «реальных» (с точки зрения средневекового человека) истоков и «реального» родства с миром цивилизации (ср. в главе VI). Проблема начала, исторических истоков, была центральной проблемой для формирования самосознания народа. Центральной была эта проблема и для «Повести временных лет» — Начальной летописи, формирующей это самосознание — взгляд на Русь «изнутри».

Русский летописец дал вполне однозначный ответ на вопрос, сформулированный им в начале повести: «Откуда есть пошла Русская земля» — от призванных в 862 г. (лето 6370 от сотворения мира по летописной датировке) «варяг прозвася Руская земля» [ПВЛ, 13]. Это утверждение вошло во многие летописные своды и стало общим местом русской средневековой историографии. Почти та же фраза читается в Новгородской первой летописи младшего извода (НПЛ), составленной позднее, видимо, в XIII в.: «От тех варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля» [НПЛ, 106]. Казалось бы, летописи

не дают серьезных оснований для споров, по крайней мере, о происхождении названия *русь*: но именно разночтения между «Повестью временных» лет и Новгородской летописью привели к противоположным трактовкам начала руси. Дело в том, что повесть сразу, в космографическом введении, где перечисляются народы мира, относит русь к варягам, а затем в начале легенды о призвании повторяет, что призывающие отправились за море «к варягам, к руси»; «сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие (свеи — шведы. — *В. П.*, *Д. Р.*), друзии же урмане (норманны — норвежцы. — *В. П.*, *Д. Р.*), анъгляне, друзии — гъте (готы — жители Готланда. — *В. П.*, *Д. Р.*), тако и си», — комментирует летописец [ПВЛ, 13]. Новгородская летопись, однако, не имеет подобного космографического введения, хотя в цитированном вступлении Киев сопоставляется с Александрией и Римом, т. е. вводится во всемирно-историческую ретроспективу. Текст же самой легенды о призвании варягов в новгородской летописи не содержит отождествления их с русью. А. А. Шахматов, опираясь на сравнительно-текстологический анализ «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи, предположил, что та сохранила предшествующий повести летописный свод, составленный в Киеве в конце XI в. (1095 г.) и названный этим исследователем Начальным. Там, по реконструкции Шахматова, русь не отождествлялась с варягами: это отождествление сделал составитель самой Новгородской летописи, учитывая известную ему повесть Нестора [*Шахматов* 1908]. В целом построение Шахматова, согласно которому Начальный свод предшествовал составлению «Повести временных лет» и Новгородской летописи, стало практически общепринятым в современной науке. Однако последовательное применение методики самого Шахматова показывает, что именно тексты о начале руси подверглись в Новгородской летописи определенной деформации и целостной концепции происхождения руси эта летопись не дает.

Чтобы понять принципы работы летописцев, придется сопоставить тексты по шахматовской методике, не занимаясь историческими событиями, описываемыми в них (об этом — ниже), но обратив внимание на их последовательность. После космографического введения, не содержащего дат, в ПВЛ говорится: «В лето 6360 (852 г.) ... наченшу Михаилу царствовати, нача ся прозывати Руска земля. О семь бо уведахом, яко при семь цари приходиша Русь на Царьград, яко же пишется в летописаньи гречьстем». Начальная дата правления Михаила III указана летописцем неверно, но она была чрезвычайно важна для него, ибо действительно указывала на **начало** русской истории — первое упоминание Руси на страницах византийской, а значит, и всемирной хроники. (Кроме того, в царствование того же Михаила была осуществлена и моравская миссия Кирилла и Мефодия, также ставшая центральным событием начальной русской истории.) Здесь Нестор приводит заимствованную из греческого хронографа (в русском переводе — «Хронограф по велико-

му изложению») хронологическую таблицу всемирной истории, перечисляя годы от Адама (сотворения мира) до главных событий ветхозаветной истории, правления Александра Македонского, Рождества Христова, воцарения Константина, Михаила, и дополняет ее датами правления киевских князей, от Вещего Олега до смерти Святополка Изяславича; его смертью и вокняжением Владимира Мономаха кончается «Повесть временных лет». Далее в тексте летописи следуют сведения из «греческого летописанья» — хроники Амартола о походе Михаила на болгар и их крещении (под 858 г.), повествование о дани, которую брали «варяги из заморья» под 859 г.; под одним 862 г. даны сведения об изгнании варягов и легенда о призвании варягов, т. е. происхождении *руси*, походе двух варягов, бояр призванного князя Рюрика, — Аскольда и Дира — в Киев; поход руси на Царьград в изложении хроники Амартола приписан летописцем Аскольду и Диру и помещен под 866 г. Под 882 г. рассказывается о том, как Олег, родич Рюрика, с его малолетним сыном Игорем отправляются с войском из варягов и словен из Новгорода в Киев и там расправляются с провозгласившими себя князьями Аскольдом и Диром.

В Новгородской летописи после вступления о Киеве и русских князьях также начинается датированная часть: «В лето 6362. Начало земли Руской. Живяху кождо с родом своим на своих местех и странах, владеюща кождо родом своим. И быша три братия...» Далее текст об основателях Киева — братьях Кие, Щеке и Хориве, соответствующий космографическому введению «Повести временных лет» — фрагменту о киевском племени полян, — но не говорящий ничего о руси. О руси говорится лишь потом, в связи с походом на Царьград, но это очевидная вставка из греческой хроники, так как она разрывает текст о полянах, который продолжается после описания поражения Руси под Царьградом. «По сих летех братиа сии (Кий, Щек и Хорив. — *В. П.*) изгибоша», поляне же были «обижены» древлянами и другими соседями: мифоэпический период здесь (как и в «Повести временных лет», а значит, и в Начальном своде) все же отделен от исторического — далее рассказывается о хазарской дани на полянах, приходе варягов Аскольда и Дира в Киев (ср. о структуре этого текста: [*Шахматов* 1908, 97—99, 322—323]), и лишь затем — о варяжской дани с людей новгородских, изгнании варягов и последующем призвании варяжских князей с дружиной, от которых «прозвашася русь», наконец, о походе Игоря с воеводой Олегом на Киев и расправе с Аскольдом и Диром.

Очевидна непоследовательность в изложении Новгородской летописи в сравнении с «Повестью временных лет». Неясен сам выбор начальной даты, хотя очевидно, что этот выбор также связан с царствованием Михаила и походом руси на Царьград. Из текста летописи неясно также, откуда появляются «роды» полян, откуда совершает свой поход русь, откуда являются в Киев Аскольд и Дир и т. п. Таблица дат всемир-

ной истории здесь отсутствует, зато во введении говорится, что история Русской земли будет рассказана «от Михаила цесаря до Александра и Исакья». Этот хронологический предел был важен для летописца и всей Русской земли: речь идет об императорах Алексее и Исааке Ангелах, при которых Византия была завоевана крестоносцами, а в 1204 г. взят и сам Царьград. Погибель православного царства «богохранимого града Костянтина» — Константинополя, захват его фрягами-латынянами, были для Руси предвестием конца истории вообще (как началом русской истории считалось упоминание руси в греческом хронографе).

Но тот же исторический предел важен и для истории русского летописания: введение к Новгородской летописи относится не к Начальному своду, как считал Шахматов, а ко времени составления самой летописи новгородцем в XIII в. Интересует его не столько место Руси во всемирной истории, сколько место Новгорода в истории русской. Все это оставляет открытым вопрос о соотношении «Повести временных лет» и Новгородской летописи в пассажах, связанных с Начальным сводом — ведь этот свод использовался новгородским летописцем в эпоху, отличную от времени Нестора, когда уже не было единого Древнерусского государства, что существенно влияло на исторические взгляды новгородца и заставляло его редактировать свои источники [*Петрухин* 2000, 69 и сл.].

Можно считать очевидным, почему новгородский летописец XIII в. поместил вслед за главкой о начале Русской земли киевскую легенду, а не первое известие о руси. Это противоречие было «задано» Новгородской летописи еще в преамбуле, отличной от преамбулы «Повести временных лет»: «Временник, еже есть нарицается летописание князеи и земля Руския, и како избра Бог страну нашу [...] и грады почаша бывати по местом, преже Новгородчкая волость и потом Кыевская, и о поставлении Киева, како во имя назвася Кыев» (НПЛ, 103). Здесь Новгород, несмотря на то, что он отнесен к Русской земле, уже противопоставлен Киеву, как первая «волость», где сначала обосновались призванные из-за моря русские князья. Из Новгорода Олег и Игорь перешли в Киев и принесли с собой имя *Русь*, Русская земля. Но и это понятие имело двойственное значение — широкое и узкое. В широком смысле под Русской землей понимали в раннем Средневековье все земли восточных славян от Среднего Поднепровья до Поволховья и Поволжья. В узком смысле, актуальном для новгородца первой половины XIII в. (времени составления Новгородской летописи), Русь — это прежде всего Русская земля в Среднем Поднепровье, как называли в Новгороде в эпоху раздробленности округу Киева, или старый великокняжеский «домен» с городами Киев,Чернигов и Переяславль. «Русский» князь, сидящий в Киеве, в Новгородской летописи противопоставляется «новгородскому» [НПЛ, 31; ср. 219] и т. д. Недаром введение к Новгородской Первой летописи начинается с «патриотического» утверждения о

том, что «Новгородская волость» была «преже» Киевской; «заглавный» же вопрос Новгородской летописи стоит не о начале Руси, а о том, «како во имя назвался Киев». В главке «Начало земли Руской» и дается ответ на этот вопрос: Кий основал Киев, а от полян «до сего дне [...] суть кыяне» — киевляне. Начало же Русской земли, Русского государства в Новгородской летописи связано с варяжскими князьями, призванными в Новгород в соответствии с первенством Новгородской волости.

Тем не менее и в начальных пассажах Новгородской летописи отчетливо прослеживается южнорусский — киевский — Начальный свод. Дело в том, что Новгородская летопись постоянно возвращается к киевской легенде как к некоей «точке отсчета» для описываемых ею событий. После рассказа об основании Киева тремя братьями помещен рассказ (из хронографа) о походе руси на Царьград; после смерти трех братьев приходят хазары и обосновываются в Киеве Аскольд и Дир, «во времена» Кия, Щека и Хорива «новгородские люди» — словене, кривичи и меря — платят дань варягам. Для новгородца такая точка отсчета была бы странной, для киевлянина — естественной (эгоцентрической), что и подтверждается «Повестью временных лет».

Нестор, составитель этого киевского свода, также постоянно возвращается к киевским полянам: с их упоминания он начинает рассказ о расселении восточнославянских племен, о пути из варяг в греки, затем приводит собственно легенду об основании Киева, с полян начинает перечисление славянских «княжений», новый перечень восточнославянских племен, описание их обычаев, наконец, повествует о хазарской дани «на полянах». Повествование Нестора несравненно более пространно, чем в Новгородской летописи, и относится к космографической части, в то время как в Новгородской летописи попадает в «историческую», после даты, связываемой с началом Русской земли. Вместе с тем очевиден и единый источник этих текстов — Начальный свод. Какой из текстов можно считать более близким к исходному? Исследователи обоих текстов давно отметили, что составитель «Повести временных лет» после описания расселения славян и странствий Андрея Первозванного по пути «из варяг в греки» приводит рассказ о полянах и братьях Кие, Щеке и Хориве, но до упоминания самих братьев пишет: «и до сее братье бяху поляне», т. е. забегает вперед. Это давало основание усматривать в Повести следы переработки Начального свода, сохранившегося лучше в Новгородской Первой летописи, но в действительности рассказ о пути из варяг в греки был вставлен позднейшим редактором летописи в текст о полянах — отсюда «сбои» в повествовании о полянских братьях и т. п.

Обращение же к соответствующему новгородскому тексту не проясняет ситуации. Сразу после главки «Начало Руской земли» там говорится: «живяху кождо с родом своим, на своих местех и странах». Эти слова целиком соответствуют как раз тексту «Повести временных

лет» о полянах [ПВЛ, 9], но там они понятны — ведь перед этим рассказано о расселении славян, а в Новгородской летописи нет космографического введения. И дело здесь не только в смысле — понятности контекста летописи, — но и в «форме», точнее «формуле», которую и представляет собой фраза «живяху кождо с родом своим...»: это не просто общее место космографического введения — фраза восходит к цитированной библейской «Таблице народов», описывающей расселение «народов в землях их, каждый по языку своему, по племенам своим, в народах своих» [ср. Быт. X 5; 31]. Очевидно, что и текст Начального свода, использованный в Новгородской летописи, содержал космографическое введение, отброшенное новгородским летописцем XIII в. как ненужное для его специальных задач (происхождение Новгородской и Киевской волости), но использованное Нестором, выяснявшим «откуда есть пошла Русская земля». Новгородец искусственно, но вполне оправданно с точки зрения своих задач перенес главку «Начало Русской земли» в начало оборванного им текста. Таким образом обе летописи использовали Начальный свод, но его текст подвергся трансформации и в «Повести временных лет», и в Новгородской Первой летописи, причем изложение в редакции Повести было более последовательным.

Еще одно текстологическое наблюдение позволяет проследить различие в подходах к истории славян и руси у новгородского и киевского летописцев. Как уже отмечалось, и тот и другой сохранили главенствующую позицию полян в описании начальной истории. При этом у Нестора поляне противопоставлены древлянам и прочим племенам, как имеющие обычай «кроток и тих» — живущим «звериньским образом», творящим «поганые» обычаи и т. п. [ПВЛ, 10—11]. В Новгородской летописи тоже сказано, что поляне «беша мужи мудры и смыслени», однако далее отмечено: «бяху же погане, жруще озером и кладезем и рощением, яко же прочии погани» [НПЛ, 105]]. Неясно, возобладал ли здесь «новгородский патриотизм», следуя которому летописец приравнял полян к «прочим поганым», но ясно, что полянский «эгоцентризм» последовательнее выражен в «Повести временных лет».

«Эгоцентрическая» система описания окружающего мира, описание изнутри, со всей очевидностью проявляется у Нестора: поляне были для киевского летописца «своим» племенем, он описывает расселение и даже нравы прочих славян со своей «полянской» точки зрения. Та же точка зрения была несколько замутнена в новгородской летописи, но она сохранилась в пассажах, восходящих к Начальному своду. Из отброшенного новгородцем космографического введения эти пассажи, видимо, были перемещены в «историографическую» часть (и снабжены неточными датами), но что решительно нельзя усматривать в этих пассажах, так это объективную хронологическую последовательность в изложении событий: здесь очевидно «циклическое» возвращение к исходному историографическому мотиву — такое построение текста

свойственно византийским хронографам, этой «хронографической» манере следовал составитель Начального свода.

* * *

Между тем именно такую хронологическую последовательность усматривал вслед за новгородским летописцем Шахматов, считая эти сведения восходящими к Начальному своду и даже еще более древнему (и более гипотетическому) «Древнейшему своду» [ср. *Шахматов* 1908, 322—323]. И хотя по изложению новгородца получалось, что по смерти легендарных полянских братьев хазары обложили полян данью и тогда же провозгласили себя князьями в Киеве Аскольд и Дир, а «во времена Кия, Щека и Хорива» новгородские люди платили дань варягам, затем изгнали их и вновь призвали варяжских князей (все это описано под одним 854 г.), Шахматов выстраивал «линейную» схему русской истории: вслед за Кием в его городе обосновались варяги Аскольд и Дир, и это произошло до призвания варяжских князей в Новгород. «Механически» следуя изложению Новгородской летописи, Шахматов предположил, что и собственно *русь* появилась в Киеве раньше — с Аскольдом и Диром, — чем *варяги* Рюрика в Новгороде.

Этому появлению руси, а затем новгородских варягов в Киеве, описанному в «Повести временных лет» под 882 г. — годом похода Олега и Игоря на юг, а в Новгородской летописи датированному одним и тем же 854 г. (как и «начало Русской земли»), Шахматов придавал особое значение. Чтобы объяснить, каким образом скандинавская русь оказалась на юге, в Киеве, прежде варягов, Шахматов принужден был «переписать» летопись и домыслить ряд эпизодов русской истории. Вопреки известиям «Повести временных лет», равно как и Новгородской летописи, он предположил, что варяги, которые собирали дань с новгородских людей и были ими изгнаны, в действительности назывались русью. «Полчища» этой руси, однако, успели до того овладеть Киевом. «Русский» князь, узнав об отложении новгородского севера — изгнании сборщиков дани, собрался в поход против новгородцев (как это сделал в 1015 г. Владимир Святой, узнав об отложении сына Ярослава, сидевшего в Новгороде), тогда те и призвали варяжских князей. Варяги же восприняли название *русь* лишь в Киеве, где они появились с князем Игорем (или Олегом).

В Новгородской Первой летописи о вокняжении Игоря сказано: «беша у него варязи мужи словене, и оттоле прочи прозвашася русью» [НПЛ, 107]. Фраза вроде бы свидетельствует о том, что название *русь* распространилось с варягами (и словенами новгородскими) на *прочих* — в первую очередь, киевских жителей — полян. Однако *прочи* в рукописи Новгородской Первой летописи (т. н. Комиссионный список) — вставка на полях, и Шахматов считал это слово также заимствованным новгородским летописцем из описания тех же событий в «Повести

временных лет». Там говорится об Олеге, обосновавшемся в Киеве: «И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью» [ПВЛ, 14]. «Вставка слов „и прочи", — писал Шахматов о Новгородской летописи, — весьма характерна именно для Повести вр. лет, которая проводит тенденциозно историю варяжского происхождения руси: теория эта находила себе опровержение в соответствующем месте Начального свода, ибо оказывалось, что варяги прозвались русью только после перехода в южную Русь, но вставка слов „и прочи" устраняла возникшее было затруднение. Следовательно, Начальный свод сообщал о том, что варяги (или варяги и словене) назвались русью только перейдя, осевши в Киеве» [*Шахматов* 1908, 299].

Казалось бы, скрупулезным исследователем летописных текстов учтено все, включая палеографию, и вторичность, а стало быть, и искусственность отождествления варягов и руси становится очевидной. Но и ход мысли Шахматова, и усилия его последователей показали, что возможности дальнейшего изучения и иного понимания летописи не исчерпаны. В частности, для понимания летописных слов необходимо исследовать их общий контекст, который проясняет летописные формулы. Летописный контекст делает ясным и смысл слов «оттоле (с тех пор) прозвашася русью». Рассказывая о завоевании венграми Паннонии, Нестор пишет: «угри (венгры. — *В. П., Д. Р.*) прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся, и оттоле прозвася земля Угорьска» [ПВЛ, 15] — ср. упомянутую фразу: «от тех варяг... прозвася Руская земля». Завоеватели-венгры приносят свое имя на покоренную землю, подобно руси Олега и Игоря — только так можно понимать сами летописные тексты.

Поскольку шахматовская интерпретация противоречила как тексту Новгородской летописи, так и «Повести временных лет», где говорится, что Русская земля прозвалась «от варяг», а не наоборот, то исследователю пришлось вновь «исправлять» летопись. Он отметил [*Шахматов* 1908, 300], что Новгородская Первая летопись дает существенную именно для Новгорода конъектуру, ибо в повести сказано, что «от тех варяг... прозвася Руская земля», тогда как в Новгородской летописи добавлено: «прозвашася Русь, и от тех словет Руская земля», т. е. опять-таки проведено различие между древней «варяжской» русью и современной летописцу Русской землей. Шахматов предполагал, что эти слова попали в Новгородскую Первую летопись не из Начального свода, а из «Повести временных лет», и, чтобы восстановить «первоначальные» слова, вместо неполной тавтологии, имеющей очевидный различительный смысл (варяжская русь/Русская земля), предлагает совершенно тавтологическую конъектуру: «от тех варяг... прозвашася варяги».

Чтобы высвободиться из этой тавтологической ловушки, Шахматов строит на основе первой гипотезы вторую: из реконструированной фразы «от тех варяг прозъвашася варягы, и суть новъгородстии людие до

днешняго дьня отъ рода варяжьска, преже бо беша словене», он делает вывод о том, что варягами прозвались... словене новгородские, подобно тому как на юге поляне восприняли от скандинавов название *русь*. Варяги действительно составляли часть населения Новгородской земли, и, судя по скандинавским именам, сохранившимя не только в среде новгородского боярства, но и в новгородской глубинке вплоть до XIV в. (как показали антропонимические исследования Е. А. Мельниковой), память о варяжских «находниках» в Новгороде была актуальной не только во время составления Начального свода в конце XI в., но и во время составления Новгородской Первой летописи и позже. Но конъектура Шахматова все же неприемлема. Если поляне действительно восприняли название *русь*, как об этом прямо сообщает Нестор, то словене не только никогда не назывались варягами, но в аутентичных источниках XI в. противопоставлялись им: уже в «Русской правде» *словенин* — местный житель, *варяг* — иноземец (см. ниже). И если, открыто отождествляя русь и варягов, а затем русь и полян, составитель «Повести временных лет» прибегает к специальным разысканиям и комментариям, то для поисков подобного отождествления словен и варягов в источниках оснований нет.

Кто же ближе к истине — летописец, отождествляющий русь и варягов, или исследователь летописи, противопоставляющий их? Сама историческая ономастика безусловно свидетельствует о том, что *русь* — более древнее слово, чем *варяги*: первое отражено уже в источниках IX в., второе встречается впервые в византийской хронике под 1034 г. [Cedren II, 508: см.: *Васильевский* 1915, 216—218]. В «Повести временных лет» варяги впервые отличаются от руси — дружины князя Игоря — под 941 г., когда князь посылает «по варяги многи за море», зовя их в поход на греков [ПВЛ, 23]; до тех пор летопись проводит последовательное отождествление варягов и руси.

Первоначальное значение слова *варяг* — ‘наемник, принесший клятву верности’ (vár, ср. [*Мельникова*, *Петрухин* 1994]): это название отличало наемников от *руси* — ‘княжеской дружины’ — и распространилось в русской традиции с XI в. на всех заморских скандинавов. Такое различение варягов и руси делает малоосновательным все построение Шахматова, и не только потому, что в этом построении «варяги» не клянутся в верности русским князьям, а напротив, расправляются с ними (как Олег с Аскольдом и Диром). Дело в том, что дружина призванных варяжских князей называлась в летописи «вся русь», а не варяги, и это был не домысел летописца (на чем настаивал Шахматов [1908, 326]), а аутентичная «договорная» терминология, свойственная русской традиции и в X в. (см. ниже). Призванные новгородскими племенами варяги назывались русью, и ученый комментарий летописца лишь относил эту русь к известной в русской средневековой традиции группе народов — к варягам. Построение Шахматова не позволило

обнаружить каких бы то ни было следов «южной Руси» в летописных текстах: Аскольд и Дир в «Повести временных лет» и Новгородской летописи названы варягами, а не русью; сидя в Киеве, они владели не Русской землей, а Полянской — «Польской» (ПВЛ), «Полями» (НПЛ), — и «Русской» эта земля стала называться с тех пор (оттоле), как в Киеве обосновались Олег и Игорь со своей русью. Судя по идентичности этих текстов в киевской и новгородской летописи, так они читались и в их общем источнике — Начальном своде.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУСИ: СРЕДНЕВЕКОВАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Конечно, для столь решительного пересмотра событий начальной русской истории, при котором изначальная русь в Киеве противопоставлялась варягам в Новгороде, у такого источниковеда, как А. А. Шахматов, должны были быть очень серьезные основания. В самих летописных текстах прямых оснований для такого пересмотра не было. Шахматов должен был искать аргументы в иных источниках, точнее — в их интерпретации у других исследователей, и опираться на данные современной ему науки. Наиболее последовательно его построение изложено в популярной работе «Судьбы русского племени» (см.: [*Шахматов* 1919, 59 и сл.; ср.: *Шахматов* 1908, 326 и сл.]). Там он использует данные археологии о скандинавских древностях на Руси, опираясь на работу шведского археолога Т. Арне, создавшего концепцию норманской колонизации Восточной Европы: в те времена предлагалась суммарная датировка скандинавских древностей IX—X вв.; ныне известно, что скандинавские древности IX в. немногочисленны и обнаружены по-премуществу на Новгородчине и в Верхнем Поволжье — в Приднепровье их практически нет (см. ниже). Использует он и сообщения восточных географов о таинственном «острове русов», где ими правит хакан (каган) — эти известия восходят к IX в., но где располагался «остров» и не был ли он отражением книжных легенд — библейской об «островах народов» и античной о далеком острове Туле, — до сих пор неясно. Шахматов пытался даже отыскать этот остров возле Старой Русы, где по поздним средневековым источникам известна местность под названием Остров. Тогда Старая Руса оказалась бы центром изначальной руси, а Новый город — Новгород — варяжским центром. Но и эта некогда популярная (опять-таки с позднесредневековой эпохи — ср. Воскресенскую летопись и т. п.: [*Ломоносов* 2003, 63]) гипотеза ушла в область историографии: дело не только в том, что Старая Руса относительно поздно и под именем просто «Руса» упоминается в летописи (1167 г.) и возникает позже Новгорода, — дело в том, что само название *Руса*

имеет балтское происхождение (ср. из последних работ по балтской гидронимии в славянском ареале [*Топоров* 1991]) и не связано с именем *русь*.

Реальным историческим событием IX в. и первым упоминанием руси в письменных источниках оказывается известие Бертинских анналов, где под 839 г. сообщается о прибытии послов «народа Рос» в Ингельгейм ко двору франкского императора Людовика Благочестивого. Этот народ Рос, управляемый хаканом (каганом), относился «к роду свеонов» — свеев, и его послы просили императора пропустить их через земли франков, так как обратный путь им преградили «дикие племена». Шахматов, проницательный источниковед, не пошел в интерпретации этого источника по «напрашивающемуся пути», как это до сих пор делают многие историки, и не поместил родину этой руси прямо в Киеве. Он заметил, что Днепровский путь «не был еще в руках русского кагана» — его контролировали хазары. Однако после 839 г. «началось движение руси на юг» — и это движение увенчивается походом на Царьград в 860 г. Здесь Шахматов делает не менее справедливое замечание: чтобы совершить поход, потрясший Византию, необходимо было утвердиться в Киеве — для этого нужно было время. Если бы Шахматов в подтверждение этого рассуждения обратился к летописи, он заметил бы то, что все походы на Византию — вплоть до последнего в 1041 г. — не только требовали напряжения всех сил Русского государства — они требовали участия всех центров и народов, обитавших по пути из варяг в греки, включая самих заморских варягов, и прежде всего Новгорода. Но у Шахматова была готовая концепция противостояния русского Киева и варяжского Новгорода, и в соответствии с этой концепцией он отделил Русское государство на юге от северных областей. Чтобы дать этому государству время набраться сил на юге, Шахматов и создал свою реконструкцию начальной русской истории, «выпрямив» циклическое (хронографическое) изложение событий в Новгородской Первой летописи.

Подход этот был не нов. Первым, кто усмотрел прямую хронологическую последовательность в известиях русских летописей о древнейших киевских князьях, был польский хронист XV в. Ян Длугош. Он прямо возводил Аскольда и Дира к Кию, Щеку и Хориву. Но Ян Длугош не был настолько наивен, насколько «доверчивыми» оказались некоторые современные авторы, некритично воспринявшие его построения. Дело в том, что польский хронист стремился обосновать претензии Польского государства на Киев и русские земли и поэтому отождествил киевских полян с польскими, Кия считал «польским языческим князем» и т. д. [*Флоря* 1990]. Ссылаясь на эти построения, некоторые историки относили Аскольда и Дира к «династии Киевичей», игнорируя их варяжское происхождение [ср. *Рыбаков* 1982, 307 и сл., *Толочко* 1987, 21—22 и др.].

Эти попытки не имеют отношения к шахматовским изысканиям: А. А. Шахматов не отрицал, что Аскольд и Дир — скандинавы, а не поляне. Более того, будучи филологом по образованию, он разделял принятую большинством языковедов скандинавскую этимологию имени *русь* (см. [*Шахматов* 1908, 324 и сл.]). Но поскольку даже из текста реконструируемого Шахматовым Начального свода никак не следовало, что Аскольд и Дир относились к руси, но не к варягам, то приходилось ссылаться не на летописные тексты, а на внетекстологические соображения, уже ставшие «общим местом» в историографии шахматовского времени. «Весь рассказ о вокняжении Олега в Киеве и устранении Аскольда и Дира носит весьма тенденциозный характер [...] Едва ли подлежит какому-либо сомнению, что весь рассказ летописи (как Повести вр. лет, так и предшествовавшего ей Начального свода) сообразован с известными династическими интересами правящего княжеского дома; потомки Рюрика представляются единственными по праву носителями власти во всех восточнославянских землях» и т. д. (*Шахматов* 1919, 59). Это — один из итогов критической историографии XIX в., разрушавшей «романтический» (карамзинский) образ летописца, как беспристрастного свидетеля истории; но итог этот безусловно важен для исторических реконструкций тогда, когда он подкрепляется конкретным источниковедческим анализом.

* * *

Показательно, что именно это построение Шахматова и его авторитет как источниковеда в большой мере «развязывало руки» для создания собственных, уже никак не соотносящихся с данным летописи и других источников, теорий. Собственно «теория» исконной приднепровской руси, возрождающая подход к истории первобытного автохтонистского мифа, сформировалась задолго до Шахматова и даже до возникновения «специализированной» исторической науки: как уже говорилось, летописцы XVII в. легко возводили известные им названия Русского государства — *Русь, Россия* — к имени речки Рось и т. п. в Среднем Поднепровье, на границе со степью (Воскресенская летопись и др.). Конечно, позднесредневековые летописцы не обошли вниманием и реку Руса, и Пруссию, имя которой возводилось к легендарному Прусу «Сказания о владимирских князьях», составленного московскими книжниками начала XVI в. (а в позднейших рационализированных построениях, основанных на народной этимологии, воспринималось как «Порусье» — ср. [*Ломоносов* 2003, 59]), и т. п. В целом этот метод продолжал средневековую традицию — так и Нестор выводил имена киевских культурных героев из наименований местных урочищ. Но у составителей «Сказания о владимирских князьях» и поздних летописных сводов была особая историографическая задача: Московское цар-

ство, Россия не должна была уступать своему главному сопернику в Восточной Европе — объединенному Польско-Литовскому государству, Речи Посполитой, ее правители должны были иметь не менее престижную генеалогию, и лишенный такой генеалогии варяжский князь Рюрик стал потомком Пруса, а через него — и Августа.

С возникновением российской исторической науки и первых опытов критики источников уже у В. Н. Татищева (ср. [*Татищев*, т. 1, 129 и др.]), обнаружившего тенденциозный вымысел в позднесредневековых легендах, это позднее мифотворчество не было целиком преодолено: ведь российская наука создавалась для Российской империи, продолжавшей во многом политику Московского царства, хотя ее правители стремились следовать традициям «просвещенного абсолютизма». Все эти позднесредневековые построения соединил в своем труде «Древняя Российская история», подготовленном по указу императрицы Елизаветы Петровны, М. В. Ломоносов: распространение славянского имени *Россия* (*россы*) от Балтики (Ломоносов литовцев, латышей и пруссов считал славянами [1]) до Среднего Поднепровья (р. Рось) и Волги (Ра) должно было продемонстрировать историческую укорененность Российского государства на этих землях. С Волги, древним названием которой было *Ра*, носители «росского имени» роксоланы дошли до «Варяжских» берегов — Пруссии и острова Рюген, где «назывались сокращенно Ранами, то есть с реки Ры (Волги)» [*Ломоносов* 2003, 59 и сл.]. Заодно обнаруживалась несостоятельность летописной легенды о начале российского государства и народа с призвания из-за моря русских (варяжских) князей, ибо Россия была «прежде Рурика», а с ней и тщетность попыток призванных в Россию немецких академиков усматривать в призванных за девять столетий до того варягах иноземцев, строителей российского государства и культуры, ведь варяго-россы также оказывались славянами.

Этот средневековый метод «народной этимологии» легко привился в исторической науке, хотя сама Древняя Русь не называла себя ни Росью, ни даже Россией — это имя было заимствовано из Византии лишь в XV в. [*Соловьев* 1958], да и население Роси также не именовало себя «росами» — оно звалось «поршанами», так как и само древнерусское название реки было *Ръсь* (что отмечал еще В. Н. Татищев). Для обоснования местных или, шире, славянских корней Российского государства годились (и используются до сих пор) любые созвучия — будь то *роксоланы/росы* (это отождествление также восходит к польской историографии XVI в. — ср. [*Мыльников* 1996, 155]), *руссы/пруссы* или *варяги/вагры* (балтийско-славянское племя). С формированием западнического и славянофильского течений в русской общественной мысли XIX в.,

---

[1] При этом Ломоносов указывал на родство славянских и балтийских языков и обычаев, в том числе на культ Перуна у славян и Перкуна у балтов, предваряя более поздние научные представления о балто-славянской общности.

возрождением представлений о Святой Руси в ее романтическом варианте, в летописной концепции варяжского происхождения руси от варягов-норманнов — т. н. норманской теории — усматривалось предрешение судеб и путей развития России. Поскольку варяги в русской средневековой традиции воспринимались как выходцы из Западной Европы вообще, приравнивались к немцам (Иван Грозный говорил уже, что его княжеский род происходит «от немец», а не «от варяг»), то славянофильской «нейтрализацией» варягов было отождествление их с балтийскими славянами, наиболее последовательно проводимое любителем российских древностей С. А. Гедеоновым. Более радикальной была автохтонистская концепция. Ее ярким представителем был Д. И. Иловайский, чьи построения признавались одиозными уже в дореволюционную эпоху: для него было все равно, как звучало то или иное имя — *Русь*, *Рось*, *Рас* и т. д., — историк готов был отнести к славянам даже гуннов и протоболгар, — лишь бы обосновать исконность славянства в границах Российской империи. И такой тонкий источниковед, как М. С. Грушевский (ср. современное переиздание его «Истории Украины — Руси» — [*Грушевський* 1994, 189—190 и др.]), который стремился отыскать истоки самостоятельного «украинского племени» уже в догосударственном объединении антов, отдельном от полян-руси в Среднем Поднепровье, также оказался наследником позднесредневековой традиции, игнорирующей данные прямых источников о скандинавском происхождении названия *русь*, равно как и данные исторической ономастики.

Эти построения и были в целом подхвачены советской официозной историографией, особенно с 40-х гг., кризисной военной и послевоенной эпохи, когда нужно было вернуть народ-победитель, увидевший подлинную жизнь освобожденной Европы, к исконным ценностям собственного разоренного отечества. Борьба с космополитизмом, когда любое влияние извне — будь то варяги, хазары или немцы — признавалось заведомо враждебным, способствовала возрождению автохтонистских мифов [1a]. Летописная традиция, возводившая начало Руси к призванию из-за моря варяжских (норманских) князей, и исследователи, признававшие ее историчность и унаследовавшие традиционное для науки XIX в. название «норманисты», становились проводниками враждебного «внешнего» влияния. Борьба с «реакционной норманской теорией», начатая еще в период становления российской исторической науки, продолжилась на новой методологической основе, казалось бы, дававшей прочные основания для поисков автохтонных основ всякого этноса, государства и культуры, стоило лишь подвести под эти основы марксистское учение об экономическом базисе. Однако и это подведение «местной основы» под этнокультурные и социально-экономические процессы в Восточной

[1a] Попытки реанимации этих мифов осуществляются и ныне: см. сборник статей «Антинорманизм», изданный «Русским Историческим обществом» в Москве в 2003 г.

Европе уводило иследователей в область историографических мифов: творец марксистской истории Киевской Руси как феодального государства, Б. Д. Греков, должен был искать основы русского феодализма в хронологическом периоде, который предшествовал бы обоснованию княжеской династии норманского происхождения в Киеве, и отыскивал их уже в VIII в. — времени, о котором практически ничего не известно из исторических источников. Естественно при этом, что старые антинорманистские построения вроде концепции «дворянско-монархического» историка Иловайского прямо использоваться не могли (хотя в советской историографии отмечались его заслуги в борьбе с норманизмом): напротив, М. Н. Тихомиров писал, что стремление возвести все русские имена скандинавского происхождения к славянским компрометировало противников норманской теории и было «доведено в работах Гедеонова и Иловайского до абсурда» [*Тихомиров* 1947, 72]. Невозможны были и ссылки на построения Грушевского, обвиненного в украинском национализме. Здесь и пригодился авторитет А. А. Шахматова как текстолога (хотя и он был поименован в историографии того времени «буржуазным источниковедом»). Характерным в этом восприятии шахматовской концепции начальной руси было то, что ее «историческое» обоснование — завоевание Киевской земли норманнами-русью до призвания варягов — было решительно (и справедливо) отвергнуто как «уступка норманизму», но и текстологические изыскания, как правило, также игнорировались. Таким образом, исследовательский поиск Шахматова превращался в историографический штамп, прикрывающий авторитетом этого источниковеда конструирование «начальной Руси», основанное на некритическом отказе от исследования прямых сообщений летописи и других источников.

Поскольку в реконструируемом Шахматовым Начальном своде не было никаких реальных следов южного происхождения руси, сторонники этой концепции использовали «Повесть временных лет», а именно то единственное место, где поляне отождествляются летописцем начала XII в. с Русью: «поляне, яже ныне зовомая русь». Вырывая из контекста летописи эту фразу, которую сам Шахматов считал вставкой [*Шахматов* 1940, 91], исследователи (Н. К. Никольский, Б. А. Рыбаков, А. Г. Кузьмин) усматривали в ней фрагмент «истинной» концепции происхождения руси, по недомыслию или недосмотру не уничтоженный первыми норманистами — редакторами летописи, проводившими тенденцию отождествления руси и варягов. При этом летописец в лучшем случае объявлялся «литературным закройщиком» [*Никольский* 1930, 28], в худшем — подозревался в прямой диверсии: «Чья-то рука, — пишет Б. А. Рыбаков, — изъяла из Повести временных лет самые интересные страницы и заменила их новгородской легендой о призвании князей-варягов» [*Рыбаков* 1982, 142]. Однако обращение к контексту повести обнаруживает вполне определенную соотнесенность

этого фрагмента с общим замыслом летописца, очевидным уже в космографическом введении.

Как уже отмечалось, статья, где поляне отождествляются с русью, современной летописцу, помещена в ПВЛ под 898 г. и речь в ней идет о возникновении славянской письменности (этот сюжет А. А. Шахматов выделял как самостоятельное «Сказание о преложении книг на словенский язык»). Задачей летописца, повествующего о судьбах Руси, было включение руси в число народов, воспринявших славянскую письменность, подобно тому как в космографическом введении, повествуя о всемирной истории, он включает русь в круг народов мира. Поэтому летописец подчеркивает единство славянского языка и вкратце, но в той же последовательности, что и в космографическом введении, перечисляет славянские народы — «морова (моравы. — *В. П., Д. Р.*), и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь»; при этом в космографическом введении за ляхами следуют поляне и другие племена Польши, и лишь затем — одноименные им поляне днепровские. Таким образом, летописец нашел наиболее подходящее место для «естественного» включения руси в круг славянских народов, первыми принявших славянскую письменность (а не перепутал западных полян и восточных) [см. также: *Насонов* 1969, 18 и сл.]. Завершение сказания соответствует общей концепции «Повести временных лет»: «словенский язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене» [ПВЛ, 16]. Каковы бы ни были источники «Сказания о преложении книг», летопись не дает оснований для выделения «двух концепций» происхождения руси.

Если же вернуться к пассажу о распространении имени *русь* после захвата Олегом (Игорем) Киева, то придется заключить, что поляне и были среди «прочих», прозвавшихся, согласно «Повести временных лет», русью. Они входят в войско Олега, которое тот ведет на Царьград в 907 г., а последний раз упоминаются уже в войске Игоря: в 944 г. Игорь, «совокупив вои многи, варяги, русь и поляны, словени, и кривичи, и тиверьце, и печенеги наа... поиде на греки» [ПВЛ, 22]. М. Н. Тихомиров обратил внимание на то, что поляне здесь «сближены» с русью, которая отличается от варягов [*Тихомиров* 1947, 70]: это и естественно, так как русь уже обосновалась и «прозвалась» в полянском Киеве, а за варягами Игорь специально посылал за море, зовя их на греков. Тот же автор заметил, что поляне не упоминаются среди славянских племен — данников руси в трактате «Об управлении империей» византийского императора Константина Багрянородного, писавшего в середине X в. [*Тихомиров* 1947, 77]: вероятно, процесс слияния полян и руси зашел в это время довольно далеко. Вместе с тем и у Константина нет полного списка данников росов: он завершает список упоминанием неких «прочих Славиниев» — «прочих славян»; здесь мы встречаем тот же средневековый «штамп», который затрудняет понимание источника.

Признание того, что отождествление полян с русью не противоречит «варяжскому» происхождению имени *русь*, еще не означает, что отождествление варягов и руси в летописи отражает историческую реальность, а не является домыслом летописца. Однако просто придумать такое отождествление без всяких на то оснований средневековый автор не мог. Это хорошо осознавал Шахматов, лучше чем кто бы то ни было понимавший принципы составления летописных сводов, опирающиеся на предшествующие летописи и традиции. Поэтому Шахматов обратился к поискам источника, на основании которого летописец мог отождествить русь и варягов [ср. *Шахматов* 1940, 57].

Казалось бы, этот источник был хорошо известен, и о нем прямо говорится в «Повести временных лет»: это греческий хронограф, «Хроника» Амартола, точнее — его Продолжателя, в славянском переводе которой говорится о руси Игоря, напавшей на Константинополь в 941 г., как о людях, «от рода варяжьска сущих» [*Истрин* 1920, 567; ср. Продолжатель Феофана, 175]. На это место в хронографе обратил внимание уже один из столпов традиционного антинорманизма XIX в. С. А. Гедеонов; то обстоятельство, что летописец почти механически перенес это отождествление в русскую летопись, представлялось очевидным Б. А. Рыбакову, М. Х. Алешковскому и др. Но все оказалось не так просто: дело в том, что в греческом тексте нет упоминания «варяжского рода» — сам термин «варяги», как уже говорилось, распространяется в греческой хронографии лишь в XI в. В хронографе сказано, что русь происходит от рода *франков*. В древнерусской традиции этому этнониму соответствовало имя *фряги* (*фрязи* — так, как мы видели, могли называть и других жителей Западной Европы, итальянцев, в том числе генуэзцев, французов), но не *варяги*: заподозрить переводчика и тем более летописца в какой-либо путанице трудно, ибо и в космографическом введении к «Повести временных лет» «фрягове» упоминаются наряду с варягами. Учитывая все это, Шахматов попытался предложить этимологию слова варяг из греч. *φράγκος* ‘франк’, но эта попытка была отвергнута филологами [см. *Фасмер*, т. 1, 276]. Кроме того, как раз в соответствующем хронографу летописном описании похода Игоря нет отождествления руси ни с фрягами, ни с варягами. Стало быть, переводчик или древнерусский редактор славянского перевода сознательно исправил греческий текст, изменив «род франков» на «род варяжский», следуя все той же традиции о варяжском происхождении руси. Итак, очевидно, что традиция, которой следовал русский летописец, была аутентичной, сохранялась не в записях чужеземцев, а в памяти самого «русского рода».

Было бы несправедливым утверждать, что энтузиазм в поисках исконного носителя имени *русь* питали лишь ложно понимаемые «патриотические» чувства, архаичные изыскательские традиции и официозная идеология: существовала и вполне научная проблема, вдохновлявшая эти поиски, — а именно отсутствие народа «русь» в самой Скандина-

вии. Это обстоятельство смущало и Шахматова — видимо, не в последнюю очередь оно повлияло на его представление о переселении полчищ руси в Среднее Поднепровье, хотя о построении летописца он писал более осторожно: летописец знал, что в Скандинавии нет народа «русь», поэтому упомянул в легенде о призвании варягов, что Рюрик взял с собой «всю русь». Указание сторонников историчности летописной традиции на местность *Рослаген* в Средней Швеции не могло, конечно, снизить энтузиазм поисков — чем Рослаген лучше Рюгена или Роси?

Поиски продолжились и, казалось бы, достигли определенных результатов в нетрадиционном для них месте — не в Скандинавии, не у балтийских славян, не на Среднем Днепре, а на Дунае (см. [*Назаренко* 1994, 20 и сл.; 2001, 11 и сл.]). Имя *русь* увязывается с неким народом *ruzzi,* наименование которого отразилось в топониме Ruzarâmarcha в Баварии, упомянутого еще в дарственной грамоте восточнофранкского короля Людовика II Альтхаймскому монастырю, данной в 863 г. Рузариями позднейшие (XII в.!) немецкие источники именовали регенсбургских купцов, торгующих с Русью: стало быть, русь могли знать в немецких землях уже в IX в. Это наблюдение А. В. Назаренко породило новую волну гипотез, от традиционалистских — готовых постулировать присутствие руси в Киеве уже в VIII в., до экзотических, реконструирующих рутено-фризско-норманнскую торговую компанию VIII в., принесшую название *русь* в Восточную Европу [*Прицак* 1991]. Дело, правда, осложняется еще и тем, что этникон *Ruzzi* (упомянутый впервые в т. н. Баварском географе конца IX в.) должен был, по данным лингвистики, возникнуть в такой форме не позднее рубежа VI—VII вв. (ср. [*Назаренко* 1994, 29; *Прицак* 1991, 122]), что безнадежно отрывает его от исторической руси. Проблема этнонимической омонимии — когда схожие этниконы обозначают разные этносы, однако, игнорируется; напротив, привлекаются данные уже иной этнонимической традиции, чтобы обосновать укорененность этникона *русь* в Баварии к IX в.

В Раффельштетенском таможенном уставе, изданном по указу восточнофранкского короля Людовика IV (899—911) говорится о славянах, которые приходят в Восточную Баварию «от ругов или богемов» и располагаются для торговли на Дунае. Богемы — это чехи, ругами же в немецких латиноязычных документах X—XI вв. именовалась обычно русь; другим и более распространенным — вплоть до позднего Средневековья — обозначением руси, русских был книжный этноним *рутены*, имеющий кельтское происхождение. Сам этноним *руги* относился к германскому племени эпохи Великого переселения народов, мигрировавшему под натиском готов из Прибалтики (возможно, с ним связано и название острова Рюген) в Паннонию; по созвучию это наименование закрепилось за новым народом, обитающим не в Паннонии, а дальше

на восток — за русью (хотя руги и упомянуты по-прежнему рядом с богемами). В общем это характерное для исторической ономастики явление — перенос знакомого этникона на новые этносы (вспомним историю имени *венеды* и т. п.). По источникам второй половины X в. (упоминавшийся Ибн Йакуб) известно, что путь на Русь из Баварии лежал через Чехию (Богемию) — Прагу, Краков и далее до Киева. Значит, можно предполагать, что этот маршрут уже мог функционировать, по крайней мере, на рубеже IX и X вв., а с учетом упомянутой Ruzarâmarcha — еще на столетие раньше и т. д.

Между тем источники самым очевидным образом противоречат этим схематическим построениям, начиная с первого, опять-таки западноевропейского, упоминающего русь под 839 г., — Бертинских анналов. Анналы повествуют о появлении руси в Ингельгейме — столице франкского императора Людовика Благочестивого на Рейне (*Назаренко* 1999, 288—289): византийский император Феофил с греческим посольством прислал также неких людей, «утверждавших, что они, то есть народ их, называется Рос (Rhos); король их, именуемый хаканом, направил их к нему (Феофилу. — *В. П., Д. Р.*), как они уверяли, ради дружбы». Феофил просил, «чтобы по милости императора с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться [на родину], так как путь, по которому они прибыли в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путем... Тщательно исследовав [цели] их прибытия, император узнал, что они из народа (рода) шведов (свеонов) и, сочтя их скорее разведчиками и в этой стране (Византии), и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их...» Судьба этого посольства, как и его маршрут в Константинополь, остаются неизвестными. Подозрительность же Людовика имела все основания: он принужден был без конца сражаться с викингами, а в 828 г. принимал послов собственно «свеонов»; подозрительность эта оказалась провидческой и в отношении Византии: через двадцать лет в 860 г. русь напала на Константинополь как раз тогда, когда император Михаил был в походе (см. ниже) — видимо, у руси действительно была неплохая «разведка».

Что касается варварских народов, через земли которых лежал путь руси в Византию, то очевидно, что Феофил не мог обвинить в чрезвычайной дикости хазар, с которыми Византия находилась в союзнических отношениях (тогда греки построили хазарам Саркел) и которые пропустили в Константинополь русское посольство. Скорее всего, венгры, находящиеся в конфликте с Византией, были теми «дикими племенами», что перекрывали дорогу русскому посольству (ср. [*Новосельцев* 1990. С. 206 и сл.]), вынужденному искать обходной путь на родину за море, к «своему роду» — свеонам через империю франков.

Дело не только в том, что русь (люди Рос) оказываются в Берлинских анналах скандинавами — «от рода свеонов» (ср. «от рода варяжьска» в летописи); дело в том, что при дворе Людовика Благочестивого, во-первых, не знали имени этого народа, во-вторых, сам маршрут руси, даже в вожделенный для всех «варваров» Константинополь, только осваивался людьми Рос и пролегал «по землям свирепых народов», так что император Феофил просил Людовика пропустить их через земли франков. Можно лишь гадать об этом маршруте — шел ли он по Днепру или Дону, — но очевидно, что никакой «широтный» маршрут был немыслим: слова Феофила о свирепых варварах не были данью риторике — около 836 г. византийцы столкнулись в устье Дуная с венграми (ср. из последних работ — *Цукерман* 1998; *Литаврин* 2000, 41—45). Впрочем, ни столетием раньше, ни столетием позже ситуация в этом регионе не могла благоприятствовать торговле: об этом свидетельствует практическое отсутствие в Центральной Европе дирхемов (несколько десятков находок против десятков тысяч в Восточной и Северной Европе — как бы ни объяснять механизмы монетного обращения в раннем Средневековье). Путешествующие чуть ли не по всему старому свету еврейские купцы ар-разанийа, судя по описанию Ибн Хордадбеха, отправляясь в IX в. из Западной Европы обходили Восточную, в том числе Хазарию [*Калинина* 1986]. Подтверждением тому был тот парадоксальный факт, что еврейский сановник при дворе кордовского правителя Хасдай Ибн Шапрут в середине X в. ничего не знал о Хазарском каганате. Он попытался отправить свою письмо хазарскому царю Иосифу через Византию, и только когда греки не пропустили его послов, ему пришлось искать обходных путей — тут-то, в начале 960-х гг., и был открыт «путь из немец в хазары» через земли славян, уже относительно «цивилизованную» Венгрию (где уже появились еврейские общины) и Русь [*Коковцов* 1932, 64—66]; тогда же о пути из Праги через Краков в Киев сообщает и Ибрагим Ибн Йакуб.

Ни «руги», ни Ruzarâmarcha ранних немецких источников, очевидно, не имеют прямого отношения к исторической руси IX в. В относительно «исторический» контекст включены Ruzzi Баварского географа: они упомянуты рядом с хазарами — там, где русь упоминается восточными авторами и Начальной летописью, повествующей о хазарской и варяжской дани со славян (см. ниже). Однако полный список народов Восточной Европы, включающий хазар, ruzzi-русь и завершающийся венграми, дает имена, далекие от ясности: как бы ни интерпретировать имена Форсдерен (Форщдерен) лиуды, Фреситы (Фрешиты), Серавицы (Шеравицы) и даже Луколане [*Седов* 1999, 39—46], очевидно, что составитель не имел о них ясной информации и даже не попытался указать число их городов, как в прочих случаях. Зато упоминание вислян вслед за венграми в Баварском географе указывает на время составления списка, соответствующее его кодикологической датировке, —

конец IX в., до вторжения венгров в Паннонию и разгрома Моравии (если видеть в мархариях и мереханах Баварского географа упоминания каких-то племенных объединений Великой Моравии и ее «градов» — ср. [*Назаренко* 1993, 20—21, 45—46]).

К этому времени русь оказывается соседом и соперником хазар и по данным Начальной летописи: варяги Аскольд и Дир (ок. 860), а за ними Вещий Олег (882, согласно летописной датировке) обосновываются в Киеве, приведя с собой русские дружины из Новгорода, куда были призваны варяжские князья. Олег объявляет полянский Киев своей столицей («матерью городов русских») и присваивает хазарскую дань с племен днепровского левобережья — северян и радимичей: с тех пор имя «русь» распространяется в Среднем Поднепровье, а домен киевского князя получает название «Русская земля» в узком смысле (см. ниже).

И здесь традиционная историография, игнорирующая данные летописи как «норманистские», дала возможность для «автохтонистской» интерпретации даже «дунайской руси»: руги-русь оказываются по этой гипотезе не «приднепровскими русами», а частью северно-причерноморских русов, входивших в VI в. в объединение антов и оторванных от них миграцией аваров, переселившихся на Дунай, и т. д. (ср. [*Седов* 1999, 52—53; 2002, 255 и сл.]). Это построение возвращает нас к советским историографическим мифам середины XX в. и предшествующей им традиции, в том числе и к их «методике» — стремлению вырвать «подходящий» по звучанию этникон как из контекста источника, так и из исторического контекста вообще, включив его в собственную схему [2].

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ МИФ: НАРОД РОС В СРЕДНЕМ ПОДНЕПРОВЬЕ

Анты, которых еще Иордан помещал между Днестром и Днепром, традиционно считались предками восточной ветви славянства: Шахматов называл их предками «русского племени», имея в виду под «русскими» все славянские племена Восточной Европы, а не «русь» в узком смысле и, конечно, не предков одних украинцев [3] (к чему склонялись Нидерле и Грушевский — см. [*Шахматов* 1919, 10—12]). Хотя известия об антах

[2] В общем эта «антинорманистская» методика не отличается от альтернативных «норманистских» конструкций О. Прицака, так же свободно оперирующего теми же этниконами, но уже в другом пространстве — от Балтики до Дуная.

[3] Старая историографическая тенденция усматривать в антах предков собственно украинцев реанимируется в некоторых новейших построениях украинских авторов (ср.: [*Баран* 2000]); сходные тенденции обнаруживаются в отечественной историографии: в славянских древностях VIII—IX вв. в лесостепном междуречье Днепра и Дона усматривают «ядро последующего формирования южновеликоруссов» [*Седов* 2002, 263].

исчезают из источников с начала VII в. [см. Свод, т. 1, 262; т. II, 43, 63], древности VI—VII вв., обнаруженные в лесостепной зоне, включающей Среднее Поднепровье, были названы одним из основателей отечественной археологии А. А. Спицыным «древностями антов», а нынешними исследователями относятся к т. н. пеньковской культуре, также приписываемой антам. Эти древности содержали, в частности, вещи византийского происхождения, которые считались трофеями — свидетельствами удачных походов на Византию. Однако сами анты оказывались все же на периферии собственно восточнославянской истории: их связь с Киевом и Русью была неясна (хотя Среднее Поднепровье — Киев и р. Рось — входили в ареал «древностей антов»). Поэтому счастливой находкой оказалось упоминание сирийским автором VI в. Псевдо-Захарией, или Захарией Ритором, компилятором, использовавшим хронику греческого автора Захарии Митиленского, «народа рус».

Собственно «Хроника» Псевдо-Захарии была известна давно. Еще Маркварт в начале века обратил внимание на имя *рос* (*hros*) или *рус* (*hrus*) в сирийском источнике. Но, будучи сторонником традиционной концепции скандинавского происхождения названия *русь*, он предпринял попытку связать упоминание этого имени с германцами — выходцами из Скандинавии, осевшими в причерноморских степях, — герулами или росомонами. Эта «норманистская» концепция не могла удовлетворить сторонников исконно славянского происхождения руси. Н. В. Пигулевская, издавшая в 1941 г. комментированный перевод сирийской хроники [*Пигулевская* 2000, 568, 361 и сл.], а затем А. П. Дьяконов отождествили народ *рус* со славянами, известными по описаниям византийских авторов, точнее — с антами. Это дало основание Б. А. Рыбакову переименовать древности антов в «древности русов» [*Рыбаков* 1953; 1982]. Дальнейшая «реконструкция» истории не представляла проблемы: поскольку русь известна в Среднем Поднепровье с VI в., то, стало быть, она выстояла в борьбе с аварским нашествием (при этом часть ее оказалась с аварами на Дунае), создала могучий союз руси, полян и северян и т. д., вплоть до образования древнерусского государства.

Конечно, направление «реконструкции» целиком зависело от общей точки зрения исследователя: адепты славянского происхождения руси не выходили за пределы Среднего Поднепровья или выводили оттуда русь; «евразиец» Г. В. Вернадский (а до него Д. И. Иловайский), настаивавший на особом значении иранских («асских») связей антов, помещал «росов» — тоже иранцев по происхождению — в Приазовье, где искал исконную «Приазовскую Русь» среди роксоланов и прочих иранских племен [*Вернадский* 1996, 172 и сл.]. П. Н. Милюков [1993, 396] отказывал в доверии средневековым авторам, свидетельствующим о многочисленности и могуществе антов, отмечая господство кочевников в областях, отводимых антам, и исчезновение антов в источниках после 602 г.: «широкий антский союз ... вообще не успел создаться», — писал

он. Этот скепсис разделяется исследователями, отрицающими славянскую принадлежность приписываемой антам пеньковской культуры.

Обратимся, однако, к контексту источника. Сирийский автор пополняет традиционное описание народов, данное еще Клавдием Птолемеем (ср. в главе V), и помещает за «Каспийскими воротами» к северу от Кавказа «в гуннских пределах» упоминавшиеся народы «авгар, себир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар» и др. «Эти 13 народов, — пишет он, — живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них [живет] народ амазраты и люди-псы, на запад и на север от них [живут] амазонки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю... Соседний с ними народ ерос (рос, рус, согласно Пигулевской. — *В. П., Д. Р.*), мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток у северных краев еще три черных народа» ([*Пигулевская* 2000, 568]; см. также приложение в конце книги).

Совершенно очевидно, что этот пассаж делится на две части: «этнографическое» описание, опирающееся на реальные известия, полученные, по сообщению самого автора, от пленных, попавших в «гуннские пределы», и традиционное мифологизированное описание народов-монстров на краю ойкумены: среди последних оказывается и «народ рус».

Конечно, эта традиция, свойственная еще мифологической картине мира, противопоставляющей освоенную территорию, «свой мир», космос окружающему, потенциально враждебному, хаотическому, населенному чудовищами, и в трансформированном виде унаследованная раннегеографическими и историческими описаниями, была хорошо известна и исследователям сирийской хроники. Упоминания фантастических существ — карликов-амазратов, псоглавцев, амазонок — в античных источниках, начиная по крайней мере с Геродота, приводятся этими исследователями при комментировании текста Захарии Ритора. Почему же контекст, в котором оказывается «исторический» народ рус, не настораживает их?

Дело здесь, видимо, в тенденции, не изжитой еще в исторической науке и характерной прежде всего для представителей так называемой исторической школы, согласно которой цель историка — обнаружение соответствий в данных источника тем конкретным «фактам», которые имеются в распоряжении исследователя, или просто его общей концепции, — в данном случае хватило одного имени *рус*. Этой тенденции присущ и деформирующий взгляд на источники — будь то хроника или эпос, — содержание которых должно в более или менее завуалированной форме отражать те же реальные факты; таким образом, игнори-

руется собственный взгляд на мир древнего историка. Это, естественно, заслоняет логику самого исторического повествования. Так, Маркварт специально обратил внимание на то, что народ женщин-амазонок соседствует у сирийского автора с народом мужчин («рус»), но из этого он делает чисто «исторический» вывод о том, что так и было на самом деле: дружинники скандинавского происхождения могли появляться в Причерноморье без женщин, искать подруг на стороне, и этот «факт» привел к актуализации легенды об амазонках ([*Marquart* 1903, 383—385]; впрочем, так рационалистически «объясняли» легенду об амазонках еще в позднесредневековой историографии, где они считались «женщинами готов» — ср. [*Мыльников* 1996, 99]) и т. д. Не смущали амазонки и А. П. Дьяконова, поскольку можно свести их упоминание к пережиткам матриархата, которые якобы существовали у относительно отсталых племен евразийских степей до сер. 1-го тыс. н. э. Зато локализация их еще Геродотом (!) между Танаисом и Меотийским озером позволяет более или менее определенно локализовать народ рус [*Дьяконов* 1939, 88], живущий поблизости, но тысячелетием позже. Описание же народа «русов» как богатырей, которых не носят кони, можно согласовать со сведениями о росте и слабой вооруженности антов у Прокопия и других писателей VI в. [*Пигулевская* 2000, 361 и сл.]. Отыскивание такого рода совпадений позволяет игнорировать «несовпадения», относить их на счет фантастических деталей повествования. Так, исследователей «древностей русов», которые, по справедливому определению Б. А. Рыбакова, характеризует специализированная воинская «дружинная культура», не смущает известие сирийского автора об отсутствии у «народа рус» оружия.

Такого рода поиски совпадений в духе т. н. исторической школы можно было бы продолжить, увязав, в частности, информацию о трех черных народах, обитающих к северо-востоку от «русов», с северянами (благо этот этноним можно этимологизировать из иранского как *черный*), их городом Черниговом и т. д., после чего «русы» обрели бы вполне исторический контекст.

Главная сложность, даже с последовательных позиций исторической школы не позволяющая безоговорочно принять подобную реконструкцию для этнической истории Восточной Европы VI в., заключается в том, что аутентичным источникам по Восточной Европе народ *рус* или *рос* неизвестен. Зато имя Рос хорошо знакомо греческой — византийской традиции и восходит к неточному переводу Септуагинты: еврейский титул *наси-рош* в книге Иезекииля (38, 2; 39, 1) — «верховный глава» — был переведен как «архонт Рос» («князь Рос» в славянском переводе). Получилось, что пророчество Иезекииля относится к предводителю варварских народов севера — «Гогу, в земле Магог, архонту Роса, Мосоха и Тобела» (Иез. 38, 2). На этот факт, хорошо известный русской историографии со времен Татищева, обратил внимание и А. П. Дьяконов,

но парадоксальным образом объяснил «интерпретацию» переводчика Септуагинты тем, что тому уже был известен некий народ *рос*. Здесь ученый не оригинален — он следует традиционным толкованиям Библии с позиций исторической школы (ср. [*Дьяченко* 1993, 556—557]), где и титул русского князя в арабской передаче X в. — *хакан-рус* — трактуется как калька с евр. *наси-рош*. Но точно так же шведский дипломат Петрей в начале XVII в. трактовал титул «великого князя» Московского — потомка «гнусного и жестокого» Мосоха [*Мыльников* 1996, 32].

В связи с реальными варварскими вторжениями — гуннским нашествием первой половины V в. — пророчество Иезекииля и библейские имена Гога, князя Рос, Мосоха и Тобела упоминаются уже епископом Проклом (434—447 гг.: [*Сократ Схоластик* 7, 43]). Это позволило Г. В. Вернадскому (опиравшемуся на А. П. Дьяконова) еще на два столетия углубить историю «народа рус» — «славяно-иранского» (антского) «клана» «рухс-асов», или роксоланов, обитавшего в Приазовье по крайней мере с IV в. и принявшего участие в гуннских походах и т. д. [*Вернадский* 1996, 155—156, 268][4]. Позднесредневековая историография XVI—XVII вв., как уже говорилось, продолжила эту традицию, отождествив Мосоха с Москвой [*Мыльников* 1996, 32 и сл.] и даже Товал (Фувал) с Тобольском: многочисленные книжные легенды были синтезированы уже в польской хронике М. Стрыйковского (1582 г.), где некий Рус, предок-эпоним русских, объявляется братом или потомком Леха (предка поляков) и Чеха, общим праотцем которых и оказывается

---

[4] Здесь опять-таки игнорируется контекст источника, упоминающего имена Гога и Магога, которые прилагались древними и средневековыми авторами к варварским народам севера от скифов до славян (ср. [Свод, т. 1, 281—282]) и монголо-татар, вне зависимости от реальных этнонимов [*Чекин* 2000].

На те же историографические традиции, без попытки прочесть источник, опираются лингвистические опыты по возведению имени *русь* к индоарийскому наследию в Северном Причерноморье, когда обнаруживаются его следы в Крыму, Приазовье и, наконец, Приднепровье (словам со значением «светлый» и т. п. — *Трубачев* 1999, 166—167; о безосновательности поисков индоарийского субстрата в Причерноморье см. выше). Немецкий специалист по исторической ономастике (*Шрамм* 1997, 125—126) пишет по этому поводу: «остается только удивляться, с какой легкостью некоторые “чистые” лингвисты, не привыкшие сообразовывать свои реконструкции с историческим материалом, переносят на тысячеверстные расстояния народы и языки — тут впору вспомнить о коврах-самолетах арабских волшебных сказок». Опирается на эти лингвистические реконструкции и археолог В. В. Седов, ранее помещавший исконную русь в среде антов Правобережья Днепра, затем перенесший ее на левый берег [1999, 65 и сл.]; при этом, в последней работе он обходится уже без ссылки на ее источник — «народ рус» Захарии Ритора, но ссылается одновременно и на «индоарийский компонент», и на «славяно-иранский симбиоз», в результате которого формировались анты: ср. [*Седов* 2002, 267 и сл.].

Мосох, сын Иафета (правда, здесь Мосох не отождествляется с Москвой, ибо это означало бы старшинство Московского государства над Польшей).

Большая часть современных исследователей (см. обзор: [*Thulin* 1981]) возводит «народ рос» у Захарии Ритора и других раннесредневековых авторов к библейским реминисценциям и, естественно, не видит в именах «Гога и Магога, князя Рос» реальных этнонимов и обозначений реальных народов. Впрочем, иная интерпретация «народа рос» как передачи греч. «херос» (сир. *ерос*) со значением «герои мифических времен» [ср. *Marquart* 1903, 359, 360] в большей мере соответствует античной традиции об амазонках. Вместе с тем, следует отметить, что библейские предания о Гоге и Магоге и античные легенды об амазонках легко контаминировались в сирийско-византийской традиции (особенно с распространением «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена). Кавказ и «Каспийские ворота» как раз ассоциировались со стеной Гога и Магога и железными воротами, возвигнутыми Александром. Сама Н. В. Пигулевская [2000, 635—636] перевела сирийский вариант легенды об Александре Македонском, который дошел до великой горы на краю света; она поставлена Богом границей между людьми и страшными народами, обитающими за горой. Эти народы — Гог, Магог и Наваль (Тувал), сыны Иафета, их цари — цари гуннов, пьющих кровь зверей и людей. Рядом с ними обитают, опять-таки, амазонки, далее — люди-псы, далее простираются безлюдные горы, где живут лишь драконы и ехидны. Правда, ко времени Захарии Ритора «дикие народы» уже прорвались через эти ворота в мир цивилизации и обрели свои исторические имена на страницах хроник. Зато за «историческими народами» оставался неизведанный простор, населяемый традиционными монстрами.

Мифологический пассаж Захарии Ритора имеет вполне самостоятельную структуру: «женский» народ противопоставлен соседнему «мужскому», конный — пешему, вооруженный — безоружному. Возможно, великаны-рос противопоставлены карликам-амазратам, но вероятно, что препятствием для конной езды у них было не богатырское сложение, а (если буквально следовать тексту) длина конечностей (и это еще одно несоответствие «народа рос» у Захарии народам Гога у Иезекииля, где речь идет о конном войске). Если так, то «народ рос» оказывается «автохтонным» не в историческом, а в мифологическом смысле — длинные конечности указывают на хтоническую (змеиную) природу: ср. змееногую богиню — родоначальницу скифов (*Геродот* IV, 9) и т. п. Автохтонистский историографический миф смыкается здесь с автохтонным первобытным. Очевидно, перед нами не исторический народ рос, а очередной народ-монстр. Недаром список продолжают три черных народа «у северных краев»: их чернота может быть интерпретирована в соответствии с распространенными космологическими и цветовыми классификациями, по которым север — страна тьмы, связанная с черным светом, Сатурном и т. п.

Следует отметить, что амазонки в разных традициях (восходящих к античной) отмечают не историко-географические реалии, а напротив, неосвоенную часть ойкумены в пространственном отношении или доисторическую (мифологическую) эпоху (уже у Геродота, где амазонки считаются прародительницами реальных савроматов) во временном отношении. В частности, легенду об амазонках, не имеющих мужей, пересказывает, ссылаясь на Амартола, и Нестор, составитель «Повести временных лет»: в космографической части они упомянуты среди прочих народов, живущих «беззаконным», «скотским» образом. Эти легенды, не вызывавшие доверия уже у Птолемея, были широко распространены не только в силу необходимости целостного описания мира, включая его неосвоенную и поэтому оставляющую место для традиционной мифологической фантазии часть, но и в силу общей приверженности древней и средневековой науки к книжной традиции, соблюдение которой и было залогом целостности описания мира — а, стало быть, и целостности мироощущения.

Характерен, однако, сам метод соотнесения реалий и традиции у средневековых авторов. В «Космографии» Равеннского Анонима (конец VII—VIII в.) амазонки размещаются рядом с *роксоланами* на берегу Северного океана, но за землей амазонок располагается «пустынная Скифия» [Свод, т. II, 403]. В цитированной записке Ибн Йакуба и описании мира («Книга путей и стран») у арабского географа XI в. ал-Бекри амазонки («город женщин») оказываются соседями народа *ар-рус* — руси. Но поскольку ар-рус — русь хорошо известны мусульманскому Востоку с IX в., то соседи меняются местами (по сравнению с хроникой Захарии Ритора и т. п.): амазонки помещаются дальше народа *ар-рус* [*Куник*, *Розен* 1878]. Это и другие известия восточных авторов приурочивают амазонок — «город женщин», остров женщин, расположенный рядом с «островом мужчин», и т. п. — к Западному морю, Балтике [*Косвен* 1947, 45—46], все дальше отодвигая пределы мифического царства [5].

Соотнесение реальных знаний с традицией, тем более с сакральной традицией, — не только метод, но и цель работы средневековых

---

[5] Любопытна инверсия мотива амазонок в позднесредневековой русской историографии: в трактате «Историчествующее древнее описание и сказание» Каменевича-Рвовского рассказывается, как «славенороссские предки» — «стариии новгородстии холопи», желая поискать славы и расширить «во все концы вселенной» пределы своей земли, завоевывают царство амазонок и затем обрушиваются на «исторические» страны — «на тройския и ельланскии державы». Они покоряют весь мир и доходят до противоположных пределов ойкумены, где близ блаженного Рая расположена земля мифических рахманов (брахманов). Тогда сам Александр Македонский и отправляет к ним «Грамоту», где просит о мире (как просили о мире русь византийские императоры) и уступает земли от «моря Варяжского до моря Хвалынского» — Каспийского и далее [*Мыльников* 1996, 71—72].

книжников. Однако фантастические существа вроде псоглавцев, великанов, карликов, географические диковинки и т. п. объекты, в реальность которых вполне мог верить средневековый книжник, все же, как правило, отделялись от реалий временными или пространственными границами: собственно, такой границей и была легендарная стена Гога и Магога, воздвигнутая, по широко распространенным средневековым преданиям, Александром Македонским против диких народов севера. «Прорывавшиеся» за эту стену народы, будь то готы, гунны или монголо-татары, реально угрожавшие цивилизации, осуществляли и «прорыв» в историю, хотя их продолжали ассоциировать с Гогом и Магогом.

«Народ рус» сирийского источника остается за «стеной», в царстве фантастических существ на краю ойкумены. Таким образом, пассаж о фантастических народах у Захарии Ритора не удревняет русской истории. Однако этот пассаж все же существен для понимания тех исторических памятников, которые отмечают появление вполне реального народа *рос* — руси в границах Византии уже в IX в.

РУСЬ: ИМЯ И ИСТОРИЯ

Константинопольский патриарх Фотий описывает первую осаду столицы Византии флотилией росов в 860 г. эсхатологическими красками ветхозаветных пророков: «народ неименитый, народ не считаемый [ни за что], народ, поставляемый наряду с рабами, неизвестный, но получивший имя со времени похода против нас [...] народ, где-то далеко от нас живущий, варварский, кочующий, гордящийся оружием [...] так быстро и так грозно нахлынул на наши пределы, как морская волна, не щадя ни человека, ни скота» и т. д. [цит. по: *Ловягин* 1882, 432—436]. Фотия нельзя понимать буквально: имя народа *Рос* Rмj уже было известно в Византии не только из Септуагинты — недаром, как заметил М. Я. Сюзюмов, тот же Фотий в другом месте назвал народ *рос* «пресловутым» [*Сюзюмов* 1940, 122]. В первой половине IX в. флотилии росов атаковали византийские порты на черноморском побережье — Амастриду и Сугдею (др.-рус. *Сурож*). При этом в «Житии Георгия Амастридского», повествующем о походе росов, также явственны ассоциации с «архонтом Рос» Септуагинты — росы названы «губительным на деле и по имени народом» [*Васильевский* 1915, 64—65; ср. *Сюзюмов* 1940, 122; *Литаврин* 2001, 24 и сл.]. Эта ассоциация прочно закрепляется за русью в византийской традиции: в «Житии Василия Нового», повествующем о походе руси Игоря на Царьград в 941 г., и через сто с лишним лет после Фотия Лев Диакон видит в походах князя Святослава сбывающееся пророчество Иезекииля: «Вот, я навожу на тебя Гога и Магога, князя Рос» (IX, 6). Может быть, византийские авторы, включая Фотия, плохо знали новоявленных врагов, неожиданно

нападающих и удаляющихся на своих кораблях, и ничего, кроме мифического имени и ореола библейского пророчества, не могли им приписать? Видимо, нет, ибо уже у Фотия имеется конкретная этнографическая привязка: росы — это «**скифский** и грубый, и варварский народ»; у Льва Диакона [История, IX, 6, 182] росы называются *скифами* или *тавроскифами* (затем это отождествление встречается и у других византийских авторов, равно как отождествление просто с таврами и киммерийцами — ср. [*Карышковский* 1960, 44 и сл.; *Бибиков* 1984, 1997, 111]), то есть относятся к кругу «реальных» и давно известных варварских народов Северного Причерноморья.

Можно заметить, что реальность эта кажущаяся. «Скиф» — это обозначение «надменного и гордого варвара», как обозначается народ «рос» в византийских загадках X в. [*Успенский* 1997, 266—267]. Этнографическая конкретизация — отнесение народа рос к тавроскифам — также, очевидно, связана с переживанием античной традиции. Безжалостное истребление населения тех мест, которые подвергались набегам руси — «убийство девиц, мужей и жен» (точно так же вели себя и викинги на Западе, не щадя «ни человека, ни скота»), уже автор «Жития Георгия Амастридского» сравнивает «с древним таврическим избиением иностранцев» [*Васильевский* 1915, 64—65] — принесением людей в жертву в храме Артемиды Таврической, описанным еще Еврипидом. Лев Диакон считал также, что «скифы почитают таинства эллинов, приносят по языческому обряду жертвы», когда описывал принесение русскими воинами Святослава в жертву пленных, мужчин и женщин. Правда, древнерусские языческие «реалии» здесь смыкаются с античными: в жертву Артемиде приносили девиц и юношей — согласно русской летописной традиции, в жертву по жребию также выбирали девицу или отрока [*Васильевский* 1915, XXXIX и сл.]. В византийской историографии «реалии» подчинены традиции: «тавроскифы» не более, чем метафора язычников, приносящих человеческие жертвы, но язычники-росы все же получают конкретное место в традиционной этнической номенклатуре, среди северных варваров, скифов, тавроскифов. И естественно, что в «Житии Георгия Амастридского», наряду с античной («языческой») мифологической ассоциацией зверств росов и жертвоприношений в храме Артемиды Таврической, приводится христианская (ветхозаветная) параллель — упоминаются «беззакония», которые «много раз испытал Израиль».

Известность и «реальность» народа *рос* уже в IX в. не сводилась к античным реминисценциям. Напомним, что согласно цитированным Бертинским анналам в 839 г. из Константинополя в Ингельгейм к Людовику Благочестивому прибыло посольство, в состав которого входили люди, утверждавшие, «что они, то есть народ их, зовется рос» (Rhos) и что их правитель, именуемый Хаканом, послал их к византийскому императору Феофилу ради дружбы. Людовик выяснил, что в действительности они принадлежали к «народу свеонов».

Можно, конечно, предположить, что причина, по которой Фотий игнорирует ранние столкновения Византии с народом *рос*, заключена просто в особенностях жанра — в эсхатологическом пафосе его «бесед». Но Фотию вторит и Нестор в «Повести временных лет» (равно как и составитель Начального свода): «В год 6360 (852) ... когда начал царствовать Михаил, стала называться Русская земля». Узнаем мы об этом потому, что при этом царе «приходила Русь на Царьград, как говорится об этом в летописании греческом». Последнее может показаться странным, ибо та же повесть на изначальный вопрос «откуда есть пошла Русская земля» дает иной ответ: русью назывались призванные из-за моря варяги, «и от тех варяг прозвася Руская земля». Очевидно, что именно первый поход на Константинополь, вторжение руси в самый центр византийского мира, означал ее «легитимизацию» и для византийского патриарха, и для русского книжника. Этот путь «легитимизации» русские князья повторяли на протяжении первых двух веков русской истории регулярно: практически каждые тридцать лет русь совершала поход на Константинополь или в пределы Византии. Эта периодичность, видимо, определялась традиционным для византийской дипломатии сроком действия договора о мире.

И походы, и особенно договоры с греками имели отнюдь не только прагматическую — экономическую — значимость для Руси. В этих походах Русь действительно приобретала имя, наделенное более широким и вполне историческим значением по сравнению с полумифологизированным византийской историографией названием *рос*. О разноплеменном войске Игоря, включавшем в 944 г. и варягов, и славянские племена, корсунцы (жители византийского Херсонеса) и болгары, согласно «Повести временных лет», сообщали византийскому императору: «Идуть Русь». В договорах 911 и особенно 944 г. русь — «людье вси рустии» — противопоставляется грекам («всем людям гречьским») [ПВЛ, 23]. Это противопоставление отражает формирование нового этноса, народа, равного народу древнему, носителю цивилизации [ср. *Насонов* 1951, 41]. Не потерял своего значения для Руси (равно как и для Византии) Дунай: на Дунае останавливается войско Игоря в 944 г. и войско Владимира Ярославича в 1043 г. в ожидании выгодного мирного договора с греками. Заключением договоров русь добивалась признания греками нового народа и нового государства.

Однако сам акт «признания» руси получил, естественно, принципиально различную оценку в Византии и на Руси: для Византии рос — варварский народ, чьи нашествия актуализируют эсхатологические пророчества, для руси появление ее имени в греческих хрониках равнозначно включению во всемирную историю. Так «далекий» и «неизвестный» народ обрел свое имя у стен Константинополя.

Начало этой истории оценивалось по-разному, по-разному звучало и имя народа. При явной ориентации на византийскую традицию

Русь тем не менее не называлась Россией (или Росией, как называет ее в сер. X в. император Константин Багрянородный) до XV в., когда это название было воспринято Московской Русью, а «русские люди» не звали себя росами. Можно понять, в частности, Нестора, который использует «Житие Василия Нового» при описании похода 941 г., но не приемлет уничижительного византийского наименования: оно пригодилось позднее, когда уничижительный смысл стерся, а термин *Великороссия* стал соответствовать великодержавным устремлениям Москвы [6].

Но что тогда заставило выходцев из Швеции называть себя «народом рос» в Ингельгейме в 839 г.? Ответ на этот вопрос давно был предложен сторонниками традиционного — летописного — происхождения названия *русь*: финноязычные прибалтийские народы — финны и эстонцы, летописная чудь, называют Швецию Ruotsi, Rootsi, что закономерно дает в древнерусском языке *русь*. Не случайно в космографическом введении ПВЛ чудь сближена с варяжской русью: контакты прибалтийских финнов и скандинавов были непрерывными, по крайней мере, с бронзового века, но имя ***русь*** славяне узнали от чуди тогда же, когда встретились с прибалтийскими финнами. Нам известно об этом потому, что самих прибалтийских финнов славяне звали ***сумь***, от самоназвания финнов Suomi: мы видим, что эта передача финских этниконов была закономерной в славянском (древнерусском) языке — сходным образом звучат в нем этнонимы *ямь*, *весь* и др. [*Попов* 1973, 46, 89; *Агеева* 1990, 122]. Но что могло означать имя *русь,* если такого народа не было в Швеции? Последние историко-этимологические разыскания показали, что эти названия восходят к др.-сканд. словам с основой на *roÞs-, типа roÞsmarðr, roÞskarl со значением ‘гребец, участник похода на гребных судах’. Очевидно, именно так называли себя «росы» Бертинских анналов и участники походов на Византию и именно это актуализировало образ мифического народа Рос у Фотия [*Мельникова*, *Петрухин* 1989]. Не случайно у Фотия отсутствует упоминание эсхатологических всадников Гога и Магога — народ рос на своих ладьях вырывается из мифологического контекста описаний окраин ойкумены и включается в исторический контекст у «врат Царьграда» [7].

[6] Библейские и античные пейоративные реминисценции еще долго использовались в средневековой историографии. Ср. уже упоминавшиеся слова шведского дипломата и историка Петрея о Московии (1615 г.), которую он отождествлял с Мосохом — «гнусным и жестоким нравами и привычками, также и своими грубыми и отвратительными делами». Он поселился «между реками Танаисом, Борисфеном, Волгою и Москвою, где еще и ныне живут его потомки» [*Мыльников* 1996, 32].

[7] Вероятно, прямое отождествление руси с эсхатологическими всадниками Гога и Магога в пророчестве Иезекииля было затруднено как раз этнографическими «реалиями» — русь использовала ладьи при осаде Царьграда. Со времен Иосифа Флавия (Иудейские древности. 1.6) северные потомки Иафета отождествлялись со скифами; предполагают [*Иванчик* 1996], что и угроза

Нас не может удивлять, почему участники рейдов на византийские и другие города называли себя походным, а не племенным именем, — ведь и в походах на запад скандинавы именовали себя викингами. Важнее то обстоятельство, почему на Востоке скандинавы не называли себя викингами. Шведский археолог Э. Нюлен, много времени посвятивший плаванию на воспроизведенном им «викингском» судне по рекам Восточной Европы, отметил, что там невозможно использовать «длинные» корабли, идущие в основном под парусом: часто приходится плыть против течения рек, используя весла — недаром Вещий Олег, согласно описанию его легендарного похода на Царьград — Константинополь в 907 г., «заповедал» дать грекам дань «на ключ» — уключину каждого боевого корабля, в котором сидело по 40 мужей [ПВЛ, 17]. Весь традиционный быт руси, как он описан в восточных источниках IX—X вв. и особенно византийским императором Константином Багрянородным в середине X в. [см. *Константин Багрянородный*, гл. IX] был связан с походами на гребных судах и ежегодным сбором этих судов из земель данников-славян в подвластных руси городах и в столице Руси государства — Киеве.

Вместе с тем становится ясным, что летописец, выводивший русь из-за моря «от варяг», руководствовался не просто поисками «престижных» основателей государства (в таких случаях, в том числе и в древнерусской историографии начиная со «Сказания о князьях владимирских», их род возводили по меньшей мере к Августу), а преданиями, так или иначе отражающими историческую действительность. Но предание о происхождении руси из Скандинавии летописцу нужно было согласовать с общим этноисторическим контекстом. Поэтому, как уже говорилось, в космологическом (этноисторическом) введении к «Повести временных лет» о заселении земли потомками сыновей Ноя летописец помещает изначальную русь среди племен Скандинавии в «колене Афетове», составляя список: «варязи, свеи, урмане, готе, русь». Таковы были методы и цели средневековых книжников вообще. Но по этому же пути пошли и многие современные исследователи, занятые поисками изначальной руси. Поскольку рода русь, равно как и рос, в Скандинавии не обнаруживалось, то появлялась возможность, во-первых, объявлять все построение летописца тенденциозным сочинительством, а, во-вторых, «право» искать изначальную русь где угодно, в зависимости от того, насколько совпадали отыскиваемые аналогии с названием *русь*: на Рюгене у ругиев, у кельтов-рутенов, иранцев-роксоланов, даже у индоариев [см. выше и обзор: *Мельникова*, *Петрухин* 1991; *Агеева* 1990, 116—153]. Вариант одной из таких находок — «народ рус» сирийской хроники VI в. — приведен выше.

Иерусалиму с севера в пророчестве Иеремии (47.2 и др.) исходила от скифов, вторгшихся в 627—626 гг. до н. э. в Палестину.

Естественно, все эти поиски могли осуществляться лишь при решительном абстрагировании от контекста летописи, в частности, от того хрестоматийного пассажа, который (в отличие, скажем, от приведенного пассажа сирийской хроники) воспринимается как заведомо легендарный, внеисторический и по давней научной традиции носит название «легенда о призвании варягов».

ВАРЯГИ И ХАЗАРЫ В НАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ РУСИ

Варяги и хазары стали постоянными«полюсами» русской истории, воплощающими Запад и Восток, «заморские страны» и евразийские степи. В историографии всегда существовали полярные оценки их роли в русской истории, советская же историография периода борьбы с космополитизмом усугубила эту ситуацию. Роль варягов (особенно в работах Б. А. Рыбакова) была низведена с позиций основателей русского государства (у летописца) до функции участников авантюрного сюжета о шайке норманнов, обманом захватившей на короткое время Киев; Хазарскому каганату также была отведена функция паразитического ханства, сдерживающего рост прогрессивного Древнерусского государства. Исконная Русь — богатырский народ, обитающий в Среднем Поднепровье с VI в., — превозмогла эти напасти, разгромив хазар и избавившись от варягов.

В возросшей на основе этой традиции литературе, особенно околонаучной, Хазария приобретает черты чуть ли не метафизического царства зла, носителя «ига», более страшного, чем татарское, а Русь становится жертвой варяжско-хазарского заговора в «евразийской» концепции Л. Н. Гумилева.

Ситуация начинает меняться ныне, с возвратом к традиционным для исторической науки и углубленным методам источниковедения [см. из последних работ книгу *А. П. Новосельцева* 1990 и др.]. Выясняется, в частности, что поиски «исконной» руси в Среднем Поднепровье, якобы упомянутой у сирийского автора VI в. Захарии Ритора, неосновательны, так как в этом сочинении народ *ерос* помещен рядом с женским народом амазонок, карликами и даже псоглавцами. «Субстрат», как мы видели, самый неблагоприятный для этногенеза русского народа, но вполне традиционный для раннеисторических описаний края ойкумены, где должны были обитать народы-монстры. Вместе с тем ясно, что поиски реального соотношения понятий *варяги* и *русь* возможны лишь при дальнейшем изучении летописного контекста, а не путем игнорирования первоисточника — летописи — и подбора любых подходящих по созвучию этниконов — лишь бы эти этниконы не были «варяжскими». В современную историографию возвращается ошельмованная, но никем не опровергнутая (после работ В. Томсена и М. Фас-

мера) скандинавская — «варяжская» этимология названия *русь*. *Русью* назывались дружины первых русских князей (IX — первой половины X в.), состоявшие по преимуществу из норманнов (варягов русской летописи); с этими дружинами название *русь* распространилось на подвластную этим князьям территорию — Русскую землю и ее население «русских людей», в основном восточных славян.

Сейчас как никогда раньше очевидно, что проблема взаимодействия разных этносов — не праздная проблема, тем более что она относится к началу истории народа и его государства: история дает уроки их созидательного взаимодействия и выхода из конфликтных ситуаций. Это в полной мере осознавал уже первый русский историк — летописец Нестор, составлявший «Повесть временных лет».

Начало русской истории предстает в летописи в виде конфликтной ситуации — угнетения племен Восточной Европы (будущей Руси) варягами и хазарами. В 859 г. «имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех. А козари имаху на полянех, на северех, и на вятичех...» [ПВЛ, 12—13]. Конечно, первые летописные даты условны (как показал еще А. А. Шахматов), но современная археология (и нумизматика) в принципе подтверждает вероятность варяжской дани на севере Восточной Европы — вплоть до мерянской земли — в первой половине IX в. Что же касается хазарской дани, то ее датировать сложнее: летопись передает во вводной (недатированной) части легенду о дани с полян, которую взяли хазары, подошедшие к Днепру. Возможности для реконструкции ранних славяно-хазарских отношений дает археология, в частности, изучение так называемых древностей антов — «кладов» серебряных и других украшений, конского снаряжения, иногда оружия VII—VIII вв. Б. А. Рыбаков обратил внимание на то, что ареал этих кладов совпадает в целом с границами той области в Среднем Поднепровье, которая в XI—XIII вв. называлась Русской землей в узком смысле, и поспешил переименовать их в «древности русов». Этническая принадлежность «кладов» и даже их значение (в большинстве случаев это случайные находки, которые могли происходить из разрушенных погребений) неясны; точнее, эти «клады» отражают складывающуюся в лесостепной полосе полиэтничную «дружинную культуру» (термин Б. А. Рыбакова), включают вещи боспорского и собственно византийского производства и др. Ранние клады могут быть связаны с «антской» пеньковской культурой. Еще Г. Ф. Корзухина отметила, что распространение этих «кладов» синхронно распространению хазарского господства в степях Восточной Европы [*Корзухина* 1955], по уточненным данным, формирование этой группы древностей относится еще ко второй половине VI в., времени аваро-славянского натиска на империю, клады же конца VII—VIII вв. относятся ко времени болгаро-хазарского конфликта [ср. *Гавритухин*, *Обломский* 1996, 146 и сл.].

Самые крупные сокровища начала VIII в. в Среднем Поднепровье — у Вознесенки, возможно, М. Перещепины (а также у Новых Сенжар) — получили этнокультурную атрибуцию в работах М. И. Артамонова, С. А. Плетневой, А. К. Амброза [1982]: это остатки погребальных храмов, имеющих аналогии в Центральной Азии (храм Кюль-Тегина) и на Северном Кавказе и принадлежащих хазарам, возможно, роду кагана (правящий хазарский род *Ашина*, как уже говорилось, имел центрально-азиатское происхождение).

Кроме того, как показал А. К. Амброз и другие исследователи, в лесостепной и степной зоне, в том числе в Поднепровье, в начале VIII в. формируется целая иерархия погребальных памятников, включающая как перечисленные поминальные комплексы, принадлежавшие высшей кочевой знати, вероятно, самим каганам, так и могилы «военных вождей разных рангов» (Ясиново, Келегеи, Новые Сенжары и др.). Специальный интерес представляет аналогичный комплекс — «могила всадника» — у с. Арцыбашева в Верхнем Подонье. Вооружение всадников — палаши — напоминает о предании о хазарской дани в «Повести временных лет», которую хазары «доискахом оружьем одиною стороною, рекше саблями». Действительно, упомянутые памятники примыкают к ареалам славянских племен Среднего Поднепровья — полян, северян, а на востоке — к ареалу вятичей [*Петрухин* 1995, 85 и сл.], именно тех славянских объединений, с которых, согласно летописи, брали дань хазары. При этом, в лесостепной полосе славянская колонизация очевидно проходила под эгидой Хазарского каганата. Славянская, в основе волынцевская, культура, формирующаяся в VIII в. в Левобережье Среднего Днепра, включает элементы салтово-маяцкой (алано-болгарской) культуры Хазарского каганата: на некоторых поселениях отмечены и прямые свидетельства пребывания степняков — следы юртообразных жилищ. Остатки больших (до 40 кв. м.) юртообразных жилищ обнаружены и на крупнейшем городище волынцевской культуры у с. Битица на р. Псел: городище было ремесленным центром, производившим, в частности, гончарную посуду, которой пользовалось местное славянское население [*Гавритухин*, *Обломский* 1996, 134]. Один из первых исследователей этих памятников Д. Т. Березовец считал, что Битица — это административный центр каганата в глубине славянской территории. В том же левобережном ареале обнаружены два центральных памятника, связываемых с кочевым миром — комплексы у Малой Перещепины и Новых Сенжар (в бассейне Ворсклы) (ср. [*Флеров* 1996, 33—36, 68—69]). Кому бы ни принадлежал знаменитый «Перещепинский клад» — болгарскому хану Кубрату или хазарскому правителю — остается очевидным традиционное (с VII в.) «центральное» значение этого региона для «кочевых империй»: господство над ним давало власть над лесостепью Восточной Европы. Характерен предполагаемый анклав волынцевских памятников вокруг Киева в Правобережье (ср. [*Петрашенко* 1990]): благодаря ему проясняется и

устойчивость легенды о Кие, основателе Киева, как о перевозчике через Днепр (с которой полемизировал Нестор — сторонник княжеского происхождения легендарного основателя Киева): в самом Киеве обнаружены остатки «салтовского» могильника с трупосожжениями [*Каргер* 1958, 137].

Одновременно на Правобережье и даже на Дон попадают выходцы с правобережья Днепра, носители культуры Луки Райковецкой. Понятно, почему под эгидой хазар велась эта колонизация лесостепи — степнякам нужен был хлеб. Система крепостей на Дону и в бассейне Северского Донца, видимо, призвана была контролировать эти важные для Хазарии регионы, в том числе донских «вятичей» (носителей т. н. боршевской культуры) и северян в Левобережье Днепра (показательно, что само их имя связано с гидронимом «Северский Донец») [*Винников, Плетнева* 1998, 38—39].

При сопоставлении с данными Начальной летописи [ПВЛ, 12, 14] можно предположить, что волынцевская культура характеризует тот ареал славянских племен — «конфедерации» полян, северян и, возможно, части радимичей, с которых брали дань хазары (ср. [*Щеглова* 1987]); кроме среднеднепровских славян, данниками хазар, по летописи, были вятичи (в их ареале на Оке также известны волынцевские древности).

А. Н. Насонов в специальном исследовании показал, что Русская земля в узком смысле — область Киевского, Черниговского и Переяславского княжеств — действительно складывалась в пределах племенных территорий, с которых брали (по летописи) дань хазары. О тяжести этой дани («по беле и веверице от дыма») можно строить предположения, но ныне исследователи в целом согласны с В. О. Ключевским [1989, 252], что «хазарское иго» способствовало расцвету славянской культуры в Среднем Поднепровье, так как славяне были избавлены от набегов степняков. Вместе с тем название *Русская земля* связано с проблемой происхождения имени *Русь* и, если опираться на первоисточники (прежде всего, летопись), с деятельностью варягов.

Летопись не случайно начинает русскую историю с описания сфер влияния варягов и хазар в Восточной Европе: активность тех и других безусловно должна была привести к столкновению их интересов. Дружины руси (*ар-рус* в восточных источниках) не только ищут богатств в Восточной Европе и доступа к арабскому серебру: с рубежа VIII и IX вв. оно почти непрерывным потоком движется через Восточную Европу с Дона на Оку, Верхнюю Волгу и Волхов, в Ладогу и далее на Балтику. Предводители руси уже в IX в. претендуют на хазарский титул *каган* (*хакан*) — не случайно так именовали своего правителя «росы» Бертинских анналов [*Новосельцев* 1982]. Эти претензии породили еще одну историографическую конструкцию, в разных редакциях тиражируемую в современной литературе. Противоречащими летописной концепции становления Древнерусского государства традиционно считаются свидетельства о «Русском каганате» IX в., сложившемся до того времени

(862 г.), к которому летопись относит призвание князей. Сразу следует сказать, что понятие «Русский каганат» — не более, чем историографический фантом, ибо в источниках говорится лишь о том, что правитель руси именуется каганом — никаких известий о структуре его государства и его подданных, которые свидетельствовали бы о почти «имперском» статусе «русского кагана», подобному аварскому или хазарскому, в источниках нет [8].

Более пространным, чем Бертинские анналы, является текст, донесенный сочинением Ибн Русте (начало X в.) и повторенный (в разных редакциях) многими позднейшими восточными географами: считается, что он восходит к известиям IX в. (см. Приложение, 8). Ар-Русийя в этом тексте «находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (ар-рус) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами... У них есть царь, называемый *хакан русов*. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян... Нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям... С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими... На коне смелости не проявляют, но все набеги и походы совершают на кораблях... Когда у них умирает кто-нибудь из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда, и вместе с ним кладут его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении».

Текст этот многократно комментировался исследователями, и «норманисты» давно отыскали параллели практически ко всем реалиям, описанным в тексте, в скандинавском быте эпохи викингов — в правовых обычаях, традициях жертвоприношения, обряде погребения в камере и т. п. Эти параллели достаточно обоснованны и важны, так как позволяют утверждать, что восточная традиция донесла до нас не просто описания «диковинок» (на что она не в малой степени была ориентирована), а самоописание «русов» — видимо, тех купцов, которые контактировали с восточными торговцами на рынках не только Волжской Болгарии и Хазарии, но (судя по сообщениям Ибн Хордадбеха о маршрутах русских купцов) и в самом Багдаде. Другое дело, насколько арабские авторы редактировали эти известия в соответствии с собственными традициями: принадлежал ли «остров (или полуостров — термины, нераз-

[8] См. дискуссию о Русском каганате в журнале «Славяноведение»: № 4, 2001; № 2, 2003.

личимые в арабской географической традиции) ар-Русийи» самоописанию руси или книжной традиции, восходящей к библейским «островам народов» или античному «острову Туле» где-то на севере ойкумены. Едва ли эта задача разрешима (ср. [*Коновалова* 1999, 208 и сл.]), и попытки отыскать «остров русов» прямо в Новгороде, на Городище, основываются на слишком прямолинейном отождествлении значений иноязычных топонимов — скандинавского названия Новгорода Хольмгард, «Островной город» [*Франклин, Шепард* 2000, 49 и сл.] с лексикой арабской географической литературы.

Еще сложнее обстоит дело с датировкой этой информации — если считать ее синхронной. Отношения руси и славян, описываемые восточными авторами, совпадают с информацией, которую донес Константин Багрянородный [Об управлении империей, гл. 9] в середине X в. — русь выходит из своих городов к славянам за данью и судами; правда, у Константина русь отправляется торговать (и везет с собой рабов) по днепровскому пути в Константинополь, Ибн Русте же говорит о Болгаре и Хазарии на Волжском пути, но такое различие в описании маршрутов у византийского и восточного авторов естественно. Наконец, источником датировки информации об «острове русов» может быть их «диковинный» для арабских авторов погребальный обычай. Описанные Ибн Русте камерные гробница хорошо известны как в Восточной, так и в Северной Европе, но в Среднем и Верхнем Поднепровье (Гнездово), равно как и Верхнем Поволжье, они относятся к середине X в. Более ранние парные погребения в камере, сопоставимые с описанием Ибн Русте, обнаружены в главном скандинавском городе, прочно связанном с Восточной Европой, — Бирке на острове Бьорко. Если учесть, что в Бирке традиция камерных погребений безусловно восходит к IX в., то можно сопоставить (по времени) известия об острове (полуострове) русов и их походах на кораблях к славянам с летописными известями о варяжской дани «на чуди, словенах и всех кривичах» и даже о насилиях, которые чинили им варяги, по словам Новгородской первой летописи, до их изгнания за море и призвания «по ряду» варяжских князей. Это сопоставление привлекательно тем, что «совмещает» известия о малопригодном для жизни «острове (полуострове) русов» с летописными сообщениями о «заморских варягах» и даже расширяет пространство для «Русского каганата», ибо позволяет включать в число подданных «хакана русов» чудь, словен, кривичей и мерю. Яснее становятся и претензии правителей руси на титул кагана: в Восточной Европе русь действительно оказывалась соперницей Хазарского каганата. Но «Русский каганат» в любом случае остается лишь гипотетическим объединением «племен» Севера Европы.

«Расширение» этого «каганата» на юг связано с источниковедческими натяжками. А. А Шахматов, опираясь на текст Новгородской Первой летописи, считал, что варяги Аскольд и Дир обосновались в Ки-

еве до призвания варяжских князей в Новгород. При этом он абсолютизировал летописные датировки, в том числе дату призвания варягов: князья были призваны в 862, а первый поход руси на Царьград состоялся в 860 (даже в 854, по Новгородской летописи). Это построение было продолжено в одной из последних работ А. П. Новосельцева [1991], который готов был приписать Аскольду и Диру даже посольство 839 г. и основание Русского каганата в Среднем Поднепровье. В действительности в Начальной летописи и призвание, и поход приурочены к царствованию Михаила III и, видимо, не имели абсолютных дат.

С еще большими источниковедческими несообразностями связана гипотеза В. В. Седова [1999, 67 и сл.; 2002, 273 и сл.], продолжающая традиции советской историографии — поиск мощного государства изначальной славянской руси в Среднем Поднепровье, на этот раз не среди днепровских «древностей антов» (как это делал тот же В. В. Седов в 1987 г.), а в ареале левобережной волынцевской культуры. Против славянских русов — носителей этой культуры — Хазарскому каганату якобы пришлось строить в 830-е гг. Саркел и другие крепости по Дону. В состав этой руси включаются поляне, северяне, радимичи и даже вятичи (все летописные данники хазар), «Русский каганат» распался-таки в результате «натиска» хазар и Византии (?!), тогда в Киевское княжение полян и попали варяги Аскольда и Дира [9]. При этом сам Киев не известен ни источникам первой половины IX в., ни археологически. Перечисленные же славянские племена никогда ни в собственно древнерусских, ни в других источниках «русью» не именовались: исключение для летописца составили поляне, но лишь в связи с рассуждением о славянской принадлежности русского письменного языка в начале XII в.: «поляне, яже ныне зовомая русь».

По сути историографическая проблема «Русского каганата» сводится, по преимуществу, к вопросу о том, насколько «реальными» были претензии русских правителей на титул кагана, т. е. насколько эти претензии могли быть признаны правителями соседних государств. В связи с этим в современной историографии распространен тезис о признании высокого титула за русским правителем, основывающийся на единичной фразе из письма франкского императора Людовика II, отправленного в 871 г. византийскому императору Василию I: Людовик утверждал, что «хаганом мы называем государя авар, а не хазар (в письме они именуются Gasani) или норманнов (Nortmanni), или князя болгар». Фраза свидетельствует о том, что в империи франков, во-первых, мало что знали о хазарах, правителем которых действительно был каган (и путь «из немец в хазары» становится еще более «спекулятивным» построением), во-вторых, со времен появления «росов» Бертин-

[9] Подобные концепции стали воспроизводиться уже в квазинаучной литературе, вроде «Тайн Русского каганата» Е. С. Галкиной.

ских анналов, прочно ассоциировали русь с норманнами, но не признавали заявленных в 838—839 гг. претензий на титул кагана. Сторонники киевского «Русского каганата» делают из этой фразы парадоксальный вывод о том, что дипломатический довод Людовика направлен против византийской традиции: якобы в «византийской канцелярии» правителя Руси продолжали именовать «хаканом» (допуская норманское происхождение киевских правителей Аскольда и Дира: [*Назаренко* 1999, 290—291]). Этот вывод имел бы некоторое право на существование, если бы в той же канцелярии «хаканом» именовали и болгарского князя, но правитель Болгарии в IX в. оставался для империи «архонтом» [*Литаврин* 1999, 218 и сл.], каковыми оставались для нее и русские князья. Признанным в Византии носителем титула каган в IX в. был только правитель Хазарии [*Литаврин* 2000, 41].

Занимаясь реконструкциями Русского каганата и «исправляя» летопись, исследователи не обратили должного внимания на то, что ранний источник, повествующий о хакане рус, соотносится с данными той самой летописи о варяжской и хазарской дани со славян. Это автор упоминавшейся анонимной записки, которую цитировал, в частности, Ибн Русте. Речь в ней идет не только о руси, которая «не имеет пашен и питается лишь тем, что привозит из страны славян» (так воспринял арабский автор информацию о варяжской дани и кормлении у славян), но и о венграх, берущих дань со славян и уводящих их в рабство. Венгры были вассалами хазар — вероятно, это обстоятельство и предопределило летописное предание о хазарской, а не венгерской дани.

По данным археологии на юге в первой половине IX в. происходят серьезные культурные и экономические перемены. В Левобережье Днепра формируется северянская роменская культура, сменяющая волынцевскую; на ее восточной периферии появляются монетные клады, импортные бусы, по составу сходные с салтовскими, начинается производство украшений из серебра. Одновременно клады появляются в Посожье у соседних радимичей и далее к северу — на Верхнем Днепре [ср. *Кропоткин* 1978, 112—114]. Другим славянским регионом, где концентрируются ранние клады, оказывается бассейн Оки, территория летописных вятичей. Существенно, что в летописной статье (882 г.), повествующей о присвоении Олегом хазарской дани с радимичей, говорится, что радимичи платили хазарам по «щьлягу»: такую же дань — «по щьлягу от рала» — платили хазарам вятичи до 964 г. [ПВЛ, 14, 31]. «Щьляг» — очевидно, «шэлэг», еврейское обозначение дирхема [*Новосельцев*, 1990, 117]: дирхем приравнивался в древнейшей русской денежно-весовой системе куне — шкурке куницы [*Назаренко* 2001, 157], или, если следовать летописи — белой веверице (белке) или черной куне (кунице); в древнерусской традиции и «куна» и «бель» стали означать не только меха, но и серебро (ср. комментарий в [ПВЛ, 387, 595]). Поэтому трудно сказать определенно, чем платили славяне дань

хазарам — мехами или звонкой монетой: важнее, что часть звонкой монеты оседала в кладах (и отливалась в украшения) на периферии Хазарского каганата. И в Левобережье Днепра, и на Оке, очевидно, происходит процесс перераспределения богатств, поступающих с Востока, между хазарами и данниками — славянами (ср. [*Ляпушкин*, 1968, 151—152; *Григорьев*, 2000, 180 и сл.]).

В тот же период, на севере, на поселениях в Приладожье (Старая Ладога, Любшанское городище), у словен в Поволховье (Холопий городок), у кривичей Изборске, у мери в Верхнем Поволжье (Углич, Сарское, Угодичи, Выжегша и др.), в первой половине IX в. появляются скандинавские комплексы и вещи, а также клады куфических монет. Существенно, что клады включали скандинавские вещи, граффити (Угодичи, Выжегша), или монеты попадали в культурный слой одновременно со скандинавскими вещами. Показательна и серия ранних кладов в Верхнем Поднепровье и Подвинье — в землях летописных кривичей. Одновременно, с рубежа VIII и IX вв., восточная монета стала поступать в Скандинавию и на побережье Балтики [*Кропоткин* 1978; *Noonan* 1994]. Ареал перечисленных находок на севере Восточной Европы в целом соответствует племенным территориям кривичей, словен и мери, которые, по летописи, платили дань варягам (ср. [*Леонтьев* 1988, 97—98]). Варяги, безусловно, изначально участвовали в распределении восточного серебра — об этом свидетельствуют не только скандинавские вещи в одних комплексах и слоях с монетами, но и граффити, известные уже на монетах одного из древнейших Петергофского клада начала IX в., кладах Оки и Верхнего Поднепровья [*Мельникова* 2001]. Существенно при этом, что восточная монета в больших количествах поступала не только в Скандинавию (св. 1300 монет первой половины IX в.), но и на территорию Германии и Польши (св. 3000 монет), что позволило Т. Нунену [1994, 226] предположить участие «западнославянских купцов» в восточной торговле. Как уже говорилось, археология подтверждает связи Восточной Европы с Южной Балтикой в IX в.

Вопрос о путях распространения восточного серебра в Восточной Европе остается дискуссионным. Очевидно, что серебро поступало через Хазарию; хазарские граффити на монетах и подражания арабским дирхемам [*Нахапетян, Фомин* 1994] подтверждают участие хазар в распределении серебра (как скандинавские указывают на участие варягов). Парадоксальной представляется топография монетных находок: монеты выпадают в клады на славянской (меньше — булгарской) периферии Хазарии; на территории собственно Хазарии монет мало, хотя самые ранние целиком сохранившиеся клады начала IX в. концентрируются на Северном Кавказе и Дону (Кривянская, Правобережное Цимлянское городище). Магистральным направлением является путь с Северного Кавказа (через Дарьяльское ущелье) на Дон и далее на Оку, Верхнюю Волгу и север Восточной Европы — восточное серебро оседает

не только в кладах, но и в культурном слое поселений (в том числе на славянских поселениях Среднего Дона). Периферийными оказываются пути на Нижнюю и Среднюю Волгу («Великий Волжский путь») и на Верхний Днепр и Двину: при этом монета не поступает в Среднее Поднепровье, на Правобережье Днепра и далее на запад [*Кропоткин* 1978, 114].

Что касается монетных находок в Восточной Европе, то выпадение кладов не есть прямое свидетельство даннических отношений между хазарами, скандинавами и славянскими племенами Восточной Европы: напротив, оно свидетельствует о перераспределении на местных поселениях богатств, поступающих с Востока, — **хазары и скандинавы должны были делиться с местным населением прибылью**. Видимо, варягам приходилось платить не только за «корм», но и за меха, которые шли на восточные рынки. Если верить летописи, то конфликт, приведший к изгнанию варягов за море, мог возникнуть при перераспределении этих богатств.

Историческая ситуация изменяется после событий, произошедших на севере Восточной Европы и получивших в русской традиции наименование «призвание варягов». В 862 г., по условной летописной датировке, происходит конфликт местных племен с варягами, собиравшими дань; варягов изгоняют за море, но среди восставших начинается усобица — «не было среди них правды». Тогда они решают призвать к «себе князя, который бы владел нами и судил по праву» — «по ряду» (добавлено в Ипатьевском варианте легенды о призвании). *Чудь, словене, кривичи* «и все» обращаются к варягам, а именно к руси, как уточняет летописец, со знаменитыми словами призвания; далее следует мотив прихода трех братьев-князей с их родами и «*всей русью*».

Как бы ни относиться к достоверности легенды (с точки зрения современного историка), очевидно, во-первых, что в ней доминируют фольклорные мотивы (которые ряд исследователей неубедительно пытались приписать тенденциозному сочинительству русского книжника), в том числе конфликт и его преодоление — установление порядка, правды — мотив, традиционный для *обычного права*, в том числе славянского [ср. *Иванов*, *Топоров* 1978]. Этногенетическая легенда о происхождении *руси* — трех братьях, прибывших из-за моря со «всей русью», — напоминает распространенные переселенческие сказания, от геродотовой легенды о происхождении савроматов до легенды о призвании саксов у Видукинда Корвейского, — к последней часто возводят и древнерусский сюжет [ср. *Тиандер* 1915]; однако свойственный и восточным источникам мотив «троичности» — рассказ об «острове русов», простирающемся на три дня пути, о трех «видах» и трех центрах руси — указывает на очевидные собственно русские фольклорные истоки этногенетической легенды [ср. *Петрухин* 1995, 52 и сл.].

Во-вторых, фольклорные мотивы и формулы в дописьменную эпоху русской истории имели гораздо более существенную роль в процессе

становления государства, чем в эпоху существования письменных уставов и правд: устный «ряд» (договор), заключенный с призванными князьями, стал основой для развития дальнейших отношений княжеской власти со славянскими и другими племенами. В результате «ряда» с призванными князьями и дружиной должны были быть определены города, данные этой дружине «на покорм»: по летописцу, первые князья сели в Новгороде (в Ипатьевском варианте сначала в Ладоге), Изборске и Белоозере. Археология также свидетельствует о том, что в середине IX в. ситуация на севере Восточной Европы меняется: наряду с Ладогой, где скандинавское население известно с середины VIII в., появляется центр скандинавского присутствия на Новгородском (Рюриковом) Городище [*Носов* 1990]. Эти археологические реалии традиционно увязываются с пространной (ипатьевской) редакцией легенды о призвании варяжских — русских — князей, согласно которой Рюрик сел сначала в Ладоге и лишь по смерти братьев, вокняжившихся в Изборске и Белоозере, срубил город над Волховом, который прозвали Новгородом [ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14]. К 860-м гг., видимо, относится и формирование Тимеревского комплекса памятников в Верхнем Поволжье и сходных с ним, где очевидно присутствие скандинавских переселенцев [*Дубов* 1999, 44 и сл.]: об этом свидетельствуют, в частности, два клада восточных монет со скандинавскими граффити.

Существенно, что в 860-е гг. увеличивается приток восточной монеты в Восточную Европу и Скандинавию, что опять-таки связывают с призванием варяжских князей (руси) в Новгород [*Noonan* 1994, 226], Швеция же начинает доминировать в восточной торговле (более 10 тысяч монет во второй половине IX в.).

Не менее важны для понимания роли варягов — летописной руси во второй половине IX в. данные летописного предания. Разумеется, прямо переносить летописные известия о власти варяжских князей в Белоозере и Изборске на исторические и археологические реалии второй половины IX в. рискованно. Но очевидно, что и Изборск (ср. [Седов 2002, 158 и сл.]), и Белоозеро [*Макаров* 1999, 166—167], при всей малочисленности там скандинавских находок (в сравнении с Ладогой и Рюриковым городищем), были форпостами древнерусской колонизации в землях **чуди** и **веси**, и летописец конца XI в. не случайно сделал их столами легендарных братьев Рюрика. И не случайно древнейшее скандинавское название Руси — *Гарды* — передавало не собственное «дружинное» имя *Русь*, а означало «укрепленные поселения, города».

Возможно, летописец исходил при составлении списка городов из современных ему реалий (конца XI — начала XII в.), но список племен, центрами которых были перечисленные города, соответствует «ряду» о призвании и дальнейшим договорным отношениям с древнейшей Русью: это ***словене*** (Ладога, Новгород), ***кривичи*** (Изборск, Полоцк), ***меря*** (Ростов). Белоозеро — центр прибалтийско-финского племе-

ни ***весь*** (упомянутых *вису* арабских источников, предков вепсов — см. ниже) — может быть, возникло в списке потому, что летописец (а за ним и многие позднейшие исследователи) понял договорную формулу «чюдь, словене, кривичи и вси» (племена) как «... кривичи и весь». Кроме того, в округе Белоозера известны словенские (новгородские) сопки, а сам город с XI в. входил в Ростовскую землю, автохтонным населением которой была *меря*, платившая дань варягам, а затем руси. В округе летописных городов известны находки скандинавских древностей IX—X вв., так что можно относить этот регион к сфере «варяжского» влияния. Дело, однако, не только во «влиянии»: стремление контролировать сеть городских поселений и через нее все славянские земли было свойственно княжеской власти; города были не просто «племенными» и даже «межплеменными» центрами (как Новгород и Киев — на юге) — они были теми центрами, где сосредоточивался и перераспределялся прибавочный продукт и где сосредоточивались интересы и местной племенной знати и пришлой русско-варяжской дружины.

«Межплеменной» характер древних городов — прежде всего Ладоги и Новгорода, где жили бок о бок скандинавы, славяне, представители «чудских» и, возможно, балтских племен (см. из последних работ [Ладога и ее соседи]), позволяет предполагать и реальность этнического контекста легенды о призвании варягов — даже наличие некоей северной «конфедерации» племен — словен, кривичей, чуди и мери, призывавшей князей. Показательно, что среди данников руси не названа прибалтийская ***чудь***, участвовашая в призвании варягов; это связано, видимо, с давними и тесными отношениями чуди с «заморской» русью-варягами, с одной стороны, и славянами — с другой, Именно контекст этих межэтнических связей и проясняет происхождение самого имени *русь*: древнескандинавское дружинное наименование *roþs-‘гребцы, участники похода на гребных судах’ — сохранилось в эстонском и финском наименовании Швеции Rootsi, Ruotsi, относящемся к древним шведам-свеям, выходцам «из-за моря»: при «чудском» посредстве в славянском языке это наименование дало слово *русь*. Не случайно в правление Олега — летописного наследника Рюрика — *чудь* представлена в его войске на правах «конфедератов» наряду со словенами и кривичами, в отличие от данников-мери (ср. [*Мельникова*, *Петрухин* 1997]).

А. П. Новосельцев предположил, что призвание варягов-руси словенами, кривичами и другими племенами Севера было вызвано хазарской угрозой. Трудно сказать, насколько реальными были претензии Хазарского каганата на Север Восточной Европы: во всяком случае, царь Иосиф в своем письме, включающем в сферу влияния Хазарии в 960-е гг. народы Поволжья, уже выдавал желаемое за действительное.

Более очевидными были претензии руси, чьи правители уже в IX в. именовались титулом *каган*. Призвание князей с дружиной — русью, по летописи, завершилось упрочением варяжской династии на

Севере и, стало быть, распределением сфер влияния в Восточной Европе. Не случайным было и распределение городов между мужами Рюрика: по смерти братьев князь, сидевший в словенском Новгороде, раздал мужам «овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаша Рюрик» [ПВЛ, 13]. Ростов, как и верхнее Поволжье в целом, с первой половины IX в. входил в сферу интересов «находников», оставивших следы своего пребывания в мерянском племенном центре — Сарском городище; во второй половине IX — начале X в. рядом с Сарским существует «лагерь гостей» с дружинным инвентарем [*Леонтьев* 1996, 99—103]. Показательны при этом два летописных города, власть над которыми значительно расширяла сферу влияния первого русского князя. Полоцк в верховьях Западной Двины давал власть над «всеми кривичами» (которые платили дань варягам); Муром и ***мурома*** (финноязычное племя, видимо, близкое по языку соседней мордве-эрзе, обитавшей на другом берегу Оки) располагались в низовьях Оки — выше по течению была земля ***вятичей***, которые платили дань хазарам. Оба города давали выход на торговые пути, освоенные еще в первой половине IX в. В целом сеть городов и разноплеменных центров, оказавшихся под властью первых русских князей, очерчивала границы Русской земли — государственного образования, которое стало формироваться на севере Восточной Европы, но одновременно распространяло свои интересы и на хазарский юг.

Собственно с раздачей княжеским мужам городов связано и то событие, которое привело к захвату русской дружиной Киева. По летописи (ПВЛ, 13 под тем же 862 г.) дружинники Рюрика Аскольд и Дир «испросились с родом своим» в поход на Царьград. На Днепре они увидели городок, где сидели поляне, платившие дань хазарам. Видимо, освобождение полян от хазарской дани позволило русской дружине осесть в Киеве и овладеть «польской землею». Дальнейшие события засвидетельствованы уже не только русской начальной летописью, но и греческими хрониками: в июне 860 г. русская флотилия из 200 судов едва не взяла Царьград [10]. «Совокупить многих варягов» [ПВЛ, 13] и

[10] В Повести временных лет поход отнесен к 866 г. в соответствии с источниками летописца, датирующими лишь время царствования Михаила III, но не сам поход; из конечной даты царствования Михаила (866 г.) летописец вывел и год призвания варяжских князей: в 865 г. русская дружина обосновалась в Киеве, куда отпросилась «по двою лету» после призвания, что дает 862 г. Два года оставалось на изгнание варягов-данщиков за море и призвание руси, что давало дату для летописной статьи 859 г. 860 г. — время первого похода руси на Царьград — можно считать terminus post quem для описываемых событий эпохи призвания варягов.

собрать двести ладей, проведя их первый раз по пути из варяг в греки, можно было только имея прочный славянский тыл с одной стороны, и возможность пройти через степь, в том числе днепровские пороги, — с другой.

Письменные источники позволяют проследить динамику проникновения руси на юг. Она связана, не в последнюю очередь, с динамикой **хазаро-венгеро-славянских отношений**. Примечательно, что первое появление руси в 838 г. в Константинополе (в 839 — в Ингельгейме) произошло после первого появления венгров на Дунае; венгры были призваны на помощь дунайскими болгарами, когда те хотели удержать византийских пленных, устремившихся на родину в 836 или 837 г. Это может свидетельствовать о самостоятельном положении венгров на западе Северного Причерноморья [*Цукерман* 1998].

Очередной кризис в каганате, очевидно, возник в связи с вторжением печенегов и вытеснением ими венгров — возможно, инспирированным самой Хазарией, опасавшейся усиления венгров [*Цукерман* 1998], к которым примкнули кавары — хазарское племенное объединение. Время вторжения печенегов и отступления венгров за Днепр в Ателькузу неясно. Традиционно за дату изгнания венгров из Леведии принимают 889 г., под которым в Хронике продолжателя Регинона рассказывается о жесточайшем народе венгров, вышедшем из бесконечных болот, образованных разливом Танаиса — т. е. от устья Дона. Однако, как справедливо полагает А. В. Назаренко [1993, 107, 109], это известие связано с вторжением венгров в Центральную Европу, а не с изгнанием из Леведии: исход венгров увязывается с традиционной географической номенклатурой — «скифские» варвары выходили откуда-то из болот Меотиды.

У нас имеются, однако, источники, которые могут несколько прояснить общую геополитическую ситуацию. В первую очередь, это русская Начальная летопись, рассказывающая под 859 г. о дани, которую берут со словен и других племен варяги, и о дани хазарской с полян, северян и вятичей. Этот рассказ совпадает с упомянутыми данными Ибн Русте, который рассказывает о господстве над славянами (ас-сакалиба) народа ар-рус на севере; на юге же дань со славян собирают не собственно хазары, а венгры — вассалы хазар.

К 860-м гг. ситуация в степи приводит к очередным далеким передвижениям венгров. Под 862 г. «Хроника» Хинкмара Реймсского описывает первое вторжение венгров в Восточнофранкское королевство. В это время Киев и Днепровский путь, в том числе и пороги (которых так опасалась русь из-за угрозы печенегов в X в.), видимо, оказались свободными. Вероятно, руси удалось утвердиться в Киеве к 860 г. в период венгеро-печенежского конфликта (на что указывал еще Й. Маркварт [1903, 33—35]), но Левобережье Днепра еще оставалось под номинальной властью Хазарии (и некогда союзных ей венгров).

СЛОВЕНЕ И РУСЬ ПРИ ПЕРВЫХ РУССКИХ КНЯЗЬЯХ

«Повесть временных лет» сообщает о движении венгров мимо Киева лишь под 898 г., чтобы увязать это движение с вторжением венгров в Моравию и рассказом о начале славянской письменности [*Петрухин* 1995, 80 и сл.]. Однако ранее, под 882 г. говорится о том, что князь Олег, наследник Рюрика и *дядька* малолетнего княжича Игоря, направляется с ним и войском из варягов, чуди, словен и «всех кривичей» из Новгорода в Киев. Взявшей кривичский Смоленск на Верхнем Днепре, он остановился под Киевом на урочище Угорском, которое получило название после того, как венгры стояли там вежами. Олег выманивает на торг Аскольда и Дира, притворившись купцом, идущим в греки (первое упоминание «пути из варяг в греки»), убивает их, как узурпаторов («вы неста князя, ни рода княжа, но аз есьм роду княжа»), провозглашает Киев столицей — метрополией («матерью городов русских»). Летописец добавляет: «беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью». *Русь*, как уже говорилось, принесла свое имя на землю, называвшуюся «польской». Летописец в «Повести временных лет» указывает на распространение этого названия на всю дружину Олега, включавшую уже не только варягов, но и словен (и прочих), что не случайно. Уже говорилось, что словене жили бок о бок с варягами в Ладоге, где сопки расположены на одном берегу Волхова, а небольшой скандинавский некрополь с характерными для руси («гребцов») трупосожжениями в ладьях — на другом, равно как и в Новгороде, где скандинавские находки с середины IX в. концентрируются на «Рюриковом» Городище, которому отводится роль княжеской резиденции; существенно, в том числе с этнографической точки зрения, что на Городище обнаружены также хлебные печи западнославянской конструкции [*Носов* 1990] — дружину нужно было кормить, и славянская печь была конструктивно более совершенна, чем традиционный скандинавский очаг.

Далее говорится о том, что Олег стал строить города (традиционное занятие князей в понимании летописца) и «устави дани словеном, кривичем и мери, и устави варягом дань даяти от Новагорода... мира деля» [ПВЛ, 14]. Таким образом, Олег подтверждает своим уставом договор («ряд») с северными племенами. Но сам князь обосновывается на юге, в Киеве, и его усилия направлены на покорение южных племен. Первым делом он подчиняет независимых ***древлян*** в правобережье Днепра, а затем обращается против левобережья, входящего в сферу влияния Хазарского каганата. Он возлагает «легкую дань» на ***северян***, заповедав им не давать дани хазарам: «Аз им противен, а вам не чему». Здесь впервые говорится о конфликте руси и хазар. Олег присваивает и дань с ***радимичей***: таким образом русский князь овладевает хазарской податной территорией в Среднем Поднепровье, которая и получает в летописи название «Русская земля» (в узком смысле). Но о

реакции хазар летопись молчит. Это, видимо, связано с источниками русской летописи: она опиралась прежде всего на русские предания и византийский хронограф. Летописные даты, как уже говорилось, условны, но геополитическая ситуация обрисована верно: примечательно, что в 881 г. венгры с частью вышедших из-под власти кагана хазар (кавары) совершают очередной поход дальше на запад, в Центральную Европу (на Вену [*Шушарин* 1997, 168]). Олег смог свободно присвоить хазарскую дань со славян Левобережья Днепра, воспользовавшись кризисом в Хазарии, после ухода венгров из Леведии, занятой **печенегами** [*Новосельцев* 1990, 210—211] (которые отделили приднепровских славян от Хазарии), на запад в Ателькузу и далее. Однако данные нумизматики указывают на то, что реакция со стороны хазар все же не заставила себя ждать.

Уже говорилось, что в 60-е гг. IX в. наблюдается определенная активизация восточной торговли — усиливается приток восточного серебра в Восточную Европу и Скандинавию, что связывается с установлением более прочных отношений между варягами и славянами — «призванием варягов». Еще Г. Ф. Корзухина [1954, 35—36] предположила, что клады, зарытые в IX в. на севере Восточной Европы, могли быть связаны с «варяжской» данью — новейшие исследования подтверждают и дополняют это предположение. Но та же исследовательница обратила внимание и на особую группу кладов в земле вятичей, на Верхней Оке, зарытых в конце IX — начале X в.: в кладах сочетаются восточные монеты, славянские и салтовские (хазарские) украшения. Олег не подчинил себе вятичей, но борьба русских князей с Хазарией, очевидно, ощущалась в этом регионе: клады этого времени найдены и в землях радимичей и северян. Наконец, американский нумизмат Т. Нунен [1985, 41—50] показал, что в последней четверти IX в. приток монет в Восточную Европу резко сокращается, наступает первый кризис в поступлении восточного серебра; при этом кризис не связан с сокращением эмиссии в Халифате — доступ серебра в Восточную Европу был искусственно приостановлен. Приток монет возобновляется в начале X в., когда серебро идет через Волжско-Камскую Болгарию из державы Саманидов в обход Хазарского каганата. Не менее показательно, что тогда же, не ранее первой четверти X в., первые клады дирхемов появляются в самом Киеве: в IX в. Среднее Поднепровье оказывалось вне сферы русской восточной торговли.

Еще И. И Ляпушкин [1968, 152] связывал этот кризис с вторжением печенегов в южнорусские степи. Однако кочевники едва ли могли так прочно перекрыть речные пути, которые еще контролировались хазарскими крепостями. Скорее, торговую блокаду устроила Хазария в ответ на экспансию Руси [*Петрухин* 1995, 93].

Русь готова была к конфликту. Персидский географ Ибн Хордадбех сообщает, что русские купцы добирались не только до Багдада через столицу хазар, но и до Константинополя по Румийскому (Черному)

морю. Это известие можно датировать 880-ми годами, временем окончательной редакции «Книги путей и государств» и временем утверждения власти Олега в Среднем Поднепровье. Это сообщение содержит характерные «этнографические» подробности, и можно привести его полностью. «Что касается купцов русов, *а они — вид славян* (курсив наш. — *В. П., Д. Р.*), то они везут шкурки бобра, черных лисиц и мечи из отдаленных [земель] славянских к морю Румийскому, и берет с них десятину властитель Рума. А то идут по [...] реке славян, входят в Хамлидж — город хазар, и берет с них десятину властитель их. Затем отправляются к морю Джурдана и выходят на каком-либо его берегу [...]. А иногда везут свои товары из Джурдана на верблюдах к Багдаду, и переводят им славянские евнухи, и говорят они, что они – христиане, и платят джизью» [*Калинина* 1986, 71].

Ремарку Ибн Хордадбеха о том, что купцы русы — это вид славян (сакалиба), постоянно цитируют энтузиасты поисков руси среди славянских народов. Персидский географ, пожалуй, единственный автор эпохи раннего Средневековья, который таким образом отождествляет русь со славянами. Простейшим способом этот парадокс можно решить ссылками на то, что восточные авторы часто понимали имя *сакалиба* расширительно, и относили к видам славян даже немцев и венгров. Но этнографическая конкретика заставляет внимательнее отнестись к информации Ибн Хордадбеха. По его данным, русь владеет славянским языком — ведь в Багдаде переводчиками ей служат славянские евнухи [11]. Эти данные соответствуют и рассказу Начальной летописи о войске Олега: его варяги и словене уже носили общее название — русь. Более того, известие Ибн Хордадбеха оказывается первым свидетельством того, о чем с патетикой писал тот же летописец: «А словеньскый язык и рускый одно есть, от варяг бо прозвашася русью, а первое беша словене». Эти слова завершают упомянутый рассказ о «преложении книг на словенский язык», который приурочен, опять-таки, к правлению Олега. Конечно, варяжская русь не отказалась при этом ни от своих обычаев, ни от своего языка: в середине X в. Константин Багрянородный еще отличает скандинавский язык «росов» от языка их данников-славян, а скандинавские древности широко распространяются в Приднепровье как раз после вокняжения Олега в Киеве. Но владение «словенским языком» было необходимо руси — и не только на международных рынках: славянский язык нужен был русским дружинникам и князьям, чтобы соблюдать «ряд» со своими подданными.

О том, насколько начальная русь была способна к восприятию новых культурных импульсов, свидетельствует тот же Ибн Хордадбех:

---

[11] Об этом страшном средневековом обычае — оскоплении рабов, часто — славян-язычников, продаваемых специально для службы в восточных гаремах, см. [*Мишин* 2002].

купцы русы прикидывались в Багдаде христианами и платили специальный налог, чтобы избежать тех сложностей, которые встречали в исламских странах «язычники». О попытках крещения руси в IX в. свидетельствовал и сам патриарх Фотий [*Иванов* 2003, 2003, 169—171], но у князя Олега были иные задачи — он оставался язычником.

Очевидно, Хазария перекрыла дорогу по Дону, который и мог именоваться «рекой славян» у Ибн Хордадбеха (в рукописи название реки неясно). Олег совершает свой легендарный поход на Царьград по Днепровскому пути, датируемый в летописи 907 г. Возможно, поход Олега на Царьград 907 г. способствовал улучшению русско-хазарских отношений: во всяком случае, именно после 907 г. (между 909 и 914 гг.) хазары пропустили русь в грабительский поход на Каспий, против своих мусульманских противников. Это предприятие сильнейшим образом напоминало морские набеги викингов на Западе: разграбив побережье Каспия, русы укрылись на близлежащих островах, и неопытные в морских сражениях местные жители были перебиты, когда попытались на своих лодках сразиться с русами [*Минорский* 1963, 200 и сл.]. Исследователи (А. Е. Пресняков, М. И. Артамонов, А. П. Новосельцев, Г. С. Лебедев и др.) давно обратили внимание на взаимосвязь восточных и византийских походов руси — к X в. Русское государство включается в геополитическую систему Евразии. При этом положение руси «меж двух огней» и, одновременно, объектов экспансии — Хазарии и Византии, — естественно, не могло быть стабильным: после (инспирированного Хазарией?) похода на Каспий каган получил свою часть добычи, но возвращающаяся русь была перебита мусульманской гвардией кагана — огузами из Хорезма, которых поддержали и итильские христиане; остатки отступавшего по берегу Волги войска были добиты буртасами и болгарами-мусульманами. Так или иначе, традиционный путь, которым направлялся в Восточную Европу поток восточного серебра, — через Кавказ и Хазарию — не был восстановлен.

Поворот политики Олега к Византии был естествен.

Легендарный поход Олега на Царьград традиционно считается вполне «историческим», но даже русские источники — единственные свидетельства этого похода — полны видимых противоречий. Его описание помещено в ПВЛ под 907 г., в НПЛ — под 922: в новгородской версии в войске Олега названы варяги, поляне, словене и кривичи, в ПВЛ — все племена, подвластные Олегу или даже упомянутые ранее, хотя возглавляют список те же варяги и словене. Нет в обоих списках только руси, хотя значение именно этой дружины и даже самого дружинного имени явственно в обоих текстах. Сначала в обеих летописях говорится, что Олег заповедал побежденным грекам «дань даяти» на «2000 корабль», по 12 гривен на человека; Повесть временных лет конкретизирует далее, что дань дается «на ключ» — уключину, то есть на каждого «гребца»-русина. Упоминание собственно руси появляется в

характерном тексте, опять-таки связанном с походом на морских судах — возвращением от стен побежденного Царьграда: «и рече Олег: “Исшийте парусы паволочиты руси, а словеном кропиньныя”, и бысть тако. И повеси щит свой в вратех показуа победу, и поиде от Царяграда. И воспяша русь парусы поволочиты, а словене кропиньны, и раздра а ветр». Словене сетуют, что им даны паруса не из драгоценных тканей, а из менее прочного холста и т. д. [ПВЛ, 17]. Очевидно, что мы здесь опять имеем дело со сказанием, а не с ученым комментарием летописца, составлявшего списки известных ему племен — участников похода. Но что же такое русь в «сказании»? В описаниях походов на Царьград русь — это войско: в описании Олегова похода в ПВЛ говорится, что «много зла творяху русь греком, елико же ратнии творять». Здесь в понятие «русь» включены все участники похода, в том числе словене. Русь же, снабженная драгоценными парусами и противопоставленная словенам, — это княжеская дружина: так противопоставляли русь и славян-данников Константин Багрянородный в середине X в. и восточные авторы. Кто же такие словене «сказания» — только словене новгородские или все союзники и данники Олега, относящиеся к рядовому воинству? Казалось бы, ответ здесь однозначен — новгородцы [*Шахматов* 1908, 334—335]. Обратимся, однако, к описанию войска Олега в ПВЛ: «Иде Олег на Грекы, Игоря оставив Киеве, поя же множество варяг, и словен, и чюдь, и словене, и кривичи, и мерю, и деревляны, и радимичи, и поляны, и северо, и вятичи, и хорваты, и дулебы, и тиверци, яже суть толковины: си вси звахуться от грек Великая скуфь (Скифия. — *В. П.*)» [ПВЛ, 16]. Бросается в глаза несообразность этого списка — словене упомянуты там дважды. Конечно, список составлялся не очевидцем похода 907 г., а летописцем, но необходимо выяснить, основывался ли составитель списка на механическом сведении в один текст доступной ему информации (ср. [*Шахматов* 1908, 337]) или следовал некоей традиции.

Очевидно, что список членится на три части: 1) варяги и словене — они, как свидетельствовал уже Начальный свод, прозвались в Киеве русью; 2) чудь, словене, кривичи, меря — «новгородская конфедерация», призвавшая варягов; 3) поляне и славянские племена юга Восточной Европы. Таким образом, получается, что русь в списке «закамуфлирована» под объединением варягов и словен (а повторение имени словене в составе новгородской конфедерации неслучайно) и, стало быть, противопоставлена тем словенам новгородским и другим племенам, которые не входили в состав дружины князя. Кажется очевидным, что русь, как княжеская дружина, сформированная в Новгороде, противопоставляется в первую очередь недавно покоренным славянским племенам юга, которых (или часть которых — ср. космографическое введение) греки звали Великая Скуфь — Великая Скифия. Такому противопоставлению соответствуют данные самой летописи и византийских

(и восточных) источников о руси, собирающей дань со славян, прежде всего на юге — от Киева до Смоленска (Константин Багрянородный).

Документ, открытый в княжеском архиве составителем ПВЛ (видимо, самим Нестором), казалось бы, обнаруживает, что «полный» этнический состав воинства и дружины Олега — скорее результат разысканий летописцев, чем аутентичная передача народных преданий. Речь идет о договоре Олега с греками (911 г.). Князь послал своих мужей «построити мира и положити ряд межю русью и грекы». Эти мужи и поименованы в договоре. «Мы от рода рускаго, Карлы, Инегелд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид, иже посланы от Олга, великого князя руского, и от всех, иже суть под рукою его, светлых и великих князь, и его великих бояр [...] и от всех иже суть под рукою его сущих руси» [ПВЛ, 18]. Среди мужей Олега нет людей со «словенскими» именами, хотя комментаторы этого списка предполагают, что «доверители», носящие скандинавские имена, могли представлять и «словенских» членов русского княжеского рода — как это было в договоре Игоря с греками 944 г., и даже самостоятельных славянских князей.

Последнее маловероятно, так как в тексте того же договора сказано, что светлые князья «сущи» под рукою Олега, как и «вся русь». Существеннее для нас то обстоятельство, что послы Олега клянутся «по закону рускому»: статьи этого закона содержатся в договоре, и исследователи нашли им немало параллелей в обычном праве — славянском, германском и, что характерно, в греческом — византийском. Действительно, жизнь и имущество «русина» приравнивается в договоре к жизни и имущественным правам «христианина» — грека: при Олеге впервые осуществляется синтез древнерусского и византийского права, характерный для всего последующего развития русского законодательства. Договор 911 г. при этом имеет одну характерную статью: специально охраняется ладья и перевозимое в ней имущество — если она будет выброшена на берег в «чужой земле», то «обычное» береговое право не действует, местные жители не могут присвоить себе добро, а обязаны оказать содействие потерпевшему бедствие экипажу (ср. [*Литаврин* 1999, 453 и сл.]). Особое значение для руси ладьи, ее оснастки, и гребцов, получивших специальную дань на «ключ» под самим стенами Царьграда, обнаруживается и в летописном сюжете об оснащении Олегом ладей, возвращающихся из похода, где русь противопоставлена славянам.

В целом договор 911 г., приравнивавший «всю русь» грекам-«христианам», отмечает **становление государственного и этнического самосознания Руси в широком смысле, включавшем всех русских князей и их подданных**. Составители летописей не могли не учитывать исторических результатов **распространения и закрепления названия *русь* как надплеменного имени, относящегося ко всей Русской земле**. Поэтому в Начальном своде «варязи мужи словене» называются в Кие-

ве русью, а составитель Повести временных лет добавляет к варягам и словенам слова «и прочи», в соответствии с собственным (и вполне справедливым для его времени) заключением об общеславянском языке руси, уже включающей и полян («поляне яже ныне зовомая русь»). Примерно то же заметил и Шахматов: «Подобно тому, как имя Полян и других племен поглощено именем Руси, также точно Словене новгородские прозвались Варягами; эти самые Варяги, перейдя в Киев, и именно прежде всего они (а не покоренные ими Поляне) назвались Русью» [*Шахматов* 1908, 489]. Как видно из текста договора, словене в действительности не назвались варягами, а мужи от рода русского носили скандинавские (варяжские) имена. Народное предание об Олеге, очевидно, свидетельствует и о противоречиях между словенами и русью.

Повесть временных лет описывает еще один эпизод похода на греков, где вновь очевиден «дуализм» отношений руси и словен в войске Олега: перед возвращением руси-войска (под разными парусами) был заключен мир, и мужи Олега «по русскому закону кляшася оружием своим, и Перуном, богом своим, и Волосом, скотьем богом» [ПВЛ, 17]. «Мужи Олега» в ПВЛ — «варяги, словени и прочие», прозвавшиеся русью. Однако, при том что в дальнейшем распределении парусов русь — это и есть княжеская дружина, круг поклонников Волоса может быть определен более точно. Видимо, это — словене новгородские, жители русского севера, где и был широко распространен культ Волоса, в отличие от Киева, где наследник Олега Игорь со своими мужами клянется только Перуном (при заключении договора 944 г.). Перун — «бог свой» уже для мужей Олега. Волос — «скотий бог», бог богатства и данников, с которых варяги Олега получали это богатство по «уставу» о дани. Волос не вошел даже в киевский пантеон князя Владимира, хотя тот и опирался на словен, наряду с варягами, при захвате города. Напротив, Владимир насадил культ Перуна в Новгороде, где его посадник Добрыня поставил над Волховом «кумир» громовника, которому стали поклоняться «люди новгородские» [ПВЛ, 37]. Восприятие культа громовержца Перуна как дружинного культа божества, которое почиталось верховным у славян уже в VI в. (по свидетельству Прокопия Кесарийского), упрочивало позиции княжеской дружины — руси как господствующего слоя в формирующемся государстве. Но если признать, что Олег был первым, кто оказал предпочтение Перуну, обосновавшись в Киеве и оторвавшись от изначальной столицы в Новгороде, от опоры на словен, то его «мифоэпическая» смерть от змеи, атрибута Волоса, может выглядеть как некая «расплата» со стороны словенского бога [*Петрухин* 2000, 140 и сл.].

Думается, что летописный контекст дает достаточно ясное свидетельство тому, что заставило русских князей, и в первую очередь Олега, оставив Новгород, избрать своей столицей Киев: претензии на наследие

Хазарии [12] в Восточной Европе и стремление к господству на пути «из варяг в греки».

Но Византия не могла насытить рынки Восточной и Северной Европы монетой: в империи существовали ограничения на вывоз драгоценных металлов, а серебра не доставало самим грекам – они должны были перечеканивать арабскую монету [*Нахапетян*, *Фомин* 1994]. Кроме того, для подписания выгодного договора с Византией (911 г.) Руси необходимы были чрезвычайные общегосударственные усилия – поход всех подвластных Олегу племен на Царьград. Тогда торговые экспедиции руси в Константинополь стали ежегодными — таковыми описывает их Константин Багрянородный в середине X в. Приток же монеты в Восточную и Северную Европу возобновился в начале X в. из державы Саманидов через Болгар — в обход Хазарии. Тогда монеты появляются и в Киеве.

На Днепровском пути с начала X в. бурно развиваются два центра, аккумулирующих славянские и скандинавские древности, восточное серебро, драгоценные ткани и т. п.: это сам Киев и Гнёздово, комплекс из городища, селища и многочисленных курганов под Смоленском в Верхнем Поднепровье. Помимо северно-европейских традиций, эти центры, а также Среднее и Верхнее Поднепровье в целом, связывает славянская традиция в широком смысле: помимо роменских черт в материальной культуре двух центров и регионов бросается также в глаза влияние Великой Моравии (моравская керамика и височные кольца, даже отдельные вещи в аварском стиле — ср. [*Седов* 2002, 548]). Характерно, что Повесть временных лет увязывает историю начальной Руси с этими регионами во временных рамках княжения Вещего Олега, когда князь присваивает северянскую дань, а угры-венгры проходят мимо Киева в Моравию. Константин Багрянородный отмечает [глава 41, комментарий. С. 399], что после вторжения венгров (896 г.) население Моравии «разбежалось»: видимо, при Олеге для представителей славянского мира в широком смысле действительно открываются пути в Верхнее Поднепровье. Это помогает объяснить и отсутствие ранних находок IX в. как в Киеве, так и в Гнёздове: городские поселения начинают интенсивно развиваться *после* подчинения их Олегом и включения

[12] Вопрос о том, насколько «серьезно» сами русские князья — в первую очередь, Олег — претендовали на хазарский титул, естественно, может решаться лишь гипотетически. Нельзя не отметить, что в летописи Олег, объявляя себя врагом Хазарии (при присвоении хазарской дани с Левобережья Днепра), опирается на славянскую традицию правления «по ряду» призванного княжеского рода: он расправляется с Аскольдом и Диром как с узурпаторами, потому что они не принадлежат к этому роду («великих и светлых князей», как они именуются в договоре с греками). Для отношений со славянами «по ряду» титул правителя враждебной «кочевой империи» явно не подходил.

в формирующуюся городскую сеть Древнерусского государства. Тогда же Среднее Поднепровье, с Киевом и «северянским» Черниговом (в конце X в. к ним добавился построенный при Владимире Переяславль), становится доменом киевского князя и **Русской землей в узком смысле** — центром, к которому «тянут» все остальные земли, подвластные русским князьям.

* * *

Изменение геополитической ситуации в правление Олега, установление постоянных дипломатических и торговых отношений с Византией не могло не затронуть Хазарию и сопредельные с ней регионы. Восточный автор ал-Истахри, информация которого об *ар-рус* восходит к первой трети X в., помещает *русь* между *булгарами* и *сакалиба*-славянами; русы торгуют с хазарами, Румом (Византией) и «Булгаром Великим» (Дунайской Болгарией), и «столь сильны, что наложили дань на пограничные им районы Рума»; правда, ал-Истахри добавляет, что *печенеги* урезали территорию русов и поселились между Румом и Хазарией (ср. [*Минорский* 1963, 149; *Новосельцев* 1965, 411—412]). По летописи, **печенеги** впервые появляются в пределах Русской земли в 915 г., в правление наследника Олега князя Игоря и становятся важным геополитическим фактором в отношениях между Византией, Русью и Хазарией, о котором специально повествует Константин Багрянородный. Но противостояние Хазарии и Руси продолжается. Об этом свидетельствуют данные т. н. Кембриджского документа, примыкающего к документам еврейско-хазарской переписки (см. из последних работ [*Голб*, *Прицак* 2003, 101 и сл.], там же обсуждение проблемы в комментариях редактора).

Кембриджское письмо содержит описание русско-хазарского конфликта, спровоцированного византийским императором Романом Лакапином (920—944): «царь» (евр. *мелек*) Руси HLGW напал на причерноморские владения Хазарии — Самкарц (Самкарай, как полагают — на Таматарху, рус. Тмутаракань на Таманском п-ове), но был разбит хазарским полководцем Песахом. По продиктованным хазарами условиям мира, HLGW должен был напасть на Византию. Описание похода HLGW на греков, его поражения и бегства «за море» в FRS (Персию?) и гибели его там отчасти соответствует тому описанию, которое в византийских и основанных на них летописных источниках относится к походу на греков Игоря, действительно совершенному в 941 г. При этом имя HLGW — Хелгу, Халгу — точно передает скандинавскую форму имени *Хельги* (*Helgi*), рус. *Олег.* Это имя позволяет некоторым исследователям отождествлять предводителя руси Кембриджского документа с Вещим Олегом русских летописей. Поскольку в Повести временных лет смерть настигает Вещего Олега сразу после заключения договора с греками 911 г., эта дата признается недостоверной. Получа-

ется, что Олег правил в Киеве (обосновавшись там к 911 г.) до неудачного похода на греков в 941 г. и, не решившись вернуться туда после поражения, ушел с дружиной в «Персию» (здесь вспоминают поход руси на Бердаа 943/944 г. или 944/945), где и погиб, что опять-таки отчасти совпадает с известием Новгородской летописи о смерти Олега по пути «за море». Правда, речь в этой летописи идет о другом — Варяжском — море и о могиле Олега в Ладоге. Место Олега в Киеве занял спасшийся после похода Игорь; или Олег вообще не имел отношения к договору 911 г., и его имя вставлено редактором ПВЛ [*Франклин*, *Шепард* 2000, 159] и т. д. Однако могила Олега в Киеве была хорошо известна на Щекавице и в XI, и в XII в. не только ПВЛ, но и позднейшей Киевской летописи ([ПСРЛ. Т. 2. Л. 120, 146, 155] — недалеко от Жидовских ворот): значит, Вещий Олег не сгинул на чужбине.

Отождествление Вещего Олега и Хелгу основывается на представлениях тех же летописей о единовластии на Руси «великого» киевского князя («царя» Кембриджского документа). Некоторые основания для обнаружения такой тенденции к единовластию имеются, если учитывать претензии первых русских князей на титул «каган». Однако аутентичные документы X в. — договоры с греками и трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей» — свидетельствуют о власти над Русью целого княжеского рода («архонтов со всеми росами» у Константина), «рода русского», «всех светлых и великих князь» договора 911 г., «всей княжьи», названной поименно в договоре Игоря 944 г. Имени Олег/Хелгу нет в последнем договоре, так как по данным Кембриджского письма он уже погиб или воевал за морем, в Персии. Но само это имя присуще именно «русскому» княжескому роду (как и имена Рюрика и Игоря — ср. «Игоря, нети Игорева», племянника киевского князя среди «всей княжьи» в договоре 944 г.): к примеру, таковы в следующих поколениях Олег Древлянский и Олег Святославич Тмутараканский и Черниговский, с которым ассоциировался титул «каган» в «Слове о полку Игореве». Когда Олег Святославич пребывал в Тмутаракани в конце XI в., он именовался «архонтом Матрахи, Зихии и всей Хазарии» на византийской печати.

Попытка одного из русских князей захватить Самкарц — Тмутаракань в 940-е гг. не увенчалась успехом. Рассказ о поражении Хелгу и гибели его за морем завершается в Кембриджском письме фразой: «Тогда Русь была подчинена власти хазар» [*Голб*, *Прицак* 2003, 142]. Она напрямую противоречит свидетельству русской летописи о том, что Олег, как бы ни датировать его правление, избавил славян Поднепровья от хазарской дани. Противоречие это, однако, снимается при учете традиционного для «кочевых империй» и раннесредневековых государств вообще представлений о власти: народ (войско), однажды потерпевший поражение, считался подвластным победителю. Кроме того, документы

еврейско-хазарской переписки в целом были тенденциозны — могущество каганата преувеличивалось накануне гибели Хазарии.

Существенно, что «сторонний» наблюдатель — ал-Масуди, писавший в середине 950-х гг., то есть до предполагаемого времени составления Кембриджского письма, сообщал, что «многие» из племен ар-рус вошли в «общность (сообщество — *джумла*) ар-Рум подобно тому, как вошли ал-Арман (армяне) и ал-Бургар (дунайские болгары), которые представляют собой один из видов ас-Сакалиба [13], и ал-Баджанак (печенеги) из тюрок. И они (византийцы) поместили их (русов, армян, болгар и печенегов) гарнизонами во многих из своих крепостей, примыкающих к границе аш-Шамийа (сирийской), обратили их против Бурджан и других народов, враждебных им и окружающих их владения» [*Бейлис* 1961, 23].

Значит, часть «племен» (*джинс*) Руси входила в «Византийское содружество» (введший это понятие византинист Д. Оболенский не использовал данных ал-Масуди) в середине X в., что соответствует данным русской летописи. Действительно, русская княгиня Ольга, вдова Игоря, должна была поставлять «воев» в Византию, а сам Игорь, согласно договору с греками, заключенному в 944 г., обязывался соблюдать интересы Византии в «Корсуньской стране» (Крым, прежде всего — Херсонес) и выступать против «черных болгар» [ПВЛ, 433, 606]. Очевидно, что хазары относились к тем «враждебным» народам, против которых были обращены союзники Византии. Именно в конце 30-х гг. X в. в византийско-хазарских отношениях разразился кризис, естественным средоточием которого (в описании того же Кембриджского документа) стали крымские владения Византии. Если считать «черных болгар» представителями той причерноморской болгарской орды, которая оставалась (может быть, номинально) во власти Хазарии (ср. [*Плетнева* 1999, 169, 224]), то имя *Бурджан* у ал-Масуди может относиться именно к ним, а не к дунайским болгарам, поименованным среди союзников Византии.

Предположение об «автономном» участии дружины Хелгу в походе Игоря 941 г., выдвинутое после публикации Кембриджского документа, и о том, что эта дружина происходит не из Киева (ср. [*Вернадский* 1996а, 41—45]), представляется вполне обоснованным. Можно сомневаться в том, отправилась ли дружина Хелгу после поражения от греков в 941 г. именно в Бердаа в 943 или 944 г., ибо это действительно требовало не только сохранения боеспособности, но и двухгодичного пребывания на «зимних квартирах»; кроме того, войско руси, вторгшее-

[13] Характерен параллелизм в отнесении дунайских болгар у ал-Масуди и руси у Ибн Хордадбеха к «виду славян»: болгары, как и русь, перешли на славянский язык в процессе становления государственных отношений со славянами.

ся в Бердаа, по описанию Ибн Мискавейха, включало даже женщин — это не могли быть остатки разгромленной дружины Хелгу, а свежие силы, стремившиеся закрепиться в богатом Закавказье. По византийским (и, соответственно, русским) источникам, разбитая русь пыталась прорваться к фракийскому берегу — к дому.

Так или иначе, упоминание Хелгу в Кембриджском документе не дает прямых оснований отождествлять его с Вещим Олегом, а скорее позволяет усматривать в нем представителя русского княжеского рода, наиболее активного на «хазарском» направлении русской экспансии. Для русских дружинных древностей в целом характерно восприятие элементов степной «хазарской» культуры, но наиболее явственно (и естественно) это восприятие прослеживается в дружинных древностях Черниговщины, в том числе в самых больших русских курганах середины X в. в самом Чернигове (см. ниже). Особая связь Черниговской земли с Хазарией и Тмутараканью (Самкарай-Самкарц Кембриджского документа) вплоть до конца XI в. позволяет предположить черниговское происхождение князя Хелгу-Олега как члена русского княжеского рода времени княжения Игоря в Киеве.

* * *

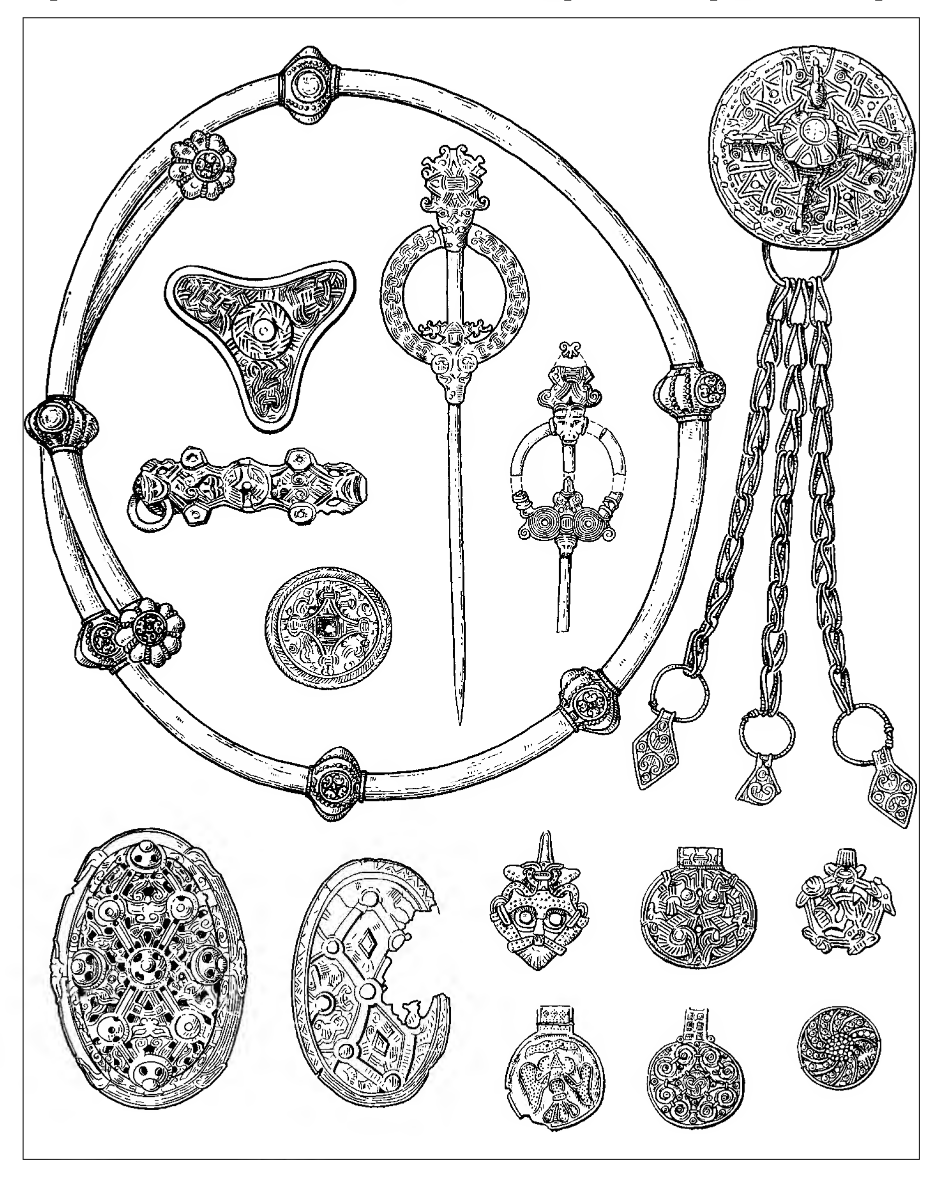
Как мы видели, внешними наблюдателями — греками и болгарами — разноплеменное войско русских князей в походе именуется просто «русью». Так, Игорь после неудачного похода 941 г. призывает идти на греков ***варягов*** из-за моря: здесь впервые *русь* и *варяги* различаются как княжеская дружина и наемники. Князь совокупляет «вои многи, варяги, русь, и поляны, словени и кривичи, и теверьце (тиверцы), и печенеги наа», — но болгары сообщают грекам об этом войске: «Идуть Русь, и наяли суть к собе печенеги». Имя *Русь* распространяется, таким образом, на варяжско-славянское войско, участвующее в общегосударственном военном — дружинном («русском») — предприятии.

В княжение Игоря летопись существенно дополняется сведениями трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Составленный в середине X в., трактат описывает в 9 главе ситуацию на Руси (Росии) в княжение Игоря. Ежегодно весной русь (росы) собирает ладьи-однодеревки, которые приводят на Днепр и продают славяне из Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышгорода. Однодеревки сходятся в крепости Киева, называемой *Самватас* (еврейско-хазарский ойконим); в июне росы по Днепру отправляются в Византию. Зимой «все росы» (ср. «всю русь» — княжескую дружину в легенде о призвании варягов) выходят со своими архонтами из Киева в полюдье и кормятся у славянских племен — древлян, дреговичей, кривичей, северян и других. Славяне названы Константином «пактиотами» — данниками — росов, но из текста видно, что речь идет не только о дани (кормлении),

но и об «обмене услугами» — продаже однодеревок. Так или иначе даннические отношения — «пакт» — и во времена Игоря основывались, судя по всему, на договоре. Нарушение этого договора привело к гибели Игоря в 944 г.: древляне, с которых князь дважды хотел собрать дань, восстали и казнили Игоря (по летописи, они назвали князя «волком», — традиционное название преступника у многих европейских народов — см. [*Петрухин* 1995, 143 и сл.]). Прав был Б. А. Рыбаков [1982, 319 и сл.], непосредственно связавший внешние — торговые и военные — предприятия Руси в X в. с внутригосударственной системой полюдья: без этой базы никакие походы не были бы возможны. Тот же автор обратил внимание на связь списка городов, откуда приходили к росам однодеревки, с перечнем славянских племен-пактиотов: Смоленск — центр кривичей, Чернигов (и Любеч) — город северян. Норманны, считал Б. А. Рыбаков, не смогли овладеть славянскими городами (за исключением Киева, захваченного на короткий срок Олегом): недаром Олег останавливается перед захватом не в самом городе, а на урочище Угорском, к югу от Киева, прикидывается купцом — «подугорским гостем». Под Смоленском, поворотным пунктом полюдья, маршрут которого реконструирован Рыбаковым, расположен крупнейший древнерусский курганный некрополь и поселение, которые этот исследователь считал остатками дружинного «лагеря-города», — Гнёздово. Хотя соотношение Гнёздова и Смоленска (в котором известны лишь единичные находки X в.) дискутируется, в целом ситуация на Руси в X в. действительно характеризуется определенным «дуализмом» дружинных и городских центров: Новгород в X в. сосуществует с соседним Городищем — древней резиденцией русских князей, под Черниговом располагается поселение (и некрополь) в Шестовице; в Верхнем Поволжье некрополи и поселения с «дружинными древностями» располагаются в непосредственной близости от Волги (вокруг будущего Ярославля), в отличие от городов — Ростова и Суздаля, стоящих «в глубинке», на ответвлениях Волжского торгового пути.

Все эти некрополи и поселения, расцвет которых приходится на середину — вторую половину X в., объединяются характерными этнокультурными чертами: 1) они развиваются под сильнейшим воздействием скандинавской культуры эпохи викингов: практикуется характерный обряд сожжения в ладье (или с использованием ладейных досок для погребального костра), ношение скандинавских амулетов, в том числе железные гривны с привесками в виде молоточков — символов громовержца Тора, о присутствии скандинавских женщин свидетельствует их убор — парные овальные фибулы с роскошным орнаментом; «местные» традиции в их быте связаны по преимуществу с керамическим производством, домостроительством, некоторыми деталями костюма, общими для всей Восточной Европы; 2) наиболее яркие, прежде всего погребальные, комплексы, содержащие наборы вооруже-

ния, со сложным обрядом и т. п. свидетельствуют о принадлежности социальных верхов, обитавших на перечисленных поселениях, к дружине; 3) связи указанных памятников не замыкаются на Скандинавии — они ориентированы на славянский мир и на Восток в самом широком смысле (находки арабских и византийских монет и других предметов импорта сочетаются с салтовской — «хазарской» — ременной гарниту-

Скандинавские древности в Восточной Европе (Древняя Русь. С. 405)

рой, предметами вооружения и даже обрядами, характерными для степняков (о чем специально — ниже); 4) наконец, связи этих памятников направлены отнюдь не только вовне — они имеют достаточно отчетливый внутригосударственный, внутрирусский характер.

Самые большие курганы Гнёздова, с характерными для Скандинавии обрядами сожжения в ладье — важнейшим ритуальным и социальным символом руси-«гребцов», имеют ближайшие аналогии не только на севере Европы, но и в Чернигове, где при сооружении таких же больших курганов практиковался идентичный обряд погребального пира вокруг ритуальных котлов. Территории кривичей (где расположено Гнёздово) и северян (Чернигов) были объединены системой полюдья — очевидно, что и представители дружинных верхов, контролирующих сбор дани, были связаны едиными традициями, а возможно, и родством. Вероятно, эти монументальные насыпи принадлежали тем «архонтам» — представителям **русского княжеского рода**, к которым относился и Вещий Олег, и Хелгу Кембриджского документа. Эти связи усиливаются с распространением дружинного обряда ингумации в камерных гробницах: он характерен для некрополя самого Киева, Шестовицы и вообще Черниговщины, а в последние годы камерные гробницы открыты также в Гнёздове и Тимереве (Верхнее Поволжье), во Пскове и др. пунктах. Возникновение самого обряда возводят к норманнам — недаром древнейшая камерная гробница на Руси (конец IX в.) открыта в Ладоге, главных «воротах» Варяжского моря, — но развивается он под воздействием восточноевропейских традиций и распространяется во второй половине X в.: гнёздовские и тимеревские камеры датируются 70-ми гг. В Среднем Поднепровье ареал камерных гробниц совпадает с территорией Русской земли, подвластной киевским князьям со времен Олега.

Перечисленные древнерусские памятники X в. интерпретируются по-разному: одни («норманисты») считают их свидетельством скандинавской колонизации, другие — «местными» торговыми центрами. Присутствие на этих поселениях дружинников скандинавского происхождения — руси — заставляет внимательнее отнестись к данным аутентичных источников X в., прежде всего трактата Константина Багрянородного: в середине X в. «росы» еще сохраняли скандинавскую лексику (судя по противопоставлению «русских» и «славянских» названий днепровских порогов). Эти памятники, таким образом, могли быть связаны с деятельностью дружины «росов» — руси. Наиболее очевидными эти связи становятся с распространением камерных гробниц, после того как общерусское полюдье претерпевает кризис (восстание древлян и казнь Игоря). Последующие события позволяют прояснить основные функции «дружинных» поселений.

Вдова Игоря Ольга расправляется с древлянами, но после этого проводит реформу — устанавливает фиксированную дань и систему *погостов* — пунктов, куда свозится дань. В эпоху Ольги, по данным

Киевский дружинник X в. Реконструкция по материалам камерной гробницы из киевского некрополя. Рис. О. Федорова

археологии, действительно расширяется сеть поселений, которые можно отождествить с погостами, и упрочивается связь старых дружинных «станов» с Киевом. Об этой связи свидетельствует, в частности, характерная трансформация обряда погребения в камере: традиционным для Скандинавии было размещение коня в ногах погребенного, но в ряде комплексов Киева, Черниговщины и Гнёздова кони помещены сбоку, как было принято на юге, у кочевников.

О связи русской (и шире — русско-«варяжской») дружинной культуры с кочевым миром уже говорилось — салтовские поясные наборы, упряжь, некоторые виды вооружения были заимствованы на Руси и восприняты (при ее посредстве) в Скандинавии. Но влияния в обрядовой сфере не могли быть чисто «внешними»: об этом свидетельствует, в частности, обряд и инвентарь самого большого русского кургана — Черной могилы в Чернигове. Этот курган датируется 60-ми гг. X в., временем князя Святослава; о его принадлежности знатному русскому дружиннику скандинавского происхождения свидетельствуют: ладейные заклепки — остатки ладьи, в которой было совершено сожжение, — и упомянутый ритуальный котел, и расчищенная недавно статуэтка скандинавского сидячего божка, и т. п. Однако замечательные (и древнейшие) памятники русского прикладного искусства — оковки питьевых рогов — говорят о «восточном» влиянии. Особенно показателен мотив состязания двух лучников — простоволосого и с волосами, заплетенными в косу: мотив, видимо, связан с сюжетом борьбы за власть «священного царя» — кагана (см. [*Петрухин* 1995, 170 и сл.]). Питьевые рога входили в комплекс, связанный с погребальным пиром, — располагались под двумя кольчугами и шлемами рядом с котлом и бронзовым идольчиком: по ритуалу этот комплекс можно было бы считать «варяжским». Но сам комплекс был помещен не на кострище, где была совершена кремация, а на вершине первичной насыпи (накрытой при досыпке кургана глиняной «шапкой») — ритуал, свойственный именно черниговским курганам. Кроме того, на самом кострище прочее оружие — 2 (или 3) меча, 2 копья, сабля и др., конская упряжь — были сложены в груду — ритуал, не свойственный норманнам, но известный по другим большим черниговским курганам — Гульбищу и кургану «княжны Черны» (где груды вооружения помещались на вершине первичной насыпи). П. Н. Третьяков указал на аналогии этим ритуалам в салтовских древностях и более ранних (упомянутых выше) хазарских памятниках типа комплекса у с. Вознесенка. Уже говорилось, что для культуры правящих верхов в ранних государствах характерна была тенденция к этнокультурному синтезу «усваиваемых» этим государством традиций.

Представляется, что дело здесь не просто в традиционной полиэтничности дружинной культуры. В сооружении больших курганов должны были принимать участие многие жители Чернигова, но очевидно,

что и к совершению ритуалов были допущены не только собственно русские дружинники: обряды с оружием совершали люди, знакомые с салтовскими (хазарскими) обычаями и, видимо, считавшие их «своими». То же обстоятельство следует иметь в виду и при интерпретации обрядности камерных гробниц с конями, расположенных в соответствии с кочевническими обычаями на юге Руси и в Гнёздове (исследователи Гнёздова предполагают присутствие там выходцев из Хазарии [*Авдусин*, *Пушкина* 1982]). Выходцы из Хазарии и, шире, кочевого мира степей (в IX—X вв. это венгры и печенеги), очевидно, наряду с норманнами входили в русскую дружину и принимали участие в формировании ее культуры (об этом свидетельствуют и данные антропологии — [*Алексеева* 1974]).

Собственно говоря, присутствие выходцев из Хазарии в южнорусских городах — факт вполне естественный и подтверждаемый письменными источниками. Характерно упоминавшееся письмо X в. из Киева, написанное на еврейском языке членами еврейско-хазарской общины и имевшее «резолюцию» хазарского чиновника (?), проставленную тюркскими рунами: среди подписавших письмо поручителей были люди с традиционными еврейскими именами (Авраам, Исаак и др.), но были и носители имен явно нееврейского происхождения. Среди них есть такие парадоксальные сочетания, как *Гостята бар Киабар Коген* и *Иуда* по прозвищу *Северята*. О. Прицак усматривал и в словах *Гостята* и *Северята* тюркско-хазарские имена, однако А. Торпусман обоснованно видит в них имена славянские. Получается, что в первом случае Гостята происходил из тюркского племени *каваров* и вместе с тем относил себя к жреческому иудейскому роду *когенов* (что, с точки зрения ортодоксального иудаизма, невозможно, ибо *когены* были практически эндогамной «кастой» и не смешивались с выходцами из иноэтничной среды, даже если те были иудеями по вероисповеданию). Не менее интересно и прозвище Иуды *Северята*, отсылающее к славянскому племени северян, плативших дань хазарам. В целом антропонимия киевского письма характерна для быта иудейских общин в иноэтничной среде — евреи быстро переходили на язык окружающего населения и воспринимали некоторые его обычаи, в том числе имена; тот же процесс аккультурации был характерен для иудейских общин в городах Северного Причерноморья (ср. в главе V); в этот процесс аккультурации были вовлечены, видимо, и хазары иудейского вероисповедания, жившие в Киеве [ср. *Голб*, *Прицак* 2003, 31 и сл.].

В самой летописи при описании договора Игоря с греками (944 г.) упомянуты «Козаре» — видимо, квартал в древнем Киеве (носившем также «иудейское» название *Самватас*, напоминающий еврейские имена на античном Боспоре), где располагалась и христианская община — «мнози бо беша варязи христеяни» [ПВЛ, 26], что непосредственно напоминает этноконфессиональную ситуацию в Итиле — столице Хаза-

рии. Нет ничего удивительного, что и в Чернигове, центре Северской земли, платившей, как и полянский Киев, дань хазарам, было хазарское (салтовское) население. Существенно, во-первых, что это население принимало участие в ритуалах господствующего слоя Руси, — а господствующий слой воспринимал «хазарские ритуалы» (причем, очевидно, ритуалы «царские» — напомним о претензиях русских князей на титул кагана). Во-вторых, присутствие в Чернигове выходцев из Хазарии, видимо, объясняет не только этнокультурную, но и политическую ситуацию в северянской земле: дело в том, что, несмотря на очевидное господство в Чернигове русской дружины, подвластной киевскому князю, в 16 км к юго-западу от города (в киевском направлении) по Десне расположен погост в Шестовице — дополнительный контрольный пункт возле центра Северской земли.

Как уже говорилось, камерные гробницы русских дружинников X в. располагаются точно в пределах Русской земли, занятой некогда волынцевской культурой. Погребальные памятники дружины «отмечали» центры и границы формирующегося княжеского домена. Показательно в связи с этим, что собственно хазарские «дружинные» памятники в Среднем Поднепровье (Вознесенка и др.) располагались вне будущей Русской земли, в степи, а не на территориях плативших хазарам дань славян.

С установлением контроля Руси над средним Поднепровьем ее соперничество с Хазарией продолжалось. После упомянутого разгрома Хелгу, по утверждению Кембриджского документа, Русь попала «под власть хазар». Следует помнить, что, с точки зрения правителей «кочевых империй», народ, потерпевший военное поражение, считался зависимым от победителей: историческая реальность была далека от этих амбиций, хотя один из представителей русского княжеского рода вынужден был подчиниться хазарам. О. Прицак склонен относить это известие к 20-м гг. X в., но оснований для пересмотра летописной истории нет: двойная неудача руси в Византии и на Каспии произошла в 40-е гг. при Игоре. Неясно, был ли поход Хлгу на мусульманские княжества Каспия инспирирован Хазарией, но существенно, что в походе, по данным сирийского автора XIII в. Бар Гебрея, наряду с русью принимали участие *сакалиба* (славяне), ***аланы*** и ***лезгины***. А. П. Новосельцев [1990, 196] предполагает, что русь выступала в союзе с народами Северного Кавказа: уже говорилось, что аланы составляли значительную часть населения Хазарии и обитали не только на Северном Кавказе, но и в лесостепи, на Дону и Северском Донце — им приписывается лесостепной вариант салтовской культуры; здесь практиковался и известный в Северской земле обычай складывания оружия и упряжи в груду. Само название славянского племени *северяне* (ср. Северский Донец и т. п.), очевидно, имеет иранское происхождение. Черниговская (Северская) земля в XI и даже в XII в. сохраняла традиционные связи с Хазарией

(ср. поход Игоря, князя Новгород-Северского, с целью «поискати града Тьмутороканя») и Северным Кавказом. Но неудачи походов 40-х гг. X в., видимо, давали повод хазарам считать Русь покорной их власти.

Тем временем Ольга, дав фиксированные «уроки и уставы» подвластным славянским племенам, как и Олег, активизирует византийскую политику, принимает крещение (в Царьграде?). В русле провизантийской политики действует первоначально и Святослав, что, очевидно, развязывает ему руки на Востоке. А. Н. Сахаров [1982, 69—97] отмечает, что в 964 г., когда русский вспомогательный отряд (в соответствии с договором 944 г.) сражается на стороне греков в Сицилии, Святослав идет в поход на ***вятичей*** — последнее славянское племя, остающееся под властью Хазарии. Археологическими свидетельствами его похода считаются следы пожаров на городище Горналь на р. Псел (окраинное роменское городище за пределами «Русской земли») и на городище у с. Супруты на р. Упе, притоке Оки ср. ([*Шинаков* 2002, 127 и сл.]). Супруты — вятичский центр, с IX в. связанный, судя по находкам кладов и отдельных вещей, как с Хазарией, так и с Севером Европы. Салтовские вещи обнаружены и на городище Горналь. Выше по р. Псел появляется некрополь конца X—XI вв. с дружинными курганами в Гочеве.

Понимание последующих событий во многом зависит от чтения летописи. Как уже говорилось, разбивка начального текста на погодные записи проводилась в несколько этапов, часто искусственно: ранние известия записывались в хронографической манере, когда под одним годом помещались события нескольких лет. Так и с первым походом Святослава: под 964 г. сначала описан характер князя, затем сразу поход. «Иде на Оку и на Волгу, и налезе вятичи и рече вятичем: «Кому дань даете?» Они же реша: «Козаром»... (965 г.) Иде Святослав на козары; слышавше же козари изидоша противу с князем своим каганом... одоле Святослав козаром и град их (и) Белу Вежу взя. И ясы победи и касогы (966 г.). Вятичи победи Святослав и дань на них възложи». При разбивке на годы получается, что Святослав совершал ежегодные походы. Но уже из зачина, где говорится, что князь пошел на Оку и Волгу, ясно, что имеется в виду один поход — на Волге жили ***булгары*** и ***хазары***, а не вятичи. Узнав о том, что вятичи подчинены хазарам, князь двинулся на Волгу на хазар и там сразился с самим каганом, взял их град (столицу Итиль?) и Белую Вежу (Саркел — уже на Дону!), победив ***ясов*** — аланов Северного Кавказа и ***касогов***. В Ипатьевском списке добавлено, что князь «приде к Киеву», в Новгородской первой летописи — что Святослав «приведе» (подчинил) к Киеву ясов и касогов; видимо, тогда под власть Киева попала Тмутаракань. Разгрому, судя по всему, подвергся домен кагана — «кочевье», описанное в письме царя Иосифа, с Саркелом на западном рубеже и Итилем (Атил) — зимовищем [*Плетнева* 1986, 49—50]. Стало быть, князь совершил, по

летописи, круговой поход по владениям хазар — в почти полном соответствии с цитированным письмом царя Иосифа, пройдя с нижней Волги на Дон, и вернулся в Киев [ср. *Артамонов* 1962, 426—428]. Появлению последующей записи под 966 г. о втором походе Святослава на вятичей мы обязаны также позднейшей разбивке текста Начального свода. Очевидно, поход, приведший к покорению вятичей — завершению дела, начатого, по летописи, при Рюрике и Олеге, — и разгрому Хазарии, был единым предприятием.

Нет оснований вслед за А. А. Шахматовым переиначивать маршрут Святослава, направляя князя не по Оке, а сразу на нижнюю Волгу: Ибн Хаукаль, описавший разгром каганата русью, подтверждает летописный маршрут — *ар-рус* опустошили сначала город Болгар, землю **буртасов**, а затем другие города и Атил (Итиль). Тот же автор говорит, что русь отправилась «сразу после этого в страну ар-Рум (Византию) и ал-Андалус». Вряд ли здесь он мог путать Болгарию Волжско-Камскую и Дунайскую — последовательность военных действий руси у него совпадает с летописной и, что не менее важно, с данными письма царя Иосифа: маршрут Святослава повторяет описание царем своих владений в Восточной Европе. Не вполне совпадает хронология у Ибн Хаукаля и летописца, но в летописи она условна (и вторична), а у Ибн Хаукаля (согласно В. В. Бартольду) относительна: разгром Хазарии и поход на Рум он относит к 358 году хиджры (ноябрь 968 — ноябрь 969 г.), по византийским же источникам, Святослав появился на Дунае в августе 968 г. (а не в 967, как в летописи). В 969 г. князь не мог пойти на Хазарию, так как в июле—августе был уже в Болгарии (летопись при разбивке начального текста на даты отнесла этот поход к 970 г.), а до того он отгонял осадивших Киев печенегов.

Уже славянское имя князя — *Святослав*, — равно как и отсутствие в описании (как в византийском, так и в летописном) его войска, противопоставления руси («росов») и славян свидетельствуют, наряду с данными археологии, об интеграции руси в восточнославянское общество. При этом характерно летописное описание «кочевнического» быта князя: в походах князь «воз по собе не возяше, ни котьла, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядяше, ни шатра имяше, но подъклад постлав и седло в головах» [ПВЛ, 31]. О руси уже нельзя сказать словами автора начала X в. Ибн Русте, что русы «на коне смелости не проявляют, и все свои набеги и походы совершают на кораблях» — для решения стратегических военных задач необходимо было применять разнообразную тактику. Сам облик князя с прядью волос — оселедцем на бритом черепе и серьгой в ухе (описанный у Льва Диакона) свидетельствует о восприятии князем (и дружиной) традиций степняков.

Во второй половине X в. Русь — государство в Восточной Европе, стремящееся унаследовать и расширить власть своих предшественни-

ков: двойная цель внешней политики Святослава — утверждение на Дунае, официальной границе Византии (одна из парадигм русской государственной истории), и устранение главного соперника на Востоке — Хазарского каганата, — как видим, превышала задачи объединения восточнославянских земель. Варяги привлекались русскими князьями прежде всего для далеких походов. В этом отношении сведения о походе на Рум и ал-Андалус, совершенном, по Ибн Хаукалю, русью немедленно после разгрома Хазарии, напоминает о раннем походе *ар-рус* — норманнов — на Севилью в 844 г. Правда, В. В. Бартольд [1963, 850] считал, что это случайное совпадение: арабский автор «произвольно связал между собой такие события, как поход русов на Итиль и Семендер и поход норманнов к берегам Испании» (в Галисию) в 970 г.; кроме того, норманнские рейды на Испанию были совершены также в 966 и 968 г. (когда *русь* появилась на Балканах). Однако в описании «Повести временных лет» путь «из варяг в греки и из грек» как раз огибал Европейский континент и, видимо, был привычным и для руси, и для варягов. Так или иначе, поход на Хазарию Святослав должен был совершить, по всей вероятности, до середины лета 968 г. (Б. А. Рыбаков вслед за летописцем предполагал, что на его осуществление понадобилось не менее трех лет — с зимовками на Волге и Северном Кавказе.)

Поход Святослава на Болгарию (и Византию) летом 968 г. с целью утвердиться на Дунае в описании Льва Диакона действительно напоминал переселение — миграцию части населения, ибо русское войско включало не только «все молодое поколение тавров» (как уже говорилось, византийский историк именовал *русь* тавроскифами), но и женщин (в описании историка XI в. Иоанна Скилицы). Видимо, участие женщин в походах-переселениях было обычным для «варварских» народов: о том, что среди павших в войске аваров и славян, осаждавших Константинополь в 626 г., были женщины-славянки, пишет патриарх Никифор. Правда, эти описания напоминают популярные и в Средние века рассказы об амазонках и могут восходить к эпическому образцу — гомеровскому повествованию об осаде Трои. Но для дружин ранней *руси*, еще сохранявшей скандинавские традиции, характерно присутствие женщин — такие «девушки» сопровождали, к примеру, русов в их торговой экспедиции в Болгар на Волге — там их описал Ибн Фадлан [ср. *Петрухин* 1996]. Экспансия Руси при Святославе приобрела, таким образом, наиболее угрожающий для Византии характер: ее целью был не просто грабеж или даже заключение выгодного договора, а реальное утверждение на Дунае.

Империя должна была сосредоточить все силы для борьбы с нашествием руси и использовала традиционные методы «геополитической» дипломатии: уже в 968 г., когда Святослав был в Дунайской Болгарии, греки спровоцировали набег печенегов на Киев. Князь успел вернуться

и снять осаду города, но получил от киевлян весьма показательный упрек: «Ты, княже, чужея земли ищеши и блюдеши, а своея ся охабив». Киевляне, население столицы Русской земли, уже не называются племенным именем *поляне* — в Киеве живут выходцы из разных «племен» и народов, и их интересы связаны с Русью — Русской землей. Однако князь по-прежнему видит центр своей земли в Переяславце на Дунае, хочет от Руси лишь получения «всех благ» — «скоры (мехов) и воска, меда и челяди (рабов)». Потерпев поражение от греков (971 г.), на пути в Русскую землю Святослав пренебрегает мудрым советом воеводы обойти на конях днепровские пороги и сознательно идет туда — в засаду печенегов, — следуя своей максиме: «Мертвые сраму не имут». Печенежский хан велит изготовить из черепа убитого на порогах князя чашу в соответствии с древним гуннско-тюркским обычаем (еще на рубеже н. э. гуннский шаньюй велел сделать чашу из черепа правителя разбитых им юэчжей: [*Бичурин* 1950, т. 2, 183]). После разгома Хазарии печенеги стали главными противниками Руси в степи.

Для понимания дальнейшей истории русско-хазарских отношений существенны данные восточных авторов о пребывании *руси* на нижней Волге (оттуда уже в 980-е гг. призвал русь в Дербент местный правитель); впрочем, факт этот не столь уж удивителен, если вспомнить о существовании русской и славянской общин в Итиле еще в середине X в. (по ал-Масуди). Во всяком случае Саркел — Белая Вежа и Тмутаракань становятся русскими городами. Ремарка летописца конца XI — начала XII в. — «володеют бо козары русьскии князи и до днешнего дне» — имела все основания.

После поражения Святослава на Дунае, где, по летописи, князь хотел, в соответствии со «славянской идеей», утвердить центр своей земли, с упрочением Древнерусского государства и новым пониманием его внешних и внутренних целей при Владимире меняется отношение к экзогенным факторам государственного развития, в том числе к варягам и хазарам (равно как и к Византии). Русские князья не раз призывали варягов из-за моря, и те вливались в их дружину (*русь*), но при Владимире произошел конфликт с варягами, демонстрирующий перемены в их положении. К 980 г. при помощи варягов и традиционных северных «федератов» — чуди, словен и кривичей — Владимир, княживший в Новгороде, захватывает сначала «кривичский» Полоцк, а затем Киев. Варяги требуют откуп с захваченного города (ср. «устав» Олега). Владимир тянет время, обещая собрать деньги, а когда варяги понимают, что откупа им не будет, и просятся на Царьград, князь отправляет с ними послание императору, где советует не держать наемников в столице. Сам он также отбирает среди варягов «мужей добрых, смысленых и храбрых» и раздает им грады [ПВЛ, 36—37]. Дело здесь не только в изменившемся отношении русского князя к варягам как к «чужакам» — дело и в возросшем значении русских городов (в данном

случае Киева), что ясно из последующего решительного шага Владимира — новой общегосударственной реформы, последовавшей сразу за крещением Руси в 988 г.

Прежние «уставы» Олега, Игоря и Ольги поддерживали систему погостов для сбора дани. В 988 г. Владимир раздал сыновьям города — Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Муром, Тмутаракань и др. [ПВЛ, 54]. Сеть погостов отмирает, княжеская власть упрочивается непосредственно в русских городах, где продолжаются интенсивные процессы этнокультурного синтеза, «заданные» уже самими функциями этих поселений, как административных, торговых и ремесленных центров. Уже говорилось о том, что Киев и Новгород возникли на пограничье разных племенных зон и развивались на главном международном пути Руси — пути из варяг в греки. Показательно, что в Киеве производились «салтовские» поясные наборы, а в Новгороде ремесленники обслуживали не только словенскую округу, но и «чудские языци» [*Рябинин* 1997, 242]. Естественной была изначальная разноэтничность населения южнорусских городов — не только Киева (с урочищами Козаре, Угорское и т. п.), но и Чернигова, не говоря уже о захваченных хазарских Белой Веже и Тмутаракани. Та же полиэтничность была присуща и населению земель и городов, которые оказались в зоне древнерусской колонизации IX—X вв., в том числе Ростова, Белоозера и, видимо, Мурома (ср. [*Леонтьев* 1996; *Макаров* 1999]). Формирующаяся в X в. единая древнерусская городская культура способствовала быстрой аккультурации иноэтничных групп в городских центрах и ассимиляции малочисленного финского населения городской округи — мери, веси, муромы, практически не упоминаемых в источниках после X в.

«Базисному» социально-экономическому (и политическому) аспекту развития древнерусской культуры — утверждению княжеской власти в городах — соответствовали перемены в духовной жизни общества, завершившиеся крещением Руси. Однако перед крещением Владимир совершает попытку «реформировать» язычество. Утвердившись в Киеве и выяснив отношения с варягами, Владимир учреждает «пантеон»: «постави кумиры на холму [...] Перуна [...] и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симаргла и Мокошь» [ПВЛ, 37]. Исследователи давно обратили внимание на то, что в пантеоне нет «варяжских» божеств: «варяжская» русь, судя по договорам с греками начиная с Олега, клялась славянским Перуном по «русскому закону». Дело здесь не только в известной восприимчивости викингов к местным культам, но и во вполне определенной ориентации на славянские обычаи и язык, необходимые в отношениях с Византией и Халифатом (ср. данные Ибн Хордадбеха о том, что переводчиками *ар-рус* уже в IX в. были славяне). Обращает на себя внимание, особенно в последнее время, тот факт, что летописный список «владимировых богов» лишь «окаймлен» собственно славянскими божествами (Перун и Мокошь), прочие же, по наблюдениям

В. Н. Топорова [1995, 508 и сл.] и других исследователей, относятся к иранским (Хорс) или могут рассматриваться как славянские «кальки» с индоиранского (ср. также давнее сопоставление Симаргла с иранским Сэнмурвом). В этом нет ничего удивительного: иранский этнокультурный компонент (как уже говорилось) был достаточно силен и в самом Киеве, и в Северской земле, и в салтовской культуре; собственно хазарская культура также развивалась под сильнейшим воздействием иранской традиции; происхождение самого имени *Ашина*, искусство, восходящее к сасанидскому (а некоторые мотивы — к древнеиранскому и скифскому) и т. д. указывают на вековое воздействие иранской цивилизации. Включение в древнерусский пантеон иранских (славяно-иранских) божеств связано с этим воздействием, не в последнюю очередь — с алано-хазарским наследием: под контролем Руси оставались Саркел — Белая Вежа и Тмутаракань, — там князь посадил своего сына Мстислава.

Этот «тмутараканский» (хазарский) фактор играл некоторую роль в истории Руси и в XI в. (и, судя по «Слову о полку Игореве», в XII в.): во время усобиц после смерти Владимира Мстислав приходил с дружиной из **хазар** и **касогов** на Ярослава, тот с призванными из-за моря варягами потерпел поражение, но Мстислав уступил Киев «старейшему», а сам обосновался в Чернигове. Русская земля была поделена «по Днепру», что, видимо, также было обусловлено хазарским наследием, но сами хазары превратились из внешнего во «внутригосударственный» фактор. Последний раз они упомянуты в ПВЛ под 1089 г. — князь Олег расправился с ними в Тмутаракани.

Активная роль варягов, по летописи, завершилась еще ранее: в 1043 г. был совершен последний поход на Царьград. В дружине Владимира Ярославича были варяги, но они — и их цели — уже противопоставлены руси: русь хочет (как обычно) заключить выгодный мирный договор, остановившись на Дунае, варяги — грабить Царьград. Поход кончается неудачно из-за алчности варягов, они становятся «чужими», их интересы — враждебными Руси.

СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА И ЭТНИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Снижение роли экзогенных факторов — варяжского и хазарского — в процессе становления и усиления Русского государства естественно. Противоестественно, однако, стремление принизить эту роль на ранних этапах становления русской государственности. Договорные отношения славян и руси, равно как и хазарское наследие на юге Руси стали важнейшими структурообразующими факторами формирования русского государства. Славяно-варяжский (В. Т. Пашуто) и славяно-хазарский син-

тез осуществлялись на восточнославянской почве, основой государственности стали восточнославянские города, но структура господствующего слоя, прежде всего княжеской дружины, навсегда запечатлела следы синтеза. Дружинное название *русь* распространяется на территорию всего государства; княжеским доменом — Русской землей в узком смысле — становится территория, с которой брали дань хазары. Правители государства — включая Владимира Святого и Ярослава Мудрого — наряду с праславянским титулом *князь* носили титул *каган*. В дружинной лексике также чередуются славянские, тюркские и скандинавские термины как этнокультурные элементы в материальной культуре.

Более того, эта традиция получила специфически русское развитие в дружинной среде, как в сфере обряда (в том числе погребального, с формированием специфически русских восточноевропейских ритуалов), так и в собственно социальной сфере. Так, слово *варяг*, обозначавшее скандинава, принятого на службу по договору, возникло, очевидно, в древнерусской скандинавоязычной среде — среди собственно руси: Игорь, по летописи, впервые призвал варягов на помощь после неудачного похода руси на греков в 941 г. Видимо, с этого времени словом *варяг* стали обозначать на Руси скандинавов вообще, выходцев «из-за моря», в отличие от собственно руси, дружины русского князя, имеющей скандинавское происхождение [*Мельникова*, *Петрухин* 1994].

Одновременно договорные отношения со славянами, участие в славянской системе полюдья, кормления, «гощения» на погостах не могли не воздействовать на собственно дружинную лексику руси и должны были привести к раннему восприятию славянской социальной терминологии, отраженной, в частности, в летописи. В тексте самой легенды о призвании князей Новгородской первой летописи слова *вся русь* заменены словами *дружина многа*; замена могла быть поздней (относиться ко времени составления Новгородской летописи), но восприятие самого термина, судя по традиционному мотиву совещания князя (Игоря, Святослава и т. д.) со своей дружиной, могло быть достаточно ранним. Дружинники Олега, носящие скандинавские имена, но клянущиеся по русскому закону Перуном и Волосом, названы в этом правовом тексте *мужами*. Ранее, под 882 г., говорится, что мужи Олега (варяги и словене) прозвались в Киеве русью. Мужами названы «слы и гостье» Игоря, заключавшие договор 944 г. В другом правовом тексте, связанном со сбором полюдья, «рекоша дружина Игореви: «Отроци Свеньлъжи изоделися суть оружьем и порты, а мы нази. Поиди, княже, с нами в дань, да и ты добудеши и мы». И послуша их Игорь, иде в дерева в дань [...] и насиляше им и мужи его» [ПВЛ, 26—27]. Здесь дружина князя Игоря названа мужами, дружинники воеводы Свенельда — отроками; это различение, видимо, неслучайно: отроками именовались и дружинники воеводы более позднего времени — Яня Вышатича. Но и сама лексика, выделение мужей и отроков в дружине, весьма архаична и свойственна

славянской (праславянской) традиции [*Иванов*, *Топоров* 1984]. Наконец, в наиболее раннем летописном известии о руси, непосредственно примыкающем к легенде о призвании князей, говорится о том, что у Рюрика были «два мужа, не племени его, но боярина» (Аскольд и Дир — [ПВЛ, 13]).

Само по себе это сопоставление *муж* (*княжой муж*)/*боярин* характерно для древнерусских источников [*Ключевский*, т. VI, 108—109; *Львов* 1975, 212; *Свердлов* 1983, 199—203]; от имени «великих князь и великих бояр» заключается договор 911 г. мужами Олега, «великий князь» Игорь «и князи и боляри его и людье вси рустии» упоминаются в преамбуле договора 944 г., «бояре и русь вся» — в договоре Святослава с греками 971 г. Насколько аутентичной можно считать эту договорную лексику и не зависела ли она от работы позднейших переводчиков договоров и т. п.?

Само слово *боярин* (*болярин*) — тюркское заимствование, при этом традиционное возведение его к болгарскому источнику не вполне удовлетворительно, слово имеет более широкие тюркские параллели [*Фасмер*, т. 1, 203—204; *Менгес* 1979, 83—87; *Львов* 1975, 215—217]. Когда оно могло быть воспринято славяно-русской средой? Наиболее очевидным тюркское влияние было при Святославе — об этом свидетельствует быт и даже внешний облик князя (тюркская прическа и т. п. в описании Льва Диакона и «Повести временных лет»): в эпоху Святослава широко распространяются в дружинной среде и другие тюркские обычаи. Это естественно, ибо именно этот князь наиболее последовательно реализовал давние претензии русских правителей на хазарское наследие, разгромив самый каганат. Но вместе с тем нельзя не напомнить, что русские князья претендовали на титул *хакан* еще в IX в. — эти претензии сохранялись киевскими князьями вплоть до Ярослава Мудрого. Когда на протяжении первых двух столетий славяно-русско-тюркских контактов был воспринят термин *бояре* для обозначения высшей знати, сказать трудно, но в систему социальной (дружинной) лексики он вписывается по крайней мере в эпоху Святослава. Князь посылает к императору в качестве послов «лучших мужей», в тексте же договора говорится о «боярах и руси всей». Очевидно, что мужи — бояре (боляре) относятся к высшей, наиболее приближенной к князю старшей дружине, отроки — к младшей [*Ключевский*, т. VI, 108—109; *Свердлов* 1983, 44—48]. Такое различение старшей и младшей частей, «мужей» и «отроков», в дружине русов проводится уже у Ибн Фадлана, видевшего эту дружину в Болгарии на Волге в 920/921 г. [*Калинина* 1995].

В полном виде иерархия русской дружины описывается в летописи в связи с эпохой князя Владимира; князь «пакы творяше людем своим: по вся неделя устави на дворе в гридьнице пир творити и приходити боляром и гридем, и съцьскым, и десяцьскым, и нарочитым мужем» [ПВЛ, 56].

В списке дружинников — «людей» Владимира представлены все этнокультурные компоненты, присущие древнерусской дружинной культуре: *боляре*; *гридь* — специализированный термин скандинавского происхождения, обозначающий именно боевую дружину, телохранителей князя [*Фасмер*, т. 1, 458; СлРЯ XI—XIV вв., вып. 2, 389]; *сотские*, *десятские*, *нарочитые мужи* — славянская терминология (имеющая и книжные параллели — ср. *Завадская* 1990). Б. Д. Греков заметил, что *гридь* и *гридница* упоминаются в связи с Киевом единственный раз, при описании пиров Владимира: он считал, что эта скандинавская терминология занесена из Новгорода варягами Владимира [*Греков* 1959, 278]. Действительно, следующее известие, поминающее гридей, связано с Новгородом, где Ярослав раздает им тысячу гривен, а в Киев отцу посылает две тысячи [ПВЛ, 58]. Судя по тому, что гриди здесь — дружина сына киевского князя, можно предполагать, что бояре Владимира отличались от гридей как старшая дружина от младшей: для позднейшей традиции характерно упоминание гридей (гридьбы) вслед за боярами (огнищанами: ср. [ПСРЛ, т. 1, стб. 380; СлРЯ, вып. 1, 389; *Насонов* 1951, 43—44]).

Существенно, что при широком наборе дружинных терминов в списке Владимировых «людей» отсутствует сама *русь*, упоминаемая еще в договоре Святослава. Очевидно, что в Киеве и вообще на юге это слово в эпоху Владимира уже имело расширительный смысл: «Русская земля» понималась как хороним уже в договорах с греками Олега и Игоря; в этническом смысле к русским людям, во всяком случае при Владимире, относились и представители тех племен, которых он поселил в южнорусских городах: среди них были «муже лучшие [...] от словен, и от кривичь, и от чюди, и от вятичь [...] бе бо рать от печенег» [ПВЛ, 54]. Войско, которое вывел Владимир против печенегов в 992 г., называлось, как и разноплеменные воинства первых русских князей, *русью*, но собственно княжеская дружина, очевидно, должна была описываться уже специализированными терминами.

Несколько иной была ситуация на севере, в Новгороде, о чем можно судить уже по событиям эпохи Ярослава. После того как князь с помощью новгородцев утверждается в Киеве, он дает им «Русскую правду». В первой же главе словенин-новгородец уравнивается в правах с русином [ПРП, вып. 1, 77]: в случае убийства «аще будеть русин, любо гридин, любо купчина, любо ябетник, любо мечник, аще изъгои будеть, либо словенин, то 40 гривен положити на нь». Кого следует понимать под русином? С. В. Юшков считал, что горожанина, в отличие от сельского жителя словенина; М. Н. Тихомиров думал, что киевлянин таким образом противопоставлен новгородцу. Понимание первой статьи во многом зависит от того, считать ли перечень социальных рангов, приведенный вслед за поминанием русина, вставкой [ср. *Черепнин* 1965, 133—134], фрагментом, не имеющим прямого отношения к руси [*Ловмяньский*

1985, 202—203], или видеть в этом списке детализацию понятия *русин* [*Лебедев* 1987]. Очевидно, правы А. А. Зимин [ср. ПРП, вып. 1, 86] и Г. С. Лебедев, считающие, что *гридин*, *купчина*, *мечник*, а возможно, и *изгой* относятся к собирательному понятию *русин* (ср. «вся русь» и т. п.), — вынесение собирательного понятия в начало списка, как уже говорилось в связи с перечнями этнонимов, вообще характерно для средневековых текстов. Речь, таким образом, идет о княжеской дружине, прежде всего — о княжеской администрации: те же этнокультурные компоненты, характерные для Севера Восточной Европы, присутствуют в списке — скандинавская терминология (см. о слове *ябетник* — [*Фасмер*, т. 4, 538—539]) сочетается со славянской.

Однако, как верно отмечал еще Л. В. Черепнин [1965, 133—134], однозначного противопоставления княжеской киевской дружины новгородцам в «Русской правде» нет: к русинам могли принадлежать и дружинники новгородского происхождения. Это было подтверждено данными новгородских раскопок, интерпретированными В. Л. Яниным: в частности, на одной из цилиндрических деревянных пломб (из напластований 973—1051 гг.), которыми запечатывались мешки с данью, собранной на Новгородчине, наряду с княжеским знаком и мечом была вырезана надпись, поминающая мечника — представителя младшей дружины. Находки пломб на новгородских усадьбах свидетельствуют об активном участии самих новгородцев (прежде всего боярской знати: в Правде Ярославичей упоминается уже тиун боярский) в сборе и распределении дани [*Янин* 2001].

Более того, о широком значении термина *русин*, означающего отнюдь не только киевского дружинника, свидетельствует то, что и сама «грамота», данная Ярославом новгородцам, называется «Правда рускаа» [НПЛ, 176]. Это подтверждало вхождение Новгорода в правовую сферу — и территорию — Русского государства. Об этом вхождении Новгородской земли в Русскую землю в широком смысле свидетельствуют и ранние источники, в том числе Константин Багрянородный, относивший Новгород/Немогард к внешней Росии. К еще более ранней эпохе относится свидетельство «Повести временных» лет об уставе, данном Олегом утвердившимся в Киеве новогородцам, которые должны были платить дань варягам «мира деля».

Главной силой, реализующей и сохраняющей эту правовую традицию, была княжеская власть и дружина: очевидно, что из этого источника активно черпали информацию составители летописи (среди информаторов был упомянутый воевода Янь Вышатич; составитель «Повести временных лет» пользовался также княжеским архивом, откуда он получил тексты договоров с греками).

В процессе утверждения и расширения договорных отношений между русью и славянами — окняжения племенных территорий — имя ***Русь*** распространилось на подвластные князю земли и восприни-

малось там прежде всего в качестве политонима ***Русская земля***, чему способствовала исходная социальная окраска слова *русь*, как обозначения княжеской дружины. Распространение этого названия перекрывало и разрушало племенные традиции.

Одновременно русская дружина интенсивно впитывала различные этнокультурные импульсы, прежде всего славянские, ассимилируясь в славянской (восточноевропейской) среде. При этом на славянскую архаическую (половозрастную) социальную лексику (*мужи/отроки* и т. п.) наслоилась иноязычная (*бояре/гриди*), основанная на том же различении старшей и младшей дружины. Показательно, что эти заимствованные социальные термины, воспринятые славяно-русской средой, прочно закрепились в древнерусской традиции: они были необходимы для строительства новых «надплеменных» государственных отношений настолько же, насколько необходимо было объединяющее все подвластные новому государству структуры имя ***Русь***.

Показательно также, что заимствования в сфере социальной лексики и т. п. не зависели прямо от «физического» присутствия носителей той или иной традиции среди представителей заимствующей стороны: конечно, присутствие норманнов в русской дружине X в. ощутимо несравненно больше, чем присутствие «хазар» (выходцев из степи), но «хазарские» заимствования относились как раз к обозначению высших социальных рангов (*каган*, *бояре*), в то время как скандинавские были связаны с младшей дружиной (и дружиной в целом — *русь*). Видимо, хазарская традиция была актуальна для Руси не только в связи с претензиями на хазарское наследие, но и в связи с тем опытом государственного строительства, который позволил хазарам объединить разноэтничные земли (о том, насколько осознанным было стремление к синтезу различных этнокультурных традиций у правителей раннего Средневековья см., например: [*Литаврин* 2000, 19]).

Отношения участвующих в этнокультурном и государственном синтезе сторон, как мы видели, не сводились к «завоеванию» и «покорению». Для начала русской истории (и в летописном изображении, и в реконструируемых договорных отношениях руси и славян) характерно стремление к праву, правде, исчерпанию конфликтных ситуаций. Недаром «Русская правда» Ярослава, данная новгородцам после их конфликта с варягами, в первой же главе уравнивает в правах *русина* — княжеского дружинника — и *словенина*: варяги в последующих главах оказываются в положении заморских гостей, нуждающихся в специальной защите.

В этих противоречивых и исторически изменчивых отношениях с хазарами, варягами и Византией выкристаллизовывалось в IX—XI вв. самосознание руси — русского народа. Объединению славянских племен, Новгорода и Киева, под эгидой русских (варяжских по происхождению) князей способствовало, очевидно, то обстоятельство, что эти раз-

розненные и населившие Восточную Европу разными путями племена сохраняли общеславянское самосознание (напомним об общеславянском самоназвании словен новгородских). Эта же общеславянская основа способствовала распространению у восточных славян единого названия *русь*. Славяне и русь — княжеская дружина — объединились в Среднем Поднепровье против власти Хазарского каганата при Олеге. На славян и русскую дружину опирались Владимир и Ярослав Мудрый в решительные для Руси моменты истории: пришлые варяги становились враждебными чужаками. Наконец, славяне и русь объединялись в совместных походах на греков — внешние и внутренние факторы способствовали их консолидации в единый народ с единым самосознанием.

Можно сказать, что варяги и хазары целиком «реализовали» себя в ранней русской истории, приняв участие в этнокультурном синтезе, который привел к становлению Русского государства и культуры. Изучение исторических основ этого синтеза — задача, актуальная для понимания не только прошлого России, но и ее настоящего.

ВЫБОР ВЕРЫ И КРЕЩЕНИЕ РУСИ. ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ КОНЦА X В.

Создание единой надплеменной идеологии — единого «закона» — было одной из важнейших задач государственного строительства, наряду с утверждением политической власти и экономического контроля над «племенными» землями через сеть городских поселений. Уже говорилось, что Владимир Святославич, достигший единовластия в Русской земле, завершает борьбу за власть общегосударственной религиозной реформой. Государственный культ языческих богов учреждается в Киеве, где был установлен целый пантеон богов, и в Новгороде, где был поставлен идол верховного бога Перуна, очевидно, воплощавший главенство Киева: религиозная реформа, таким образом, охватывала всю Русскую землю.

Однако учрежденный Владимиром в Киеве «межплеменной» пантеон, включающий богов славянского и иранского происхождения, едва ли мог представлять собой реальное средоточие религиозного культа, собрание богов с дифференцированными функциями. Действительно, функции божеств этого синкретического пантеона дублировались и пересекались — Хорс и Дажьбог воплощали солнце, Дажьбог и Стрибог «простирали» благо (*бог* — праслав. заимствование из иранского со значением ‘доля, благо’ — ср. *богатство* и т. п.), Симаргл, если сопоставлять его с иранским Сэнмурвом, вообще «выпадал» из высшего «божественного» уровня, будучи химерическим существом, собакой с птичьими крыльями, вестником богов, но не персонажем одного с ними «ранга». Вместе с тем летописный список богов вряд ли был искусст-

венной конструкцией древнерусского книжника — летописные списки имен (этнонимов, антропонимов) вообще отличались, как уже говорилось, особой точностью передачи традиции и особой структурой, когда список начинался с главного (обобщающего) персонажа и т. д.

Существенно вместе с тем, что структура всего летописного текста, посвященного деяниям Владимира, ориентирована на вполне очевидный библейский образец — летописец сравнивает Владимира с царем Соломоном: вслед за описанием пантеона он обращается к мотиву женолюбия князя и перечисляет жен и наложниц Владимира, «эпическое» число которых соперничает с гаремом иерусалимского царя. В Библии прегрешение Соломона связано как раз с тем, что «во время старости Соломона жены его склонили сердце его к иным богам [...] И стал Соломон служить Астарте, божеству Сидонскому, и Милхому, мерзости Аммонитской» (3 Цар. 11, 4—5). При этом летописец противопоставляет библейского царя русскому князю: «Мудр же бе, а наконець погибе; се же бе невеголос, а наконець обрете спасенье» — принял крещение. Мотивы женолюбия и учреждения «пантеонов» приводятся в летописи и Библии в разном порядке — это может означать, что летописец не прямо следовал библейскому образцу, а, опираясь на него, интерпретировал русскую реальность. Трудно сказать, влияло ли происхождение Владимировых наложниц на состав пантеона; во всяком случае, обычай брать жен из среды покоренных народов и волостей был свойствен правителям раннегосударственных образований (включая ближайшее к Руси — Хазарию). Однако «законные» жены Владимира —

Выбор веры князем Владимиром. Прием болгарских послов. Миниатюра Радзивиловской летописи

бывшая греческая монахиня, чешки и болгарка — были христианками. Так или иначе, можно полагать, что введенный князем пантеон в целом оставался чуждым и непонятным и для Киева, и для Руси, в отличие от традиционной еще «балто-славянской» пары Перуна и Волоса, которыми клялись русь и словене во время заключения договоров с греками, равно как и в отличие от христианства, уже широко распространявшегося на пути из варяг в греки.

Между тем этот пантеон действительно должен был служить средоточием культа, причем в его самых крайних и жестоких проявлениях, свойственных культу варварских государств: успехи этих государств, в первую очередь воинские победы, отмечались кровавыми жертвоприношениями, что должно было происходить и в Киеве. Под 983 г. летопись упоминает победу Владимира над **ятвягами** — балтским племенным объединением в бассейне Немана. Князь «иде Киеву и творяше требу кумиром с людми своими и реша старци и боляре: «Мечем жребий на отрока и девицю; на него же падеть, того зарежем богом». Жребий, видимо, не случайно выпал на «чужого» — сына варяга-христианина, вернувшегося на свой киевский двор из Царьграда: варяг был чужим уже и в этническом и в конфессиональном смысле. Варяг, естественно, воспротивился кровавому обычаю, но государственная «треба» должна была быть сотворена: отец и сын — варяги-христиане — стали первыми русскими мучениками. Конечно, повествование о мученической смерти варягов-христиан (равно как и описание пантеона Владимира) принадлежит христианину-летописцу, составлявшему еще Начальный свод, если вообще не относится к самым ранним пластам русского летописания — предполагаемому Д. С. Лихачевым «Сказанию о распространении христианства на Руси»; но слова варяга о Владимировых богах — «не суть то боги, но древо», самый традиционный для полемики против язычников мотив, — имели особый смысл в отношении к синкретическому киевскому пантеону. Смысл этот был понятен не только киевской христианской общине — Хорс и Симаргл должны были оставаться деревянными истуканами и для русских язычников.

«Эксперимент» с языческой реформой оказался для Владимира началом «выбора веры».

Сказание о выборе веры князем Владимиром, помещенное в «Повести временных лет» под 986 г., по-разному и не без противоречий трактуется в историографии: естественно, первым делом исследователи учитывают то очевидное обстоятельство, что «выбор веры», или, в более широком смысле, диспут о вере — это распространенный средневековый книжный сюжет с достаточно явными византийскими истоками и даже предполагаемым иудейским влиянием (см. сопоставление летописного сюжета с «выбором веры» хазарским каганом в еврейско-хазарской переписке: [*Архипов* 1995, 17 и сл.]). Не менее очевидно и то, что участники сюжета, хвалящие каждый свою веру перед Владими-

ром, — «болъгары веры бохъмиче» (волжские болгары — мусульмане, чтящие Бохмита — пророка Мохаммеда), «немцы от Рима», «жидове козарьстии» и, наконец, грек-«философ» — были реальными «партнерами» Руси в эпоху раннего Средневековья.

Сам сюжет вводится летописцем во вполне исторический контекст. Под 985 годом рассказывается о походе Владимира с Добрыней на волжских болгар (союзником Руси здесь впервые оказываются ***торки***-огузы). Поход рисуется победным, с болгарами заключается мирный договор, но вместо положенных жертв по случаю победы описывается приход болгарских послов: «Придоша болъгары веры бохъмиче, глаголюще, яко: «ты князь еси мудр и смыслен, не веси закона; но веруй в закон нашь и поклонися Бохъмиту». Установление договорных отношений с Болгарией Волжско-Камской имеет свое продолжение: болгары проповедуют ислам. Владимир для них действительно не ведает «закона», ибо закон — это Священное Писание, строго регламентированный религиозный культ. На Руси такого культа не существовало.

Вопросы Владимира к послам об их законе соответствуют контексту летописи: язычник Владимир рисуется «побежденным женской похотью», поэтому его прельщает мусульманский рай, но отвращает обрезание, запрет есть свинину и особенно пить вино («Руси есть веселие пити...» — ведь пиры с дружиной были важной чертой государственного быта). Но посольство болгар очевидно соответствует и общеисторическому контексту — контексту традиционных исторических связей Киева в X в.: через болгар, в частности, поступает на Русь (в обход Хазарии) восточное серебро и осуществляются связи с исламским Востоком, державой Саманидов и Хорезмом. Характерно для летописных прений о вере, что посольство приписывается не неким «абстрактным» агарянам или измаильтянам, но имеет конкретный этноконфессиональный адрес, как и другие партнеры Руси. Первое ответное посольство для «испытания веры» Владимир, по летописи, также посылает «в болгары», и послы наблюдают «скверные дела» при богослужении в мечети. Этому летописному известию есть, казалось бы, параллель в собственно исламских источниках: у арабского автора XI в. ал-Марвази (и более позднего персидского писателя XIII в. Ауфи) рассказывается о посольстве русского князя к хорезмшаху. Правда, в описании мусульман русские, конечно, избрали ислам; более того, ал-Марвази сообщает, что до того русы обратились в христианство (300 г. хиджры — 912/913 гг.), но эта религия лишила их воинственного духа, и они обратились к исламу, чтобы вести священную войну [см. *Новосельцев* 1988, 68 и сл.]. Естественно, что восточные авторы должны были свидетельствовать об успехах ислама в отношении языческой Руси (и иудейской Хазарии с точки зрения летописца-христианина) так же, как христианские — начиная с патриарха Фотия в IX в. — об успехах христианства. Прямое перенесение этих известий в область исторических реалий неправомерно.

Соответственно и исторический «реализм» летописного сюжета о «выборе веры» в конкретный исторический момент и его связь с конкретными конфессиональными задачами и религиозной политикой Русского государства отнюдь не очевидны. Даже наиболее «привязанные» к историческому контексту X в. хазарские евреи оказываются под сомнением как реальные участники диспута, ибо Хазария уже разгромлена Святославом, и на вполне риторический вопрос Владимира о том, где находится их земля, те вынуждены устами летописца отвечать, что «предана бысть земля наша хрестеяном», явно имея в виду Палестину, а не Хазарию [ПВЛ, 40]. Соответственно, к евреям не было и посольства для испытания веры, и это обстоятельство даже позволило исследователям летописного сюжета, в том числе издателям «Повести временных лет» [ПВЛ, 454, 614], предположить, что мотив спора с хазарскими евреями — позднейшая вставка. Правда, последующая речь грека-Философа продолжает антиудейскую полемику, начатую самим Владимиром, и это наводит на мысль о реальности иудейско-хазарского посольства. С не меньшим основанием можно догадываться, однако, что именно эта антииудейская полемика, свойственная византийской литературе и унаследованная литературой древнерусской, «породила» мотив еврейского посольства к Владимиру в русской летописи и т. д.

В отличие от иудеев (и даже греков), которым в принципе не свойственно было миссионерство, немцы, как и вся латинская церковь, действительно были чрезвычайно активны на этом поприще, постоянно соперничая с греками на славянских землях. Мотив этого соперничества — вариант прений о вере — был известен уже Житию Мефодия (и, стало быть, древнерусской литературе): моравский князь Ростислав отправляет в начале 860-х гг. посольство к императору Михаилу III со словами: «соуть в ны въшьли оучителе мнози крьстияни из влах и из грек и из немьць, оучаще ны различь» [Успенский сборник, 192]. Эти слова достаточно точно передают реальность времен миссии Кирилла и Мефодия, когда отношения между собственно Римом — итальянцами-влахами, немцами и греками были напряженными [*Флоря* 1981, 97, 147]. Однако не повлияла ли эта кирилло-мефодиевская традиция на русскую летопись и не оказываются ли немцы в Киеве такой же «риторической фигурой», какой могут быть и хазарские евреи?

Видимо, нет, потому что посольство именуется «немцами от Рима». Может быть, так в летописи описан «синкретический образ» латинянина? Характерно в этом отношении антилатинское послание митрополита Никифора Владимиру Мономаху, где говорится о том, что после того как немцы завладели «старым Римом», истинно верующие оставили город и там распространилась «немецкая прелесть» [*Понырко* 1992, 71]. В другом послании тот же автор относит падение истинной веры в Риме к эпохе Великого переселения народов — вандальскому завоеванию: «Потом же покорени быша римляне, иже латина наричется, от

уандил, иже нарицаются немцы» (там же, 74). Далее следует разоблачение пагубных латинских обычаев. Не случайно эти обычаи возводятся к вандалам — они были еретиками, арианами. Смысл этих исторических экскурсов в том, чтобы показать, что истинная вера осталась с истинными римлянами — ромеями-греками, жители «старого Рима» олатинились и даже онемечились. В «Повести временных лет» этого смысла нет, в космографическом введении к летописи римляне и немцы — явно отдельные народы (наряду с фрягами, венецианцами и прочими включенные в состав *волохов*).

Вероятно, что слова «немцы от Рима» отражают ту реальную историческую обстановку, которая сопутствовала времени выбора веры и крещения Руси, когда германские императоры, начиная с Оттона I (962 г.), овладели Римом, подчинили своему влиянию пап (по летописи, немцы пришли из Рима «от папежа») и вступили в конфликт с Византией: в этом конфликте они стремились заручиться поддержкой Руси [*Назаренко* 2001, 391 и сл.]. А. В. Назаренко усматривает в летописном известии о немцах из Рима сведения о посольстве от Оттона II (которое датирует 982/983 г.) и даже в самом летописном диалоге с немцами видит намек на неудачную миссию Адальберта, присланного из Германии епископом на Русь еще в 961 г., — недаром Владимир отсылает послов со словами, что «отци наши сего не прияли суть». Едва ли можно, впрочем, рассматривать летописный сюжет вне греко-латинской (и греко-иудейской) полемики: ср. упрек того же митрополита Никифора латинянам, что свои обычаи они не могут объяснить Писанием и Преданием, «но от немец прияли суть» [*Понырко* 1992, 74].

Показательно, что структура самих прений о вере — слов, произносимых послами, — предполагает описание пищевых запретов: они приводятся в речах болгар и иудеев и относятся к числу обязательных объектов полемики с иноверцами в древнерусской литературе. В полемике с латинянами наиболее остро переживались как раз расхождения в области пищевых запретов и поста. Это неприятие чуждых этноконфессиональных обычаев, прежде всего в сфере повседневной обрядности, характерно для «бытового» уровня формирующегося религиозного сознания: традиционное противопоставление своего и чужого было более понятным, чем различия в религиозных догматах. Владимир, по летописи, также резко реагировал на чуждые пищевые запреты, но, скорее, речь в его отповеди немцам идет о латинском «законе» в целом. Ответные посольства князя к болгарам, немцам и грекам призваны испытать их «закон», и отсутствие «красоты» в богослужении отвращает послов, пришедших «в Немци». Тогда послы идут далее «в Греки» и возвращаются на Русь, пораженные красотой греческого богослужения. Показательно, что маршрут летописного посольства не включает Рим — послы не следуют по пути из варяг в греки, а идут напрямую «в Нем-

ци», а затем в Царьград, в чем также можно усматривать в летописи отражение исторических реалий второй половины X в. — они следуют путем немецких миссионеров. Конечно, эти реалии погружены в контекст традиционной полемики (доходящей до религиозных наветов в отношении мусульман), но историческая актуальность самого выбора веры — греческого или латинского обряда, «обретение» веры в Византии или крещение от немецких миссионеров — в начальной истории христианства на Руси и в начале княжения Владимира представляется достаточно очевидной.

Соответственно, более пристального внимания заслуживает и конкретно-историческая характеристика иудейского посольства — «жидове козарьстии», тем более, что это едва ли не единственный случай в древнерусской (и византийской) литературе, когда говорится об иудаизме хазар (или в Хазарии — ср. [*Чеки*н 1994]; ср. о полемике с иудеями Константина Философа перед лицом хазарского кагана: [*Архипов* 1995, 17 и сл.]). Следует отметить, что термин «жидове, жиды» не имел в древнерусском языке уничижительного оттенка, который он приобрел в русском языке XIX в.: этот этникон является праславянским и восходит к латинскому этноконфессиональному обозначению *иудеи*; в XII в. в Киеве существовал квартал, где жили евреи, именовавшийся «Жиды» и «Жидовские ворота». Уничижительное значение этот термин приобрел в результате длительных этноконфессиональных конфликтов, но летописный «выбор веры» был, скорее, образцом этноконфессионального диалога (насколько этот диалог был возможен в раннем Средневековье). Признание иудеев в том, что «их земля» — Иерусалим — «предана хрестеяном», было воспринято исследователями летописи как свидетельство позднего происхождения всего мотива иудейского посольства: действительно, Иерусалим был захвачен христианами-крестоносцами в результуте Первого крестового похода в 1099 г. Это соображение, однако, не может быть принято по двум причинам. Во-первых, прения о вере включены не только в «Повесть временных лет», но и в Новгородскую первую летопись и, стало быть, имелись уже в Начальном своде 1095 г. Во-вторых, крестоносцы были латинянами, и сам Первый поход состоялся в период греко-латинской (и русско-латинской) полемики, обострившейся после разделения латинской и греческой церквей в 1054 г. Как уже говорилось, прения о вере выдержаны в традиции греко-латинской (и греко-иудейской) полемики, и едва ли захват крестоносцами Иерусалима мог интерпретироваться летописцем как передача города христианам, тем более что город был отвоеван не у иудеев, а у мусульман. Скорее, в летописных прениях о вере речь идет о традиционных «имперских» притязаниях Византии на Святую землю: в «Речи Философа» и говорится о том, что иудейской землей завладели «римляне». Значит, в мотиве о хазарских иудеях летопись следует ранней традиции, а не конструкции начала XII в.

Ныне, после открытия письма еврейско-хазарской общины г. Киева, датируемого X в. [*Голб*, *Прицак* 2003], представляются очевидными местные киевские истоки этой традиции. Иногда считаются даже неслучайными слова летописца о хазарских иудеях, которые заявляют, что сами слышали о приходе болгар и немцев к Владимиру. Это, конечно, свойственный летописным прениям о вере риторический прием, ибо, по летописи, следом за иудеями является Философ, которого присылают греки, и также говорит о дошедших до них слухах: правда, Философ «слышал» лишь о немецком и болгарском посольствах — тогда Владимир сообщает ему о посольстве иудеев и в ответ выслушивает «Речь Философа», содержащую антииудейскую полемику. Вопреки распространенному мнению [ср. *Макарий*, т. 1, 230 и сл.; *Топоров* 1995, 517 и сл.], активность иудеев не могла сравниться с миссионерской деятельностью латинян и мусульман уже потому, что миссионерство было не характерно для иудейской традиции (что верно отмечал еще Татищев). К историческим «реалиям» X в., тем самым, можно относить упоминание самих «жидов козарьстих», даже их участие в «диспуте» при дворе Владимира, но едва ли их посольство-«миссию».

Речь не идет, таким образом, об исторической реальности прений о вере в Киеве накануне крещения Руси (хотя и отрицать возможность такого диспута также нет прямых оснований). Можно, однако, утверждать, что «прения о вере» относятся к раннему пласту русской летописной традиции и отражают исторические основы формирующегося русского самосознания — представления о месте Руси уже в мире цивилизации, а не в «племенном» мире Восточной Европы.

* * *

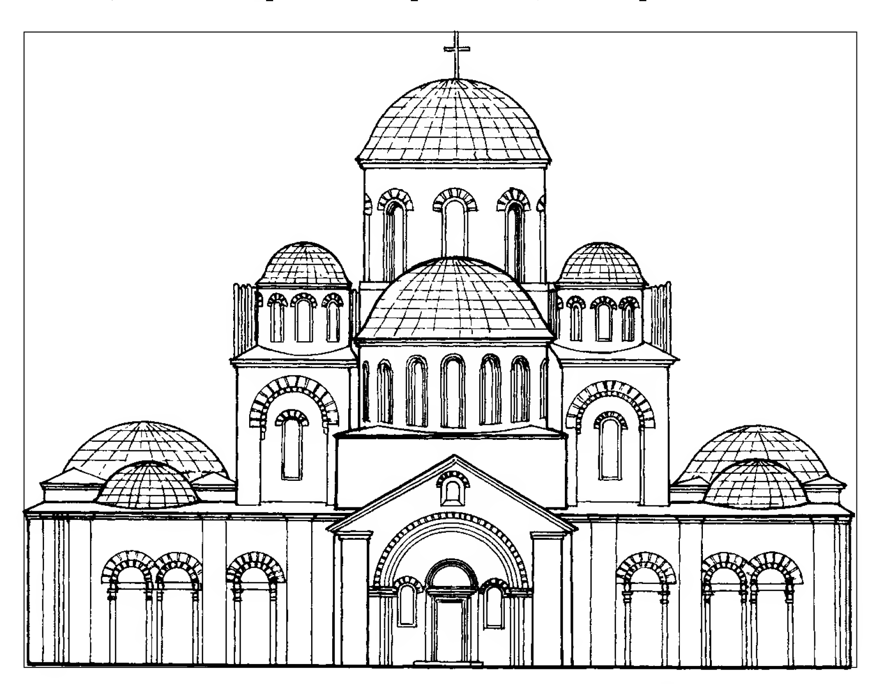
Выбор Руси, как уже отмечалось, был в общем предрешен — столетие регулярных межгосударственных отношений Руси с Византией на пути из варяг в греки, осевой магистрали Руси, и крещение в Константинополе «росов» и княгини Ольги во многом предопределяли «выбор веры», культурную и государственную ориентацию Руси в целом. Очевидно, что русских князей (как и крестителя болгар Бориса) устраивала византийская традиция главенства «светского» правителя над церковным владыкой при видимой взаимодополнительности двух властей в самой Византии [ср. Принятие христианства, 240—241; *Чичуров* 1990]. Но в самом акте принятия крещения обращают на себя внимание собственно русские традиции: князь принимает решение, созвав «бояр своих и старцев градских» — дружину; бояре, побывавшие у греков и пораженные красотой церковной службы, советуют князю принять «закон греческий», как сделала его бабка Ольга. Тогда Владимир спрашивает бояр: «Где крещение приимем?», — и получает ответ: «Где ти любо». Это совещание с дружиной (старшей дружиной — боярами)

предшествует «Корсунской легенде» — повествованию, приведенному под 988 г., о походе Владимира на Херсонес и крещении в этом греческом городе. Вопрос о том, где следует принять крещение, обычно связывают с последующим летописным известием о противоречивых преданиях: «не сведуща право» говорят, что князь крестился в Киеве, Василеве или других местах [ПВЛ, 50].

Вместе с тем вопрос Владимира к дружине мог означать и иное: Ольга, согласно ПВЛ, приняла крещение в самом Царьграде. Здесь нельзя не вспомнить о летописном известии, относящемся именно к этому эпизоду: Ольга, по этому известию, была недовольна приемом в Царьграде, как унизительным для нее. Не суть важно, насколько была действительно унижена княгиня (Константин Багрянородный описывает ее прием как традиционную церемонию византийского двора с дарами и т. п.); ясно, что крещение в Константинополе так или иначе демонстрировало зависимость вновь обращенного от Византии. По летописи, Владимир выбрал иной — традиционный для Руси — путь: военную кампанию. Он захватывает Корсунь и требует у царей Василия и Константина сестру Анну в жены, иначе, грозит князь, он захватит и Царьград. Эти действия целиком соответствуют принципам русской военной дипломатии X—XI вв.: так и Игорь остановился на Дунае в 944 г., границе Византии, ожидая заключения выгодного договора. Цари требуют, чтобы Владимир крестился, и князь добивается, таким образом, сразу двух преимуществ: он становится свойственником царей и получает крещение как победитель, а не как проситель. А. А. Шахматов [1906] справедливо писал, что Корсунь заменил для Владимира недостижимую (идеальную) цель военных предприятий первых русских князей — сам Царьград. Мотив женитьбы на царевне в покоренном городе также можно считать «архетипическим» для древнерусской традиции, особенно для преданий о Владимире — ср. его женитьбу на полоцкой княжне Рогнеде в покоренном Полоцке. Власть над правительницей воплощает власть над покоренной землей (вспомним архаический скифский миф о браке Геракла и змееногой богини, от которого произошли цари скифов), но Владимир добивается от греков иных благ. Женившись на Анне, князь возвращает Корсунь Византии в качестве свадебного дара — вена. Конечно, политическая реальность была более сложной, чем это изображалось летописцем, следующим собственным установкам христианского просвещения; так, в «Повести временных лет» использован и традиционный агиографический мотив крещения после чуда: сомневающийся Владимир слепнет и прозревает лишь после принятия христианства по настоянию царевны Анны. Это напоминает книжные мотивы иного происхождения, где тот же князь склоняется к христианству благодаря увещеваниям благочестивой жены — в древнеисландской Саге об Олаве Трюггвасоне, а также данные Кембриджского документа об обращении хазарского полководца

под влиянием жены-иудейки. А. Поппэ [1987] иначе реконструирует корсунский эпизод: Владимир призван был в поход на мятежный Херсонес, присоединившийся к восстанию Варды Фоки, как союзник Византии, за что он получает — вместе с крещением — право на руку багрянородной принцессы. Так или иначе, представление о крещениии как о культурном завоевании Руси имело глубочайший исторический смысл.

Заслуживает особого внимания еще один летописный мотив, который также традиционно относится к литературным стереотипам. Когда Владимир вернулся с царицей и греческими попами в Киев и велел креститься в реке всему народу, «людье с радостью идяху, радующееся и глаголюще: «Аще бы се не добро было, не бы сего князь и боляре приняли» [ПВЛ, 53]. Естественно предполагать, что христианство было принято прежде всего в интересах и по настоянию правящих верхов русского государства. Но два обстоятельства заставляют понимать взгляды летописца как конкретно-исторические, а не просто «книжные».

Десятинная церковь. Реконструкция Н. А. Холостенко

Во-первых, отказ князя и бояр от языческих культов — разрушение капища и низвержение кумиров — практически лишало эти культы смысла, т. к. князь в славянской дохристианской религии был и верховным жрецом (ср. значение слова **къпезъ*: [ЭССЯ, вып. 13, 200]). Владимир сам «учредил» тот пантеон, который затем ниспроверг. Очередное обращение социальных верхов к новому культу, очевидно,

было не столь уж необычным для киевлян, тем более, что христианская община уже с середины X в. существовала в Киеве. Низвержение кумиров, однако, описывается в летописи как церемониальный государственный акт, символизирующий отказ от прошлого. Когда князь вернулся в Киев из Корсуня, «повеле кумиры испровreщи, овы исещи, а другие огневи предати. Перуна же повеле привязати коневи к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручай, 12 мужа пристави тети жезльемь. Се же не яко древу чюющю, но на поруганье бесу [...] Влекому же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святого крещенья». Владимир повелевает спустить Перуна вниз по Днепру и не давать идолу пристать к берегу, пока он не достигнет порогов — покинет пределы Русской земли. Столь же демонстративно расправляется с идолом Перуна в Новгороде княжеский дядька и воевода Добрыня. Источник летописи и, стало быть, того пафоса, с которым низвергал кумиров Владимир, очевиден: это Ветхий Завет, деяния пророков и праведных царей — ср. с летописным зачином деяния иудейского царя: «И изрубил Аса истукан ее, и сжег у потока Кедрона» (3 Цар. 15, 13) и т. п. Двенадцать мужей, бьющих жезлами кумира, напоминают о символических числах — двенадцати апостолах, равно как и о двенадцати сыновьях Владимира, посаженных им в городах всей Руси сразу после крещения — в тех городах, где стали строиться церкви и которые стали центрами распространения не только политической власти русских князей, но и христианства.

Этот акт — очередная государственная реформа — естественно должен был сопровождаться распространением новой государственной религии. С ним связано второе и несравненно более важное, чем низвержение кумиров, обстоятельство крещения — становление церковной организации, учреждение митрополии, строительство церквей. Первый каменный храм, возведенный Владимиром в 996 г. — церковь Богородицы — была прозвана Десятинной, ибо князь велел дать на содержание клира десятину от своего имения. В этом акте проявилась специфика русского христианства: дело в том, что в Византии, откуда была заимствована церковная организация и откуда прибыли на Русь священники, церковная десятина была неизвестна. Десятина должна была идти на содержание служителей культа согласно ветхозаветной традиции — закону, установленному пророком Моисеем. Это позволило некоторым исследователям (Г. М. Барац, Г. В. Вернадский) усматривать в установлении русской десятины влияние хазарских иудеев. В действительности сходство русской и хазарской традиций имеет, скорее, более глубокое, «типологическое», сходство и не сводится к заимствованиям. В летописи Владимир прямо сопоставлен с ветхозаветным царем Соломоном — и как «женолюбец» и как строитель Храма — первой каменной церкви; при обращении к новой религии этот князь, как и его предшественник в «выборе веры» — правитель хазар Булан, пря-

мо повторявший ветхозаветные деяния Моисея, также следовал ветхозаветному образцу. Древнерусские реалии в сюжете о Владимире как Соломоне, строителе первого храма, просвечивают сквозь ветхозаветную лексику даже там, где русский книжник, казалось бы, целиком следовал библейской традиции. Пожалование десятины церкви Богородицы от княжеского имения и городов находит соответствие в архаичной экономической системе Русского государства X в., где княжеское «имение» складывалось из его личного хозяйства и из даней, а дань шла с подвластных князю городов [*Флоря* 1992, 16]. На укрепление этой власти над городами была направлена и политика самого Владимира Святославича, после крещения Руси раздавшего главные русские города своим сыновьям. Можно считать установление древнерусской десятины примером «реального» вклада ветхозаветной традиции в формирующуюся русскую церковную организацию, равно как и примером творческого восприятия высокого образца, целенаправленного поиска в Священном Писании конструктивных основ для строительства собственной культуры.

Распространение под эгидой княжеской власти церковной организации в главных центрах Руси возымело достаточно быстрые последствия. Можно сомневаться в радости, с которой, согласно летописи, киевляне и все русские люди приняли крещение. Но совершенно очевидно, что культура всей Руси претерпела кардинальные изменения прямо на рубеже X и XI веков. Происходит своеобразный «культурный переворот».

После крещения Руси князем Владимиром на всей территории государства развернулся процесс трансформации традиционной языческой культуры. Археологические источники позволяют наблюдать воздействие этого фактора не только на уровне высокой книжной культуры, провозглашающей рождение «нового народа». Это относится к христианизации русской деревни.

«Диалектные» различия сохранялись в традиционной культуре русской деревни. Однако не менее показательны общерусские тенденции в развитии погребальной обрядности и этапы трансформации погребального обряда на сельских кладбищах XI—XII вв. Массовый археологический материал свидетельствует о необратимых переменах в духовной культуре всего населения Древней Руси: на рубеже X и XI вв. обычай кремации умерших повсюду сменяется обрядом ингумации. Эти перемены затрагивают не только городские некрополи, где языческий обряд погребения под курганом исчезает сразу после крещения, но и сельскую глубинку, где курганный обряд сохраняется, но умерших уже хоронят, а не сжигают. Показательно, что «правильный» христианский обряд — ингумация в могильных ямах головой на запад — распространяется в первую очередь в пределах Русской земли в узком смысле — княжеском домене в Среднем Поднепровье, с центрами в Киеве, Чернигове и Переяславле, там, где возникли в XI в. первые рус-

ские митрополии. В других районах христианизация обряда была замедленной — сначала умерших стали хоронить не в могилах, а на поверхности земли («на горизонте») под курганами: с XII в. распространяется обряд погребения в могильных ямах, а к концу этого столетия начинают исчезать курганные насыпи.

Такая эволюция обряда — важнейшее свидетельство того, что христианские идеи, связанные с представлениями о посмертном будущем и спасении души распространяются среди населения древней Руси ненасильственным путем. В меньшей степени христианизация затрагивала общинные обряды — календарные и семейные, связанные с «посюсторонним» бытием: эти обряды — «пиры и игрища» — и были главным «предметом обличения» в древнерусских поучениях против язычества и основанием для обвинения в «идолопоклонстве» и двоеверии [*Аничков* 2003].

Очевидно, что неофитами довольно активно воспринимались обряды, связанные с индивидуальной эсхатологией, «спасением души», Страшным Судом и т. п.: впечатление, произведенное сценами Страшного Суда, — традиционный мотив, связанный с обращением языческих князей, в том числе Владимира Святого (см. [ПВЛ, 48]); в Саге об Олаве Трюггвасоне этот норвежский конунг также принял крещение после того, как увидел на Руси сновидение со сценами райского блаженства и адских мук; согласно саге, именно он уговаривал Владимира креститься (см.: [*Джаксон* 1993, 138—139]). Оба мотива — древнерусский и скандинавский — восходят к византийским реалиям: для оглашенных — готовящихся принять крещение — отводилось место в западной части храма, где росписи воспроизводили сцены Страшного Суда и адских мук.

Восприимчивость неофитов к этим сценам и мотивам понятна. Язычество, особенно первобытные племенные культы, было в принципе ориентировано на «посюстороннее» благополучие коллектива (рода, племени), но с разрушением традиционного племенного быта, становлением государства, включением индивида в совершенно иные социальные связи проблема индивидуальной судьбы, в том числе загробной, становилась все более актуальной. Ответ на вопрос об этой судьбе давали князь и его дружина, епископ и христианство, а не язычество. При этом, как говорилось выше, погребальный культ, прежде всего большие княжеские курганы, воплощал те религиозные тенденции, которые были свойственны Русскому государству в дохристианский период: поэтому важными государственными актами, наряду с основанием церквей, было описанное под 1044 г. христианское перезахоронение останков князей Ярополка и Олега при Ярославе Мудром и последующее (1072) перенесение в Вышгород останков (мощей) Бориса и Глеба — первых святых князей, покровителей Русской земли при Ярославичах и т. д. Традиционный княжеский культ утверждался на новых — христианских основаниях.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И РУССКИЙ НАРОД В X—XI ВВ.

Конфессиональный фактор, определявший общие тенденции развития русской культуры и русского самосознания в XI и последующие столетия, не был отделен от государственного, что было осознано и подчеркнуто русскими писателями XI — начала XII в., начиная с Илариона. Крестителями Руси и ее первыми святыми были князья. В похвальном слове Ольге в «Повести временных лет» (и Начальном своде) говорится о «русском познанье к Богу» и о том, что княгиню «хвалят рустие сынови (в Начальном своде сказано «рустие князи и сынове») аки началницу ибо по смерти моляше Бога за Русь» [ПВЛ, 32]. В летописной «памяти» князю Владимиру (под 1015 г. — годом его кончины) говорится, что его «память держать русьстии людье» — «новии людье, просвещени Святымь Духомь»: русский народ был «новым» — обращенным в христианство — народом; «племенные» различия, в соответствии с которыми противопоставлялись *русь* и *словене* в X в., равно как региональные («кыяне», новгородцы и т. п.) и социальные («рустие князи и сынове») преодолевались сознанием этого этноконфессионального единства.

XI век был веком подведения итогов тех весьма бурных процессов этнокультурного взаимодействия и синтеза, которые проходили на Руси в IX—X вв. Итоги эти осознавались самими носителями русской культуры — прежде всего деятелями христианского просвещения Руси — как возникновение нового народа (ср. «Слово о Законе и Благодати» Илариона), «новоизбранных людей Русской земли» («Память и похвала князю Владимиру» Иакова Мниха). Наиболее последовательным воплощением этого осознания — самосознания русского народа — стала «Повесть Временных лет». И это осознание не было результатом отстраненного взгляда «далекого от народа» книжника.

Само крещение Руси следует признать «итогом» государственного — социально-экономического — развития, которое было необходимым внутренним условием распространения христианства и формирования новых культурных и этнических связей. Единые тенденции, пронизывающие развитие духовной и материальной культуры всей Руси, особенно очевидны в той области, которая оказывается часто вне рассмотрения собственно «культурных» проблем — в «массовом материале», археологии и истории русских городов X—XIII вв.: единая планировка с выделением детинца и посада, единый усадебный способ застройки, единые традиции в развитии ремесла и т. п. (см. обобщающие труды: [Древняя Русь. Город, замок, село; Древняя Русь. Быт и культура; Из истории русской культуры. Т. 1]), объединяющие Киев и Новгород, Смоленск и Суздаль, Ростов и Псков, свидетельствуют о расцвете всей сети древнерусских городов с середины XI в. Формирование этой структуры также обнаруживает общие для Руси противоречивые

тенденции этнокультурного развития: городская сеть не замыкалась в рамках отдельных земель, но сельское ремесло свидетельствует о возникновении региональной культурной специфики. Речь идет об изготовлении сельскими ювелирами массовой продукции — женских украшений — височных колец, отличающихся в разных регионах по форме. Прототипы этих колец в X в. не имели строгой региональной и племенной приуроченности, но с XI—XII вв. их ареалы совпали с ареалами тех восточнославянских племен, которые были упомянуты Нестором в космографическом введении к «Повести временных лет». Это позволило еще А. А. Спицыну атрибутировать курганные древности XI—XII вв. «племенам» вятичей, кривичей, радимичей, словен и т. д. (см. сводку — [*Седов* 1982]). При этом сам курганный обряд практически лишился прежних «племенных» черт: исчезли традиции сопок и длинных курганов, повсюду распространились полусферические курганы с трупоположением. Существенно, что ареалы «племенных» височных колец не совпадают в целом с границами древнерусских земель и княжеств — формирование этнодиалектных зон не связано напрямую со становлением новых политических границ (ср. [*Насонов* 1951; Древнерусские княжества X—XIII вв.]). Исследователи процессов этнического самосознания в раннесредневековой Руси отмечали, что в летописных записях, относящихся к XI в., «исчезли обозначения каких-либо территорий или групп населения по их племенной принадлежности. Их заменили производные от наименования города — административного центра данного княжества, района или волости» [*Рогов*, *Флоря* 1982, 110; *Флоря* 1995, 12]. Это означает, что племенное самосознание ушло в прошлое — для носителей этнодиалектных различий важнее была территориально-политическая («административная») принадлежность и, в более широком смысле, принадлежность к «новому» русскому народу.

Уже в начале XI в. в «Правде» Ярослава Мудрого *русин* был противопоставлен *словенину* как представитель княжеской администрации жителю Новгорода и одновременно уравнен с ним в правах. Соответственно с XI в. Русская земля, Русь уже не противопоставляются восточнославянским «племенам», как это было в X в. (ср. упомянутые данные Константина Багрянородного). В весьма содержательной монографии о становлении этнического самосознания славянских народов авторы раздела, посвященного Руси, отмечают, что «Нестор не нашел... особого названия» для Руси как новой этнической общности. «Если Козьма Пражский проводил различия между Bohemi и Bohemia, а Галл между Poloni и Polonia, то для Нестора, как и для его предшественников, “Русь” и “Русская земля” — это одновременно обозначение и особого государства, и особого народа» [*Рогов*, *Флоря* 1982, 116]. Ключевский [1987, т. 1, 213] писал в связи с этим, что «пробуждавшееся чувство народного единства цепялось еще за территориальные пределы земли, а не за национальные особенности народа». Отметим, что подобным обра-

зом русские книжники воспринимали не только Русь: также в русских летописях употребляются и названия «Литва» и «Литовская земля» и т. п. [ср.: НПЛ, 358], обозначающие не только страну и народ, но и войско, возглавляемое князем (вплоть до эпохи Грозного ср.: [*Попов* 1973, 93]). Это не снимает проблему собственно *Руси*, но помогает понять взгляды русского книжника. Напомним, что исходно название *русь* относилось именно к княжеской дружине, в расширительном смысле — к войску в целом.

А. А. Шахматов справедливо отмечал, что еще в XI—XII вв. живо было представление «о том, что имя Руси — это имя княжеской дружины, княжеских бояр и вообще правящих верхов» [*Шахматов* 1908, 324]. «На юге поляне получили имя Руси, широко распространяющееся затем всюду, куда проникает княжеский данщик, где садится княжеский дружинник» [*там же*, 327]. Такому распространению имени Русь в этническом, географическом и государственном смысле способствовали и его этническая нейтральность и его социальный — дружинный — смысл. То общерусское самосознание, выразителем которого стал Нестор-летописец, преодолевало племенную обособленность, выстраивая «иерархию» этнических связей: от частно племенных до этногосударственных — таково отождествление полян с русью — надплеменных (общеплеменных, связанных с представлением о славянской общности) и конфессиональных — принадлежности к христианскому миру; самосознание становилось самопознанием [ср. *Трубецкой* 1995, 105 и сл.; *Толстой* 2000]. Сформировавшееся в XI в. этногосударственное значение имени *Русь, Русская земля* было не только естественным и заданным летописцу, но и включающим «национальные особенности»; в задачи Нестора входило выяснение происхождения этой Руси, что он и сделал с той глубиной и ответственностью, благодаря которым начальная летопись стала основой этнического и исторического самосознания и самопознания Руси и русского народа. С крещением и просвещением — восприятием книжного славянского языка — на Руси, по словам Нестора, стали жить «новые» люди, «русские люди», сформировался новый русский народ.

Распад единого Древнерусского государства в XII в. и формирование самостоятельных древнерусских княжеств и земель — Черниговской, Смоленской, Новгородской, Владимиро-Суздальской, Галицко-Волынской — сопровождалось, как уже говорилось, выделением «диалектных» различий в традиционной культуре древнерусской деревни. В современной историографии, особенно в постсоветский период, популярны стали старые идеи, высказывавшиеся еще Грушевским и другими историками, о том, что эти различия, наряду с политическими границами, свидетельствуют о формировании новых народов — русских, белорусов и украинцев. Однако диалектные различия в целом не соотносятся с этническими территориями будущих восточнославянских наро-

дов и присущи также каждому отдельному региону, где эти этнические территории формировались: «кривичские», «вятичские» и «словенские» древности выделяются на территории Великороссии, «дреговичские» и «радимичские» — в Белоруссии и т. д.

Представления о единстве Русской земли и «русской» (православной) веры сохранялись в самосознании населения средневековых земель и княжеств и после монголо-татарского нашествия. Начало формирования этнических различий и становление новых восточнославянских народов происходило далеко за пределами древнерусской эпохи, в условиях новой социальной и политической реальности — в эпоху становления Московского царства и консолидации восточнославянских этносов под властью Литвы и Речи Посполитой [ср.: *Флоря* 1995].

В XI в. в пределах единого древнерусского государства — Руси завершилось формирование раннесредневековой этнической общности — *руси*, *русского народа*, *русских людей*, *русских* — в средневековых источниках, *древнерусской народности* — в традиционых терминах современной историографии. На основе предшествующего этнокультурного синтеза была создана новая единая культура, способная не только вступать в диалог (договорные отношения) с иными государствами и культурами и воспринимать инокультурные влияния, но и создавать собственные культурные ценности.

РУСЬ И «ВСИ ЯЗЫЦИ»

Русь уже в космографическом введении к «Повести временных лет» противопоставляется неславянским племенам. Летописец подытоживает данную им историю расселения и «этническую» историю славян уже с позиций своего времени — рубежа XI и XII вв.: традиционные «племенные» этнонимы сочетаются в этом «итоговом» списке с «областными» обозначениями, но главное — что их объединяет между собой и противопоставляет иноплеменникам: «Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, ноугородъци (но не словене. — *В. П.*, *Д. Р.*) полочане, дреговичи, северъ, бужане, зане седоша по Бугу, послеже же велыняне. А се суть инии языци, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордъва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь» [ПВЛ, 10].

Важнейшая особенность этого списка в том, что Русь противопоставлена «иным языцем» и связана со «словенским языком» не только в государственном, но и в этническом плане. Эта непосредственная связь русского государственного и этнического самосознания свойственна истории Руси [ср.: *Рогов*, *Флоря* 1982, 114; *Толстой* 1982, 242] и России вплоть до наших дней.

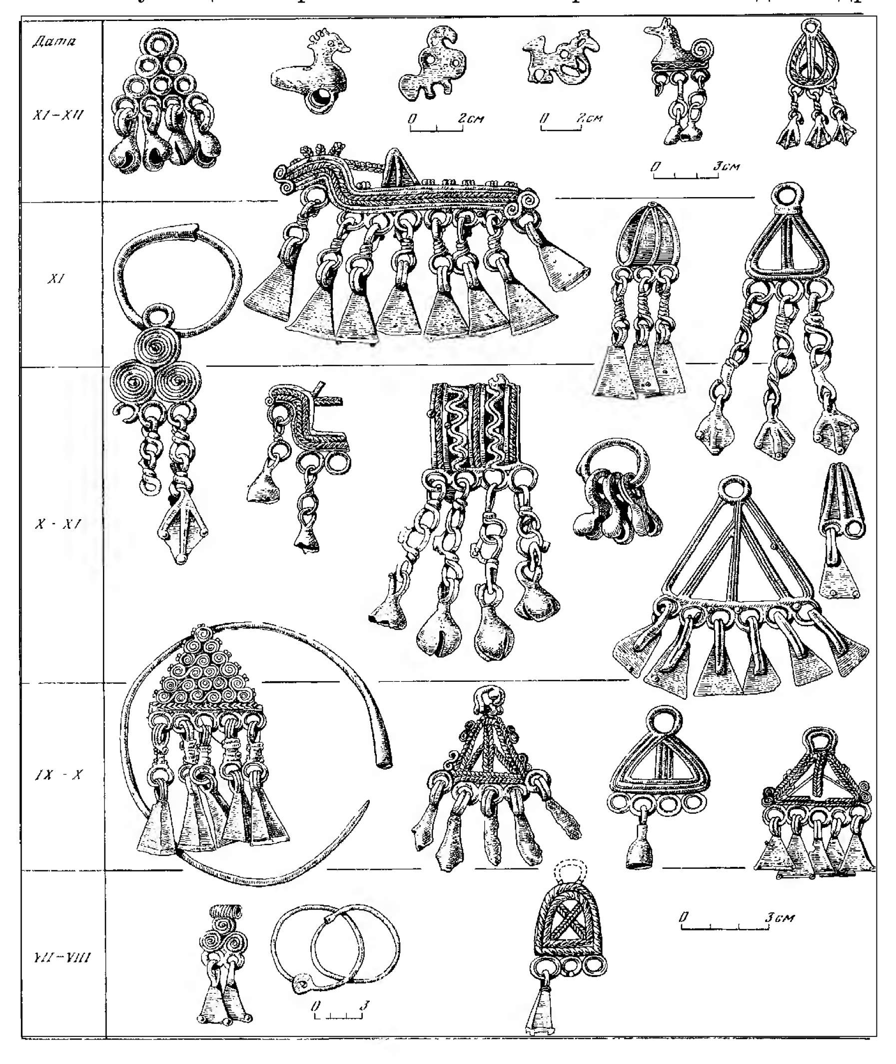

Народы Восточной Европы в IX—XII вв. (*Муравьев А. В., Самаркин В. В.* Историческая география эпохи феодализма. М., 1973. С. 79)

Список данников Руси включает, как правило, ее непосредственных соседей: о первых четырех народах, так или иначе участвовавших в событиях древнейшей русской истории, уже говорилось. ***Чудь*** сохраняла тесные отношения с Русским государством; в начале XI в. часть чудских земель вошла в его состав, Ярослав Мудрый основал на чудских землях город Юрьев (Тарту) наряду с другим Юрьевом — на юге, на р. Рось, обозначив, таким образом, пределы своего государства. Этникон *чудь*, как уже говорилось, означал в древнерусской традиции и все «чужие» финно-угорские народы, поэтому неясно, относились ли упо-

минания чудских микротопонимов в древнерусских городах вроде Чудина двора в Киеве или Чудского конца в Ростове к выходцам из прибалтийской чуди — предков эстонцев — или представителям других финно-угорских народов.

Культура финно-угорских народов действительно, по данным археологии, имела характерные черты, которые в глазах раннесредневековых славян могли сближать эти народы: в частности, для финно-угров характерен племенной убор, включающий женские бронзовые украшения с многочисленными привесками, издающими шум при ходьбе, — т. н. шумящими привесками. Такие привески находят в древне-

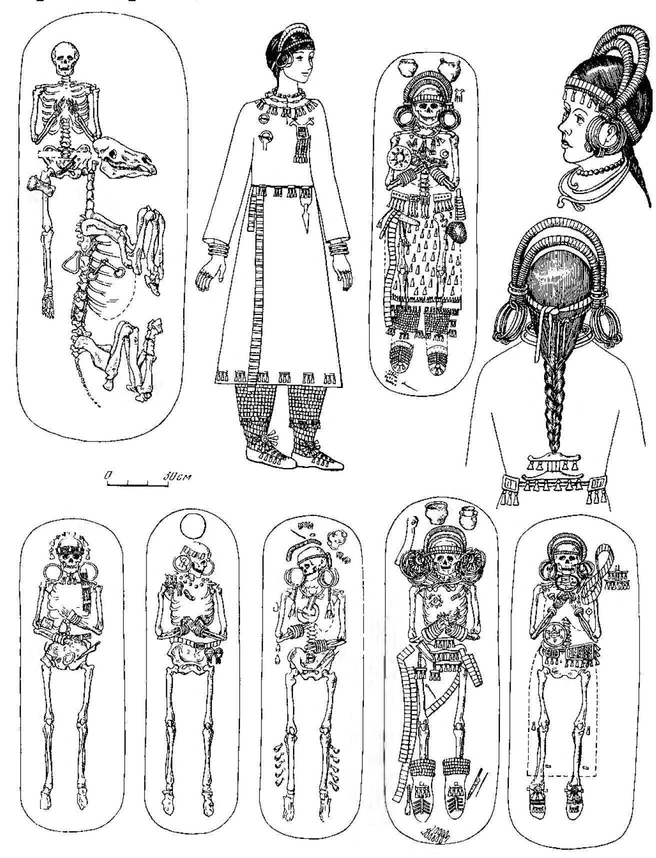

Шумящие привески — женские украшения мери (Финно-угры. С. 277)

русских городах и курганных древностях Севера Восточной Европы, и они считаются признаком участия «чудских» племен в этнических процессах, проходивших в пределах Древнерусского государства. В частности, в Юго-Западном Приладожье, в зоне древнейших контактов прибалтийских финнов, славян и скандинавов (Ладога), в X в. формируется специфическая культура приладожских курганов, включающая все три этнических компонента в контекст относительно единой обрядности: исследователи спорят о том, можно ли связывать финский компонент в этих курганах с весью или он относится к особой группе — «приладожской чуди». В целом финно-угорский субстрат — автохтонное население севера Восточной Европы — участвовал в сложении древнерусской народности, в процессах межплеменной и межэтнической консолидации, присходивших в период древнерусской колонизации северных просторов в X и последующих столетиях (ср.: [*Рябинин* 1997, *Макаров* 1999]).

Активно участвовала в этих процессах ***весь***, считающаяся предком прибалтийско-финского народа вепсов: как уже говорилось, она была быстро ассимилирована в районе Белоозера — центра древнерусской колонизации, где весь являлась, по летописи, «первым насельником». Ее соседом на Верхней Волге была ***меря***, по языку относящаяся к поволжским финнам и родственная мордве и черемисам-марийцам (сближаются и этнонимы *меря* и *мари*). Формирование культуры мери связывают с процессами миграции, затронувшими всю Восточную Европу в конце VII в., когда прослеживается, в частности, инфильтрация балтов на Среднюю Оку и передвижение финского населения в Волго-Окское междуречье. С IX в. наиболее обжитые мерей регионы плодородного Волго-Окского междуречья стали центрами древнерусской колонизации — и ассимиляции мери [*Леонтьев* 1996; *Рябинин* 1997, 149 и сл.]: вероятно, ей принадлежал Чудской конец в Ростове, где меря названа первым «насельником».

Сходную судьбу имела и ***мурома***, поволжско-финский народ, близкий по культуре соседней ***мордве***: предполагают, что предками обоих народов были носители городецкой культуры, распространенной в Поочье в раннем железном веке (VII в. до н. э. — начало н. э.). В V—VIII вв. на Средней Оке формируется культура т. н. рязанско-окских могильников, носители которой обитали на городецких городищах, но составляли два этнокультурных компонента с разными погребальными обрядами, один компонент относят к местным волжским финнам, другой — к балтам, мигрировавшим из верховьев Оки (где еще в Средние века был известен балтский народ *голядь*). Эта миграция ***балтов*** (как уже говорилось в главе VII), была связана с общими передвижениями эпохи Великого переселения, в том числе и с распадом балто-славянской общности. Влияние балтской культуры усматривают как в раннесредневековом костюме поволжских финнов, в том числе мордвы, включающем харак-

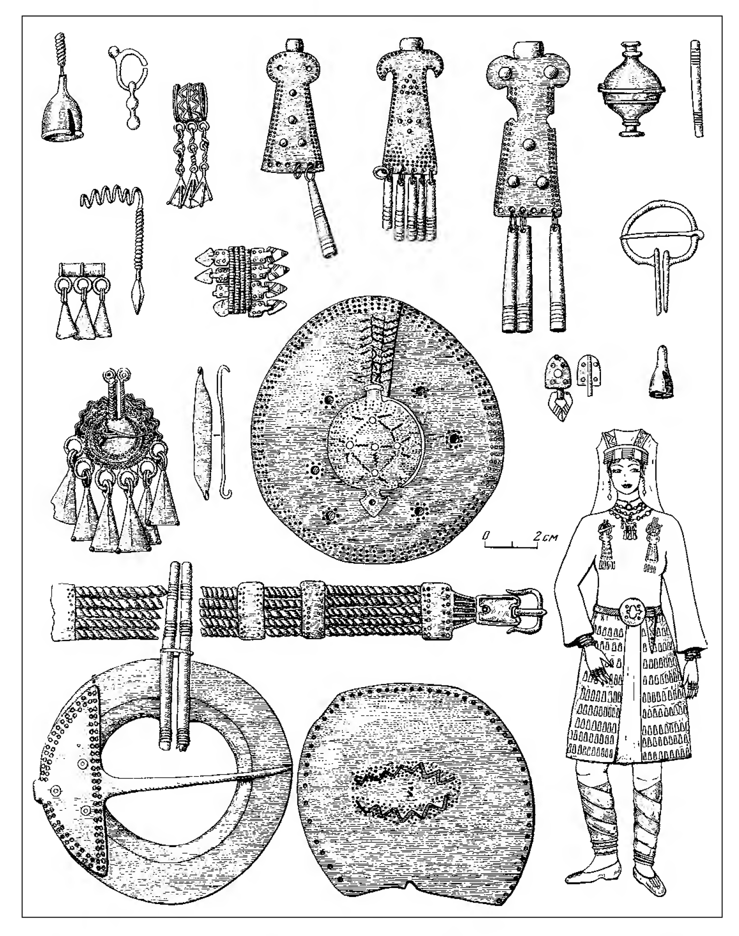
терные для балтов головные венчики, шейные гривны и др., так и в языковых заимствованиях, в том числе в сфере духовной культуры: так, имя мордовского бога-громовника *Пурьгине-паз* отражает балтское имя громовержца *Перкунас* (имя славянского Перуна также родственно балтийскому — громовержец был балто-славянским божеством).

Погребения муромы (Финно-угры. С. 284)

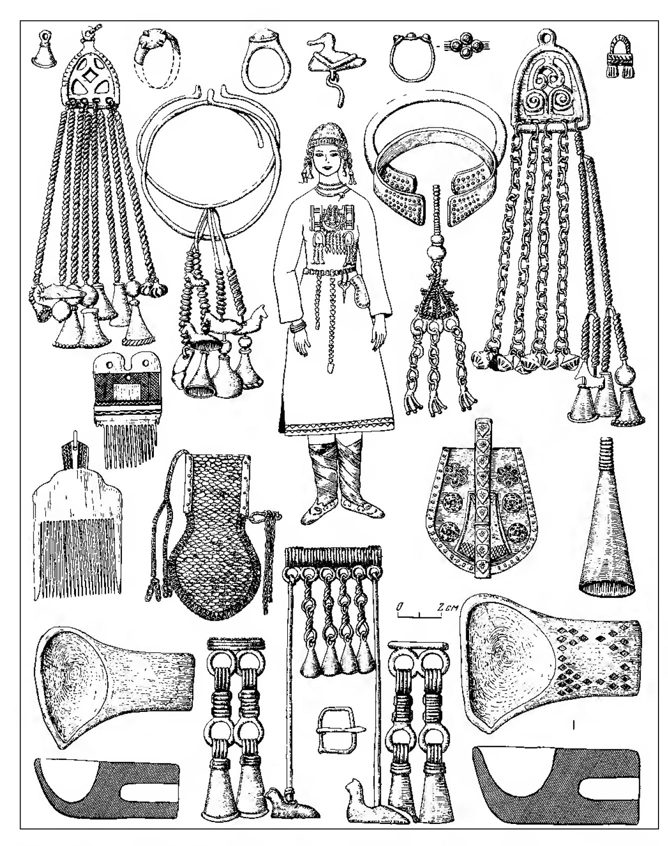
Мордва, волжско-финский народ, разделяющийся на две этнографические группы — *эрзя* и *мокша*, — видимо, был упомянут под этим этниконом иранского происхождения, известным со времен Иордана, Константином Багрянородным в X в. (гл. 37): он свидетельствует, что *Мордия* — земля мордвы — самая отдаленная из известных ему земель (отстоит на десять дней пути от земли печенегов) и что «росы» проникают туда, равно как в Хазарию и к черным болгарам, по реке Днепр (глава 42 — от Среднего Поднепровья по Десне на Оку?). Городища, селища и могильники мордвы в междуречье Волги, Оки, Цны и Суры известны на протяжении всего 1-го тыс. н. э.; различия в ориентировке погребенных на севере и юге этой территории, видимо, свидетель-

ствуют о формировании этнографических групп мордвы во второй половине 1-го тыс. н. э., одна из которых — *эрзя*, упомянута под именем *арису* в письме царя Иосифа. Во второй половине 1-го тыс. у мордвы, судя по находкам сошников, распространяется пашенное земледелие. На власть над этим регионом претендовали в X в. Хазария, позднее — Русь, к данникам которой была причислена мордва в летописи. Однако упоминание Константином Багрянородным Мордии наряду с Хазарией, Росией, Булгарией и др. самостоятельными землями может свидетельствовать о независимости мордвы. Лишь к XIII в. часть мордовских земель входит в состав Нижегородского княжества.

Костюм мордвы VIII—IX вв. (Финно-угры. С. 294)

Черемись, упомянутая среди данников Руси между муромой и мордвой, — иноязычное название ***марийцев***, самоназвание которых — *мари* — так же, как и название *мордва*, имеет иранское происхождение (его

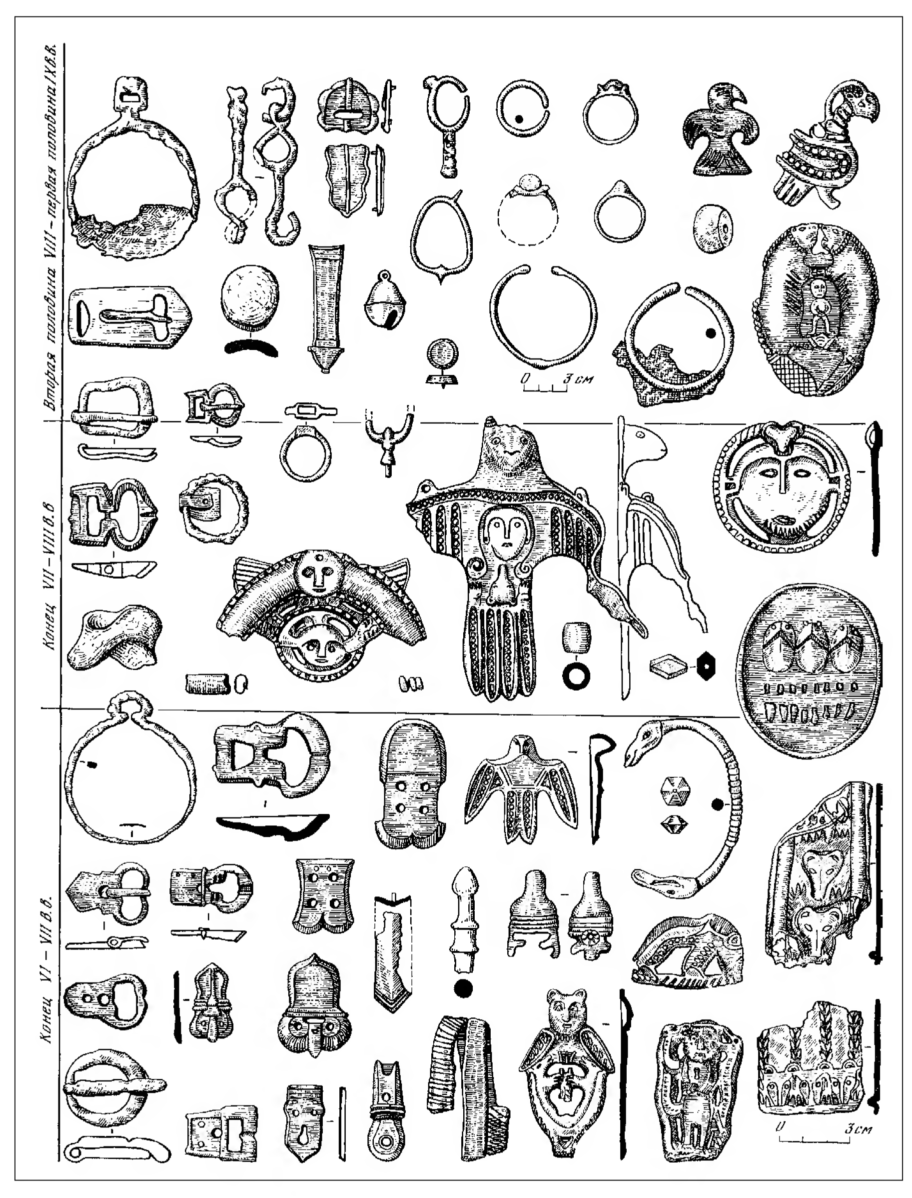

Костюм марийцев IX—X вв. (Финно-угры. С. 298)

вероятное значение — ‘юноша, молодой человек’); под тем же названием *ц-р-мис* марийцы упомянуты как данники Хазарии в письме Иосифа, так их звали и чуваши — потомки волжских болгар, но происхождение этого древнего названия неясно. Считается, что предками марийцев были носители дьяковско-городецкой культуры раннего железного века, населявшие Среднее Поволжье в нижнем и среднем течении Ветлуги, Вятки и нижнем течении Суры. В середине 1-го тыс. н. э. в эти районы левобережья Волги проникают племена т. н. азелинской культуры, потомки носителей ананьинской культуры раннего железного века; результатом взаимодействия этих этнокультурных групп стало, по некоторым предположениям, сложение двух этнографических (субэтнических) групп марийского народа — горных марийцев на правобережье Волги и луговых на левобережье. Их материальная культура свидетельствует о развитии скотоводства (коневодства), в меньшей мере — земледелия, о связях с салтовской (хазарской) и волжско-болгарской культурами.

Летописный этноним *пермь* относится к группе народов, которую в современной традиции принято именовать *пермскими* или *прикамскими финнами*: это предки ***коми-пермяков, коми-зырян*** и ***удмуртов***. Само древнерусское наименование этой группы связано со средневековым хоронимом *Биармия* — легендарной земли, изобилующей серебром и мехами где-то на крайнем севере Восточной Европы и известной с IX в. (англосаксонский «Орозий короля Альфреда») и позднее, по рассказам исландских саг. Положение перми в летописном списке — вслед за поволжскими финнами — очевидно указывает на их размещение в Прикамье. Самоназвание обоих народов *коми* восходит, возможно, к прауральской общности и означает ‘человек, мужчина’; то же значение имеет и самоназвание *удмурт*, но оно восходит к группе древних иранских (праиранских или драже индоиранских) заимствований в финских языках (от иранских слов со значением ‘смертный’ — ‘человек’) и родственно названию (иноназиванию) *мордвы*, а также, по-видимому, мери, муромы и марийцев [*Попов* 1973, 102 и сл.; *Напольских* 1997, 49]. Прикамье в раннем железном веке занимала ананьинская культура; к концу 1-го тыс. н. э. здесь формируются вымская, родановская и поломская культуры, носители которых считаются соответственно предками коми-зырян, коми-пермяков и удмуртов. Вымские племена (в бассейне р. Вымь) были охотниками и скотоводами, обитающие в верховьях Камы предки коми-пермяков занимались подсечным земледелием, охотой и рыбной ловлей, у удмуртов основным занятием было земледелие (первоначально — подсечное). Упоминаемая среди данников Руси *печера* относится, видимо, к субэтнической группе коми-зырян, живущей на р. Печора, или к северосамодийским народам.

Прямых свидетельств о подчинении поволжских и пермских финнов Руси (за исключением мери), равно как и о даннических отношениях, о которых говорит летопись, практически нет. Исключение составляет находка подвески с древнерусским княжеским знаком (т. н. знак Рюриковичей), с одной стороны, и скандинавским символом (молотом Тора), с другой, из Рождественского могильника в Пермской области, которая могла принадлежать представителю местной верхушки коми-пермяков, связанной торговыми или данническими отношениями с Русью [ср. *Крыласова* 1995].

Среди данников Руси в «Повести временных лет» не упомянута и *угра* или *Югра*: ранее она причислена к народам «Афетова колена». Уже сам этникон свидетельствует о том, что этот народ был родствен уграм-венграм и его носители обитали на противоположной оконечности финно-угорского ареала, в Зауралье, на «прародине» праугорской общности. Это были обские угры, к которым относятся народы ***ханты*** и ***манси***. После миграции венгров из Зауралья на запад в середине 1-го тыс. н. э. продолжался распад угорской общности: выделяются

Древности угров Западной Сибири. Потчевашская культура (Финно-угры. С. 326)

культуры, приписываемые субэтническим группам южных (потчевашская культура в южных лесных районах Прииртышья) и северных (Нижнее Приобье) хантов, в Приуралье — группы манси. О сходстве этнонимов *манси* и *мадьяр* уже говорилось: древний этноним *ханты* восходит к прафинно-угорским словам со значением ‘род, большая семья, общ-

ность’. К памятникам югры в Европейской части России относят поселения морских зверобоев и святилища (в том числе на о. Вайгач [*Хлобыстин* 1992]) с многочисленными жертвоприношениями бронзовых, серебряных и железных вещей IX—XIII вв., свидетельствующих о связях Заполярья с Русью (прежде всего Новгородом) и др. странами Северной Европы, Прикамьем и Западной Сибирью; эти находки напоминают рассказы саг о Биармии. Продолжалась и дифференциация прасамодийской общности: в Среднем Приобье на основе кулайской культуры сер. 1-го тыс. до н. э. — сер. 1-го тыс. н. э. формируется релкинская культура, приписываемая южносамодийскому народу ***селькупам*** («лесным» или «земляным людям») и т. д. В начале 2-го тыс.- н. э. северные самодийцы-оленеводы — ***ненцы*** (чье имя значит «настоящий человек») — проникают на север Европейской части, где ассимилируют часть «югры» (см. систематическое изложение данных археологии по финно-угорской проблеме: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. 1987; данные языкознания — [*Хайду* 1985; *Напольских* 1997]).

В летописи (под 1096 г.) приведен характерный рассказ о новгородце, пославшем «отрока»-дружинника за данью к печере: отрок дошел до Югры, язык которой «есть нем» — то есть непонятен русским — и которая «соседит» с *Самоядью.* Так русские называли *самоедов*-***самодийцев***: возможно, этот этноним родствен названию *саамов*, но древнерусская форма *самоядь* вызывает ассоциации с людоедами и прочими народами-монстрами на краю ойкумены [*Напольских* 1997, 83—84]. Вопреки ссылке на «немоту» югорского языка, новгородец передает рассказ той самой югры о некоем народе, обитающем в горах высотой до неба у лукоморья: они хотят «высечься» из этих гор, но проделали лишь малое оконцо, откуда «молвять, и есть не разумети языку их»; тогда они «кажуть на железо, и помаваюуть рукою, просяще железа; и аще кто дасть им ножь ли, ли секиру, и они дають скорою (мехами. — *В. П., Д. Р.*) противу». Этот рассказ объединяет два сюжета: «исторический», описывающий уже упоминавшуюся «немую» меновую торговлю (интенсивные связи бассейна Нижней Печоры и Оби с Русью прослеживаются с XI—XII вв., судя по находкам вещей в святилищах), и «легендарный» — о диких народах, заключенных за горами на краю света; не случайно летописец вспоминает в связи с этим легенду об Александре Великом, который запер дикие народы за медными (железными) воротами. Летописное повествование оказывается свидетельством того, что Русь и связанные с ней «языцы» относятся уже к миру цивилизации, ибо еще в середине 1-го тыс. н. э. горами, за которыми были заперты дикие народы, считался Кавказский хребет; в XI в. это был уже Урал и народы Крайнего Севера.

Даннические и торговые контакты финно-угорских народов, обитающих в богатых пушниной лесах, с Хазарией, Волжской Болгарией и

Русью, а до того, уже с VI—VII вв., торговые связи с Согдом, Хорезмом и Ираном (Закавказьем) приводили если не к разложению традиционного родоплеменного быта у народов Прикамья и Приобья, то к накоплению богатств — сасанидского и византийского столового серебра и монет, среднеазиатских, волжско-болгарских и др. изделий и т. п. [ср. *Даркевич* 1986; Сокровища Приобья] — и новых культурных навыков. Встреча со сложившимися в Восточной Европе государствами и народами должна была так же способствовать интенсификации этнических процессов у аборигенов лесной зоны, как некогда встреча славян и тюрков с цивилизациями Византии, Ирана и Китая способствовала становлению их этнических связей и культур.

Летописный список данников продолжается упоминанием народа *ямь* — это прибалтийско-финская племенная группировка *хяме*, вошедшая наряду с группой *сумь-суоми* в состав народа финнов. Этот «поворот» от Крайнего Севера (печеры) назад к Прибалтике характерен для циклических раннегеографических описаний. Вместе с тем Северо-Европейский регион был реально объединен тесными этнокультурными взаимосвязями: в частности, в формировании культуры, языка и антропологического облика коми-зырян принимали участие прибалтийские финны, самодийцы контактировали с саамами (др.-рус. *лопь*) и т. д.

Следующий «цикл» перечисления данников Руси начинает *литва.* Соперничество с литовцами и претензии на господство в Прибалтике, отраженные в утверждении о даннических отношениях с *зимиголой* — земгалами и *корсью* — куршами, субэтническими группами латышей (наряду с летописной *летьголой* — латгалами), загадочным племенем *норома* (*нерева, норова* и т. п. — ср. Неревский конец в Новгороде и предположения о балтском происхождении норомы [*Казанский* 1999, 415]), прибалтийско-финским народом *либь-ливы*, характерно для политики древнерусского государства. Неясно, насколько прочными и даже реальными были даннические отношения: возможно, для представлений о данниках-литве было достаточно летописного упоминания о победоносном походе Владимира Святославича на ятвягов, племенное объединение, родственное и пруссам, и литовцам. Тесные контакты прибалтийских народов с русью очевидны в археологических материалах, особенно с XI в. (ср. [*Мугуревич* 1965]), среди этих материалов есть и привески со знаками Рюриковичей, но они обнаружены преимущественно в женских погребениях и функции их неясны; не установлено также, когда у ливов (равно как у латгалов) распространился древнерусский термин, связанный со сбором дани — pagasts, *погост* (ср. [*Назарова* 1986]).

В списке данников Руси, составленном в традициях раннесредневекового «максимализма», не различаются «языки», этнические территории которых вошли в состав Древнерусского государства, в зону

древнерусской колонизации и были в основном ассимилированы, как белозерская *весь*, *меря* и *мурома*, принявшие участие в сложении древнерусской народности, и народы, оказавшиеся в даннической зависимости, чья этническая территория не была колонизована, этническая история продолжалась и привела к формированию современных народов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЕБ НАРОДОВ РОССИИ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Территория современной Российской Федерации была заселена человеком издревле — еще в эпоху нижнего палеолита, предшествующую формированию людей современного физического типа. Однако она не входила в зону формирования Homo sapiens, проникшего сюда на стадии верхнего палеолита из более южных областей. Уже в это время материальная культура обитателей разных территорий имела определенные отличия. Однако эти отличия нельзя рассматривать как индикаторы разных этнических совокупностей, поскольку само формирование этнической структуры общества правомерно относить лишь к эпохе становления производящего хозяйства, сопровождавшейся определенной консолидацией коллективов, обитающих на смежных территориях, и одновременно хозяйственным и культурным обособлением таких консолидированных групп населения друг от друга.

На протяжении многих тысячелетий территория современной России находилась вне поля зрения письменных цивилизаций, и ее этническая история в эту эпоху воссоздается исключительно по археологическим материалам и данным историко-лингвистических реконструкций. Подобные построения остаются во многом гипотетичными, но без них невозможно понять этническую структуру населения исследуемой территории более позднего времени (вплоть до наших дней), ибо именно тогда формировались основные языковые семьи, представленные в современной России.

Начиная с I тыс. до н. э. об этнической истории этой территории мы можем судить и по письменным данным, оставленным, правда, инокультурными, внешними, наблюдателями. Комплексное привлечение разноприродных данных позволяет воссоздать уже достаточно рельефную, хотя и неполную картину.

Исторические судьбы народов России с древнейших времен в значительной мере определялись процессами освоения пространств Северной Евразии — начиная с заселения этих пространств человеком и кончая славянской (русской) земледельческой колонизацией (которая, по В. О. Ключевскому, оказывала сильнейшее влияние на сложение и «характер» русского народа). Это освоение требовало максимального разнообразия культурных навыков и привело к формированию различных хозяйственно-культурных типов — от пашенных земледельцев и

кочевых скотоводов в степной и лесостепной зонах до таежных охотников и рыболовов, оленеводов тундры. Соответственно, отношения между этносами, формирующимися в различных хозяйственно-культурных зонах, особенно на стыке этих зон, требовали различных форм взаимодействия, обмена и этнокультурного синтеза, который протекал в довольно противоречивых и порой конфликтных формах: таковы традиционно сложные отношения оседлых земледельцев и скотоводов, с одной стороны, и кочевников — с другой (ср. главу X).

С эпохи формирования производящего хозяйства в неолите Северная Евразия, прежде всего степная зона и лесостепь, была тесно связана с основными очагами «неолитической революции»: ближневосточным и дальневосточным. Эти связи можно считать парадигмой евразийской этнокультурной истории: цивилизации Передней Азии, Средиземноморья и Китая оставались для народов Евразии — «первобытной периферии» (см. в книге: [Первобытная периферия]) — средоточием богатств и культурных ценностей. В то же время отчетливый «инокультурный» характер древних цивилизаций и свойственное им противопоставление своих культуры и этноса «варварам» способствовали формированию и осознанию этнокультурных различий самими «варварами». Возможно, формирование различных хозяйственно-культурных типов и историко-культурных областей в процессе неолитической революции может быть в значительной мере соотнесено с выделением из ностратических праязыков праязыковых макросемей [ср. *Арутюнов* 1989, 68 и сл.], в том числе индоевропейской, связанной, в конечном счете, с историко-культурной областью скотоводов Евразии. Одновременно формирование хозяйственно-культурных типов способствовало возникновению регулярных отношений обмена частью избыточного продукта между скотоводами, земледельцами и охотниками и, стало быть, возникновению устойчивых и разнообразных этнокультурных связей.

Появление уже первой «исторической» (известной по письменным источникам) этнокультурной суперэтнической (включающей несколько этносов) общности — скифов (а затем и сарматов) — очевидно связано как с воздействием мировых цивилизаций, так и с интенсивным экономическим и этнокультурным (в том числе языковым — судя по «скифо-европейским изоглоссам») обменом с лесостепными и «лесными» соседями. Не менее очевиден этот процесс становления суперэтнических общностей и в эпоху Великого переселения народов, когда в результате очередных демографических взрывов на смену ираноязычному массиву в степях Евразии приходит тюркоязычный, а в Центральной Европе из балто-славянской общности выделяются славяне. Границы, отделяющие древние государства от наступающих «варваров», были укреплены валами римского лимеса на Западе, Великой китайской стеной на Востоке, «Воротами» Дербента на Кавказе, но оказались проницаемы как для военных вторжений, так и для культурных влияний:

прорыв этих границ (как и более раннее военное и культурное взаимодействие киммерийцев и скифов с государствами Древнего Востока) был равнозначен для «варварских» народов прорыву во всемирную историю.

Показательно, что именно тюрки и славяне — те суперэтнические общности, объединявшие носителей целых языковых семей, которые оказались в непосредственном контакте с мировыми цивилизациями, обрели «суперэтническое» самосознание и самоназвание, засвидетельствованные этногенетическими легендами с естественным воздействием библейской традиции (для славян — у Нестора-летописца; см. о тюркских этногенетических легендах: [*Короглы* 1972]); последующими рецидивами этого самосознания стали «панславизм» и «пантюркизм». Балты, равно как и финно-угры и др. суперэтнические общности, оказавшиеся на периферии, в восточноевропейской и евразийской глубинке, не имели общего самоназвания: у их наименования ученое (кабинетное) происхождение. Соответственно, славянская земледельческая колонизация Восточной Европы, импульс которой был дан Великим переселением народов, имела решающее значение для этнических процессов в этом регионе: сохранению общеславянского самосознания способствовало, в частности, и столкновение с «чудскими» — финно-угорскими племенами на севере Восточной Европы; в результате славяне поглотили балтский и финский субстрат в междуречье Верхнего Днепра и Верхней Волги. Параллельно происходит тюркизация не только народов евразийской степи, но и части населения Среднего Поволжья и Северного Кавказа.

«Суперэтническое» — этнополитическое сознание было связано и с процессами государствообразования, когда тюркские каганы считали себя вправе претендовать на власть во всей евразийской степи, а отколовшиеся тюркские племена — болгар, аваров и др. — мятежниками; сходным образом русские князья, призванные по договору-«ряду» в словенский Новгород, считали себя законными правителями всех славян и земель вплоть до Дуная (в политической стратегии Святослава). Вместе с тем это сознание не было ограниченным «племенным», что позволяло иноплеменным и иноэтничным группам — тюркскому роду Ашина, хазарам (возглавляемым тем же родом), болгарам, наконец, руси, вообще имевшей «надплеменной» дружинный статус, воглавлять разноплеменные объединения и разноэтничные «империи». Давно было отмечено, что правящий слой в раннегосударственных образованиях быстро сливался с иноэтничным и подвластным ему большинством, которое, в свою очередь, принимало его наименование как обозначение **этногосударственной** или **этнополитической общности**: так было на Руси, в Болгарии Дунайской, где славянское население приняло наименование *болгары*, равно как и в Болгарии Волжской, куда это имя также было занесено извне, из причерноморских степей; правда, на Средней Волге местное финно-угорское население, подвластное болгарам, было тюркизировано, тогда как на Дунае болгары перешли на славянский язык. Та

же тенденция подчинения «племенных» связей государственным намечалась в Тюркских каганатах и в Хазарии, судя по «общехазарской» салтово-маяцкой культуре. Прочность раннегосударственных образований зависела от прочности экономических, политических и этнокультурных связей, в том числе от процессов этнокультурного синтеза, благодаря которым разноплеменное население этих образований могло превратиться в единый народ. Естественной основой процессов этнокультурного синтеза было преобладающее население государства с готовой системой коммуникации: естественным **языком** и традиционными этническими (прежде всего суперэтническими) связями, которые должны были использовать и социальные верхи и подвластные низы, и, в той или иной мере, те иноплеменные и иноэтничные группы, которые были включены в общегосударственную систему.

Итак, собственно *народы* или *раннесредневековые народности* складывались в пределах формирующихся государств на основе новых государственных (потестарных, политических) связей [ср. *Арутюнов* 1989, 73 и сл.; *Куббель* 1988, 164 и сл.], разрушающих традиционные родоплеменные отношения. Для создания этих связей необходима была новая унифицированная идеология и писанный закон, а стало быть, письменность вообще: в ранних государствах официальными религиями становятся иудаизм (в Хазарии), христианство (на Руси и в Алании), ислам (в Волжско-Камской Болгарии), и ныне считающиеся «традиционными» религиями в России. Обращение к мировым религиям было необходимо не только для создания государственного культа, но и для осознания своего места в мире цивилизации и, шире, в мировой истории. «Выбор веры», как и достижения раннесредневековой дипломатии — договоры «варваров» с империей, был ранним историческим образцом этнокультурного (этноконфессионального) **диалога** — непременного условия существования мировой цивилизации.

Различие исторических судеб раннесредневековых народов, помимо «внешних» геополитических обстоятельств, особо значимых в эту эпоху, зависели от степени консолидации — государственной и этнокультурной. Так, хазары, господствующий этнос в Хазарском каганате, не только в идеологическом (как последователи иудаизма), но и в этнокультурном смысле отличались от окружающего их — даже родственного тюркоязычного — населения Хазарии: особый статус и даже архаичный «кочевой» быт правителя и его окружения, слабая централизация некогда огромной «империи» при ее распаде привели к тому, что и собственно хазарский этнос также распался, в отличие от аланского и волжско-болгарского, которые, очевидно, оказались достаточно консолидированными (чему способствовало противостояние Болгарии и Алании тому же Хазарскому Каганату).

Наконец, дружинная *русь*, быт которой еще в середине X в. напоминал отчасти быт хазарского господствующего слоя (полюдье с объез-

дом подвластных территорий), смогла во второй половине столетия распространить свой постоянный контроль над славянскими племенными землями (через сеть погостов), а в конце X в. русская княжеская власть утвердилась в городах — центрах славянских «племен» и, соответственно, центрах перераспределения даней и т. п. форм прибавочного продукта. Города стали и центрами **обмена** экономическими и культурными ценностями, **этнокультурного синтеза** — формирования новой этнокультурной восточнославянской общности. Тогда был совершен и акт крещения *Руси* — уже всей подвластной русским князьям Русской земли, а не господствующего дружинного слоя. Распространение на Руси религии Нового Завета осознавалось русскими раннесредневековыми идеологами (митрополит Иларион, летописец Нестор) как формирование **нового народа**, наделенного особой потенцией и благодатью [ср. *Топоров* 1995]: эта идея была противоположна и архаичным автохтоническим мифам, описывающим происхождение «своего» племени в начале времен как продолжение космогонического акта, и позднейшим историзированным квазимифам, стремящимся удревнить свой народ до времен Августа и Александра. Восприятие мировой религии и библейской традиции не только включало «новый народ» в мировую цивилизацию, но и способствовало формированию нового отношения к «иным языцам» — народам мира — как к единой семье, потомкам общего праотца.

Представление о древности и прочности славянского «языка» (народа), равно как и власти русских князей по сравнению с эфемерной властью «находников», отразилось в «Повести временных лет» — в этногенетической легенде о славянах — потомках Иафета, в известиях об исчезновении «обров» без остатка и господстве русских князей над хазарами, а также в легенде об изгнании насильников-варягов и правовом (договорном) происхождении государственной власти. При естественном в средневековую эпоху славяно-русском этноцентризме летописец (и стоявшая за ним государственная традиция) различал равноправных политических партнеров и «племена, иже дань дают Руси». К первым относились сложившиеся государства: Волжская Болгария и «окольные князья» — польский, венгерский и чешский; ко вторым — перечисленные неславянские племена севера Восточной Европы. В Руси, действительно, оставался только «словенский язык».

Эта иерархия равноправных партнеров и объектов государственных притязаний — «языков»-данников Руси, конечно, далека от ситуации равноправного этнокультурного диалога, но данники все же имеют свой самостоятельный и «официальный» этнический статус (среди потомков Иафета в русской летописи), отношение к ним отличается от «первобытного» представления об иноплеменниках как о заведомо враждебных и даже нечеловеческих существах. Их язык перестает быть «немым».

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ИСТОЧНИКОВ, СОДЕРЖАЩИХ СВЕДЕНИЯ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

1. Мифологические и исторические сообщения о происхождении скифов

Геродот. «История» в девяти книгах.

IV, 5. Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом: первым появился на этой земле, бывшей в то время пустынной, человек по имени Таргитай. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), Зевс[1] и дочь реки Борисфена. Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына: Липоксай и Арпоксай и самый младший Колаксай. Во время их правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, секира и чаша[2]. Старший, увидев первым, подошел, желая взять их, но при его приближении золото загорелось. После того, как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему.

6. От Липоксая произошли те скифы, которые именуются родом авхатов. От среднего Арпоксая произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуются паралатами. Все вместе они называются сколоты по имени царя; скифами же назвали их греки.

7. [...] Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото [...].

8. Вот так рассказывают скифы о себе [...], а греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл[3], угоняя быков Гериона, прибыл в бывшую тогда пустынной землю, которую теперь населяют скифы. [...] Когда Геракл прибыл [...] в страну, называемую ныне Скифией (здесь его застигли зима и мороз), то, натянув на себя львиную шкуру, он заснул, а кони из его колесницы, пасшиеся в это время, были таинственным образом похищены по божественному предопределению.

9. Когда же Геракл проснулся, он отправился на поиски. Обойдя всю страну, он наконец прибыл в землю, которая называется Гилея. Здесь он нашел в пещере некое существо двойной природы: наполовину ехидну, наполовину — деву, которая выше ягодиц была женщиной, а ниже змеей[4]. Увидев ее и изумившись, Геракл спросил ее, не видела ли она где-нибудь бродящих коней. Она же сказала ему, что лошади у нее и что она ему их не отдаст, пока он с ней не совокупится. Геракл вступил с ней в связь за такую цену. Она откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом, а он хотел, получив обратно [коней], удалиться. Наконец она, возвратив [коней], сказала: «Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал награду — ведь у меня от тебя три сына. Ты мне скажи, что нужно делать с ними, когда они станут взрослыми, — поселить ли их здесь (в этой стране я сама господствую) или послать к тебе». Так вот она обратилась к нему с таким вопросом, а он, как говорят, на это ответил: «Когда ты увидишь, что сыновья возмужали, ты не ошибешься, поступив следующим образом: как увидишь, что кто-то из них натягивает этот лук вот так и подпоясывается поясом вот таким образом, именно его сделай жителем этой страны. Того же, кто не сможет выполнить то, что я приказываю, вышли из страны. Поступая так, ты и сама будешь довольна, и выполнишь мой приказ».

10. Натянув один из луков (до тех пор Геракл носил два лука) и объяснив употребление пояса, он передал лук и пояс с золотой чашей у верхнего края застежки и, отдав, удалился. Она же, когда родившиеся у нее дети возмужали, сначала дала им имена: одному из них — Агафирс, следующему — Гелон и Скиф — самому младшему. Затем, вспомнив о наставлении, она выполнила приказанное. И вот двое ее детей — Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей, ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них — Скиф — выполнив все, остался в стране. И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов. А из-за этой чаши и поныне носят чаши на поясах. Только это мать и придумала для Скифа. Так рассказывают греки, живущие у Понта.

11. Существует и другой рассказ такого содержания, которому я сам больше всего доверяю. Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс[5], в Киммерийскую землю (именно ее теперь и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам). При нашествии скифов киммерийцы стали держать совет, так как войско наступало большое, и мнения у них разделились. Обе стороны были упорны, но лучшим было предложение царей. По мнению народа, следовало покинуть страну, а не подвергаться опасности, оставаясь лицом к лицу с многочисленным врагом. А по мнению царей, следовало сражаться за страну с вторгающимися. И народ не хотел подчиниться, и цари не хотели послушаться

народа. Первые советовали уйти, отдав без боя страну вторгающимся. Цари же, подумав о том, сколько хорошего они [здесь] испытали и сколько возможных несчастий постигнет их, изгнанных из отечества, решили умереть и покоиться в своей земле, но не бежать вместе с народом. Когда же они приняли это решение, то, разделившись на две равные части, стали сражаться друг с другом. И всех их, погибших от руки друг друга, народ киммерийский похоронил у реки Тираса, и могила их еще и теперь видна. Похоронив их, народ таким образом покинул страну, и скифы, придя, заняли безлюдную страну.

12. И теперь в Скифии есть Киммерийские стены, есть и Киммерийские переправы, есть и страна с названием Киммерия; есть и Боспор, именуемый Киммерийским [...]

13. Аристей, сын Каистробия, муж [родом] из Проконнеса, сказал в своих стихах, что, одержимый Фебом, он дошел до исседонов, а что выше исседонов живут одноглазые мужи — аримаспы. Над ними живут стерегущие золото грифы, а выше этих — гипербореи, достигающие моря. Кроме гипербореев, все эти племена, начиная с аримаспов, всегда нападали на соседей. И как аримаспами вытесняются из страны исседоны, так исседонами — скифы. Киммерийцы же, обитавшие у южного моря, под натиском скифов покинули страну.

Перевод И. А. Шишовой
[*Доватур и др. 1982, 101—105*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Здесь, как зачастую и далее, Геродот обозначает местных, скифских, богов именами персонажей эллинской мифологии, исходя, очевидно, из определенного сходства их характеристик и функций. Поэтому такое отождествление помогает понять сущность упоминаемых божеств. В другом месте своего труда (IV, 59) Геродот указывает, что по-скифски Зевс именуется Папай.

[2] В этих трех предметах исследователи видят атрибуты тех трех социальных категорий скифского общества («родов»), о происхождении которых Геродот повествует ниже. Функциональные характеристики этих предметов (принадлежность их, соответственно, земледельцам, скотоводам, воинам и жрецам) ясно указывают на социальную, а не этническую природу этого членения.

[3] Геракл этой версии скифского генеалогического мифа соответствует Таргитаю, фигурирующему в варианте, изложенном выше: это первочеловек, родоначальник скифов и их царей.

[4] Полузмеиный облик скифской прародительницы указывает на ее хтоническую — связанную с землей — природу. Мотив происхождения скифов от «змееногой богини» — типичный пример автохтонического мифа. Существует мнение, что фигурирующая здесь дочь реки Борисфен идентична упомянутой Геродотом в другом месте скифской богине земли и воды по имени Апи.

[5] Об идентификации реки Аракс, упомянутой у Геродота, см. в главе III.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека.

II, 43. Они [скифы] сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. Сначала они жили в очень незначительном количестве у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях прибрежья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса. Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скифа, который, превзойдя славой всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой — Нап. Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы, один палами, а другой — напами. Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской [реки] Нила. Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до восточного океана, с другой до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие[1].

Перевод П. И. Прозорова
с дополнениями В. В. Латышева
(*Вестник древней истории*
1947, № 2, 250—251).

КОММЕНТАРИЙ

[1] Излагаемый Диодором вариант предания о происхождении скифов во многом перекликается с двумя рассказами Геродота на ту же тему — мифологическим и «историческим», — но, судя по ряду деталей, от него не зависит и восходит непосредственно к собственно скифской традиции. Здесь отражено и другое, по сравнению с Геродотом, — обобщенное — значение названия «скифы», покрывающее и те народы, которые Геродот к скифам не причисляет.

2. ПРЕДЕЛЫ СКИФИИ, ЭТНОПЛЕМЕННАЯ СТРУКТУРА ЕЕ НАСЕЛЕНИЯ И СОСЕДНИЕ С НЕЙ НАРОДЫ

Геродот. «История» в девяти книгах.

IV, 16. Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование. У меня даже нет возможности расспросить кого-либо, кто утверждал бы, что знает это как очевидец. И даже Аристей, о котором я упомянул незадолго перед этим, даже он в своих стихах утверждал, что дошел не дальше исседонов, но о том, что находится выше, он рассказывал по слухам, говоря, что это рассказывают исседоны. Но то, что мы смогли как можно точнее выяснить по слухам, все это будет изложено.

IV, 17. От гавани борисфенитов (она ведь находится в самой середине побережья всей Скифии)[1] — от нее первыми живут каллипиды, которые являются эллино-скифами; над ними — другое племя, которое называется ализоны. И они, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят, а также лук, чеснок, чечевицу и просо. Над ализонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи. Выше этих людей живут невры, а над неврами — земля, обращенная к северному ветру, на всем известном нам протяжении безлюдна. Это племена, обитающие вдоль по течению реки Гипаниса, к западу от Борисфена.

18. Если перейти Борисфен, первая от моря страна — Гилея [2], если же идти вверх от нее, — [там] живут скифы-земледельцы, которых эллины, живущие у реки Гипаниса, называют борисфенитами, а самих себя ольвиополитами. Эти скифы-земледельцы населяют землю к востоку на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап; в сторону северного ветра эта земля простирается на одиннадцать дней плавания вверх по Борисфену. Выше над ними пустыня на большом пространстве. За пустыней живут андрофаги, племя особое и отнюдь не скифское. Страна, находящаяся выше них, уже настоящая пустыня, и никакого человеческого племени там нет на всем известном нам протяжении.

19. К востоку от этих скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пашут; вся эта земля, за исключением Гилеи, — безлесная. Кочевники эти населяют к востоку на расстоянии четырнадцати дней пути страну, простирающуюся до реки Герра.

20. По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и [там] обитают скифы самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых [3], и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют

Кремны [4]. Часть их [владений] доходит до реки Танаиса. Выше земли царских скифов к северному ветру живут меланхлены, племя иное, не скифское. Выше меланхленов — болота и земля, безлюдная на всем известном нам протяжении.

21. Если перейти реку Танаис, то там уже не скифская земля, но вначале область савроматов, которые, начиная от самого дальнего угла озера Меотиды, населяют на расстояние пятнадцати дней пути по направлению к северному ветру страну, лишенную и диких, и культурных деревьев. Выше их живут будины, занимающие другую область, всю поросшую разнообразным лесом.

22. Выше будинов к северу идет сначала пустыня на расстояние более семи дней пути. За пустыней, если отклониться в сторону восточного ветра, живут тиссагеты, племя многочисленное и особое; живут они охотой. Рядом с ними в тех же самых местах обитает племя, имя которому иирки. Они также живут охотой [...], а деревья там в изобилии растут по всей стране [...]. Выше иирков, если отклониться к востоку, живут другие скифы, отложившиеся от царских скифов и по этой причине прибывшие в эту страну.

23. До страны этих скифов вся земля, уже описанная мной, представляет плодородную равнину, а дальше земля каменистая и неровная. Если пройти большое расстояние этой неровной страны, то у подножия высоких гор обитают люди, о которых говорят, что они все — и мужчины, а также женщины — плешивые от рождения, курносые и с большими подбородками; они говорят на особом языке, но носят скифскую одежду. Питаются они плодами деревьев [...]. Ведь скота у них немного, так как сколько-нибудь пригодных пастбищ там нет. Каждый живет под деревом: зимой — покрыв дерево белым войлоком, а летом без войлока. Их не обижает никто из людей, так как говорят, что они священны. У них нет никакого оружия для войны. Именно они разбирают споры соседей, а тот, кто прибегает к ним искать убежища, не терпит ни от кого обид; название этого народа — аргиппеи.

24. Вот до этих плешивых, о земле и о племенах, живущих перед ними, есть ясные сведения, так как до них добирается и кое-кто из скифов, у которых нетрудно разузнать, а также и у эллинов, как из гавани Борисфена, так и из других понтийских гаваней. А скифы, которые к ним прибывают, договариваются с помощью семи переводчиков, на семи языках [5].

25. Так вот пространство до них — известно, а о том, что лежит выше плешивых, никто не может ничего точно сказать, так как горы высокие, недоступные отрезают [этот край], и никто через них не проходит. Эти плешивые рассказывают, — по-моему, они рассказывают недостоверное, — что в горах живут козлоногие мужи; а если перейти через этих людей, то живут люди другие, которые спят в течение шести месяцев. Это я отвергаю с самого начала. А о том, что лежит к востоку

от плешивых, точно известно, что там живут исседоны; о том же, что находится по направлению к северному ветру, выше плешивых и исседонов, неизвестно ничего, кроме того, что они сами рассказывают [...].

27. [...] А о том, что находится выше них, исседоны говорят — там есть одноглазые люди и грифы, стерегущие золото. Переняв от исседонов, это рассказывают скифы, а у скифов позаимствовали мы, прочие, и называем их по-скифски аримаспами; ведь словом «арима» скифы обозначают «одно», а словом «спу» — глаз»[6] [...]

99. Перед скифской землей лежит Фракия, выступающая в море. От залива, образуемого этой землей, начинается Скифия, и здесь в нее втекает Истр, поворачивая устье навстречу юго-восточному ветру. Начиная от Истра, я буду описывать приморскую часть самой скифской страны с целью измерения. От Истра идет уде древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту, населяет племя тавров до полуострова, называемого Скалистым; этот полуостров выдается в море, обращенное в сторону восточного ветра. Ведь две стороны границ Скифии обращены к морю. Одна — к югу, другая — к востоку [...]

100. Далее — от Таврики выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, — живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского и от Меотийского озера до реки Танаис, которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами.

101. Следовательно, у Скифии, — так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря, — равны по величине все стороны: и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. Ибо от Истра до Борисфена — десять дней пути, от Борисфена до Меотийского озера — другие десять; и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, — двадцать дней пути. А однодневный путь, как я прикидываю, составляет по двести стадиев. Таким образом длина Скифии в поперечном направлении составляет 4 000 стадиев и в направлении, ведущем внутрь страны, — еще столько же стадиев. Вот такова величина этой земли.

Перевод И. А. Шишовой
[*Доватур и др. 1982, 107—111, 139—141*]

КОММЕНТАРИЙ

[1] Имеется в виду греческий город Ольвия, располагавшийся в низовьях Днепро-Бугского лимана.

[2] Название это, греческое по происхождению и буквально означающее ‘Полесье’, прилагают обычно к плавням в низовьях Днепра-Борисфена; существуют, однако, и другие варианты идентификации Гилеи.

[3] Этот пассаж — отсылка к содержащемуся в другом месте труда Геродота изложению сюжета, связанного с возвращением скифов из переднеазиатских походов и восходящего, судя по всему, к скифскому фольклору. Ров этот локализуют либо на Перекопском перешейке, либо на Керченском полуострове.

[4] Эта гавань и прилегающее к ней скифское торжище точно не локализованы, но предположительно помещаются где-то в средней части северного побережья Азовского моря.

[5] О существующих в научной литературе толкованиях этого торгового пути см. в главе IV.

[6] Это толкование представляет типичный пример псевдоэтимологии. Точный перевод названия *аримаспы* неизвестен, но в нем, без сомнения, присутствует иранский корень *aspa* — ‘конь’.

3. СВЕДЕНИЯ О НАРОДАХ ЕВРАЗИИ САРМАТСКОЙ ЭПОХИ

Страбон. «География».

II, 5, 31. От Танаиса и Меотиды непосредственно следуют [страны] по сю сторону Тавра [1], а за ними — [лежащие] по ту сторону. Ибо, так как Азия делится надвое горою Тавром [...], то склоняющуюся к северу часть материка эллины называют [лежащею] по сю сторону Тавра, а [склоняющуюся] к югу — [лежащею] по ту сторону [...]. По сю сторону Тавра [...] эти страны занимают, во-первых, меоты-савроматы и [племена, живущие] между Гирканским [морем] и Понтом до Кавказа [...]: савроматы, скифы, ахейцы, зиги и гениохи, а затем над Гирканским [морем] — скифы, гирканы, парфяне, бактры, согдианы...

VII, 3, 17. [...] Самые северные, занимающие равнины между Танаисом и Борисфеном, [называются] роксоланы. Вся северная [страна] от Германии до Каспия, насколько мы ее знаем, представляет равнину; живут ли какие-нибудь [народы] выше роксоланов — нам неизвестно.

XI, 1, 5. Переходя в описании земли от Европы к Азии, мы встречаем сперва северную часть [принятого нами] деления [Азии] на две [части]; поэтому с нее и должны начать [описание]. Из самых этих [северных стран] первыми представляются области по Танаису, который мы приняли границей Европы и Азии [...].

IX, 2, 42. Повествуют же, что так называемые ахейцы на Понте — выселенцы орхоменцев, забредшие туда с Иалменом после взятия Трои [...]

XI, 2, 1. При таком делении первую часть, начиная с северных стран, обращенных к Океану, населяют некоторые скифы, кочующие и живущие в кибитках; ближе их — сарматы, тоже скифское [племя], аорсы и сираки, спускающиеся к югу до Кавказских гор; одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. У [самого] озера живут меоты. У моря [лежит] азиатская часть Боспорского цар-

ства [2] и Синдика, а за ней [живут] ахеи, зиги, гениохи, керкеты и макропогоны (длиннобородые) [...]

XI, 2, 11. К [числу] меотов принадлежат сами синды, [затем] дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обдиакены, ситтакены, доски и многие другие. К ним также относятся и апургианы [3], живущие между Фанагорией и Горгиппией [4] на [пространстве] пятисот стадиев [...]

XI, 2, 12. За Синдикой и Горгиппией идет вдоль моря побережье ахеев, ззигов и гениохов, по большей части не имеющее гаваней, так как оно составляет [уже] часть Кавказа [...] Рассказывают, будто ахейцы-фтиоты из язонова отряда заселили здешнюю Ахею, а Гениохию — лаконцы, которыми предводительствовали возницы Диоскуров, Река и Амфистрат; от них-то, вероятно, гениохи и получили свое название [...]

XI, 5, 7. Спускаясь в предгорья, [мы вступаем] в области, лежащие севернее, но с более умеренным [климатом], так как они соприкасаются уже с равнинами сираков. Есть тут некие троглодиты, живущие вследствие холодов в пещерах; у них уже и хлеб родится в изобилии. За троглодитами [следуют] какие-то народы, называемые хамекитами и многоедами, и селения исадиков, могущих заниматься земледелием, так как живут они не совсем [еще] на севере.

XI, 5, 8. За ними следуют уже кочевники, [живущие] между Меотидой и Каспийским [морем, именно] набианы, панксаны и [затем] уже племена сираков и аорсов. Аорсы и сираки, кажется, беглецы из среды живущих выше [народов] [...] Аорсы живут по Танаису, а сираки по Ахардею, который вытекает с Кавказа в впадает в Меотиду [...]

XI, 6, 2. Для вступающего [в Каспийское море] по правую руку обитают смежные с европейцами скифы и сарматы между Танаисом и этим морем, по большей части кочевники, о которых мы [уже] говорили, а влево — восточные скифы, также кочевники, на всем протяжении до восточного моря и до Индии. Древние эллинские писатели называли все вообще северные народы скифами и кельтоскифами, а еще более древние, различая их [по частям], называли гипербореями, савроматами и аримаспами живущих выше Эвксина, Истра и Адрия [...]

XI, 7, 1. Наши современники называют даями кочевников, живущих на побережье Каспийского моря по левую руку для вплывающего в [него] и называемых также парнами.

Перевод В. В. Латышева
(Вестник древней истории 1947,
№ 4, 248, 259, 266, 268, 271—272, 283—285).

КОММЕНТАРИЙ

[1] Широко принятое в античной географии представление о хребте Тавр, делящем Азию пополам в широтном направлении, контаминирует сведения о нескольких хребтах — малоазийском Тавре, Эльбурсе, Гиндукуше и т. п.

[2] Боспорское царство, располагавшееся на обоих берегах Керченского пролива (древнего Боспора Киммерийского), в античной традиции, а вслед за ней и в современной научной литературе принято делить на две части: Европейский Боспор — это районы Керченского полуострова на западном берегу пролива, а Азиатский — территории на его восточном берегу, прежде всего Таманский полуостров и прилегающие к нему области Прикубанья.

[3] Природа названия *аспургиане* является предметом дискуссий. Оно имеет, бесспорно, иранское происхождение (от слова *aspa* — 'конь') и родственно имени одного из боспорских царей — выходца из варварской (сарматской?) среды Аспурга. В аспургианах видят либо одно из сарматских племен, либо социальную группу воинов-всадников, составлявших опору идущей от Аспурга династии.

[4] Греческий город Фанагория находился на месте современной Тамани, а Горгиппия — на месте Анапы.

4. ЭПОХА ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Ли Лин о хунну.

Весь день я не вижу никого, одно отродье лишь чужое. В кафтане кожаном и юрте войлочной, чтобы защитить себя от ветров и дождей. Вонючая баранина, кумыс — вот чем свой голод, жажду я утоляю... Я ночью уже спать не могу и, ухо склонив, слышу где-то вдали переливы свистулек кочевников. Здесь кони пасутся и жалобно ржут... [1]

Алексеев 1958, 157

КОММЕНТАРИЙ

[1] Китайский полководец Ли Лин, взятый в плен хунну в 99 г. до н. э., получил в управление область Хягас (Хакассию), но в своем стихотворении тосковал о родине и китайских обычаях. Сетование на жизнь в юрте в грубых одеждах можно отнести к стихотворным тропам: Ли Лин отстроил себе дворец (раскопан возле Абакана), а вельможи хунну могли позволить себе щеголять в китайских шелках, которые получали в виде дани. Важен, однако, характерный стереотип — противопоставление варварского быта кочевников быту китайцев в сознании плененного полководца. Отношение китайцев к «северным варварам» было сходным с отношениям к «варварам» носителей античной (а затем византийской) цивилизации. См. ниже описание европейских гуннов у Аммиана Марцеллина.

Аммиан Марцеллин о гуннах. «Римская история». XXXI. 2.

Племя гуннов, о которых древние писатели осведомлены очень мало, обитает за Меотийским болотом[1] в сторону Ледовитого океана и превосходит своей дикостью всякую меру. 2. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезают щеки острым оружием, чтобы задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей или уподобить тем грубо отесанным наподобие человека чурбанам, которые ставятся на краях мостов. 3. При столь диком безобразии человеческого облика, они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть. 4. Никогда они не укрываются в какие бы то ни было здания; напротив, они избегают их, как гробниц, далеких от обычного окружения людей. У них нельзя встретить даже покрытого камышом шалаша. Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду. И на чужбине входят они под крышу только в случае крайней необходимости, так как не считают себя в безопасности под ней. 5. Тело они прикрывают одеждой льняной или сшитой из шкурок лесных мышей. Нет у них разницы между домашним платьем и выходной одеждой; один раз одетая на тело туника грязного цвета снимается или заменяется другой не раньше, чем она расползется в лохмотья от долговременного гниения. 6. Голову покрывают они кривыми шапками, свои обросшие волосами ноги — козьими шкурами; обувь, которую они не выделывают ни на какой колодке, затрудняет их свободный шаг. Поэтому они не годятся для пешего сражения; зато они словно приросли к своим коням, выносливым, но безобразным на вид, и часто, сидя на них на женский манер, занимаются своими обычными занятиями. День и ночь проводят они на коне, занимаются куплей и продажей, едят и пьют и, склонившись на крутую шею коня, засыпают и спят так крепко, что даже видят сны. Когда приходится им совещаться о серьезных делах, то и совещание они ведут, сидя на конях. Не знают они над собой строгой царской власти, но, довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути. 8. Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или

грабили вражеский лагерь. 9. Они заслуживают того, чтобы признать их отменными воителями, потому что издали ведут бой стрелами, снабженными искусно сработанными наконечниками из кости, а сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком. 10. Никто у них не пашет и никогда не коснулся сохи. Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости. Никто у них не может ответить на вопрос, где он родился: зачат он в одном месте, рожден — вдали оттуда, вырос — еще дальше. 11. Когда нет войны, они вероломны, непостоянны, легко поддаются всякому дуновению перепадающей новой надежды, во всем полагаются на дикую ярость. Подобно лишенным разума животным [2], они пребывают в совершенном неведении, что честно, что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту, до того переменчивы и гневливы, что иной раз в один и тот же день отступаются от своих союзников. Без всякого подстрекательства, и точно так же без чьего бы то ни было посредства опять мирятся.

[*Аммиан Марцеллин, 491—492*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Меотийское болото (Меотийское озеро) — традиционное античное наименование Азовского моря.

[2] Сравнение варваров с животными традиционно для античных авторов; ср. ниже в «Повести временных лет» о славянах, живущих «звериньским образом».

5. К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯН

Тацит о венетах.
Германия 46

Я колеблюсь, причислить ли народы певкинов [1], венетов и феннов [2] к германцам или сарматам. Впрочем, певкины, которых некоторые называют бастарнами [3], в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы. Все они живут в грязи, а знать в бездействии. Смешанными браками они обезображивают себя почти как сарматы. Венеты многое усвоили из [их] нравов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами и фенна-

ми. Однако они скорее должны быть отнесены к германцам, поскольку и дома строят, и носят большие щиты, и имеют преимущество в тренированности и быстроте пехоты — это все отличает их от сарматов, живущих в повозке и на коне.

[*Свод, т. 1, 39*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Певкины — кельтский или кельтизированный народ, локализуемый в Карпатах.

[2] Фенны — здесь речь может идти о прибалтийских финнах или, скорее, охотниках — саамах.

[3] Бастарны — кельтизированный народ, здесь отождествляемый с певкинами, соотносится М. Б. Щукиным с носителями зарубинецкой (зарубинецко-поянештской) культуры.

Прокопий Кесарийский о склавинах и антах. История войн. IV. 22—30.

Ведь племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща [1]. А также одинаково и остальное, можно сказать, все у тех и у других, и установлено исстари у этих варваров. Ибо они считают, что один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего [2], и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных. Предопределения же они не знают и вообще не признают, что оно имеет какое-то значение, по крайней мере в отношении людей, но когда смерть уже у них в ногах, охвачены ли они болезнью или выступают на войну, они дают обет, если избегнут ее, сейчас же совершить богу жертву за свою жизнь; а избежав [смерти], жертвуют, что пообещали, и думают, что этой-то жертвой купили себе спасение. Однако, почитают они и реки, и нимф [3], и некоторые иные божества и приносят жертвы также и им всем, и при этих-то жертвах совершают гадания. А живут они в жалких хижинах, располагаясь далеко друг от друга и каждый меняя насколько можно часто место поселения [4]. Вступая же в битву, большинство идет на врагов пешими, имея небольшие щиты и копья в руках, панциря же никогда на себя не надевают; некоторые же не имеют [на себе] ни хитона, ни [грубого] плаща, но, приспособив только штаны, прикрывающие срамные части, так и вступают в схватку с врагами. Есть у тех и у других и единый язык, совершенно варварский. Да и внешностью они друг от друга ничем не отличаются, ибо все они и высоки, и очень сильны, телом же и волосами не слишком светлые и не рыжие, отнюдь не склоняются и к

черноте, но все они чуть красноватые. Образ жизни [их] грубый и неприхотливый, как и у массагетов [5], и, как и те, они постоянно покрыты грязью, — впрочем, они менее всего коварны или злокозненны, но в простоте [своей] они сохраняют гуннский нрав. Да и имя встарь у склавинов и антов было одно. Ибо и тех и других издревле звали «спорами», как раз из-за того, я думаю, что они населяют страну, разбросанно расположив свои жилища. Именно поэтому они и занимают неимоверно обширную землю [6]: ведь они обретаются на большей части другого берега Истра.

[*Свод, т. 1, 183—185*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Народовластие («демократия») у славян здесь противопоставляется государственной системе власти в Византии — единовластию («монархии»).

[2] Речь идет о верховном боге славянского (в том числе древнерусского) пантеона, громовержце Перуне.

[3] Нимфы — античное наименование духов водных источников, деревьев и других природных объектов, которым поклонялись славяне-язычники; женские духи источников в славянской мифологии именовались *вилами*.

[4] Частая смена мест для поселения объясняется примитивной системой подсечного земледелия и быстрым истощением почв, используемых под пашню.

[5] Здесь массагетами — собирательным (наряду с этниконом *скифы* и т. п.) наименованием кочевых народов в античной традиции — называются гунны, «нрав» которых приписывается Прокопием и славянам.

[6] *Споры* — наименование, встречающееся лишь у Прокопия и, возможно, отражающее локальное название какой-либо славянской группировки: «народная этимология», предлагаемая Прокопием, основана на реалиях быта славян.

Иордан о венетах и народах Северного Причерноморья. «Гетика». 1. 34—37

[...] от истока реки Вистулы на огромных пространствах обитает многочисленное племя венетов. Хотя теперь их названия меняются в зависимости от различных родов и мест обитания, преимущественно они все же называются славянами и антами.

Славяне живут от города Новиетуна [1] и озера, которое называется Мурсианским [2], вплоть до Данастра [3] и на севере до Висклы [4]; болота и леса заменяют им города [5]. Анты же, самые могущественные из них, там, где Понтийское море делает дугу, простираются от Данастра вплоть до Данапра [6]. Эти реки удалены друг от друга на много переходов.

А у побережья Океана, где тремя устьями поглощаются воды реки Вистулы, живут видиварии, соединившиеся из различных племен; за ними берегом Океана владеют также эсты [7], во всех отношениях мир-

ный род людей. К югу от них живет могущественнейший народ акатциров [8], не знающий земледелия, питающийся скотом и дичью.

За ними выше Понтийского моря простираются места обитания булгар, которых сделали известнейшими несчастия, [причиненные ими] по грехам нашим. Там уже хунны, словно плодороднейший дерн, [порождающий] могущественнейшие народы, разрастаются двумя свирепыми народами — ныне одни называются альтциагирами [9], другие — савирами; однако они имеют различные места обитания. Альтциагиры, которые летом кочуют по степям, на обширных пространствах в зависимости от [того, куда] повлечет [их] корм для скота, зимой возвращаясь к Понтийскому морю, [живут] возле Херсоны [10], куда алчный купец возит добро из Азии. Хунугуры [11] же известны оттого, что от них идет торговля пушниной.

[*Свод, т. 1, 107—109*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Новиетун — Новиодун на правом берегу Дуная.
[2] Мурсианское озеро — локализация неясна.
[3] Данастр — Днестр.
[4] Вискла, Вистула — Висла.
[5] Речь идет об отсутствии у славян городов в античном смысле слова и устройстве ими поселений в «диких» местах.
[6] Данапр — Днепр.
[7] Эсты — здесь речь идет о западнобалтских (прусских?) племенах, скорее, чем о прибалтийских финнах (предках эстонцев).
[8] Акациры — одно из гуннских племенных объединений.
[9] Альтциагиры, наряду с савирами, — одно из «гуннских» объединений.
[10] Херсона — Херсонес Таврический.
[11] Хунугуры, оногуры — одно из «гуннских» племенных объединений.

«Повесть временных лет» о расселении славян.

Иафету же достались северные страны и западные: Мидия, Албания, Армения Малая и Великая, Каппадокия, Пафлагония, Галатия, Колхида, Боспор, Меоты, Деревия, Сарматы, жители Тавриды, Скифия, Фракийцы, Македония, Далматия, Малосия, Фессалия, Локрида, Пеления, которая называется также Пелопоннес, Аркадия, Эпир, Иллирик, Словене, Лихнития, Адриакия, Адриатическое море [1]. Достались и острова: Британия, Сицилия, Эвбея, Родос, Хиос, Лесбос, Китира, Закинф, Кефаллиния, Итака, Керкира, часть Азии, нарицаемая Иония, и река Тигр, текущая между Мидией и Вавилоном; до Понтийского моря на север Дунай, Днестр и Кавкасинские горы, то есть Угорские, а оттуда до Днепра, и прочие реки: Десна, Припять, Двина, Волхов, Волга, которая течет на

восток, в часть Симову [2]. В Иафетовой же части сидят русь, чудь и всякие языки: меря, мурома, весь, мордва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимегола, корсь, летгола, любь. Ляхи же, и пруссы, чудь сидят близ моря Варяжского. По этому же морю сидят варяги: отсюда к востоку до предела Симова, по тому же морю сидят и к западу до земли Аглийской и до Волошской. Иафетово колено также: варяги, свеи, урмане, готы, русь, англы, галичане, волхва, римляне, немцы, корлязи, венецианцы, фряги и прочие, ти же сидят от запада до юга и соседят с племенем Хамовым [...]

Спустя много времени сели словени по Дунаю, где есть ныне Угорская земля и Болгарская. И от тех словен разошлись по земле и прозвались именами своими, от мест на которых сели. Так одни, пришедши сели на реке именем Морава и прозвались морава, а другие нареклись чехами. А вот те же словене: хорваты белые [3] и сербы и хорутане [4]. Когда же волохи напали на словен дунайских, и сели среди них и насилие творили им, словене эти пришли, сев на Висле, и прозвались ляхи, а от тех ляхов прозвались поляне, другие ляхи — лютичи, иные — мазовшане, иные — поморяне.

Так же и те словене, что пришли и сели по Днепру и нареклись поляне, а другие — древляне, потому что сели в лесах; а другие сели между Припятью и Двиною и нареклись дреговичи; иные сели на Двине и нареклись полочане по имени речки, что впадает в Двину, имянем Полота, от нее прозвались полочане. Словене же сели около озера Ильменя и прозвались своим именем и сделали град и нарекли его Новгород. А другие сели по Десне, и по Семи, по Суле, и нареклись север. И так разошелся словенский язык [...]

Поляне же жили в те времена особо и владели родами своими, ибо и до сей братии были поляне, и жили кождый со своим родом и на своих местах, владея каждый родом своим. И были братья: одному имя Кий, а другому Щек, а третьему Хорив, и сестра их Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев, а Щек сидел на горе, которая ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, от него же прозвалась Хоревица. И построили град в честь брата своего старейшего, и нарекли имя ему Киев. Был около града лес и бор велик, и ловили там зверей, были мужи мудры и смыслены, нарицались поляне, от них же есть поляне в Киеве и до сего дня [...]

И после этой братии стал род их держать княжение у полян, а у древлян было свое княжение, а у дреговичей свое, а у словен свое в Новгороде, а другое на Полоте, у полочан. От них же кривичи, что сидят в верховьях Волги, и в верховьях Двины и в верховьях Днепра, их же град — Смоленск; там и сидят кривичи. Дальше от них (?) сидят северяне. На Белоозере сидит весь, а на Ростовском озере меря, а на Клещине озере меря же. А по Оке реке, там где она впадает в Волгу, — мурома с языком своим, и черемисы со своим языком, мордва со своим

языком. Есть только словенский язык в Руси: поляне, деревляне, новгородцы, полочане, дреговичи, север, бужане, что сидели по Бугу, после же стали называться волыняне. А вот иные языки, что дань дают Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, норома, либь: эти имеют свой язык, будучи от колена Иафетова, и живут в странах северных.

Когда же словенский язык [...] жил на Дунае, пришли от скифов, то есть от хазар [5], так называемые болгары и сели по Дунаю, и были поселенцами в земле словен. Потом пришли угры белые и наследовали землю словенскую. Эти угры появились при Ираклии царе, и ходили на Хосрова, царя персидского [6]. В те же времена были и обры, что ходили на Ираклия царя и чуть было его не пленили. Эти обры воевали и против словен и притесняли дулебов, бывших словенами, и насилие творили женам дулебским: собираясь в поездку, обрин не давал впрячь коня или вола, но велел впрячь трех, четырех или пять жен в телегу и повезти обрина, и так мучали дулебов. Были обры телом велики и умом горды, и Бог истребил их, и умерли все, и не осталось ни единого обрина. И есть притча в Руси и до сего дня: «Погибоша аки обре»; их же нет ни племени, ни потомства. После обров пришли печенеги, а затем прошли угры черные мимо Киева, уже после — при Олеге.

Поляне же жили особо [...] и были от рода словенского, и нареклись поляне, а деревляне происходили от словен же, и нареклись древляне; радимичи же и вятичи — от рода ляхов. Были 2 брата у ляхов — Радим, а другой Вятко, и пришли и сели Радим на Соже, и от него прозвались радимичи, а Вятко сел с родом своим по Оке, от него же прозвались вятичи. И жили в мире поляне, и деревляне, и север, и радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы жили по Бугу, где ныне волыняне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру, возле Дуная. Было множество их; сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились грады их и до сего дня, а греки звали их «Великая Скифия» [7].

Имели обычаи свои, и закон отцов своих и предания, и каждые — свой нрав. Поляне имеют своих отцов обычай кроток и тих, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями своими; перед свекровями и деверями великую стыдливость имеют, а брачный обычай имеют такой: не ходит зять за невестой, но приводят ее накануне, а назавтра приносят за нее, что дают. А древляне жили звериным образом, по-скотски: убивали друг друга, ели все нечистое, и брака у них не было, но умыкали у воды девиц [8]. И радимичи, и вятичи, и север один обычай имели: жили в лесу, как и всякий зверь, ели все нечистое, и срамословили перед отцами и перед снохами, и браков не было у них, но игрища между селами: сходились на игрища, на плясанье и на всякие бесовские песни, и тут умыкали жен себе по сговору; имели же по две и по три жены. И если кто умирал, творили тризну над ним, и потом творили кладку [дров] великую, и возлагали его на кладку, мер-

твеца сжигали, и потом, собравши кости, складывали в сосуд малый, и ставили на столпе на путях, что творят вятичи и ныне [9]. Эти же обычаи творили кривичи и прочие поганые, не ведавшие закона Божьего, но творившие сами себе закон.

(*Перевод с уточнениями по книге: ПВЛ, 2-е изд., 7—11.*)

КОММЕНТАРИЙ

[1] В список стран, заимствованный в «Хронике» Георгия Амартола и включающий Кавказ (Армения, Албания Кавказская), Северное Причерноморье (Сарматы, Скифия) и Балканы, летописец вставил славян вслед за Иллириком, дунайской провинцией Византии.

[2] Вслед за островами, которые Амартол выделял в соответствии с библейской традицией («острова народов» в части Иафета), летописец перечисляет географические реалии «полунощных стран» — Восточной Европы, смешивая Кавказские горы с Угорскими (Венгерскими) — Карпатами. Волга течет в «жребий Симов», так как соединяет Русь со странами мусульманского (арабского) Востока.

[3] Хорваты белые — часть хорватского племенного объединения, видимо, переселившегося на Балканы в VII в.

[4] Хорутане — славянское население Каринтии.

[5] Традиционное отождествление кочевых народов причерноморских степей, в данном случае хазар, со скифами заимствовано летописцем из «Хроники» Амартола.

[6] Угры-венгры (ниже — «черные угры») смешаны здесь с хазарами или оногурами («белыми уграми» у Амартола).

[7] Великая Скифия — традиционное обозначение в греческой традиции причерноморских степей.

[8] Умыкание — один из традиционных брачных обычаев, несовместимый с христианским пониманием брака.

[9] Летописец дает описание языческого обряда трупосожжения, характерного для общеславянской (праславянской) культуры в языческий период. Археологи фиксируют остатки кладки погребального костра; обычай установки урны «на столпе» археологически не прослеживается.

6. ТЮРКСКИЙ КАГАНАТ И ТЮРКИ

Китайская хроника «Чжоу шу» об обычаях тюрков (тукю, туцзюе) в середине VI в.

[После 552 г. к власти в Тюркском каганате пришел Муюй-хан Кигинь]. Кигинь [...] привел в трепет все владения, лежащие за границею [1]. С востока от Корейского залива на запад до западного моря [...] с юга от Песчаной степи на север до Северного моря [2] [...] — все сие пространство земли находилось под его державою. Он сделался соперником Срединному царству [...] Обычаи тукюесцев: распускают волосы, левую полу наверху носят [3]; живут в палатках и войлочных юртах,

переходят с места на место, смотря по достатку в траве и воде; занимаются скотоводством и звериною ловлею; питаются мясом, пьют кумыс; носят меховое и шерстяное одеяние. Мало честности и стыда; не знают ни приличия, ни справедливости, подобно древним хунну [4]. При возведении государя на престол, ближайшие важные сановники сажают его на войлок, и по солнцу кругом обносят девять раз. При каждом разе чиновники делают поклонение перед ним. По окончании поклонения сажают его на верховую лошадь, туго стягивают ему горло шелковой тканью, потом, ослабив ткань, немедленно спрашивают: сколько лет он может быть ханом? [5] [...] Из оружия имеют: роговые луки с свистящими стрелами, латы, копья, сабли и палаши. [...] помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы. Письмен не имеют [6]. Количество требуемых людей, лошадей, податей и скота считают по зарубкам на дереве. Вместо предписания на бумаге, употребляется стрела с золотым копьецом, с восчаною печатью. Обыкновенно пред полнолунием производят набеги и грабительства. По их уголовным законам: бунт, измена, смертоубийство, прелюбодеяние с женою чьею-либо, похищение спутанной лошади — наказываются смертью. За увечье в драке платят вещами, смотря по увечью. Повредивший глаз повинен отдать дочь, а если нет дочери, должен отдать женино имущество; изувечивший какой-либо член тела платит лошадь; укравший лошадь и другие вещи платит в десять крат против стоимости покражи. Тело покойника полагают в палатке. Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву; семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях, потом перед входом в палатку ножом надрезывают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают. Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сожигают: собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу [...] В день похорон, также как и в день кончины, родные предлагают жертвы, скачут на лошадях и надрезывают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой, вывешивают их головы на вехах. В этот день и мужчины, и женщины в нарядных платьях собираются на кладбище; если мужчине понравится девушка, то по возвращении в дом он посылает сватать ее, и родители редко отказывают. По смерти отца, старших братьев по отце женятся на мачехах, невестках и тетках [7]. Постоянного местопребывания нет, но каждый имеет свой участок земли [надо полагать: пастбища]. Хан всегда живет у гор Дугинь [8]. Вход в его ставку с востока,

из благоговения к стране солнечного восхождения. Ежегодно он со своими вельможами приносит жертву в пещере предков [...]. Пьют кобылий кумыс и упиваются допьяна. Поют песни, стоя лицом друг к другу. Поклоняются духам, веруют в волхвов [шаманов]. За славу считают умереть на войне, за стыд — кончить жизнь от болезни [9].

[*Бичурин 1950, т. 1, 229—231*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] К северу от Великой китайской стены.

[2] Озеро Байкал.

[3] Этот обычай носить запашную одежду отличал «варваров» от китайцев.

[4] Ср. выше описание нравов гуннов у Аммиана Марцеллина — представителя «западной» античной цивилизации.

[5] Обряд интронизации правителя у тюрков напоминает обряд посвящения (инициации) шамана. Тот же обряд приписывает ал-Масуди хазарам. Из тех же китайских и арабских источников известно, что правитель (каган) не был просто «сакральным» царем и сроки его правления определялись политическими событиями, но не ритуалом. Возможно, описание инициации тюркского правителя восходит к фольклорному мифоэпическому сюжету.

[6] Речь идет о китайской письменности — рунические знаки не считались настоящим письмом.

[7] Подобные браки (в частности, левиратный — женитьба на супруге покойного брата) заключались с той целью, чтобы жена и ее имущество оставались внутри рода. С распадом родоплеменных отношений стали считаться безнравственными, характеризующими дикие обычаи варваров. Ср. ниже отношение древнерусского летописца к брачным обычаям языческих славян.

[8] На Алтае (?).

[9] Характерное для эпохи «варварства» противопоставление героической гибели (обеспечивающей посмертную славу и пребывание в воинском «рае») естественной смерти: ср. слова русского князя Святослава — «Мертвые срама не имут».

Византийский автор VI в. Агафий о савирах.

Этот народ... весьма жаден и до войн и до грабежа, любит проживать вне дома на чужой земле, всегда ищет чужого, ради одной лишь выгоды и надежды на добычу присоединяясь, в качестве участника войны и опасностей, то к одному, то к другому и превращаясь из друга в врага.

Агафий, 116—117

7. ХАЗАРИЯ И НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Еврейско-хазарская переписка о народах Хазарии. Ответное письмо царя Иосифа (пространная редакция).

Я сообщаю тебе, что я (происхожу) от сынов Иафета, из потомства Тогармы. Так я нашел в родословных книгах моих предков, что у Тогармы было десять сыновей; вот их имена: первенец — Авийор; второй — Турис, третий — Аваз, четвертый — Угуз, пятый — Биз-л, шестой — Т-р-на, седьмой — Хазар, восьмой — Янур, девятый — Б-лг-р, десятый — Савир. Я (происхожу) от сыновей Хазара, седьмого (из сыновей) [...] Я тебе сообщаю, что я живу у реки, по имени Итиль, в конце реки Г-р-гана. Начало (этой) реки обращено к востоку на протяжении 4 месяцев пути. У (этой) реки расположены многочисленные народы в селах и городах, некоторые в открытых местностях, а другие в укрепленных (стенами) городах. Вот их имена: Бур-т-с, Бул-г-р, С-вар, Арису, Ц-р-мис, В-н-н-тит, С-в-р, С-л-виюн. Каждый народ не поддается точному исследованию, и им нет числа. Все они мне служат и платят дань. Оттуда граница поворачивает по пути к Хуварезму (доходя) до Г-р-гана. Все живущие по берегу этого моря на протяжении одного месяца пути, все платят мне дань. А еще на южной стороне С-м-н-д-р в конце страны Т-д-лу [1], пока граница не поворачивает к «Воротам», (т.е.) к Баб-ал-Абвабу, а он расположен на берегу моря. Оттуда граница поворачивает к горам. Азур [2], в конце (страны) Б-г-да, С-риди, Китун, Ар-ку, Шаула, С-г-с-р-т, Ал-бус-р, Ухус-р, Киарус-р, Циг-л-г, Зуних, расположенные на очень высоких горах, все аланы до границы Аф-кана, все живущие в стране Каса и все племена Киял, Т-к-т, Г-бул, до границы моря Кустандины, на протяжении двух месяцев пути, все платят мне дань. С западной стороны — Ш-р-кил [3],С-м-к-р-ц, К-р-ц, Суг-рай, Алус, Л-м-б-т, Б-р-т-нит, Алубиха, Кут, Манк-т, Бур-к, Ал-ма, Г-рузин. Эти (местности) расположены на берегу моря Кустандины, к западной (его) стороне. Оттуда граница поворачивает к северной стороне, (к стране) по имени Б-ц-ра [4]. Они расположены у реки по имени Ва-г-з [5]. Они живут в открытых местностях, которые не имеют стен. Они кочуют и располагаются в степи, пока не доходят до границы (области) Х-г-риим [6]. Они многочисленны как песок, который на берегу моря во множестве. Все они служат (мне) и платят мне дань. Место расположения их и место жительства их простирается на протяжении 4 месяцев пути. Знай и уразумей, что я живу у устья реки, с помощью Всемогущего. Я охраняю устье реки и не пускаю Русов, приходящих на кораблях, приходить морем, чтобы идти на измаильтян, и (точно также) всех врагов их на суше приходить в «Воротам». Я веду с ними войну. Если бы я их оставил (в покое) на один час, они уничтожили бы всю страну измаильтян до Багдада и до страны... Досюда (доходят) мои пределы и власть моего государства.

[*Коковцов 1932, 91—102*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Значительная часть перечисляемых в письме Иосифа этниконов и топонимов не поддается определенной интерпретации (см. главу IX) — неясно, что следует понимать под страной (?) Т-д-лу, где расположен Самандар — Семендер, и т. д.

[2] За упоминанием топонима *Азур*, очевидно, следует перечисление местностей на Северном Каказе.

[3] *Ш-р-кил* надежно отождествляется с Саркелом, хазарской крепостью на Дону; соответственно *С-м-к-р-ц* традиционно увязывается с Таматархой — Тмутараканью, *К-р-ц* — с Керчью, *Суг-рай* — с Сугдеей (совр. Судак), прочие топонимы — с другими населенными пунктами Крыма. Вызывает сомнение упоминание Мангупа (это место в рукописи испорчено) и отождествление местности Г-рузин с Гурзуфом (см. [*Коковцов* 1932, 100—110]).

[4] *Б-ц-р-а* — вероятно, искаженное имя печенегов.

[5] *Юз-г* краткой редакции письма; традиционно отождествляется с Днепром.

[6] *Х-г-риим* — венгры.

8. НАРОДЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И РУСЬ

Захария Ритор о народах, обитающих к северу от Каспийских ворот Кавказа. «Хроника». Книга 12, глава 7.

Базгун [1] земля со [своим] языком, которая примыкает и простирается до Каспийских ворот и моря, находящихся в пределах гуннских. За воротами [живут] бургары [2] со [своим] языком, народ языческий и варварский, у них есть города, и аланы, у них пять городов. Из пределов Даду [3] живут в горах, у них есть крепости. Авнагур [4] — народ, живущий в палатках. Авгар, сабир, бургар, алан, куртаргар, авар, хасар, дирмар, сирургур, баграсик, кулас, абдел, ефталит — эти тринадцать народов живут в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверьми и оружием. Вглубь от них [живет] народ амазраты и люди-псы; на запад и на север от них [живут] амазонки, женщины с одной грудью; они живут сами по себе и воюют с оружием и на конях. Мужчин среди них не находится, но если желают прижить, то они отправляются мирно к народам по соседству с их землей и общаются с ними около месяца и возвращаются в свою землю. Если они рождают мужской пол, то убивают его, если женский, то оставляют и таким образом они поддерживали свое положение. Соседний с ними народ ерос, мужчины с огромными конечностями, у которых нет оружия и которых не могут носить кони из-за их конечностей. Дальше на восток, у северных краев есть еще три черных народа.

[*Пигулевская* 2000, 568].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Земля Базгун едва ли может быть отождествлена со страной абасгов-абхазов, так как расположена у Каспийских ворот — Дербента.

[2] Булгары впервые упомянуты здесь рядом с аланами на Северном Кавказе.

[3] Пределы Даду — Дагестан.

[4] Большая часть последующего списка народов с единым типом окончания (*-ар*, *-ур*, *-ир*) находит аналогии среди этнонимов, относимых древними авторами к гуннскому и тюркскому племенным объединениям, начиная с *авнагур/аунагур* — оногуров. «Белыми гуннами» именуются в источниках абдел и эфталиты.

Ибн Русте о славянах и русах

(1) ... И между странами печенегов и славян расстояние в 10 дней пути. В самом начале пределов славянских находится город, называемый Ва. т (Ва. ит)[1]. Путь в эту сторону идет по степям (пустыням?) и бездорожным землям через ручьи и дремучие леса. Страна славян — ровная и лесистая, и они в ней живут. И нет у них виноградников и пахотных полей. И есть у них нечто вроде бочонков, сделанных из дерева, в которых находятся ульи и мед. Называется это у них улишдж [2], и из одного бочонка добывается до 10 кувшинов меду. И они народ, пасущий свиней, как (мы) овец. Когда умирает у них кто-либо, труп его сжигают. Женщины же, когда случится у них покойник, царапают себе ножом руки и лица. На другой день после сожжения покойника они идут на место, где это происходило, собирают пепел с того места и кладут его на холм [3]. И по прошествии года после смерти покойника берут они бочонков двадцать или больше меда, отправляются на тот холм, где собирается семья покойного, едят там и пьют, а затем расходятся. И если у покойника было три жены и одна из них утверждает, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец (веревки) завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает. И все они поклоняются огню. Большая часть их посевов из проса. Во время жатвы они берут ковш с просяными зернами, поднимают к небу и говорят: «Господи, ты который (до сих пор) снабжал нас пищей, снабди и теперь нас ею в изобилии».

Есть у них разного рода лютни, гусли и свирели. Их свирели длиной в два локтя, лютня же восьмиструнная. Их хмельной напиток из меда. При сожжении покойника они предаются шумному веселью, выражая радость по поводу милости, оказанной ему богом [4]. Рабочего скота у них немного, а лошадей нет ни у кого, кроме упомянутого [ниже]

человека. Оружие их состоит из дротиков, щитов и копий, другого оружия они не имеют. Глава их коронуется, они ему повинуются и от слов его не отступают. Местопребывание его находится в середине страны славян. И упомянутый глава, которого они называют «главой глав», зовется у них свт-малик [5], и он выше супанеджа, а супанедж является его заместителем (наместником). Царь этот имеет верховых лошадей и не имеет другой пищи, кроме кобыльего молока. Есть у него прекрасные, прочные и драгоценные кольчуги. Город, в котором он живет, называется Джарваб [6], и в этом городе ежемесячно в течение трех дней проводится торг, покупают и продают. В их стране холод до того силен, что каждый из них выкапывает себе в земле род погреба, к которому приделывают деревянную остроконечную крышу, наподобие христианской церкви, и на крышу накладывают землю. В такие погреба переселяются со всем семейством и, взяв дров и камней, разжигают огонь и раскаляют камни до высшей степени, их обливают водой, отчего распространяется пар, нагревающий жилье до того, что снимают даже одежду. В таком жилье остаются до весны. Царь ежегодно объезжает их. И если у кого из них есть дочь, то царь берет себе по одному из ее платьев в год, а если сын, то также берет по одному из платьев в год. У кого же нет ни сына, ни дочери, тот дает по одному из платьев жены или рабыни в год. И если поймает царь в своей стране вора, то либо приказывает его удушить, либо отдает под надзор одного из правителей на окраинах своих владений [7].

(2) II [...] Что же касается ар-Русийи, то она находится на острове, окруженном озером. Остров, на котором они (русы) живут, протяженностью в три дня пути, покрыт лесами и болотами, нездоров и сыр до того, что стоит только человеку ступить ногой на землю, как последняя трясется из-за обилия в ней влаги [8]. У них есть царь, называемый хакан русов [9]. Они нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают. Они не имеют пашен, а питаются лишь тем, что привозят из земли славян. Когда у них рождается сын, то он (рус) дарит новорожденному обнаженный меч, кладет его перед ребенком и говорит: «Я не оставлю тебе в наследство никакого имущества и нет у тебя ничего, кроме того, что приобретешь этим мечом». И нет у них недвижимого имущества, ни деревень, ни пашен. Единственное их занятие — торговля соболями, белками и прочими мехами, которые они продают покупателям. Получают они назначенную цену деньгами и завязывают их в свои пояса. Они соблюдают чистоту своих одежд, их мужчины носят золотые браслеты. С рабами они обращаются хорошо и заботятся об их одежде, потому что торгуют ими. У них много городов [10], и живут они привольно. Гостям оказывают почет, и с чужеземцами, которые ищут их покровительства, обращаются хорошо, так же как и с теми, кто часто

у них бывает, не позволяя никому из своих обижать или притеснять таких людей. Если же кто из них обидит или притеснит чужеземца, то помогают и защищают последнего.

Мечи у них сулеймановы [11]. И если какое-либо их племя, род [поднимается против кого-либо], то вступаются все они. И нет тогда [между ними] розни, но выступают единодушно на врага, пока его не победят. И если один из них возбудит дело против другого, то зовет его на суд к царю, перед которым [они] и препираются. Когда же царь произнес приговор, исполняется то, что он велит. Если же обе стороны недовольны приговором царя, то по его приказанию дело решается оружием [мечами] и, чей из мечей острее, тот и побеждает. На этот поединок родственники [обеих сторон] приходят вооруженные и становятся. Затем соперники вступают в бой, и кто одолеет противника, выигрывает дело[12].

Есть у них знахари, из которых иные повелевают царем, как будто бы они их [русов] начальники. Случается, что они приказывают принести жертву творцу их тем, чем они пожелают: женщинами, мужчинами, скотом. И если знахари приказывают, то не исполнить их приказания никак невозможно. Взяв человека или животное, знахарь накидывает ему на шею петлю, вешает жертву на бревно и ждет, пока она не задохнется, и говорит, что это жертва богу.

Они храбры и мужественны и, если нападают на другой народ, то не отстают, пока не уничтожат его полностью. Побежденных истребляют или обращают в рабство. Они высокого роста, статные и смелые при нападениях. Но на коне смелости не проявляют и все свои набеги, походы совершают на кораблях.

[Русы] носят широкие шаровары, на каждые из которых идет по сто локтей материи. Надевая такие шаровары, собирают их в сборку до колен, к которым затем и привязывают. Никто из них не испражняется наедине, но обязательно сопровождают [руса] трое его товарищей и оберегают его.

Все они постоянно носят мечи, так как мало доверяют друг другу, и коварство между ними дело обыкновенное. Если кому из них удается приобрести хоть немного имущества, то родной брат или товарищ его тотчас начнет ему завидовать и пытаться его убить или ограбить.

Когда у них умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежды и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда же множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заточении.

[*Новосельцев 1965, 387—389, 397—398*].

КОММЕНТАРИЙ

[1] Помещается в области вятичей (вентичей), реже отождествляется с Киевом.

[2] Улей (?)

[3] Видимо, неточное описание обряда погребения праха под курганом; ср. описанное Нестором-летописцем помещение урны с прахом «на столпе».

[4] Описание самоубийства любимой жены и веселья на похоронах у язычников (огнепоклонников) — славян и руси — характерная особенность восточных авторов.

[5] Некоторые исследователи усматривают в этом титуле собственное имя моравского князя Святополка.

[6] Местоположение не идентифицировано.

[7] Древнейшее описание функций славянского князя — сбор дани во время полюдья и суд над подданными.

[8] Остров или полуостров русов (эти части суши не различаются в арабских географических описаниях) надежно не локализуется: возможно, на информацию восточных авторов повлияли античные представление об острове Туле в северной части Океана или рассказы о происхождении руси из-за моря.

[9] Русские князья уже в первой трети IX в. претендовали на титул хакана — кагана.

[10] Это сообщение мало соответствует предыдущему описанию быта руси: вместе с тем скандинавы уже в X в. называли Русь *Гарды* — ‘Грады’, видимо, перенося на страну название поселков, где кормилась у славян русская дружина.

[11] Наименование мечей высокого качества, достойного самого библейского царя Соломона-Сулеймана. На Руси пользовались, в основном, мечами франкского производства. Мусульмане ценили русские мечи и грабили могилы павших во время походов русов, чтобы добыть ценное оружие.

[12] Судебный поединок характерен для «варварских правд», в том числе для русского средневекового права.

ЛИТЕРАТУРА

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГСП — Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры.
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа.
БСИ — Балто-славянские исследования.
ВВ —Византийский временник.
ВДИ — Вестник Древней истории.
ВИ — Вопросы истории.
КБН — Корпус боспорских надписей.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.
МИАЭТ — Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии. Симферополь.
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
ПВЛ — Повесть временных лет.
ПЛДР XIII в. — Памятники литературы Древней Руси. XIII в.
ПРП — Памятники русского права.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РА — Российская археология.
СА — Советская археология.
СЭ — Советская этнография.
Свод — Свод древнейших письменных известий о славянах.
СлРЯ XI—XIV вв. — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв.
ЭССД — Этнолингвистический словарь «Славянские древности».
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков.

*ИСТОЧНИКИ**

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М.; Л., 1953.
Алексеев В. М. Китайская классическая проза. М., 1958.
Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.
Бибиков М. В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997.
**Бичурин Н. Я*. (*Иакинф*). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 1—3. М., 1950—1953.
Галл Аноним. Хроника. М., 1961.
**Голб Н., Прицак О*. Хазарско-еврейские документы X в. 2-е изд. М.; Иерусалим, 2003.

* Звездочкой отмечены работы, рекомендуемые для дальнейшего изучения истории народов России в древности и раннем Средневековье.

Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1993.
**Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
**Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Ч. 2. М., 1967.
**Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
Иосиф Флавий. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко под ред. А. Ковельмана. М.; Иерусалим, 1993.
Исторические песни. Ч. 2. М.; Л., 1966.
**Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921/922 г. Харьков, 1956.
Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
**Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.
**Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. (2-е изд. М., 1991).
*Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965.
**Латышев В. В.* Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. I—II. СПб., 1890—1906. (Переизд. см.: ВДИ. 1947. № 1—4. 1948. № 1—4. 1949. № 14. 1952. № 2. (2-е изд. СПб., 1992—1993).
Лев Диакон. История. М., 1988.
**Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX—XI вв. М., 1993.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Памятники литературы Древней Руси. XIII в. Л., 1981.
*Повесть временных лет. Т. 1—2. М.; Л., 1950. (2-е изд.: СПб., 1996).
**Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2003.
Понырко Н. В. Эпистолярное наследие Древней Руси. XI—XIII вв.: Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992.
Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
**Прокопий Кесарийский.* Война с готами. М., 1950.
Памятники русского права. Т. 1. М. 1952.
Полное собрание русских летописей. Т. 1—41. СПб.—Л.—М., 1841—1995.
*Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1—2. М., 1991—1995.
Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.
Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1957.
**Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М.; Л., 1949.
Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. М., 1965.
**Абаев В. И.* К вопросу о прародине и древних миграциях индоиранских народов // Древний восток и античный мир: Сб. ст. М., 1972.
Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979.

Абаев В. И. Геродотовские Skythai Georgoi // *Абаев В. И.* Избранные труды. Т. 1: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990.
Абрамова М. П. К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа // СА. 1978. № 1.
Авдусин Д. А., Пушкина Т. А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1982. № 1.
Авенариус А. «Государство Само»: Проблемы археологии и истории // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств. М., 1987. С. 66—74.
Авенариус А. Авары и славяне: «Держава Само» // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991. С. 26—37.
**Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
Айбабин А. И., Герцен А. Г., Храпунов И. Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МИАЭТ. В. III. 1993. С. 211—222.
Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
Алексеева Т. И. Славяне и германцы в свете антропологических данных // ВИ. 1974. № 3. С. 56—67.
**Алексеев А. Ю.* Скифская хроника: (Скифы в VII—IV вв. до н. э.: историко-археологический очерк). СПб., 1992.
**Алексеев В. П.* Этногенез. М., 1986.
**Алексеев А. Ю., Качалова Н. К., Тохтасьев С. Р.* Киммерийцы: этнокультурная принадлежность. СПб., 1993.
Аликберов А. К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М., 2003.
Амброз А. К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII в. // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 10—22.
Амброз А. К. О Вознесенском комплексе VIII в. на Днепре — вопрос интерпретации // Древности эпохи Великого переселения народов V—VIII веков. М., 1982. С. 204—222.
Андреева М. В. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. 1977. № 1.
Андреева М. В. Традиционные проблемы и новые пути их решения // РА. 1990. № 4.
Аничков Е. В. Язычество и древняя Русь. М., 2003.
Античные города Северного Причерноморья: Очерки истории и культуры. Вып. I. М.; Л., 1955.
Артамонов М. И. Происхождение скифского искусства // СА. 1968. № 4.
Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы (от появления на исторической арене до конца IV в. до н. э.). Л., 1974.
**Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962. 2-е изд.: Спб., 2002.

Арутюнов С. А., Сергеев Д. А. Древние культуры азиатских эскимосов. М.; Л., 1969.*Арутюнов С. А.* Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.
**Арутюнов С. А.* Народы и культуры: развитие и взаимодействие. М., 1989.
Архипов А. По ту сторону Самбатиона: Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X—XVI вв. Berkeley, 1995.

Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э. Праболгары на Средней Волге. Самара, 1998.

Бадаланова-Покровская Ф. К. «Основание царства» в болгарских средневековых представлениях // Механизмы культуры. М., 1990. С. 137—151.

Базен Л. Человек и понятие истории у тюрков центральной Азии в VIII в. // Зарубежная тюркология. М., 1986. С. 294—344.

Балто-славянские исследования. М., 1981—1997.

Баран В. Д. Утворення Києво-Руської держави та етнокультурні процеси // Археологічні студії. 1. Київ; Чернівці, 2000. С. 25—43.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963.

Бейлис В. М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х гг. X в.// Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 21—31.

Белозер В. П. О сущности скифского Герроса // Киммерийцы и скифы. Ч. 1. Кировоград, 1987.

Березанская С. С. и др. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Бибиков М. В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 30—36.

Бибиков М. В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 69—167.

Бирнбаум X. Праславянский язык: Достижения и проблемы его реконструкции. М., 1987.

Бицилли П. М. Два лика евразийства // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993. С. 279—292.

Блаватский В. Д. О северной границе Скифии Геродота // Древности Восточной Европы. М., 1969.

**Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.* От Скифии до Индии: Древние арии: мифы и история. 2-е изд. М., 1983.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М., 1983.

Брюсов А. Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952.

Брюсов А. Я. Об экспансии «культур с боевыми топорами» в конце III тыс. до н. э. // СА. 1961. № 3.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.

**Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.

Буданова В. П. Этнонимия скифских, синдо-меотских и алано-сарматских племен времени Великого переселения народов // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. М., 1993.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская культура // Археология СССР: Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности. М., 1999.

Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966.

Вайнштейн С. И. Мир кочевников центра Азии. М., 1991.

Вакуленко Л. В., Приходнюк О. М. Этнокультурные процессы в Карпатском бассейне и Подунавье в период раннего Средневековья (V—VII вв.) // Славяне и Русь (в зарубежной историографии). Киев., 1990. С. 79—99.

Великий Волжский путь: Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 2001.

Вестберг Ф. Комментарий на Записку Ибрагима ибн-Якуба. СПб., 1903.

Васильевский В. Г. Труды. Т. I—III. Пб., 1915.

Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996.

Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996а.

Винников А. З., Плетнева С. А. На Северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998

Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса. VII—I вв. до н. э.: Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.

Виноградов Ю. Г. Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I, 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.

Виноградов Ю. А. и др. Сарматы и гибель «Великой Скифии» // ВДИ. 1997. № 3.

Волжская Болгария и Русь. Казань, 1986.

Вольфрам Г. Готы. Сиб., 2002.

[*Вук Караджич*]. Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987.

Габуев Т. А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999.

Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996.

Гавритухин И. О. Начало великого славянского расселения на юг и запад // Археологічні студії. 1. Київ; Чернівці, 2000. С. 72—90.

**Гадло А. В.* Этническая история Северного Кавказа IV—IX вв. Л., 1979.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. СПб., 1994.

Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949.

Галанина Л. К. Келермесские курганы: (Степные народы Евразии). Т. 1. М., 1997.

**Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I—II. Тбилиси, 1984.

Гафуров Б. Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.

Генинг В. Ф. и др. Синташта: Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Т. 1. Челябинск, 1992.

Гиндин Л. А. Значение лингво-филологических данных для изучения ранних этапов славянизации карпато-балканского пространства // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987. С. 22—26.

Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.

Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века / Науч. ред., послесл. и коммент. В. Я. Петрухина. М., 2003.

Голубева Л. А. Белоозеро и волжские болгары // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 40—43.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь. Петрозаводск, 1991.

Граков Б. Н. GUNAIKOKRATOUMENOI (Пережитки матриархата у сарматов) // Вестник древней истории. 1947. № 3.

**Граков Б. Н.* Скифы. М., 1971.

Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.
Грантовский Э. А. Индо-иранские касты у скифов // XXV Междунар. конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР. М., 1960.
**Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
Грантовский Э. А. «Серая керамика», «расписная керамика» и индоиранцы // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.
**Грантовский Э. А., Раевский Д. С.* Об ираноязычном и «индоарийском» населении Северного Причерноморья в античную эпоху // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.
Греков Б. Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1959.
Григорьев Г. П. Верхний палеолит // Каменный век на территории СССР: МИА. Вып. 166. М., 1970.
Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.
Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1994.
**Грязнов М. П.* К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. Вып. 154. М., 1978.
Грязнов М. П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1993.
Гурвич И. С. Проблемы происхождения чукчей, коряков и ительменов // Этногенез народов севера. М., 1980. С. 211—226.
Гущина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье // Российская археологическая библиотека. Вып. 1. СПб., 1994.
Дайм Ф. История и археология авар // МИАЭТ. Вып. IX. Симферополь, 2002. С. 273—384.
Дандамаев М. А. Данные вавилонских документов VI—V вв. до н. э. о саках // ВДИ. 1977. № 1.
Даньшин Д. И. Фанагорийская община иудеев // ВДИ. 1993. № 1. С. 59—72.
Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1986.
Деревянко Е. И. Племена Приамурья I тыс. н. э. Новосибирск, 1981.
Десятчиков Ю. М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4.
Дини Пьетро У. Балтийские языки. М., 2002.
Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975.
Древняя Русь: Город, замок, село. Археология СССР / Под ред. Б. А. Рыбакова. М., 1985.
*Древняя Русь: Быт и культура М., 1997.
Дубов И. В. Залесский край. СПб., 1999.
Дыбо В. А., Терентьев В. А. Ностратическая макросемья и проблемы ее временной локализации // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 5. М., 1984.
Дьяконов А. П. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939. № 4. С. 83—90.

Дьяконов И. М. Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа: (К методике исследования исчезнувших языков) // ВДИ. 1970. № 4.

**Дьяконов И. М.* К методике исследований по этнической истории: («Киммерийцы») // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). М., 1981.

**Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. Ч. I, II // ВДИ. 1982. № 3, 4.

Дьяконов И. М. Сравнительное языкознание, история и другие смежные науки // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 2. М., 1984.

Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно-славянский словарь. М., 1993.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1977.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

Евразийское пространство: Звук, слово, образ. Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2003.

Ельницкий Л. А. Скифские легенды как культурно-исторический материал // СА. 1970. № 2.

Журавлев А. Ф. Материальная культура древних славян по данным праславянской лексики // Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 116—144.

Завадская С. В. Возможности источниковедческого изучения «праздников»-«пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и Средневековье: Тезисы докл. М., 1990. С. 54—56.

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // X съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988. С. 164—177.

Зарубежная тюркология: Сб. ст. / Сост. С. Г. Кляшторный. Вып. 1. М., 1986.

Засецкая И. П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2. М., 1967.

Иванов В. В. Латынь и славянские языки: Проблемы взаимодействия // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989. С. 25—35.

Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права // VIII Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1978. С. 221—240.

Иванов В. В., Топоров В. Н. К истокам славянской социальной терминологии // Славянское и балканское языкознание. М., 1984. С. 87—98.

Иванов В. В., Топоров В. Н. О древних славянских этнонимах // Из истории русской культуры. 2000. Т. 1. С. 413—440.

Иванов С. А. Откуда начинать этническую историю славян? // Сов. славяноведение. 1991. № 5.

Иванов С. А. Византийское миссионерство. М., 2003.

Иванова О. В., Литаврин Г. Г. Славяне и Византия // Раннефеодальные государства на Балканах. VI—XII вв. М., 1985. С. 34—98.

Иванчик А.И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. Ч. I: Киммерийские памятники Передней Азии // ВДИ. 1994. № 3.
Иванчик А. И. К вопросу об этнической принадлежности и археологической культуре киммерийцев. Ч. II: «Раннескифские» находки в Малой Азии // ВДИ. 1995. № 1.
Иванчик А. И. Киммерийцы: Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII—VII веках до н. э. М., 1996.
Иессен А. А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л., 1947.
Иессен А. А. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на Юге Европейской части СССР: (Новочеркасский клад) // СА. Вып. XVIII. М., 1953.
*Из истории русской культуры. Т. 1: Древняя Русь. М., 2000.
Иллич-Свитыч В. М. Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971.
Иловайский Д. И. Начало Руси. М., 1996.
Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—V вв. до н. э. Киев, 1983.
История Византии. Т. 2. М., 1967.
История Востока. М., 1995. Т. 2.
История Европы. Т. 1—2. М., 1988—1992.
История первобытного общества. Т. 2: Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986.
История Сибири. Т. 1. М., 1967.
История татар. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002.
Истрин В. М. «Хроника Георгия Амартола» в древнем славяно-русском переводе. Т. 1—3. Пг.; Л., 1920—1930.
Исчезнувшие народы / Под ред. П. И. Пучкова. М., 1988.
Казанский М. М. О балтах в лесной зоне России в эпоху Великого переселения народов // Археологические вести. № 6. СПб., 1999. С. 404—419.
Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах руси времен Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976.
Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX в. // История СССР. № 4. 1986. С. 68—82.
Калинина Т. М. Термин «люди дома» («ахл ал-байт») по отношению к обществу русов у Ибн Фадлана // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992—1993. М., 1995. С. 134—139.
Калинина Т. М. Вантит средневековых арабских писателей: попытки идентификации // Восточная Европа в древности и Средневековье: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2000. С. 198—207.
Карышковский П. О. Лев Диакон о Тмутараканской Руси // ВВ. Вып. XVIII. М., 1960. С. 39—51.
Каменецкий И. С. Археологическая культура: ее определение и интерпретация // СА. 1970. № 2.
Каменецкий И. С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
Кирпичников А. Н., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Русь и варяги // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 189—297.
Кланица З., Тржештик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и в Полабье // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 7—26.
Клейн Л. С. Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
Клейн Л. С. Легенда Геродота об азиатском происхождении скифов и Нартский эпос // ВДИ. 1975. № 4.
Климов Г. А. Несколько картвельских индоевропеизмов // Этимология. 1979. М., 1981.
Ключевский В. О. Сочинения. Т. 1. М., 1987.
Ключевский В. О. Сочинения. Т. 6. М., 1989.
**Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи Евразии. СПб., 1994.
**Кляшторный С. Г.* История Центральной Азии и памятники русского письма. Спб., 2003.
**Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы: Века и народы. М., 1984.
Ковалевская В. Б. Роль скифов в этногенезе местных северокавказских племен // Мацне: Историческая серия. № 3. Тбилиси, 1985.
**Ковалевская В. Б.* Археологическая культура: Практика, теория, компьютер. М., 1995.
Козенкова В. И. Кобанская культура Кавказа // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.
Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. Л., 1986.
Коновалова И. Г. Восточные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 169—258.
Корзухина Г. Ф. Русские клады. М.; Л., 1954.
Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в сер. I тыс. н. э. // СА. Вып. XXII. 1955. С. 61—82.
Короглы Х. Г. Этногенетические мифы древних тюрков // Народы Азии и Африки. 1972. № 1. С. 135—138.
Королюк В. Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего Средневековья. М., 1985.
Корсунский А. Р., Гюнтер Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984.
Косвен М. О. Амазонки: История легенды // СЭ. 1947. № 2. С. 33—59.
Косарев М. Ф. Некоторые вопросы этнической истории Западной Сибири // Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. Вып. 46. М., 1954.
Кропоткин В. В. К топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 111—117.
Крыласова Н. Б. Подвеска со знаком Рюриковичей из Рождественского могильника // РА. 1995. № 4. С. 192—197.
Крюков М. В. «ЛЮДИ», «НАСТОЯЩИЕ ЛЮДИ» (к проблеме исторической типологии этнических самоназваний) // Этническая ономастика. М., 1984.
Крюков М. В. и др. Китайский этнос на пороге Средних веков. М., 1979.

Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.
Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII веках // СА. 1973. № 2.
**Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. Владикавказ, 1992.
Кузнецов В. А. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. М., 1997. С. 153—176.
**Кузьмина Е. Е.* Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М., 1994.
Куклина И. В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.
Кулаков В. И. Пруссы (V—XIII вв.). М., 1994.
Культура Византии. Т. 1.
Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н. э.: Сб. ст. / Под ред. В. А. Сташенкова. Самара, 1996.
Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Вып. 2. СПб., 1878.
Кызласов Л. Р. История Тувы. М., 1979.
**Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997.
Ладога и ее соседи в эпоху Средневековья. СПб., 2002.
Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
Лебедев Г. С. Комментарий к статье I Русской правды Краткой редакции // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1987. С. 78—84.
Левинская И. А. Чтущие Бога Высочайшего в надписях из Танаиса // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 129—145.
Лелеков Л. А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. № 3.
Леонтьев А. Е. Городище Выжегша и происхождение Выжегшеского клада // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., 1988. С. 94—102.
Леонтьев А. Е. Археология мери. М., 1996.
Лимборская С. А., Хуснутдинова Э. К., Балановская Е. В. Этногеномика и геногеография народов Восточной Европы. М., 2002.
Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX — начало XI в.). М., 2000.
Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.
Лозе И. А. Этнокультурная ситуация в бассейне верхнего и среднего течения Даугавы и Днепра в эпоху ранней бронзы // Uralo-Indogermanica. Вып. I. М., 1990. С. 95—100.
Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М., 2003.
Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран: Очерки истории культуры. М., 1987.
Львов А. С. Лексика Повести временных лет. М., 1975.
Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства // МИА. Л., 1968. № 152.
Макарий, митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви. Т. 1—7. М., 1994—1996.
Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993.

Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси. М., 1999.
Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск, 1989.
Марковин В. И. Спорные вопросы в этногенетическом изучении Северного Кавказа (майкопская культура) // СА. 1990. № 4.
Марсина Р. Славяне и мадьяры // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 106—116.
Махортых С. В. Киммерийцы на Северном Кавказе. Киев, 1994.
Мачинский Д. А. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников // АСГЭ. Вып. 13. Л., 1971.
Мачинский Д. А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II половине VII в. до н. э. — I в. н. э. // АСГЭ. Вып. 16. Л., 1974.
Медведев А. П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья). Воронеж, 1990.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Комментарий // Константин Багрянородный. М., 1991. С. 291—332.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства // ВИ. 1989. № 8. С. 24—38.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X—XI вв.: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 56—69.
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чудь // БСИ. 1988—1996. М., 1997. С. 40—50.
Мельникова Е. А. Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации. М., 2001.
Мелюкова А. И. Скифообразные памятники в Средней Европе // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1987.
Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979.
**Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
Милитарев А. Ю. Воплощенный миф: «Еврейская идея» и цивилизации. М., 2003.
Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Т. 1. М., 1993.
**Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963.
**Мишин Д. Е.* Сакалиба: Славяне в исламском мире. М., 2002.
Могильников В. А. К вопросу об этнической общности обских угров в I тыс. н. э. // СА. 1974. № 2. С. 68—72.
Могильников В. А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981. С. 29—43.
Моора Х. А. О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2. С. 9—33.
Мошкова М. Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.

Мошкова М. Г. История изучения савромато-сарматских племен // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Мошкова М. Г.[(a)] Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Археология СССР: Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.

Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Мунчаев Р. М. Майкопская культура // Археология: Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994

Мыльников А. С. Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI — начала XVIII века. СПб., 1996.

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 5—138.

Назаренко А. В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. М., 1999. С. 259—406.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Назарова Е. Л. Из истории взаимоотношений ливов с Русью (X—XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 177—184.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск, 1997.

Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951.

Насонов А. Н. История русского летописания. М., 1969.

Наумов Е. П. Становление и развитие сербской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. М., 1985. С. 189—218.

Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994.

Неолит Северной Евразии / Отв. ред. С. В. Ошибкина. М., 1996.

**Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.

Никольский Н. К. Повесть Временных лет как источник для начального периода русской письменности и культуры. Л., 1930.

**Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI—IX вв. // *Новосельцев А. П. и др.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355—419.

Новосельцев А. П. К вопросу об одном из древнейших титулов русского князя // История СССР. 1982. № 4. С. 150—159.

Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1988. С. 55—76.

**Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) Городище. Л., 1990.

Обломский А. М. Днепровское лесостепное левобережье в позднеримское и гуннское время. М., 2002.

Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.

Оверман Э. и др. К изучению иудейских древностей Херсонеса Таврического // Археологія. 1997. № 1. С. 57—63.

Оранский И. М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979.

Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958.

*Первобытная периферия классовых обществ до начала Великих географических открытий. М., 1988.

Петрашенко В. О. До проблеми археологічноі інтерпретаціі літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 181—187.

Петренко В. Г. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. Вып. 23. Л., 1989.

Петренко В. Г. Скифы на Северном Кавказе // Археология СССР. Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989а.

Петренко В. П. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII—X вв. СПб., 1994.

Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX—XI вв. Смоленск; М., 1995.

Петрухин В. Я. Варяжская женщина на Востоке: жена, рабыня или «валькирия»? // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 31—43.

Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 11—410.

Петрухин В. Я. История хазар и сага Артура Кестлера о тринадцатом колене // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 1. М., 2000. С. 303—308.

**Пигулевская Н. В.* Средневековая сирийская историография. СПб., 2000.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья: Поиски исторических закономерностей. М., 1982.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1986.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. М., 2000.

**Погребова М. Н.* К вопросу о миграции ираноязычных племен в Закавказье в доскифскую эпоху // СА. 1977. № 2.

**Погребова М. Н., Раевский Д. С.* Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М., 1992.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). СПб., 1996.

Полин С. В. От Скифии к Сарматии. Киев, 1992.

Полосьмак Н. В. «Стерегущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994.

Поплинский Ю. К. К истории возникновения термина «этнос» // СЭ. 1973. № 1. С. 128—134.

**Попов А. И.* Названия народов СССР. Л., 1973.

Попова Т. Б. Происхождение поздняковской культуры // Археологический сборник // Тр. / Гос. Исторический музей. Вып. 37. М., 1960.

Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986—898 годах) // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 202—240.

Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX—XX вв. Л., 1970.

Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М., 1988.

Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // Материалы по археологии России. Вып. 31. СПб., 1911.

Приходнюк О. М. Категории памятников, топография, планировка // Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990. С. 209—219.

Приходнюк О. М. Взаємовідносини слов'ян — предків українців з сусідніми народами у ранньому середньовіччі // Давня и середньочна історія України. Кам'янець-Подільский, 2000. С. 212—218.

Прицак О. И. Происхождение названия RUS/RUS' // Вопросы языкознания. 1991. № 6. С. 115—131.

Пряхин А. Д. и др. Вантит. Воронеж, 1997.

Раевский Д. С. Очерки идеологии скифо-сакских племен: Опыт реконструкции скифской мифологии. М., 1977.

**Раевский Д. С.* Модель мира скифской культуры. М., 1985.

Раевский Д. С. Четырехугольная Скифия (к анализу природы и судеб образа) // Фольклор и этнографическая действительность. СПб., 1992.

Раннесарматская культура // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. М., 1997.

Раушенбах В. М. Фатьяновское погребение на неолитической стоянке Николо-Перевоз // Археологический сборник // Тр. / Гос. Исторический музей. Вып. 37. М., 1960.

Рапопорт Ю. А., Неразик Е. Е., Левина Л. М. В низовьях Окса и Яксарта. Образы древнего Приаралья. М., 2000.

Рашев Р. О генезисе болгарского раннесредневекового города // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2б. М., 1987. С. 30—36.

**Рогов А. И., Флоря Б. Н.* Формирование самосознания древнерусской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья. М., 1982. С. 96—119.

Ростовцев М. И. Эллинство и иранство на Юге России. Пг., 1918.

**Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. М., 1976.

Руденко С. М. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952.

Рыбаков Б. А. Древние русы // СА. Вып. XVII. 1953. С. 23—104.

Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979.

Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М., 1982.

Рындина Н. В., Дегтярева А. Д. Энеолит и бронзовый век: Учебное пособие по курсу «Основы археологии». М., 2002.

Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб., 1997.

Савинов Д. Г. Первые этнонимы в этнической истории Южной Сибири и вопросы их археологической идентификации // Проблемы этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986.

Савроматская эпоха // Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. М., 1994.

Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

Свердлов М. Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983.

Сводеш М. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов// Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.

Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

**Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982.

Седов В. В. Венгры в Восточной Европе // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. М., 1987.

Седов В. В.[а] Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных государств и народностей. М., 1987. С. 16—21.

Седов В. В. Балты и финно-угры в древности // Uralo-Indogermanica. Ч. I. М., 1990. С. 89—94.

Седов В. В. Славяне в древности. М., 1994.

Седов В. В. Славяне в раннем Средневековье. М., 1995.

Седов В. В. Контакты балтов с финноязычными племенами в эпоху раннего железа // Балто-славянские исследования. 1988—1996. М., 1997.

Седов В. В. Древнерусская народность. М., 1999.

**Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

Скифские погребальные памятники степей Северного Причерноморья. Киев, 1986.

*Славяне и скандинавы. М., 1986.

*Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — первой половине I тыс. н. э. М., 1993.

Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1—2. М., 1995—1999.

Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. 1. М., 1989.

Смирнов К. Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. № 1.

**Смирнов К. Ф.* Савроматы: Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.

**Смирнов К. Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Сокровища Приобья / Под ред. Б. И. Маршака и М. Крамаровского. СПб., 1996.

Соловьев А. В. Византийское имя России // ВВ. Вып. XII. М., 1958. С. 134—155.

Соломоник Э. И. Древнейшие еврейские общины и поселения в Крыму // Евреи Крыма: Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 9—22.

Сонкина С. Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. СПб., 2000.

Ставиский Б. Я., Яценко С. А. Искусство и культура древних иранцев. М., 2002.

Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: Этнокультурные связи. М., 1988.

Старостин С. А. Сравнительно-историческое языкознание и лексикостатистика // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989.

*Степи Евразии в эпоху Средневековья. М., 1981.

*Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989.

Сюзюмов М. Я. К вопросу о происхождении слова *Ῥώς*, *Ῥωία*, Россия // ВДИ. 1940. № 2. С. 122—123.

Татищев В. Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 1. М., 1994.

Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976.

Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Тиандер К. Датско-русские исследования. Вып. 3. Пб., 1915.

Тихомиров М. Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // СЭ. Т. VI—VII. М.; Л., 1947. С. 60—80.

Тихомиров М. Н. Древняя Русь. М., 1975.

Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987.

Толстов С. П., Итина М. А. Саки низовьев Сырдарьи (по материалам Тагискена) // СА. 1966. № 2.

Толстой Н. И. Древняя славянская письменность и становление этнического самосознания у славян // Развитие этнического самосознания у славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982. С. 236—249.

Толстой Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести Временных лет» // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 441—447.

Топоров В. Н. О космологических источниках раннеисторических описаний // Труды по знаковым системам. Вып. 6. Тарту, 1973. С. 106—150.

Топоров В. Н. Oium Иордана (Getica, 27—28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 128—241.

Топоров В. Н. К реконструкции древнейшего состояния праславянского языка // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988. С. 264—292.

Топоров В. Н. Еще раз о названии Волга // Studia Slavica. М., 1991.

Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. М., 1995.

Топоров В. Н. К вопросу о древнейших балто-финноугорских контактах по материалам гидронимии // БСИ. 1988—1996. М., 1997.

Топоров В. Н. Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 276—292.

Тохтасьев С. Р. «Киммерийская топонимия». Ч. I. // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970.

Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности. М., 1991. С. 87—106.

**Трубачев О. Н.* Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Советское языкознание. 1976. № 6. С. 48—67.
Трубачев О. Н. Славянская этимология и праславянская культура // X Международный съезд славистов: Славянское языкознание. М., 1988. С. 292—347.
Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье: Реконструкция реликтов языка: Этимологический словарь. М., 1999.
Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. М., 2002.
Трубецкой Н. С. История, культура, язык. М., 1995.
Туголуков В. А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 152—176.
Успенский Ф. И. История Византийской империи. М., 1997.
Ушинскас В. Роль культуры штрихованной керамики в этногенезе балтов // Славяне: этногенез и этническая история. Л., 1989. С. 62—67.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I—IV. М., 1986—1987.
Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.
*Финно-угры и балты в эпоху Средневековья / Под ред. В. В. Седова. М., 1987.
Флеров В. С. О социальном строе в Хазарском каганате // Социальная дифференциация общества. М., 1992. С. 119—133.
Флеров В. С. Раннесредневековые юртообразные жилища Восточной Европы. М., 1996.
Флоровский Г. В. Евразийский соблазн // Россия между Европой и Азией. М., 1993. С. 237—266.
Сказания о начале славянской письменности / Вступ. ст., пер. и коммент. Б. Н. Флори. М., 1981.
Флоря Б. Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян. М., 1992.
Флоря Б. Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII—XV вв. (к вопросу о зарождении восточнославянских народностей) // Этническое самосознание славян в XV в. М., 1995. С. 10—37.
Фодор И. Некоторые общие черты славянских и венгерских поселений раннего Средневековья // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2б. М., 1987. С. 109—113.
Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959.
**Формозов А. А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
Формозов А. А. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2002.
Франклин С., Шепард Дж. Начало Руси. СПб., 2000.
[*Фредегар*]. Chronicorum quae dicuntur Fredegarii Scholastici libri IV / Ed. B. Krusch. MGH. V. II. 1988. P. 144—145.
Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979.
**Хайду П.* Уральские языки и народы. М., 1985.
Хелимский Е. А. Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей // БСИ 1988—1996. М., 1997. С 224—249.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика: Лекции и статьи. М., 2000.
Хлобыстин Л. П. Святилища острова Вайгач // Древности славян и финно-угров. СПб., 1992. С. 164—169.
Цукерман К.: Венгры в стране Лебедии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 гг. // МИАЭТ. В. VI. Симферополь., 1998.С. 663—688.
Чекин Л. С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI—XIII вв. // Славяноведение. 1994. № 3. С. 34—42.
Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. М., 2000. Т. 1. С. 691—716.
Черненко Е. В. Скифо-персидская война. Киев, 1984.
Чичуров И. С. Политическая идеология Средневековья: Византия и Русь. М., 1990.
Членова Н. Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. Вып. 194, М., 1988.
Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
**Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919.
Шахматов А. А. Повесть временных лет и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. М.; Л., 1940. С. 5—150.
Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.
Шинаков Е. А. Образование Древнерусского государства: Сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002.
Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.
Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
Шульц П. Н. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму: Постановка проблемы // Проблемы скифской археологии. М., 1971.
Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. М., 1997.
**Щукин М. Б.* На рубеже эр: Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э. — I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб., 1994.
*[Эпоха бронзы] Археология СССР: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987.
Эрдели И. Археология Венгрии VI—XI вв. // Археология Венгрии. М., 1986. С. 310—346.
Этимологический словарь славянских языков. Т. 1—23. М., 1974—1996.
Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1984—1989 годов. М., 1993.
Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М., 1998.
Янин В. Л. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород, 2001
Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV в. н. э. (локализация и политическая история) // Петербургский археологический вестник. № 6. СПб., 1993.

Anderson A. B. Alexander's Gates, Gog and Magog and the Enclosed Nations. Cambr., Mass., 1932.
Birnbaum H. Aspects of the Slavic Middle Age and Slavic Renaissance Culture. N. Y., 1989.
Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et Iraniens. Leiden, 1977.
Ghirshman R. Tombe princière de Ziwiye et le début de l'art scythe. P., 1979.
Starostin S. Nostratic and Sino-Caucasian // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Ч. 1. М., 1989.
Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzuge. Leipzig, 1903.
Noonan Th. The First Major Silver Crisis in Russia and the Baltic. P. 875—900 // Hikuin, 1985. № 11. P. 41—50.
Noonan Th. S. The Vikings in the East: Coins and Commerce // Developments Around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. Stockholm, 1994.
Thulin A. The Southern Origin of the Name Rus // Les pays du nord et Byzance. Uppsala, 1981. P. 175—186.

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНОНИМОВ

* Составитель И. И. Соколова.

Владимир Яковлевич Петрухин
Дмитрий Сергеевич Раевский

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ НАРОДОВ РОССИИ
В ДРЕВНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Издатель А. Кошелев

Корректор Е. Н. Зоткина

Художественное оформление переплета
С. Жигалкина и Ю. Саевича

Художник-консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 03.12.2003. Формат 70x100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Schoolbook.
Усл. печ. л. 33,54. Заказ №

Издательство «Знак».
Юр. адрес: 107078, Москва, Мясницкий проезд, д. 2/1.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: Lrc-kozlov@mtu-net.ru, Lrc@comtv.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ **http://www.lrc-press.ru**
http://www.lrc-mik.narod.ru

*